Свт. Димитрий Ростовский

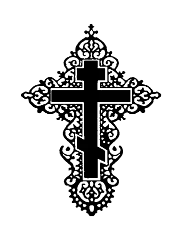
ЖИТИЯ СВЯТЫХ

III

НОЯБРЬ

Святитель Димитрий, митрополит Ростовский.

XVIII в.



ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ,

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ

ИЗЛОЖЕННЫЯ ПО РУКОВОДСТВУ

ЧЕТЬИХЪ-МИНЕЙ св. ДИМИТРІЯ РОСТОВСКАГО

КНИГА ТРЕТЬЯ

НОЯБРЬ

«Ковчег»
Москва
2010

Разрешено к печати
Издательским Советом
Русской Православной Церкви

Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского. Книга третья. Ноябрь. — М.: «Ковчег», 2010. — 784 с., ил.

Данное издание представляет собой новый набор дореволюционного текста, напечатанного в Московской синодальной типографии в 1904–1911 гг., в современном правописании с заново подобранными иллюстрациями. Цитаты из Священного Писания приведены, за исключением некоторых, на русском языке (Синодальный перевод). Приложен список старинных мер длины и денежных единиц.

ISBN 5-98317-164-X

МИНЕИ-ЧЕТЬИ

НА

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Молитва
(из предисловия к Житиям святых)

Скажи ми безвестная и тайная премудрости Твоея́, на Тя бо уповаю, Боже, да Ты ми просветиши ум и мысль светом разума Твоего не то́кмо прочести́ написанная, но и творити я, да не в грех себе учения и жития святых прочитаю, но в обновление и просвещение и в спасение души моей и в провожение в вечную жизнь.

День первый

ЖИТИЕ И ЧУДЕСА
СВЯТЫХ БЕССРЕБРЕНИКОВ И ЧУДОТВОРЦЕВ
КОСМЫ и ДАМИАНА

Святые Косма и Дамиан, братья по плоти, были родом из Азии[1]. Отец их был язычник, мать же, по имени Феодотия, — христианка. Пребывая по смерти своего мужа во вдовстве и проводя время в усерднейшем служении Христу, она всю свою жизнь посвятила на то, чтобы благоугодить Богу. И была она, как та вдовица, которую восхваляет апостол: *истинная вдовица и одинокая надеется на Бога и пребывает в молениях и молитвах день и ночь* (1 Тим. 5, 5). Живя богоугодно сама, она научила тому же и возлюбленных детей своих, Косму и Дамиана, ибо воспитала их в добром наставлении вере христианской и в изучении Божественных Писаний и наставила их на всякую добродетель. Придя в совершенный возраст и утвердившись

---

[1] *Азия*, иначе *Асия*, — это наименование употреблялось в древности не в одинаковом смысле. Первоначально оно означало небольшую, обильную водами, болотистую равнину в Лидии, то есть средину западной части нынешнего Малоазийского полуострова, на восточном берегу Эгейского моря. Римляне делили упомянутый полуостров на две, приблизительно равные, части: одну, северо-восточную, лежащую при Черном море (Понте Евксинском), называли Понтом, другую, юго-западную, называли собственно Асией; каждая часть делилась на несколько (не всегда одинаковое число) провинций; по утверждении христианства каждая из последних делилась, в свою очередь, в церковном отношении, на несколько епископий (еще в Апокалипсисе упоминается о семи Асийских Церквах — гл. 1, ст. 4, 11). С течением времени наименование Азии стали прилагать ко всему нынешнему Малоазийскому полуострову, наконец — ко всей вообще части света, лежащей на востоке от нашей Европы, на одном с ней материке.

в непорочной жизни, по закону Господню, Косма и Дамиан были как бы два светильника на земле, сияющие добрыми делами. Они получили от Бога дар исцелений и подавали здравие душам и телам, врачуя всякие болезни, исцеляя всякий недуг и всякую язву среди людей и изгоняя злых духов. Они подавали помощь не только людям, но и скоту, и ни от кого ничего не брали за это: ибо они делали все это не ради прибытка, не для обогащения золотом и серебром, но ради Бога, желая через любовь к ближним выразить свою любовь к Нему. И не своей славы искали они этим врачевством среди людей, но славы Божией, и исцеляли недуги для прославления имени Господа, даровавшего им такую силу врачевания. Они избавляли от болезней не столько травами, сколько именем Господним, без платы и награды, даром, во исполнении Христовой заповеди: *даром получили, даром давайте* (Мф. 10, 8). Поэтому они и получили от верующих наименование безмездных врачей и бессребреников. Пройдя так добродетельно поприще своей жизни, они мирно и благочестно скончались. Они прославились многими чудесами не только в течение своей жизни, но и по смерти, и суть теплые предстатели и добрые целители наших болезней, душевных и телесных.

О нестяжательности их и безмездном врачевании есть такое сказание.

Некоторая женщина, по имени Палладия, в течение многих лет лежала на одре болезни и не получала никакой помощи от различных врачей. Услышав о святых Косме и Дамиане, что они исцеляют всякие болезни, она послала к ним с просьбою, чтобы они посетили ее пред смертию. Святые, вняв этой просьбе, пошли в дом ее, и тотчас эта женщина, по вере своей, получила исцеление чрез пришествие к ней святых врачей и встала здоровою, славя Бога за дарование Своим рабам таковой благодати исцелений. Из благодарности к

своим врачам за это благодеяние, она хотела сделать им подарок. Но они не брали ничего, никогда и ни от кого, ибо не продавали благодати, которую имели от Бога. Женщина вознамерилась умолить, по крайней мере, одного из них, чтобы принял от нее самый малый дар; взяв три яйца, она пришла тайно к святому Дамиану и заклинала его Богом, чтобы он взял от нее эти три яйца во имя Святой Троицы. Дамиан, слыша имя Триединого Бога, взял от женщины этот малый дар, ради той великой клятвы, которою она закляла его. Святой Косма, узнав потом об этом, очень опечалился и пред своею кончиною сделал завещание, чтобы не погребали Дамиана возле него, ибо он нарушил заповедь Господню и принял от женщины награду за исцеление.

Святой Косма почил о Господе, а с течением времени пришел час кончины и Дамиана, и он преставился от временной жизни к вечной.

Люди были в затруднении — где погребать Дамиана, ибо знали о завещании святого Космы и не смели положить возле него брата его.

В то время как они недоумевали, внезапно пришел верблюд, который был прежде бесноватым и получил исцеление от святых. Он проговорил человеческим голосом, чтобы не сомневались положить Дамиана близ Космы, так как он взял от женщины три яйца не ради награды, но ради имени Божия.

Таким образом, честные мощи их были положены вместе, в так называемом Феремане[1].

Однажды, во времена жатвы, один из жителей тех мест вышел жать на ниву свою. Изнемогши от солнечного зноя и намереваясь отдохнуть, он пошел под дуб, лег и крепко уснул. Во время сна ему чрез открытый рот вползла змея. Пробудившись, земледелец сразу не почувствовал никакой боли, так что снова принялся за работу на своей ниве. С наступлением же вечера, когда земледелец пришел домой и после ужина лег на постель, то почувствовал страшную боль от того, что змея начала терзать его внутренности. Больной, не вы-

---

[1] *Фереман* находился в Месопотамии на два дня пути от Амида (по-турецки называемый Диар-Бекира, в верховьях реки Тигра) и был разрушен турками при первых завоеваниях их; при этом мощи святых Космы и Дамиана перенесены были в Амид, где почивают и доныне.

нося страданий, стал кричать, чем пробудил от сна всех домашних. Последние, подойдя к больному и видя его страшные мучения, ничем, однако, не могли помочь; они даже не могли понять, что это была за болезнь. Тогда больной, не получив никакой помощи от окружавших, прибег к скорым помощникам Косме и Дамиану и воскликнул: «Святые врачи, Косма и Дамиан, помогите мне!» Святые тотчас поспешили со своею помощью: больной крепко заснул, и во время сна изо рта выползла змея. Видавшие это чудо ужаснулись и прославили святых угодников. Когда змея выползла, муж тот тотчас пробудился и, с помощью святых бессребреников, выздоровел совершенно.

Был в том месте другой муж, по имени Малх. Он жил близ храма святых врачей, Космы и Дамиана, в Фермане. Намереваясь отправиться в далекий путь, он повел свою жену к храму и сказал ей:

— Вот я ухожу в далекий путь, тебя же вручаю под защиту Космы и Дамиану: оставайся дома, пока не пришлю тебе условленный знак о себе, который ты признаешь за мой. И если Бог восхощет, то пришлю тебе этот знак и возьму тебя к себе.

Поручив таким образом жену свою святым, Малх отправился в путь. По прошествии нескольких дней диавол принял образ некоторого знакомого человека и, придя к жене Малха, показал ей тот знак, на который указывал ей муж, говоря: «Пришлю тебе знак и возьму тебя к себе».

Показывая ей этот знак, диавол велел идти за ним к мужу.

— Меня, — сказал он, — прислал твой муж за тобою, чтобы привести тебя к нему.

Женщина сказала:

— Знак этот я знаю, но идти не хочу, ибо я поручена святым бессребреникам Косме и Дамиану; и если хочешь, чтобы я пошла с тобой к мужу, то пойдем со мною ко храму святых, возьмись за край алтаря и поклянись мне, что не причинишь мне на пути никакого зла.

Диавол дал такое обещание и, подойдя с нею к храму, взялся за край алтаря и клялся, говоря:

— Клянусь силами Космы и Дамиана, — не причиню дорогою тебе зла, но приведу тебя к мужу твоему.

Женщина, услышав клятву, поверила лживому бесу, бывшему в образе знакомого человека, и пошла за ним в путь. Обольститель же, взяв ее, завел в место пустое и непроходимое и хотел оскорбить ее там и убить. Она, видя себя в крайнем бедствии, возвела очи к небу и возопила из глубины сердца к Богу, говоря:

— Боже, по молитвам святых твоих, Космы и Дамиана, помоги мне и поспеши избавить меня из рук этого убийцы!

И тотчас явились скорые помощники, святые бессребреники, Косма и Дамиан. Диавол, увидев их, оставил женщину и бежал; поднявшись на высокий берег, он низринулся в пропасть и исчез, а святые, взяв женщину, привели в дом ее.

Женщина, кланяясь им, говорила:

— Благодарю вас, господа мои, что избавили меня от горькой погибели. Умоляю вас, — скажите мне, кто вы, чтобы мне знать, кому воздавать благодарность до конца жизни моей.

Они сказали:

— Мы — рабы Христовы, Косма и Дамиан, которым поручил тебя твой муж пред отправлением в путь, потому мы и поспешили к тебе на помощь и избавили тебя, по благодати Божией, от диавола.

Слыша это, женщина упала на землю от страха и радости, святые же стали невидимы. И восклицала женщина, восхваляя и благодаря Бога и святых рабов Его, Косму и Дамиана. Придя в храм, она припала со слезами к иконе святых и рассказала всем о том, что было, — как Господь явил к ней милость по молитвам Своих угодников. Молилась же она такими словами:

— Боже отцов наших, Авраама, Исаака, Иакова и семени их праведного! Ты угасил огненную печь для трех отроков[1], Ты помог рабе Твоей Фекле на позорище[2]; благодарю Тебя, что избавил и меня грешную от диавольской сети чрез угодивших Тебе Косму и Дамиана. Поклоняюсь Тебе, творящему дивные и преславные чудеса, и славлю Тебя, Отца, Сына и Святого Духа, вовеки. Аминь.

---

[1] Здесь разумеются три еврейских отрока — *Анания, Азария и Мисаил*. Находясь в Вавилонском плену, они отказывались воздать поклонение сооруженному Навуходоносором золотому истукану, были ввергнуты за это, по приказанию царя, в сильно разожженную печь, но чудесно, по милости Божией, остались в ней невредимыми, даже — со всеми одеждами (см.: Дан. 3).

[2] Здесь, вероятно, разумеется святая равноапостольная Фекла. Память ее празднуется 24 сентября. *Позорище* — зрелище, место зрелища.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА **ЕРМИНИНГЕЛЬДА**, царевича Готского

Ерминингельд, сын царя Готского[1] Леовигильда[2], был обращен из арианской ереси[3] к православной вере испанским епископом Леандром. Леовигильд, будучи сам арианином, был огорчен тем, что сын его оставил арианское зловерие, и старался отвратить его от Православия и снова возвратить к своей ереси. Он убеждал его ласковыми словами, как отец, умоляя и увещевая оставить кафолическую веру и мыслить заодно с ним, как и прежде. Когда же увидел его непреклонность, то начал устрашать его угрозами мучений и ран. Но сын оставался непоколебим в вере, как столп, не придавая никакого значения ни ласкам, ни угрозам отца. Леовигильд, воспылав на

---

[1] *Готы* жили на востоке от Дуная и разделялись рекой Днестром на *ост-готов* и *вест-готов*. С III века по Рождестве Христовом они стали входить в сношения с римлянами, на которых делали беспрестанные нападения, и постепенно стали принимать от них христианство. Во второй половине IV века, теснимые выходцами их Азии гуннами, вест-готы получили позволение поселиться во Фракии, в пределах Римской империи, под условием обязательного принятия всеми ими христианства. Последнее распространилось у них в форме арианства. По удалении из пределов Римской империи, вест-готы перенесли арианство в Испанию, где основали в 415 году свое государство. Здесь происходили впоследствии излагаемые в настоящем житии события.

[2] Царствовал во второй половине VI века. Он сделал своего сына, святого Ерминингельда, своим соправителем, причем местопребыванием ему назначил Севилью, а сам жил в Толедо (испанские города).

[3] Название ереси происходит от имени Ария, Александрийского пресвитера, жившего в IV веке. Желая устранить из христианского учения о троичности Лиц в Боге все непостижимое для разума, Арий учил, что Сын Божий не рождается предвечно из существа Бога Отца, а сотворен Им из небытия во времени, не единосущен Ему и не равночестен. В этой ереси скрытно заключалось решительное отрицание Божества Иисуса Христа и нашего искупления им, короче — ниспровержение всего христианства. Арианство имело большое распространение и на христианском Востоке, и на Западе. Оно долго волновало умы и производило смуты в Церкви — даже и после того, как было осуждено на I Вселенском соборе в Никее в 325 году. Эта ересь встретила наиболее сильного и ревностного противника себе, на соборе и после него, в лице святого Афанасия Александрийского.

него сильной яростью, прежде всего лишил своего сына царского престола и соправления, наследства и всего имущества; потом, не видя перемены в его мыслях, оковал ему шею, руки и ноги железными оковами и ввергнул в тесную и мрачную темницу. Но блаженный Ерминингельд, хотя и был юн летами, но — стар разумом: пренебрегая земным царствованием, он искал всею душою небесного и, лежа связанным в темнице, молился всесильному Богу, чтобы Он укрепил его в этом страдании. При наступлении великого праздника святой Пасхи царь Леовигильд, призвав одного арианского епископа, послал его ночью к своему сыну в темницу, чтобы Ерминингельд принял из рук этого епископа их арианское причастие: и если он причастится этого, обещал снова возвратить прежнюю родительскую любовь и честь. Но святой страстотерпец, с негодованием отвращаясь арианского епископа и доблестно обличив его зловерие, прогнал его от себя, не приняв еретического причащения. Пречистых и животворящих Тайн Тела и Крови Христовых он был причащен некоторым православным пресвитером, тайно присланным к нему святым епископом Леандром; арианский же епископ возвратился к отцу посрамленным и пересказал ему все, слышанное от сына. Тогда царь, исполнившись невыразимой ярости и заскрежетав зубами, тотчас послал из среды своих бояр нарочитых мужей, дав им приказание убить сына своего Ерминингельда в темнице; те пошли и отрубили секирою честную его главу. И слышны были сладостнейшие голоса святых Ангелов, поющих над святым телом его, и были видны ночью горящие свечи. Верующие, видя это, радовались и благодарили Бога, прославляющего такими чудесами Своего верного раба после страдальческой кончины его; зловерные же стыдились и ужасались. Детоубийца — отец, раскаявшись в безвинно совершенном убийстве, заболел от скорби; он хотел отказаться от арианства и принять Православие, но боялся ариан и таким образом не сподобился быть сопричисленным к православным. Когда же приблизилась его кончина, то он почтительно призвал к себе, бывшего в то время епископом, Леандра, — которого ранее не любил и преследовал, — и умолял его, чтобы тот младшего его сына Рехадера, которого сделал наследником своего царства, так же наставил своим Боговдохновенным учением в Православии, как и Ерминингельда. Леовигильд умер, а Рехадер, воцарившись, тотчас принял православную

веру, по наставлению святого епископа Леандра, и привел к благоверию всю землю Готскую[1], которая ранее была заражена арианскою ересью. Тело святого Ерминингельда, своего старшего брата, он почтил подобающей честью, как мученика Христова, на котором сбылось евангельское слово: *Если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода* (Ин. 12, 24). Ибо страстотерпец Христов, подобно пшеничному зерну, один из готов умер за Христа, но плодом его смерти стала православная жизнь всего народа той земли: все начали православно веровать во Христа Бога, Единосущного и Равночестного Отцу и Святому Духу, Ему же слава вовеки, аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
КЕСАРИЯ и ДАСИЯ

Святые Кесарий и Дасий были захвачены в городе Дамаске[2] и, преданные различным мукам, не отреклись от христианской веры, за что и были усечены мечом и получили мученические венцы[3].

---

[1] Святой Ерминингельд умер мученической смертью в 586 году, а в 589 году, на соборе Толедском, готы отказались от арианства и приняли Православие.

[2] *Дамаск* – главный, богатейший торговый город Сирии; лежит к северо-востоку от Палестины, при реке Барад, протекающей чрез него, в прекрасной и плодоносной равнине, при восточной подошве Антиливана. В настоящее время Дамаск, входящий в состав Турецкой империи, один из богатейших городов Азии и имел до ста пятидесяти тысяч жителей.

[3] Святые пострадали при взятии города Дамаска магометанами (VII век). Имена пострадавших со святыми Кесарием и Дасием следующие: Савва, Савиниан, Агриппа, Адриан и Фома.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИЦ **КИРИЕНЫ и ИУЛИАНИИ**

Святые жены Кириена и Иулиания пострадали в царствование императора Максимиана[1]. Кириена происходила из года Тарса, Киликийской области, Иулиания же — из города Россона[2]. За исповедание христианской веры они были схвачены правителем Маркианом, который принуждал их отречься от Христа. За твердость в истинной вере Маркиан приказал нечестивым воинам остричь Кириене волосы, обрезать веки и, обнажив, водить вокруг города Тарса[3]. Затем ее вместе со святой Иулианией, отведши в город Россон, предали сожжению.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКОВ **ИОАННА и ИАКОВА**

Святые Иоанн и Иаков были: первый — епископом, а второй — пресвитером, при Сапоре Персидском[4]. Они многих привели ко благочестию, за что были схвачены царем и преданы различным скорбям и мукам. После мучения они были усечены мечом.

---

[1] Имеется в виду *Максимиан Галерий*, бывший сначала соправителем Диоклетиана, а затем императором восточной части Римской империи с 305 по 311 год.

[2] *Тарс*, древняя столица Киликии, юго-восточной области Малой Азии, теперь Тарсо, или Терсус. Этот город был родиной апостола Павла. *Россон*, или *Рос* — немного севернее Антиохии Сирийской.

[3] По месяцеслову Василия, святую Кириену возили нагою на осле и били ее палками. Но святая, по ее молитвам, не представлялась людям нагою.

[4] *Сапор II*, известный под именем Великого, — персидский царь, царствовал с 310 по 381 год по Рождестве Христовом; известен счастливыми войнами с римлянами; был жестоким гонителем христианства.

День второй

СТРАДАНИЕ
СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
АКИНДИНА, ПИГАСИЯ, АНЕМПОДИСТА, ЕЛПИДИФА и АФОНИЯ

Когда персидский царь Сапор[1], омраченный идолослужением[2] и исполненный всякого беззакония, воздвиг в своей стране великое гонение на христиан, то в это время между его придворными было три тайных христианина: Акиндин, Пигасий и Анемподист. Работая сокровенно Христу, они приводили многих своим тайным учением к тому же благочестию. Некоторые донесли на этих трех святых царю, что они не только сами веруют в Распятого, но и других заражают, как ядом, такою же верою.

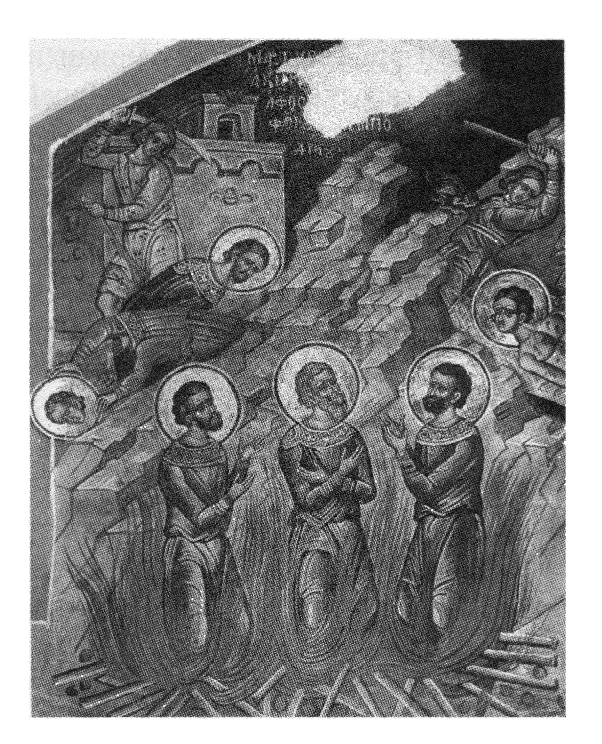
Царь сказал доносчикам с гневом:

— Почему вы, давно зная о таких людях, не донесли мне и не представили их ко мне?

---

[1] Персы в Священном Писании называются *еламитами*, как происшедшие от Елама, сына Симова. Они жили в Азии, близ Персидского залива (заключенного между Аравийским полуостровом и материком). Упоминаемый здесь царь Сапор, — вероятно — Сапорес II, жил в IV веке. В подданных христианах он склонен был видеть тайных союзников своих врагов — римлян. Смерть мучеников Акиндина, Пигасия, Анемподиста и других последовала по одним свидетельствам в 330 году, по другим — в 345 году.

[2] Персы почитали верховным богом Митру, или солнце. Они поклонялись также огню и признавали два Божества: творца всего доброго — Ормузда и виновника всякого зла — Аримана. Основателем этой религии считается Зороастр, главная священная книга персов — Зенд-Авеста.



Они сказали:

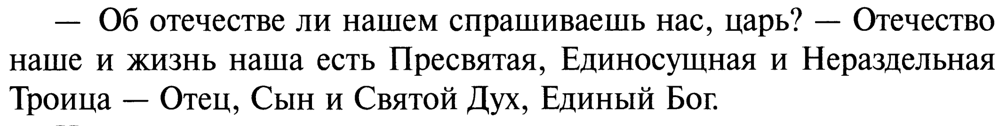
— Державный царь! Если прикажешь, мы сейчас же представим их к тебе.

Царь тотчас дал такое приказание, и они пошли, чтобы взять их. Когда они подошли к дому, в котором пребывали святые, то нашли двери запертыми; ибо верные рабы Господни стояли на молитве и не хотели отпереть людям, упражняясь в беседе с Богом. Те выломали двери, схватили святых и, связав, повели пред лицо царя.

Царь, увидев святых, начал кротко спрашивать их:

— Откуда вы, дети мои?

Святые отвечали:



— Об отечестве ли нашем спрашиваешь нас, царь? — Отечество наше и жизнь наша есть Пресвятая, Единосущная и Нераздельная Троица — Отец, Сын и Святой Дух, Единый Бог.

Царь сказал:

— Вы весьма дерзки и смеете исповедовать предо мною иного Бога, потому что еще не испытали, что такое раны и разного рода мучения.

Святые отвечали:

— Мы и дерзаем в надежде на Бога нашего и готовы принять за Него всякие раны и мучение; если не веришь словам нашим, испытай самым делом: наноси раны, причини, какие хочешь, мучения — и увидишь, отвергнемся ли мы от нашего Бога.

Когда святые говорили это, прославляя Единого Бога и обличая царя за его многобожие, то царь разгневался и повелел каждого из них, распростерши по земле, четырем человекам бить суковатыми палками. Святые же благословляли, среди побоев, Бога, единогласно говоря:

— Призри, Господи, не умолчи и не отступи от нас, чтобы все уразумели могущество десницы Твоей, и Сам, Господи, помоги нам.

Между тем как святые среди мучений пели так, палачи выбились из сил, и царь приставил других, чтобы те продолжали бить их. И били мучеников долгое время, так что они могли бы и умереть от столь продолжительных побоев, если бы Сам Бог не поддерживал жизни их. Царь, видя такую твердость их терпения, что они не кричат и не теряют сил, удивлялся; какой-то ужас напал на него, и он упал с царского престола. Святые же воззвали к нему, говоря:

— Господь наш, Который дал тебе жизнь, снова укрепляет тебя, чтобы ты увидел чрез нас силу Его.

Окружающие думали, что царь убился до смерти, и, подбежав, подняли его. Он поднялся еле живой и едва пришел в себя. После того Сапор пришел в еще бóльшую ярость, подумав, что мученики причинили ему это каким-либо колдовством; ибо нечестивые, сами будучи всецело под действием бесов, всегда имели обыкновение приписывать волхвованию и колдовству совершаемые святыми дивные чудеса Божии. Беззаконный царь повелел повесить святых мучеников и развести под ними пылающий огонь, чтобы они погибли, испустив свои души среди мучений от оков и огня.

Святые, вися в продолжение долгого времени, воспевали:

— Светильник душ наших и Творец наш, преданный за нас, оплеванный, подвергшийся поношению, как злодей, повешенный на дереве, все в Своей деснице содержащий Владыка! Прииди ныне и призри на наше страдание и яви нам спасение Твое; воззри на болезни наши и помилуй нас, сделай явным для всех, что мы имеем Тебя — Единого Бога на небе.

И тотчас явился им Господь в человеческом образе, с лицом светлым, как солнце: с явлением Его распались оковы, погас огонь и святые сделались здоровыми. Увидев Господа, они исполнились неизреченной радости, Господь же снова сделался невидимым. А святые стали пред царем, как будто бы не претерпели никакого мучения. Царь, увидав их здоровыми, изумлялся и говорил им:

— Что такое было с вами?

Они отвечали:

— Видишь сам что: Христос Бог наш спас нас от твоих мучений; познай силу Его и устыдись.

Беззаконник начал хулить Христа. Святые же воскликнули:

— Да онемеют уста льстивые, хулящие истинного Бога!

И тотчас царь онемел и сделался безгласным.

Святые говорили:

— Что с тобою произошло, царь, что ты не говоришь с нами? Неужели мы так и отойдем от твоего судилища, не получив окончательного приговора?

Царь начал делать окружающим знаки глазами и руками, чтобы они взяли святых и заключили в темницу; но никто из окружающих не понял, что он приказывает своими знаками. Тогда царь, сорвав с себя багряницу[1], ударил ею о землю и, как безумный, начал пред всеми топтать ее ногами. Народ, видя то, дивился и сожалел о своем царе, что он впал в такое безумие.

Святые же сказали народу:

— О слепые умом! Видя вы не видите, слыша не слышите, ибо ожесточились сердца ваши!

Когда святые говорили это, явился с неба полк пресветлых Ангелов, коих видели многие из народа; не будучи в состоянии смотреть на них, они упали от страха и уверовали во Христа. Святые же начали петь: *Бог нам прибежище и сила, скорый помощник в бедах, посему не убоимся, хотя бы поколебалась земля, и горы двинулись в сердце морей. Восстань на помощь нам и избавь нас ради милости Твоей* (Пс. 45, 2–3; 43, 27).

Царь, не будучи в силах предпринять что-либо по причине немоты, в ярости начал бить себя по лицу. Акиндин, видя его в таком смятении, прослезился и сказал:

— Во имя Иисуса Христа, Господа нашего, говори.

И тотчас у него разрешился язык, и он начал говорить, но не благословлял Бога, напротив, имея ожесточенное сердце, еще более хулил: хотя он и видел на себе крепкую руку Божию, однако не хотел познать истины. Считая все это за колдовство святых мучеников, он воспылал еще большим гневом на них и, вместо благодарности, тотчас по разрешении своей немоты изрек такое слово:

---

[1] Плащ пурпурового цвета, иначе *порфира*. Краску для этой ткани добывали из некоторых раковин или улиток, которых находили в Средиземном море. Это была одежда царей, символ власти и величия их. Иногда, впрочем, одевались в такой плащ и частные лица — роскошествующие богачи.

— Акиндина, Пигасия и Анемподиста погублю лютою смертию, вам же, присутствующим, отомщу за то, что не послушались меня, когда я приказывал вам знаками, — взяв этих нечестивых христиан, мучить за меня; ибо они связали мой язык своим колдовством.

И повелел царь разжечь железное ложе и положить на нем мучеников. Когда их жгли на этом ложе в течение многих часов, они усердно молились Богу и воспели приличествующий их подвигу псалом Давида:

— *Искусил ны еси, Боже, разжегл ны еси, якоже разжиза́ется сребро*[1]. *Положил еси скорби на хребте нашем*[2]. *Возвел еси человеки на главы́ наша*[3]. *Проидо́хом сквозе́ огнь* (слав. Пс. 65, 10–12). Дай нам силу понести удручающие нас мучения с твердою душою и мужественным сердцем, дай познать имя Твое святое стоящим вокруг, пред которыми Ты сделал явными силу Твою и чудеса Твои.

Когда святые говорили это, послышался голос с неба, который изрек:

— Так как вы засвидетельствовали веру вашу делами, то прошения ваши будут исполнены.

Многие из стоящих вокруг, сподобившись слышать этот Божественный голос, воскликнули:

— Един есть истинный Бог, Которого чтут эти страдальцы, один Он силен, один непобедим, и нет, кроме Него, иного Бога. Блаженны вы, страстотерпцы, соделавшиеся свидетелями пришествия Его на землю и из любви к Нему предавшие души свои на смерть, после которой удостаиваетесь жизни вечной! Молите Его благость и за нас, чтобы Он простер нам свыше руку Своей помощи и извлек нас из глубины погибели.

---

[1] Серебро, через расплавление на огне, освобождается от примесей и получает чистейший вид. Подобно этому, и добродетель мучеников, чрез испытание огнем, возвысилась и получила совершеннейший вид.

[2] В настоящем случае это означает мучение от ожогов.

[3] То есть «посадил верхом на нас» — образ поноснейшего рабства. Этим выражением указывается здесь на крайнюю степень унижения, которому были подвергаемы святые мученики.

Святые мученики, возведя очи свои на небо, молились о них, говоря:

— Боже, в вышних живущий! призри на рабов Твоих, истинно призывающих имя Твое, и ниспошли орошение новому Твоему достоянию, — тем людям, которые ныне уверовали в Тебя; пусть роса, исходящая от Тебя и омывающая греховные немощи, будет им врачевством и исцелением (см.: Ис. 26, 19), и пусть познают все, что Ты — Единый Бог, и пусть все повинуется Твоей власти.

Когда святые так говорили и оканчивали молитву, внезапно вдруг засверкала молния, послышались раскаты страшного грома, и пошел сильный дождь; неверующие, полные страха и ужаса, бежали; с мучениками остались только одни те, которые веровали во Христа.

Святые сказали им:

— Не бойтесь, ибо это было ради вас, чтобы чрез этот дождь над вами было совершено таинство крещения.

Когда все единогласно воссылали славу Богу, то было видно множество нисходящих с неба Ангелов, которые одевали белыми одеждами новокрещеных людей, показывая тем, что души их очищены святою верою и водою, сшедшею на них свыше. От этого дождя погас огонь, остыло раскаленное ложе, и святые встали живыми и здоровыми; только тела их были черны, подобно деревьям, обгоревшим в огне.

Царь, призвав снова святых, сказал им:

— Хотя вы и угасили огонь своим волхвованием, однако не избежите моих рук, пока не заставлю вас поклониться богам или не предам вас лютой смерти.

Они отвечали как бы одними устами:

— Предай нас, какой хочешь, смерти, но мы не отторгнемся от живущего на небесах Единого Бога, уготовавшего нам вечную жизнь.

Царь, засмеявшись, сказал:

— Дети мои и друзья! Если вы почитаете Единого Бога, то и я ведь принуждаю вас почитать не многих богов, а только одного, однако — того, которого почитаю и которому поклоняюсь я. Ибо и я имею одного бога, которого люблю и почитаю более других, это —

великий Зевс, старший между всеми богами[1]; воздайте, вместе со мною, поклонение ему одному; относительно же прочих богов — как хотите, достаточно воздать почтение одному.

Блаженный Анемподист сказал царю:

— Каким образом воздать честь Единому Богу велишь ты?

Царь, услышав это, обрадовался, ибо подумал, что хотят поклониться его скверному Зевсу, и сказал им:

— Пойдемте, дети мои, со мною в храм великого Зевса, и что я буду делать, то и вы делайте, и поклонимся вместе моему богу.

Святые сказали:

— Ты, царь, молись по своему уставу, а мы будем молиться — как научились издавна.

Царь, не поняв сказанного ими, радовался, ибо он думал, что они уже склонились к его идолопоклонству, и говорил им:

— Почему вы ранее не захотели обнаружить единомыслие с нами? Тогда вы не потерпели бы таких мучений. Теперь же простите меня, что причинил вам скорбь; обещаюсь загладить пред вами это моею усердною любовью.

Он велел приготовить свою царскую колесницу и, поднявшись на нее, звал к себе святых мучеников, чтобы они садились вместе с ним.

Святые отвечали:

— Нет, царь, мы не поедем на колеснице, но пойдем сами.

Так они дошли до этого мерзкого храма. Взяв их за руки, царь вошел с ними в храм и начал кричать:

— Велик бог Зевс, и велика сила его! Приидите, возлюбленные мои, и помолитесь прежде меня великому богу Зевсу.

Святые отвечали:

— Как ты велишь, так и сделаем.

Сотворив крестное знамение на челах своих, они упали на колена и, подняв к небу свои руки, начали молиться Богу, Единому в Троице, Отцу и Сыну и Святому Духу; и тотчас потряслось то место, и храм начал разрушаться. Царь, убоявшись, выбежал вон со всеми,

---

[1] Со временем, под влиянием соседних народов, персы стали соединять с культом солнца и огня и служение иноземным богам. — *Зевс* почитался греками величайшим из богов (у римлян — *Юпитер*), управлявшим молниями, отцом богов и людей.

кто был с ним, и пал храм вместе с идолами, и все, находящееся в храме, разбилось в прах. Святые же остались при падении того храма невредимыми; они радовались при виде силы Христовой и смеялись над беспомощностью языческих богов.

Царь воспылал сильною яростию на святых и сказал им:

— Таково-то ваше обращение к Зевсу и поклонение ему? Такова-то ваша молитва, что вы своим волхвованием разрушили храм и сокрушили богов?

Святые отвечали:

— Как мы научились издавна, так и молились Единому Богу, Создателю всего мира, волхвование же не знаем; и не от какого-либо волхвования, но от всесильного имени Божия, призванного нами в молитве, разрушился скверный храм с нечистыми вашими богами.

Царь повелел приготовить три котла и наполнить их оловом, серою и смолою, разрубить старые лодки на дрова[1] и развести ими большой огонь под котлами. Когда это было сделано и сильно раскаленные котлы кипели и клокотали, святых связали цепями и свесили их сверху в котлы, сначала — до пояса, потом — до груди и наконец — до шеи. Они же взирали, среди этих мучений, на небо, и каждый из них пел свою песнь из псалмов Давидовых. Блаженный Пигасий взывал: *ибо у Тебя источник жизни; во свете Твоем мы видим свет* (Пс. 35, 10). Блаженный Анемподист говорил: *Моя нога стоит на прямом пути; в собраниях благословлю Господа* (Пс. 25, 12) и: *слово Твое — светильник ногам моим и свет стезям моим* (Пс. 118, 105). Блаженный Акиндин начал восклицать: *Объяли меня муки смертные, и потоки беззакония устрашили меня* (Пс. 17, 5), но поскольку *мы вошли в огонь и в воду*, Сам, Господи, *изведи нас в покой* (Пс. 65, 12).

Святые, молясь таким образом в котлах, не потерпели никакого вреда от кипящих олова, серы и смолы, и цепи, сами развязавшись, упали с них. Святые вышли здоровыми на виду у всех, из которых многие, удивляясь этому поразительному чуду, познали истину и, прославив Христа, уверовали в Него. Также и один из мучителей, по имени Афоний, видя это чудо, уверовал во Христа и воскликнул:

---

[1] С той целью, чтобы развести более сильный огонь, ибо днища и стенки лодок, во избежание пропуска ими воды, обыкновенно густо покрываются смолой, особенно — с наружной стороны.

— Велик Бог христианский!

Царю же он сказал:

— Безбожный и человеконенавистный царь! Доколе ты не оставишь этих неповинных людей? Вот мы, мучая их, устали более, чем они, претерпевая мучение, а ты остаешься как бы железным и каменным, и не трогается сердце твое.

Царь тотчас повелел отрубить ему голову.

Афоний, услышав ответ царя, присуждавший его к усечению мечом, возвел очи на небо и сказал:

— Слава Тебе, Господи Иисусе Христе Боже, в Которого веруют христиане! Вот и я верую в Тебя, поклоняюсь Тебе и умираю за Тебя: спаси меня недостойного по великой Твоей милости.

Палач, приступив к нему, надел на шею его веревку, чтобы вести его за город для исполнения казни. Он же, обратившись к святым мученикам, сказал:

— Господа мои и отцы, забудьте зло, которое я причинил вам, мучая вас, по повелению нечестивого царя. Молите о мне Бога, чтобы простил Он мне многие мои грехи, приобщил меня к сонму верующих в Него и дал мне увидеться с вами в Царствии Его.

Святые мученики сказали ему:

— Радуйся, брат, потому что прежде нас идешь ко Христу, и будь уверен, что найдешь у Него милость, и Он воздаст тебе по вере твоей.

Афония, после того как он поцеловал святых, отвели за город; призывая пресвятое имя Иисуса Христа, он склонил под меч свою шею и, усеченный, радуясь, предал душу свою Господу. Христиане, взяв его тело и обвив чистым полотном, предали его честному погребению, как мученика Христова.

После этого Акиндина, Пигасия и Анемподиста царь повелел зашить в кожаные мехи и бросить в море. Когда это было сделано, явились святой Афоний и с ним три Ангела, ходящие по морю; взяв из моря святых мучеников, они освободили их от мехов и поставили на суше живыми и здоровыми, как бы никогда нисколько не страдавшими. Услышав о том, что святые мученики живы, царь разгневался на воинов, которым поручил ввергнуть святых в морскую пучину. Предположив, что они не послушались его и отпустили их на свободу, он, прежде всего, отсек руки этим воинам, которых чис-

лом было четверо, а потом приказал потопить их в море. Перед смертью они призывали Господа нашего Иисуса Христа, исповедуя Его святое имя, веруя и молясь Ему, и таким образом были потоплены в водах морских. Святые мученики, Акиндин, Пигасий и Анемподист, снова были взяты, заключены в темницу и забиты в колодки. В смущении царь пошел в свою спальню, возлег на ложе, призвал своих вельмож и начал с гневом говорить им, что они оставили его одного трудиться на суде, совершаемом над христианами, и не помогают ему ни в чем: ни словом, ни делом. Они отвечали, говоря, что нехорошее это дело — упражняться в таких судах и предавать казни неповинных христиан. Царь же при этом заметил им еще следующее:

— О чем вы думали, когда стояли вчера и третьего дня, закрыв уста свои руками?

Один из вельмож, по имени Елпидифор, засмеявшись, сказал:

— Мы смеялись в своей душе над твоим безумием, и глупы мы были до сих пор, что слушались тебя.

Царь приказал одному из присутствовавших здесь слуг ударить Елпидифора по лицу. Все вельможи, видя это, пришли в негодование и сказали царю:

— Знай, царь, что мы не на твоей стороне.

Царь, видя, что все вельможи за одно с Елпидифором, убоялся и, не желая раздражать их еще более, сказал:

— Простите мне, потому что от великой печали пришел в гнев.

Вельможи, оставив царя, ушли, тем более что уже наступала ночь. Царь же еще более мучился сердцем от ярости, думая о том, как бы и святых погубить, и вельможам отомстить. Поутру он повелел бросить святых мучеников в яму, наполненную ядовитыми гадами; но и там они остались невредимыми, утешены были явлением Ангелов и выведены оттуда целыми. Потом их повесили и скоблили тела их даже до костей, но мученики снова оказались без ран. Наконец, царь, не зная, что сделать еще, осудил их на усечение мечом. Когда святые шли за город для совершения над ними казни, за ними следовало много веровавшего народа, который с плачем говорил им:

— Рабы истинного Бога, зачем оставляете нас без поучения?

Святые отвечали:

— Милосердный Бог устроит потребное для вас, как знает и хочет: только веруйте в Него несомнительно, и Он дарует вам — что будет служить вам на пользу.

Некоторые из царских слуг пошли к царю и донесли, что весь народ пристал к этим трем христианам и может воспрепятствовать их усечению.

Царь сказал:

— Выведите за город триста вооруженных воинов, чтобы они перебили и народ, который будет следовать за этими обольстителями.

Слуги донесли ему, что среди этого народа есть и некоторые из вельмож, что и Елпидифор там же, и спрашивали, можно ли и их перебить с прочими. Царь приказал позвать к нему Елпидифора. Елпидифор, взяв с собой трех других сановников, пришел к царю. Царь, поникнув головой, долго сидел в молчании; потом, подняв голову, сказал:

— Елпидифор! Зачем, оставив отеческих богов, вы захотели перейти к ложным христианским[1]? Знай же, что я не пощажу никого, кто верует в Распятого.

Елпидифор отвечал:

— Делай что хочешь, мы готовы тотчас умереть за распятого Христа, потому что Он один есть истинный и праведный Бог, и нет другого, кроме Него. Все же твои боги суть бесы, от которых мы отрекаемся и отвергаемся, а тобою — служителем бесовским — и скверными идольскими жертвами мы пренебрегаем.

Тогда царь осудил их на смерть и произнес над ними такой приговор: «Елпидифора и всех его единомышленников, которые оставили пресветлых богов и предпочли смерть этой жизни, — повелеваю усечь мечом, чтобы они получили то, чего сами пожелали; и кто хочет взять и похоронить их тела, тот может сделать это безбоязненно».

Воины, тотчас взяв их, повели за город к святым мученикам и ко всему народу, уверовавшему во Христа. Когда там было прочитано пред всеми повеление царя, то все воскликнули:

— Слава Тебе, Боже, что указал нам благой путь, чтобы мы, освободившись из этого темного и обманчивого мира, пришли к Тебе,

[1] Вероятно, царь, слыша о трех Лицах Божества, полагал, что и христиане почитают несколько богов и между ними одного — главного.

Богу нашему, поклонились престолу Твоему и узрели Тебя, Свет Неприступный.

Они начали целовать друг друга. Воины же, окружив, избивали их, и пало тогда от меча около семи тысяч уверовавших во Христа, вместе со святым Елпидифором.

Акиндин, Пигасий и Анемподист не были усечены, но, по повелению царя, снова были заключены в темницу.

Поутру царь повелел приготовить огненную печь, чтобы сжечь в ней святых мучеников. Когда святые были выведены из темницы, царь сказал им:

— Видите ли эту печь? Вот она приготовлена для вас.

Блаженный Акиндин сказал:

— Для тебя еще большая печь приготовлена в геенне огненной, в которой ты будешь вечно гореть вместе с соименными тебе бесами.

Царь гневно сказал:

— Разве я бес?

Святой отвечал:

— И дела твои и имя твое показывают в тебе беса, ибо ты делаешь свойственное бесам, и имя твое означает: «царь бесов»; и хорошо назвала тебя твоя мать Сапором, потому что ты — единомышленник бесов.

Царь сказал окружающим:

— Попросите мать мою прийти сюда ко мне.

Когда пришла его мать, он встал с своего престола; воздав ей честь, он посадил ее возле себя и сказал:

— Скажи мне, мать моя, какое у меня имя?

Мать отвечала:

— Ты носишь имя твоего деда: дед твой назывался Сапором, и тебе имя — Сапор.

Царь, показав перстом на святых, сказал:

— А эти беззаконники говорят, что у меня бесовское имя.

Мать его на это засмеялась, — ибо она уже веровала во Христа, но скрывалась пред своим злым сыном. Царь, увидев, что мать его засмеялась, вскипел яростью и, устремившись на нее, начал бить ее по лицу. Она же припала к ногам святых мучеников и с плачем говорила:

— Спасите мою старость, рабы Христовы, ибо я вижу, что родила не по имени только, но и на самом деле беса и окаянного сатану.

Царь, увидев, что и мать его уверовала во Христа, осудил и ее бросить в огненную печь, вместе со святыми мучениками. Кроме того, уверовали еще и некоторые из присутствовавших воинов, числом двадцать восемь, и все были брошены в печь, вместе с Акиндином, Пигасием и Анемподистом и с блаженною матерью царя; молясь в огне, они предали Богу свои святые души. Люди достойные видели сонм святых Ангелов, поющих вокруг печи и принимающих души святых, и несказанное благоухание исходило от мученических тел. Когда печь погасла, царь ушел в палату, и все разошлись. Тогда некоторые из верующих пришли к печи и нашли тела святых целыми и неповрежденными огнем; они взяли их и предали честному погребению, славя Отца и Сына и Святого Духа, Единого Бога, Емуже слава вовеки, аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
МАРКИАНА

Преподобный отец наш Маркиан был родом из Кира. Оставив свою родину и имущество, он удалился в глухую пустыню. Здесь он построил себе такую малую келию, что она могла вмещать только одного человека, и, облекшись в грубую власяную одежду, затворился в ней. Пищею ему служили три онгии[1] хлеба и немного воды, но и то по захождении солнца. По прошествии некоторого времени Маркиан принял двух пришельцев, которые построили шалаш. Он же, постоянно, как и прежде, оставался в затворе, никогда не зажигая свечи, имея свет Божественный, который светил ему ночью и при помощи которого он занимался чтением книжным, имея при себе «мал псалтирец». Однажды большой змий, снаружи наклонившись над их хижиной, так устрашил спостников, что они сильно испугались. Святой же, сотворив перстом крестное зна-

[1] *Онгия* — двенадцатая доля фунта, или восемь золотников.

мение, дунул и как высохшая трость от огня, так и змий тотчас был истреблен.

В другое время Флавиан, патриарх Антиохийский[1] и епископ Кирский, и некоторые из других епископов, знатные и красноречивые, пришли к нему и убеждали его, приводя некоторые места из Божественных Писаний, чтобы он, ради пользы многих, оставил свое уединение; он же и слышать об этом не хотел. Дивный этот муж многих от разных ересей возвратил в истинную православную веру.

Сестра преподобного со своим сыном однажды, взяв разные снеди, отправилась к нему. Он не пожелал видеть свою сестру, ничего не принял из принесенного ею, и только допустил к себе своего племянника. На просьбы же своей сестры, чтобы взять принесенное, святой Маркиан спросил:

— Предлагали ли вы это в каком-либо другом монастыре из тех, которые встречались вам, когда вы шли сюда?

— Нет, мы ни в одном из них не предлагали, — отвечала сестра.

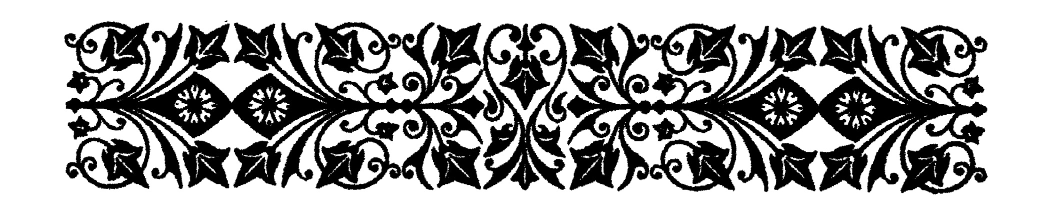
— Уходите, — отвечал святой, — с тем, с чем пришли, так как вы это сделали ради естественного родства, а не ради Бога.

Этот великий и дивный святой был любим и ближними и дальними. Узнав о том, что многие препираются между собой из-за того, кому, по преставлении, владеть его телом, — для чего они устрояли раки и созидали церкви, — святой взял со своего ученика Евсевия обещание, что он похоронит его тело тайно вдали от келии. Завещав это, он отошел ко Господу[2].

---

[1] *Святой Флавиан* патриаршествовал с 381 по 404 год. Память его — 18 февраля.

[2] Кончина преподобного Маркиана относится к 388 году. Память его еще совершается 18 января.



День третий

СТРАДАНИЕ
СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
АКЕПСИМА ЕПИСКОПА, ИОСИФА ПРЕСВИТЕРА и АИФАЛА ДИАКОНА

В персидской стране, в городе, называемом Наессон[1], жил благочестивый епископ, по имени Акепсим. Упражняясь, от дней своей юности, во всяких добродетелях, он сохранил непорочность жизни до самой старости. Будучи уже восьмидесяти лет от роду, он сохранил еще, среди трудов, силы совершать усиленные подвиги поста и молитвы и ревностно заботился о врученной ему пастве. Но еще больший подвиг он обнаружил при своей кончине, когда мужественно постоял даже до крови за своего Господа, за Которого ревностно положил и свою душу после долгих и тяжких мучений. Еще за несколько лет до своего мученического подвига он получил такое пророчество о своем страдании.

Когда однажды он возлежал в своем дому, отрок его, исполнившись пророческого духа, поцеловал его в голову и сказал:

— Блаженна эта глава, потому что она приимет мучение за Христа.

Он возрадовался этому пророчеству и сказал:

— Да будет мне, чадо, по слову твоему.

Вместе с Акепсимом сидел бывший у него в то время один возлюбленный друг его, епископ соседнего города. Услышав сказанные отроком слова, он улыбнулся и сказал отроку:

---

[1] Один из малоизвестных городов; в церковном отношении был, вероятно, подчинен митрополии Мосульской (*Мосуль* — на реке Тигре) или Ниневийской.

— Скажи мне, чадо, — не знаешь ли чего и о нас?

Боговдохновенный отрок отвечал:

— Ты не увидишь более своего города, но преставишься на пути к нему, в селении Етрадан[1].

Пророчество этого отрока исполнилось на обоих епископах. Один умер на пути, в упомянутом селении, глава же епископа Акепсима, действительно, сподобилась мученического венца. Это произошло следующим образом.

Нечестивый персидский царь Сапор воздвиг великое гонение в своей земле на христиан. В самый день спасительных страданий Христовых он послал во все подвластные ему страны повеление, чтобы были перебиты во всей Персии все исповедующие Христа. И бесчисленное множество христиан было в то время без пощады перебито нечестивыми по городам и селениям.

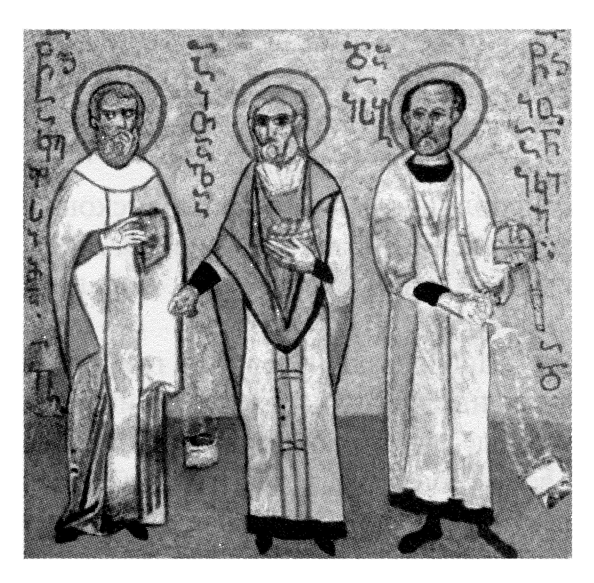
Больше всех пылали яростию на христиан жрецы и волхвы[2]; они старательно разыскивали укрывающихся и, извлекая их из домов и потаенных мест, предавали лютой смерти. Иные из верующих сами предавали себя в руки их и доблестно проливали свою кровь. Многие из придворных лиц были умерщвлены за Христа. Евнух[3] Азадис, которого царь весьма любил, был вместе с ними предан смерти как

---

[1] Селение недалеко от Наессона.

[2] Под именем *волхвов*, иначе магов, в древности разумелись мудрые люди, обладавшие высокими и обширными знаниями, особенно знаниями тайных сил природы, светил небесных, священных письмен, иероглифов и тому подобного. Они наблюдали естественные явления, толковали сны, предсказывали будущее; большей частью они, вместе с тем, были и жрецами и пользовались большим значением и уважением, как при царских дворах, так и в народе. О персидских волхвах упоминается в книге преподобного Даниила, гл. 2 и далее; из Персии же, вероятно, приходили волхвы для поклонения родившемуся Спасителю (Евангелие от Матфея, гл. 2). Волхвы были и в других странах, например в Вавилоне, Ассирии, Мидии (см. книгу пророка Даниила, ср.: Числ. 22–23) и в Египте (Быт. 41, 8; Исх. 7, 11). Слово «волхв», первоначально однозначащее со словом «мудрый», впоследствии стало прилагаться к волшебникам, чародеям, чревовещателям, вызывателям умерших и тому подобном.

[3] Слово *евнух* означает собственно скопца. Таковыми были на Востоке смотрители над царскими гаремами; с этой должности они нередко, в древности, переходили на высшие государственные должности. Впоследствии слово «евнух» употреблялось иногда вообще в значении лица, занимающего высокую государственную должность — царедворца, вельможи, хотя бы это лицо и не было скопцом.



истинный раб Иисуса Христа и исповедник Его пресвятого имени.

Царь, узнав о смерти своего возлюбленного евнуха Азадиса, весьма сожалел о нем и прекратил поголовное истребление христиан, отдав лишь повеление разыскивать вождей и учителей христианской веры для предания их на смерть.

Когда это повеление царя было оглашено повсюду, начальники волхвов и жрецов старательно обходили всю Персию, ища христианских епископов и священников и предавая их разными способами смерти.

В это время был взят и святой епископ Акепсим. Когда взявшие выводили его из дому, некто из домашних, подойдя к святому, сказал ему на ухо:

— Сделай какое-либо завещание о своем доме.

Он же, показывая рукою на дом, сказал:

— Этот дом уже не мой, ибо я без промедления пойду к горнему дому[1].

По прибытии в город Арбелу[2], когда его привели к князю волхвов, которому имя было Адрах, князь спросил святого Акепсима:

— Кто ты?

Акепсим громко исповедовал себя христианином.

---

[1] Разумеется небесная обитель, куда вступают истинные последователи Христа, по заповеди Его Самого (Ин. 14, 2–3). Слово *горний* означает вышний, верхний, небесный (ср.: Иез. 41, 7; Кол. 3, 2).

[2] *Арбела* — город на одном из притоков реки Запата (иначе Забата), представляющего собой, в свою очередь, левый приток реки Тигра. Город этот находится недалеко от Ниневии, замечателен тем, что в двенадцати милях к западу от него, близ Гавгамелы, произошло сражение, в котором Александр Великий во второй раз победил Дария Кодамана, сделавшись после того обладателем всей Персидской монархии.

Князь сказал ему:

— Правду ли говорят о тебе, — что ты не слушаешь царского повеления и проповедуешь Единого Бога?

Святой безбоязненно отвечал:

— Все, слышанное тобою о нас, верно: я проповедую Единого Бога и убеждаю приходящих ко мне, чтобы познали Его и вместе со мною веровали в Него.

Князь сказал:

— Мы слышали о тебе, что ты мудрее других, теперь же видим, что ты ничем не лучше несмысленных детей, — ибо что мудрого в том, чтобы противиться повелению царя и не поклоняться светлому солнцу и огню, которым поклоняется сам царь?

Святой отвечал:

— И ваш царь, и вы с ним совершенно обезумели, потому что, оставив Создателя, поклоняетесь созданию.

Князь сказал с гневом:

— Ты называешь безумными нас, почитающих такую стихию и поклоняющихся оживляющему и просвещающему все солнцу? — Лживый старик! Поистине ты сам безумен, и если не подчинишься царскому повелению, то твоя старость не избавит тебя от тяжких мучений, и твой распятый Бог[1] не освободит тебя из наших рук.

Святой сказал:

— Да заградятся, нечестивец, твои мерзкие уста, хулящие моего Бога! Ты хочешь устрашить меня своими угрозами, чтобы я отступил от отеческих преданий, которым научился в юности и в которых дожил до этой седины. Если ты и превозносишься в своей гордости предо мной, — что ни старость, ни Бог мой не избавят меня из рук ваших, — однако и я не переменю лучшего на худшее: ибо какая для меня польза освободиться из ваших рук на эти немногие дни? Ибо скоро, и помимо вас, взыщется с меня общий долг смертного естества[2]. Не воздам поклонения солнцу, ни почтения огню, чтобы никто не мог посмеяться над моею старостию, чтобы никто не поду-

---

[1] В этих словах заключается богохульная насмешка, ибо казнь чрез распятие считалась позорной, и ей подвергались наиболее преступные и презренные люди.

[2] Разумеется смерть, иначе — то, что все люди по природе смертны.

мал, что жизнь для меня дороже моего Бога; не продам за кратковременную жизнь столь великих небесных благ.

Волхв тотчас приказал, распростерши святого нагим на земле, крепко бить его суковатыми палками; и его били по всему телу так, что земля обагрилась кровию его.

Мучитель, поставив его снова пред собою, после продолжительных побоев, сказал:

— Акепсим! Где твой Бог? Пусть Он придет теперь и избавит тебя из моих рук.

Святой отвечал:

— О пребеззаконный! Бог мой вездесущ. Он наполняет небо и землю и имеет силу избавить меня из твоих рук. Но я умоляю Его благость не о том, чтобы Он избавил меня от причиняемых тобою мучений, но — о том, чтобы ниспослал мне терпение среди мучений, чтобы, претерпев до конца, я мог бы наследовать венец жизни. Какой же муки и смерти достоин ты, восстающий на Бога Живого, ты — земля и пепел? Поистине ты достоин того, чтобы сгореть в огне, которому поклоняешься теперь, как богу, — чтобы бог твой вечно жег тебя.

Князь волхвов, слыша это, пылал гневом и повелел обложить святого тяжелыми железными оковами и заключить в темницу.

Поутру на другой день был взят пресвитер Иосиф[1], семидесяти лет от роду, также и диакон Аифал[2], оба — мужи праведные и святые, ревность которых о Боге была подобно обоюдоострому мечу, посекающему безбожие. Они были приведены к нечестивому волхву, и он, гордо посмотрев на них, сказал:

— О погибшие люди! Зачем, обходя простых людей, вы обольщаете их вашим неправедным учением?

Пресвитер отвечал:

— Мы не обольщаем людей, но обращаем их от обольщения к истинному Богу, Который есть Господь и Создатель солнца и огня и всех видимых и невидимых тварей; а праведно наше учение потому, что оно учит об Едином истинном Боге.

Волхв сказал:

---

[1] *Иосиф* был пресвитером из Бет-Кетубы в Адиабене.

[2] *Аифал* — диакон из приевфратской местности в Вавилонии.

— Какое учение более справедливо: то ли, которого держатся царь и все его воеводы, или то, которому следуют люди худые, отверженные, нищие и ничтожные — как ты?

Пресвитер отвечал:

— Точно, мы худые и отверженные люди в сем мире, ибо Господь наш оказывает благоволение пребывающим не в гибельных для души богатствах и гордости житейской, но в нищете и смирении нашем; по этой причине многие из нас добровольно делаются нищими и смиренными, раздав свое имение в руки убогих, за что мы надеемся получить награду сторицею от нашего Господа. И если бы мы упражнялись в собирании богатств, то, трудясь своими руками, обогатились бы более, чем ты, не делающий ничего, а только поглощающий плоды чужих трудов и с притеснением отнимающий имение других людей, убогих; для нас же достаточно нашего труда, чтобы и самим питаться, в меру надобности, и питать более слабых братьев. Мы знаем, что для богатых труден путь в небесное Царство и что стремящиеся к обогащению впадают в искушение.

— Оставь свои длинные лживые речи и поклонись огню и солнцу, — сказал волхв, прерывая его беседу.

Пресвитер отвечал:

— Не надейся, что когда-нибудь увидишь меня исполняющим вашу беззаконную волю, ибо я не оставлю Создавшего огонь и солнце и не поклонюсь созданию.

Волхв, слыша это, повелел, обнажив святого пресвитера Иосифа, растянуть и бить прутьями розового дерева, ветви которого колючи подобно терновнику, — до тех пор, пока не была содрана вся кожа его и плоть не стала отпадать от костей.

Волхв тотчас приказал, распростерши святого нагим на земле, крепко бить его суковатыми палками; и его били по всему телу так, что земля обагрилась кровью его.

Святой, будучи весь окровавлен, воскликнул:

— Благодарю Тебя, Господи Боже мой, что Ты благоволил омыться мне от грехов в крови моей.

После долгих побоев святой был скован двумя железными оковами и отправлен в темницу к святому Акепсиму, где они имели один в другом отраду среди своих страданий, взаимно утешая друг друга надеждою на милость Божию.

Когда пресвитер был отведен в темницу, диакон Аифал остался пред князем волхвов, стоя связанным.

Волхв, посмотрев на него, сказал:

— А ты что скажешь? Исполнишь ли царское повеление? Поклонишься ли великому солнцу? Вкусишь ли жертвенной крови, чтобы избавиться от предстоящих тебе бедствий? Или останешься упорным и непокорным, как и прочие?

Святой диакон отвечал:

— Пить идоложертвенную кровь — это твое дело, нечестивый старик; за Бога ты считаешь то, что создано Богом. Я не буду в такой степени слеп душевными очами, как ты, и не почту тварь более, чем Творца.

Тогда мучитель повелел связать руки его под коленами и вложить сквозь связанные руки большой кол, а шести палачам, по три с каждой стороны, наступить на концы дерева и таким образом давить святого и при этом бить его без пощады колючими прутьями. Воины, прыгая на дерево, избили суставы мученика, стегая же его розгами, истерзали тело его.

Святой, доблестно терпя, сказал волхву:

— Ты веселишься, мучитель, видя растерзанное человеческое тело, как веселится пес или ворон, видя труп и желая насытиться им. Однако знай, нечестивец, что я считаю эти мучения за ничто.

Волхв, еще более воспылав яростию, повелел еще сильнее бить святого, пока не сломились кости его и плоть не начала отпадать от костей. Потом, перестав бить, понесли его в темницу, ибо он совсем не мог ступать ногами по причине жестоких ран, и, принеся, бросили его, как какое-либо бремя, к первым двум страдальцам.

По прошествии пяти дней святые были приведены из темницы на место, называемое Рай, где был храм бога огня, которого почитали нечестивые персы.

Князь волхвов, восседая там на судилище, сказал святым:

— Скажите мне без замедления, будете ли еще оставаться в своем безумии или, изменившись к лучшему, будете с нами заодно?

Святые отвечали:

— Да будет тебе известно, судия, что в том убеждении, которое имели от начала, мы остаемся поныне и пребудем в нем до конца. Ни угрозами, ни мучениями, ни подарками, ни иным каким-либо

образом ты не изменишь нашего доброго исповедания. Единого Бога, Господа всего, мы знаем и исповедуем, в Него Единого веруем и Ему Единому поклоняемся.

Волхв, услышав это, тотчас изобрел новое мучение. Он повелел обвязать мучеников веревками под руки, также — и бедра и голени их и, вложив в веревки палки, вертеть, и таким образом этими веревками стягивать их. Когда делали это, святые терпели жестокие мучения и страдания, ибо у них ломались кости, так что треск ломаемых костей был слышен даже стоящим вдали.

Мучители говорили им:

— Не сопротивляйтесь царской воле.

Они отвечали:

— Всякий, кто исполняет волю вашего беззаконного царя, противится Богу.

Так мучили святых от третьего часа до шестого[1]. Потом мучитель повелел снова отвести их в темницу, но святые не могли идти сами, поэтому их несли как ноши, и бросили туда же, где они были ранее. Мучитель отдал распоряжение сторожам, чтобы они не позволяли никому приходить к ним, и чтобы того, кто пожелал бы дать им пищу, или питье, или одежду, тотчас взять и убить. И Христовы страдальцы пребывали в этой темнице три года в великой нужде, изнемогая от голода и жажды и претерпевая чрезвычайные страдания от загноившихся ран, так что и сами сторожа, при виде такого бедственного положения их, умилялись и много раз плакали. Но, имея строгое запрещение от князя, они боялись делать им какое-либо послабление; только тайно кто-нибудь из них или из других бывших там же узников, подавал им иногда кусок хлеба или немного воды, — так терпели они из любви ко Христу.

Когда прошло три года, прибыл туда Сапор, царь персидский, то пришел с ним главный князь над всеми персидскими волхвами, по имени Ардасабор. Узнав о святых мучениках Акепсиме, Иосифе и Аифале, находящихся в темнице, он повелел привести их к нему.

Когда святые вышли из темницы, то были подобны трости, колеблемой ветром, — так они ослабели. Изнуренные голодом и жаж-

---

[1] На Востоке за начало дня считалось, по нашему часосчислению, время от шести часов утра. Отсюда третий час дня — по-нашему девятый час утра, шестой — двенадцатый дня.

дой, они высохли, подобно сену, падали от ветра и не могли сами идти. Когда их привели к князю Ардасабору, они представляли собой удивительное зрелище, ибо вид их был как вид мертвецов, лежащих во гробе: глаза глубоко ввалились, кости были покрыты только кожей.

Князь, увидев их, сказал:

— Христиане ли вы?

Они отвечали:

— Так, мы — христиане, веруем в Единого Живого Бога и поклоняемся Ему.

Князь сказал:

— Видите, какое бедствие принесла вам ваша вера, какие несчастия и скорби? Ибо вы утратили от многих мучений и долгого заключения образ живого человека и сделались похожими на мертвецов, лежащих в гробе. Советую вам поклониться пресветлому солнцу. Если же не послушаетесь меня, то умрете лютою смертию.

Святые единогласно отказались от такого нечестия и исповедали истинного Бога, создавшего не только солнце, но и всякую тварь, и обнаружили полную готовность умереть за Создателя всего.

После долгого спора, когда князь оказался не в силах подчинить их своей воле, то повелел сначала бить святого Акепсима по спине и по животу грубым ремнем; и били его тридцать воинов, глашатай же восклицал:

— Подчинись царскому повелению и будешь жив.

Святой, пока был в силах, отвечал:

— Я стараюсь исполнять волю Господа моего всеми силами, полученными от Него.

Потом, ослабев, замолчал. После этого отсекли его святую главу, — и исполнилось пророчество того боговдохновенного отрока, который прежде, целуя его в голову, сказал:

— Блаженна эта глава, ибо она приимет мучение за Христа.

Тело святого мученика вытащили на улицу и бросили на съедение псам, а стражи, стоя вдали, наблюдали, чтобы христиане не украли его. По прошествии трех дней, когда стражи отошли куда-то, христиане взяли это многоценное сокровище и предали его честному погребению.

После умерщвления святого Акепсима стали бить, по приказанию мучителя, святого пресвитера Иосифа, и глашатай восклицал:

— Будешь жив, если подчинишься царской воле.

Святой же восклицал:

— Бог — Един, и нет иного, кроме Него, Которым мы живем, движемся и существуем[1], в Него мы веруем, Его почитаем, — царским же повелением пренебрегаем.

После продолжительных побоев святой изнемог и сделался как бы мертвым. Мучители, думая, что он умер, вытащили его вон и бросили на торговой площади; потом, узнав, что он еще дышит, взяли его и заключили в темницу.

После того как удалили святого Иосифа, князь начал говорить святому Аифалу:

— Вот пред твоими глазами жизнь и смерть, честь и бесчестие; не избирай себе худшего, оставив лучшее, — не иди тем путем, которым пошли безумные и получили достойную, по своим делам, казнь. Ты же послушайся моего совета, чтобы сподобиться великих почестей и получить подарки из царских рук; если же не послушаешься меня, то сам будешь виноват в своей погибели.

Святой диакон отвечал:

— Великий был бы для меня, пред лицом неба и земли, стыд, если бы я не пошел тем же путем, каким пошли предо мною отцы мои. Если они, будучи стары годами и немощны плотью, так мужественно пострадали, то мне ли, более молодому годами и более сильному телом, бояться этих временных мучений? Не боюсь смерти за Христа, умершего за меня, не хочу терять вечной жизни за временную жизнь, не продам своего благочестия за ваши подарки и почести.

Тогда князь сказал с яростию окружающим:

— Возьмите и бейте его сильнее, чем первых.

Святой сказал:

— Пес смердящий и нечистый! Эти мучения устрашают только малодушных, а не крепких мужей, души которых пылают желанием соединиться со Христом.

И начали сильно бить святого Аифала. Князь с удивлением говорил своим:

[1] Выражение заимствовано из книги Деяний апостолов, гл. 17, ст. 28.

— Почему это христиане пренебрегают этой жизнью, а смерти желают, как благополучия житейского?

Окружающие сказали ему:

— Они имеют преданное от отцов их учение, которое говорит, что есть иной мир — лучший, чем этот; веруя этому учению, они пренебрегают этим миром, в надежде на лучший, потому и избирают себе добровольно смерть.

Между тем как князь в продолжение многих часов упражнялся в такой беседе с своими приближенными, святой принимал в это время бесчисленные раны.

Потом князь, притворяясь милосердным, приказал перестать бить мученика и сказал святому:

— Покорись царской воле и будешь здоров, ибо у нас есть врачи, которые могут исцелить все твои раны.

Святой отвечал:

— Если бы ты мог одним словом исцелить меня от ран, то и тогда я не подчинился бы вашему беззаконию.

Князь сказал:

— Я сказал это, испытывая тебя; ибо, если бы ты и подчинился, тебе уже невозможно было бы исцелиться от таких и столь многих ран, которые исцелить может только одна смерть. Будь же примером[1] для всех христиан, — чтобы не смели противиться царю и бесчестить его князей.

Святой отвечал:

— Беззаконный судья! Хотя ты и говоришь всегда ложь, теперь же, сам того не желая, сказал правду, — что я буду для всех христиан примером мужества и великодушия; ибо многие из верующих, взирая на меня, как на живой пример, и видя мое твердое страдание за Христа, исполнятся ревности о Господе Боге своем и пойдут на такие же мучения за Него.

Князь, удивляясь такому его мужеству и терпению, взглянул на стоящего поблизости своего любимого друга, по имени Адесха, который был из города Арбелы, и сказал ему:

— Возьми этих обоих христиан, Иосифа и Аифала, в свой город и сделай так, чтобы они были побиты камнями своими же христианами.

---

[1] То есть устрашающим примером того, как наказываются ослушники царской воли.

Он потому не захотел казнить их сам чрез усечение мечом, чтобы христианские учители приняли кончину от христианских же рук.

Адесх положил их на животных[1], как снопы или бездушное дерево, ибо они не могли ни ходить, ни сидеть, так как все члены их были расслаблены от бесчисленных мучений — почему и привязал их к животным и пошел с ними в свой город. На пути, когда нужно было остановиться для отдыха или ночлега, их клали на землю, снимая с животных, как бы мертвые тела, ибо они не могли шевельнуть ни руками, ни ногами, потому что, обессиленные побоями, находились в омертвении; и если кто, по состраданию, хотел дать им пищи или немного воды, то своими руками влагал им в уста; и снова, подняв их с земли, клали на животных и, привязав как мертвых, везли. По прибытии же в город Арбелу их заключили в смрадную темницу и не позволяли никому из христиан приходить к ним и в чем-либо позаботиться о них. Раны их очень загноились, из язв их текли гной и кровь, и не было никого, кто обвязал бы их раны, или перевернул бы на другой бок, или напоил бы чашею холодной воды. Так святые страдали за Бога.

Была в том городе одна верующая и святая женщина, по имени Снандулия, которая тайно питала страдающих в темнице за Христа. Узнав об Иосифе и Аифале, что они — в темнице, она пришла туда ночью с своими рабами; дав сторожам много золота, она вошла в темницу и нашла их еле живыми: они не могли уже ничего говорить и едва лишь дышали. Снандулия упросила сторожей, чтобы позволили ей взять святых на короткое время в свой дом, обещаясь до рассвета снова привести их в темницу, — и сторожа позволили ей. Взяв мучеников, она перенесла их в свой дом, который находился недалеко от темницы; положив на ложе, она омывала их язвы, обтирала их кровь чистыми полотенцами, мазала ею по телу своему, помазывала их драгоценным миром, обвязывала струпья их, целовала их разбитые руки и ноги и горько плакала над ними. Когда страдания их несколько облегчились, Иосиф пришел в себя и, взглянув, увидел эту благочестивую женщину, горько рыдающую над ним; он начал понемногу говорить ей:

---

[1] Имеются в виду мулы и ослы, на которых ездили и перевозили тяжести. Для перевозки более значительных тяжестей и на большие расстояния употреблялись верблюды.

— Такое твое благодеяние, о святая жена, благоугодно Богу и нам, страждущим за Него; но неприлично так горько рыдать о нас, и рыдание это чуждо нашей христианской надежде и вере.

Женщина отвечала:

— Я радуюсь тому, что Христос дал вам столько мужества, что вы твердо претерпеваете лютые мучения; еще более я возрадовалась бы, если бы увидела вас претерпевшими мучение до конца; плакать же свойственно человеческой природе.

Святой Иосиф сказал ей:

— Однако не следует тебе плакать о нас, ибо ты знаешь, что все, претерпеваемые за Христа, скорби ведут за собою вечное блаженство.

Когда стало рассветать, святые тотчас были отнесены в темницу. По прошествии шести месяцев, — когда святые несколько уже исцелились от ран, могли встать на ноги и понемногу ходить, только лишь у Аифала руки висели неподвижно, — Адесх, получивший их для казни от Ардасабора, был отрешен от своей власти, а вместо него пришел другой судья, более жестокий, чем первый, по имени Зеров. Когда он пришел в город и стал приносить жертвы в храме бога их — огня, жрецы известили его о святых мучениках, Иосифе и Аифале, говоря:

— Есть в темнице два христианских учителя, которые ранее были мучены Ардасабором, а потом приведены сюда, чтобы сами христиане побили их камнями. Так как они не могли ходить от ран, то поэтому мы не выводили их на казнь, но ждали, пока они выздоровеют, чтобы можно было заставить их склониться к единомыслию с нами.

Услышав это, судия тотчас повелел привести их к нему и долго спорил с ними, ласками и угрозами принуждал их поклониться огню и вкусить их жертв. Когда же он нисколько не успел в этом, то сначала повелел повесить святого Иосифа обнаженным вниз головою и бить воловьими жилами. И когда сильно били его, то немного поджившие раны снова открылись, и кровь текла, как бы из источников, потоками. Некоторые из присутствовавших там волхвов приблизились к святому и потихоньку сказали:

— Человек! Если стыдишься народа войти пред всеми в храм нашего бога и принести вместе с нами жертву, то обещай сделать это тайно, и будешь свободен от мучения.

Святой же громогласно воскликнул:

— *Удалитесь от меня все, делающие беззаконие, ибо услышал Господь голос плача моего* (Пс. 6, 9).

Три часа били его, потом мучитель повелел, сняв его, нести в темницу, ибо он опять не мог идти по причине открывшихся ран.

Когда сняли и отнесли в темницу святого Иосифа, на место его был повешен святой Аифал и также без пощады был бит в течение долгого времени. Он же беспрестанно восклицал:

— Я — христианин.

Когда сняли и святого Аифала, то на место его повесили одного человека манихейского злочестия[1], который также, исповедав пред всеми свою злочестивую веру, порицал персов за их нечестие. Повесив его, начали бить. Первоначально он терпел причиняемые ему раны; когда же его стали бить с большею жестокостию, он начал кричать громким голосом, проклиная своего учителя, отказываясь от веры его и обещая поклониться персидским богам. Присутствовавший там святой Аифал, услышав это, исполнился радости и смеялся над ним, говоря:

— Ты только отведал мучение, и уже отрекся от своего Манеса. Благословен Христос Бог наш, укрепляющий нас во всех жесточайших мучениях и подающий нам силу быть непобедимыми и непоколебимыми в нашей благочестивой вере!

---

[1] *Манихейство* — ересь, которая образовалась в Персии под влиянием попытки объединения христианства с началами персидской религии Зороастра, проповедовавшей дуализм, то есть существование от века двух самостоятельных начал или царств — доброго и злого. Основатель манихейства, Манес (жил в III веке), сначала был магом, потом принял христианство, сделался даже пресвитером, но вскоре был отлучен от Церкви за свою склонность к языческой персидской религии и впоследствии, при персидском царе Варане I, был казнен. По его учению, Христос есть лишь светлый эон (дух), происшедший от Отца света чрез истечение. Одна половина Его была поглощена материей и составила душу видимого мира, так называемый страждущего Иисуса, вторая, с помощью другого эона, Животворящего Духа, освободилась от материи и поместилась в солнце; это — так называемый бесстрастный Иисус. Воплощение Христа — это есть сошествие с солнца бесстрастного Иисуса для освобождения страждущего Иисуса, светлые частицы которого сатана, будто бы, собрал и, для бóльшего удобства обладания ими, заключил в лицј человека. По этому учению, воплощение Христа было только призрачным (докетизм). В нравственном отношении оно проповедовало борьбу с материей для освобождения от нее света, чрез постепенное умерщвление в себе плоти. Ересь манихеев была особенно распространена в IV и V веках.

Услышав это, судия разгневался на святого и повелел снова бить его колючими розовыми прутьями. И били его до тех пор, пока не подумали, что он уже умер, и, вытащив его вон, бросили как мертвого. Некто из волхвов, видя лежащее нагое тело, сжалился, повинуясь природному чувству, и покрыл его простынею. Некоторые из товарищей его, увидя это, сказали судие о том, что он сделал, и, схватив, били его беспощадно. Так безжалостные заплатили ему за добро; заметив же, что святой Аифал еще дышит, они взяли его за ноги и оттащили в темницу.

По прошествии некоторого времени святые мученики снова были вынесены к судие из темницы, и он сказал им:

— Пожалейте сами себя, люди, — вкусите жертвенной крови и освободитесь от мучений.

Они же единогласно отвечали:

— Пить кровь прилично не людям, а только плотоядным псам. Но так как ты хотя и человек по природе, но пес по нраву, лающий на создавшего тебя Бога, то сам пей кровь и насыться ею.

Судья, разгневавшись, снова повелел бить их. Присутствующие, сожалея их, стали говорить:

— Вместо крови, вкусите хотя вареного жертвенного мяса, чтобы освободиться от мучений.

Святые отвечали:

— Мы ничем не оскверним нашей непорочной веры.

После этого судия со своими советниками утвердил такой приговор над святыми мучениками, чтобы христиане побили их камнями.

Святой же Иосиф сказал:

— Я хочу сказать судие некоторую тайну.

Судья тотчас подошел к нему, думая, что он хочет принести жертву идолам. Святой же, плюнув судие в лицо, сказал:

— Не стыдно ли тебе, бесчеловечный судия, столь жестоко бороться против человеческой природы и обращать свою ярость против умирающих?

И возвратился судья со стыдом на свое место. Тотчас же было послано по христианским домам множество слуг, и они насильно привели христиан из домов на судилище, чтобы те побили камнями святого Иосифа. Оттащив его на просторное место, немного в сто-

рону от судилища, они выкопали яму до бедер и поставили в нее святого, потому что иначе он не мог стоять. Связав ему руки назад и поставив вокруг христиан, слуги вкладывали в руки христиан камни и принуждали последних бросать их в святого, что те и делали, хотя и против своей воли. Привели и блаженную Снандулию и заставляли ее бросить камнем в святого.

Она же воскликнула:

— От века не слышано, чтобы кто-либо принуждал женщину поднять руку на святых мужей, как делаете вы, воюя не против врагов, но против нас, и наполняя кровью и убийством отечество, находящееся в мире.

Нечестивцы прикрепили к длинной палке железный рог и дали Снандулии в руки, чтобы она издали пронзила им святого.

Она же сказала:

— Для меня было бы лучше, если бы вонзили это в мое сердце, чем коснуться святого и неповинного тела.

Вокруг святого было набросано множество камней, так что только голова его была видна. Некто из нечестивых, подняв большой камень, замахнулся им над головою святого и ударил его этим камнем в голову и раздробил ее. Так добрый страдалец предал свой дух в руки Господу. Была поставлена стража охранять мученическое тело, как какое-либо сокровище, чтобы оно не было украдено верующими. По прошествии трех дней произошло великое землетрясение. Огонь, упав с неба, сжег сторожей и разметал камни, как прах. Когда же землетрясение, гром и молнии прекратились, пришли люди на место, где тело святого было забросано камнями, и увидели, что камни раскиданы, тела же святого не нашли, ибо Господь, ведомыми только Ему судьбами, перенес его в неведомые места.

Святой диакон Аифал быль отвезен в селение, называемое Патриас[1], и там также христиане побили его, по принуждению, камнями; святое же тело его жившие поблизости иноки, придя ночью, тайно взяли и предали честному погребению. На том месте, где был убит святой Аифал, выросло дерево «мирсина»[2], от которого по мо-

---

[1] Это селение находилось в Бет-Нугардской области. Нугарды — город с епископией, подчиненной митрополии Мосульской.

[2] *Мирсина* — мирт, миртовое дерево. Оно растет в Азии, в тропических странах Америки, в Африке — в Египте и в южной Европе, по берегам Средиземного

литвам святого мученика исцелялись всякие болезни. И стояло то дерево в течение пяти лет, исцеляя недуги всех приходящих. При виде этого нечестивые по зависти срубили его под корень. Многие из достойных видели на том месте блистание небесного света и Ангелов, воспевающих и славящих Бога, прославляющего Своих святых, молитвами которых да сподобимся и мы воспевать, вместе с Ангелами, славу в вышних Богу вовеки. Аминь.

ОСВЯЩЕНИЕ ХРАМА СВЯТОГО ВЕЛИКОМУЧЕНИКА **ГЕОРГИЯ** в Лидде

Третьего ноября Русская Церковь воспоминает обновление храма святого великомученика Георгия в Лидде[1].

Святой великомученик Георгий пострадал в жестокое гонение на церковь римского императора Диоклетиана. Во время своих страданий, будучи заключен в темницу, святой Георгий просил темничного стража допустить к нему в темницу его слугу, и когда слуга был допущен к нему, то он упросил его перенести тело его по смерти в Палестину. Слуга в точности исполнил просьбу своего господина. Взяв из темницы обезглавленное тело великомученика, он с честью похоронил его в городе Рамле[2].

В царствование благочестивого императора Константина чтители святого великомученика выстроили во имя его прекрасный храм в Лидде. В этот храм ко времени его освящения были перенесены из

моря. Дерево это достигает трех сажень высоты, имеет красноватую кору и длинные крепкие ветви с постоянно зелеными мелкими листьями и с распускающимися в мае белыми душистыми цветами. Миртовое дерево было самым любимым у древних, его разводили в садах, им в праздники украшались жилища, миртовые венки надевали на голову во время пиршеств, особенно — свадебных. Мирт почитался у древних вообще символом любви, тихого счастья, изображением радостных обстоятельств в настоящем и светлых надежд в будущем.

[1] *Лидда*, или *Диосполис*, — город в Палестине, в равнине Саронской, в пределах колена Вениаминова.

[2] *Рамла* — город в Палестине, недалеко от Иоппии.

Рамлы нетленные мощи святого великомученика. Событие это произошло 3 ноября. Неизвестно, было ли уже и тогда установлено каждогодное празднование этого дня, — во всяком случае, в месяцеслове Сирской церкви от 1030 года 3 ноября отмечается как праздничный день.

Впоследствии великолепный храм великомученика, составлявший одно из главных украшений города Лидды, пришел в большое запустение. Неповрежденными в нем остались только алтарь и самый гроб великомученика, где христиане продолжали отправлять свое богослужение. Внимание к этому храму со стороны православной Руси пробудилось во второй половине XIX века. Жертвы благотворителей и обильные средства, отпущенные Русским правительством, дали возможность Лидде вновь увидеть этот храм благоустроенным и приукрашенным. Освящение обновленного храма состоялось в 1872 году, 3 ноября, в годовщину того дня, в который он был освящен впервые. Воспоминание об этом знаменательном событии Русская Церковь совершает в этот день и до настоящего времени; в честь этого торжества на Руси построено много монастырей и церквей.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
АКЕПСИМА

Святой Акепсим жил в царствование Феодосия Великого[1]. Затворившись в малой келии, он прожил в ней шестьдесят лет, перенося сильный жар и холод, никого не видя, ни с кем не беседуя и только молясь Богу. Келия его была выкопана в земле и была очень неудобна для обитания; пищею же ему служила чечевица, смешанная с водою, да и то однажды в неделю. Необходимую для питья воду он черпал из ближайшего источника ночью, чтобы не быть кем-либо видимым. После усиленных просьб он принял сан епископа и, сотворив многочисленные чудеса, в мире предал дух Господу.

---

[1] *Феодосий Великий* — Римский император с 379 по 395 год. В его царствование вера христианская была окончательно утверждена в Римской империи.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ

АТТИКА, АГАПИЯ, ЕВДОКСИЯ, КАТЕРИЯ, ИСТУКАРИЯ, ПАКТОВИЯ и НИКТОПОЛИОНА

Святые мученики Аттик и Евдоксий в царствование Декия[1] состояли воинами в городе Севастии[2] вместе с Катерием и Истукарием. Святые, за распространение веры во Христа, были схвачены полководцем Маркеллом, который предал их многочисленным мучениям. После того они были ввержены в темницу, где были биты по плечам и по чреву воловьими жилами, и затем им были сокрушены зубы. Во время мучения полководец, обратившись к святому Катерию, спросил:

— Ты научил народ не слушаться царских повелений?

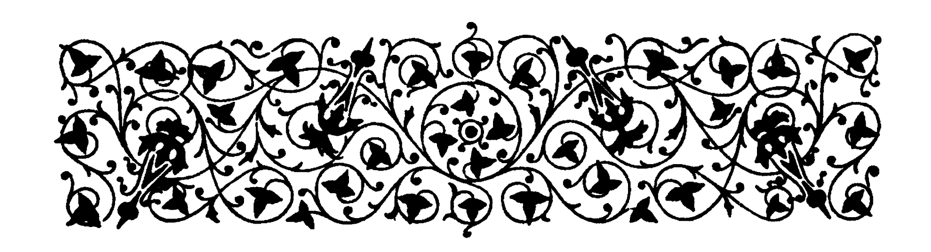
— Я не учил народ, — ответил он, — противиться царю, но научил веровать бессмертному Царю-Христу.

После этого были приведены святые: Истукарий, Пактовий и Никтополион, которые исповедовали Христа Бога, за что были осуждены и биты кольями, а также претерпели и другие многочисленные мучения и наконец вместе с другими были осуждены на сожжение и так о Господе скончались.

---

[1] *Декий* — Римский император, жестокий гонитель христиан; царствовал с 249 по 251 год.

[2] Под этим именем известно несколько городов. Здесь говорится о Севастии Армянской.



День четвертый

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ИОАННИКИЯ ВЕЛИКОГО

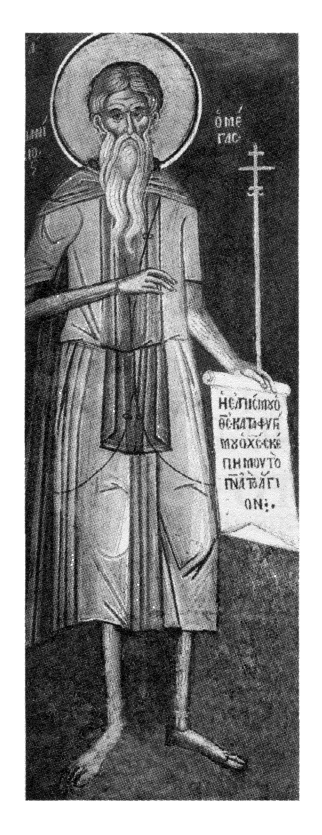
Преподобный Иоанникий родился в Вифинской области, в селении, носившем название Марикати[1]. Отца его звали Миритрикием, а мать — Анастасиею. Когда Иоанникий стал подрастать, родители поручили ему пасти домашний их скот. Наукам он хотя и не обучался, однако превосходил разумом многих ученых, потому что изучил заповеди Господни. Следуя внушениям вразумлявшего его Духа Святого, он был весьма добродетелен, кроток, смиренен, терпелив и послушлив, а к молитве имел такое усердие, что часто, оставив свое стадо, по целым дням стоял в каком-либо уединенном месте и усердно молился Богу. Когда же он удалялся на молитву, то осенял свое стадо крестным знамением, и стадо его никуда не расходилось, его не расхищали ни звери, ни воры, и блаженный отрок, возвращаясь к вечеру из своего уединения, пригонял стадо домой.

Так проводил жизнь святой до тех пор, пока не вступил в юношеский возраст. В то время в Греции царствовал нечестивый Лев, сын Константина Копронима, зараженный иконоборческою ересью[2].

---

[1] *Вифиния* была северо-западной провинцией Малой Азии. Ныне она занимает северную часть Анатолии. Христианство в Вифинии появилось еще при апостолах. Ныне в Вифинской епархии находится 12 епископских кафедр, подведомых архиепископу Никомидийскому. — Селение *Марикати* находилось к северу от Аполлонии, известной колонии на берегу Понта, во Фракии.

[2] *Лев IV* царствовал, с 775 по 780 год по Рождестве Христовом. *Иконоборцы* — еретики, восстававшие против почитания святых икон. Гонение на иконы началось при императоре Льве Исавре в 626 году.



Этот царь стал собирать со всей империи в свое войско молодых людей, отличавшихся красотою и храбростью. Посланные им для производства этого набора пришли и в Вифинскую область. Посетив то селение, где жил Иоанникий, они увидели, что этот юноша был красив, имел высокий рост, крепкое тело и был способен к военной службе; поэтому они взяли его с собой и зачислили его в экскувиторы[1]. С того времени Иоанникий начал военную службу и был страшен своим мужеством врагам, а по кротости и смирению своему — любезен своим сотоварищам; всего же приятнее был он Богу, так как тщательно соблюдал Его святые заповеди. Но диавол, из зависти к такой добродетельной жизни Иоанникия, увлек его в иконоборческую ересь. Эта ересь в то время производила большое смущение в Церкви Божией: из храмов Господних выбрасывались святые иконы, а те, кто поклонялся им, подвергались преследованиям. И так обольщен был Иоанникий тою ересью, что даже и слышать не хотел ничего о святых иконах. Но Бог, хотящий всем спасения, спас и его от такого обольщения следующим образом.

По устроению Божию, Иоанникий был послан с своим отрядом на Восток и, на возвратном пути оттуда, проходил чрез гору Олимп[2], на которой в то время жил один инок, отличавшийся особою прозорливостью. Этот инок, узнав от Духа Божия, что мимо него идет с отрядом Иоанникий, вышел из своей пустынной келии и сказал ему:

— Чадо Иоанникий! Если ты называешься христианином, то почему презираешь икону Христа? Все твои подвиги в добродетельной жизни напрасны, если ты не имеешь правильной веры.

Услышав это, Иоанникий удивился, что его назвал по имени тот; кто его не знал, и что о его делах знает человек, никогда его не ви-

---

[1] Гвардейские солдаты, охранявшие царский дворец.

[2] *Олимп* — гора в Вифинии, привлекавшая своей уединенностью и дикостью многих пустынников.

давший. Поняв, однако, что говоривший с ним исполнен Духа Божия и что он узнал все его дела в силу своей прозорливости, Иоанникий упал пред ним на землю, кланяясь ему и прося у него прощения. Он говорил, что согрешил по неведению, и обещался воздавать подобающую честь и поклонение иконе Христа и изображениям всех святых. С этого времени блаженный Иоанникий начал усердно почитать святые иконы и глубоко раскаивался в том, что, по невежеству своему, презирал их. Желая загладить свой грех, он стал изнурять себя постом и различными способами умерщвлять свою плоть. Пребывая при царском дворце, он ложился на голую землю, молился по целым ночам, вкушая очень немного пищи; однако, когда ему приходилось бывать на общей трапезе с воинами, он старался скрыть от них свое постничество.

Когда он провел целых шесть лет в таковых подвигах, на греков ополчились с большими силами болгары и стали опустошать Фракию[1]. Царь Греческий вышел против них со всем своим войском, в котором находился в то время и блаженный Иоанникий. Когда оба войска, сойдясь, начали сражение и болгары стали одолевать греков, то Иоанникий показал чрезвычайную храбрость, поражая иноплеменников, как новый Давид; он, пред лицом самого царя, спас свой отряд от вражеских мечей, мужественно отражая нападение врагов и посекая их, как тростник. Он избавил также одного знатного греческого вельможу, вступившего в бой с болгарами, которого те уже захватили было в плен: бросившись на них, Иоанникий одних зарубил мечом своим, других разогнал и, таким образом, освободил плененного вельможу. Царь, обратив внимание на его храбрость, спросил о его отечестве, происхождении и имени и повелел все это записать в памятную книгу[2], чтобы, по окончании сражения, можно было почтить такого храброго воина высоким саном и другими подарками. Между тем Иоанникий, увидев одного болгарина,

---

[1] *Фракия* (в обширном смысле) в древности обнимала собой нынешнюю восточную часть Венгрии, Трансильванию, Бессарабию, Молдавию, Валахию, Болгарию, Сербию и восточную часть Румелии. Но в собственном смысле Фракией называлась только восточная часть нынешней Румелии. — Болгары, жившие к северу от Греции, в те времена делали частые нападения на Греческую империю.

[2] Царские чиновники имели особые дневники, в которые заносились все важнейшие события, совершавшиеся в империи.

страшного видом, подобно Голиафу, — который загородил путь грекам и убивал их, — устремился на него и тотчас обезглавил его. Таково было мужество блаженного Иоанникия в борьбе против врагов видимых; оно предуказывало собою его будущую борьбу с врагами невидимыми и победу его над ними.

Возвращаясь после войны мимо горы Олимпийской, Иоанникий вспомнил о том иноке, который, выйдя к нему из пустыни, обличил его в иконоборческой ереси. Вспомнив об этом, он решил в уме своем оставить все и, поселившись на той горе, жить в безмолвии, как инок, пребывая в общении с одним только Богом. Свое решение он вскоре исполнил. Ибо когда он пришел в царскую столицу и за оказанное им в боях мужество должен был получить здесь почетное звание и подарки от царя, то все это он презрел, почитая за уметы[1]. Удалившись от своих товарищей по оружию, он пошел к инокам на двадцать пятом году своей военной службы, чтобы начать новую брань — против «духов злобы поднебесных» (см.: Еф. 6, 12). Прибыв в монастырь Авгарский и будучи хорошо принят жившими там иноками, Иоанникий открыл игумену Григорию свое намерение идти в пустыню и жить там в одиночестве и безмолвии. Игумен сначала одобрил его решение, но потом сказал:

— Хотя и доброе ты замыслил, возлюбленный, но я не советую тебе избирать прямо пустынный образ жизни и удаляться от людей, прежде чем ты не привыкнешь к иноческим уставам и обычаям. Итак, поживи сначала с добродетельными и опытными иноками, узнай от них, в какие часы и как должно совершать молитву, научись смиренномудрию, послушанию и кротости, а затем уже ты можешь идти в пустыню. Опасайся, чадо, чтобы, начав вести такую жизнь без научения, не быть тебе самому уязвленным и побежденным от врага, вместо того чтобы уязвить и победить его.

Иоанникий, вняв этому полезному совету, на время оставил свое намерение и стал жить с благочестивыми мужами, чтобы приучить себя к их добродетельному житию. Он присматривался к иноческим уставам и жизни в трех монастырях и сначала учился в монастыре Авгарском, а потом пошел в другой монастырь, называвшийся Утотелас, и, будучи человеком некнижным, начал там учиться грамоте.

---

[1] То есть считая простым сором, который выметается из дома (см.: Флп. 3, 8).

Увидев же, что монастырь тот часто посещается мирянами и что из-за них нарушается иноческое безмолвие, он ушел отсюда и пришел в третью обитель, Антидиеву, где и прожил два года. Он изучил там тридцать псалмов Давидовых и получил много пользы для иноческой жизни от тамошних иноков.

По истечении двух лет Иоанникий снова возгорелся желанием жить в пустынном безмолвии и вознамерился взойти на близлежавшую гору и, поселившись там в уединении, начать пустынное житие. Но перед этим он семь дней пробыл в посте и усердно молился Богу, чтобы Он был ему руководителем на пути, который он избирал. В седьмой день этот новый Моисей услышал свыше голос, повелевавший ему идти на ту гору. Иоанникий вышел из Антидиева монастыря и поспешил к недалеко отстоявшей оттуда горе. Взойдя на нее, он стал искать там место для обитания. И вот он увидел двух иноков пустынножителей, на которых были одежды из волоса и которые питались растущими в пустыне травами. Подойдя к ним, блаженный поклонился им; они же, встав, сотворили молитву и потом стали беседовать с ним. Иоанникий рассказал им о себе все и открыл свои намерения, а иноки с своей стороны не оставили его без вразумления. Они предсказывали ему, что чрез пятьдесят лет его подвижничества, при самом конце его жизни, ему будет причинено искушение завистливыми людьми, «но, — говорили святые, — горькие последствия этого искушения падут на их же головы, ты же не потерпишь никакого зла», что и сбылось, как видно будет из последующего. — Предсказывая это Иоанникию, оные блаженные пустынники дали ему власяную одежду, которая на туземном языке зовется «левитонар». Эта одежда была для Иоанникия как бы непроницаемым щитом против всех вражеских стрел, как об этом он поведал впоследствии сам. По окончании душеполезной беседы пустынники разошлись и удалились в отдаленную пустыню, а Иоанникий пошел на гору, которая называлась Трихаликс, и пребывал там, не имея келии, прямо под покровом неба. Узнав о нем, вышеупомянутый игумен Авгарского монастыря Григорий построил ему на той горе небольшую хижину, в которой блаженный мог бы укрываться от бури, дождя и снега, и Иоанникий, затворившись, пребывал в той хижине. Потом к нему начали ходить монастырские братия, желая насладиться его душеполезной беседой. Это было ему

неприятно, потому что этим нарушалось его безмолвие, и поэтому, оставив ту гору, он пошел искать другого места для безмолвной жизни. Проходя мимо селения, находившегося в Геллеспонте[1], он увидел вблизи него другую высокую гору, с непроходимыми дебрями и скалами, поселился в ней и, выкопав себе тесную и глубокую в земле пещеру, начал жить в ней, никуда из нее не выходя. Пищу получал он от одного пастуха, который пас на той горе коз. Он приносил, один раз в месяц, понемногу хлеба и воды святому, получая за это от него высший дар — благословение и молитву. Святой подвизался там три года, день и ночь молясь и прославляя Бога. Воспевая псалмы Давидовы, он к каждому стиху присоединял такие слова:

— Упование мое — Отец, прибежище мое — Христос, покровитель мой — Дух Святой.

Так утешался святой, повторяя эти слова; по его примеру многие и теперь имеют обычай часто произносить их[2].

Через три года своего пребывания в тесной пещере святой однажды отправился к одной, недалеко от него находившейся, церкви. Случайно в ту же церковь пришли несколько воинов, которые некогда служили вместе с Иоанникием и были дружны с ним. Один из них, увидев Иоанникия, узнал его и, обняв его, плакал от радости и вспоминал ему об их прежнем житии и о храбрости, какую они обнаруживали в боях, а также и о тех почестях, каких Иоанникий удостоился получить от царя. Воин удивлялся, почему Иоанникий, все это оставив, нашел лучшим жить в нищете. Когда же этот воин обратился к другим, желая рассказать им об Иоанникии, в это время Иоанникий ушел от них и, желая дальше скрыться от всех, удалился в горы Контурийские[3], где было много зверей и змей. Там поселился святой, избегая славы человеческой; он жил со зверями и змеями и говорил с Давидом: *удали́хся бегая и водвори́хся в пусты́ни, ча́ях Бога, спасающаго мя от малоду́шия и от бури* (слав. Пс. 54, 8–9).

---

[1] *Геллеспонт* — нынешний Дарданелльский пролив. Геллеспонтом назывался также и округ на восточном берегу этого пролива.

[2] Эта молитва преподобного Иоанникия употребляется и ныне в богослужении церковном, именно в конце повечерия, в таком виде: *упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святый, Троица Святая, слава Тебе.*

[3] На западе Малой Азии.

Спустя довольно времени Иоанникий решил пойти в Ефес к церкви святого Иоанна Богослова[1] для того, чтобы помолиться там. На дороге в Ефес, проходя мимо одного молитвенного дома[2], он встретил, при закате солнца, чету супругов, шедших к тому дому помолиться о своих почивших родителях. Увидев его, супруги испугались, ибо он был страшен: высокий ростом, одетый в рубище, босой и весь обросший волосами. Святой же, видя, что они трепещут от страха, кротко сказал им:

— Не бойтесь, дети, но скажите мне, куда ведет эта дорога?

Они сказали, что та дорога идет к реке, которая в то время была в полном разливе, так что ту реку нельзя было переплыть без ладьи. Иоанникий же пошел к реке и, подойдя к ней, немного отдохнул, а в полночь встал и перешел на другой берег по воде, как по суше, не замочив ног. Когда же он пришел в Ефес и подошел к храму святого Иоанна Богослова, перед ним сами собой отверзлись церковные двери. Войдя внутрь, он, сколько подобало, помолился, кланяясь и лобызая святую икону возлюбленного ученика Христова. Когда же он вышел из церкви, двери тотчас же затворились сами собою, и он снова пошел в путь, возвращаясь к своему жилищу в Контурийских горах. Случилось ему в это время проходить мимо некоего женского монастыря, где была одна монахиня, имевшая при себе юную дочь, которая, будучи объята плотскою страстию, хотела оставить иноческую жизнь и мать свою и, возвратившись в мир, выйти замуж. Мать со слезами умоляла ее, чтобы она претерпела плотскую брань ради любви ко Христу, чтобы не оставляла иночества и не отдавала бы себя на поругание и погибель бесу. Но она не смогла убедить той, которая горела пламенем страстей и уже решилась бежать из монастыря. Узнав все это, блаженный Иоанникий почувствовал жалость к той девице и, призвав ее, сказал:

— Положи, чадо, руку твою на мою шею.

Когда девица это сделала, святой со слезами помолился Богу, чтобы девица избавилась от своей страсти и от диавольского иску-

[1] В Ефесе святой апостол Иоанн долго жил и там же скончался. Ефес считался столицей Малой Азии.

[2] Вероятно, это была часовня. Часовни, или молитвенные дома, строились пустынниками, которым далеко было ходить в церковь, или же частными лицами, особенно на тех местах, где скончались и были погребены их родители.

шения и чтобы вся тяжесть ее страданий и плотских страстей перешла на него. Так и случилось. Та девица освободилась от всех нечистых мыслей и плотских похотей и осталась в своем монастыре, проводя жизнь в бесстрастии и угождении Богу; Иоанникий же ушел своим путем, в Контурию. На дороге он ощутил в себе пламень плотской похоти, и напали на него, как страшная буря, скверные помыслы; нечистые страсти волновались в нем, кровь кипела, как в котле, и все мучения, которые претерпевала та девица, достались в удел блаженному Иоанникию. Он же мужественно претерпевал их, утруждая свою плоть великими подвигами. Встретив однажды в большой расселине горы гнездившегося там огромного змия, Иоанникий вознамерился отдать себя ему на съедение, решившись лучше умереть, чем соглашаться с нечистыми мыслями и осквернить свое чистое тело. Он бросился к змию, думая, что тот пожрет его, но змий не хотел к нему прикоснуться. Когда Иоанникий стал дразнить его, желая быть пожранным, змий неожиданно оказался мертвым. С того часа у Иоанникия перестали появляться скверные помыслы, страсть угасла, похоть утихла и спокойствие возвратилось в тело его. Вместе с тем ему дана была власть наступать на видимых и невидимых змиев и сокрушать им головы. Однажды святой стоял и воспевал псалмы Давидовы, как вдруг куча камней, находившаяся вблизи святого, начала колебаться. Взглянув туда, святой увидел выходившего из средины камней страшного змия с огненными глазами. Он дотронулся до змия своим жезлом, и тот тотчас издох. Другой раз, в зимнюю пору, святой вошел в одну глубокую пещеру и нашел гнездившегося в ней змия, глаза которого горели как огни. Не догадываясь, что пред ним был змий, и думая, что это в самом деле огонь, святой собрал дров и стал класть на змия, желая согреться у костра в такую стужу. Змий, встряхнувшись, сбросил с себя дрова, и тогда святой увидел, что тут был змий. Однако он не испугался, но поместился на правой стороне пещеры и оставался здесь вместе со змием до тех пор, пока не окончилась зима.

Когда оканчивался уже двенадцатый год пребывания Иоанникия в пустыне, голос свыше повелел ему идти в монастырь, называемый Эристе, и облечься там в иноческий сан. Он тотчас же пошел в на-

званный монастырь и, придя туда во время жатвы, объявил о себе игумену того монастыря Стефану. Этот последний, сотворив утром обычные молитвы, облек в иноческий образ преподобного Иоанникия, который, впрочем, был уже совершенным иноком, превосходя многих своими подвигами. Будучи же облечен в иноческие одежды, преподобный еще более стал подвизаться, восходя от одних трудов к другим. Он поселился в местности, называемой Критама, и сковал себя железными веригами[1], в шесть локтей долготы[2], и пробыл в затворе и в узах три года, как добровольный узник и мученик Христов.

Спустя три года Иоанникий пожелал пойти в Хелидон, чтобы увидеть там великого между постниками Георгия[3]. Сняв с себя узы, он отправился в путь, и когда пришел к реке, называемой Горам, то встретил змия, который возмущал в реке воду и останавливал ее течение: молитвою и крестным знамением он умертвил того змия. Придя же к великому Георгию, он пробыл с ним три года, выучил у него всю Псалтирь и снова потом удалился в Антиохийскую обитель с учеником своим Пахомием.

Весьма поучительны некоторые события из жизни преподобного Иоанникия. В бытность свою в обители Авгарской Иоанникий пошел однажды с другими иноками посмотреть созидавшуюся на недалеко находящейся оттуда горе новую обитель. Когда он приближался к этой горе, из пустыни показался необычайно большой козел. Шедшие с Иоанникием иноки стали помышлять о том, как бы им поймать этого козла, из кожи которого можно было получить хороший мех. Преподобный, уразумев помышление их, повелел одному иноку, по имени Савве, пойти и привести к нему того козла. Савва же сказал:

— А если козел убежит, как мне догнать его?

Святой сказал ему:

— Ты сделай только то, что тебе приказано, а козел уже сам подойдет к тебе и последует за тобой.

---

[1] Цепи, оковы, которые подвижники надевали для умерщвления плоти.

[2] *Локоть* — десять с половиной вершков.

[3] *Георгий*, впоследствии епископ Амастрийский, в Пафлагонии. Память его — 21 февраля.

Потом, обратившись к другим инокам, он спросил их:

— Удобна ли козлиная кожа для приготовления из нее меха?

Они же сказали:

— Очень удобна; об этом мы и раньше, чем ты сказал, думали.

Когда козел был приведен, преподобный стал гладить его своею рукою, а братию учил в это время щадить животных и умерять свои вожделения; а вслед за этим он снова отпустил козла на пастбище в пустыню.

Имел преподобный и дар прозорливости; он предсказал скорую смерть царя Никифора, и предсказание его исполнилось, ибо он умер, будучи ранен в сражении с болгарами. Предсказал также он скорую смерть начавшего царствовать после Никифора сына его, Ставрикия[1]. Когда он жил на горе Прусентийской, стоявшей рядом с высокой горой Олимпом, там был один инок, по имени Гурий, человек лицемерный, искавший славы от людей, и на самом деле всеми прославляемый как великий подвижник. Этот инок, видя, что ему далеко еще до истинно-добродетельного подвижника, святого Иоанникия, уязвлен был завистью. Желая погубить Иоанникия, он пришел к нему, как Иуда, со льстивыми словами и вложил яд в питье его. Преподобный, как человек незлобивый, думая, что Гурий питает к нему искреннюю дружескую любовь, и ничего не подозревая, выпил смертоносный яд; тотчас же вслед за этим он почувствовал страшные мучения и даже стал опасаться за свою жизнь. Бог, однако, не дал угоднику Своему скончаться безвременно такою смертью, но послал ему на помощь Своего святого мученика Евстафия[2], который, явившись ему в видении, исцелил его от болезни и возвратил ему здравие. В благодарность за то преподобный построил там храм во имя святого великомученика Евстафия и устроил при нем монастырь.

Однажды ночью Иоанникий, стоя на молитве, увидел такое видение: с восточной стороны горы открылся источник, источавший

---

[1] *Никифор I* царствовал с 802 по 811 год. Сын его, Ставрикий, царствовал только два месяца, а через три месяца, по своем низложении, умер.

[2] С именем Евстафия соединяется воспоминание о нескольких мучениках (именно 7 июля, 20 августа, 27 сентября, 24 октября и др.). Какой мученик имеется в виду здесь, неизвестно. Может быть, великомученик Евстафий Плакида или Евстафий, епископ Кийский, или Пруссиадский, пострадавший за святые иконы. Иоанникий в то время жил на горах, стоящих недалеко от Пруссиады.

обильную воду, а около того источника стояло множество овец, пивших истекавшую из источника воду. Святой удивлялся этому видению, ибо знал, что никакого источника и овец в той пустыне никогда не было. Наутро он пошел к тому месту, но не нашел ничего — ни овец, ни источника; но место то оказалось очень хорошим и удобным для жительства. Преподобный узнал от старцев, что на том месте некогда стояла церковь Пресвятой Богородицы, и поэтому он изъяснил себе свое видение так: источник, в изобилии источающий воду, есть благодать Пресвятой Богородицы, которая должна изливаться на том месте, овцы же — люди, получающие благодать от Пресвятой Богородицы. И стал преподобный прилагать все усилия к тому, чтобы восстановить на том месте церковь во имя Пресвятой Богородицы, что ему и удалось в скором времени. Он создал прекрасную церковь, устроил там монастырь и собрал там множество братии с помощью и при содействии Преблагословенной Богородицы.

При постройке церкви преподобный Иоанникий трудился сам, нося камни и помогая строившим. Однажды, когда он протянул руку, чтобы взять с земли камень, из-под камня выползла ехидна и, ужалив его в руку, повисла на ней. Он же, как новый Павел, стряхнул ее, не потерпев никакого вреда (см.: Деян. 28, 5).

Творя свою молитву, преподобный Иоанникий возвышался горé не столько духом, но и плотью и приподнимался довольно высоко над землею. Однажды ученик и подражатель его святого жития, блаженный Евстратий, в то время, когда преподобный шел один помолиться в церковь, тайно последовал за ним и, укрывшись в одном углу церкви, внимательно присматривался к тому, как он совершал молитву. Он увидел, что преподобный воздвиг горé свои руки и, высоко поднявшись над землею, стоял в воздухе и молился, и это привело в ужас Евстратия. По совершении молитвы преподобный опять стал на землю и, заметив Евстратия, вознегодовал на него и сказал: «Писано: *не приселúтся к Тебе лукáвнуяй* (слав. Пс. 5, 5), — ты же осмелился подсмотреть грешную мою молитву».

Преподобный запретил Евстратию кому-нибудь рассказывать об этом.

Много чудес творил дивный Иоанникий. Одним только словом он изгонял из людей бесов, исцелял всякие болезни крестным знамением и молитвою и многих избавил от укушения змей. Поэтому к нему стекалось множество народа: один просил исцеления от болезни, другой — избавления от нечистых духов, иной — только благословения и молитвы. Этим нарушалось безмолвие, которому посвятил себя Иоанникий, и тяготясь этим, он снова ушел на Трихаликову гору и пребывал на ней, не имея никакого убежища.

Евстратий же, инок Авгарского монастыря, питая горячую любовь к блаженному отцу и желая видеться с ним, ревностно разыскивал его и нашел его на горе Трихаликовой. После обычной молитвы Евстратий спросил блаженного Иоанникия о Льве Армянине[1], который в то время царствовал в Греции, — долго ли он будет смущать Церковь Божию иконоборческою ересью. Святой тотчас же сказал, что Лев скоро умрет. Это так и случилось, ибо Михаил, прозванный Валвос, или Травлий, убил Льва Армянина и вступил после него на престол[2].

В старости Иоанникий привык ходить с жезлом. Однажды, когда он шел в горах узким проходом, жезл случайно выпал из его рук и пропал, потому что свалился с горы в пропасть, так что нельзя было и найти его. Святой, скорбя о потере жезла, преклонил колена, совершая обычную молитву Господу, а жезл в это время, невидимой силой принесенный по воздуху, очутился в руке святого.

Проходя другой раз по пустыне, блаженный нашел одну пустую пещеру, в которой обитали бесы. Пещера эта полюбилась преподобному, и он остался жить в ней. Бесы же, не вынося его присутствия, восстали против него явно и причиняли ему различные беспокойства, надеясь испугать его и прогнать оттуда. Они кричали на него, скрежетали зубами, насмехались над ним, пугали его, бегали взад и вперед, нападали на него и, казалось, колебали всю пещеру. Но святой, по слову святого апостола Павла, стоял, как бы в день брани, одетый в броню правды и со щитом веры и нисколько не страшился вражеских нападений[3]. Бесы же, как когда-то, не вынося прише-

---

[1] *Лев V Армянин* царствовал с 813 по 820 год.

[2] *Михаил II Косноязычный* царствовал с 820 по 829 год.

[3] *Примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолев, устоять. Итак станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись*

ствия Христа, кричали: *пришел ты сюда прежде времени мучить нас* (Мф. 8, 29) и, не в силах будучи победить непобедимого, бежали от него, побежденные им сами.

В то время дочь одного боярина, истинно верующая, лежала без сил на одре и очень страдала. Когда ее понесли к святому, он тотчас вышел к ней навстречу и, умилосердившись над ней ради ее благочестия, так как она почитала святые иконы, хотя и жила среди множества иконоборцев, исцелил ее молитвою и крестным знамением от болезни. Случилось быть там зятю святого, женившемуся на сестре его; он был помрачен иконоборческою ересью, и святой долгое время убеждал его познать правый путь истинной веры и воздавать подобающую честь святым иконам. Когда же он не мог оказать на него никакого действия своими наставлениями (ибо тот, как фараон, пребывал в упорстве), тогда блаженный, позабыв о своем близком плотском родстве с ним, помолился Богу о том, чтобы у того иконоборца ослепли и плотские его очи, если он не имеет очей душевных. Так и случилось: зять его ослеп и понес наказание, соответственное своему нечестию.

У этого великого отца был обычай сходить с горы навстречу, если он слышал что кто-то собирался посетить его. Так поступал он, чтобы не затруднять посетителей, ибо вход на гору был труден и неудобен. Однажды шли к нему два епископа, Халкидонский и Никейский[1], а с ними — Петр и Феодор Студиты[2], с Иосифом и Климентом. Блаженный, сойдя с горы, встретил их и с любовью приветствовал. После обычной молитвы, когда они вступили в душеполезную беседу, блаженный сказал одному из пришедших, именно Иосифу:

— Не смущайся, брат Иосиф, но тебе нужно приготовляться ко исходу.

в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого (Еф. 6, 13–15).

[1] *Халкидон* — город в Вифинии. Там был IV Вселенский собор. *Никея* — город в той же области. Там был I Вселенский собор.

[2] *Студиты* — монахи Студийского монастыря в Константинополе, построенного в половине V столетия консулом Студием в честь Иоанна Крестителя. Эти монахи назывались «неусыпающими», потому что, будучи разделены на три отделения, поддерживали постоянное богослужение в церкви.

Этих слов преподобного не поняли тогда. Когда же прошло после этого восемнадцать дней и Иосиф переселился в иную жизнь, тогда вспомнили слова блаженного Иоанникия и поняли, что он своими прозорливыми очами провидел смерть Иосифа и о ней именно предсказал ему, повелевая приготовляться к исходу.

В пятый год правления Михаила, в конце четырнадцатого года со дня смерти царя Никифора, когда многие славные бояре и воины были заключены болгарами, победившими греков, в узы и темницы, преподобный вспомнил о тех пленниках и почувствовал к ним в своем сердце особенное сострадание, ибо услышал, что они находятся в крайне бедственном состоянии, сидят в смрадной и мрачной темнице, будучи скованы цепями, и что они даже лучше бы согласились принять смерть, чем оставаться живыми в таких страданиях. Из сострадания к ним Иоанникий оставил пустынное и безмолвное житие свое и пошел в болгарскую землю, чтобы разрешить узы связанных и освободить пленных. Придя в город, в котором греки были заключены в узах, он незаметно подошел к темнице, так что воины, сторожившие двери темницы, не могли видеть его. Он сотворил крестное знамение на дверях, и темница тотчас отворилась. Войдя в нее, преподобный крестным знамением разрешил всех от уз и повелел идти за собою. Все узники вышли из темницы, а присутствовавшие там стражи и не заметили этого. Святой же, освободив греков от уз и темницы, подобно тому как Христос освободил из ада души праведных, в течение всей ночи, как новый Моисей, вел их при сиянии чудесного света[1] и довел их до пределов Греческой империи. На пути он учил их не быть, подобно отцам своим, родом строптивым и огорчающим Бога (см.: Иез. 3, 9; Иер. 7, 18–19), но уповать на Него и не забывать благодеяний и чудес Его. Когда же он стал прощаться с ними, все они припали к его ногам, умоляя его сказать имя свое, и говорили:

— Скажи нам, человек Божий, кто ты?

Имени своего преподобный не скрыл, но при этом повелел воздавать благодарение одному Богу; затем он снова вернулся в свое тихое уединение.

---

[1] Когда Моисей вел евреев из Египта, путь им указывал облачно-огненный столп, шедший впереди израильтян.

Однажды преподобный сел на корабль и отплыл к обители святого Феофана, находившейся в Сигриане[1], чтобы там помолиться. Когда на возвратном пути оттуда он пристал к острову Фасу[2], то жители того острова, как иноки, так и миряне, услышав о пришествии к ним Иоанникия, пришли к нему и умоляли блаженного, чтобы он изгнал с их острова змей, которые в то время до чрезвычайности расплодились на том острове. Святой, вняв их просьбам, вознес свои усердные молитвы к Богу, — и тотчас все змеи того острова, собравшись вместе, бросились в глубину моря и с тех пор на том острове змей никогда не появлялось. Преподобный же удалился оттуда в другое уединенное место. С ним был в это время игумен монастыря, находившегося на острове Фасе, Даниил. Брату Даниила, иноку Евфимию, святой предсказал скорую кончину, сказав:

— Готовься, брат Евфимий, ибо вскоре ты совершишь шествие в «горняя»[3].

После этого преподобный вошел в одну небольшую пещеру, намереваясь в ней отдохнуть, и нашел пребывавшего там демона, который был лютее, чем прежние. Несмотря на это, Иоанникий с Даниилом остались в этой пещере на жительство. Демон же, будучи недоволен их пребыванием, являлся им черным, страшным и с яростию нападал на них, желая выгнать их из пещеры, но они, уповая на Господа, без боязни оставались там. Наконец, этот древний человекоубийца[4], бросившись на них, связал Даниилу ноги, а Иоанникию причинил такую боль в боку, что тот в течение семи дней не мог произнести ни слова, сам же бежал из пещеры, так как не мог пребывать в одном месте с угодниками Божиими. После этого преподобный Иоанникий снова возвратился на Трихаликову гору и предсказал скорую смерть одному монаху, по имени Исакию, который нерадел о своем спасении; кроме того, Иоанникий изгнал молитвой

[1] *Феофан Исповедник*, заключенный в темницу Львом Армянином за исповедание истинной веры. Он был игуменом в Сигрианской области, около Кизика, в Малой Азии. Память его празднуется 11 октября.

[2] *Остров Фас*, или *Фазос*, — остров на Эгейском море. Плодородие этого острова вошло у древних в пословицу.

[3] То есть переселишься в небесные обители.

[4] Так назвал диавола Господь Иисус Христос (см.: Ин. 8, 44), потому что он был первым виновником духовной и телесной смерти людей, искусив их в раю.

и знамением святого Креста из виноградников червей, приносивших большие опустошения.

Однажды пришла к нему для молитвы одна старица, игумения Клувийской обители[1], со своею дочерью. Он же, взяв жезл, который был в руке матери, вложил его в руку дочери ее[2]. Мать, смутившись, сказала:

— Отче, жезл нужен мне, чтобы поддерживать мое слабое тело, по причине моей глубокой старости.

Не говоря ни слова в ответ, он своим поступком предсказал будущее; ибо, немного времени спустя, та старица умерла, а дочь ее избрана была вместо нее начальницей. После этого блаженный пошел оттуда с учеником своим Евстратием к другой горе, очень дикой и непроходимой, которая носит название Вороновой. Прожив здесь некоторое время, он вошел на горы обители Антидийской и, выстроив там небольшую келию, жил в общении с Богом. Он сотворил здесь много чудес, исцелял больных, исправил речь косноязычного, сделал яростного и гневливого кротким, обратил еретиков от заблуждения к Православию, предвозвестил многим кончину их, ибо был исполнен благодатию жившего в нем Святого Духа.

Этот преподобный достиг такой высоты духовной жизни, что его не все даже удостаивались видеть, и многие, желавшие видеть его, приходя к нему в келию, все-таки не видели его. Когда же они уходили, смиренный отец говорил ученику своему:

— Брат Евстратий! Это по твоим молитвам я остался невидим для приходивших.

Однажды, когда на той горе созидаем был храм святого Иоанна Крестителя, вид коего был начертан преподобным Иоанникием, издалека пришли некоторые братья — иноки, желая видеть светлое лицо угодника Божия. Прибыв к созидавшемуся храму, они присели там, дожидаясь прихода преподобного отца, которого они желали увидеть. Туда пришел и преподобный Иоанникий, чтобы посмот-

---

[1] *Клувийский* от греческого слова *клувос* — клетка. В некоторых монастырях общежительных были и отдельные помещения, или клети, для желавших вести уединенную жизнь.

[2] Начальники и начальницы монашеских обителей имели знаком своего достоинства жезл.

реть, по данному ли чертежу строится храм; он стоял пред очами пришедших ради его братий, смотря на здание, но они не могли его видеть. Пробыв среди них довольно долгое время, он возвратился в свою келию, не показавшись пришедшим и с нетерпением дожидавшимся его прихода. Один же из иноков, живших близ него, по имени Иоанн, узнав о происшедшем, сказал ему:

— Отче! Не следовало бы братию, предпринявшую ради тебя такое продолжительное путешествие, отпустить в скорби, не дав им увидеть лица твоего; это прискорбно и смущает мое сердце.

Святой же, похвалив труд и усердие тех братьев, начал молиться за них, а после молитвы, обратившись к Иоанну, сказал:

— Брат! Мы не имеем своей воли, но Бог делает с нами то, что Ему угодно. Если бы Богу было угодно, чтобы пришедшие братия увидели меня, то они узрели бы меня даже и в том случае, когда бы я скрылся от них, между тем как я, и не скрываясь, долгое время стоял пред их очами, и если они не увидели меня, то, значит, так было угодно Богу.

Другой раз, когда некоторые братия пришли к преподобному и сидели пред его келией, разговаривая между собою, неожиданно показалась большая и страшная медведица, шедшая на них с близлежавшего поля. Увидев ее, они чрезвычайно испугались.

Святой же сказал им:

— Господь дал нам, Своим рабам, власть попирать льва и змия, которые страшнее всех зверей, а вы боитесь медведицы?

Он повелел бросить ей кусок хлеба, который она взяла и ушла в пустыню.

Преподобный Иоанникий был настолько духовен и имел такие ясные духовные очи, что мог видеть и небесных духов, и души праведных. Так однажды, стоя на молитве, он увидел душу одного архимандрита Петра, которую Ангелы несли со славою на небеса, окруженную сиянием необыкновенного света, и рассказал о том ученикам своим для их назидания.

В то время, когда над греками царствовал Феофил иконоборец[1], были отправлены этим царем два знатных мужа к преподобному Иоанникию, чтобы спросить его, следует ли почитать образ Христов? Когда посланные пришли к святому, он отверз свои богодух-

[1] С 829 по 842 год.

новенные уста, и когда начал говорить в силе подаваемой ему свыше мудрости, мужи те устыдились, будучи не в силах что-либо возразить ему. Чрез него говорил Сам Бог, Который в Евангелии говорит ученикам Своим: *Не заботьтесь наперед, чтó вам говорить, и не обдумывайте; но что дано будет вам в тот час, тó и говорите, ибо Я дам вам уста и премудрость*[1] (Мк. 13, 11; Лк. 21, 15). Ясно показывая, что святым иконам следует воздавать подобающую честь, он обратил их на истинный путь, и они, отрекшись от иконоборческой ереси, поклонились образу Христову.

Однажды игумен Авгарского монастыря, Евстратий, вопросил преподобного Иоанникия:

— Отче, доколе будут попираемы святые иконы, доколе они не будут возвращены Церкви и будут усиливаться гонители их, а стадо Христово — расхищать дикие звери?

Преподобный Иоанникий отвечал:

— Подожди немного, брат, и ты увидишь действие силы Божией, ибо управление Церковию возьмет в свои руки некто Мефодий. Он, при воздействии Божественного Духа, устроит ее, истребит ереси, утвердит православными вероопределениями Церковь, восстановит спокойствие и единомыслие, а противников его смирит десница Вышнего.

Это пророчество Иоанникия вскоре исполнилось, ибо некоторое время спустя царь Феофил, иконоборец, умер, а на престол вступил сын его, Михаил[2], за малолетством которого управление империей взяла в свои руки мать его, Феодора[3]; Мефодий же был поставлен патриархом[4]. Этот последний внес в церкви святые иконы, утвердил Православие, утишил все споры и волнение и прекратил смятение. Когда же чрез некоторое время диавол снова воздвиг людей, смущавших и раздиравших Христову Церковь, то преподобный Иоанникий выступил на помощь блаженному Мефодию, поборавшему еретиков силою слова Божия. То сам лично, то своими посланиями Иоанникий защищал Православие и снова воз-

---

[1] То есть особенно не бойтесь, когда вам придется говорить пред сильными и знатными людьми, ибо Я дам вам способность говорить мудро.

[2] *Император Византийский Михаил III* царствовал с 842 по 867 год.

[3] Скончалась в 867 году. Память ее празднуется 11 февраля.

[4] С 843 по 847 год. Память его празднуется 14 июня.

вращал к Церкви тех, которые отпадали от нее; епископа же Мефодия, много раз совсем изнемогавшего в борьбе с еретиками, преподобный подкреплял и утверждал своими посланиями. Однажды, когда, во время чтения послания Иоанникия на соборе, еретики стали всячески насмехаться над блаженным и хулить его, преподобный, узнав о том Духом Божиим, внезапно явился на собор и начал так говорить о Боге и о Божественном, что все удивлялись его премудрости и разуму. И слова его богоглаголивых уст не остались без действия; ибо, как некогда на Иерусалимском собрании во время речи апостола Петра[1], так и здесь, слушавшие преподобного Иоанникия умилялись сердцем, с любовию принимали слова его и обращались к правой вере. Так заботился преподобный о мире Церкви и спасении душ человеческих, и вскоре, его заботами и молитвами, ересь была подавлена и мир возвращен был Церкви; диавол же, смущавший Церковь, бежал со стыдом, ибо боялся Иоанникия и от молитв его исчезал, как воск от огня.

Однажды в обители преподобного совершалось освящение молитвенного храма, который был построен преподобным. Когда вся братия собралась, а святого еще не было, внезапно явился целый полк бесов, сходивших с холма, как бы настоящие люди. Все чрезвычайно испугались, не зная, что делать, а святой, хотя его и не было с ними, духом видел происходившее и, тотчас обратившись к молитве и воздев руки горé, стал возносить свои прошения к Богу, которые, как стрелы, поразили полк бесовский и обратили их в бегство. Братия же, видя, как бесы убегали, как бы гонимые ударами и израненные, перестали бояться и с радостию совершали свой праздник.

В то время измаильтяне[2] воевали с греками и, поразив греческие войска, многих взяли в плен и держали в узах. Один из знатных греков, родственник которого, юноша, был также взят в плен, умолял преподобного Иоанникия спасти от плена этого его родственника, как он избавил некогда греков, находившихся в плену у болгар. Преподобный же, будучи милосерд, пошел в землю измаильтян

---

[1] Книга Деяний апостолов, гл. 2, ст. 14. Здесь разумеется речь апостола Петра в день Пятидесятницы.

[2] *Измаильтяне*, иначе *арабы*, — потомки Измаила, сына Авраамова. Арабы в то время составляли могущественное государство.

и, дойдя до темницы, вывел на свободу не только того юношу, но и остальных греков, находившихся с ним в узах, тогда как стража ничего не видала, ибо пред преподобным двери отворялись сами собою и оковы снимались сами. Когда же они были на пути в Греческую землю, на них во множестве напали лютые псы[1], которых святой поразил слепотой, так что пленники прошли среди них без вреда для себя.

На той горе, где постился преподобный, невдалеке жил один инок, по имени Епифаний, известный своим подвижничеством. Диавол возбудил в нем чувство зависти к Иоанникию, и он стал враждовать против блаженного, завидуя той славе, какою прославлял Иоанникия Бог, сказавший: *Я прославлю прославляющих Меня* (1 Цар. 2, 30). Из зависти Епифаний замыслил погубить неповинного и чистого сердцем Иоанникия, для чего поджег хворост, бывший в изобилии на той горе, где спасался преподобный, чтобы Иоанникий в том пожаре сгорел вместе со своею келией. Но Бог, спасший от огня отроков в Вавилоне (см.: Дан. 3), сохранил невредимым и угодника Своего, блаженного Иоанникия. Блаженный же, видя злобу врага своего, не разгневался на него, и даже не огорчился, но, желая добром победить зло и незлобием разрушить вражду, пришел со смирением к Епифанию, спросил его о причине гнева и умолял о прощении. Когда же тот, в ярости, ударил палкою с острым железным наконечником святого в живот, чтобы проткнуть его, то Господь, не оставляющий *жезла нечестивых над жребием праведных* (Пс. 124, 3) (то есть Бог не попускает грешникам одолеть праведников), сохранил святого невредимым от удара. Это и было тем искушением блаженному, о котором предсказали ему два преждеупомянутые пустынника, давшие ему левитонар и сказавшие притом:

— К концу твоей жизни тебе будет причинено искушение от завистливых людей, но горькие последствия этого искушения падут на главу врага, ты же не потерпишь никакого зла.

Дожив до глубокой старости, преподобный отец наш Иоанникий, уже изнемогший телом от многих трудов и подвигов, пришел

[1] На Востоке чрезвычайно много диких собак, которые отличаются чрезвычайной лютостью.

в Антидиеву обитель и, построив там небольшую келию, затворился в ней; если же и случалось ему когда выходить из келии, то, проходя обыкновенною дорогою, он оставался невидимым для тех, кого не желал встретить.

В пятый год царствования Михаила причтенный впоследствии к лику святых патриарх Мефодий, провидя приближение отшествия Иоанникия к Господу, пришел к нему со своим клиром, испрашивая у него последнего благословения и молитвы. Преподобный же Иоанникий, довольно долго побеседовав с святым Мефодием и дав пришедшим с ним наставление о православной вере, предсказал Мефодию, что и тот, по его кончине, вскоре перейдет от временной жизни к вечной. Потом, сотворив молитву и поцеловав друг друга последним целованием, они расстались, и патриарх воротился домой, а преподобный отец остался в своей келии, молитвою приготовляясь к кончине. На третий день по уходе патриарха преподобный и богоносный отец наш Иоанникий отошел ко Господу, 4 ноября, прожив от рождения девяносто четыре года. На восьмом же месяце, по преставлении его, почил о Господе и святейший патриарх Мефодий, 14 июня. И так сбылось пророчество преподобного Иоанникия, которое он изрек патриарху, что и тот вскоре вслед за ним перейдет из временной жизни в вечную. Когда же преподобный отец наш Иоанникий умирал, иноки, жившие в то время на горе Олимпе, видели огненный столп, восходивший от земли к небу, пред которым шли Ангелы, отверзая пред ним райские двери и возводя к горнему блаженству. Из этого иноки и узнали, что преподобный Иоанникий, скончав подвиг жизни своей, переходит к небесному покою.

Преподобный сотворил многие чудеса не только во время своей жизни, но и по своем преставлении, ибо многие больные, прикасаясь к его святым мощам, получали здравие, другие избавились от бесов, расслабленные вставали с одра и всякий, каким бы ни был одержим недугом, если только касался его ковчега, тотчас выздоравливал. Так Бог чудесами прославлял Своего угодника и при жизни, и по смерти. Его молитвами да явит и нам Господь милость Свою и да исцелит нас от болезней наших, душевных и телесных, для прославления Своего святого имени. Аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ НИКАНДРА ЕПИСКОПА и ЕРМЕЯ ПРЕСВИТЕРА

Святые Никандр и Ермей просвещены были светом учения Христова и поставлены на священнослужение святым апостолом Титом[1]. Многих эллинов[2] они обратили от языческого заблуждения и привели ко Христу. За это они были схвачены и приведены на допрос к комиту[3] Ливанию. Когда Ливаний, после долгих стараний отвратить их от Христа, ничего не мог достигнуть, он повелел привязать их к резвым коням и, гоняя последних, влачить рабов Христовых. Влачимые таким образом долгое время, они обагрили землю своею кровию. Тела их, ударяясь по земле о камни и пни, покрывались ранами, и, по закону естества человеческого, им надлежало бы умереть, если бы Сам Господь не укреплял их во время мучений. Потом едва живых их ввергли в темницу и морили голодом и жаждой; но Господь питал их хлебом небесным[4] и исцелял их раны. По некотором времени они опять были приведены на допрос и, когда отказались повиноваться мучителю, были повешены на дереве, строгаемы железом и палимы свечами. Затем они были брошены в разожженную печь, но остались невредимы, ибо Ангел Господень, сойдя к ним, остудил печь и сохранил их невредимыми от огня. Наконец, мучитель приказал вбить им железные гвозди в голову, сердце и чрево, и после того для них выкопали яму и еще дышащих бросили туда и засыпали землею. Скончавшись такой жестокой и тяжкой смертью, святые Никандр и Ермей достигли вечной радостной жизни с Господом, Которому слава вовеки. Аминь.

---

[1] *Святой Тит* — ученик и ставленник святого апостола Павла. Он был епископом на острове Крите. Память его совершается 25 августа.

[2] *Эллинами* назывались собственно греки; но в житиях святых этим именем иногда обозначаются вообще язычники.

[3] *Комит* — градоначальник.

[4] Под хлебом небесным можно разуметь или действительную пищу, которая чудесно посылаема была святым мученикам в темнице, или вообще подкрепление их свыше, при котором они не нуждались и в пище.

ПРЕСТАВЛЕНИЕ БЛАЖЕННОГО
СИМОНА ЮРЬЕВЕЦКОГО

Этот блаженный отец наш родился в Плесской волости[1] в селе Оделеве от благочестивых родителей Иродиона и Марии. С юных лет он принял на себя подвиг юродства и тайно ушел из родительского дома в густые и непроходимые леса. Однажды поселяне из веси Ялнатской в уезде города Юрьевца Поволжского, занимаясь рубкой деревьев и собиранием меда, нашли в дебрях этого блаженного Симона. Они стали спрашивать его, кто он и откуда родом. Но святой ничего не сказал им, кроме своего имени. Видя, что на святом Симоне была очень ветхая одежда, поселяне сжалились над ним и привели его в свое селение к священнику, по имени Иосифу. В доме этого священника святой Симон стал заниматься работой, особенно он любил исполнять тяжелые работы и через то умерщвлял плоть свою: он часто молол муку на ручных жерновах, рубил дрова для всех жителей селения и ни от кого не брал никакой платы. Также часто и ревностно посещал он храм Божий, где возносил Господу свои молитвы и прославлял Его святое имя. Не раз святой подвергался насмешкам и поношениям, но все это переносил кротко, не питая злобы на своих досадителей. Постоянно, зимой и летом, он ходил в одной рубашке, никогда не носил обуви; ложем ему служила земля, кровом — небо. Прожив немало лет в Ялнатском селении, Симон переселился в город Юрьевец и здесь также продолжал подвизаться подвигом юродства Христа ради. Часто добрые люди давали ему одежду или сапоги, но он оставлял все это, а облекался в худое вретище. У святого был обычай приходить часто на постоялый двор. В зимнюю пору он часто проводил здесь ночи. Тогда он молился, бодрствовал; часто хозяева и ночевавшие там выгоняли его на стужу. Нередко он ходил по берегу реки Волги, и часто в зимнее время можно было видеть след его обнаженных ног. От суровой жизни кожа его совсем почернела и прилипла к костям. Часто он при многих обличал и поносил сам себя; так смирял он свою плоть и дух. За свою благочестивую жизнь он еще при жизни сподобился

[1] *Плес* — ныне заштатный город Костромской губернии Нерехтского уезда, на берегу реки Волги.

получить дар прозрения, так что мог видеть то, что было скрыто от других.

Однажды, юродствуя, он вошел в дом воеводы Третьяка Трегуба. Воевода разгневался на блаженного и велел его силой вывести из дома. Выходя из дома, святой сказал, что на следующий день случится несчастье. Так и вышло. На другой день жена воеводы упала, выходя из сеней, и сильно расшиблась. С этого времени воевода стал уважать блаженного Симона.

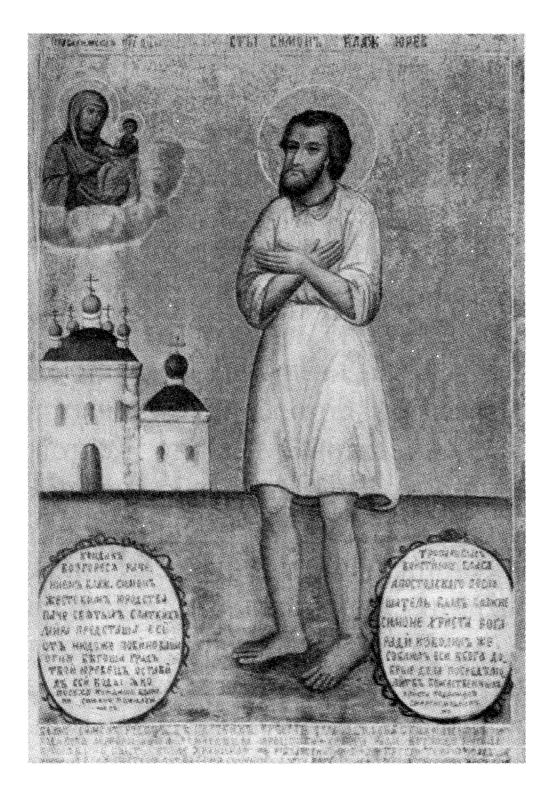
Чрез некоторое время блаженный Симон снова пришел к тому же воеводе и предсказал, что в городе произойдет сильный пожар. Вскоре так и случилось. Уже более семидесяти дворов было охвачено пламенем. Тогда воевода приказал привести к себе блаженного Симона. Его нашли стоящим на коленях перед одной из городских церквей. Он со слезами молился пред образом Пресвятой Богородицы. Блаженного привели к воеводе. Воевода вместе с другими гражданами стал молить святого, чтобы он избавил их от страшного бедствия. Симон, протянув руку, указал на пламя и, юродствуя, ударил воеводу по щеке — и пожар тотчас же прекратился.

Святой еще при жизни восприял такую благодать от Господа, что по молитвам его совершались различные чудеса и подавались исцеления недугующим. Один юрьевецкий житель, Иосиф Зубарев, переплывал реку Волгу. Внезапно поднялся сильный ветер, волны стали заливать маленькую лодку. Испуганный Иосиф вдруг увидел на берегу блаженного Симона; он стал мысленно просить святого, чтобы блаженный своей молитвой спас его от неизбежной гибели. Тогда же Иосиф обещал дать святому новую одежду и обувь. Буря тотчас же прекратилась, и Иосиф благополучно переехал реку. Но потом, как часто случается, он забыл о своем обещании. Спустя уже много дней он встретился с блаженным.

— Иосиф, — сказал ему святой, — ты не исполнил своего обещания. Помнишь ли, что обещал ты, когда тонул на Волге?

Тогда Иосиф вспомнил о своем обещании и почувствовал стыд. Упав к ногам святого, он просил прощения.

— Ступай, — сказал блаженный, — и отдай нищим то, что ты мне обещал, и никогда не забывай их, ибо милостыня избавляет нас от напастей и бед.



Священник соборного храма юрьевецкого во имя святого и славного великомученика Георгия, по имени Алимпий, однажды, вкушая рыбу, проглотил кость. Она остановилась у него в гортани. Долго он страдал, ему все становилось хуже, и он уже стал отчаиваться в своем выздоровлении. Однажды он встретился с блаженным Симоном и стал просить у него помощи. Святой коснулся несколькими перстами горла этого иерея, и он тотчас же вместе с кровью выплюнул и кость и совершенно выздоровел.

Однажды в осеннюю пору на Волге поднялось сильное волнение. Один из юрьевецких жителей, Петр, живший недалеко от берега реки, вдруг заметил, что кто-то идет по волнам. Он ужаснулся. Но, думая, что ошибся, он подошел к самому краю берега и стал пристально всматриваться. Вдруг он ясно увидел, что это блаженный Симон идет по воде с посохом в руке. От изумления Петр не мог тронуться с места. Подойдя к нему, блаженный сказал ему:

— Никому не говори того, что ты видел, доколе я жив.

По кончине святого Петр рассказал всем о столь великом чуде. Все удивлялись и прославляли Господа, посылающего в мир Своих славных угодников.

Предчувствуя свое скорое отшествие из временной жизни, святой пришел в дом нового воеводы Феодора Петелина. Чем-то разгневанный воевода, не зная блаженного, приказал его бить. Симон сильно заболел. Оставленный на дворе у воеводы, святой призвал к себе одного иерея. Исповедавшись, святой с великим благоговением сподобился причаститься Божественных Тайн Христовых и предал Господу свою святую душу. Феодор, узнав о смерти блаженного, стал

горько плакать и раскаиваться в своем согрешении. Между тем весь город собрался на погребение святого. С псалмопениями и песнями духовными погребли тело святого угодника в Богоявленском юрьевецком монастыре[1]. Это произошло 4 ноября 1584 года. При погребении святого воевода Феодор Петелин раздавал много милостыни. Когда он возвратился домой, то увидел, что денег у него нисколько не стало меньше. Он понял, что это произошло по дивному промыслу Божию, и возблагодарил Господа и славного отца нашего Симона. В 1619 году над могилой блаженного построили храм в честь Пресвятой Богородицы Одигитрии с приделами во имя пророка Илии и святого Макария Желтоводского. Место над могилой блаженного Симона было отмечено деревянной гробницей для того, чтобы кто-либо, по незнанию, не ступил на то место. В это время к гробнице пришла одна женщина, по имени Саломия, и просила священника совершить над гробом святого панихиду.

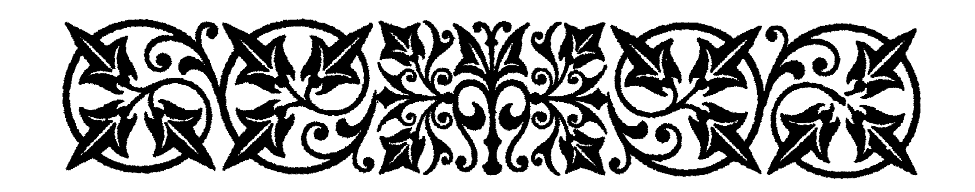
— Более восемнадцати месяцев лежала я в тяжкой болезни. Однажды ко мне явился некий муж, в одной рубашке, с обнаженными ногами, с длинными и черными волосами, среднего роста. Представший предо мною, сказал: «Иди в Богоявленский монастырь и попроси отслужить панихиду над гробом Симона юродивого». Я почувствовала себя совершенно здоровой и пришла помолиться над гробом этого праведника.

Все бывшие тут были весьма удивлены ее рассказом, ибо она никогда не видела блаженного Симона. Некоторые пожилые люди сказали, что ей явился сам Симон: вид его был именно таков, как она его описала.

Много и других чудес совершилось у гроба блаженного. В 1635 году патриарх Иосиф повелел построить раку и написать икону святого угодника Божия, не престающего и поныне молить Господа о спасении душ наших. Аминь.

---

[1] Ныне упраздненном.



День пятый

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ
СВЯТЫХ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКОВ
ГАЛАКТИОНА и ЕПИСТИМЫ

В Финикии[1], в городе Эмесе, жил некто Клитофон, человек благородный, знаменитый и богатый. Жена его, по имени Левкиппия, дочь епарха[2] Мемнона, была бесплодна и сильно скорбела об этом, так как за бесплодие ей часто приходилось выслушивать упреки от мужа, а иногда переносить брань и даже побои. Оба они были язычники, держались эллинского[3] лжеверия и особенно чтили богиню Артемиду[4].

В то время городом управлял некто Секунд сириец, который чрезвычайно немилосердно и жестоко относился к верующим во

---

[1] *Финикия* — узкая полоса земли, тянущаяся вдоль восточного (азиатского) берега Средиземного моря к северу от Палестины. Страна эта была известна с древнейших времен и первоначально населена была народом, родственным народу еврейскому, и вместе первым морским и торговым народом древнего мира, основавшим свои колонии и склады в различных местах земного шара. В глубокой древности главные города Финикии представляли собой отдельную самостоятельную общину, а затем они образовали союз, во главе которого стал город Тир. В VIII веке до Рождества Христова Финикия была покорена ассириянами и потом последовательно переходила под власть различных народов: вавилонян, персов, греков, римлян, арабов, турок-сельджуков и турок-османлисов, каковым принадлежит до настоящего времени. Начало христианства в Финикии относится ко временам апостольским.

[2] *Епарх* — начальник области.

[3] То есть языческого.

[4] *Артемида* — греческая языческая богиня луны и охоты. О великолепном храме ее в Ефесе, в Малой Азии, упоминается в книге Деяний апостольских (см.: Деян. 19, 24–29).

Христа. Он придумал множество различных орудий для мучения и выставил их посреди города на страх христианам. Вследствие этого, многие из верующих, из боязни тяжких мучений, скрывались, а другие, смело исповедуя Христа, сами отдавались в руки мучителей и умирали за имя Господа своего. Там был, между прочим, один инок, именем Онуфрий, который, чтобы не узнали, что он — христианин, скрыл свое иночество под нищенским рубищем, и, переходя с места на место и от дома к дому, просил, как убогий, куска хлеба, а между тем, где можно было, учил истинной вере и обращал к Богу души человеческие. Таким образом пришел он и к дому Клитофона и, стоя у ворот, начал просить хлеба. Левкиппия, видя человека, одетого в рубище и просящего хлеба, приказала одной из рабынь затворить перед ним двери: в тот день она была рассержена, так как муж нанес ей побои из-за ее бесплодия. Инок же продолжал, как это в обычае у нищих, стоять у ворот, прося милостыни. Вскоре Левкиппия смилостивилась, велела пустить старца во двор и снабдила его всем нужным. Старец, принимая милостыню, услышал тяжкий сердечный вздох Левкиппии и спросил ее:

— Что за печаль у тебя, госпожа моя, что ты вздыхаешь так тяжко?

Она отвечала ему:

— Нет у меня, старец, детей, так как я бесплодна, и за это притесняет и гонит меня муж мой; много раздала я золота врачам и чародеям, чтобы они помогли мне и разрешили мое бесплодие, и нет мне от них никакой помощи, а только впадаю я все в большее уныние.

Старец спросил:

— Какому Богу служишь ты?

— Я служу великой богине Артемиде, — отвечала она.

— Потому-то ты и бесплодна, что не имеешь упования на Бога, могущего дать плод чреву твоему, — отвечал старец.

— Но на какого же бога мне нужно надеяться, который мог бы дать мне такую благодать, чтобы я могла называться матерью? — спросила Левкиппия.

— Уповай на истинного Бога Иисуса Христа, — отвечал старец, — и веруй в Него и в Безначального Отца Его и в Святого Единосущного и Животворящего Духа.

Левкиппия спросила:

— Не о том ли Боге ты говоришь мне, Которому служат галилеяне?[1]

— Именно о Нем, — отвечал старец, — ибо Он сотворил небо, основал землю, создал человека и всякое живое существо.

— Я боюсь, — заметила на это Левкиппия, — как бы не узнал о такой моей вере начальник области Секунд и не предал меня смерти, как сделал он со многими другими: всех верующих в Того Бога, о Котором ты говоришь, он убивает без милосердия.

— Если ты боишься начальника области, — сказал старец, — то можешь тайно служить Святой Троице: вот и я, боясь угроз мучителя, тайно служу Богу моему и, по благодати Его, надеюсь получить спасение, ибо я, как видишь, — христианин, инок и пресвитер, — изменил свой вид, чтобы не быть узнанным; по внешности для всех я — один из нищих, а на самом деле — раб Христов. Так и ты, служа Христу тайно, не лишишься чрез то спасения.

— Если я приму веру эту, отче, — спросила Левкиппия, — а муж мой останется в язычестве, то не будет ли тщетна вера моя ради неверного мужа?

— Приими только знамение Христово, то есть святое крещение, и веруй, не сомневаясь, в истинного Бога, и если останешься твердою в истинной вере, то и сама спасешься, и мужа своего спасешь, ибо наши Писания говорят: *неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим* (1 Кор. 7, 14).

Когда Онуфрий утвердил Левкиппию своими словами, она сказала:

— Отче! Можешь ли ты совершить надо мною святое крещение?

Он же отвечал:

— Есть ли только вода, а то уже и время приспело для того.

Приказав служанкам никому не говорить о том, что было, Левкиппия велела налить кадку воды, и тогда блаженный Онуфрий крестил ее во имя Отца и Сына и Святого Духа и научил ее тайнам учения христианского и всем заповедям. Когда он уходил, новокреще-

[1] *Галилеянами* именовались последователи Христа, Которого называли «Иисусом Галилеянином» (Мф. 26, 69), потому что детство и отрочество Свое Он провел в Назарете, незначительном городе Галилеи.

ная просила его не забывать ее, посещать по возможности часто и учить благочестию и молитве.

Когда инок ушел, Левкиппия приняла вид больной для того, чтобы муж не прикасался к ней до восьми дней. Таким образом, она сохранила в чистоте благодать Святого Духа, полученную в крещении. По прошествии восьми дней она увидела в видении Господа нашего Иисуса Христа, распятого на кресте; и виделось ей, что она припала к ногам Его и слышала из пречистых уст Его утешительное обещание разрешить ее неплодие и даровать ей такого сына, который будет подражателем крестным страданиям Спасителя и причастником Царствия Его. Вследствие этого видения Левкиппия исполнилась великой духовной радости и возымела пламенную любовь к Богу. С того времени память о страданиях Господа никогда не покидала ее, она всегда взирала умом на распятого Христа и как бы видела Его стоящим пред собою.

Вскоре после того она стала непраздною. Муж ее чрезвычайно обрадовался этому и сказал ей:

— Теперь я знаю, что ты угодна богам: они даровали плод утробе твоей; итак, пойдем и принесем им жертву.

Тогда Левкиппия вздохнула и сказала:

— Не те боги, к которым зовешь ты меня, дали мне этот дар, но — иной Бог, Который ко мне ранее зачатия явился во сне и Которого я видела пригвожденным ко кресту. И если хочешь, господин мой, Ему именно принесем мы благодарственную жертву.

— Тот Бог, Которого видела ты, — заметил ее муж, — есть Бог галилеян, о Котором я слышал от многих, что Он действительно распят был на кресте и творит дивные чудеса.

— Так почему же, — сказала она, — мы не веруем в Него, когда Он всемогущ и милостив к нам с тобою настолько, что исполнил наше сердечное желание — разрешил мое бесплодие?

— Разве ты не слышала, — отвечал муж, — что начальник области без всякого милосердия мучает и убивает верующих в Распятого?

— Но если нельзя веровать в Него открыто, — сказала Левкиппия, — мы будем веровать тайно и сообразно с этой верой направлять ко благу жизнь свою.

— Нет человека, — сказал Клитофон, — который бы научил нас новой вере и дал бы нам наставление, как должны мы служить тому

благому Богу, Которого ты видела во сне и Который даровал Тебе способность зачатия.

Левкиппия, видя, что муж склоняется на ее сторону, рассказала ему о всем, случившемся с нею, и открыла, что она уже христианка и научена тайнам веры Христовой одним иноком. Клитофон с радостию выслушал это и пожелал креститься. Как только блаженный Онуфрий пришел в их дом посетить новокрещеную, она показала его мужу, и Клитофон был крещен святым старцем. И жили супруги во всяком благочестии и чистоте, тайно служа Господу истинному.

Когда у них родился младенец мужеского пола, они призвали своего духовного отца и учителя Онуфрия, который и крестил младенца, причем ему наречено было имя — Галактион. При этом святой старец изрек о нем следующее пророчество: «Этот младенец жизнь небесную возлюбит более земной».

Когда Галактион возрос, родители позаботились об его обучении, и, при помощи Божией, он быстро преуспевал во всех науках, какие изучал, а когда ему исполнилось двадцать четыре года — и уже по смерти его матери — отец пожелал, чтобы он вступил в брак и, приискав девицу, прекрасную лицом, по имени Епистиму, обручил с нею своего сына. Так как брак был отложен на некоторое время, то Галактион, чтобы видеться с невестой, часто приходил к ней в гости; но он никогда не приветствовал ее — как то было в обычае — целованием, так как она не была крещена. Епистима была очень опечалена этим. Отец, видя ее печаль и узнав о причине ее, сказал Галактиону:

— Почему, юноша, ты не приветствуешь обычным целованием мою дочь, а свою обрученницу? Если ты ее не любишь, то зачем и обручался с нею?

Галактион, ничего ему не ответив, пошел к девице и сказал ей наедине:

— Епистима! Знаешь ли, почему я не приветствую тебя целованием?

Она отвечала:

— Не знаю, господин мой, и весьма скорблю об этом.

Галактион сказал:

— Так как ты не христианка и осквернена нечистою языческою верою, то я не хочу прикасаться к твоей нечистоте, чтобы не оскор-

бить Духа Божия; но если хочешь приобрести мою любовь, отрекись от идолов, уверуй в Бога, в Которого верую я, и приими святое крещение: тогда я дам тебе целование, буду любить тебя, как самого себя, назову тебя своею супругой, и мы до конца проживем в любви и неразлучно.

Епистима отвечала:

— Я сделаю все, что ты велишь, господин мой: я верую в твоего Бога и желаю креститься.

Он сказал:

— Хорошо, мудрая девица, теперь я воистину начинаю любить тебя. Но так как нет никого, кто бы мог крестить тебя, ибо благочестие христианское подверглось лютому гонению, а пресвитеры и клирики — одни перебиты, другие бежали в пустыню, то необходимо мне самому крестить тебя. Итак, захвати с собою белые одежды и выйди на реку Кифос — как бы купаться, а между тем и я выйду из своего дома в поле под видом прогулки и, отыскав тебя на реке, окрещу.

Епистима вышла к реке, вышел и Галактион и крестил в Кифосе свою обрученницу во имя Отца, и Сына, и Святого Духа и научил ее молитве. Затем они разошлись, и никто не знал об их тайне. Около того же времени Галактион обратил в истинную веру одного из рабов своего тестя и крестил его, как и свою обрученницу. Этот раб, по имени Евтолмий, впоследствии сделался иноком и написал настоящее житие.

Епистима, после крещения, оставалась в родительском доме, упражняясь в богомыслии и молитвах, которые она совершала тайно, ибо она скрывала от отца принятие ею христианской веры.

Когда, на восьмой день после крещения, к ней пришел Галактион, она сказала ему:

— Дивную вещь хочу я поведать тебе, господин мой. С тех пор как я приняла святое крещение, часто вижу я прекрасные чертоги и в них — три лика[1] поющих: один лик — черноризцев, другой — прекрасных дев и третий — каких-то крылатых и огненных благолепных людей; и от этого чудного видения, и от сладкозвучного пения ликов сердце мое ощущает чрезвычайную радость.

---

[1] *Лик* — сонм, собрание, хор.

Галактион, размыслив о виденном Епистимою, сказал ей следующее:

— Черноризцы суть те, которые оставили свои богатства, жен и друзей и последовали за Христом, в нищете, чистоте и терпении проходя тесный и скорбный жизненный путь. Прекрасные девы — это оставившие своих женихов и родителей и всякую мирскую прелесть — пышные одежды, имение и прочую суету и последовавшие за Христом. А крылатые мужи суть Ангелы Божии, вместе с коими те девы радуются и ликуют на небесах и славят Бога хвалебными песнями.

— О, если бы и нам Бог дал ликовать вместе с ними, — сказала Епистима.

— Если сохраним девство наше, — сказал Галактион, — и, подобно им, отречемся от мира, то и нас всеблагой Бог удостоит такой же награды.

— Если ты согласен, — отвечала Епистима, — я готова хранить девство свое, но я не желаю разлучиться с тобою, так как если разлучимся, то как будем мы в состоянии делить друг с другом нашу радость?

— Дай мне сейчас же слово, — сказал Галактион, — что ты сохранишь девство свое и вместе со мною примешь иноческий образ, и я не разлучусь с тобою ни в этом веке, ни в будущем.

Епистима дала требуемое им обещание, говоря:

— Как непреложно верую я в Господа нашего Иисуса Христа, так и обещаюсь тебе исполнить желание твое и последую за тобою, куда бы ты ни пошел.

Галактион сказал:

— Возблагодарим Бога нашего за то, что Он милостив к нам и услышал молитвы наши! Да утвердит и сохранит Он ненарушимым договор наш до конца! Вот я ухожу в дом свой и приготовлюсь в путь; сделай и ты то же: раздай все, что имеешь, нищим, как раздам и я, и на третий день выйдем вместе из домов наших и пойдем, куда поведет нас Бог. Ты же захвати с собою и раба Евтолмия, — он человек благочестивый и будет вместе с нами иночествовать.

После этого совещания святые Галактион и Епистима разошлись и, раздав тайно все, что у них было, нищим и приготовившись к пути, вышли, как сговорились, из домов своих ночью и пошли вместе, а с ними и раб Евтолмий.

Чрез десять дней они пришли к горе, называемой Пуплион[1], в которой был монастырь, где спасались десять иноков. В некотором отдалении от него находился небольшой женский монастырь, в котором жили четыре престарелых постницы; старшею над ними была одна диакониса, чистой и святой жизни. Галактион и Епистима с Евтолмием, войдя в мужской монастырь и поклонившись игумену, поведали ему о своем намерении иночествовать в этом месте. Игумен, прозревая в них призвание Божие, принял их и постриг в монашество: Епистиму он отослал в женский монастырь к четырем святым постницам, а Галактиона с Евтолмием оставил в своем монастыре и велел им проходить все обычные для монастырей послушания. И преподобный Галактион находился в полном повиновении игумену и братии и ревностно служил Богу. И кто может описать его подвиги и труды? Его никогда не видали праздным, но всегда он — или делал что-нибудь потребное для монастыря, или молился; пост его был необыкновенный: иногда он не вкушал пищи целую седмицу; он так хранил свое целомудрие и чистоту, что всячески избегал даже видеть женское лицо, и действительно не видел долгое время; много раз некоторые из братии приглашали его пойти вместе с ними посмотреть вышеупомянутую святую диаконису, которая иночествовала девяносто лет и приносила великую пользу всем, слушавшим ее поучения о спасении души, так как отличалась мудростию, назидательным словом и добродетельною жизнию, — а кстати, и проведать сестру Епистиму. Но Галактион не соглашался, говоря:

— Довольно с меня, святые отцы, пользоваться и вашим поучением, а сестру свою я не хочу видеть до тех пор, пока не придет время, когда Сам Господь повелит мне видеться с нею.

Святая Епистима, сестра его о Христе, жила в своем монастыре при святой диаконисе, подобно Ангелу Божию, проводя время, подобно Галактиону, в подвигах и трудах и ни в чем не отставая по жизни от своего брата. Оба они были, как два светильника, горящие любовию к Богу, а подвизавшиеся вместе с ними иноки поучались примером их добродетельной жизни и прославляли Отца небесного.

[1] *Гора Пуплион*, или *Публион*, — по свидетельству Симеона Метафраста, находилась близ горы Синая.

Между тем гонение на христиан не прекращалось: все они были принуждаемы принести жертву идолам, и отказывавшиеся сделать это подвергались мучениям. Некоторые из язычников, знавшие об иноках, спасавшихся в горе, донесли о них начальнику области Урсу. Последний тотчас послал своих воинов с приказанием схватить всех иноков и привести к нему на суд. Еще до прибытия этих воинов святая Епистима видела в одну ночь следующий сон: ей снилось, что она стоит в царском дворце вместе с своим женихом и духовным братом Галактионом и какой-то сияющий Царь венчает их прекрасными венцами. Проснувшись, она удивлялась виденному и, с наступлением дня, послала игумену письмо с просьбою прийти к ней выслушать нечто важное (так как обычно инокини не ходили в мужской монастырь, а, вместо того, игумен, бывший в обоих монастырях отцом духовным, сам приходил к постницам и удовлетворял их духовные нужды: выслушивал их исповедь, совершал у них Божественную литургию, причащал их святых Тайн, а затем возвращался в свой монастырь). Игумен, получив письмо Епистимы, отправился в монастырь святых постниц, где святая Епистима рассказала ему свое видение во сне, бывшее в мимошедшую ночь.

Игумен сказал:

— Дворец есть Царство небесное, Царь — Иисус Христос, Господь и Бог наш, а венцы означают воздаяния, которые ты, чадо мое, и духовный брат твой, Галактион, имеете получить в скором времени, за свои страдания и подвиги; но сначала вам предлежит много пострадать и умереть мученическою смертию. Умоляю тебя, чадо мое, не бойся жестоких мучений и не падай духом среди истязаний: знай, что за страдания тебя ожидают вечные и неизреченные блага, которые ты получишь вместе с братом твоим из рук Подвигоположника[1].

Епистима, прослезившись, отвечала:

---

[1] *Подвигоположник* — перевод греческого слова, означавшего у древних греков весьма почетную должность распорядителей состязаний (в беге, в управлении конями, борьбе и пр.). Здесь разумеется Господь Иисус Христос, как положивший Своей крестной смертью основание и начало подвигам умерщвление плоти и духовного совершенствования, в котором христиане *сраспинаются* Христу, то есть как бы приемлют участие в Его страданиях, и в то же время как Судия этих подвигов и раздаятель наград за них.

— Буди воля Господня: Он да устроит все относительно нас, как Ему угодно, по Своей благости!

Лишь только игумен возвратился в свою келию, как на мужской монастырь напали посланные Урсом воины; все иноки разбежались и скрылись в пустынях и горах, остался в монастыре только один преподобный Галактион, которого воины и схватили, застав его в келии читающим слово Божие. Точно так же бежали из своих келий и скрылись и святые постницы вместе с Епистимой. Только одного святого Галактиона, как овцу на заклание[1], повлекли к Урсу на суд и мучение. Но преподобная Епистима, скрывавшаяся с другими девственницами в пещере, узнав, что ее жених и брат схвачен язычниками и отведен на мучение, с плачем упала к ногам святой диакониссы, говоря:

— Умоляю тебя, госпожа моя, отпусти меня, чтобы я могла пойти вслед за господином моим Галактионом: ибо я слышала, что его взяли воины и повели к начальнику области на мучение и не могу быть вдали от него; сердце мое болит по нем и хочу вместе с ним умереть за Христа Господа нашего.

Диакониса отвечала:

— Нет, чадо Епистима, не ходи за ним и не предавайся в руки язычников, чтобы не попасть тебе во вражьи сети: ты молода, и я боюсь за тебя, как бы из страха мучений ты не отреклась от Христа и не погубила через то своего девственнического подвига; тогда ни к чему не послужат и все твои иноческие подвиги, и ты лишишься надежды на спасение.

— Я не могу жить без Галактиона, — сказала на это Епистима, — чрез него я узнала Христа, моего истинного и человеколюбивого Бога, его руками я омыта в воде крещения от языческой нечистоты, он направил меня на путь спасения и привел в этот иноческий образ и в вашу святую обитель, его молитвы помогали мне во всех моих нуждах, он мой обрученник, и брат, и учитель, и отец по Боге, и хранитель моего девства, и я не могу разлучиться с ним ни в этом веке, ни в будущем, но пойду и умру вместе с ним. Если он

[1] Эти слова заимствованы из книги пророка Исаии, гл. 53, ст. 7, и заключают в себе собственно пророчество о крестных страданиях Спасителя (именно о безропотном перенесении Им этих страданий).

положит душу свою за истинного Бога, положу свою и я; пусть кровь его прольется вместе с моею за Создателя всех, — вместе с ним пойду я и предстану пред престолом Царя славы, Которого я видела во сне и Который нас вместе и увенчал... Пусти меня, госпожа, пусти и молись за меня!

Преподобная диакониса, видя ее слезы и пламенную любовь к Богу и своему обрученнику, сказала:

— Будь благословенна Господом, дочь моя, и да будет благословен весь путь твой! Да совершишь ты свой страдальческий подвиг, подобно блаженной Фекле[1]. Итак, иди в этот блаженный путь, и рука Господня укрепляющая да будет с тобою!

После этого блаженная Епистима, облобызав святую диаконису, свою духовную мать и всех сестер, поспешно отправилась вслед за своим любимым братом.

Догнав воинов и увидев святого Галактиона, которого вели связанным, она воскликнула:

— Возлюбленный мой господин и брат! Учитель мой, наставивший меня ко спасению, чрез которого я познала Христа, истинного Бога, подожди меня, не оставляй одинокою убогую сестру и рабу твою! Возьми меня с собою на мучение, меня, которую ты извел из идольского заблуждения и всей мирской суеты, веди меня, введенную тобой в подвиг иноческий, к венцу мученическому! Вспомни, как ты обещался мне не оставлять меня ни в этом веке, ни в будущем!

Сопровождавшие Галактиона воины бросились к Епистиме и схватили ее. Галактион, увидев Епистиму, до такой степени обрадовался ее твердому решению пострадать за Христа, что от радости прослезился. Он от всего сердца возблагодарил Бога, давшего сестре его такую твердость и такую пламенную любовь к Богу, и тайно молился за нее, чтобы Господь до конца подкрепил ее в подвиге страдания и чтобы она не устрашилась жестоких мук.

Воины, связав ее вместе с Галактионом, с которым она давно уже была связана союзом духовной любви, повели их к начальнику области. На пути Галактион поучал Епистиму, говоря:

---

[1] Здесь, очевидно, разумеется святая равноапостольная Фекла, память которой издревле глубоко чтилась на Востоке и Западе и которой посвящены были весьма многие храмы. Память ее — 24 сентября.

— Смотри, сестра, не прельщайся какими бы то ни было соблазнами лукавого мира этого, не бойся и мучений: недолго здесь потерпим мы, но получим за это вечные венцы от Господа нашего в чертоге небесном.

Святая Епистима отвечала ему:

— Я пойду следом за тобою, господин мой, и буду поступать так же, как и ты, и я верю, что Господь наш не оставит нас, но и тебя укрепит, и мне, слабой, поможет понести за Него равные с тобою муки, равно пострадать и умереть, да *насыщуся* с тобою*, внегда́ яви́ти ми ся славе Его* (слав. Пс. 16, 15).

Беседуя таким образом, они достигли до двора Урса. Навстречу воинам вышел слуга и сказал, что начальник велел сторожить христиан до утра. Поэтому воины всю ночь держали святых связанными.

Наутро Урс явился на суд и, когда ввели к нему Галактиона и Епистиму, взглянув на них, сказал:

— Кто вы, черные?

Святой Галактион отвечал:

— Мы — христиане и черноризцы.

Урс спросил:

— А кто такой — Христос.

— Христос есть истинный Бог, сотворивший небо и землю и все, что на них, — отвечал святой.

— Если ваш Христос сотворил все, — продолжал Урс, — то что же такое — наши боги и что они сотворили?

— Ваши боги, — отвечал Галактион, — камень и дерево, они — тленные вещи, и ничего не создали, но их самих создает рука человеческая, а вы поклоняетесь делу рук человеческих и почитаете за богов тех, которых вы сами сделали из различных веществ.

Разгневанный Урс приказал присутствовавшим при допросе раздеть Галактиона и жестоко бить его жилами за хулу на богов.

Когда Галактиона били, святая Епистима плакала и упрекала начальника.

— Немилосердный мучитель! — говорила она. — Не стыдно ли тебе мучить ни в чем неповинного раба Божия и покрывать ранами и без того иссушенное постом тело его?

Урс же сказал:

— Разденьте и ее и бейте сильнее.

Когда бесстыдные слуги срывали с нее иноческие одежды и обнажили ее до власяницы, святая сказала мучителю:

— Будь проклят, бесстыдный мучитель! С детства моего никто не видал наготы моей, и ты приказываешь обнажить меня при всех. Пусть же ослепнут ваши греховные очи, чтобы не видели вы моей девической наготы!

Лишь только сказала это святая, как князь и все окружавшие его ослепли, и каждый руками отыскивал стены и проводника, и не было никого, кто бы видел свет. Все пришли в ужас и воскликнули:

— Спаси нас, раба Христова, от этой тьмы, и мы уверуем в твоего Бога!

Тогда святая помолилась Богу, и все опять стали видеть, причем пятьдесят три человека из присутствовавших действительно уверовали во Христа. Но Урс, хотя и прозрел телесными очами, — духовными ослеп еще более, ибо, наущаемый диаволом, он приписал это чудо не Господу Иисусу Христу, а своим ложным богам.

— Мы похулили, — думал он, — в уме наших великих богов, и, разгневавшись за это, они наказали нас, чтобы мы были осторожнее и не осмеливались думать о них что-либо дурное. Так не пощадим же этих явных хулителей и отмстим бесчестящим богов наших.

И Урс велел вбить мученикам под ногти на руках и на ногах заостренные спицы. Святые мужественно терпели эту муку и восклицали:

— Христу, Единому истинному Богу, служим, а ложных богов отвергаем!

После этого Урс приказал отрубить им руки.

Они воскликнули:

— *Благословен Господь,* наш *научающий руки* наши *битве и персты* наши *брани, милость* наша *и ограждение* наше, *прибежище* наше *и Избавитель* наш (Пс. 143, 1–2), избавляющий нас из рук врагов наших!

Тогда Урс велел отрубить им и ноги, после чего они воскликнули:

— *Восстань на помощь нам и избавь нас ради милости Твоей* (Пс. 43, 27). Ты знаешь, Владыка, что, горя любовию к Тебе, мы последовали за Тобою и шествовали путем страданий; теперь же из-

веди нас в вечный покой, и да станут ноги наши в небесных обителях Твоих, где предстоят пред Тобою все благоугодившие Тебе!

И они опять возвысили голос, говоря:

— Да будут прокляты языческие боги и все служащие им!

Тогда Урс сказал:

— Нечестивцы эти все еще не перестают хулить наших богов! Вырежьте им языки, чтобы более они не произносили хулы!

Тогда святым отрезали языки. Но хотя умолкли уста исповедников Христовых, сердца их не переставали взывать к Богу. Наконец, мучитель велел отсечь им головы. Их вынесли за ограду двора, усекли мечом и бросили тела их непогребенными. Но Евтолмий, раб тестя Галактиона и сподвижник обоих святых, следовал за ними издалека, когда они были схвачены и ведены на суд, переменив свое иноческое одеяние на мирское, чтобы не быть узнанным. Он видел их страдания и кончину и, взяв тайно их святые мощи, оплакал их и с честию предал погребению. Он же описал и житие и доблестное страдание их на пользу читающим и слушающим и во славу Богу, в Троице Святой славимому, Отцу и Сыну и Святому Духу, вовеки. Аминь.

ЖИТИЕ СВЯТОГО
ИОНЫ,
архиепископа Новгородского

Святой Иона, в миру Иоанн, родился в конце XIV столетия. Когда ему было три года, его мать, по воле Божией, предала Господу свою душу, а через четыре года после этого семилетний отрок остался полным сиротою. Но Господь не оставил его без Своего попечения. Он вложил мысль одной добродетельной вдовице Наталии Медоварцевой, взять к себе бедного сироту на воспитание. С материнским попечением она заботилась об отроке Иоанне, который от рождения был слаб здоровьем и требовал хорошего и бдительного ухода. Наталия Медоварцева кормила, одевала отрока. Не оставила она его и без пищи духовной: она отдала его на обучение одному дьяку, у которого училось много других детей. Слабый от рождения, робкий вследствие бедности, святой отрок с самого поступления в училище сильно отличался от своих товарищей. Он не принимал участия в шумных детских играх, любил тишину и уединение, со всем усердием и старанием стал учиться и своими быстрыми успехами и добротою нрава все сильнее снискивал себе любовь у своей приемной матери.

Однажды товарищи святого Иоанна, после вечерни, стали играть на улице. Благочестивый отрок был тут же. Он не принимал участия в игре своих сверстников, а только наблюдал за ними. В это время на улице показался какой-то неизвестный до сих пор в Новгороде человек, который походил на юродивого. Это был святой Михаил Клопский[1]. Пришедший из далекой области, никому еще до сих пор не известный в Новгороде, никого из жителей не знавший, он в первый раз был в Новгороде, еще до поступления своего в Клопский монастырь. Завидев человека, идущего в странном одеянии, дети толпой кинулись к нему, стали рассматривать его. Наиболее дерзкие стали смеяться над святым мужем, а иные даже бросали ему под ноги камни и сор. Святой Иоанн стоял вдали на улице. День клонился к вечеру. Уже сумерки спустились на землю, и все окружа-

[1] Его память — 11 января.

ющее стало скрываться во мраке. Но светло и ясно провидел святой Михаил будущее блаженного отрока. Не обращая внимания на шум и шалости детей, он направляется к Иоанну, берет его и, приподняв его выше себя, говорит:

— Иван, прилежно изучай книги: быть тебе архиепископом в Великом Новгороде!

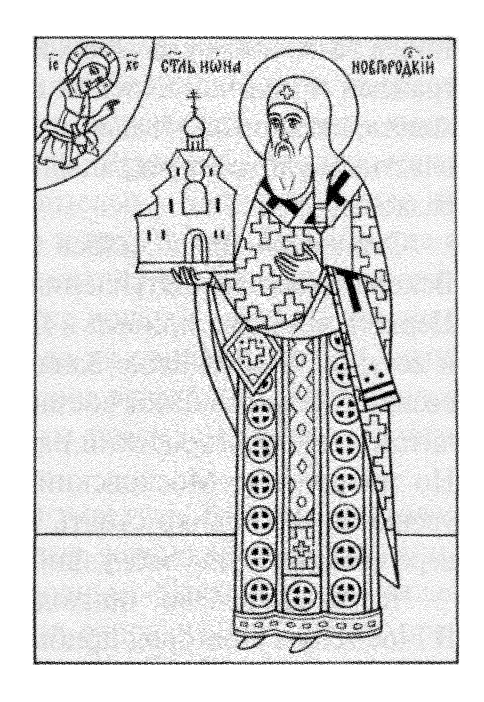
После этого он обнял ребенка, поцеловал его и удалился. Так святой Михаил, не зная прежде имени ребенка, предрек то, что действительно исполнилось через пятьдесят лет, спустя четыре года после блаженной кончины самого святого Михаила.

Между тем отрок Иоанн, достигнув совершеннолетнего возраста, решился посвятить себя служению Господу. Еще с самого детства он строго соблюдал все заповеди Христовы и любил уединение. Теперь он вознамерился принять на себя иноческое пострижение. В пятидесяти верстах от Новгорода среди больших лесов, вдали от человеческого жилища, находилась Отняя пустынь. Сюда-то и поступил святой Иоанн. Архимандрит этой обители Харитон с любовию принял прибывшего и постриг его в иноки, дав ему имя Ионы. Строгую и суровую жизнь, исполненную великих иноческих подвигов, стал вести святой Иона. Его подвиги изумляли братию, так что иноки после смерти Харитона избрали единодушно святого Иону игуменом своей обители. На новой должности блаженный показал себя мудрым правителем, настоящим пастырем, кротким руководителем и опытным наставником. Слава о его трудах и подвигах быстро распространялась; вскоре о нем стало известно и в Великом Новгороде. Многие жители Новгорода и других мест стали приходить к святому, назидались его мудрыми наставлениями, просили его молитв и благословения. Многие стали делать пожертвования в обитель, так что под мудрым управлением святого Ионы скудная и бедная доселе средствами Отняя обитель стала процветать, число иноков ее умножалось, и все они подражали по мере сил своих святому Ионе.

В 1458 году скончался святитель Новгородский Евфимий. Оплакиваемый всем народом, этот пастырь, пользовавшийся любовью и уважением, был с честью похоронен[1].

---

[1] Его память — 11 марта.



Новгородские граждане единодушно желали видеть на архипастырском престоле святого Иону. Тягостно было ему оставлять тихую Отнюю пустынь, но он не решался противиться желанию народному. В 1458 году он прибыл в Новгород, а в 1459 году был возведен в сан архиепископа Новгородского Всероссийским митрополитом святым Ионой[1]. Новый архиепископ был украшен всеми добродетелями, так что новгородцы увидели в нем вполне достойного преемника почившего святителя Евфимия. Святой муж отличался своею любовью к пастве, особенно же он защищал бедных и сирых, памятствуя о своем сиротстве. На нем вполне исполнились слова Иова: ***Благословение погибавшего приходило на меня, и сердцу вдовы доставлял я радость. Я был глазами слепому и ногами хромому, отцом был я для нищих*** (Иов. 29, 13–16). Не было человека, кто бы мог дурно отозваться о святителе; все любили и желали его видеть, все, кто слышал его, получали наслаждение. Занимая такой высокий престол, он был со всеми кроток и прост. Всем он старался оказать какое-либо добро, дать мудрый совет. Не только одни новгородцы уважали своего владыку, но даже и Московские князья любили святого Иону, почитали его и нередко посылали ему послания и получали от него совет. Ибо часто святитель пророчески предсказывал будущее и слово его всегда в точности исполнялось. А в то время Московские князья Василий Темный и сын его Иоанн III[2] особенно недоверчиво относились к новгородцам, которые не могли забыть о прежней своей независимости от Москвы и поэтому не раз навлекали на себя гнев царский. Святитель Иона, пользовавшийся

---

[1] Его память — 31 марта. Он занимал архипастырский престол в Москве с 1448-го по 1461 год.

[2] *Василий Темный* был великим князем с 1425-го по 1462 год, а его сын, Иоанн III, с 1462-го по 1505 год.

таким уважением у великих князей Московских, защищал своих сограждан и смягчал царский гнев. Сами новгородцы просили у него ходатайства пред князьями Московскими; часто также он своим властным словом прекращал их постоянные неурядицы и взаимные раздоры.

Святителю приходилось нередко вступать в дела гражданские. Вскоре после его вступления на престол начались нестроения и в Церкви. Из Рима прибыл в Литву ученик лжемитрополита Исидора и вступил в управление Западно-Русской Церковью. В Москве был созван собор, где было постановлено — не признавать его митрополитом. Сам Новгородский пастырь не был в Москве на этом соборе. Но митрополит Московский прислал ему соборное определение и увещевал его крепко стоять за Православие, укреплять в истинной вере свою паству, а заблудших убеждать и обращать к истине.

Часто святителю приходилось усовещевать своих сограждан. В 1460 году в Новгород прибыл великий князь Московский Василий с двумя своими сыновьями, Юрием и Андреем. На этот раз он прибыл в Новгород с миром, ибо желал поклониться новгородским чудотворцам и собрать подать с жителей. Несколько лет тому назад он же приходил под Новгород с сильным войском и наказал новгородцев за их приязнь к его врагам. Некоторые жители, помня это, составили дерзкий замысел умертвить князя. Когда святитель узнал о таком безумном намерении, он немедленно явился в собрание заговорщиков.

— Безумцы, — сказал им святитель, — что вы замыслили? Если вы и убьете великого князя, то чего вы добьетесь? Только одно несчастие и бедствие навлечете на Новгород. Его старший сын Иоанн, сведав о вашем злодействе, немедленно явится с сильным войском и опустошит страну.

Это увещание сильно подействовало на заговорщиков; они сами ясно поняли свое положение.

Новгородцы с честью приняли великого князя. Святитель также оказывал ему свое уважение. Великий князь часто беседовал с блаженным архипастырем и исполнял все его советы. Он полюбил его, как своего отца, и слушал его во всем. Особенно он уважал святителя за его добродетельную жизнь. Во время пребывания в Новгороде великого князя произошло дивное исцеление княжеского по-

стельничего у раки мощей святого Варлаама Хутынского[1]. Этот молодой человек из рода бояр рязанских внезапно сильно занемог. Силы его быстро истощались. Наконец он, казалось, совсем умер. Когда его поднесли к раке мощей святого Варлаама, он вдруг ожил и стал совершенно здоровым. Это удивительное чудо произошло на глазах самого великого князя, его бояр и других лиц. Прибывшие в Новгород признали, что этот город пользуется особенным покровительством свыше. Святитель Иона тут же повелел записать это чудо на память потомкам и возложил это дело на прибывшего со Святой горы Пахомия Логофета. Спустя некоторое время, князь отправился обратно в Москву. Прощаясь со святым пастырем, великий князь приглашал его на совещание в Москву.

Вскоре святителю пришлось отправиться туда. Князь разгневался снова на жителей Новгорода. Некоторые вельможи старались усилить нерасположение князя к новгородцам. Святой Иона, желая утолить гнев его, несмотря на свои годы, отправился в Москву, пренебрегая всеми трудностями далекого пути. Приближаясь к этому городу, он вспомнил великого защитника Русской земли — преподобного Сергия Радонежского[2], и дал обет по возвращении построить храм во имя этого славного подвижника и дивного угодника Божия. За пять верст от Москвы святителя встретили бояре и несколько игуменов. Когда же святитель прибыл в город, митрополит Московский принял его с любовью. На княжеском дворе уже давно ждали святого архиепископа. Здесь его встретили бояре. На лестнице в великокняжий терем его взяли под руки дети Василия Васильевича. Сам князь был весьма рад видеть пред собою мудрого владыку. Он принял дань и подарки, которые святитель привез с собою из своего города. Во все время пребывания святителя в Москве великий князь оказывал ему полное уважение. Он часто призывал его к себе, беседовал с ним о разных делах гражданских и церковных. Однажды он призвал к себе святителя Новгородского и митрополита Московскоего и высказал свое недовольство на новгородцев. Он жаловался на них святому Ионе за то, что они готовы стать на сторону врагов Русской земли — литовцев, оказывая мало уважения ему — великому князю, и даже сказал, что намеревается идти с войском на мятеж-

[1] Память его — 6 ноября.
[2] Его память — 25 сентября.

ных новгородцев, чтобы раз навсегда положить предел их смутам и своевольствам. Святитель Иона, как истинный пастырь, стал горячо заступаться за своих духовных чад; говорил князю, что ему многое передают неправильно, стараясь возбудить его гнев. Он просил Василия не обращать внимания на речи завистливых клеветников, не увлекаться гневом, но помиловать новгородцев.

— Великий государь, не позволяй гневу овладевать твоим сердцем, не внимай клеветникам и завистникам, не карай многих невинных из-за горсти виновных, но отечески вразуми жителей нашего города и окажи им свою любовь и милость. Если же ты, не внимая мольбам нашим, строго станешь взыскивать с жителей Новгорода, то опасайся, чтобы и между твоими чадами не возникло разделения. Нет, князь, не подвигнись по клевете на твою отчину, но милостиво воззри на твой народ. Не возлагай на него новых даней и повинностей. Знай, что уже дни твои приближаются к концу. Сын твой Иоанн воссядет на престоле великокняжеском после тебя. Вместе с своей паствой я буду возносить о нем молитвы Господу, да избавит его всесильная десница Божия от насилия безбожных татар, да возвысит его над всеми врагами и укрепит его державу, если он будет соблюдать заповеди Господни и с кротостью будет управлять своей землей.

Слова эти сильно обрадовали великого князя, заветной мечтой которого было освобождение от ига татарского. Зная, что предсказания святого архиепископа в точности сбываются, Василий обещал святителю Ионе отложить всякий гнев на новгородцев и даровать им мир. Он дал в этом слово архиепископу пред митрополитом. По окончании этой беседы Новгородский архипастырь прослезился. Недоумевая об этом, великий князь и митрополит спросили святителя о причине его слез.

— Кто может, — ответствовал им святой, — унизить и смирить такой сильный и многолюдный город, как наш? Только сами граждане своими усобицами. Лишь о том молю Господа, чтобы не было этого во дни мои.

Так святой Иона ясно предвидел будущее падение Новгорода. Зная это, он испросил у Василия и его сына Иоанна право суда для любимой Отней обители. Князья охотно исполнили просьбу святителя. Они дали ему грамоту с великокняжеской своей печатью.

Великий князь так твердо верил словам Новгородского владыки, что тогда же написал духовную. Назначив в ней уделы своим сыновьям и супруге, великий князь определил в ней собирать дань для татар только до тех пор, пока они еще имеют власть над Русской землей. «Но наступит время, — говорил здесь Василий, — когда власть их рухнет, и Господь избавит Русских князей от их ига — тогда князья уже не должны более вносить великому князю дани для уплаты Ордынскому хану».

После этого святитель Новгородский отправился к своей пастве. Князь и бояре с честью провожали уважаемого архипастыря. С неменьшей любовию встретили граждане новгородские своего владыку, который так горячо ходатайствовал за них перед великим князем. Прибыв в свою епархию, святитель немедленно исполнил данное им обещание — построил первый в Новгороде храм в честь преподобного отца нашего Сергия Радонежского. Он со всяким благолепием украсил новый храм, снабдил его богослужебными книгами и иконами и часто посещал его. Святой Иона много заботился о духовном просвещении своей паствы; сам отличаясь большой начитанностью и глубоким знанием Божественного Писания, он желал, чтобы и духовные его чада могли поучаться и иметь для назидательного чтения описание знаменитых подвижников Новгородской области. Для этого, по согласию с митрополитом Всероссийским святым Ионою, Новгородский архипастырь поручил прибывшему со Святой горы ученому иноку Пахомию Логофету пересмотреть и написать некоторые жития святых. Кроме того, до нас дошло несколько богослужебных книг, писанных по благословению архиепископа Ионы.

Вскоре после возвращения из Москвы митрополит Всероссийский Иона прислал послание блаженному святителю Новгородскому. Чувствуя приближение своей кончины, митрополит Иона еще раз желал увидаться с Новгородским владыкой и насладиться его духовной беседой. Вместе с тем митрополит просил святого Иону, чтобы он принял лично участие в избрании достойного ему преемника и предал его самого погребению. Прочитав это послание, святой Иона прослезился и воскликнул:

— Великой благодати лишается ныне Москва, а вместе с нею и вся Русская земля.

Однако, удрученный годами и болезнью ног, сам святой Иона не мог отправиться в Москву. Он послал святителю Московскому грамоту, в которой, утешая его, писал:

— Не скорби, что нам нельзя повидаться теперь, ибо мы свидимся уже в той жизни, по отшествии из бренного тела. Радостно будет тогда наше свидание, ибо мы восприимем тогда мзду от Самого Пастыреначальни.

Избрание преемника святой Иона предоставлял Господу и освященному собору:

— Кого Дух Святой изберет и благословит, того и я буду готов принять!

Святой митрополит Московский Иона преставился 31 марта 1461 года. Зная святость его жизни, святитель Новгородский поручил вышеназванному Пахомию Логофету составить канон. Вскоре после этого святитель Московский был причислен к лику святых.

В 1462 году, по смерти Василия, на престол великокняжеский вступил сын его Иоанн III. Святой Иона отправился по делам в Москву к новому князю. Он напомнил ему о том, что предрек еще его отцу, прибавив:

— Не презрит Господь молитвы стольких угнетенных, он рассеет Орду, но пусть государь пребывает в благочестии и твердо хранит заповеди Божии.

В то же время святитель просил великого князя подтвердить прежнюю грамоту для Отней пустыни, чтобы эта обитель имела право суда. Иоанн, глубоко уважавший святителя, охотно исполнил его просьбу. Он подтвердил грамоту, данную его отцом, и приложил к ней печать с своим собственным изображением.

В то время произошло печальное разделение Русской Церкви. Григорий, посвященный в епископы в Риме, объявил себя митрополитом Русским и, принятый благосклонно королем Польским, стал управлять церковными делами в юго-западной России, подвластной тогда Польскому королю. Об этом деле многие православные и сам великий князь писали святителю, прося его содействия и поддержки. Святой Иона, сам твердый в Православии, всячески противодействовал такому разделению и много поучал свою паству, убеждая ее не оставлять старой веры православной и оставаться верной престолу Московского митрополита; как истинный пастырь, он смело

и безбоязненно разрушал все происки врагов Православия и охранял свое словесное стадо.

Немало трудов понес святой Иона. Своим мудрым словом, своей любовью, он не раз погашал раздор между новгородцами и псковичами. Жители Пскова, тяготясь зависимостью от Новгородского владыки, стали просить, чтобы великий князь назначил им в Псков особого епископа. Они даже захватили часть земель и угодий, которые принадлежали архиепископу Новгородскому. Но великий князь не исполнил их просьбы, повелев им во всем повиноваться блаженному святителю Новгородскому и возвратить несправедливо ими захваченное. Псковичи так и сделали. Много содействовал этому своим примером и сам святой Иона. Он даже не потребовал от псковичей никакого вознаграждения за убытки, причиненные ими архиерейской кафедре. Видя его любовь и бескорыстие, большая часть псковичей стала еще больше уважать его и оказывать ему должную честь.

Святой Иона много заботился о построении и украшении храмов Божиих. Кроме построения храма в честь преподобного Сергия Радонежского, святитель заботился о своей любимой Отней обители, где начались его иноческие труды и подвиги. Он построил здесь каменный храм во имя Трех Святителей и великолепно его украсил. Для этого он вызвал самых лучших иконописцев и щедро расточал свое имение, чтобы обильно снабдить новый храм священными предметами и книгами. К этой церкви он пристроил еще другую — в честь Крестителя Господня Иоанна Предтечи, имя которого он носил еще в миру. В этом храме он собственными руками ископал себе гроб и завещал предать здесь погребению свое тело. В Отней обители святой архипастырь построил еще храм во имя святителя Николая. В самом Новгороде он возобновил и украсил Дмитриевскую церковь на Торговой стороне, по преданию, первоначально построенную в память победы Димитрия Донского над Мамаем.

За благочестивую жизнь мудрого святителя уважали не только великие князья Московские, но даже тверские, смоленские, полоцкие и литовские. Новгородская область, управляемая святым Ионою, пользовалась во все время святительства этого блаженного миром и особым покровительством свыше. Граждане, внимая его поучениям, имели любовь друг к другу; даже самая земля отличалась тогда особенным плодородием. Все это было по молитвам свя-

того. Только однажды Новгородская и Псковская земля подверглась страшному бедствию. С конца 1466 года открылось моровое поветрие, которое известно под именем Симоновского мора. У больных опухали железы, и на третий или четвертый день они умирали. В следующем 1467 году болезнь вспыхнула с новой силой. Во всей Новгородской земле умерло двести двадцать тысяч шестьсот пятьдесят два человека. Великая скорбь и смятение охватили жителей. Но еще более болел душой за своих духовных чад сам архипастырь. Он утешал их и непрестанно молился Господу о прекращении этого страшного бедствия. И молитва его была услышана. В Неревском конце при Зверинском монастыре была устроена большая скудельница для погребения умерших. Однажды во время молитвы святитель услышал глас:

— Ступай с крестами в сопровождении всего освященного собора в Неревский конец в Зверин монастырь в храм Покрова Пресвятой Богородицы на скудельню (приют для убогих. — *Ред.*). Ступай туда, где явился образ святого праведного Симеона Богоприимца. Поставь там в честь его храм, и мор прекратится.

Святитель возвестил об этом гражданам, и утром, 1 октября, в день памяти Покрова Пресвятой Богородицы, новгородцы были свидетелями нового дивного чуда. В этот день святитель со всем своим клиром и гражданами направился в указанное место и, преклонив колена пред иконою Симеона Богоприимца, со слезами молился Господу об утолении гнева небесного. В это время народ стал сносить бревна и в один день была построена церковь. Святой Иона в тот же день освятил ее и совершил в ней Божественную литургию. С того дня моровое поветрие прекратилось. В следующем 1468 году святитель Иона на месте этой деревянной церкви воздвиг каменный храм в честь праведного Симеона, который сохраняется и до этого дня, свидетельствуя о неизреченной милости Божией.

В то время начал основываться Соловецкий монастырь. Святитель Иона оказывал великую помощь и содействие новой обители. Вместе с мирскими властями Новгорода он дал святому Зосиме грамоту, по которой отдавал во владение новой обители весь Соловецкий остров со всеми угодьями.

Много добра оказывал всем Новгородский святитель, немало трудов ему пришлось перенести. Чувствуя приближение своей

кончины, он написал духовную, где завещал похоронить тело его в Отней обители. Причастившись святых Таин, он мирно отошел ко Господу 5 ноября 1470 года. С подобающею честью новгородская паства предала погребению тело своего любимого пастыря, наставника и заступника. Честное тело его было положено в Отней обители в могиле, приготовленной им самим при церкви святого Иоанна Предтечи. До сорока дней братия не закрывали землей могилу. Господу было угодно прославить нетлением останки Своего славного угодника. Братия Отней обители и другие лица сильно дивились, когда видели, что тело святителя не издавало ни малейшего запаха тления. Уже прошло сорок дней со дня кончины праведника, но никто не ощущал запаха гниения. Тогда братия, твердо веруя, что Господу будет угодно открыть мощи Своего угодника, не покрыла гробницы землею, а только сделала из дерева поверх могилы возвышение. Это чудо было тем более удивительно, что место, где стояла церковь, было низко и земля там была влажна и сыра.

Действительно, надежды верующих не были напрасны. Прошло уже около ста лет, когда Господь благоизволил чудесно прославить Своего верного служителя и подвижника. Это было самое тяжелое время для жителей Новгорода. При царе Иоанне Васильевиче Грозном и при архиепископе Новгородском Леониде 13 сентября утром в Отней обители вдруг загорелась хлебопекарня. Сильный ветер много способствовал пожару. Пламя, охватив все монастырские храмы, с неудержимой силой распространялось все далее и далее. Огонь даже охватил Предтеченскую церковь, где была гробница с мощами святого Ионы. Видя такую опасность, двое простых людей, чтивших память святого архиепископа, бросились в Предтеченскую церковь, разобрали деревянное покрытие над гробницей и вынесли ее на монастырскую площадь. Тяжелый дубовый гроб показался им необыкновенно легким. Между тем огонь охватил все здания, бывшие около монастырской площади, так что грозил самым мощам. Но удивительное зрелище представилось тогда всем: огонь почти совсем окружил гробницу, но нимало ее не повредил. Некоторые пытались было унести гробницу, но не могли ее поднять. Тогда все поняли, что Сам Господь невидимой Своей силой хранит мощи святого от огненного запаления.

Милосердый Господь благоволил и по смерти святителя прославлять его: от гроба его истекает река чудотворений. Всякий, кто припадал к раке мощей его или с верою призывал в молитвах его святое имя, получал исцеление, каким бы ни был одержим недугом. Упомянем здесь о важнейших чудотворениях святого Ионы.

Инок Отней обители Сильвестр с послушником Климом был однажды послан в Москву для подтверждения прежних царских грамот, которые он вез с собой. От Вышнего Волочка посланные отправились далее на лодке. Вместе с ними ехал один богатый купец. Кормчий, побуждаемый диаволом, решил воспользоваться деньгами, которые имел при себе купец. В бурном месте реки он направил лодку на камень. Лодка опрокинулась, и все бывшие в ней упали в воду. Кормчий за свой злой умысел был наказан праведным судом Божиим: он потонул, все же прочие стали один за другим выплывать к берегу. Спасся и послушник Клим. Наконец все собрались на берегу, не видно было только одного инока Сильвестра. Он не умел плавать. Все уже были уверены, что он погиб, как вдруг увидели свою лодку, прибитую волнами к берегу, и в ней старца Сильвестра. Это чудо поразило всех. Радовались иноки о своем спасении; одно печалило их: царские грамоты вместе с другими вещами пропали при крушении. Немало горевали они о том и взывали к святителю Ионе, прося его помочь им, и молитвы их были услышаны: при вечернем сумраке они заметили на поверхности реки какой-то плывший к берегу предмет. Осенив себя крестным знамением, Клим бросился в волны и, подплыв, к великой своей радости, увидел кожаную сумку, в которой они везли царские грамоты. Вода чудным образом не испортила грамот; даже подписи царские были в полной сохранности. Возблагодарив Господа и Его угодника святого Иону, они отправились в дальнейший путь и, прибыв в Москву, скоро с успехом исполнили возложенное на них дело.

Однажды, в Смутное время, по реке Волхову плыли казаки, которые опустошали деревни и грабили жителей, не щадя никого. Они приблизились к монастырскому селению и уже намеревались напасть на него. Атаман спросил: кому принадлежит это селение. Один крестьянин, по имени Георгий, ответствовал:

— Это селение принадлежит Отней обители, святому отцу и великому чудотворцу Ионе, архиепископу Новгородскому.

Услышав имя святителя, атаман строго наказал своим товарищам — никого и ничего не трогать в этом селении. Когда его спросили, почему он запрещает им это, он сказал:

— Однажды на меня прогневался государь и велел казнить меня смертию, а я, окаянный, вспомнив о великом и милостивом чудотворце Ионе, со всеусердием, как только мог, вознес к нему свою недостойную молитву, чтобы он заступил меня от царского гнева. В это самое время и было получено от царя повеление об отмене моей казни. С той поры я постоянно благодарю своего скорого заступника святого Иону.

Много и других чудес произошло от мощей святого Ионы. Будем и мы всегда призывать в молитвах этого славного святителя, славя Триединого Бога. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ
ПАТРОВА, ЕРМА, ЛИНА, ГАИЯ и ФИЛОЛОГА

Святой апостол Патров был епископом в Неаполе и Путеолах[1], где многих крестил и привел ко Христу. Святой апостол Ерм был епископом в Филиппополе[2]. О святом Патрове и Ерме апостол Павел упоминает в послании к Римлянам (см.: Рим. 16, 14).

Святой апостол Лин, о котором упоминает апостол Павел во втором послании к Тимофею (см.: 2 Тим. 4, 21), был епископом в Риме, после святого апостола Петра.

Святой апостол Гаий, о котором воспоминает апостол Павел в послании к Римлянам (см.: Рим. 16, 23), говоря: *приветствует вас Гаий, страннолриимец мой и всей церкви*, был епископом в Ефесе[3], после святого Тимофея.

---

[1] *Неаполь* — главный город провинции Итальянского королевства с тем же названием; расположен по северному берегу Неаполитанского залива. *Путеолы* — приморский город в Средней Италии.

[2] *Филиппополь* — древний укрепленный город во Фракии, ныне в Восточной Румелии, на реке Марице.

[3] *Ефес*, при Эгейском море, важный торговый город в Малой Азии. Первые начала веры христианской положены были в нем учениками Иоанна Крестителя; уже

Святой апостол Филолог, о котором упоминает апостол Павел в том же послании (см.: Рим. 16, 15), говоря: ***приветствуйте Филолога***, был поставлен святым апостолом Андреем Первозванным епископом в Синоны[1].

Святые апостолы, проходя свое епископское служение в указанных городах, претерпевали многие напасти и скорби ради благовестия и, многих научив и приведя ко Христу, с миром отошли ко Господу.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО
ГРИГОРИЯ,
епископа Александрийского

Святой отец наш Григорий с юного возраста возлюбил Христа и украсил себя всякими добродетелями. По смерти папы Александрийского он был поставлен от собравшихся по этому случаю епископов и народа во архиепископа Александрийского. Он был примерным учителем Православия: кроткий, смиренный, милостивый, сиротам отец, вдовицам заступник, заблуждающим наставник, болящим врач, скорбящим утешение. Но соблазнитель диавол внушил царствовавшему в то время Льву иконоборцу[2] отправить Григория связанным в Константинополь. Когда святой Григорий узнал об этом, он явился к царю и обличил его пред всем

апостол Петр нашел здесь христиан, но главным образом Евангелие проповедано здесь апостолом Павлом; потом ученик его, Тимофей, был здесь епископом; наконец, Ефес был местом пребывания апостола и евангелиста Иоанна, который тут и скончался. В настоящее время на месте древнего города Ефеса находится бедная турецкая деревушка, называемая Айя-Солюк.

[1] *Сионы* — город на южном берегу Черного моря.

[2] *Лев Армянин* — с 813 по 820 год. Феодор Студит так описывает те несчастья, которые Церковь испытывала в это царствование: «О страшно слышать! Досточтимая икона Спасителя, которой и бесы страшатся, подвергается поношению и унижению, не только в царствующем граде, но и во всех местах и городах, жертвенники истреблены, святыни осквернены. Умолкли все уста благочестивые от страха смерти, открылся противный и богохульный язык».

синклитом[1], назвав еретиком и нечестивцем. Царь, не вытерпев обличения, приказал бить его воловьими жилами и морить голодом в темнице. Святой терпел все это с благодарением, говоря: «За Христа Бога Моего и за святую икону я готов даже быть рассеченным на части».

Узнав об этом, мучитель и нечестивый царь повелел отправить его в заточение. Блаженный, прожив в заточении три года, предал дух свой в руки Господа.

[1] *Синклит* — правительство воинское и гражданское из самых важных царских советников и сановников.

День шестой

ЖИТИЕ СВЯТОГО ПАВЛА ИСПОВЕДНИКА, архиепископа Цареградского

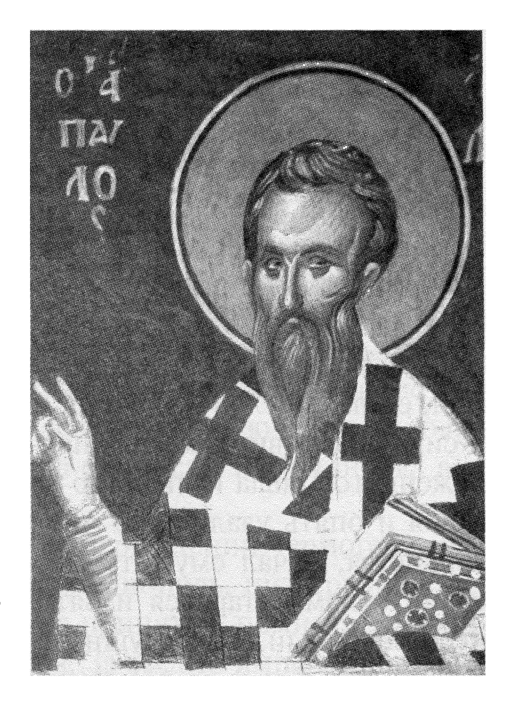
В царствование императора Констанция[1], сына Константина Великого, православные христиане подверглись гонению со стороны еретиков — ариан[2], сторону которых держал сам император, тоже увлеченный арианской ересью. В Церкви происходили тогда великие смуты и нестроения, так как мало уже оставалось составлявших опору ее великих поборников Православия: святой Афанасий, архиепископ Александрийский[3], этот величайший защитник Православия, был удален с своего престола, а святой Александр,

---

[1] *Император Констанций* царствовал с 337 по 361 год.

[2] Название ереси происходит от имени Ария, Александрийского пресвитера, жившего в IV веке. Желая устранить из христианского учения о троичности Лиц в Боге все непостижимое для разума, Арий учил, что Сын Божий не рождается предвечно из существа Бога Отца, а сотворен Им из небытия во времени, не единосущен Ему и не равночестен. В этой ереси скрытно заключалось решительное отрицание Божества Иисуса Христа и нашего искупления им, короче — ниспровержение всего христианства. Арианство имело большое распространение и на христианском Востоке, и на Западе. Оно долго волновало умы и производило смуты в Церкви — даже и после того, как было осуждено на I Вселенском соборе в Никее в 325 году. Эта ересь встретила наиболее сильного и ревностного противника себе, на соборе и после него, в лице святого Афанасия Александрийского.

[3] *Святой Афанасий Великий* был патриархом Александрийским с 326 по 378 год. Память его совершается 18 января и 2 мая.



патриарх Цареградский[1], к этому времени уже скончался.

Когда святой Александр умирал, окружавшие его смертный одр спрашивали его:

— Кому оставляешь нас, духовных чад твоих, отче? Кого оставляешь нам пастырем вместо себя? Кто столь же доблестно управлял бы Церковью Христовою?

Он указал им двух достойных мужей — именно пресвитера Павла, родом из Солуня[2], и диакона Македония, но, при этом, прибавил, что если желают иметь пастыря учительного и имеющего добродетельную жизнь, то избирали бы себе Павла; если же хотят иметь пастырем человека представительного, отличающегося внешним благообразием, то пусть избирают Македония. После этого приснопамятный патриарх скончался. На бывшем, после его кончины, соборе, при совещании о том, кого из двоих возвести на патриарший престол, Павла или Македония, произошел спор между православными и арианами, которых на соборе было очень много. Православные желали Павла, ариане склонялись более на сторону Македония; однако православные одержали верх, и на патриаршество избран был в храме святой Ирины святой Павел и, войдя на патриарший престол, начал с честию пасти врученное ему стадо.

---

[1] *Святой Александр* был патриархом Константинопольским с 325 по 340 г. Память его совершается 30 августа.

[2] *Солунь* — русская переделка греческого названия города Фессалоники, по современному произношению *Салоники*. Город этот, первоначально называвшийся Ферма, находится в европейской Турции на северной оконечности Салоникского залива (Средиземное море). Христианская вера проповедана была здесь впервые святым апостолом Павлом и спутниками его Тимофеем и Силою (около 52 года по Р. Х. — См.: 1 Фес. 1, 1). Святым апостолом Павлом написаны два послание к жителям Солуня, которые толкователями признаются за первые по времени писания этого апостола.

Во время избрания и хиротонии святого Павла императора Констанция не было в Царьграде, он находился в Антиохии[1]. Вследствие этого, он не был расположен к новому патриарху. Возвратившись из Антиохии в Царьград, император выказал явное неудовольствие против патриарха за то, что он взошел на патриарший престол помимо воли царской. Настроенный арианами, император созвал собор, который совершенно неправильно низложил с престола святого Павла, ни в чем не повинного, чистого сердцем, весьма полезного для Церкви Христовой, ибо своею мудростию и жизнию он был, согласно слову Писания, истинным светом миру (ср.: Мф. 5, 14) и сиял в Церкви, как утренняя звезда среди облаков. На место низложенного Павла император возвел епископа Никомидийского Евсевия и опять удалился в Антиохию. Евсевий, зараженный ересью арианства, начал смущать Церковь своим еретическим учением и всеми силами старался изъять из Символа веры слова: рождение, несотворенный, единосущный, так как он не признавал, что Сын Божий есть Бог и во всем равен Богу Отцу. Между тем, низложенный Павел отправился в Рим, где нашел святого Афанасия и многих других епископов, изгнанных Евсевием, и жил вместе с ними. Но Евсевий, не желая, чтобы Афанасий и Павел могли успокоиться от преследований в Риме, отправил, полное клеветами на них, послание к Юлию, папе Римскому[2]. Папа не дал посланию никакой веры и советовал Афанасию и Павлу и другим епископам возвратиться к своему служению, и, желая оказать им помощь, написал восточным епископам, чтобы они приняли возвращающихся с любовию и не препятствовали им занять свои прежние места.

Таким образом, свергнутые с кафедр, епископы возвратились каждый к своей церкви и разослали к тем, которые их свергли, принесенные с собою из Рима послания папы Юлия.

Но враги Православия, получив послания, опять всячески старались прикрыть правду ложью и задумали созвать собор в Антиохии, а папе Юлию пытались отвечать особым посланием. Впрочем, сам Евсевий умер, не дождавшись собора. Тогда православные жители Царьграда с радостью приняли Павла и водворили его на архиепи-

---

[1] Здесь разумеется Антиохия Сирийская, некогда великолепная столица Сирийского государства, а ныне бедный городок Азиатской Турции.

[2] *Святой папа Юлий* управлял Римской Церковью с 337 по 352 год.

скопском престоле, ариане же собрались в другом храме и избрали себе епископом перешедшего на их сторону Македония. Отсюда произошло великое смятение в Константинополе, и многие, при столкновениях двух сторон, пострадали и были убиты. Слух об этом достиг до императора Констанция, находившегося в Антиохии, и он отправил в Константинополь полководца Гермогена с войском, приказав ему изгнать Павла из Константинопольской Церкви. Прибыв в Константинополь, Гермоген стал принуждать народ изгнать неповинного ни в чем святого Павла и тем вызвал в городе сильнейший мятеж, так как народ решительно отказался исполнить желание императора. Гермоген хотел употребить в дело военную силу, но толпа яростно бросилась на его дом и сожгла его, а сам Гермоген был вытащен вон и убит.

Император Констанций, узнав об умерщвлении Гермогена, поспешно прибыл из Антиохии в Константинополь, низверг и изгнал Павла и сильно гневался на жителей за принятие, помимо его воли, Павла и за мятеж и убийство Гермогена. За все это император лишил город половины милостей, дарованных ему Константином Великим, а именно: убавил вдвое количество хлеба, ежедневно выдававшегося бедным жителям из императорских житниц. Утвердив затем Македония патриархом Константинопольским, Констанций возвратился в Антиохию. Святой Павел опять удалился на запад и, явившись к папе Юлию, рассказал ему, равно как и императору Римскому Константу[1], обо всем случившемся. Констант, брат Констанция, и папа написали послание к Констанцию, убеждая его принять Павла как православного, и вручили это послание самому Павлу, который вторично отправился из Рима в Константинополь, где православные опять встретили и приняли его с великою радостию; послания же Константа и папы Юлия он отправил через одного знатного вельможу в Антиохию к императору Констанцию. Но Констанций воспринял эти послания, как порицание себе, и не исполнил. Напротив, император еще более разгневался на него за вторичное возвращение, без согласия императора, на епископство и вскоре послал в Константинополь начальнику области Филиппу приказание опять низложить и изгнать Павла и возвести Македония. Филипп, боясь народного мятежа и того, что его постигнет участь Гермогена, заду-

[1] *Констант* царствовал с 337 по 350 год.

мал тайно низвести Павла с епископского престола. С этою целию он, не объявляя никому об императорском приказе, прибыл однажды в находившийся на морском берегу особый двор, — где собирались подати, — называвшийся «Зевксипп». Здесь Филипп сказал, что он явился для получения податей, а между тем послал Павлу почетное приглашение явиться для тайного совещания будто бы об одном общественном деле. Павел, по своей доверчивости, отправился без всяких колебаний. Филипп, опасаясь многочисленной толпы народа, явившейся вместе со святым, на виду у всех не сделал с ним ничего, но, взяв его за руку и беседуя с ним, провел его во внутренний двор. Там он приказал отворить задние ворота, обращенные к морю, и, выведя в них святого, объявил ему волю императора, посадил его на заранее приготовленный корабль, и таким образом, святой, со всеми мерами предосторожности, отправлен был в изгнание. Жить ему было указано на его родине, в городе Солуни, с позволением бывать и во всех окрестных городах, но с запрещением посещать восточные провинции[1].

После изгнания святого Павла начальник области торжественно отправился вместе с Македонием на колеснице, в сопровождении многочисленного войска, в храм. Узнав об этом, жители Константинополя пришли в великое волнение и — как православные, так и ариане — поспешно бросились к храму, стараясь обогнать друг друга и занять скорее там место. Филипп, прибыв к храму, вследствие необычайного стечения народа, не мог войти внутрь. Тогда он свел Македония с колесницы, а воины силою отгоняли народ, но от тесноты передние ряды толпы не имели возможности податься назад; воины же пришли в ярость и стали действовать оружием, пролагая к церкви путь начальнику области и Македонию, причем погибло три тысячи сто пятьдесят человек — частью от оружия воинов, частью от чрезмерной тесноты, и все это из-за Македония, который и воссел на патриаршем престоле согласно желанию царя и благодаря военной силе, но вопреки церковным уставам. В память наступившего якобы мира церковного император Констанций построил церковь во имя святой Софии (Премудрости Божией, второй Ипостаси Святой Троицы, Сына Божия) и обнес ее одной общей оградой с со-

[1] То есть азиатские и африканские.

зданной Константином Великим церковью Ирины (не мученицы, а мира Христова)[1].

Прожив в Солуни некоторое время, святой Павел отправился оттуда в Коринф[2], а оттуда — в Рим. Там он опять нашел святого Афанасия, рассказал ему о всех своих злоключениях, и оба они вместе доложили о своей судьбе императору Константу. Император сильно разгневался на брата и написал ему, чтобы он прислал с Востока трех епископов, которые должны были дать отчет относительно низвержения Афанасия и Павла и вместе с тем привезти письменное изложение исповедания веры. Получив это послание, Констанций, еще находившийся в Антиохии, испугался братнина гнева и отправил к нему четырех епископов: Наркисса Киликийского, Феодора Фракийского, Мариса Халкидонского и Марка Сирского[3]. Епископы эти, явившись в Рим к императору, не отважились вступить в собеседование и состязание с Афанасием и Павлом, скрыли свою действительную еретическую веру, какую они изложили в Антиохии, и, составив другое изложение, вручили его императору. Изложение это было таково:

«Веруем в Бога Отца Вседержителя Творца и Создателя всего, от Которого все получило бытие на небесах и на земле, и во Единородного Его Сына Господа нашего Иисуса Христа, прежде всех веков от Отца рожденного, Бога от Бога, Света от Света, чрез Которого все произошло на небе и на земле видимое и невидимое, истинное слово и премудрость, и Силу, и Жизнь, и Свет истинный, в последние дни

---

[1] Слово εἰρήνη с греческого означает: *мир*, *тишина*.

[2] *Коринф* — один из самых знаменитых городов древней Греции; находится на Пелопоннесском полуострове (южная оконечность Балканского полуострова) при заливе Коринфском; в древности славился своей просвещенностью и обширной торговлей, но вместе — и легкостью нравов жителей. Христианство насаждено было здесь впервые святым апостолом Павлом и Аполлосом. Апостол Павел написал два обширных послания к коринфским христианам. В настоящее время этот древний город принадлежит Греческому королевству, называется Куронто и имеет около пяти тысяч жителей.

[3] *Киликия* — юго-восточная область Малой Азии. *Фракия* — Византийская провинция в юго-восточном углу Балканского полуострова; ныне Турецкая провинция — *Румеля, Халкидон* — город на малоазиатском берегу Босфорского залива против Константинополя, известный в истории Церкви по бывшему в нем IV Вселенскому собору; *Сирия* — провинция на северо-востоке от Палестины.

ради нас вочеловечившегося и родившегося от Святой Девы, распятого и умершего, и погребенного, и воскресшего из мертвых в третий день, и восшедшего на небеса, и сидящего одесную Отца и грядущего при конце века судить живых и мертвых и воздать каждому по делам, и Царство Его не прекратится и пребывает в бесконечные веки. Веруем во Святого Духа, Который есть Утешитель и Которого обещал апостолам Господь и послал им по вознесении Своем на небеса, Которым освящаются истинно и благочестиво верующие в Него души. Говорящих же, что Сын — иного существа, а не от Бога Отца и что было время, когда Его не было, — таких не принимает святая Соборная Апостольская Церковь».

Вручив это изложение веры императору и многим другим лицам, епископы отбыли из Рима. По прошествии трех лет, восточные епископы опять собрались на собор, составили иное изложение веры и отправили его к епископам Италии. Но последние, по причине многословия и растянутости нового изложения, не приняли его, вполне удовлетворяясь тем исповеданием веры, которое изложили святые отцы Никейского собора. Отсюда между восточными и западными Церквами возникли несогласия и значительные недоразумения, вследствие чего оба императора созвали епископов на собор в Сардику для рассмотрения исповедания веры и окончательного решения дела Афанасия и Павла. На собор съехалось в Сардику[1] более трехсот западных епископов и только семьдесят шесть — восточных. Зараженные арианством и в то же время боявшиеся вступить в состязание с такими поборниками Православия, как Афанасий и Павел, и потому желавшие удалить их с собора, восточные епископы отказались вступить в соборное собеседование с западными, пока они не изгонят Афанасия и Павла из своей среды. Тогда епископ Средецкий[2] Протоген, преподобный Кудровий и другие сказали восточным:

— Мы и собрались сюда именно для рассуждения — не только о единосущии Сына Отцу, но и о деле Афанасия и Павла.

Услышав это, восточные епископы отделились от западных, оставили Сардику, и, на возвратном пути достигнув города Филиппо-

---

[1] *Сардика* — город Мизийской провинции (в средине Балканского полуострова).

[2] *Средец* — теперешняя София, главный город в Болгарии.

поля, в Македонии[1], составили там свой отдельный нечестивый собор, на котором постановили, чтобы Сын не был исповедуем Единосущным Отцу, и открыто предали учение об единосущии анафеме. Это еретическое постановление они особыми посланиями объявили по своим епархиям.

Когда весть об этом дошла до отцов Сардикийского собора, то они прежде всего осудили впавших в ересь чрез неправое учение о Сыне Божием, а затем извергли из сана обвинителей Афанасия и Павла; затем они признали полную правильность Символа веры, составленного в Никее, и предали анафеме вообще всех неисповедующих, что Сын Единосущен Отцу. Император Констант с своей стороны написал брату Констанцию, убеждая его возвратить Афанасию и Павлу их епископские престолы, и немедленно же отправил Павла в Царьград, дав ему в спутники двух епископов и отправив с ним к Констанцию письмо, в котором между прочим писал:

— Афанасий еще находится у меня, а Павла я посылаю к тебе, для того чтобы держава твоя повелела ему вновь принять престол; о том же прошу и для Афанасия, ибо я узнал, что оба они изгнаны были за свое благочестие и были оклеветаны.

Констант к этому прибавил и нечто более резкое, а именно, что, в случае несогласия брата, он, Констант, сам лично пойдет против него с военною силою и, хотя бы против желания Констанция, возвратит Афанасию и Павлу их Церкви.

Прибыв к императору Констанцию, святой Павел вручил ему письмо Константа. Испуганный угрозою брата, Констанций изгнал Македония и возвел Павла на патриарший престол; точно так же он вызвал к себе письмом Афанасия и отправил его в Александрию на патриаршество. Велика была радость православных за их пастырей, и довольно долгое время они жили в глубоком мире, утешаясь учением великих богодухновенных вселенских учителей. Афанасий в Александрии и Павел в Царьграде были светильниками благочестия

---

[1] *Филиппополь* Македонский, или *Филиппы*, — город, названный по имени Филиппа, царя Македонского, отца Александра Великого (в половине IV века до Р. Х.). *Македония* — некогда могущественное государство, а впоследствии — провинция Византийской империи. Святой апостол Павел (в сопровождении Луки, Тимофея и Силы) проповедовал здесь христианство, положил начало знаменитой в древности церкви Филиппийской и неоднократно посещал этот город (см.: Деян. 16, 12–40).

для всего мира, далеко разгонявшими тьму арианства. Но вот военачальник Констанция Магненций и его соумышленники убили императора в то время, когда он находился на охоте. Как только не стало защитника Православия, благочестивого царя Римского Константа, ариане тотчас подняли голову и воздвигли гонение на православных. Прежде всего, они восстали против вселенских поборников Православия: Афанасий сам удалился с престола, спасаясь от ариан, искавших его смерти, а блаженный Павел был сослан в заточение в город Кукузы, в Армении[1], и там заключен в отдельной хижине. Здесь, когда он однажды служил Божественную литургию, ариане напали на него и удавили его омофором.

Таким образом Македоний опять сделался патриархом Константинопольским и много еще зла причинил Церкви Божией, преследуя и истребляя православных. Имея себе сильную опору в лице епарха Филиппа, он низверг многих православных епископов и заменил их арианами и, подвергая различным мучениям, погубил множество лиц, не желавших иметь с ним церковное общение, причем не щадил и женщин. По его приказанию, одним — отрывали от грудей сосцы, другим, разжав рот железом, насильно вливали арианское причастие, третьим отрезали носы и уши, иных клеймили огнем, — словом, кровь православных лилась беспощадно. В это именно время ариане усекли мечом двух клириков, Маркиана и Мартирия, бывших нотариями блаженного Павла и поборниками Православия[2]. Мучительства Македония простерлись даже на Пафлагонию[3]. Узнав, что там находится множество православных, он послал туда три вооруженных отряда солдат, для того, чтобы они мечом принудили православных к единению с арианами. Жители города Мантины[4], услышав о приближении войска, захватили с собой:

---

[1] *Армения* — провинция Римско-Византийской империи, находившаяся в северо-восточной части Малой Азии. До 70 года до Рождества Христова Армения входила в состав Понтийского царства, а затем была завоевана римлянами.

[2] Смотри память святых мучеников Маркиана и Мартирия 25 октября. *Нотарий* — патриарший чиновник по гражданским делам.

[3] *Пафлагония* — древняя область Малой Азии, на средней части южного берега Черного моря. До 64 года до Рождества Христова принадлежала к царству Каппадокийскому, а с указанного времени перешла к Римской провинции Вифинии — Понту и затем вошла в состав Византийской империи.

[4] *Мантина* — небольшой город в Пафлагонии.

кто — топор, кто — косу, а кто — и просто колья, собрались вместе и вышли против приближающихся; произошла междоусобная схватка, в которой пало множество людей с обеих сторон. В этом кровопролитии виновен был опять-таки не кто иной, как Македоний.

Наконец, Македоний без всякого приказания со стороны императора отважился вырыть из земли и перенести в другое место мощи святого Константина Великого. Тогда вся Церковь, можно сказать, облилась кровию вследствие происшедших отсюда междоусобиц между православными и арианами. Император сильно был недоволен за это на Македония и епарха Филиппа, и оба они, по настоянию Констанция, были лишены: первый — патриаршего престола, а второй — епаршества. Несмотря на это, ереси Ария и Македония продолжали существовать и раздирали Церковь еще сорок лет — до царствования императора Феодосия[1], который созвал, наконец, в Константинополе собор, окончательно осудивший эти ереси[2]. Вслед за этим благочестивый император с великими почестями перенес из Кукуз в Константинополь мощи святого исповедника Христова Павла[3], воздавая славу Отцу, и Сыну, и Святому Духу.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО **ВАРЛААМА ХУТЫНСКОГО**, Новгородского чудотворца

Преподобный отец наш Варлаам родился в Новгороде от благочестивых и благоверных родителей. Он был воспитан в страхе Божием и обучен грамоте. Святой отрок часто и охотно читал Божественные книги и особенно Боговдохновенные псалмы царя и

---

[1] *Император Феодосий Великий*, царствовавший с 379 по 395 год по Рождестве Христовом.

[2] Имеется в виду бывший при императоре Феодосии Великом II Вселенский собор (381 год) в Константинополе, осудивший арианство и все возникшие из него ереси — главным образом ересь Македония, нечестиво учившего о Святом Духе.

[3] В 381 году. — В 1236 году мощи святого Павла перенесены в Венецию, где пребывают и доныне.

пророка Давида. С раннего возраста он избегал детских игр, отказывался от всяких мирских удовольствий и был избранным сосудом Святого Духа. Часто он размышлял так: «Воистину, жизнь наша кратка и непостоянна. В ней все изменяется, все вертится колесом. Она подобна сонному видению».

Святой отрекся от мира и от всего, что в мире, и удалился в пустынное место. За ним последовали Прокопий Малышевич, постригшийся потом под именем Порфирия, его брат Феодор и другие жители Новгорода, желавшие подвизаться в тишине и безмолвии. Святой Варлаам принял иноческое пострижение от некоторого священноинока. Он устроил себе небольшую клеть, где непрестанно день и ночь возносил молитвы Господу. Святой ревностно подвизался в посте и трудах, сам рубил дрова, пилил лес, пахал землю, исполняя слова Священного Писания: *Ибо когда мы были у вас, то завещевали вам сие: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь* (2 Фес. 3, 10). Каждую ночь он бодрствовал и молитвой отгонял бесов. Нечистые духи то сами пытались смутить святого мужа, то побуждали кого-либо из людей досаждать блаженному. Святой терпеливо переносил все напасти, хранимый и подкрепляемый десницей Божией. Слава о его подвигах стала распространяться повсюду. Многие начали стекаться к нему: князья, бояре, богатые и бедные. Преподобный Варлаам неустанно поучал всех приходивших к нему:

— Чада, блюдитесь от всякой неправды, не завидуйте, не клевещите. Воздерживайтесь от гнева, не отдавайте денег в рост. Берегитесь судить не право. Не клянитесь лживо, *дав клятву*, исполняйте ее. Не предавайтесь телесным страстям.

Будьте всегда кротки и ко всем относитесь с любовью. Эта добродетель — начало и корень всякого добра.

Так каждый день поучал блаженный всех, приходивших к нему, сам же усугублял свои молитвы и все сильнее умерщвлял свою плоть. Чрез некоторое время он построил небольшую церковь во имя Преображения Господа нашего Иисуса Христа. С этого времени возник монастырь. Число братии возрастало. Святой, как и прежде, вел строгую жизнь. Пищей ему было сочиво или земные плоды, и то в самом небольшом количестве. Такую же строгую жизнь вели и прочие иноки.

В келию святого пришел однажды князь и просил благословить его. Святой, приветствуя его, поздравил с рождением сына. Князь удивился этому. И действительно, в отсутствие князя у него родился сын, восприемником которому в святом крещении был сам святой Варлаам.

Один человек, имевший великую веру в святого мужа, отправился к преподобному с единственным своим больным сыном. Он хотел, чтобы святой помолился об исцелении его сына. Но дорогой больной умер. Святой Варлаам помолился, и отрок восстал совершенно здоровым.

Однажды наступал великий праздник Воскресения Господа Иисуса Христа. Святой послал рыбарей наловить к празднику рыбы. Лов был необыкновенно удачен. Рыбаки поймали больших размеров осетра, но, наущаемые диаволом, скрыли его, а в монастырь привезли только остальную рыбу. Святой Варлаам, с посохом в руках, стал рассматривать привезенную рыбу и сказал:

— Дети, малые рыбы вы привезли. Где же большая?

Рыбаки, удивленные такой прозорливостью святого, упали пред ним на колени, каялись в своем прегрешении и возвратили утаенную было ими рыбу.

По Божиему изволению, прибыл к преподобному Варлааму из Константинополя его сверстник Антоний. Блаженный был весьма обрадован возвращением своего друга. Он передал Антонию управление монастырем, сказав:

— Возлюбленный брат мой! Божие благоволение почивает над этой обителью. Ныне я передаю в твои руки этот монастырь. Блюди его и заботься о нем. Я уже отхожу к Царю небесному. Но не смущайся этим: телом я покидаю вас, духом же всегда буду с вами.

Преподав наставление своей братии, заповедав ей соблюдать православную веру и постоянно пребывать в смирении, святой Вар-

лаам предал свою душу Господу. Владыка Новгородский с подобающим благолепием, со свечами и духовными песнопениями предал погребению его честное тело. Блаженная кончина преподобного Варлаама последовала 6 ноября 1192 года. Ныне же он вместе с ликами праведных прославляет Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

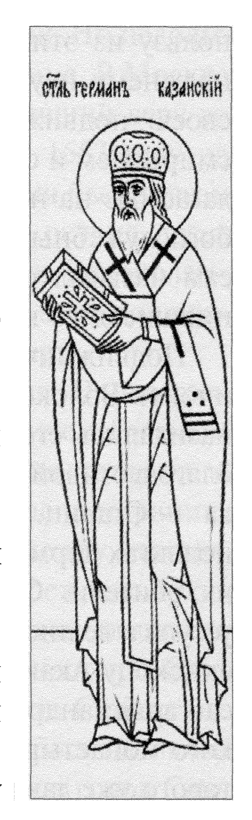
ЖИТИЕ СВЯТОГО **ГЕРМАНА**, архиепископа Казанского

Среди боярских родов в Московском государстве в XV и XVI веках особенным благочестием и ревностью по службе отличался род Полевых, потомков Смоленских князей. Несколько лиц из этого рода восприняли иночество и отличались своей благочестивой жизнью и христианскими добродетелями. В самом начале XVI века в городе Старице[1] у Феодора Афанасьевича Полева родился сын, нареченный во святом крещении Григорием, в честь святого Григория Декаполита[2]. Это и был будущий великий светильник и ревностный пастырь стада Христова — святой Герман. Благочестие родителей, их строгая жизнь по заповедям Христовым, сильно влияли на юного отрока. Еще с молодости он привык соблюдать строго пост и часто предавался молитве. Родители святого старались насадить в сердце своего сына страх Божий. С юных лет благодать Божия почивала на отроке. Среди своих сверстников он отличался скромностью, кротостью и даровитостью. Не любил он детских игр и шумливой резвости, но предпочитал услаждать свою душу полезными размышлениями и беседами. Благочестивые родители Григория обучили сына чтению Божественного Писания, что было, тогда главным образованием. Святой отрок с великою ревностью стал заниматься чтением Боговдохновенных книг. Особенно часто он читал псалмы Давидовы, которые укрепляли и воодушевляли благочестивого юношу.

---

[1] *Старица* — уездный город Тверской губернии на реке Волге.

[2] Память его совершается Церковью 26 ноября.



С юных лет он неуклонно присутствовал в храме во время богослужений. Часто удалялся он в уединение и здесь среди тишины горячо молился и размышлял о назначении человека и о промысле Божием. Святой отрок много думал о тщете человеческой жизни. Она мимолетна, как сон, думал он, человек умирает, и память о нем изглаживается. Столь же скоропреходящи и все блага этой жизни: они тленны, быстро приходят и быстро исчезают. Едино есть на потребу — угодить Богу, служить Ему всей душой и любить Его всем сердцем. Благочестивый отрок стал вести жизнь еще более строгую, чем прежде; особенно он соблюдал пост, так что от великого воздержания едва оставался живым. Но, умерщвляя так свою плоть, он просвещал и украшал свою душу. Видя такое воздержание своего сына, родители просили его, опасаясь за его здоровье, умерить свои подвиги. Но он еще более и более усугублял свои труды. Душа его уже давно стремилась к уединению. Он решил всецело посвятить себя на служение Богу и вступить в число иноков. Испросив благословения у своих родителей, он вступил в Волоколамский монастырь, славившийся строгостью своей жизни. В той же обители уже были пострижены двоюродные братья отца Григориева. В это время там подвизались будущий первосвятитель Казанский Гурий[1] и блаженный Максим Грек[2], отличавшийся своим просвещением и невинно заточенный, по проискам врагов, в этом монастыре. Около двадцати пяти лет от роду Григорий вступил в эту обитель, куда потом поступил и его отец под именем Филофея. Вскоре Григорий был пострижен в иночество, причем ему наречено было имя Герман. Восприняв иночество, он стал с еще большей ревностью подвизаться в делах благочестия. Особенно трудился он над изучением Священного Писания, часто беседовал с просвещенным Максимом и извлекал

[1] Его память — 4 октября и 5 декабря.

[2] *Блаженный Максим Грек*, вызванный из Святой горы для исправления богослужебных книг, оставил много сочинений. После продолжительного заключения, скончался в Свято-Троицкой Сергиевой лавре в 1556 году.

пользу из этих бесед. По-прежнему он строго соблюдал пост, по-прежнему неуклонно посещал храм Божий. Подавая всем пример своею подвижническою жизнью, он отличался необыкновенным смирением и охотно служил братии, исполняя все послушания, возлагаемые на него. Особенно он любил заниматься переписыванием богослужебных книг. Рукой Германа, последнего в иноках, как он сам называл себя, переписаны Богородичники, Евангелие, сохранившиеся до нашего времени.

Подвижническая жизнь Германа доставила ему уважение среди иноков Волоколамской обители. Они дивились трудам подвижника, назидались его смирением и благодарили Господа. Вскоре молва о благочестивой жизни Германа достигла и до родины святого города — Стариц. Иноки Старицкого Успенского монастыря, слыша о подвигах Германа, настоятельно просили его принять начальство в их обители. Смиренный Герман долго отказывался, но, наконец, уступал великим просьбам братии, отправился к Тверскому архиепископу Акакию, который с любовью принял святого, возвел его в сан архимандрита и благословил на новое служение. Братия Старицкого монастыря с любовью встретила своего нового настоятеля, которого уже давно желала видеть в своей обители. Вступив в управление монастырем, святой Герман с пастырской ревностью стал заботиться о его благоустройстве: он воздвигал постройки, благолепно украшал храмы. Но еще более заботился он о благолепии внутреннем: он всем подавал пример благочестивой жизни, служил для иноков образцом смирения и кротости, всех назидал, увещевал строго соблюдать иноческие обязанности, ввел в своей обители устав Волоколамского монастыря — словом, был истинным пастырем, добрым отцом и примером, достойным подражания. Иноки старались следовать стопам своего святого архимандрита и преуспевали в подвигах под руководством столь опытного в духовной жизни пастыря. Но вскоре им пришлось расстаться с своим архимандритом. Стремясь постоянно к уединению, святой Герман через два с половиной года оставил Старицкий монастырь, чтобы снова в уединенной келии Волоколамского монастыря подвизаться в молитве и посте. Он передал начальство в Старицком монастыре постриженному им иноку Иову, впоследствии знаменитому подвижнику и страдальцу за Русскую землю — патриарху Московскому. Прибыв в Волоколамский мона-

стырь, святой Герман стал подвизаться как простой инок. Но недолго ему было суждено проводить жизнь в уединении и тишине. В Москве тогда появился новый еретик Матвей Башкин, отрицавший веру во Святую Троицу, не признававший святых Таинств. В 1553 году на него был созван собор в Москве. На соборные заседания был вызван и святой Герман вместе со своим родителем. Собор осудил ересь Башкина и постановил послать его для вразумления в Волоколамский монастырь к святому Герману. Так была известна всем подвижническая и святая жизнь этого ревнителя Христовой веры.

Но святого ожидало другое, более трудное поприще. Около того времени царем и великим князем Иоанном Васильевичем Грозным была покорена Казань — главный оплот и твердыня татарского Казанского царства. Царь Московский озаботился распространить свет истинной веры Христовой в покоренной стране между магометанами и язычниками-инородцами. В Казани была учреждена архиепископская кафедра, на которую впервые был возведен святитель Гурий, бывший прежде игуменом в Волоколамском монастыре. Святителю Гурию было поручено устроить обитель в городе Свияжске[1]. Настоятелем для этой обители, по указанию Гурия, был назначен святой Герман, прибывший вместе с Гурием в 1555 году в город Свияжск. Получив богатые пособия от царя и святителей, Герман ревностно начал строить обитель. Много трудов и усилий пришлось ему положить при строении обители. Недостаток необходимых материалов, дороговизна работ, враждебное отношение инородцев — все это затрудняло и замедляло строение монастыря. Но, при помощи Божией, через полтора года работы были закончены. Святой Герман построил Никольскую церковь, существующую доныне, и при ней высокую колокольню, потом воздвиг великолепный, сохраняющийся до этого времени храм в честь честного и славного Успения Божией Матери. Герман благолепно украсил эти храмы иконами и другими священными предметами.

Особенно ревностно заботился Герман о распространении истинной веры Христовой между магометанами и язычниками. Строгая и подвижническая жизнь святого пастыря многих привлекала к нему. Одни приходили за советом, другие — за благословением. Бла-

[1] *Свияжск* — уездный город Казанской губернии на реке Свияге.

женный всех принимал с любовью, не делая различия между православными и неверующими, всем равно помогая, ко всем одинаково попечительно относясь. Такое обхождение святого мужа сильно действовало на язычников, так что те стали принимать истинную веру Христову. Святой Герман щедро помогал всем, кто обращался к нему с просьбой о помощи. Но щедрый и милостивый к другим, святой был строг и требователен к себе. Еще до сих пор сохраняется тесная и узкая келия святого, длиной в полторы сажени, шириной около сажени. Помогая всем, он сам старался обходиться без посторонней помощи, сам себе чинил одежду. До сих пор сохраняются наперсток, иглы и нитки, которыми пользовался святой Герман. Заботясь о спасении своей души, этот добрый пастырь не менее заботился и об иноках Свияжской обители. Подобно настоятелю, все иноки обязаны были проводить самую строгую жизнь. Из среды их святой Герман избирал достойных проповедовать слово Божие среди неверующих, сам подавая им в этом пример. Трудами святого было собрано большое количество рукописных книг, богослужебных и других, необходимых для великого дела проповеди. Свияжский Богородицкий монастырь был средоточием, откуда стал разливаться свет Христовой веры. Благодаря неусыпным попечениям святителя, эта обитель исполнила свое высокое назначение и долго еще оставалась просветительным центром на северо-востоке России.

Узы братской любви связывали святого Германа с блаженным Гурием. Этот архипастырь ценил заслуги и труды такого ревностного сподвижника, каким был Герман. Они часто переписывались о различных предметах, касающихся церковного просвещения. Со своей стороны святитель Гурий оказывал ревностному проповеднику Христовой веры доверие во всем. Он поручил суду и управлению самого Германа не только Свияжский монастырь, но и все церкви Свияжской области. Все его труды были известны и царю. Так более восьми лет подвизался святой Герман.

5 декабря 1563 года после многих трудов и подвигов мирно предал Господу свою чистую душу первосвятитель Казанский Гурий. Царь Иоанн Васильевич Грозный и митрополит Московский Афанасий вызвали в Москву святого Германа, желая возвести его на архипастырский престол в Казани. Они уже прежде слышали много о ревности этого святого мужа и видели в нем единственного достой-

ного преемника святителю Гурию. Святой Герман, вызванный соборной грамотою в Москву, сначала отказывался, но потом должен был уступить требованиям царя и Священного собора. 12 марта 1564 года он был рукоположен в архиепископа Казанского и Свияжского. Правя своею паствою, он неуклонно шествовал по следам своего великого учителя и наставника святителя Гурия. Особенно ревностно он заботился о распространении Христовой веры. Для этого он ввел общежитие в Зилантовском монастыре[1], чтобы увеличить число иноков в этой обители и расширить школу для детей инородцев. Один из его современников, знаменитый в русской истории князь Курбский, так отзывается о святителе Германе: «Герман был человек знатного рода, не столько высок телом, сколько разумом, муж честного и святого жительства, исследователь Священных Писаний и ревнитель по Боге в делах духовных; не был он причастен никакому обычаю лукавому и лицемерию, но был человек простой, истинный, непоколебимый, великий помощник объятым бедами и напастями и весьма милостивый к убогим».

При содействии святителя в Казани был построен тогда Ивановский Казанский монастырь, существующий до этого времени. Это — видимый знак ревностного старания святителя о благолепии храмов Божиих. В таких трудах святитель управлял Казанской паствой около двух лет. В 1566 году митрополит Московский Афанасий по расстроенному здоровью отказался от управления Церковью. Строгая подвижническая жизнь святого Германа хорошо была известна Грозному, и он пожелал, чтобы Герман занял архипастырский престол. По распоряжению царя, святитель Казанский был вызван в Москву. В то время в характере Иоанна произошла печальная перемена: подозрительность, которою он отличался и прежде, стала увеличиваться. Он окружил себя толпою недостойных опричников, которые злоупотребляли доверием царя и чинили несправедливости и притеснения. Вызванный по воле царя в Москву, Герман сначала отказывался от возлагаемого на него бремени. Царь не терпел возражений, и Герман должен был поселиться в покоях митрополичьих, еще до посвящения в сан митрополита. Недолго, однако, ему пришлось пробыть здесь. Он видел, какие несправедливости причиняют лю-

[1] *Зилантовский мужской монастырь* близ Казани был основан по повелению Иоанна Грозного на месте погребения воинов, павших при взятии Казани.

дям злые приспешники царя, со скорбью замечал, как сильно изменился характер Грозного, — и не мог стерпеть: верный своему пастырскому долгу, он попытался вразумить царя, говорил ему о необходимости чистосердечно раскаяться, о будущих муках и о вечном блаженстве. Грозный царь не мог вынести обличений блаженного святителя. Он с сумрачным видом вышел от Германа. Опричники, узнав об этом, стали уговаривать царя. Они хорошо знали святителя, понимали, что этот пастырь — грозный для них обличитель, который будет немолчно и смело говорить правду царю.

— Великий государь, — говорили коварные опричники, — не пристало тебе внимать бессмысленным речам твоего раба. Неужели ты хочешь быть в неволе, более тяжкой, чем в какой ты столько лет был у Сильвестра и Адашева?

Более всех против святителя говорили царский любимец Алексей Басманов с своим сыном. Все опричники неотступно просили царя, чтобы он не возводил Германа на Московскую кафедру. Грозный послушался своих любимцев. Он повелел передать Герману:

— Ты еще не возведен на митрополию, а уже отнимаешь у меня свободу.

Около двух лет святитель пробыл в Москве под опалой. Его не отпускали в Казань, хотя он и считался архиепископом Казанским. В это время его держали под надзором приставов, в заключении. Но нелицемерный обличитель неправды и в неволе был страшен опричникам. 6 ноября 1567 года последовала кончина святого Германа. Как думают, опричники были убийцами этого святого мужа. Бывший в Москве при святителе архимандрит Свияжского монастыря Иродион предал погребению тело святого Германа при церкви святого Николая, именуемого Мокрым[1].

Но Господу было угодно прославить Своего угодника чудесами и различными знамениями. При перестройке Николаевской церкви были обретены мощи этого святителя. В 1592 году жители Свияжска, услышав о чудесах от мощей святого Германа, обратились к царю Феодору Иоанновичу и к Всероссийскому патриарху Иову с просьбой о том, чтобы им было позволено перенести мощи святителя из Москвы в Свияжский монастырь, основанный самим святителем.

---

[1] *Церковь святого Николая Мокрого* находится в Москве, в Китай-городе, в Зарядье.

Просьба эта была исполнена: 25 сентября 1592 года мощи святителя были торжественно встречены жителями Свияжска. Много чудесных исцелений и знамений произошло при этом. Лишь только мощи святого Германа были внесены в Успенский храм Свияжской обители, великое благоухание распространилось по всему монастырю. При этом прозрели два слепца, и совершилось много других чудес. Спустя более ста лет, в 1696 году, мощи святого были вновь свидетельствованы, и с этого времени началось всеобщее празднование памяти святителя по всей России. В 1704 году мощи святителя были перенесены из алтаря Успенского храма в самую церковь. Это перенесение произошло 23 июля 1704 года при митрополите Тихоне. Память об этом событии торжественно совершается и до этого дня.

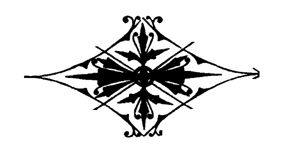
Таково было житие святого Германа, таковы его труды, его твердость в Христовой вере. Последуем и мы этому подвижнику, поревнуем его добродетельной жизни, будем постоянно иметь пред своими душевными очами этого великого святителя Церкви Российской и призывать его святое имя, чтобы он молил за вас Господа, Ему же слава вовеки. Аминь.

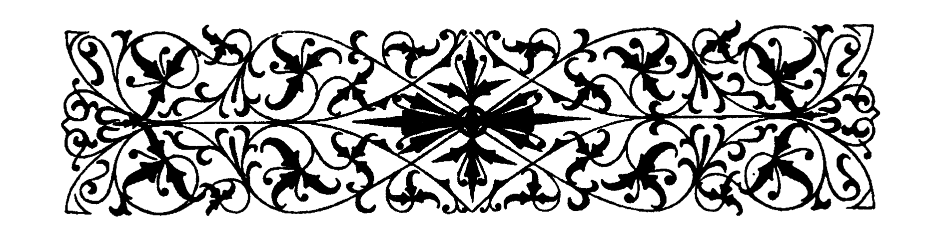
ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ЛУКИ

Блаженный отец наш Лука происходил из сицилийского города Тавромении[1]. Еще в юношеском возрасте он с усердием посещал церкви Божии и был не только слушателем, но и исполнителем Божественных Писаний. И когда родители задумали найти для него жену, он ночью ушел из родительского дома в непроходимую пустыню, где и жил вместе со зверями. Проведя четырнадцать дней в посте, он удостоился Божественного и ангельского посещения. Наконец, он прибыл в одну обитель, где и принял иночество, и предался суровой постнической жизни: чрез три или четыре дня он вкушал немного хлеба и воды и почти не предавался сну. Так он прожил полтора года. Потом он вместе с одним иноком удалился оттуда на

[1] *Тавромения* — значительный город на восточном берегу Сицилии.

гору Этну, где и подвизался, питаясь только зелиями, растущими на этой горе; мало отдыхал, мало спал, пребывая все время в одной одежде и босым. У него было уставом и обычным правилом не выходить из своей келии до тех пор, пока не окончит чтение всей Псалтири. Обыкновенно он оканчивал правило к третьему часу. От третьего часа и до шестого преподобный трудился. И уже после шестого часа он вкушал немного пищи, не оставляя при этом своих трудов. Поступая так, он удостоился великой благодати и уразумел всякую мудрость, так что некоторые, недоумевая, говорили: «Откуда он знает книги?» По бывшему ему откровению, он отправился в одно место, где собрал двенадцать иноков, и приложил большое старание о благоустроении их. Ради этого он отправился даже в Византию, где осматривал устройство монашеских общежитий и беседовал об этом с тамошними отцами. Оттуда он отправился в Коринф, где, прожив в одной обители не более семи месяцев, с миром отошел ко Господу.





День седьмой

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ИЕРОНА
и дружины его

Отечеством святого Иерона была вторая (великая) Каппадокия[1], родился он в городе Тиане[2] от благочестивой и богобоязненной матери, по имени Стратоники, в царствование императоров Диоклетиана и Максимиана, которые оба были усердными поклонниками идолов и гонителями христиан.

Когда до слуха императоров дошло, что жители областей Армении и Каппадокии, вопреки императорским указам, отказываются поклониться идолам, то они, после многих совещаний, избрали двух лукавых, преданных язычеству, жестоких мужей, Агриколая и Лизия, и отправили первого в Армению, а второго — в Каппадокию, приказав им, во-первых, казнить всех тамошних христиан, не соглашающихся поклониться идолам, и, во-вторых, записать в войско всех мужей и юношей, сильных телом и способных к военной службе.

Прибыв в Каппадокию, Лизий стал всячески разыскивать годных для набора людей. Между прочим, ему донесли и об Иероне, как о

---

[1] *Вторая*, или *Великая, Каппадокия* — весьма обширная область в средине восточной части Малой Азии, к западу от верховьев реки Евфрата. Некогда Каппадокия была одним из значительных государств Азии, но затем потеряла самостоятельность и в конце концов вошла в состав Римской империи, как ее провинция (в 17 или 18 году по Рождестве Христовом).

[2] *Тиана* — город в юго-западиой части Каппадокии. Ныне — *Нигры*, или Нигдели.

человеке здоровом и сильном и отличающемся особенным мужеством. Лизий тотчас же послал воинов взять его и привести. Посланные не застали Иерона дома: он был на работе в поле. Воины отправились туда и хотели схватить его; но Иерон, узнав, что его берут для воинской службы, отказался идти с ними, считая для христианина вредным иметь общение и служить вместе с идолопоклонниками. Воины хотели взять его силою, но разгневанный Иерон схватил попавшееся под руку дерево и начал их бить; он оказался настолько сильнее воинов, что они обратились в бегство, а он гнал их, как лев гонит козлят. Рассеянные им воины вновь собрались, однако, в одно место. Им стало стыдно друг друга, что не только не могли одолеть одного человека, но и были им прогнаны. Они боялись возвратиться к тому, кто их послал, с пустыми руками и говорили между собою, что если они воротятся без Иерона, то не только будут всеми осмеяны за то, что один человек победил их всех, но и будут жестоко наказаны за трусость. Поэтому они позвали себе на помощь своих товарищей и во второй раз в еще большем числе устремились на Иерона. Услышав об этом, он набрал себе дружину из восемнадцати мужей — христиан, скрылся вместе с ними в находившуюся вблизи пещеру и оттуда отражал нападение осадивших его язычников. Последние известили между тем своего начальника, что Иерон с другими христианами заперся в пещере и они не могут взять его. Начальник отправил к ним на подмогу еще более воинов, и все-таки они ничего не могли сделать, так как, боясь Иерона, никто не осмеливался даже приблизиться ко входу в пещеру. Тогда начальник послал к ним одного из друзей Иерона, по имени Кириака. Кириак, придя на место, посоветовал воинам удалиться от пещеры, так как Иерона, говорил он, можно взять только кротостью и добрым советом, а никак не силою. Когда воины удалились, Кириак вошел к Иерону и убеждал его не сопротивляться власти и идти записаться в воинскую службу. Мирною беседою своею он успокоил Иерона, вывел его из пещеры и отвел в его

дом к матери — старой и слепой вдове. Она начала громко оплакивать сына, называла его опорой своей старости и светом своих слепых очей и жаловалась, что лишается единственного утешения в своем печальном вдовстве. Между тем воины, окружавшие Иерона, принуждали его идти с ними. Простившись с плачущей матерью, соседями и знакомыми, которые собрались там, Иерон захватил с собою одного своего родственника, по имени Виктора, и пошел в город Мелитину[1] вместе с воинами, сопровождаемый двумя своими близкими родственниками Матронианом и Антонием и некоторыми другими единоверцами. Путники не поспели в Мелитину до захода солнца[2] и ночевали на месте, где застала их ночь. Ночью блаженному Иерону явился некто одетый в белые одежды и возвестил ему кротким и полным любви голосом:

— Спасение, Иерон, благовествую я тебе! Правым путем идешь ты, так как идешь подвизаться за Царя небесного и не за скоро гибнущую славу земную будешь ратовать... Скоро ты отойдешь к Царю небесному и приимешь от Него честь и славу за свои подвиги.

Этими словами явившийся наполнил сердце Иерона несказанною радостью.

Когда он исчез, Иерон пробудился и с радостью возвестил бывшим с ним друзьям и сродникам:

— Я узнал тайну благоволения Божия ко мне и теперь уже с веселием иду в предстоящий мне путь. Одно только истинное сокровище, одно истинное наследие, одни только истинные богатства, это — те, которые сокрыты на небесах; все же земные блага не приносят получающим их никакой пользы: *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?* (Мф. 16, 26)[3]. Для меня нет ничего дороже и лучше души... Достаточно времени своей жизни потратил я на служение суете, теперь иду к Богу. Одно только смущает меня — печаль моей матери, престарелой и немощной вдовы, лишенной света очей

[1] *Мелитина* — город в Армении, теперь Малатия.

[2] В то время городские ворота, то есть входы, сделанные в стене, окружавшей весь город, запирались с заходом солнца, и после того нельзя уже было проникнуть в город.

[3] Слова Спасителя. *Повредить душе* — значит сделать ее пристрастной к мирской суете и неспособной к вечноблаженной жизни, а следовательно, подвергнуть ее вечному мучению в аду.

и не имеющей себе помощника и заступника. Но я иду умереть за Христа и Ему, Отцу сирот и вдовиц, поручаю я свою мать.

Сказав это, Иерон пролил несколько слез о своей матери и отправился в путь. В Мелитине святой Иерон вместе с другими тридцатью тремя христианами был заключен в темницу. Здесь он говорил своим товарищам по заключению:

— Послушайте, друзья и братья, моего совета, который будет вам полезен не в этой жизни, а в будущей. Все боящиеся Бога ищут не земных временных, а будущих вечных благ. Вы слышали, что наутро нас хотят заставить принести жертвы ложным языческим богам: не будем повиноваться, не поклонимся идолам и не принесем им жертву; принесем лучше жертву хвалы истинному Богу нашему и вознесем к Нему наши молитвы, услышав которые Он подаст нам силу стойко и мужественно перенести мучение и удостоит нас блаженной кончины.

Слушатели Иерона единодушно отвечали:

— Сладостны нам, как мед, слова твои! (см.: Пс. 118,103). Ты советуешь нам то, что действительно полезно и спасительно для нас, и все мы желаем лучше умереть за Христа, чем, поклонившись идолам, жить в суете.

Темничные стражи известили о таком решении узников самого Лизия. Наутро он велел привести святых мучеников из темницы к себе на суд, поставил их пред собою и с гневом спросил:

— Какой бес привел вас к безумному решению восстать против власти и не послушаться царского повеления поклониться великим богам?

— Мы, конечно, были бы безумцами и игрушкою бесам, — отвечали святые, — если бы честь, подобающую одному только Богу, воздавали деревянным и каменным произведениям рук человеческих. Но теперь мы поступаем мудро, ибо поклоняемся Творцу всего, создавшему небо и землю словом Своим и изведшему их из небытия в бытие духом уст Своих[1].

В это время один из присутствовавших на суде указал Лизию на Иерона и сказал:

— Вот кто сопротивлялся твоим посланцам, и все, о чем ты слышал, сделал именно он.

---

[1] Ответ мученика Лизию основан на словах: *словом Господа сотворены небеса, и духом уст Его — все воинство их* (Пс. 32, 6).

Лизий, посмотрев на Иерона, спросил, откуда он родом, и, когда Иерон назвал свое отечество и место рождения, опять спросил его:

— Это ты противился царскому приказанию, надеясь на телесную свою силу, и избил посланных за тобою воинов?

— Да, я, — смело отвечал мужественный Иерон, — *мне ли не возненавидеть ненавидящих* Господа, *и не возгнушаться восстающими на* Него? (Пс. 138, 21). Потому-то и нанес я им побои и гнал, как трусливых зайцев.

Слыша эти слова, Лизий разгневался и, не отдавая должного храбрости и силе Иерона, порицал его за непокорность и сказал:

— Безумие твое довело тебя до такой дерзости, что ты ослушался царского повеления, не покорился и моему приказу и избил посланных нами. За это повелеваю отсечь по самый локоть твою дерзкую руку, повиновавшуюся безумной голове.

И тотчас святому Иерону отсекли руку, а прочих святых, по повелению того же мучителя, немилосердно били долгое время.

Затем все они опять были брошены в темницу и возблагодарили Бога, сподобившего их понести такие муки за Его святое имя. Но один из них, вышеупомянутый Виктор, родственник святого Иерона, обессилев от полученных им побоев и убоявшись еще больших в будущем, тайно призвал к себе того чиновника, который вел запись схваченных и преданных мучениям христиан, и униженно умолял вычеркнуть имя его, Виктора, из записи имен узников, страждущих за Христа, причем обещал ему подарить за это одно поместье. Подкупленный обещанным ему подарком, чиновник исполнил просьбу Виктора — уничтожил его имя в записи и ночью выпустил его из темницы. Но Виктор, выйдя из темницы, вскоре умер и таким образом лишился и поместья, и жизни, и мученического венца.

Когда настало утро, святой Иерон узнал о случившемся и, полный бесконечной печали, громко рыдал о своем сроднике, восклицая:

— Увы, Виктор! Что ты сделал? О, какой дорогой ценой откупился ты! Зачем ты сам отдал себя в руки врага? Зачем позор бегства предпочел венцу славы? Зачем отдал жизнь вечную за временную? Зачем временное облегчение поставил выше радости нескончаемой? О, как смутили тебя недолговременные страдания от незначитель-

ных ран, которые — ничто пред муками вечными, ожидающими тебя по суду Божиему!

Оплакав отпадшего от лика мученического, святой Иерон подозвал к себе двух своих сродников, Антония и Матрониана, последовавших за ним, и сказал им:

— Выслушайте мою последнюю волю и, возвратившись отсюда, приведите ее в исполнение. Мое имущество, находящееся в Писидии[1], я отдаю сестре своей Феотимии, с тем чтобы она, получая с него нужное для пропитания, совершала поминовение по мне в день моей смерти. Все же прочее мое имущество я оставляю своей матери, по причине ее вдовства и сиротства; отдайте ей также и мою отсеченную руку и скажите ей, чтобы она письмом попросила начальника города Анкиры[2], вельможного Рустика, дать ей дом в Вадисане[3], где пусть и будет положена рука моя.

Оставив такое завещание своим сродникам, блаженный Иерон спокойно ожидал своей мученической кончины. И вот, на пятый день, Лизий опять сел на судейское место и, призвав святых, стал принуждать их поклониться идолам. Долго старался он и ласками и угрозами отклонить их от Христа, но не имел никакого успеха и тогда приказал сначала бить их без пощады палками, а затем осудил на усечение мечом. После многих мучений святые мученики были осуждены на смерть. Предводимые блаженным Иероном, они, на пути к месту казни, радостно воспевали слова псалма: *Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем* (Пс. 118, 1). Придя на место казни, они преклонили колена и молились Господу:

— Господи Иисусе Христе, приими души наши!

Затем их святые главы были усечены мечом.

Антоний и Матрониан обратились к Лизию с просьбою позволить им взять тело их сродника Иерона и, когда Лизий не соглашался, умоляли его отдать им, по крайней мере, отсеченную главу

---

[1] *Писидия* — внутренняя малоазийская провинция Рима к юго-западу от Каппадокии. Здесь проповедовал христианство святой апостол Павел (см.: Деян. 13, 14; 14, 24).

[2] *Анкира* — главный город малоазийской провинции Рима Галатии, ныне Ангора. Галатия занимала самую средину Малоазийского полуострова, Анкира же находилась на северо-западной окраине провинции.

[3] Что называлось *Вадисаном* — неизвестно. Предполагают, что это — то же, что *Васадон*, или *Валвадон*, — город в Каппадокии.

Иерона. Он отвечал им, что отдаст главу только за равное с нею по весу количество золота. Сильно скорбели Антоний и Матрониан, что не было у них столько золота, сколько требовал за главу Лизий, хотя, без сомнения, честная глава мученика и стоила несравненно дороже. Тогда Бог вложил в сердце одному богатому и знаменитому мужу, именем Хризафию, дать выкуп за главу святого мученика Иерона: он отдал Лизию столько золота, сколько весила глава, и, взяв ее, с честью хранил у себя. Корыстолюбивый Лизий стал тогда отыскивать и отсеченную руку святого, рассчитывая и за нее получить золото; но Антоний и Матрониан, узнав об этом, ночью бежали на родину, унося с собою святую руку, а тела его и прочих святых мучеников, обезглавленных вместе с ним, другие христиане, взяв тайно, погребли в скрытом месте. Упомянутые братья, принесши руку святого Иерона к его матери Стратонике, вручили ей святые останки. Мать, взяв усеченную ради Христа руку своего возлюбленного сына, омыла ее слезами, лобызала материнским лобзанием и прикладывала к своим очам. Радуясь за сына и в то же время отдаваясь естественной скорби, она говорила со слезами:

— Любезный сын мой, которого я родила живым и здоровым! Теперь у меня только малая часть твоего мертвого тела, но тем большую скорбь она возбуждает во мне. Увы, сын мой! Родила я тебя в болезни, воспитала в трудах, надеялась иметь в тебе опору в старости, поддержку в болезни, утешение в скорбях, и, вместо того, лишилась я тебя, свет слепых очей моих. Но что я плачу, когда мне должно веселиться и радоваться тому, что я — мать мученика, что я отдала плод чрева своего Богу, что ты, возлюбленный сын, умер не так, как обычно умирают люди? Ведь мученическая смерть, какою скончался ты, ведет ко многим и великим благам! Но, отойдя от меня, не покидай меня совсем, сын мой, и в молитвах твоих ходатайствуй за меня пред Господом, за Которого ты пролил свою кровь, чтобы Он и меня скорее освободил от этой многотрудной и обильной всякими бедами жизни.

После этого плача Стратоника положила руку святого на том месте, которое он сам благоволил указать, и привела в исполнение все им завещанное. А Хризафий, давший золотой выкуп за главу святого Иерона, чрез некоторое время построил церковь на месте, где были усечены святые мученики, и с честью положил в ней главу мученика, прославляя Святую Троицу.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
МЕЛАСИППА, КАСИНИИ и АНТОНИНА

Святые мученики Меласипп, супруга его Касиния и сын Антонин пострадали при Юлиане богоотступнике[1] в городе Анкире[2]. Антонин был ввержен в темницу, Меласипп же и Касиния были повешены, после чего тела их мучители стали строгать и опалять огнем. При этом у святой Касинии отрезали сосцы, а у святого Меласиппа отсекли ноги до колен. Во время таковых мучений был приведен из темницы сын их Антонин. При виде мучений своих родителей, он стал ублажать их и, взяв отсеченные части их тел, лобызал их. В таковых жестоких мучениях Меласипп и Касиния предали праведные души свои Господу. Тогда Антонин плюнул в лицо Юлиану. Жестокий мучитель повелел повесить Антонина и строгать тело его; голени его перебили и привесили тяжелый камень к его ногам, затем, сняв его с дерева, положили на железную, раскаленную решетку. После всех этих мучений мученику остригли голову, привязали на шею камень и стали водить по городу. Не довольствуясь этим, его отослали к военачальнику Агриппину, который приказал ввергнуть его в разожженную печь и затем бросить на съедение зверям; но как в первом, так и во втором мучении святой остался невредимым. Сорок юношей, смотревшие на таковые мучения, уверовали во Христа, за что и были обезглавлены. Святого Антонина разложили на железном раскаленном ложе и били железными палками. Но когда и здесь святой остался невредимым, мучитель приказал отсечь ему голову.

---

[1] *Юлиан* царствовал с 361 по 363 год.

[2] *Анкира* — главный город Фригии (западная область Малой Азии).

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
АВКТА, ТАВРИОНА и ФЕССАЛОНИКИИ

Святая мученица Фессалоникия была дочерью одного идольского жреца. Получив наставление в христианской вере, она крестилась и сделалась истинною христианкою, так что, несмотря на принуждения своего отца — отречься от Христа и поклониться идолам, не послушала его, за что нечестивый отец, обнажив, бил ее кольями так сильно, что сокрушил ее ребра. Затем он выгнал ее из дома и лишил своего наследства, так что она принуждена была жить вне города на скудные средства, данные матерью. Узнав о таком поступке жреца, два мужа, Авкт и Таврион, стали укорять его. Он же пошел к начальнику той страны и донес ему, что они вступаются за святую Фессалоникию. Начальник предал их за исповедание Христа мучениям: их били каменьями, ввергали в огонь и, наконец, связанных вместе, бросили в озеро, но святые мужи остались невредимыми. Тогда они были усечены мечом. Фессалоникия за Христово исповедание также была предана мучениям, от которых и скончалась. Тело ее было с честью положено в Амфиполе[1] вместе с святыми мучениками Авктом и Таврионом.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ЛАЗАРЯ

Преподобный Лазарь родился в Малой Азии, в городе Магнезии[2]. Пред рождением его Бог особым чудом предвозвестил явление миру этого светильника: родительский дом его облистал столь великий свет, что бывшие в нем женщины разбежались и осталась только одна мать, носившая во чреве благодатное дитя. По рождении он стал прямо и обратился в молитвенном положении к востоку со сложенными на груди руками. С детства он отличался незлобием,

---

[1] *Амфиполь* — город в восточной Македонии.

[2] *Магнезия* — лидийский город на северо-западе Малой Азии, при реке Герме.

кротостью, состраданием и любовью к бедным. В молодых годах, обладая образованием, но чуждаясь всяких мирских удовольствий и следуя благочестивому настроению своей души, он отправился на поклонение Иерусалимской святыне, где и поступил в обитель святого Саввы[1]. Здесь он провел десять лет, послушанием и всеми добродетелями превзошел всех братий и был возведен в сан священства Иерусалимским патриархом. Во святую Четыредесятницу он вышел из монастыря на одну гору, ничего не взяв с собою, и питался пустынными растениями[2]. Здесь он услышал голос, повелевавший ему возвратиться в отечество, на пути в которое он встретил препятствие в привидениях вражеских, но превозмог их. На родине он встретился с матерью, но не остался с нею. Стремясь к пустынной жизни, Лазарь поселился на необитаемой горе Галисии, недалеко от Ефеса. Здесь, во время молитвы, он поражен был однажды следующим видением: он увидал огненный столп, восходящий на небо и окруженный множеством Ангелов, воспевавших: «да воскреснет Бог и расточатся врази Его»! Он принял это за указание свыше и построил на этом месте храм в честь Воскресения Христова, при содействии Византийского императора Константина Мономаха[3].

Святой Лазарь при храме устроил столп, на котором стал подвизаться в подвигах поста и молитвы, перенося зной и холод и другие

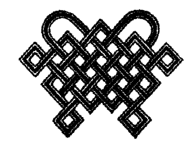
---

[1] Обитель эта основана на диких холмах у Мертвого моря святым Саввой в 484 году. Обитель является одной из самых важных на Востоке. Устав службы этого монастыря, известный под именем Иерусалимского, в настоящее время распространен по всему Православному Востоку, а также и в России. Кроме того, монастырь Саввы предоставляет материальную помощь и возможное образование окрестному бедному населению из православных.

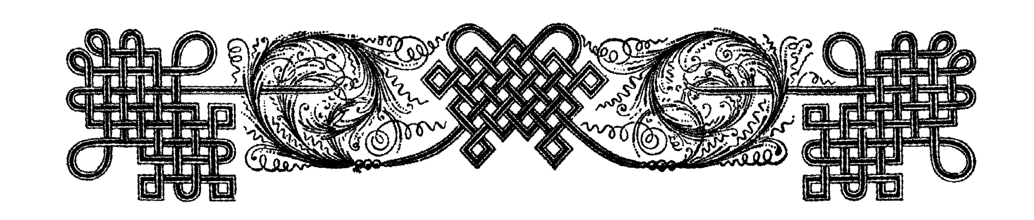
[2] Обыкновенно иноки уходили из монастыря на святую Четыредесятницу в неделю Сыропустную, перед этим совершали обряд прощания, отчего это воскресенье и получило название «прощальное». Собирались иноки обратно в монастырь в Лазареву субботу.

[3] *Константин Мономах* царствовал с 1042-го по 1054 год.

тяготы столпнической жизни. Бог даровал ему дар чудес и пророчества, так что к нему стали собираться благочестивые люди, жаждавшие его руководства. Ему предсказана была Богом кончина, но братия молила его, чтобы он испросил себе у Бога, для их пользы, продолжение жизни, и Бог обещал ему продолжить ее еще на пятнадцать лет. По прошествии пятнадцати лет, как и пред рождением его, небесный свет облистал его столп. Когда он скончался и братия плакали над ним, что он не оставил им завещание, он встал и, как живой, дал им завещание, потом лег и, по просьбе братии, встал вторично, чтобы сделать подпись на данном завещании. Он скончался семидесяти двух лет[1], был погребен в столпе и прославлен по смерти многими чудесными исцелениями, истекшими от святых мощей его.



[1] Блаженная кончина его относится к 1053 году.



День восьмой

СОБОР
СВЯТОГО АРХИСТРАТИГА
МИХАИЛА
и прочих небесных сил бесплотных

Благочестно праздновать собор святых Ангелов святая Церковь приняла по преданию богодухновенных отцов, после того как отвергла древнее нечестивое почитание Ангелов, установленное еретиками и идолопоклонниками. Еще в Ветхом Завете, когда люди, отступив от Бога, Создателя своего, стали поклоняться созданию Божию и делам рук своих, делая идолов по подобию видимой твари, *того, что на небе вверху и что на земле внизу* (Исх. 20, 4), принося жертвы солнцу, луне и звездам, в которых, по их мнению, находилась живая душа — в то время люди поклонялись и приносили жертвы и Ангелам, о чем так сказано в книге Царств: *кадили Ваалу, солнцу, и луне, и созвездиям, и всему воинству небесному* (4 Цар. 23, 5), то есть Ангелам, ибо они суть воинство небесное, по сказанному в Евангелии: *И внезапно явилось с Ангелом многочисленное воинство небесное* (Лк. 2, 13). Такое неправильное почитание Ангелов было сильно распространено во времена святых апостолов. Святой апостол Павел о таком неправильном почитании так говорит: *Никто да не обольщает вас самовольным смиренномудрием и служением Ангелов, вторгаясь в то, чего не видел, безрассудно надмеваясь плотским своим умом и не держась главы* (Кол. 2, 18–19), то есть Христа. Ибо были в то время некоторые еретики, казавшиеся по виду смиренными и с гордостью помышляющие своим воздержанием и чи-

Собор Архистратига Михаила и прочих небесных сил бесплотных

стым житием подражать Ангелам. Они учили творить поклонение Ангелам такое же, как и Самому Богу. Потом появились другие еретики, проповедовавшие, что Ангелы — суть творцы видимой твари и, как бесплотные, выше и достойнее почитания, нежели Христос, Сын Божий; Архангела же Михаила называли богом евреев[1]. Наконец, иные, предававшиеся волхвованию и обольщавшие людей, под именем ангелов, призывали бесов и служили им, называя их ангелами. В особенности же такие ереси умножились в Колоссах[2], принадлежавших к Лаодикийской митрополии, где многими тайно совершалось такое нечестивое, подобное идолопоклонству, почитание Ангелов[3]. Когда же таковое неправильное почитание Ангелов было осуждено и отвергнуто, то было установлено благочестивое и правильное почитание и празднование им, как служителям Божиим и хранителям рода человеческого[4]. И в той же

---

[1] Относительно указанных еретиков святой Епифаний Кипрский в книге «О ересях» сообщает следующее: «Они назывались саторнилианами — от Саторнила, родоначальника этой ереси. Саторнил жил в Сирии, близ Данфиса, где впервые распространил свое учение. Деятельным помощником у него был Василид, который распространял это учение в Египте. Учение их об Ангелах сводилось к следующему: семь Ангелов создали мир и все, что в мире. Творение человека произошло так: Ангелы, собравшись вместе, замыслили и сообща создали человека, по подобию приникшего свыше светлого образа... Но, когда был сотворен человек, Ангелы по бессилию своему не могли довершить его творения. Человек лежал на земле и был принижен наподобие пресмыкающегося червя до тех пор, пока Всевышняя Сила, приникнув и умилосердившись, ради собственного Своего образа и вида, из милости не послала искру Своей силы и таким образом ею восстановила и оживотворила человека. Эта искра — душа человека, которой непременно до́лжно спастись».

[2] *Колоссы* — многолюдный город в древней Фригии (в Малой Азии) при реке Ликусе (приток Меандра). В 65 году по Рождестве Христовом этот город вместе с соседними городами Лаодикией и Иераполисом был почти совершенно уничтожен страшным землетрясением, но впоследствии был возобновлен и процветал до XII столетия. Впоследствии назывался Хоны.

[3] Как видно из 35-го правила Лаодикийского собора, этим правилом осуждаются еретики, молящиеся не Богу, а только Ангелам, как бы творцам и правителям мира.

[4] Поместный Лаодикийский собор, на котором 35-м правилом было отвергнуто нечестивое почитание Ангелов и установлено правильное их почитание и празднование Собору их, был во времена святого Сильвестра, папы Римского, за несколько лет до Первого Вселенского Никейского собора. Этот Лаодикийский собор был

Колосской стране, где прежде тайно и нечестиво совершалось почитание ангелов, началось открыто совершаться православное празднование Собора Ангелов и стали устроять благолепные храмы во имя святого Архистратига Михаила — начальника Ангелов. Так, в Хонах[1], над чудотворным источником, был построен благолепный и пречудный храм, в котором было явление святому Архиппу самого святого Архистратига Михаила[2]. Празднование Собора святых Ангелов установлено совершать в месяце ноябре — девятом от марта, первого месяца от сотворения мира — для обозначения числа чинов ангельских, каковых чинов считает девять святой Дионисий Ареопагит[3], ученик святого апостола Павла, бывшего восхищенным до третьего неба (см.: 2 Кор. 12, 2), там видевшего различие чинов святых Ангелов и, объяснившего это Дионисию, как своему ученику.

Девять чинов ангельских разделяются на три иерархии, — в каждой по три чина — высшую, среднюю и низшую.

Первую — высшую и к Пресвятой Троице ближайшую иерархию составляют: Серафимы, Херувимы и Престолы.

Ближе всех к Творцу и Создателю своему предстоят боголюбивые шестокрылатые *Серафимы*, как видел пророк Исаия, говорящий: *Вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал* (Ис. 6, 2). Они огнеобразны, как непосредственно предстоящие Тому, о Котором пишется: *Бог наш есть огнь поядающий* (Евр. 12, 29); *престол Его как пламя огня* (Дан. 7, 9); *вид же славы Господней... как огонь поядающий* (Исх. 24, 17). Предстоя таковой славе, Серафимы огнеобразны, по сказанному: *Ты творишь Ангелами Твоими духов, служителями Твоими — огонь пылающий* (Пс. 103, 4). Они

в 319 году, а по мнению других, в 320 и 321 годах; епископов на том соборе было тридцать два; председательствовал на нем митрополит Лаодикийский Нунехий.

[1] *Колоссы (Хоны)* — многолюдный город в древней Фригии (в Малой Азии) при реке Ликусе (приток Меандра). В 65 году по Рождестве Христовом этот город вместе с соседними городами Лаодикией и Иераполисом был почти совершенно уничтожен страшным землетрясением, но впоследствии был возобновлен и процветал до XII столетия. Впоследствии назывался Хоны.

[2] Воспоминание об этом чуде совершается 6 сентября.

[3] Память святого Дионисия Ареопагита совершается 3 октября. Учение об Ангелах изложено им в сочинении «О небесной иерархии».

пламенеют любовию к Богу и других возбуждают к таковой же любви, как показывает и самое имя их, ибо «серафим» с еврейского языка значит: пламенеющий.

После Серафимов пред всеведущим Богом, живущим во свете неприступном, предстоят в несказанной светлости многоочитые *Херувимы*, более иных низших чинов сияющие всегда светом богопознания, ведением таинств Божиих и глубины Его премудрости, сами просвещаемые и других просвещающие. Имя их — «херувим» — по переводу с еврейского языка значит: многое разумение или излияние премудрости, так как чрез Херувимов другим ниспосылается премудрость и подается просвещение умных очес для боговидения и богопознания.

Затем — пред Сидящим на престоле высоком и превознесенном предстоят богоносные (как называет их святой Дионисий Ареопагит) *Престолы*, ибо на них, как на разумных престолах (как пишет святой Максим Исповедник), разумно почивает Бог. Богоносными же они называются не по существу, но по благодати и по своему служению, тогда как плоть Иисуса Христа (как пишет святой Василий Великий) называется богоносною по существу, так как она соединена нераздельно с Самим Богом словом. Престолы же называются богоносными не по существу, но по благодати, данной для их служения, — как таинственно и непостижимо носящие в себе Бога. Почивая на них непостижимым образом, Бог совершает Свой праведный суд, по сказанному Давидом: *Ты воссел на престоле, Судия праведный* (Пс. 9, 5). Поэтому чрез них преимущественно проявляется правосудие Божие: они служат Его правосудию, прославляют оное и изливают силу правосудия на престолы земных судей[1], помогая царям и владыкам производить праведный суд.

В средней иерархии также заключается три чина святых Ангелов: Господства, Силы и Власти.

Господства — называются так потому, что они господствуют над прочими, которые следуют за этими чинами Ангелов, будучи сами свободными. Оставив же, как говорит святой Дионисий Ареопагит, рабский страх, они добровольно и с радостью служат непрестанно Богу. Также ниспосылают они силу к благоразумному владению и

---

[1] «Престолы земных судей» — образное выражение относительно пределов власти земных судей.

мудрому управлению поставленным от Бога на земле властям, чтобы те хорошо управляли порученными им областями. Затем — они учат владеть чувствами, смирять в себе непотребные вожделения и страсти, порабощать плоть духу, господствовать над своею волею и быть выше всякого искушения.

Силы, исполненные Божественной крепости, исполняют немедленно волю Всевышнего и Всемогущего своего Господа, крепкого и сильного. Они творят и превеликие чудеса и ниспосылают ту же благодать чудотворения угодникам Божиим, достойным таковой благодати, чтобы те могли творить чудеса — исцелять всякие болезни и предвозвещать будущее. Святые силы помогают и людям труждающимся и обремененным в несении возложенного на них какого-нибудь послушания, чем объясняют свое имя — «силы» — и носят немощи немощных. Они также укрепляют каждого человека в терпении, чтобы он не изнемогал в скорби, но с крепким духом и мужественно переносил все напасти, со смирением, благодаря за все Бога, все устрояющего к пользе нашей.

Власти — называются так потому, что имеют власть над диаволом, чтобы укрощать власть бесовскую, отражать наводимые ими на людей искушения и не допускать бесов причинять кому-либо вред в такой степени, в какой бы они желали. Власти утверждают добрых подвижников в духовных подвигах и трудах, оберегая их, чтобы они не лишились духовного царствия; борющимся же со страстями и похотями помогают отгонять злые помыслы, наветы вражии и побеждать диавола.

В низшей иерархии также три чина: Начала, Архангелы и Ангелы.

Начала — называются так потому, что имеют начальствование над низшими Ангелами, направляя оных к исполнению Божественных повелений. Им поручено также управление вселенной и охранение всех царств и княжеств, земель и всех народов, племен и языков, ибо каждое царство, племя и народ, из небесного чина, называемого началами, имеют особого для себя хранителя и управителя всей своей стороны[1]. Затем — служение этого ангельского чина (по объяснению святого Григория Двоеслова) состоит в том,

---

[1] Учение о том, что каждый народ и каждое царство имеют своего Ангела, основывается на словах пророка Даниила ст. 10, гл. 13, где говорится об Ангелах царства Персидского и Иудейского.

чтобы наставлять людей воздавать каждому начальствующему честь, подобающую его званию. Наконец, Ангелы этого чина возводят достойных людей на различные почетные должности и наставляют их, чтобы они принимали власть не ради своего прибытка и пользы, не ради любочестия и суетной славы, но ради чести Божией, ради распространения и умножения святой Его славы и ради пользы ближних, — служа общим нуждам всех своих подчиненных.

Архангелами называются великие благовестники, благовествующие о великом и преславном. Служение их (как говорит великий Дионисий Ареопагит) состоит в том, чтобы открывать пророчества, познание и разумение воли Божией, что получают они от высших чинов и возвещают низшим чинам — Ангелам, а чрез них — людям. Святой же Григорий Двоеслов говорит, что Архангелы укрепляют в людях святую веру, просвещая ум их светом познания святого Евангелия и открывая таинства благочестивой веры.

Ангелы — в небесной иерархии ниже всех чинов и всех ближе к людям. Они возвещают меньшие тайны и намерения Божии и наставляют людей добродетельно и праведно жить для Бога. Они приставлены для хранения каждого из нас — верующих: людей добродетельных поддерживают от падения, падших — поднимают, и никогда не оставляют нас, хотя бы мы и согрешили, ибо всегда готовы помогать нам, если только мы сами пожелаем.

Но и все высшие небесные чины называются общим именем — Ангелов. Хотя они по своему положению и по данной от Бога благодати и имеют разные наименования (как то: Серафимы, Херувимы, Престолы и прочие чины), однако все вообще называются Ангелами, ибо слово «ангел» есть название не существа, но служения, по писанному: *Не все ли они суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение?* (Евр. 1, 14). Служение же их различно и неодинаково, и каждый чин имеет собственное свое служение, ибо премудрый Создатель не всем в одинаковой мере открывает тайны Своего намерения, но от одних к другим, чрез высших просвещает низших, открывая им Свою волю и повелевая оную исполнять, как это ясно видно из книги пророка Захарии. Там говорится о том, как один Ангел после беседы с пророком, встретил другого, который повелел ему опять

идти к пророку и открыть будущую судьбу Иерусалима: *И вот Ангел, говоривший со мною, выходит, а другой Ангел идет навстречу ему, и сказал он этому: иди скорее, скажи этому юноше*: (то есть пророку Захарии) *Иерусалим заселит окрестности по причине множества людей и скота в нем. И Я буду для него, говорит Господь, огненною стеною вокруг него и прославлюсь посреди него* (Зах. 2, 3–5). Рассуждая об этом, святой Григорий говорит:

— Когда один Ангел говорит другому: *иди, скажи этому юноше*, — нет сомнения, что одни Ангелы посылают других, низшие — посылаются, высшие — посылают[1].

Так же и в пророчестве Даниила находим, что один Ангел повелевает другому Ангелу истолковать видение пророку (см.: Дан. 8, 16). Отсюда ясно, что Ангелы высших чинов открывают Божественную волю и намерение Творца своего Ангелам чинов низших, просвещают их и посылают к людям.

Православная воинствующая Церковь, нуждаясь в помощи Ангелов, празднует собор всех девяти чинов ангельских нарочитым молением, как и следует, 8 ноября, то есть девятого месяца, ибо все эти девять чинов ангельских соберутся в день страшного суда Господня, каковой день божественными учителями Церкви называется днем восьмым, ибо, говорят они, по окончании века сего, обращаемого седмицами дней, наступит как бы день восьмой, *когда приидет Сын Человеческий* (и Божий, Судия праведный) *во славе Своей и все святые Ангелы с Ним*, как Сам Господь сказал в Евангелии (Мф. 25, 31). *И пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их* (Мф. 24, 31), то есть от востока, запада, севера и юга.

О, если бы они тогда собрали к лику избранников Божиих и нас, Собор их с честию празднующих!

Над всеми вышепоименованными девятью небесными чинами Ангелов чиноначальником и вождем поставлен Богом святой Архистратиг Михаил, как верный служитель Божий[2]. Он во время пагуб-

---

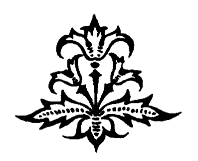
[1] Святой Григорий Двоеслов. Толкование IV на Евангелие.

[2] По значению слова, Михаил есть Ангел, обладающий необыкновенною, беспримерной духовной силой. У преподобного Даниила он представляется особенным защитником и покровителем народа Иудейского (см.: Дан. 10, 13, 21; 12, 1). В Откровении святого Иоанна Богослова Архангел Михаил изображается защит-

ного впадения в гордость сатаны, его отступления от Бога и ниспадения в бездну, собрав все чины и воинства ангельские, велегласно воскликнул:

— Вонмем, станем добре пред Творцом нашим и не будем думать о том, что противно Богу! Вонмем, что потерпели те, которые были созданы вместе с нами и доселе вместе с нами были причастниками Божественного света! Вонмем, как они ради гордости внезапно от света впали во тьму и с высоты низверглись в бездну! Вонмем, как спала с неба восходящая заутра Денница[1] и сокрушилась на земле![2]

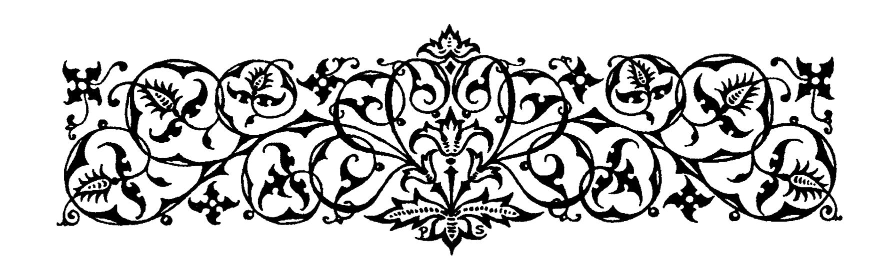
Говоря так ко всему собору Ангелов, он, стоя впереди, начал с Серафимами и Херувимами и со всеми небесными чинами славить Пресвятую, Единосущную и Нераздельную Троицу, Единого Бога, согласно воспевая торжественную песнь: *Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!* (Ис. 6, 3). Таковое соединение святых Ангелов получило имя Собора ангельского, ибо они совокупно и единогласно славят Отца, и Сына, и Святого Духа — Святую Троицу, Ему же и от нас земных да будет слава вовеки. Аминь.



ником христиан и низложителем дракона с его Ангелами: *была война на небе; Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и низвержен был великий дракон, змий древний, называемый диаволом и сатаною, с его Ангелами на землю*; тогда в злобе своей он начал вредить Церкви Христовой и продолжает вести брань со святыми (см.: Откр. 12, 1–17); но, в утешение верующим дается видеть в Откровении, что эта исконная борьба с врагом нашего спасения окончится совершенной победой Агнца (гл. 19 и 20) и что в борьбе с змием мы имеем высших защитников и покровителей во главе со святым Архангелом Михаилом. Почитание святого Архангела Михаила в Православной Церкви восходит к самым древним временам.

[1] *Денница* — заря утренняя. Здесь под денницей разумеется отпадший ангел, сатана, который был сотворен Богом прежде мира видимого светлым духом, как бы восходящей, ясной утренней зарей, но, возгордившись и восстав против Бога, ниспал в бездну и подвергся вечному осуждению.

[2] Святой Григорий Двоеслов. Толкование IV на Евангелие.



День девятый

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ ПРЕПОДОБНОЙ МАТЕРИ НАШЕЙ МАТРОНЫ

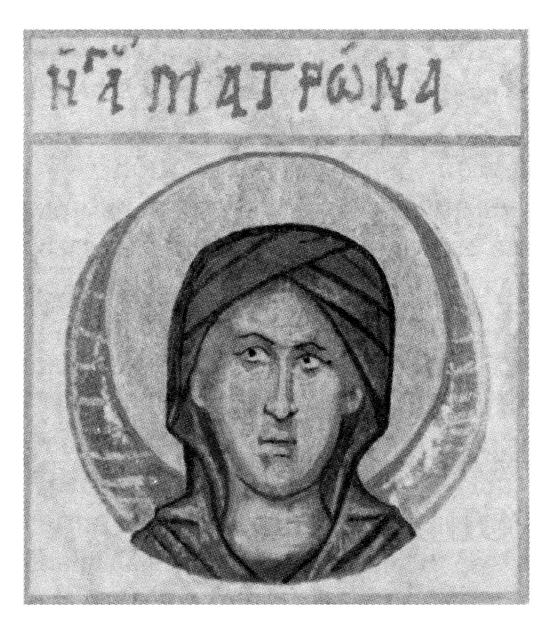
Святая Матрона родилась в Перге Памфилийской[1] от благочестивых родителей. Придя в возраст, она была выдана замуж за почтенного и знатного человека, по имени Домитиана, и стала матерью единственной дочери, которую назвала Феодотиею.

Однажды муж Матроны пошел вместе с нею в Византию. Здесь Матрона, обходя Божии храмы и молясь в них усердно Богу, познакомилась с одною девицею, по имени Евгениею, которая в посте и подвигах соблюдала свое девство, день и ночь упражняясь в молитвах.

Подражая житию Евгении, Матрона не отходила от церкви, с утра до вечера пребывала в ней на молитве, а вечером возвращалась домой; ранним же утром она снова уходила в церковь на молитву и воздержанием и постом умерщвляла тело свое, цветущее молодостью. В то время она имела от роду двадцать пять лет и прилежно молила Бога, чтобы Он, как Сам ведает, сделал бы ее свободною от супружества, чтобы она могла беспрепятственно работать Господу. Муж ее Домитиан, видя, что жена его ежедневно рано поутру уходит из дома и едва только к вечеру возвращается, стал подозревать,

---

[1] *Перга* — город в Памфилии в южной части Малой Азии, на правом, берегу Кестра с знаменитым в древности храмом языческой греко-римской богини Артемиды; в позднейшую римскую эпоху Перга была административным центром провинции. В настоящее время на этом месте находится турецкий город Бергамо.



что она уходит не на молитву, а на какое-нибудь дурное дело. Поэтому он стал гневаться на нее и не пускал ее из дома. Матрона со слезами просила его, чтобы он не препятствовал ей ходить в церковь; однако она просимого не получала и поэтому очень скорбела, ибо имела изволение *лучше быть у порога в доме Божием, нежели жить в шатрах нечестия* (Пс. 83, 11).

Однажды Матрона упросила мужа отпустить ее в церковь на молитву. Придя поспешно в храм святых апостолов, она излила пред Богом сердце свое, с умилением молясь Ему, чтобы Он освободил ее от того тяжелого ига, которое было ей великим препятствием к Богомыслию, и, изведя ее от суетного и многомятежного мира, привел к безмолвному житию, где она беспрепятственно могла бы благоугождать Ему Единому. В такой прилежной молитве она пребыла весь день.

Когда наступил поздний вечер, церковный придверник велел всем уходить, чтобы запереть двери церкви. Тогда из церкви вышла и блаженная Матрона; однако она не пожелала возвратиться домой, но осталась на паперти. Здесь она встретила одну девицу, по имени Сусанну, которая с юных лет, посвятив себя Христу, в посте и молитвах проводила жизнь свою подле церкви. Познакомившись с Сусанною, Матрона посетила ее келию и беседовала с нею всю ночь, рассказав все о себе и своей жизни. Сусанна утешала ее и убеждала возложить надежду на Господа, по Своей воле устрояющего спасение людей.

— *От Господа стопы́ человека исправляются* (слав. Пс. 36, 23), — сказала она.

От этой беседы с Сусанною Матрона воспламенела еще большею любовью к Богу и задумала убежать от мужа, чтобы, скрывшись от него, втайне работать Богу.

Когда наступило утро, Матрона пошла к упомянутой выше Евгении и открыла ей свое намерение.

Евгения сказала ей:

— Нужно тебе, сестра, прежде всего устроить дочь твою Феодотию, которая еще очень мала; подумай, как она может быть без матери?

Матрона отвечала:

— Дочь мою Феодотию я поручаю Богу и матери Сусанне; сама же пойду в пустыню, где наставит меня Бог.

Тайно взяв из дому дочь, она отдала ее блаженной Сусанне, умоляя ее, чтобы та приняла Феодотию как свое чадо, и воспитала бы в страхе Господнем. Сусанна, видя, как Матрона горячо пламенеет любовью к Богу и преисполнена непреложным стремлением к безмолвному житию, приняла от нее дитя вместо дочери, а Матрона взывала к Богу, да наставит Он ее на путь правый, и словами псалма говорила ему:

— *Укажи мне*, Господи, *путь, по которому мне идти* (Пс. 142, 8).

Вздремнув немного от усталости, Матрона увидала во сне такое видение: ей представилось, что она бежит от какого-то преследующего ее человека; когда тот стал догонять ее, она вбежала к каким-то инокам, которые скрыли ее от преследователя. Это видение Матрона объяснила себе так, что ей нужно принять мужской образ и пойти на время в мужской монастырь, ибо там она может укрыться от своего мужа и от всех знакомых. Матрона остригла свои волосы и, одевшись в одежду евнухов, пошла с блаженною Евгениею в церковь святых апостолов, здесь, помолившись, открыла святое Евангелие, желая узнать, угодно ли Богу намерение ее, и узрела там следующие слова: *Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною* (Мф. 16, 24). Найдя в этих словах благую надежду, что Бог будет ей помощником, Матрона поцеловала Евгению и, разлучившись с нею, пошла в монастырь преподобного Вассиана[1], где была принята как евнух. Спрошенная о своем имени, назвалась Вавилою. Принятая в число братии, она добродетельно иночествовала, со смирением исполняя послушание, постом и бдением изнуряя плоть свою и пребывая всегда в молитве. Матрона старательно охраняла себя, чтобы не узнали, что она — женщина, и

[1] Память его совершается 10 октября.

поэтому хранила глубокое молчание и от всех устранялась. И вся же братия удивлялась великой ее добродетельной жизни, похваляла подвиги ее и считала ее совершенным иноком.

Так святая Матрона пребывала в монастыре довольно долгое время посреди иноков, сияя, как бы луна посреди звезд, своими добродетелями. Случилось ей однажды с другими иноками работать в саду. Один новоначальный инок, по имени Варнава, возделывая вместе с нею землю, из любопытства взглянул на ее лицо и, увидав, что у нее проколоты оба уха, спросил:

— Зачем проколоты у тебя уши?

Блаженная сказала ему:

— Нужно тебе, брат, землю возделывать, а не на чужие лица смотреть, ибо это противно иночеству. Но так как ты увидал проколотые мои уши, то узнай и причину того: когда я был малым отроком, меня очень любил мой воспитатель и украшал меня золотыми вещами; он проколол уши мои для драгоценных серег.

Так блаженная Матрона отвечала Варнаве и исполнилась в сердце своем страха; долго она думала, опасаясь, чтобы не открылась тайна ее, и так молилась Господу:

— Твоим повелением, Господи, я пришла в эту иноческую обитель; Ты призвал меня, и я не намереваюсь возвратиться обратно. Итак, покрой благодатию Твоею немощь мою и к доброму концу приведи предпринятое мною житие, да не буду я посрамлена в моем уповании на Тебя!

Человеколюбивый же Бог, по неизреченным и неисповедимым судьбам Своим, благоволил открыть о ней настоятелям двух монастырей, что она женщина, чтобы явилось в ней еще большее усердие к иноческому житию.

Однажды преподобному Вассиану во время сна явился благообразный и светлый муж и трижды повторил:

— Иночествующий в твоем монастыре евнух Вавила — есть женщина!

Такое же видение видел и блаженный Акакий, игумен монастыря Авраамиева. Когда наступило утро, Вассиан призвал одного из иноков, по имени Иоанна, который был по нем первый, и поведал ему то, что видел. Во время их беседы к преподобному Вассиану пришел посланный от игумена Акакия с известием, что в ту ночь было ему

открыто в видении об евнухе Вавиле, что это — женщина. Преподобный, удивившись и желая еще более удостовериться в этой тайне (ибо он опасался, как бы это не оказалось каким-нибудь обманом вражеским, и не сразу поверил бывшему во сне видению), раскрыл Евангелие, и взор его упал на следующие слова: *Чему уподоблю Царствие Божие? Оно подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло все* (Лк. 13, 20–21). После этого, поверив видению, Вассиан призвал к себе блаженную Матрону и, взглянув на нее сердитым взором, грозно сказал ей:

— Зачем пришла ты к нам, женщина? Как дерзнула ты столько времени пребывать среди иноков? Не бесчестие ли хочешь ты нанести монастырю нашему, или пришла для нашего искушения?

Блаженная Матрона, пораженная неожиданным обличением и сильно испугавшись грозного взора и голоса настоятеля, припала к святым ногам его, прося прощения, и смиренно отвечала:

— Не искушая кого-нибудь, но сама спасаясь от вражеского искушения и избегая сетей лукавого, пришла я, отче святой, к овцам стада твоего.

Настоятель снова сказал ей:

— Как осмеливалась ты, будучи женщиною, с непокрытою головою приступать к Божественным Тайнам и давать в уста лобзание братии?

Матрона отвечала:

— Приступая к Божественным Тайнам[1], я не совсем открывала голову, а лишь немного; давая же лобзание братии, я представляла себе, что прикасаюсь к устам не человеков, но бесстрастных Ангелов.

Преподобный, удивившись таковому мудрому ответу, снова спросил ее:

— Почему же ты пришла не в женский, а в мужской монастырь?

Блаженная, оставив боязнь, подробно начала рассказывать ему все о себе:

— Была я выдана замуж, стала матерью единственной дочери, любила всегда посещать церкви Божии и там день и ночь пребывать

---

[1] По словам апостола Павла, *всякая жена, молящаяся или пророчествующая с открытою головою, постыжает свою голову* (1 Кор. 11, 5).

в молитве. Муж же мой запрещал мне таковой подвиг, неприятностями и побоями старался отвлекать меня от усердного влечения ко храму и молитве и всячески препятствовал моему стремлению к Богу. Поэтому я задумала бежать от него, чтобы мне можно было свободнее работать Богу. Бывшее видение привело меня к вам. Я видела себя во сне убегающею от преследующего меня мужа и скрытою какими-то иноками. Обдумав видение и поняв, что не иначе могу укрыться от своего супруга, как во образе инока, я переменила женское одеяние и, надев мужское, переименовала себя Вавилою и, выдавая за евнуха, пришла в этот монастырь.

Преподобный Вассиан, со вниманием слушая слова блаженной Матроны, очень удивлялся ее разуму и усердию к Богу и сказал ей:

— Дерзай, дочь, вера твоя спасет тебя.

Преподав Матроне довольно душеполезных наставлений, Вассиан отослал ее тайно к блаженной Сусанне, сам же дал обещание иметь о ней попечение, только бы она неизменно служила Христу.

В то время умерла дочь Матроны — Феодотия, которую она поручила Сусанне, ибо благий Господь, желая освободить рабу Свою Матрону от заботы, чтобы она, избавившись от попечения о дочери, свободнее могла служить Ему, взял к Себе Феодотию и вселил во обители небесные. Поэтому Матрона, вместо скорби, исполнилась радости, видя дочь свою, еще не познавшую прелестей лукавого мира, отшедшею ко Господу и непорочно представшею к Нему. Сама же она укрывалась у Сусанны, или, лучше сказать, Бог укрывал ее чрез Сусанну.

Между тем Домитиан, муж Матроны, всюду искал ее, обходя многие города и селения и разные монастыри, разыскивая и всюду расспрашивая о ней всех, но не находил ее. Затем он услышал, что в монастыре преподобного Вассиана была какая-то женщина в мужском образе, жившая как евнух (ибо слух об этом распространился сначала между всею братиею, а потом и между живущими в миру). Догадавшись, что это его жена, Домитиан пришел к монастырю и, сильно стуча во врата, стал кричать с гневом:

— Обиду нанесли вы мне, иноки, — обиду великую: вы прельстили жену мою и держите у себя; так ли подобает делать инокам? В этом ли состоит житие ваше? Отдайте мне жену мою! Зачем вы беззаконно разлучаете тех, кого Бог сочетал для доброго жи-

тия? Отдайте мне ту, которая принадлежит мне, как подруга жизни моей.

Иноки же, отвечая Домитиану, говорили:

— Твоей жены у нас нет, ибо в монастырь наш никогда не входят женщины. Был у нас один евнух, монах Вавила, который некоторое время подвизался с нами, но затем, желая посетить святые места в Иерусалиме, давно уже от нас ушел, о чем всем известно. А где он теперь находится, мы не знаем, о том знает только Сам Всеведущий Бог, пред Которым нет ничего тайного.

Услышав это, Домитиан, в волнении от ревности и вместе с тем в скорби от любви к супруге, отошел опечаленный. А блаженный Вассиан рассуждал сам с собою:

— Сам Бог избрал эту женщину на служение Себе и под Свое благое иго взял ее от строптивого и развращенного мужа, вверив ее моему недостоинству, чтобы я заботился о душе ее; между тем я пред многими обнаружил ее тайну и сделал известным все, что касается ее. Если теперь ее найдет муж ее и, отвратив от предпринятого ею добродетельного пути, повредит ее спасению, то я буду виновен в ее погибели.

Призвав некоторых из старцев, составлявших монастырский совет, Вассиан сказал им:

— Нам, братия, дóлжно иметь попечение об ушедшей из нашего монастыря сестре, ибо хотя она и женщина, однако вписана в братство наше. Итак, что нам сделать, чтобы богоугодно начатое житие ее пришло к доброму концу, чтобы враг, всегда ищущий падение нашего, не победил ее мужества, не отвратил бы от иноческих подвигов и не обратил бы ее к любви мирской, употребив для этого пригодное к тому орудие в лице ее мужа?

Так говорил Вассиан братии. Один же из них, по имени Маркелл, по сану — диакон, сказал преподобному:

— В городе Эмесе, где я родился, есть женский монастырь, в котором и сестра моя постриглась: итак, отче, если угодно, пошли ее туда и, таким образом, прекратится забота о ней.

Услышав это, Вассиан и прочие старцы согласились с советом Маркелла и повелели поискать плывущий в ту страну корабль. Вскоре, по устроению Божию, был найден корабль из Эмеса, который, сделав закупки в Византии, снова возвращался в свою страну.

Тогда, посадив на тот корабль блаженную Матрону, отослали ее в Эмесский монастырь к иночествовавшим там девам, которыми она и была принята с честью. Живя там добродетельно в обычных своих подвигах, она превосходила всех смирением, молчанием, постом и бдением и всеми иноческими подвигами и всех удивляла житием своим, так что была примером жестокого и трудного пути, ведущего в Царство Божие. Спустя немного времени скончалась игумения монастыря того, и святая Матрона была избрана всеми, как достойная, на место умершей. Будучи игуменией, она, как свеча, поставленная на свещнике, светила ясным светом добродетелей и ревностно заботилась о спасении порученных ей сестер.

В то время некий человек, пахавший поле свое, заметил, что на одном месте из земли выходит огонь. Видел он это не один раз, но многократно, ибо в течение многих дней постоянно являлся выходящий из земли пламень. Человек тот пошел в город и возвестил об этом Эмесскому епископу. Епископ, уразумев в сем особенное знамение, пошел на то место с своим клиром и, сотворив молитву, повелел раскопать землю. Когда это было сделано, в земле был найден сосуд, заключавший в себе не золото и не серебро, но драгоценную, больше всех земных сокровищ, — главу святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня[1]. Прошла об этом повсюду слава, и собрались к тому месту все жители не только из города Эмеса, но и изо всех окрестных городов и селений. Пришла и преподобная Матрона из своего монастыря со всеми сестрами поклониться обретенной главе святого Иоанна Крестителя. Эта святая глава источала благовонное миро, которым священники помазывали собравшихся, изображая на челах их крестное знамение. Взяла того мира в маленький сосудец и преподобная Матрона на благословение своему монастырю. Но толпы народа, стремившиеся к святому миру, стеснили ее так, что ей нельзя было пройти; другие же, увидав у нее святое миро, просили ее помазать их тем миром, так как, по случаю тесноты, они не могли подойти к священникам, что, будучи принуждаема, она и делала. Был там один слепец, который от рождения своего не видел света. Он попросил Матрону, чтобы она и его помазала святым миром; она помазала ему очи, и он тотчас прозрел. Такое чудо всеми

[1] Очевидно, здесь рассказывается о втором обретении честной главы Предтечи, которое относится к 452 году.

приписывалось не только целебному миру святого Иоанна, но и преподобной Матроне, ибо много там было священников, раздававших людям то святое миро, но ничьи руки не могли возвратить зрение слепорожденному. И прославлялось в народе добродетельное житие преподобной Матроны.

Спустя довольно времени услышал о Матроне муж ее, Домитиан, и поспешил к городу Эмесу. Узнав же, что ему нельзя войти в тот женский монастырь, где жила преподобная Матрона, и видеть разыскиваемую им супругу (ибо в монастыре том был такой закон, чтобы туда никогда не входить мужчинам), он задумал достигнуть желаемого посредством хитрости. Домитиан уговорил некоторых мирских женщин, чтобы они, придя к Матроне, сказали ей:

— Некоторый человек, слыша о твоей святости и совершенном добродетельном житии, издалека пришел поклониться тебе и удостоиться твоего благословения и святых твоих молитв. Итак, окажи любовь Бога ради и не презри человека того, который ради тебя перенес столь трудный путь, но выйди к нему, утешь его душеполезными словами и с благословением отпусти его.

Придя к Матроне, женщины сказали, как были научены. Блаженная Матрона, прозревая обман, спросила женщин, каков лицом человек, пославший их к ней. Они описали ей вид его. Святая поняла, что это — ее муж, и сказала женщинам:

— Скажите человеку тому, чтобы он подождал до семи дней, а в седьмой день я покажусь ему, и он, согласно желанию своему, увидит меня.

Отослав женщин, блаженная Матрона начала молиться, чтобы Господь сокрыл ее от мужа. Когда наступила ночь, она взяла власяницу, небольшой кусок хлеба и тайно ото всех вышла из монастыря и пошла к Иерусалиму. Между тем Домитиан ждал семь дней, в надежде увидать ту, которую желал, и взять ее силою, как законом сопряженную с ним. На седьмой день он снова послал тех же женщин к преподобной с просьбой, чтобы она, согласно обещанию, показалась ему. Женщины, придя в монастырь, нашли всех инокинь скорбящими и плачущими о своей игумении, ибо они не знали, куда она ушла. Возвратившись, они возвестили о том Домитиану. А он, еще более разжигаемый ревностью и скорбью, обходил повсюду, разыскивая ее. Он отправился и в Иерусалим и, остановившись в одной

гостинице, спросил у живущих там женщин, не случалось ли им когда-нибудь видеть такой-то женщины (причем описал ее вид). Они же отвечали ему на то:

— Помним, что именно такая инокиня поздно приходила к одной из тамошних церквей, но где она теперь находится, — не знаем.

Домитиан тщательно отыскивал ее там, ходя по дорогам и спрашивая по гостиницам. Однажды они встретились, и Матрона узнала мужа своего, но он не узнал ее, ибо когда Домитиан проходил мимо нее, она покрыла лицо свое и нагнулась, как будто бы что-то собирая, и, благодаря такой хитрости, не была узнана мужем. Она удивилась настойчивости, с которой разыскивает ее муж, и боясь, как бы он опять не увидал ее где-нибудь и не узнал, удалилась на гору Синайскую, но и там была разыскиваема и преследуема мужем. Тогда она пошла в Берит[1] и, найдя одно пустое идольское капище, вошла в него и стала в нем жить. Бесы, не вынося ее пребывания там, различным образом ее устрашали, желая изгнать святую оттуда: иногда они вопили на нее, не показываясь ей, иногда же явным образом нападали на нее; когда же Матрона воспевала псалмы, бесы, издеваясь, пели наперекор ей. Но все таковые бесовские мечтания и привидения святая отгоняла крестным знамением и прилежной к Богу молитвой. Во время пребывания в том идольском капище, пищею для преподобной были растущие в окрестностях злаки, а питьем — вода из источника, чудесным образом истекшего ради нее. Однажды она, почувствовав жажду, искала кругом воды и не находила, ибо земля была суха и опалена солнечным зноем. Найдя какой-то маленький и острый камешек, она выкопала им в земле маленькую ямку — с горсть человека, и, оставив ее, отошла на молитву. На другой день поутру она пришла к тому месту и нашла быстротекущий источник воды; кругом источника выросли вкусные злаки. Это послужило трапезой невесте Христовой, — трапезой, сладчайшей всех трапез царских. Она вкушала те вкусные злаки и пила воду, благодаря Бога, Который *дает пищу всякой плоти, ибо вовек милость Его... открывающего руку Твою и насыщающего все живущее по благоволению* (Пс. 135, 25; 144, 16).

Однажды бес принял вид красивой женщины и пришел к преподобной Матроне, с лестью говоря:

[1] *Берит* — древнейший приморский город на финикийском берегу Малой Азии.

— Зачем ты, госпожа моя, избрала себе страннический образ жизни? Место здесь пустынное, и нет ничего для удовлетворения телесных потребностей. К тому же ты еще молода и лицом красива, боюсь, чтобы кто-нибудь, увидав тебя, не прельстился твоей красотой и не причинил бы тебе насилия, и тогда не будет никого, кто бы помог тебе и освободил бы тебя от рук его. Итак, оставь, госпожа моя, такую жизнь, и иди со мною в город, ибо можешь и в городе жить в безмолвии. Я же найду для твоего жительства дом, какой будет нужен, и ты будешь иметь все необходимое, и никто не посмеет тебе сделать неприятность, ибо соседи помогут тебе и избавят тебя от оскорблений

Слыша такие льстивые слова, святая Матрона поняла, что это стрелы вражии и тотчас взяла *непобедимый щит — преподобие* (слав. Притч. 5, 19), и не только сама защитилась от стрел лукавого, но и самого стреляющего уязвила молитвою, как бы мечом, и прогнала. После того бес преобразился в престарелую женщину, из очей которой исходил огонь. Устремившись с гневом на Матрону, женщина эта ухватилась за ноги ее, изрыгая бесстыдные слова и угрозы. Святая же не обращала на нее внимания, но стояла, молясь Богу, — и тотчас бес исчез.

После таковых бесовских нападений Господь посредством некоторого Божественного откровения утешил блаженную Матрону и исполнил сердце ее неизреченной духовной радости и небесного утешения; ибо Он ведает, как утешать в скорбях служащих Ему, помогать им в напастях и обращать в радость печаль их, как говорит Давид: *При умножении скорбей моих в сердце моем, утешения Твои услаждают душу мою* (Пс. 93, 19).

И восхотел Господь чрез эту Свою угодницу оказать пользу многим и наставить многих на путь спасения, почему и открыл ее жителям Берита. Она была обретена тремя христианами, которые вечером, проходя мимо того капища, увидали ее молящеюся. Они рассказали об этом другим, и многие начали приходить к ней, желая ее видеть. Прияв от Бога благодатный дар учительства, проповедовала она им слово Божие и богодухновенною беседою приносила им большую пользу и наставляла на путь спасения. Пришли к ней и некоторые жены и девицы и, удивившись равноангельскому житию ее, пожелали последовать ее примеру и проводить с нею иноческую жизнь. Сначала пришла к преподобной одна женщина, по имени

Софрония, которая, будучи язычницей, любила, однако, воздержание и чистоту и жила, как инокиня, — девственницею, имея при себе и других женщин, последовавших ее образу жизни и учению. Услышав о блаженной Матроне и о строгом житии ее, она пожелала видеть ее и пришла к ней с своими подругами. Святая же Матрона, отверзши богоглаголивые уста свои, начала говорить ей об Едином истинном Боге и о Единородном Сыне Его, — как Он воплотился от Безмужней и Пречистой Девы, пострадал ради нашего спасения, воскрес, взошел плотью на небо и приидет судить живых и мертвых. Открыв Софронии многие таинства христианской веры, Матрона обратила ее и бывших с ней ко Христу. Приняв вскоре от Беритского епископа крещение, они стали проводить иноческую жизнь вместе с преподобною Матроною в том же самом идольском капище, и из вертепа разбойнического оно сделалось обителью невест Христовых.

После этого одна девица, по имени Евхея, которая была идольской жрицей и соблюдала девство, пришла к преподобной Матроне и, припав к ногам ее, просила, чтобы она научила ее вере во Христа Иисуса и позволила жить с собою. Святая, довольно поучив девицу Божественными словами, воспламенила сердце ее любовью ко Христу и к отречению от мира. В то время наступил там некоторый богомерзкий языческий праздник, и язычники, бывшие в Берите, собрались к своим идолам, чтобы совершить праздник. Не найдя жрицы идолов, которая, бы по обычаю языческому, вознесла жертвы их, они удивлялись, куда она ушла. Когда же сделалось известным, что она ушла к Матроне, некоторые из них, в особенности родственники той девицы, пошли туда и, найдя Евхею сидящею с Матроною и с умилением слушающею Божественные слова, сказали ей:

— Зачем ты, девица, презрела великих богов и оставила жертвоприношение им? Вот из-за тебя восстал на нас народ, не желая терпеть бесчестия, наносимого богам своим. Итак, иди с нами — совершить ныне праздник!

Девица же не хотела не только слышать слов их, но даже и смотреть на них; но как Мария сидела при ногах Иисусовых, так и она сидела пред своею учительницею — преподобной Матроной, которая кротко и с любовью говорила пришедшим:

— Оставьте пребывать с нами эту рабу истинного Бога, которая прежде была рабою суетных богов ваших, ибо она не может уже иметь общение с вами, так как желает обручиться со Христом.

Пришедшие родственники долго старались отвлечь от Матроны девицу, то ласками, то угрозами, хотели даже взять ее силой, но невидимая сила Божия возбраняла им. Не достигнув желаемого, они сказали:

— Если ты не послушаешь нас и не пойдешь сейчас к нам для совершения праздника богам, то завтра утром мы придем, предадим огню это капище и сожжем всех, находящихся в нем, и тебя с ними.

Так пригрозив, они ушли. Святая же Матрона с бывшими с ней сестрами собрала много дров и хворосту и, обложив кругом капище, послала вслед ушедших язычников сказать им:

— Вот, уже готовы огонь и дрова. Исполните же свое обещание — сожгите нас, чтобы нам быть благоуханною жертвою Христу Богу нашему.

Язычники, удивившись мужеству, с которым они были готовы за своего Бога умереть, не знали, что отвечать им, и уже более не приходили к ним.

Между тем преподобная Матрона обратилась к епископу с просьбою прислать к ней пресвитера. Когда пресвитер пришел, она вверила ту девицу его попечению, чтобы он сподобил ее святого крещения и опять привел бы ее к ней, — и пресвитер исполнил немедленно ее волю. Приняв крещение, девица та добродетельно подвизалась в посте и молитвах с остальными сестрами, которых было при святой Матроне восемь. Все они были подобны мудрым девам, украшающим светильники свои и приготовляющимся в сретение Жениху своему[1].

Между тем, как преподобная Матрона проводила такую жизнь, день и ночь работая с сестрами Богу и множество людей обращая к Нему, пришло ей желание снова увидать своего духовного отца — преподобного Вассиана. Она хотела пойти в Константинополь, но мысль, что муж ее Домитиан живет в Константинополе, удерживала Матрону от такого намерения, и она боялась туда идти, чтобы не быть узнанной своим мужем. Вместе с тем она размышляла в себе:

[1] См. притчу Христову о десяти девах — Мф. 25, 1.

— Не могу я более оставаться здесь, ибо многие приходят ко мне и прославляют меня, как добродетельную, и я боюсь тщеславия. К тому же я боюсь, как бы не услышал обо мне муж мой, ибо вся страна узнала обо мне и кто-нибудь может сказать ему; а когда он сюда придет и найдет меня, то погубит весь иноческий подвиг мой. Итак, уйду отсюда или в Александрию, или в Антиохию.

Остановившись на этом решении, святая начала прилежно молить Бога, чтобы Он открыл ей, куда ей направиться, где бы она могла жить с большею пользою. Пребывая в молитве об этом, она однажды увидала во сне трех мужей, спорящих из-за нее между собою, так как каждый хотел взять ее в сожительство с собою. Она же отклонялась, говоря:

— Я уже давно бегаю от супружества, а если бы теперь снова пожелала его, то и тогда не быть тому. Однако, кто вы?

Первый отвечал:

— Я — Александр.

Другой сказал:

— Я — Антиох.

Третий сказал:

— Я — Константин.

Сказав это, они бросили между собою жребий, кто ее возьмет, и пал жребий самому молодому, который назвал себя Константином. Последний хотел взять ее. Матрона от страха проснулась и размышляла о виденном. Истолковала же она свой сон так: «Три мужа — Александр, Антиох и Константин — суть три города, о которых я думала, — именно: Александрия, Антиохия и Константинополь; жребий же мой, павший на Константина, означает благоизволение Божие, чтобы я шла в Константинополь и увидала отца моего — блаженного Вассиана. Господь, Который руководит мною, силен укрыть меня там, чтобы я не была узнана мужем моим, и *если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты*, Господь мой, *со мной* (Пс. 22, 4)».

И собравшись, она хотела уходить. Сестры же, узнав о ее намерении, — что она хочет уйти от них, — не отпускали от себя, восклицая со слезами:

— Зачем ты, мать наша, оставляешь нас — чад своих, еще недостаточно утвержденных в законе Господнем? Зачем оставляешь мо-

лодые в вере отрасли, еще недостаточно водою учения напоенные? Куда ты уходишь, мать наша? На кого оставляешь нас? Или почему не берешь нас с собою?

Преподобная, успокоив их, поведала им волю Божию, открытую ей в видении, — именно, чтобы она шла в Константинополь. И тотчас она послала к епископу, прося его прислать к ней двух диаконис, опытных в добродетелях и совершенных по жизни, чтобы она вручила им то новособранное малое стадо Христово. Епископ исполнил желание ее — прислал ей диаконис, каких она желала. Поручив им, как некоторое драгоценное сокровище, своих духовных дщерей и преподав им мир, преподобная Матрона ушла от них, взяв с собою только одну сестру — блаженную Софронию. Достигнув моря, она нашла корабль, плывший в Константинополь, и села на него. При попутном ветре они достигли Константинополя, и поспешила Матрона с Софрониею к находившейся вблизи моря церкви святой Ирины. Войдя в церковь, она встретила преждеупомянутого диакона Маркелла, который советовал блаженному Вассиану послать ее в женский монастырь, находящийся в городе Эмесе. Святая Матрона открыла себя тому диакону и подробно рассказала о себе все — как она была преследуема мужем в Эмесе, в Иерусалиме и на Синае, как жила в Берите, в идольском капище, и собрала сестер, как чрез нее Господь обратил к Себе множество людей и почему она предприняла такой путь из Берита в Константинополь, чтобы видеть своего духовного отца — преподобного Вассиана. Маркелл же возвестил преподобному о прибытии Матроны и рассказал ему все, что от нее слышал. Преподобный тотчас приказал Маркеллу найти близ своего монастыря спокойный дом и ввести туда Матрону. Когда это было сделано, преподобный Вассиан увидался с нею, благословил ее и, узнав о трудах ее, радовался таковым ее подвигам и усердной любви к Богу. С того времени преподобная Матрона стала жить в Константинополе без тревоги, так как муж ее уже умер. Преподобный же Вассиан доставлял ей все нужное и привел к ней сестер ее, оставшихся в Берите: по ее просьбе он послал письмо к Беритскому епископу, прося его отпустить инокинь, собранных Матроною, в Константинополь к ней, как к их духовной матери. Вскоре все они прибыли туда и стали подвизаться вместе с

преподобною Матроною, служа Богу в праведности и благочестии. Матрона была для всех примером богоугодной жизни: взирая на нее, не только принявшие иночество, но и множество мирян получали пользу. Слава о ее добродетелях распространялась повсюду, и прославляем был ради нее Отец небесный.

Дошел слух о Матроне и до царицы Верины, супруги царствовавшего в то время царя Льва Великого[1]. Она, услышав о совершенном добродетельном житии преподобной Матроны, пожелала видеть ее и сама пришла к ней. Матрона с честью приняла царицу и устроила ей угощение, какое лишь могло быть у великой и ничего не имеющей постницы. Удивилась царица таковому ее житию, а в особенности тому, что преподобная ничего у нее не просила, хотя та и имела намерение дать ей многие дары. Получив от жития и беседы с блаженною Матроною духовную для себя пользу, царица возвратилась в свои палаты.

Приходили к преподобной и многие недужные и получали здравие: ибо сильна была молитва ее исцелять недуги — не только телесные, но и душевные.

Одна знатная женщина, по имени Евфимия, супруга епарха Анфима, впавшая в тяжкий и неисцелимый недуг — после того, как не могла получить помощи от врачей, — пришла к преподобной Матроне. Взяв руку ее, Евфимия прикладывала к частям болящего своего тела и от прикосновения руки ее получила совершенное здравие. Видя, что дом, в котором жительствовала преподобная с сестрами, — тесен и к тому же был не ее собственный, Евфимия желала устроить для исцелительницы своей — преподобной Матроны — монастырь просторный и удобный для обитания, — что вскоре и исполнила.

Переселившись из тесного дома в новосозданный монастырь, преподобная собрала еще бóльшее стадо словесных овец — девиц и жен, уневестила их Христу и прилежно заботилась о спасении их.

Вскоре после того преподобная Матрона предузнала скорое свое к Богу отшествие, ибо оно было открыто ей в видении. Ей представилось, будто она ходит по прекраснейшему месту, на котором были

[1] *Святой Лев I (Великий)* — Византийский император, царствовал с 457 по 474 год.

насаждены благоплодные деревья, а посреди протекали источники чистых вод; далее расстилалось цветущее поле; множество прекрасных птиц пели там различными приятными голосами; деревья слегка колыхались от тихо веющего ветра; тут же журчали источники, — вообще нельзя было изобразить красоты места того, ибо то был рай Божий. Стояли там честные и благолепные жены, которые показывали блаженной Матроне пресветлую палату, созданную Божиею, а не человеческою рукою, и говорили ей:

— Вот дом твой, Матрона, для тебя от Бога уготованный. Приди и живи в нем!

Из этого видения преподобная познала, что уже приблизилась кончина ее, и стала готовиться к отшествию, еще усерднее молясь Господу, ради Которого все вменила в ничто. Затем она призвала к себе всех сестер своих и довольно поучала их тому, что нужно для спасения. Преподав им мир, она почила о Господе и от земной обители переселилась в уготованную для нее небесную, которую ранее видела в видении. Так преподобная Матрона скончалась в преклонной и доброй старости[1]. В мирской жизни она прожила двадцать пять лет, а в иноческой — семьдесят пять; всех же лет ее было сто. А ныне обитает она в вечной жизни, предстоя престолу Животворящей и Нераздельной Троицы — Отца, и Сына, и Святого Духа, — Единого Бога, Ему же слава вовеки. Аминь.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОЙ ФЕОКТИСТЫ

На море Эгейском есть остров Парос[2]. На этом острове был благолепный с виду храм во имя Пресвятой Владычицы нашей Богородицы. Весь тот остров, в том числе и храм, неизвестно — почему, запустел и сделался обиталищем уже не людей, но зверей.

Однажды охотники, жившие на приморской горе, называемой Эввея, сговорились поехать на корабле на тот пустой остров — для

[1] Преподобная Матрона умерла в 492 году.

[2] *Парос* — один из крупных Кикладских островов на Эгейском море.

ловли зверей, ибо на острове было множество оленей и коз. Доплыв до острова, охотники с оружием своим сошли с корабля и пошли по острову, отыскивая добычу. Между ними был один охотник богобоязливый и пекущийся о своем спасении. Отделившись от своих спутников, он один ходил по пустынному острову, выслеживая зверей, и, найдя упомянутый запустелый храм, вошел туда и стал молиться, как умел, ибо был человек простой и неграмотный. Кладя поклоны и молясь, он увидал в земле маленькую ямку и в ней воду, а в воде были намочены зерна растения, называемого илиотропион[1] (этого растения на том острове росло много), и подумал он про себя: «Здесь есть какой-то раб Божий, питающийся этими семенами». Однако охотник немедленно вышел из храма, спеша догнать своих спутников. Товарищи его пробыли на острове несколько дней, наловили оленей и коз, сколько хотели, и уже с большою добычею возвращались из пустыни на корабль. Тогда вышеупомянутый охотник опять отделился от спутников и вошел в храм помолиться Пречистой Богородице; к тому же он надеялся увидать того, кто намочил в воде подсолнечные зерна. Когда он, стоя посреди храма, молился, то увидал по правую сторону святого престола густые сети паутины, а за ними какое-то существо, как бы ветром колеблемое. Желая узнать, что это колеблется за сетями паутины, он подошел и хотел снять паутину, но тотчас услышал голос:

— Стой, человек, не подходи ближе, мне стыдно, так как я — нагая женщина.

Услышав это, охотник испугался и хотел бежать, но от великого страха не мог: ноги его тряслись, волосы на голове его поднялись и сделались острыми, как терния, — и стоял он в ужасе. Придя несколько в себя, он дерзнул спросить:

— Кто ты и как живешь в этой пустыне?

И снова услышал голос, раздававшийся из-за сетей паутины:

— Прошу тебя, — брось мне одежду, и когда я прикрою наготу свою, тогда, сколько Господь повелит мне, поведаю тебе о себе.

Сняв с себя верхнюю одежду, охотник положил ее на земле, а сам вышел из храма. Подождав немного, пока жена та наденет его одежду, он снова вошел и увидал ее стоящею на том же месте, на котором была и прежде. Вид ее был очень страшен, так как она имела

---

[1] *Илиотропион* — подсолнечник.

только подобие человеческое — не было в ней видно живого человека, но вся она была как бы мертвец: кости покрыты только кожею, волосы — белые, лицо — черное, очи — глубоко впавшие, и вообще весь вид ее был как вид лежащего во гробе мертвеца; она едва только дышала и могла лишь тихо говорить. Взглянув на нее, охотник еще больше испугался и, упав на землю, стал просить у жены этой молитвы и благословения. Тогда, обратившись на восток, она подняла руки свои и стала молиться; не мог охотник слышать слов молитвы ее, слышал только тихий голос, возносящийся к Богу. Затем, обратившись к нему, святая сказала:

— Бог да помилует тебя, человек, — скажи мне, чего ради пришел ты в пустыню эту? Какая нужда у тебя на этом пустынном острове, на котором не живет никто? Но так как, думаю, Господь привел тебя сюда ради моего смирения и ты желаешь узнать обо мне, то я все тебе открою.

И начала рассказывать так:

— Отечество мое — Лезвия, родилась я в городе Мефимне[1], имя мое — Феоктиста, по житию я — инокиня, ибо когда я еще в детстве лишилась родителей, то отдана была родственниками в женский монастырь и облечена в иноческий чин. Однажды в праздник Воскресения Христова, когда мне было восемнадцать лет, я пошла с благословением в отстоящее недалеко селение, — чтобы посетить сестру свою, которая жила там с своим мужем, и у нее заночевала. В полночь на страну ту напали арабы, предводителем которых был свирепый Низар. Они пленили все селения, — взяли в плен вместе с другими и меня, и когда наступило утро, посадили нас на свои корабли и отплыли. Проплыв целый день, они пристали на ночь к этому острову, и, высаживая пленников, разглядывали их, определяя цену, какою кто может быть выкуплен. Вместе с другими была выведена и я, и, увидав находившийся вблизи луг, повернулась к нему и обратилась в бегство. Пленившие меня гнались за мной и преследовали меня, как охотники зверя, но пустыня скрыла меня от них, — или лучше сказать, Бог в пустыне покрывал меня Своею благодатью и

---

[1] *Лезвия* — Лесбос — остров на Эгейском море, на Мизийском берегу, впоследствии названный по имени главного города Митиленой. На северной стороне острова находится город *Мефимна*, ныне Моливон, с обширными гаванями, пришедший в упадок еще во времена Пелопоннесской войны (406 год до Р. Х.).

защищал от рук ловящих, так что они не могли найти и догнать меня. Я убежала во внутреннюю пустыню этого острова и не переставала бежать от страха до тех пор, пока колючими деревьями и терниями, а также острыми камнями не изранила сильно ног своих. Не будучи в состоянии бежать дальше, я, как мертвая, пала на землю, и покрылась земля кровию моею, истекавшею из израненных ног. Всю ночь ту я провела в тяжких страданиях, но благодарила Бога, что Он спас меня от руки врагов моих и сохранил неоскверненною. И пришло мне желание — лучше умереть скорее в этой пустыне в чистоте девической, нежели жить среди скверных людей и погубить посвященное Христу девство. Поутру я увидела, что нечестивые разбойники отплыли от острова, и, освободившись от их рабства, исполнилась такой радости, что забыла болезнь свою. И вот с того времени доныне я тридцать шесть лет живу на этом острове. Питаюсь же я семенами растущего здесь в изобилии илиотропиона, а более питаюсь словом Божиим: ибо все псалмы, песнопения и чтения, которым научилась в своем монастыре, помню доныне, и в них нахожу утешение и ими питаю душу свою. Одежда моя в скором времени обветшала, и осталась я нагою, имея покровом только благодать Божию, которая покрывает меня от всех зол.

Поведав это, преподобная дева подняла к небу руки свои и воздала благодарение Богу за неизреченную милость Его, явленную на ней. Затем, снова обратившись к охотнику, сказала:

— Вот я все сказала тебе про себя; одного прошу от тебя, что ты и исполни для меня, Господа ради: когда на будущее лето придешь ты охотиться на этот остров (я знаю, что ты непременно придешь, так как на это есть воля Божия), то возьми в чистый сосуд часть Пречистых и Животворящих Христовых Тайн и принеси мне сюда, ибо со времени поселения в этой пустыне я не сподоблялась причаститься. Теперь же иди с миром к спутникам своим и обо мне не рассказывай.

Охотник обещал исполнить приказание и, поклонившись дивной рабе Христовой, ушел, радуясь и благодаря Бога, что Он явил ему таковое Свое сокровище, сподобил видеть и беседовать и удостоиться молитв и благословения той, которой не был достоин весь мир. Придя к берегу, охотник нашел спутников своих, ожидающих его и сокрушающихся о его замедлении, ибо они думали, что он заблудился в пустыне. Он же не открыл им тайны, которую повелено было ему хра-

нить, — и отплыли они к себе домой. Между тем охотник тот, как великой радости, ждал следующего лета, как какого-нибудь наслаждения, желая снова увидать чистую невесту Христову, в пустыне, как бы в чертоге, пребывающую. Когда настало ожидаемое время, он опять сговорился с товарищами своими плыть на остров Парос — для ловли зверей. Пред отъездом на корабль он взял у пресвитера в маленький чистый ковчежец частицу Пречистых и Животворящих Христовых Тайн, как повелела ему блаженная Феоктиста, и, с честью сохраняя ту частицу при себе, отплыл. Доплыв до этого острова, он с Божественными Тайнами пошел к тому запустелому храму Пресвятой Богородицы, в котором в предыдущем году беседовал с блаженною, но, войдя в тот храм, не нашел святой Феоктисты. И подумал он, что преподобная или ушла в дальнюю пустыню, или же сделала себя невидимою, так как с охотником тем пришли и некоторые другие из его товарищей. В скорби вышел охотник из храма и пошел за своими товарищами. Вскоре он тайно ушел от них и, возвратившись, один пришел ко храму, — и тотчас явилась преподобная Феоктиста на том же самом месте, где и прежде стояла, одетая в ту одежду, которую охотник дал ей в прошлом году. Увидав блаженную, охотник пал на землю и поклонился ей. Она же быстро подошла к нему и со слезами сказала:

— Не делай этого, человек, — ибо ты держишь Божественные дары, не бесчести Тайн Христовых и не опечаливай мою худость, ибо я недостойная женщина.

И взяв охотника за одежду, подняла его с земли. Он же, вынув ковчежец с Божественными Тайнами, подал ей[1]. Преподобная сна-

[1] К рассказу об этом святой Димитрий Ростовский присоединяет следующее замечание. «В настоящее время некоторые из христиан удивляются, что Божественные Тайны были вручены тому охотнику нести их в пустыню и что он, мирянин и непосвященный, дерзнул носить оные Тайны, которые подобает носить одним только иереям. Но пусть они не удивляются этому — таков был обычай первенствующей Церкви: в то время и непосвященным дозволялось брать в руки Божественное причастие и носить с собою и в отстоящие далеко от церкви дома, и в дальний путь... Но потом святые отцы запретили непосвященным принимать в руки и выносить из церкви Тело Христово, а в особенности запретил это святой Иоанн Златоуст и запретил по следующей причине. Во время его патриаршества в Константинополе некоторая знатная женщина, приняв в церкви часть пречистого Тела Христова, принесла оное домой и смешала с каким-то снадобьем для волхвования. Узнав об этом, святой Златоуст с того времени повелел по всем церквам, чтобы части Тела Христова не влагались в руки, но чтобы вместе с Боже-

чала пала на землю пред Божественными Тайнами и омочила землю слезами. Затем встав, приняла святые Дары в свои руки, причастилась и с умилением сказала:

— Ныне отпущаеши рабу Свою, Владыко, ибо видели очи мои спасение мое, и я в руки прияла оставление грехов. Ныне отойду, куда повелит благость Твоя.

Сказав это, она горѐ подняла руки свои и долго стояла, молясь и прославляя Бога. Затем с благословением отпустила охотника к его спутникам.

Пробыв несколько дней в пустыне, охотники наловили много коз и оленей и возвратились на корабль. А тот охотник снова отлучился от них и один пошел ко храму, желая сподобиться от преподобной молитв и благословения на путь. Он подошел к тому месту, где прежде с нею беседовал, и увидал преподобную, лежащую на земле мертвою; руки ее были сложены на персях, святая же душа ее отошла в руки Божии[1]. Припав к честным мощам ее, охотник лобызал святые ноги ее и омывал их слезами. И недоумевал он, что делать, ибо был очень прост и жизнь свою проводил больше по пустыням, между зверями, нежели в городах между людьми. Не догадался он даже пойти к другим охотникам и рассказать о происшедшем им и вместе с ними с честью похоронить это святое тело. Выкопав немного земли, сколько можно было поскорее выкопать, он один положил в нее тело преподобной. При этом он дерзнул отделить от того святого тела руку — себе на благословение, желая ту руку с честью хранить в доме своем. Но хотя это сделал он и с верою, по любви и усердию к преподобной, однако не угодно было дело это Богу, как это видно из последующего рассказа. Отделив руку, он завернул ее в чистый платок и, положив к себе за пазуху, пошел к своим товарищам, бывшим уже на корабле, но ничего им не сказал.

ственною, под видом вина, Кровию преподавались посредством лжицы в уста. До этого времени в Церкви лжицы не употреблялось, но части Тела Христова полагались прямо в руки христианам, а святая Кровь подавалась из чаши. С этого же времени, по повелению святого Златоуста, Божественное причастие стало преподаваться посредством лжицы и дозволено носить его только посвященным, а непосвященным не позволено никоим образом касаться, чтобы не было какого-либо бесчестия святым Тайнам».

[1] Преподобная Феоктиста умерла в 881 году после тридцатипятилетних подвигов на острове Паросе.

Уже было поздно, когда они отплыли от берега, и, распустив паруса, поплыли при попутном ветре. И думали все охотники, что корабль их идет быстро, — как летит птица, — так что надеялись рано поутру прибыть к горе Еввейской. Но когда рассвело, они снова оказались на том же месте — при береге острова Пароса, и корабль их стоял недвижим, как будто бы удержанный якорем или же возвращенный назад какою-нибудь рыбою реморою[1]. На всех напал страх, и все спрашивали друг друга, не согрешил ли кто и чей грех удерживает их, так что корабль не может даже двинуться с места. Тогда охотник, взявший руку преподобной, познав грех свой, вышел из корабля и тайно от товарищей своих пошел ко храму. Приблизившись к мощам преподобной, он приложил святую руку ее к суставу, на свое место, и, немного помолившись, возвратился к товарищам. Когда он вошел на корабль, последний тотчас двинулся с своего места и поплыл без всякого препятствия, и все обрадовались. Когда же корабль быстро плыл и был уже близко к Еввее, охотник тот начал рассказывать товарищам своим все, что с ним случилось: о том, как прошлым летом он обрел преподобную Феоктисту, а нынешним летом принес ей Божественные Дары и как по смерти святой взял руку ее и по этой причине они всю ночь были удерживаемы. Те, выслушав обо всем случившемся, пришли в умиление, но на охотника стали сильно роптать и гневаться, что он не сказал им об этом тогда, когда они были еще на острове том, «дабы», говорили они, «и мы могли сподобиться благословения угодницы Божией». Повернув назад корабль, они с большою поспешностью опять поплыли в Парос и, достигнув острова, все вместе пошли ко храму. Со страхом войдя в него, они подошли к тому месту, где положено было честное тело преподобной; место они нашли, а тела не нашли, — видели только отпечаток лежащего на земле тела, так как ясно изобразились следы, где лежала голова и где — ноги. Все они очень удивились и недоумевали, куда скрылась преподобная. Некоторые из них говорили, что она воскресла, другие же говорили, что не воскресла она прежде всеобщего воскресения, но руками Ангелов перенесена куда-нибудь на другое место и погребена, как некогда святая мученица Екате-

[1] Рыба эта называется *реморою* (от глагола removeo — двигаю обратно, задерживаю), потому что она, собираясь около корабля большими стаями, задерживает ход корабля.

рина. Впрочем, они разошлись по всему острову — искать, не найдут ли ее или живою — воскресшею или же мертвою, перенесенною на другое место. Будучи простецами и неведущими, они хотели постигнуть тайны Божии, которые никому неведомы. Тщательно везде поискав ее и не найдя, они воротились в храм и со умилением лобзали место, на котором лежало тело преподобной. Помолившись, они возвратились назад — домой и поведали людям все о преподобной Феоктисте, и все удивлялись и прославляли Бога, дивного во святых Своих, Ему же слава вовеки. Аминь.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО
ИОАННА КОЛОВА

Девятого ноября Православная Церковь ублажает преподобного Иоанна Колова[1]. Такое название преподобный Иоанн получил за свой малый рост[2]. Еще в юных летах он оставил мир и ушел с братом своим Даниилом в Скитскую Египетскую пустыню[3]. Сначала он и брат его Даниил жили среди подвигов в полном уединении, но потом он сознал, что при его пылком и страстном характере строгое подвижничество может быть осуществлено лишь при строгом руководстве других более опытных подвижников — старцев. К такому сознанию необходимости для себя строгого и опытного руководителя он был приведен следующим событием вскоре же после его прихода с братом в пустыню. Однажды он совершенно неожиданно сказал своему брату сподвижнику:

— Не хочу я более ни о чем заботиться, я хочу жить в пустыне без печали, как Ангел.

---

[1] *Преподобный Иоанн Колов* подвизался в первой половине V века.

[2] *Колов* (κολοβος) в переводе с греческого: *малорослый*.

[3] *Скитская Египетская пустыня*, именовавшаяся также просто «Скитом», находилась на расстоянии дневного пути (25–30 верст) от горы Нитрийской, в северо-западной части Египта. Это была безводная, каменистая пустыня, излюбленное место египетских пустынников, прославившееся аскетическими подвигами спасавшихся в ней иноков. От этой местности впоследствии получили наименование *скита* и другие иноческие пустынные обители, в которых ревностнейшие иноки селились для строжайшего уединения и ненарушимого безмолвия в Боге Едином.

Сказав это, он снял с себя свои одежды и вышел из кельи. Ночью случился большой мороз: обнаженный Иоанн долго боролся со стужею, наконец, будучи не в силах более переносить ее, решился возвратиться обратно в свою келью.

— Кто здесь? — раздался из нее голос Даниила, когда замерзающий Иоанн постучался в дверь.

— Я, брат твой, — я не могу более переносить мороза и возвратился сюда, чтобы послужить тебе, — отвечал ему Иоанн.

— Уйди, демон, — возразил Даниил, — и не соблазняй меня. Мой брат — Ангел и о теле своем не заботится и пищи не требует.

Тут понял преподобный Иоанн, что слишком понадеялся на свои еще неокрепшие в борьбе со страданиями и искушениями силы, понял свою ошибку и горько зарыдал о ней. Тогда Даниил отворил пред ним двери кельи и сказал:

— Брат мой, так как ты имеешь плоть, то и должен трудиться ради одежды и плоти.

После такого вразумления он вскоре оставил Даниила и отправился к некоему старцу Пимену[1]. Он желал воспитать в себе твердую волю, готовую на всякие подвиги, никогда не оставляющую раз избранный путь, между тем преподобный Пимен и был известен именно твердостью и непреклонностью своей воли. Отречение преподобного Пимена от мира было так беспредельно, что он отказался от свидания даже с своею матерью, пришедшею в скит навестить его. К такому-то старцу с твердым характером и направился еще неустановившийся окончательно в неуклонном следовании избираемым подвигам, нетерпеливый и пылкий Иоанн. Придя к нему, Иоанн дал обещание повиноваться ему во всем, чего бы только тот от него ни потребовал. Преподобный Пимен, желая испытать его терпение, заставил его поливать совершенно сухое дерево, и он три года трудился над поливкою этого дерева, хотя оно уже настолько было сухо, что труд его для всех должен был казаться совершенно напрасным. Но на самом деле труд и терпение преподобного Иоанна не остались напрасными: спустя три года иссохшее дерево покрылось пышною зеленью и дало обильные плоды. От всех, бывших свидетелями, чуда дерево то было названо «древом послушания»[2]. Придя к препо-

[1] Память преподобного Пимена Великого — 27 августа.

[2] Это дерево видел современник Иоанна в 402 году.

добному Пимену с пылкою душою, преподобный Иоанн приобрел у него кротость и смирение агнца. Раз сказал ему один брат:

— У тебя злое сердце.

— Это правда, — с кротостью отвечал ему Иоанн, — и даже более злое, чем ты думаешь.

Так умел он кротко переносить обиды.

Живя сначала под чужим руководством, преподобный Иоанн впоследствии и сам приобрел способность мудро руководить другими. Господь судил ему быть руководителем и наставником преподобного Арсения Великого, впоследствии так же, как и он, прославившегося великими подвигами[1]. Этот Арсений, патриций по происхождению, прибыл в пустыню прямо от императорского двора, где он был наставником детей императора Феодосия Великого: Гонория и Аркадия. Оставив двор, где его окружали великие почести, он, будучи сравнительно еще молодым (ему было тогда около сорока лет), но уже духовно опытным подвижником, решил для продолжения своего духовного развития и дальнейшего совершенствования отдать свою волю в безусловное распоряжение преподобного Иоанна. Некоторым из братий на первых порах казалось странным, что муж столь высокообразованный и столь знатного происхождения пришел для своего дальнейшего просвещения к простым и неученым старцам. Один из братий не мог скрыть своего любопытства и спросил его однажды:

— Как это ты, изучив греческие и римские науки, просишь наставления у простого и непросвещенного старца?

— Правда, что я знаю многие науки, — отвечал Арсений, — но я не знаю даже азбуки того, что знает этот простой и неученый чело-

---

[1] Память преподобного Арсения Великого — 17 мая.

век, потому что (пояснил он) смирение есть начало всех добродетелей, как азбука — начало книжного бытия.

Так ценил он смирение, процветавшее в обители преподобного Иоанна. Лишь после нескольких лет совместной подвижнической жизни, когда Арсений услышал таинственный голос, призывавший его бежать от людей и пребывать в молчании, потому что «молчание есть корень безгрешности», преподобный Иоанн благословил его оставить сожительство и предаться полному уединению и безмолвию в пустыне. Но сильная любовь к своему смиренному наставнику и всем его ученикам заставляли его не раз оставлять свое пустынное уединение и вновь возвращаться на некоторое время в обитель.

Ревнуя о своем спасении, преподобный Иоанн с равным же усердием заботился и о спасении других. В городе Александрии в его время жила некая девица Таисия. Воспитанная благочестивыми родителями, она по смерти их все доставшееся ей состояние употребила на дела благотворительности. Скитские старцы, среди которых жил преподобный Иоанн, приходя в город, не раз встречали для себя приют в ее доме. И вдруг до старцев дошли слухи, что Таисия давно уже прожила свое состояние и теперь, будучи не в силах бороться с бедностью, обратила свою красоту и молодость в источник средств для своего содержания. Сильно скорбели старцы, узнав о таком падении добродетельной Таисии, и решили наконец сделать попытку к отвлечению сироты от ее погибельного заблуждения. Это трудное дело они решили возложить на преподобного Иоанна.

— Бог дал тебе мудрость, — обратились они к нему, — между тем до нас дошли слухи, что столько благотворившая нам сестра Таисия живет очень дурно. Потрудись, авва, побывай у ней и поговори с нею, не придет ли она после твоих речей в себя.

Помолился преподобный Иоанн и вскоре же отправился в путь. Он знал, что медлить в таком деле нельзя. С каждым часом Таисия могла опускаться в глубину все большего и большего падения. Вот, он и пред домом Таисии, но теперь уже вход в него для старцев закрыт. Как раньше в него входили все, желавшие что-либо вынести из него на нужды свои, так теперь, наоборот, входили в него только те, которые несли с собою деньги и сокровища. Старец крот-

ко обратился к прислужнице с просьбою доложить госпоже о его приходе. Но при перемене в настроенности госпожи произошла перемена и в ее прислужницах. Грубая служанка, зная, что у смиренного старца ничего не может быть общего с ее госпожою, отвечала сильною бранью на его просьбу. С кротостью принял ее брань преподобный старец и вновь повторил свою просьбу — только с таким добавлением:

— Скажи еще госпоже твоей, что я могу доставить ей драгоценные вещи.

Тогда прислужница решилась доложить о нем госпоже.

— Пусть войдет, — сказала Таисия, — иноки ходят по берегам моря, и им иногда действительно попадаются драгоценные каменья и жемчуг.

Вошел преподобный Иоанн к Таисии, сел около нее, вздохнул тяжело и заплакал.

— О чем ты плачешь? — удивилась Таисия.

— Что отвратило тебя от Иисуса Христа, Жениха Бессмертного? Зачем ты забыла о Его чертоге и грязнишь себя нечистыми делами? — спросил ее преподобный.

И вдруг вспомнился несчастной женщине давно забытый ею Христос, любить Которого в детстве учили ее покойные ее родители. Слова старца Божия, как огонь, сожгли все плевелы, заглушившие добрые семена, давно посеянные в ее сердце. Искреннее раскаяние охватило ее душу.

— Отец! Отец! Скажи мне: есть ли прощение для подобных мне? — воскликнула она.

— Есть, — отвечал старец, — Спаситель всегда ждет и прощает тех, кто истинно раскаивается. Покайся — и возрадуются о тебе все Ангелы на небесах!

— Веди же, веди меня прочь от этого места, веди куда хочешь, только укажи мне место удобное для покаяния, — просила старца Таисия.

Она ушла с ним из своего оскверненного грехами многих дней дома, не сделав решительно никаких распоряжений относительно своего незаконно нажитого состояния. Она горела пламенным желанием никогда не вступать более на избранный было ею путь нечи-

стой, греховной жизни. Дивился преподобный Иоанн чудному действию Божией благодати, и, прославляя Всемогущего и Милосердого Господа, вел свою путницу все далее и далее в пустынные места, вдаль от города, где она едва не погубила себя. Настала ночь. Утомленной путнице преподобный сделал из песка изголовье и сказал: «Отдохни теперь». Перекрестив ее, он отошел от нее и после обычных вечерних молитв предался и сам ночному отдыху. И видит во сне старец то место, где он оставил Таисию: окружено оно необычайным сиянием, восходящим до самых небес; и вот небесный Ангел среди этого сияния возносит ее душу к Самому Господу. Как только пробудился старец от сна, тотчас же поспешил к тому месту, где оставил Таисию, и, достигнув его, действительно нашел ее уже мертвою.

По откровению свыше старец понял, что один час искреннего покаяния грешницы был принят милосердным Судией, и заблудшее дитя возвратилось в «объятия Отча». Пробыв до рассвета в молитвах, утром преподобный Иоанн похоронил тело блаженной Таисии. Возвратившись в обитель, он великую радость доставил всем инокам своим рассказом о чудном раскаянии и прославлении известной им всем Таисии[1].

Преподобный Иоанн Колов известен еще и как писатель. Помимо многих изречений его, записанных другими иноками, от него осталось подробное и прекрасное описание жития преподобного Паисия[2], составленное им, как он сам выражается, «для общей пользы». Передав в житии о многих чудесах, совершенных преподобным Паисием, преподобный Иоанн счел нужным сделать от себя такое замечание:

— Да не усомнятся, слыша о нем славное и сверхъестественное, и да не подумают, что я что-либо прибавил от себя для большей чести любезного мне отца. Он выше всякой человеческой чести и не требует от низших хваления, ибо похваляем в высших от святых Ангелов. Я рассказываю для пользы слушающих и желающих подражать его добродетелям; я передаю только то, что видел своими глазами и слышал своими ушами.

---

[1] Православная Церковь, именуя ее Таисиею Младшею, вспоминает блаженную кончину ее 10 мая.

[2] Память его — 19 июня.

Это краткое замечание хорошо выясняет личность преподобного Иоанна как писателя.

Время блаженной кончины преподобного Иоанна в точности не установлено. Приблизительно относят то к 422 году, то к 430 году. Что касается места, где она совершилась, то им была пустыня близ Кольцума, или нынешнего Суэца. Святые мощи его находятся в церкви святого мученика Мины в Египте. Имя его, как древнего подвижника благочестия, известно и за пределами Православной Церкви.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ОНИСИФОРА и ПОРФИРИЯ

Святые мученики Онисифор и Порфирий жили в царствование римского императора Диоклетиана. Во время жестокого гонения, воздвигнутого этим нечестивым царем на христиан, и они сподобились претерпеть за Христа тяжкие мучения. Их подвергнули бесчеловечному биению по всему телу и многоразличным, страшным истязаниям. После того мучители положили страстотерпцев Христовых на длинные сковороды и, разведя огонь, жгли их. Наконец, их привязали к свирепым, диким коням. Влачимые ими по каменистой и неровной почве, святые мученики были совершенно растерзаны и в таких мучениях предали души свои Богу. Верующие ночью тайно собрали останки их и с честью погребли в селении Пангианском, где от них стали истекать многоразличные чудеса и исцеления, во славу дивного во святых Своих Бога, в Троице славимого[1].

[1] Святые мученики Онисифор и Порфирий пострадали в начале IV столетия. Селение *Пангианское*, иначе *Панкеан*, лежало в Македонии, около горы Пангей, от которого и получило свое наименование. О пребывании святых мощей их в этом селении и об истекавших от них чудесах есть упоминание в 9-й песни канона, составленного Иосифом Песнописцем (тропарь 3-й).

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНЫХ
ЕВСТОЛИИ и СОСИПАТРЫ

Святая Евстолия, дочь благочестивых родителей, проживала в Риме при царе Маврикии[1]. С самого юного возраста она соблюдала чистоту, пребывала в посте и бодрствовании. Придя в возраст, она так возлюбила благочестие, что оставила Рим и удалилась в Константинополь, где и посвятила себя подвигам иноческой жизни в одном из монастырей.

Однажды Сосипатра, дочь императора Маврикия, отправилась в Влахернскую церковь Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии[2]. Здесь она встретила Евстолию, слава о добродетельной жизни которой уже распространилась в городе. Тогда Сосипатра стала просить блаженную Евстолию, чтобы она сделалась для нее духовною матерью и хранительницею ее тела. Евстолия согласилась, и тогда Сосипатра приняла иноческий чин, упражняясь в трудах и подвигах. Она выпросила у своего отца удобное место и там, построив церковный дом, поселилась вместе со святой Евстолией. С течением времени некоторые благочестивые девицы стали просить их, чтобы они позволили проходить вместе с ними многотрудное иноческое житие, приняли их в свой дом. Святые жены не отказали им в их желании. После многих лет подвигов блаженная Евстолия, наставив многих на путь спасения, отошла ко Господу, оставив преемницею себе блаженную царевну Сосипатру. Блажен-

---

[1] *Маврикий* царствовал с 582 по 602 год.

[2] Блаженная Сосипатра уже прежде того начала приучать себя к евангельской жизни. Тетка ее Дамиана была игумениею Иерусалимской обители и потом жила затворницей. Сосипатра путешествовала в Иерусалим для поклонения святым местам его и год прожила у тетки, выслушивая уроки ее о духовной жизни. «В одно время, — говорит блаженная Дамиана (см. «Луг духовный» Иоанна Мосха), — пришла в святой город племянница моя, дочь императора Маврикия, и провела целый год здесь. Однажды, взяв ее с собою, пошли мы к святым Косме и Дамиану. Стоя в храме, говорю я племяннице: „Смотри, госпожа, когда придет старица и будет давать тебе два нумула (полушка), возьми их, не гордись“. Она со вздохом сказала: „Как это приму я?“ Я сказала ей: „Прими, эта жена — велика пред Богом. Каждую неделю она раздает свои нумулы находящимся в храме. Прими лепты; приняв, отдай ты другому; только не отвергай усердия старицы“».

ная Сосипатра управляла монастырем по примеру своей духовной матери и, достигнув совершенства в добродетельной жизни, с миром отошла ко Господу, Которого возлюбила и ради Которого восприяла такую многотрудную жизнь[1].

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
АНТОНИЯ

Святой Антоний происходил из Сирии и был по ремеслу каменщик. Сожалея о язычниках, приносящих в своих храмах жертвоприношения, святой умолял их отступить от такового нечестия. Когда они не послушали его, он ушел в одно пустынное место. Здесь он встретил некоего отшельника, по имени Тимофея, и с ним прожил два года. Укрепленный его молитвами, он снова отправился к заблуждающемуся народу, в свой город, чтобы направить его на путь истины. Пришел он в свой город тогда, когда жители справляли праздник своим бесам. Он вошел в храм их и сокрушил идолов, за что и подвергся различным мучениям и принужден был выйти из города. Тогда он отправился в Апамею Сирийскую[2] и там упросил епископа, чтобы тот позволил построить церковь во имя Святой Троицы. Когда он начал постройку храма, узнали об этом жители его города и, ночью придя, разрубили его мечами на части. Так он предал дух свой Богу.

---

[1] Кончина святой Евстолии относится к 610 году, святой Сосипатры — к 625 году.

[2] *Апамея Сирийская* находилась в юго-западной Сирии, при самой большой реке Сирии Оронте. Апамея в древности была главным городом области Сирии Апамены и получила свое наименование по Апаме, жене Селевка I, правителя Сирии.

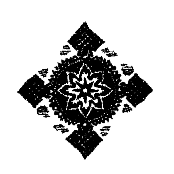
ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
АЛЕКСАНДРА СОЛУНСКОГО

Святой Александр претерпел суровые мучения при царе Максимиане[1]. Исповедав себя христианином, он был схвачен и принуждаем принести жертву идолам. Он же не только не покорился, но, исполнившись большею ревностью по Богу, ниспровергнул жертвенник с жертвою. Разгневанный Максимиан приказал отсечь ему голову. Палач, взяв меч, вдруг остановился.

— Что же ты стоишь, — сказал ему царь, — и не исполняешь приказаний?

— Я, — отвечал тот, — вижу видение и недоумеваю, что оно может означать.

Тогда святой выпросил себе час для молитвы. Совершив усердную молитву, он был обезглавлен. Увидав, что его душе предшествует Ангел, царь позволил христианам погребсти тело святого в городе Солуни.



[1] В начале VI века.

День десятый

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ОРЕСТА

Когда в Риме царствовал нечестивый император Диоклетиан, к нему однажды пришел один из его сановников, по имени Максимин, и сказал:

— Великий государь, избранник богов и верховный вождь, молю тебя, повели мне пройти Киликийские и Каппадокийские страны и предать различным мучениям ненавистных христиан, противников наших богов и твоей власти. Я сожгу их в огне, потоплю в воде, раздроблю их тела на колесах и сломаю их кости, убью мечом, отдам на съедение зверям, и, погубляя их всякими способами, истреблю и самую память на земле о тех, которые не поклоняются великим богам и не повинуются твоему владычеству.

Речь Максимина очень понравилась царю, и он отвечал ему:

— Даю тебе власть уничтожить все нечестивое христианство не только в Киликии и Каппадокии, но и во всем моем царстве, да умножится и возвеличится слава отечественных богов, наших владык и покровителей всей земли.

Приняв такую власть от царя, Максимин с великою гордостью и озлоблением, подобно тому, как хищный волк на овец, или как лев, рыкающий на слабейших зверей, отправился губить неповинных христиан. Достигнув Каппадокийской страны, он вошел в один город, называемый Тианы[1], и когда стал там спрашивать о христианах,

---

[1] *Тианы* — древний город Каппадокии, у подножия Тавра, близ Киликийских ущелий.

то услыхал от граждан, что в этом городе есть врач, христианин, по имени Орест, который каждодневно с большим усердием учит народ почитать Сына Божия Иисуса Христа и говорить, что нет другого бога, кроме Единого истинного Бога, сущего на небесах. Князь Максимин, услышав это, повелел тотчас взять Ореста и привести к нему на суд.

Когда Орест был приведен на нечестивый суд, князь гордо посмотрел на него и грозно спросил:

— Кто ты такой? Скажи нам твое имя?

Святой отвечал:

— Я — раб Господа моего Иисуса Христа, Единого Бога всех, имя мое христианин, ибо Кого я раб, Того именем и похваляюсь.

Князь сказал ему:

— Так как ты дерзнул называть Богом Христа, а себя исповедал христианином, то ты достоин казни; но оставь свое безумие и принеси жертву богам, чтобы тебе не претерпеть мучений.

Святой Орест отвечал на это:

— *Боги, которые не сотворили неба и земли, исчезнут* (Иер. 10, 11), а я еще от отрочества своего научился приносить жертву хвалы Богу живому, Которого почитаю чистым сердцем, твоим же бесстыдным и суетным бесам, которых ты называешь богами, не поклонюсь.

Князь снова спросил Ореста:

— Отчего ты не скажешь нам твоего имени, которое тебе дано при рождении?

— Я сказал тебе, — отвечал святой, — что я — христианин, и это имя для меня гораздо славнее имени, данного мне родителями, и выше всех знаменитых имен в мире. Если же ты желаешь знать то имя, какое я имею от рождения, я скажу тебе: от плотского рождения я получил имя Орест, от духовного же рождения называюсь христианином; а так как духовное рождение выше плотского, то я и считаю для себя большею честью называться христианином, нежели Орестом.

Тогда князь, надеясь хитростью соблазнить раба Христова, стал ему говорить так:

— Жалею я, Орест, твою молодость, и желаю пощадить тебя; слышал я, что ты и во врачебном деле искусен, и потому не буду

тебя губить, но советую исполнить царское распоряжение. Сделав так, ты будешь мне вместо сына, будешь почитаем и прославляем всеми; о тебе узнает царь, и от него ты получишь великую милость.

Но святой отвечал:

— Не прельстишь меня, князь, хитрыми твоими словами, ибо я не ищу временной почести и не избегаю поношения за Господа моего, но готов претерпеть за Него всевозможные мучения, потому что желаю обрести Его благоволение и наречься Его сыном в Царстве небесном, ибо *верующим во имя Его* Он *дал власть быть чадами Божиими* (Ин. 1, 12).

На это князь сказал Оресту:

— Безумный и дерзкий человек, ты прельщаешься, считая Единым Богом Христа, Которого, как злодея, распяли иудеи.

Орест отвечал ему:

— Если бы ты узнал великую силу Распятого, то отверг бы суетное почитание идолов и поклонился бы Тому, Кто действительно есть Бог, рожденный от истинного невидимого Бога, соединивший Своею волею Божеское естество с человеческим и избавивший нас от пагубного диавольского прельщения.

Выслушав ответ Ореста, князь сказал ему:

— Своими лукавыми словами ты раздражаешь мой слух; неужели ты и меня хочешь обратить в твою нечестивую веру? Знай, что своих богов я не оставлю и вашему Христу не поклонюсь, а тебе скажу: оставь твоего Христа, поклонись нашим богам и принеси им жертвы, и если это сделаешь, получишь власть, равную моей.

Но это не прельстило святого, и он ответил князю:

— Я поклоняюсь вечному Богу, всегда мне оказывающему благодеяния, — Господу Иисусу Христу, и Ему служу, бесам же вашим не принесу жертвы и никогда не буду участником в вашем пагубном нечестии.

После этого князь привел святого Ореста в идольский храм, украшенный золотом и серебром и наполненный драгоценными идолами, и там сказал ему:

— Поклонись, Орест, этим честным богам.

Но святой отвечал на это:

— Ты сильно ошибаешься, князь, не зная истины: твои боги сделаны на соблазн людям из золота, серебра, меди и из железа; они не

видят, не слышат, так как сделаны руками людей, и не могут ни себе помочь, ни кому-нибудь другому сделать добро, — ради чего же я буду им поклоняться?

Тогда князь снова сказал святому:

— Ответь мне в последний раз, Орест, поклонишься ли ты богам или нет — иначе ожидают тебя мучения.

Святой отвечал:

— Ты думаешь, князь, что я страшусь твоих угроз? Нет, не надейся устрашить меня мучениями, но сделай, что желаешь; ведь ты не знаешь, что со мною Господь Иисус Христос, мой помощник.

После этого князь повелел обнажить святого Ореста и сильно бить его тут же в идольском храме. А святой, когда начали его мучить, поднял руки к небу и говорил:

— Призри с небес, Боже мой, и помоги мне, рабу Твоему.

Святого били без снисхождения различными орудиями: палками, веревками и воловьими жилами — и столько времени били его, что сорок воинов переменились, орудия сломались и разорвались, а на теле святого не осталось целого места, свободного от ран, и обнажились его внутренности. Но святой Орест все мужественно переносил, так что все удивлялись такому его терпению.

В то время как святого били, князь говорил ему:

— Принеси жертву богам, и я отпущу тебя.

Но страдалец ничего не отвечал на это. Потом князь приказал опалять ребра святого раскаленным железом, возливать на раны его уксус, смешанный с желчью, и посыпать их солью. А святой мученик, возведя свои очи к небу, молился: *покажи на мне знамение во благо, да видят ненавидящие меня и устыдятся, потому что Ты, Господи, помог мне и утешил меня* (Пс. 85, 17). И, так помолившись, он дунул на идолов, стоявших в храме, и они тотчас все упали и рассыпались в прах. Тогда святой громким голосом сказал князю:

— Где же сила твоих богов, отчего же они не помогли себе?

Все бежали вон из храма, объятые сильным ужасом; вышел и святой мученик, — и как только он вышел, весь храм потрясся и развалился.

Князь приказал отвести святого Ореста во внутреннюю темницу и повелел темничному сторожу не давать святому ни хлеба, ни воды,

но мучить его голодом и жаждою. А святой Орест, войдя в темницу, поднял свои руки к небу и стал молиться:

— Господи Иисусе Христе, научивший меня благочестию еще от юности моей и отогнавший от меня всякое нечестивое пожелание, заблуждение и прельщение, создавший небо, землю и море для людей, приведший в Свой покой святых Твоих Авраама, Исаака и Иакова! Молю Тебя, не оставь и меня, ибо я всего себя отдал Тебе, сопричисли и меня к лику пострадавших за Твое Имя и наследовавших Твое Царство.

Так молился святой и пробыл в темнице без пищи и питья семь дней. На восьмой день князь велел вывести святого из темницы и привести к нему на суд, где сказал ему:

— Дерзкий и нечестивый человек, враг наших богов, ты все еще ожесточен и не желаешь покориться! Знай же, что если ты не поклонишься богам, то я предам тебя ужасным мучениям и без снисхождения лишу тебя жизни, а твое нечестивое тело повелю утопить в воде.

Святой Орест на это ответил:

— Я готов претерпеть всякие мучения, ибо я в сердце своем всегда ношу образ Господа моего Иисуса Христа.

Тогда мучитель, исполнившись ярости, повелел принести двенадцать железных гвоздей, длиною в пядень[1], и вбить их в пятки святому Оресту. Когда это было сделано, князь повелел привязать святого Ореста к дикому коню и влачить до тех пор, пока святой не умрет. Конь, сильно гонимый, влачил святого по дорогам и по полям, по терновнику и по острым каменьям, и в этих мучениях святой страстотерпец Орест предал дух свой Господу Богу[2], будучи увлечен конем за двадцать четыре поприща[3] от города. Тело его мучитель повелел бросить в реку, называемую Фива. Но вдруг явился некий светлый, как солнце, человек и, собрав мощи святого, предал их погребению на горе, близ города Тианы. Богу нашему слава, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

---

[1] *Пядень* — древняя мера длины. Она равнялась пространству от конца большого пальца до конца мизинца.

[2] Кончина мученика Ореста последовала около 304 года. Память его празднуется еще 9 июля.

[3] *Поприще* — мера расстояний, равняющаяся нашим шестистам девяноста саженям. Следовательно, двадцать четыре поприща составляют тридцать три версты с небольшим.

* * *

Списатель этого жития[1], окончив его и уже приготовив к печатанию во святой великой Киево-Печерской лавре, в 1685 году в одну ночь святого поста перед Рождеством Христовым, незадолго до заутрени, в сонном видении, получил откровение о еще больших страданиях святого мученика. Во сне явился ему сам святой мученик Орест и, смотря на него веселым взором, сказал:

— Я больше пострадал за Христа, нежели ты написал.

Сказав так, мученик открыл свою грудь и показал в левом боку великую рану, проникающую до самых внутренностей, и сказал:

— Это мне железом прожжено.

Потом, открыв правую руку до локтя, показал рану около самого локтя, говоря:

— Это мне перерезано.

В этой ране были видны перерезанные жилы. Также, открыв левую руку, святой показал на ней такую же рану, как и на правой руке, и сказал:

— И здесь мне перерезано.

После этого, наклонившись, мученик обнажил до колена ногу и, показав на сгибе колена рану, а также обнажив и другую ногу до колена и показав такую же рану на том же месте, сказал:

— А это мне косой рассечено.

Затем, став прямо и смотря в лицо списателю жития этого, мученик сказал:

— Видишь, что я больше пострадал за Христа, нежели ты написал.

Когда списатель думал, какой же этот Орест, не тот ли, который пострадал в числе пяти мучеников[2], то святой мученик ответил на его мысль:

— Я не тот Орест, который пострадал в числе пяти мучеников, но тот, житие которого ты написал сегодня.

Во время этих слов святого Ореста послышался благовест к утрене, и видение окончилось.

---

[1] То есть святой Димитрий Ростовский.

[2] Память их празднуется Церковью 13 декабря.

СТРАДАНИЕ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
МИЛИЯ

Святой епископ Милий происходил из Персидской страны[1]. Приняв святое крещение, он еще в юных летах занялся изучением Священного Писания. Достигши совершенных лет, он задумал служить в военном звании при бывшем тогда Персидском царе. Но ему было видение от Бога, в котором с угрозами запрещено было поступать в военное звание. После этого он, получив христианское образование[2], пребывал в непрестанных молитвах о себе и о своем народе, и, спустя некоторое время, оставил свой город и предался иноческой жизни в Сузах, в стране Еламской[3]. Затем он был рукоположен в сан епископа Геннадием, мучеником и исповедником. Святой Милий много потрудился, обличая и словами и делами обитавших там закоренелых язычников, за что подвергся со стороны их грубым оскорблениям; наконец раздраженная толпа избила его и полумертвого бросила за городом. Это вынудило его оставить Сузы. Удаляясь, святой предрек скорую гибель Сузам.

Не прошло и трех месяцев, как предсказание это исполнилось. На этот город сильно разгневался царь[4], вследствие злоупотреблений и заговора градоправителя и других знатных еламитян, и выслал войско, которое разрушило вконец самый город, а жителей избило мечами. Святой же отправился в Иерусалим, а оттуда к Аммону[5], ученику великого Антония, в пустыню Нитрийскую[6]. Пробыв там два года, он возвратился в Персию. По дороге он зашел к одному иноку, проживавшему в пещере. Войдя в вертеп, он увидал огромного змия и сказал:

---

[1] Из области Рахизинской.

[2] Научное образование святой Милий получил в Бет-Лапете, в восьмидесяти верстах от Испагани, одного из значительнейших городов Персии.

[3] *Еламская страна*, или область, лежала по ту сторону Тигра, между южной Месопотамией, Мидией, Вавилонией и Ираном. *Сузы* — древнейший город персидский, бывший богатою столицею Сузианы и резиденцией первоначально Еламских, затем Персидских царей.

[4] Здесь разумеется персидский царь Сапор II.

[5] Умер в 350 году. Память его совершается 4 октября.

[6] *Пустыня Нитрийская*, излюбленное место подвижничества древнехристианских отшельников, в Нижнем Египте, в 70 милях от Александрии.

— Оружие Господне да погубит тебя, змий!

И, сотворив крестное знамение, святой дунул на змия, и змий тотчас умер. Отсюда он отправился в свой город, где построил церковь, для того чтобы выпросить прощение непокорному и уже претерпевшему строгое наказание народу.

По прошествии многих лет он отправился в Ктезифонт[1], где в это время происходил собор против одного епископа, по имени Папы[2]. На этом соборе Милий обличил епископа этого в его неправильных притязаниях. И после того, как епископ Папа стал укорять и унижать святого, похваляясь своими трудами, святой предрек ему имевший вскоре постигнуть его суд Божий. И действительно, на следующий же год осужденный Папа умер.

Из Ктезифона Милий отправился в другой город. Князь этого города был сильно болен уже два года. Узнав о пришествии святого, он послал просить его, чтобы он посетил страждущего и помолился о нем. Когда посланный передал это святому, последний сказал ему:

— Иди и скажи пославшему тебя больному: так велит епископ: во имя Иисуса Христа, Которого я, недостойный, проповедую, препояшь, невзирая на болезнь твою, чресла свои и приди ко мне, чтобы я увидал тебя.

Как только посланный воротился и передал князю повеление святого, болезнь князя прошла, и он выздоровел, как будто никогда и не болел. Придя к святому, он припал к честным стопам его и, обнимая их, целовал. При этом он воссылал благодарение Богу, прославившему так святого мужа. Это преславное чудо обратило многих ко Христовой вере. Святой Милий в стране той изгонял из людей бесов; расслабленную жену, в течение десяти лет не сходившую с одра, исцелил, взяв за руку; одного мужа, ведшего неправильной суд и даже давшего ложную клятву и ни во что поставившего слова святого, он, для назидания многим, наказал проказою, как Елисей Гиезию (см.: 4 Цар. 5). Ввиду этого, многие приходили к нему и испове-

---

[1] *Селевкия — Ктезифон* — двойной город на реке Тигре, один из важнейших древних торговых пунктов на Востоке.

[2] Это было в 334 году. Церковный раздор произошел из-за того, что один епископ Папа, еще за десять лет до этого отказавшийся от кафедры, заявил незаконные притязания на власть в Церкви.

довали христианскую веру. Много чудесных знамений сотворил святой Милий и в других местах.

Наконец, он воротился на родину и там обратил многих ко Христу. Услышав об этом, правитель области Гормизда Гуфриз повелел заключить в темницу Милия и двух его учеников. Когда затем святые исповедники, по его приказанию, были приведены к нему на суд, жестокий правитель стал допрашивать их об их вере, угрожая смертью, если они не докажут истинности своей веры. Но Милий на это безбоязненно отвечал:

— Вера моя — истинная, и я не стану из-за лживых речей твоих защищать ее. Мое учение чисто, и для твоего нечистого слуха я не буду раскрывать его, но скажу тебе истину. Горе тебе, безбожный злодей, и всем, подобно тебе, оскорбляющим Бога! По правде Своей Он в будущем веке осудит вас на геенну и ее страшный мрак, и вы будете вечно мучиться плачем и скрежетом зубов, ибо вы не хотите познать Подателя благ, которыми похваляетесь и утешаетесь.

Видя твердую веру исповедников Христовых и раздраженный обличением святого Милия, Гормизда в гневе вскочил и пронзил мечом грудь святого. Также и брат правителя Нерсес, объятый таким же бешенством, ударил святого ножом в сердце. Страстотерпец же Христов, еще дыша, сказал царю и его брату:

— Так как вы совещались убить меня, совершенно неповинного, то завтра, в тот же час, в который пронзили меня, вы прольете кровь друг друга, и ваша мать останется бездетною.

Сказав это, он предал дух свой. Двух учеников святого нечестивые правители повелели побить камнями[1]. Тела святых мучеников, при пении церковном, были преданы верующими честному погребению.

На другой день нечестивый правитель отправился вместе с своим братом на охоту, не обратив никакого внимания на слова святого. Увидав оленя, они оба устремились за ним и погнались вслед оленя. Когда, измучив оленя, они стали стрелять в него, то, по ошибке, попали друг в друга и так скончались.

---

[1] Это было в 341 году, 13 ноября, но ради святого Иоанна Златоуста память их перенесена на 10 ноября.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ

ОЛИМПА, РОДИОНА, СОСИПАТРА, ЕРАСТА и КУАРТА

Эти святые принадлежали к лику семидесяти апостолов Христовых. Из них Олимп или Олимпан, о котором вспоминает Павел в послании к Римлянам (см.: Рим. 16, 15), последовал за апостолом Петром в Рим, и там, по повелению Римского императора Нерона, был усечен мечом в тот же день, в который распят святой апостол Петр.

Точно так же и апостол Родион, или Иродион, бывший сродником святому первоверховному апостолу Павлу (см.: Рим. 16, 11) и проповедовавший Слово Божие в Патрах[1], где был и епископом, спутешествовал апостолу Петру в Рим и в день распятия его был обезглавлен[2].

Святой апостол Сосипатр был родом из Ахаии[3] и также приходился сродником апостолу Павлу, о чем упоминает сам апостол Павел в послании к Римлянам (см.: Рим. 16, 21). Вместе со святым апостолом Иасоном он был учеником апостола Павла и предпринимал апостольские путешествия. Потом был епископом Иконийской[4] Церкви и в маститой старости скончался в миру[5].

Подобным образом в мире отошел ко Господу и святой апостол Ераст, о котором также упоминает святой апостол Павел в послании к Римлянам (см.: Рим. 16, 23). Святой апостол Ераст был сначала диаконом и казнохранителем Иерусалимской Церкви, а потом епископом в Панеаде[6].

---

[1] *Патры*, ныне *Патрас*, — богатый торговый город в королевстве Греческом, на берегу Патрасского залива.

[2] Блаженная кончина апостолов Олимпа и Родиона последовала в 67 году.

[3] Провинция в Греции.

[4] *Икония* — город на высокой плодоносной равнине внутри Малой Азии, при подошве горы Тавра; был некогда главным городом Ликаонской области; ныне — Кония, главный город Малоазийской Турецкой области Карамании.

[5] В I веке, на острове Корфу, где он вместе с апостолом Иасоном проповедовал христианство.

[6] Город на севере Палестины (иначе — Кесария Филиппова).

Святой апостол Куарт, или Кварт, упоминаемый святым апостолом Павлом (см.: Рим. 16, 23), много пострадал за свое благочестие, обратил многих греков к вере во Христа и мирно скончался в сане епископа города Берита[1].

Ныне все эти святые апостолы предстоят пред престолом Божиим в вечном веселии, приемля от Бога воздаяния за многочисленные свои подвиги и труды[2].

[1] *Берит* — нынешний *Бейрут* — древний город Финикии, на берегу Средиземного моря. В настоящее время главный административный город азиатско-турецкой Сирии и важнейший торговый пункт Сирийского побережья, с населением до восьмидесяти тысяч жителей.

[2] Вместе с этими святыми апостолами Церковь воспоминает в этот день и апостола Тертия, память которого см. 30 октября. В церковной службе ныне воспеваются все шестеро святых апостолов.

День одиннадцатый

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО ВЕЛИКОМУЧЕНИКА
МИНЫ

Святой мученик Мина был родом египтянин; он исповедовал христианскую веру и служил в войске, находящемся в Котуанской области[1], под начальством тысяченачальника Фирмилиана. В то время в Риме царствовали вместе два нечестивых царя — Диоклетиан и Максимиан[2]. Эти цари издали по всем странам указ, повелевающий предавать мучениям и умерщвлять всех христиан, не поклоняющихся идолам. Согласно этому указу, верующие во Христа повсюду были принуждаемы к идольским жертвоприношениям. Тогда блаженный Мина, не желая видеть такого бедствия и почитания бездушных идолов, оставил свое воинское звание и ушел на горы, в пустынные места, желая лучше жить со зверями, нежели с людьми, не знающими Бога. Святой Мина долгое время скитался в горах и в пустынях, поучаясь в законе Божием, постом и молитвою очищая свою душу и служа день и ночь Единому истинному Богу. Так прошло довольно много времени.

---

[1] *Котуан* — древний город во Фригии. Фригия — большая область Малой Азии, обнимала первоначально всю среднюю часть западной половины полуострова, кроме того, — южный берег Пропонтиды (Мраморного моря) до Геллеспонта (Дарданеллы), позднее причислявшийся к Мизии. Границы ее: на западе — Мизия, Лидия и Кария, на юге — Ликия, Писидия и Ликаония, на востоке — Каппадокия, на севере — Галатия и Вифиния.

[2] Оба императора царствовали вместе с 284 по 305 год: Диоклетиан — на Востоке, Максимиан — на Западе.

Однажды в главном городе Котуанской области был устроен нечестивый праздник, на который собралось множество язычников. Они совершали в честь своих нечестивых богов различные игры, зрелища, конские ристалища и состязание в борьбе, на каковые зрелища с особо устроенных высоких мест смотрели жители всего города. Блаженный Мина, провидя Святым Духом об этом празднике, разжегся ревностью о Боге, и оставив горы и пустыни, пришел в город. Войдя на средину того места, где происходили зрелища, мученик встал на возвышении так, чтобы его можно было видеть всем, и громким голосом воскликнул: *меня нашли не искавшие меня; я открылся не вопрошавшим о мне* (Рим. 10, 20; Ис. 65, 1).

Когда святой Мина так воскликнул, все присутствующие на зрелище устремили свои взоры на него и замолчали, удивляясь его смелости. Присутствовавший тут же на зрелище князь того города, по имени Пирр, повелел взять святого и спросил его:

— Кто ты?

Святой Мина вслух всего народа громко воскликнул:

— Я — раб Иисуса Христа, Владыки неба и земли.

Князь снова спросил святого:

— Ты чужестранец или здешний житель; откуда у тебя такая смелость, что ты осмелился среди зрелища так закричать?

Когда князь говорил это, а святой еще не успел ответить на его слова, некоторые из находившихся около князя воинов признали Мину и вскричали:

— Это — Мина-воин, который состоял под начальством Фирмилиана тысячника.

Тогда князь сказал святому Мине:

— Точно ли ты был воином, как они говорят о тебе?

Святой отвечал:

— Да, правда, я был воином и находился в этом городе, но, видя нечестие людей, прельщенных бесами и поклоняющихся идолам, а не истинному Богу, я оставил свое воинское звание и ушел из города, чтобы не быть участником в беззаконии и погибели этих людей. До нынешнего дня я скитался в пустынях, избегая соприкосновения с нечестивыми людьми, врагами Бога моего; ныне же, услышав, что вы устроили нечестивый праздник, я проникся ревностью о Боге моем и пришел сюда, чтобы обличить вашу слепоту и проповедать вам Единого истинного Бога, создавшего Своим словом небо и землю и промышляющего о всей вселенной.

Услышав такие слова, князь повелел отвести святого в темницу и стеречь его до утра, а сам весь тот день участвовал в празднике и зрелищах.

На другой день утром князь сел на судилище и, приказав привести святого Мину из темницы, всякими способами старался склонить его к идолопоклонству: и обещая дары, и угрожая муками. Когда же он не мог склонить святого к нечестию своими словами, стал принуждать его к тому делом, приказав четырем воинам обнажить и растянуть святого и без пощады бить его воловьими жилами, так что из ран мученика текла кровь ручьем. Присутствовавший при этом один человек, по имени Пигасий, сказал святому Мине:

— Пожалей себя, человек, и исполни княжеское повеление, прежде чем тело твое не будет совершенно уничтожено. Советую тебе: поклонись богам только на время, чтобы избавиться от этих мучений, а потом опять служи твоему Богу, Который не прогневается на тебя за это отступление, если ты один раз только принесешь жертву идолам и на короткое время обратишься к ним, ради нужды, чтобы избавиться от этих тяжких мучений.

Но святой с гневом отвечал на это:

— Отойди от меня, делатель беззакония, я уже принес жертву хвалы и снова принесу только Богу моему, Который оказывает мне Свою помощь и так укрепляет меня в терпении, что эти мучения для меня кажутся весьма легкими и отрадными, а не тяжкими.

Мучитель, изумленный таковым терпением мученика, повелел подвергнуть святого Мину еще большим мукам. Святой был повешен на дереве, и тело его строгали железными когтями, а мучитель, насмехаясь над святым, говорил ему:

— Чувствуешь ли ты какую-нибудь боль, Мина, или эти мучения для тебя очень приятны, и ты хочешь, чтобы мы еще увеличили их?

Но святой мученик, хотя и сильно страдал, однако с твердостью ответил князю:

— Не победишь меня, мучитель, кратковременными этими мучениями, ибо мне помогают, невидимые для тебя, воины Царя небесного.

Князь повелел слугам еще сильнее мучить святого и говорить ему:

— Не исповедуй здесь другого царя, кроме Римских императоров.

Мученик же отвечал на это:

— Если бы вы знали истинного Царя, вы бы не хулили Проповедуемого мною, ибо Он — истинный Царь неба и земли, и, кроме Него, нет другого. А вы хулите Его, не зная, и сравниваете с Ним своих тленных царей, созданных из праха, которым Он дал царское достоинство и царскую власть, так как Он есть Господь всего сотворенного.

Тогда князь сказал святому:

— Кто это такой, дающий власть царям и владычествующий над всеми?

Мученик отвечал князю:

— Иисус Христос, Сын Божий, вечно живущий, Которому повинуется все и на небе и на земле; Сей возводит царей на престолы и царствует, дает власть и владычествует.

Мучитель же сказал святому Мине:

— Разве ты не знаешь, что Римские императоры сильно гневаются на всех, исповедующих имя Христово, и повелевают убивать таковых?

Мученик отвечал:

— *Господь воцари́ся, да гневаются лю́дие* (слав. Пс. 98, 1). Если ваши цари гневаются на Христа и на христиан, исповедующих Его имя, то что мне до этого? Я не обращаю внимания на их гнев, ибо я раб моего Христа, и имею только одно желание быть исповедником Его всесвятого имени до самой смерти и да наслаждусь Его сладкой любви, от которой меня никто не может отторгнуть: *скорбь, или тес-*

нота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч — ничто *не отлучит* меня *от любви* Христовы (Рим. 8, 35).

После этого мучитель повелел сильно растирать раны святого платком, сделанным из волос. И когда это делали, то святой мученик говорил:

— Ныне я совлекаю кожаную одежду и облекаюсь в ризу спасения.

Кроме этого, мучитель повелел опалять святого зажженными свечами, но, и когда жгли все тело святого, он молчал.

Тогда князь спросил его:

— Чувствуешь ли ты, Мина, этот огонь?

Святой отвечал:

— *Бог наш есть огнь поядающий* (Евр. 12, 29). Тот, за Кого я стражду, помогает мне, и поэтому я не чувствую огня, которым меня опаляете, и не страшусь ваших многоразличных мучений, ибо помню евангельские слова моего Господа: *Не бойтесь убивающих тело, душѝ же не могущих убить* (Мф. 10, 28).

Тогда князь сказал мученику:

— Откуда у тебя такое красноречие? Ты все время был воином, каким же образом ты умеешь говорить, как человек, прочитавший много книг?

Святой отвечал на это князю:

— Господь наш Иисус Христос сказал нам: когда *поведут вас к правителям и царям за Меня, ... не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать* (Мф. 10, 18–19).

Князь спросил святого:

— А ваш Христос знал, что вы будете за Него терпеть такие мучения?

Мученик отвечал:

— Поелику Он истинный, то имеет и ведение будущего. Ведал и ведает все, что есть; и все имеющее быть Ему известно, и Он знает наперед все наши мысли.

Князь, не зная, что отвечать на это святому, сказал ему:

— Оставь, Мина, свое празднословие и избери себе одно из двух: или будь нашим — и мы перестанем тебя мучить, или будь Христовым — и мы тебя умертвим.

На это святой громким голосом отвечал:

— Я Христов был, и есмь, и буду Христов.

Князь сказал:

— Если ты пожелаешь, я отпущу тебя на два или на три дня, чтобы ты хорошенько поразмыслил и сказал нам последнее слово.

Но святой отвечал:

— Не два и не три дня, но много лет я исповедую веру Христову, но у меня никогда и в мыслях даже не было отречься от Бога моего, поэтому и теперь мне не подобает размышлять об этом. Не надейся, князь, слышать от меня что-нибудь другое, но вот мое последнее слово: от Бога моего я не отрекусь, вашим бесам не принесу жертвы и не преклоню колен моих перед бездушными идолами.

Такой твердый ответ мученика сильно разгневал князя, и он повелел разбросать по земле крючки, трезубцы и различные железные гвозди и влачить по ним связанного святого мученика. Но он, как будто влачимый по мягким цветам, еще сильнее порицал многобожие язычников и смеялся над безумием людей, прельщенных бесами. А князь повелел влачимого святого еще бить оловянными прутьями. И так святого Мину мучили долгое время.

В это время один из бывших при этом воинов, по имени Илиодор, сказал мучителю:

— Князь, разве твоя светлость не знает, что христиане безумны и не боятся мучений, перенося их так, как будто они подобны бездушным камням или деревьям, а смерть считают сладким питьем? Не утруждай более себя, но повели скорее умертвить этого ожесточенного христианина.

И князь тотчас изрек такой приговор над святым: «Злого Мину-воина, впадшего в христианское нечестие и не пожелавшего послушать царского повеления и принести жертву богам, мы повелеваем усекнуть мечом, а тело его пусть будет предано сожжению перед всем народом».

Воины взяли святого мученика Мину и отвели его за город, где и отсекли ему главу и, разжегши большой костер, бросили в него многострадальное тело святого мученика. Некоторые же из верующих, когда погас огонь, пришли на это место и собрали оставшиеся от со-

жжения части мощей святого, и, обернув их чистою пеленою, помазали ароматами[1]. Спустя же немного времени они принесли эти святые останки в свой отечественный город Александрию[2], где и погребли их в честном месте. Впоследствии на этом месте была построена церковь во имя святого мученика, и по молитвам ко святому в ней совершалось множество чудес.

Сказание Тимофея, архиепископа Александрийского, **о чудесах святого великомученика Мины**

По смерти нечестивых и богоненавистных римских императоров Диоклетиана и Максимиана на царский престол вступил благочестивый Константин Великий[3], в царствование которого сильно умножилась вера в Господа нашего Иисуса Христа. В это время некие христолюбивые люди города Александрии, найдя место, где были положены честные останки святого славного Христова мученика Мины, построили на этом месте во имя его церковь.

Случилось, что в Александрию прибыл один благочестивый купец из земли Исаврийской[4], чтобы закупить товары. Услышав про множество чудес и исцелений, совершающихся в церкви святого Мины, он сказал сам себе:

---

[1] Мученическая кончина святого Мины последовала в 304 году. В церковной службе этого дня вместе с мучеником Миною прославляются и святые мученики Виктор, Викентий и Стефанида, но большинство церковных песнопений посвящено мученику Мине.

[2] *Александрия* — знаменитый город, основанный Александром Великим около 333 года до Рождества Христова на мысе, выдающемся в южный берег Средиземного моря (несколько южнее нынешнего города того же наименования); был некогда центром науки и первым торговым городом в мире; в начале IV века стал центром христианства и резиденцией патриарха.

[3] *Император Константин Великий* царствовал с 306 по 336 год.

[4] *Исаврия* — небольшая, мало исследованная и скрытая в горах местность древней Малой Азии, граничившая на востоке с Ликаонией, на севере — с частью Фригии, на западе — с Писидией. В Исаврии главный город был Исавра (ныне — Улубунар), весьма богатый и многолюдный.

— Пойду и я поклонюсь честным мощам святого мученика и дам дары в церковь его, чтобы помиловал меня Бог по молитве Своего страдальца.

Подумав так, он пошел в церковь, взяв с собою мешок, наполненный золотом. Придя к поморскому озеру и найдя перевоз, он приплыл на место, называвшееся Лозонета. Выйдя здесь на берег, купец искал, где бы переночевать, ибо уже настал вечер. Поэтому войдя в один дом, он сказал хозяину:

— Друг, сделай милость, пусти меня в твой дом переночевать, ибо солнце зашло и я боюсь один идти дальше, так как не имею никого, кто бы меня мог сопровождать.

— Войди, брат, — отвечал ему хозяин дома, — и переночуй здесь, пока не настанет день.

Гость принял приглашение и, войдя в дом, лег спать. Хозяин же, увидав у путника мешок с золотом, соблазнился и, по наущению злого духа, замыслил убить своего гостя, чтобы взять себе его золото. Встав в полночь, он задушил купца, разрезал его тело на части, положил их в корзину и спрятал во внутренней комнате. После убийства он пришел в большое волнение и, озираясь по сторонам, искал скрытого места, чтобы зарыть убитого.

Когда он размышлял об этом, ему явился святой мученик Мина верхом на коне, как бы какой воин, едущий от царя. Въехав в ворота дома убийцы, мученик спросил его об убитом госте. Убийца, отговариваясь незнанием, сказал святому:

— Не знаю, что ты говоришь, господин, у меня не было никого.

Но святой, сойдя с коня, направился во внутреннюю комнату и, взяв корзину, вынес ее наружу и сказал убийце:

— Что это?

Убийца сильно испугался и без чувств упал к ногам святого. Святой же, составив рассеченные члены и помолившись, воскресил мертвого и сказал ему:

— Воздай хвалу Богу.

Тот встал, как бы пробудившись от сна, и уразумев, что пострадал от домохозяина, прославил Бога и с благодарностью поклонился явившемуся воину. А святой, взяв от убийцы золото, отдал его воскрешенному человеку, говоря:

— Ступай своим путем с миром.

Обратившись затем к убийце, святой взял его и сильно бил. Убийца раскаялся и просил прощения. Тогда мученик даровал ему прощение в убийстве и, помолившись о нем, сел на коня и стал невидим.

В Александрии жил один человек, по имени Евтропий. Этот Евтропий дал обещание пожертвовать в церковь святого Мины серебряное блюдо. Поэтому, призвав златаря, он велел ему сделать два блюда и на одном написать: блюдо святого великомученика Мины, а на другом написать: блюдо Евтропия, александрийского гражданина. Златарь стал делать, как велел ему Евтропий, и когда были окончены оба блюда, то блюдо для святого Мины вышло гораздо красивее и блестящее, чем другое. Написав на блюдах имена святого Мины и Евтропия, златарь отдал их Евтропию.

Однажды Евтропий, плывя по морю на корабле, употреблял за обедом оба новые блюда, и увидев, что блюдо, предназначенное в дар святому Мине, гораздо красивее его блюда, не пожелал его отдать в дар святому, но приказал слуге подавать себе на нем кушанья, а блюдо со своим именем задумал отослать в дар в церковь святого Мины. По окончании трапезы слуга взял блюдо с именем мученика и, придя на край корабля, стал мыть его в море. Вдруг напал на него ужас и он увидел, что из моря вышел человек, который взял из его рук блюдо и стал невидим. Раб, сильно пораженный страхом, бросился вслед за блюдом в море. Увидев это, господин его также испугался и, горько заплакав, стал говорить:

— Горе мне, окаянному, что я пожелал взять себе блюдо святого Мины: так я погубил и блюдо, и раба своего. Но ты, Господи Боже мой, не прогневайся на меня до конца и яви Твою милость слуге моему. Вот, я даю обещание: если я найду тело своего слуги, то велю сделать такое же блюдо и принесу его в дар святому Твоему угоднику Мине или же отдам в церковь святого деньги, каких стоит блюдо.

Когда корабль пристал к берегу, Евтропий сошел с корабля и стал смотреть по краю моря, думая найти выброшенное морем тело своего слуги и предать его погребению. В то время как он пристально смотрел, увидал своего раба выходящим из моря с блюдом в руках. Испуганный и обрадованный, он громким голосом вскричал:

— Слава Богу! Воистину велик ты, святой мученик Мина!

Услышав его крик, все, бывшие на корабле, сошли на берег и, видя раба, державшего блюдо, исполнились удивления и прославили Бога. Когда стали спрашивать раба, каким образом он, упав в море, остался жив и как вышел из воды невредимым, то он сказал в ответ:

— Как только я бросился в море, благолепный муж с другими двумя взяли меня и ходили вместе со мною вчера и сегодня и привели сюда.

Евтропий, взяв раба и блюдо, пошел в церковь святого Мины и, поклонившись и оставив в дар блюдо, обещанное святому, удалился, благодаря Бога и прославляя Его святого угодника Мину.

Одна женщина, по имени София, шла на поклонение в храм святого Мины. На дороге с ней встретился воин и, увидев, что она идет одна, решился обесчестить ее. Она сильно сопротивлялась, призывая на помощь святого мученика Мину. И святой не лишил ее своей помощи, но наказал желающего над ней надругаться, а ее сохранил невредимою. Когда воин, привязав к своей правой ноге коня, хотел сделать над женщиной насилие, конь пришел в ярость и не только воспрепятствовал намерению своего господина, но и потащил его по земле, и не остановился и не успокоился до тех пор, пока не притащил его к церкви святого Мины. Часто ржа и свирепея, он привлек много людей на это зрелище, ибо был праздник и в церкви находилось очень много народа. Воин, увидав такое собрание народа и видя, что конь все еще находится в ярости и что ему не от кого ждать помощи, испугался, как бы не претерпеть еще чего-нибудь более ужасного от своего коня. Поэтому он, оставив стыд, исповедал пред всем народом свое нечестивое намерение, и конь тотчас успокоился и сделался кротким, а воин, войдя в церковь и припав к мощам святого, молился, прося прощения за свой грех.

Около церкви святого мученика вместе со многими другими находились хромой и немая, ожидая получить исцеление. В полночь, когда все спали, святой Мина явился хромому и сказал ему:

— Подойди молча к немой женщине и возьми ее за ногу.

Хромой ответил на это мученику:

— Божий угодник, разве я блудник, что ты повелеваешь мне сделать это?

Но святой три раза повторил ему свои слова и прибавил:

— Если не сделаешь этого, не получишь исцеление.

Хромой, исполняя повеление святого, приполз и схватил за ногу немую. Она, пробудившись, начала кричать, негодуя на хромого. Тот, испугавшись, встал на обе ноги и быстро побежал. Таким образом, оба они почувствовали свое исцеление: немая — заговорила, а хромой — быстро побежал, как олень; и оба исцеленные воздали благодарение Богу и святому мученику Мине.

Один еврей имел друга христианина. Однажды, уезжая в отдаленную страну, он отдал своему другу на сохранение ящичек с тысячью золотых. Когда он замедлил в той стране, то христианин задумал не отдавать золота еврею по его возвращении, но взять его себе, что и исполнил. Еврей, вернувшись, пришел к христианину и просил возвратить его золото, которое он отдал ему на сохранение. Но тот отказался, говоря:

— Не знаю, что ты спрашиваешь у меня. Ты мне ничего не давал, и я ничего не брал от тебя.

Услышав такой ответ своего друга, еврей опечалился и, считая свое золото пропавшим, стал говорить христианину:

— Брат, никто не знает этого, кроме одного Бога, и если ты отказываешься возвратить мне данное тебе на хранение золото, утверждая, что не брал его у меня, то подтверди это клятвою. Пойдем в церковь святого Мины, и там ты поклянись мне, что не брал у меня ящика с тысячью золотых.

Христианин согласился, и они оба вместе пошли в церковь святого, где христианин поклялся еврею пред Богом, что не брал у него золота на сохранение. По совершении клятвы они вышли вместе из церкви, и лишь только сели на своих коней, как конь христианина стал приходить в бешенство, так что его почти невозможно было сдержать; он, разорвав свою узду, поднялся на задние ноги и сбросил своего господина на землю. Во время падения христианина с коня, с руки его спал перстень, а из кармана выпал ключ. Христианин, поднявшись, взял коня, усмирил его и, сев на него, поехал вместе с евреем. Проехав немного времени, христианин сказал еврею:

— Друг, вот удобное место, слезем с коней, чтобы поесть хлеба.

Сойдя с коней, они пустили их пастись, а сами стали есть. Спустя немного времени христианин, взглянув, увидел своего раба стоящего пред ними и держащего в одной руке ящик еврея, а в другой,

упавший с его руки, перстень. Увидев это, христианин пришел в ужас и спросил раба:

— Что это значит?

Раб ответил ему:

— Некий грозный воин на коне приехал к моей госпоже и, дав ей ключ с перстнем, сказал: пошли, как можно скорее, ящик еврея, чтобы с твоим мужем не случилось большой беды. И мне было отдано это отнести к тебе, как ты и приказал.

Видя это, еврей удивился этому чуду и, обрадовавшись, вернулся вместе с своим другом к храму святого мученика Мины. Поклонившись в храме до земли, еврей просил святого крещения, уверовав ради этого чуда, свидетелем коего он был, а христианин молился святому Мине дать ему прощение, поелику он нарушил божественную заповедь. Оба они получили по своему прошению: один — святое крещение, другой — прощение своего греха, и пошли каждый к себе, радуясь и прославляя Бога и величая Его святого угодника Мину.

СТРАДАНИЕ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ВИКТОРА и СТЕФАНИДЫ

В царствование римского императора Антонина[1] под начальством воеводы Севастиана служил один воин, родом из Италии, называвшийся Виктором. Этот Виктор веровал в Господа нашего Иисуса Христа и открыто пред всеми исповедовал Его всесвятое имя. Когда в то время было воздвигнуто гонение на христиан, то воевода призвал к себе блаженного Виктора и сказал ему:

— К нам пришел царский указ, повелевающий принуждать вас, христиан, к жертвоприношению нашим богам, а не повинующихся — предавать тяжким мучениям. Поэтому и ты, Виктор, принеси жертву богам, чтобы не подвергнуться мучениям и не погубить своей души.

[1] *Антонин* — Римский император, более известный под именем Марка-Аврелия Философа, царствовал с 161 по 180 год.

Но святой Виктор отвечал воеводе:

— Я не послушаю безбожного повеления смертного царя и не исполню его воли, ибо я — раб бессмертного Царя, Бога и Спасителя моего Иисуса Христа, Царство Которого бесконечно и исполняющие волю Которого будут жить вечною жизнью, а вашего смертного царя и царство временно, и исполняющие его нечестивую волю погибнут вовеки.

На это воевода сказал Виктору:

— Ты — воин нашего царя, исполни его повеление и принеси жертву.

— Нет, — ответил Виктор, — я теперь уже воин не вашего земного царя, но небесного; если же я и был временно воином под властью вашего царя, то я все-таки не переставал служить моему Царю и теперь не оставлю Его и вашим идолам не принесу жертвы. Делай со мной, что пожелаешь: мое тело в твоих руках, и ты имеешь над ним власть, над душою же моею имеет власть только один Бог мой.

Тогда воевода стал уговаривать Виктора.

— Ты сам, — говорил он, — устраиваешь себе бедствие, не исполняя царского повеления; советую тебе принести жертву богам, чтобы избавиться от мучений, которые ожидают тебя.

— Я того и желаю, — отвечал с твердостью святой Виктор, — чтобы претерпеть мучения за моего Господа, и сильно радуюсь, что сподоблюсь страдать за Имя Его.

Тогда воевода тотчас приказал сломать ему пальцы и вывернуть их из суставов. Потом мучитель повелел сильно разжечь печь и бросить в нее святого Виктора, в каковой печи мученик пробыл три дня и остался живым и невредимым подобно тому, как и три отрока в печи Вавилонской (см.: Дан. 3, 50). А мучитель, не ожидая, что святой Виктор останется живым, повелел на третий день отворить печь, взять из нее прах мученика и высыпать его в реку. Но когда отворили печь, святой вышел оттуда невредимым, прославляя Бога за то, что огонь не коснулся его и не повредил ему.

Видя свою неудачу, воевода призвал одного чародея и приказал ему умертвить святого Виктора отравой. Чародей сварил мясо с смертоносным ядом и дал есть святому.

Святой сказал:

— Хотя мне и не подобает брать от вас нечистое мясо и есть, однако я съем его, чтобы вы уразумели, что ваш смертоносный яд ничего не может сделать против силы Жизнодавца Господа моего.

Затем, помолившись, мученик съел отравленное мясо и нисколько не пострадал. Чародей, видя, что святой остался невредимым от съеденной отравы, приготовил другое мясо с сильнейшим ядом и сказал святому:

— Если ты съешь это мясо и останешься жив, то я оставлю все свое волшебство и чародейство и уверую в твоего Бога.

Святой Виктор и это мясо, отравленное сильнейшим ядом, съел, но остался невредимым. Тогда чародей громким голосом воскликнул:

— Ты победил силу моего волшебства, Виктор, и мою душу, уже давно погибшую, избавил от ада, ибо я уверовал в проповедуемого тобою Господа Иисуса Христа.

После этого чародей пошел в свой дом и, собрав все свои волшебные книги и все волшебные талисманы, сжег их и сделался истинным христианином.

Воевода, видя, что ничто не может повредить святому, пришел в сильную ярость и приказал вытягивать из тела мученика жилы; после чего повелел бросить мученика в кипящее масло.

А святой в это время говорил:

— Мне так же приятно это кипящее масло, как жаждущему холодная вода.

Такая твердость святого Виктора привела мучителя в еще бо́льшую ярость, и он повелел повесить святого на дереве и опалять его тело свечами; а чтобы еще больше увеличить тяжесть мучений, смешали прах с уксусом и вливали эту смесь в уста мученика.

Но он говорил:

— Уксус этот и смертоносный яд ваш для меня все равно, что мед и медовые соты.

Тогда мучитель, приходя все в бо́льшую и бо́льшую ярость, повелел выколоть Христову мученику глаза. После этого, повесив святого вниз головой, воины ушли и оставили его висеть в таком поло-

жении в течение трех дней. В четвертый же день, думая, что мученик уже умер, воины пришли посмотреть на него и, найдя его живым, удивились. От этого они пришли в ужас и ослепли, и каждый из них начал искать себе проводника.

Святой, милосердовав о них, усердно помолился Богу и сказал:

— Во имя Господа моего Иисуса Христа прозрите!

И они тотчас прозрели и, придя к воеводе, рассказали ему бывшее. Но воевода еще сильнее разгневался и повелел воинам содрать кожу со святого Виктора. Когда это нечестивое повеление приводили в исполнение, то одна женщина, по имени Стефанида, пришедшая посмотреть на мучения святого, христианка по вере, супруга одного из воинов, увидала два прекрасных венца, спускающихся с неба. Один из этих венцов спускался на главу святого мученика Виктора, а другой — на ее главу.

Увидя это, Стефанида начала громким голосом прославлять мученика:

— Блажен ты, Виктор, и блаженны твои страдания за Христа, благоприятна Богу твоя жертва, как жертва Авеля (см.: Быт. 4, 4), ибо ты праведным сердцем принес Ему самого себя! Бог так же принял тебя, как некогда праведного Еноха, которого Он взял с земли в рай, да не вкусит смерти до времени (см.: Быт. 5, 24); ты праведен, как Ной, исполненный благих дел и совершенный в роде своем (см.: Быт. 6, 9). Ты уверовал, как Авраам, принес себя в жертву Богу, как Исаак, претерпел труды, как Иаков. Премудр ты, как Иосиф, которому было дано провидеть будущее; искушение претерпел ты, как Иов, который после многих страданий победил диавола и показал пример терпения (см.: Иак. 5, 10–11)! Ты подобен Исаии, который был, по приказанию царя Манассии перепилен пилою; тебя не коснулся огонь, как в Навуходоносоровой печи трех отроков (см.: Дан. 3, 50); ты возложил свою надежду на Бога, как Давид, сын Иессея. Вот я вижу два венца, ниспосланные с неба: один бóльший и прекраснейший, другой — меньший: бóльший приносится тебе двенадцатью Ангелами, меньший — мне; ибо и я, хотя и немощный сосуд, готова принять подвиг мученичества и мужественно пострадать за имя Господа нашего и положить за Него свою душу.

Услышав эти слова Стефаниды, воевода повелел воинам взять ее и привести к себе. Гордо посмотрев на нее, он спросил:

— Ты кто?

— Я — христианка, — ответила святая.

Потом воевода спросил ее об имени и о летах и, узнав, что имя ее Стефанида, что ей пятнадцать лет и восемь месяцев от роду и что она замужем год и четыре месяца, начал с кротостью говорить ей:

— Зачем ты так скоро хочешь покинуть этот прекрасный мир, сладкую жизнь и доброе пребывание с мужем и желаешь погубить свою молодую жизнь, добровольно отдавая себя на смерть за Распятого?

Святая на это отвечала мучителю:

— Я оставляю временный и суетный этот мир и все земные плотские желания и моего смертного мужа, чтобы пойти вместе с мудрыми девами навстречу нетленному и бессмертному Жениху, Христу Спасителю моему.

Воевода сказал ей:

— Не говори таких бессмысленных и бесполезных слов о твоем Боге, обратись к нашим богам и принеси им жертву.

Но святая Стефанида с твердостью отвечала:

— Ты и твои боги исполнены лжи, я же говорю истину, ибо мой Господь истинный и в Нем нет неправды. Не принесу жертвы ложным богам, но хочу быть приятной жертвой истинному, живущему на небе, Богу, чтобы не лишиться уготованного мне венца в Его Царстве.

Тогда мучитель повелел наклонить к земле вершины двух находящихся там финиковых пальм и привязать к ним святую, чтобы разорвать ее. Одну ее ногу привязали к вершине одной наклоненной финиковой пальмы, а другую — к другой и отпустили их; пальмы, поднявшись в высоту, разорвали мученицу надвое. Святая же душа мученицы, как бы птица, вылетевшая из разорванной сети, нашла себе гнездо на небе в уготованном ей венце.

После этого и святого Виктора воевода повелел усекнуть мечом. Услышав об этом повелении, святой Виктор возблагодарил Бога. Перед тем, как хотели ему отсечь главу, он предсказал о смерти своих мучителей, говоря:

— Чрез двенадцать дней вы умрете, а воевода ваш через двадцать четыре дня будет взят в плен неприятелями.

Предсказав это, святой помолился и преклонил свою главу на усечение. И отсечена была мечом честная глава святого мученика.

По усечении главы святого Виктора, из тела его вытекло молоко с кровью, и многие из неверующих, видя таковое чудо, уверовали во Христа. Наипаче же уверовали многие, когда увидели исполнение пророчества мученика, ибо как он предсказал, так и сбылось: мучившие погибли внезапно, а воевода был взят в плен неприятелями.

Святой Виктор и святая мученица Стефанида пострадали 11 ноября в городе Дамаске. А ныне они водворились в том граде, каковой не имеет нужды ни в солнце, ни в луне, чтобы светить ему, ибо слава Божия просвещает его, и Агнец Божий — светильник его.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ВИКЕНТИЯ

Отечеством святого Викентия была Испания. Этот святой еще от дней своей юности посвятил себя на служение Богу и, прилежно изучая Божественное Писание, поучался в законе Божием день и ночь. Он имел премудрого и исполненного добрых дел учителя, блаженного Валерия, епископа в городе Августополе[1]. Этот епископ, видя, что ученик его Викентий благоразумен и благонравен, посвятил его в диаконы и сделал проповедником слова Божия. Ибо хотя сам он и весьма хорошо знал Священное Писание, но, будучи косноязычен, не мог ясно говорить, а поэтому и поручил своему диакону, блаженному Викентию, как человеку достойному, премудрому и ясно говорящему, поучать народ в церкви, проповедуя Слово Божие. Святой Викентий, приняв от своего епископа это повеление и благословение, не только в церкви, но и на всяком месте, где было для того удобно, усердно поучал и наставлял народ, указывая путь спасения для души.

---

[1] *Августополь* (то есть город Августа) получил свое наименование от римского императора Октавиана-Августа, который в 27 году до Рождества Христова основал здесь военную Римскую колонию из своих ветеранов. Августополь известен также под именем *Сарагоссы*. В настоящее время Сарагосса — главный город испанской области того же имени и столица бывшего королевства Аррагонии, на правом берегу реки Эбро, — имеющий около ста тысяч жителей.

В то время от нечестивого императора Диоклетиана в Испанию был прислан один судья, по имени Датиан, родом грек, жестокий по характеру и яростный гонитель и мучитель христиан. Послан Датиан был для того, чтобы без пощады предавать смерти всех исповедующих Имя Христово. Этот судья, прибыв в один испанский город Валенсию[1], пролил там много христианской крови, похищая, как волк, овец Христовых. Услышав здесь об епископе Валерии и о диаконе его Викентии, живущих в Августополе, Датиан послал за ними своих воинов, повелев заковать их и в оковах привести к нему на суд. Воины, исполняя повеление Датиана, взяли обоих святых, заковали их в тяжелые железные оковы и повели в Валенсию, причиняя им по дороге большое стеснение, истомляя их голодом, жаждою и быстрым ходом, ибо сами воины быстро ехали на конях, а святые, не будучи в состоянии поспеть за воинами, едущими на конях, падали, и их влекли долгое время, как бревна, привязанными к коням.

Когда они были приведены в город Валенсию, то мучитель повелел тотчас ввергнуть их в мрачную и смрадную темницу, в каковой держали их долгое время без пищи и пития. Но Бог укреплял их Своею благодатию, чтобы они не изнемогли и не потеряли сил для совершения мученического подвига. Между тем мучитель, боясь, чтобы узники не умерли и ему не на ком было бы проявить свою лютость, приказал привести их к себе. Увидав, что они нисколько не пострадали ни от голода, ни от жажды, ни от тяжелых оков, а, напротив, окрепли телом и просветились лицом, мучитель сказал темничному стражу:

---

[1] *Валенсия* — главный город испанской провинции того же наименования. Он был заложен Брутом, основавшим здесь Римскую колонию после одержанной победы над лузитанцами, в 138 году до Рождества Христова. Находясь посреди замечательно плодородной долины, Валенсия принадлежит к прекраснейшим и замечательнейшим городам Пиренейского полуострова.

— Зачем ты давал им пищу и питие? Они сильно потолстели.

Страж с клятвою уверял его, что ничего не давал заключенным.

Тогда мучитель со строгостью стал говорить с епископом, думая, что если он устрашит своею строгостью епископа, то тем более сделает кротким и боязливым диакона. Но этого не случилось, ибо Господь, низлагающий сильных с престолов и возносящий смиренных, благоволил, чтобы гордость этого надменного мучителя была посрамлена юнейшим и низшим по сану.

Датиан прежде всего спросил епископа:

— Почему ты противишься царскому повелению и не поклоняешься нашим богам, а прославляешь какого-то Христа?

Епископ давал ответы Датиану тихим голосом и с кротостью, как бы показывая некую боязнь. Тогда диакон Викентий, исполнившись Святого Духа, возгорелся ревностью о Боге и сказал своему епископу:

— Зачем ты, отче, говоришь так тихо, как бы боясь, и отчего на лаяние этого пса не отвечаешь с дерзновением? Исповедуй громким голосом силу Христову и свободно обличай и побеждай безумие этого лукавого человека, который хочет идти против Бога, своего Творца, даровавшего ему такую власть, и хочет подобающее Богу почитание воздавать бесам. Ныне надлежит совершенно победить того диавола, которого многие люди, как немощного и трусливого, изгнали именем Христовым, и сокрушить главу этого змия.

Датиан, услышав эти слова и видя, что святой диакон Викентий ни во что считает всю его силу, власть и угрозы, сказал предстоящим:

— Уведите отсюда епископа, я побеседую с этим юным диаконом.

Обратясь затем к палачам, мучитель сказал им:

— Приготовьте все орудия мучений, чтобы ответить самым делом тому, кто унижает нас своими словами.

Потом повелел, привязав святого к дереву, строгать и терзать его тело железными когтями. Когда воины приводили в исполнение приказание Датиана, то земля оросилась кровью, текущей потоком из истерзанного тела, а чрез глубокие язвы мученика стали видны кости. Мучитель же, насмехаясь над святым, говорил ему:

— Что ты теперь скажешь, Викентий, видишь, какими ранами уязвлено и растерзано твое тело?

Но святой отвечал ему:

— Чего я желал, то и получил, ибо это то самое, чего я всей душою желал; поверь мне, судья, что для меня не было выше желания, как пострадать за моего Господа; и никто не оказал мне этот милости, кроме тебя. Хотя ты и по злобе это делаешь, тем не менее оказываешь мне благодеяние, предав меня мучению, ибо сколько ты умножаешь мои мучения, столько мой Господь приготовляет мне и воздаяний на небе. Я посредством этих тяжких мучений, как по ступеням, восхожу к моему Богу, живущему на высоте: надеждою на Него я как бы уже прикасаюсь к небу, а царское повеление отвергаю и смеюсь над твоим безумием. Не прекращай моих мучений, но предай меня еще большим мукам: молю тебя, будь более и более для меня жестоким и повели твоим слугам не переставать меня мучить, пока не умрет мое тело; я же, как раб Христа, Господа моего, готов все претерпеть за имя Его.

Мучитель, выслушав эти слова святого, пришел в ярость и закричал на слуг, чтобы они не жалели рук для мучения и еще сильнее мучили Христова страдальца. Когда же он увидал, что слуги изнемогают, то, встав, начал их бить.

А святой смеялся над его гневом и говорил ему:

— Что ты делаешь, судья? За что ты бьешь своих слуг? Они меня мучают, а ты отомщаешь им за это.

Датиан, уязвленный этими словами мученика и его непобедимым терпением, пришел в еще бóльшую ярость: заскрежетал зубами, сильно побледнел и затрясся от гнева. Затем, несколько успокоившись, он с кротостью стал говорить слугам:

— Что это значит, мои верные слуги, что этот злодей не чувствует тяжести ваших рук и не страшится мучений, но еще и смеется над вами, как никто никогда не смеялся? Мало ли было разбойников, злодеев, отцеубийц и волшебников, которых вы замучили вашими сильными руками, и не было ни одного такого, как этот, который теперь в ваших руках и смеется надо мною и над вами. Неужели вы снесете такое посрамление? Соберите все свои силы и еще сильнее мучайте его.

Но святой Викентий еще более смеялся над их слабостью и говорил:

— Не прошу я тебя, мучитель, чтобы ты перестал меня мучить, но изобрети еще бо́льшие муки, ибо сила Христова, помогающая мне, гораздо более, нежели твоя сила, предающая меня мукам, и я не ослабею, исповедуя и прославляя Иисуса Христа, Единого истинного Бога. О, если бы и ты познал Этого Бога, видя Его великую силу, являющуюся во мне немощном, которую ты со всеми своими слугами не можешь победить; но ты, видя не видишь, и слыша не разумеешь и не перестаешь совершать бесовскую волю на погибель своей душе!

Судья, не имея сил ничего достигнуть муками (ибо сквозь суставы и кости мученика проникало острое железо и доходило до его внутренностей, но он оставался невредимым), задумал лестью склонить святого к своему нечестию и стал ему говорить кротко:

— Пощади твою юность, Викентий, и не желай, чтобы цвет твоей жизни прежде времени завял, не прекращай долгих лет своей жизни, но пощади самого себя и принеси нам раскаяние, чтобы не погибнуть тебе совершенно. Ибо я жалею тебя и желал бы видеть тебя не в бесчестии и муках, но в почете и в славе, так как я испросил бы для тебя великую почесть, если бы ты послушал меня.

Святой Викентий на эти льстивые слова Датиана ответил:

— Для меня гораздо хуже твое лукавое милосердие, нежели твоя ярость, ибо я не столько боюсь мук, сколько устрашаюсь твоих льстивых слов. Прекрати это пагубное для моей души лукавство и обрати на меня всю силу своего мучительства, предай меня мучениям без милости и познай силу Христа, вселяющуюся в любящих Его.

Эти слова мученика снова привели мучителя в сильный гнев, и он повелел пригвоздить мученика ко кресту и разными способами мучить все его тело. Когда слуги, исполняя повеление мучителя, распятого святого били и разожженным железом опаляли его раны, то Христов мученик вдруг упал с креста на землю. Слуги, думая, что святой уже умер, взяли его, желая унести оттуда. Но святой, укрепляемый благодатию Христовою, освободился из их рук и снова пошел к кресту. При этом он укорял слуг в нерадении, говоря, что они без усердия исполняют повеление своего господина. Тогда слуги пришли в сильную ярость и начали всячески мучить святого со всей своей силой, пока сами совершенно не изнемогли. После этих мук,

по повелению мучителя, святого Викентия заключили в темницу, в которой всего израненного, с раздробленными членами и растерзанными жилами положили на острых черепках. Когда наступила ночь и стража крепко спала, внезапно в темнице воссиял свет и к святому сошел с неба лик Ангелов, утешая его в страданиях. Святой мученик Викентий, получив чрез это ангельское посещение исцеление своих ран и исполнившись неизреченной радости, прославлял Бога. Стерегущие его воины проснулись, услышав, что он с веселием воспевает, и, увидя в темнице несказанный свет, сильно испугались и побежали известить об этом Датиана. А он находился в большом затруднении, измышляя всю ночь, что бы еще сделать с непобедимым мучеником, и, наконец, придумал такую хитрость. Он повелел приготовить прекрасное ложе и, постлав на нем мягкую постель, положить на нее святого. При этом мучитель повелел приставить к святому соблазнителей, научив их, чтобы они утирали кровь его, перевязывали раны и оказывали ему всякие услуги, как бы сожалея его и печалясь о нем, и чтобы, лобызая ноги его, они молили его помиловать себя и не предавать себя еще бóльшим мучениям, а исполнить царское повеление. Когда приводили в исполнение это приказание Датиана, то святой говорил:

— Для меня лучшим было ложе в муках на черепках, нежели это, не прельстите меня, лукавые соблазнители.

Мучитель, видя, что хитростью своею он не может ничего достигнуть, снова обратился к мучениям. Он повелел разжечь железные доски и прикладывать их к бокам святого. Потом, по его приказанию, положили мученика на железную решетку и, разведя большой огонь под решеткой, жгли над ней мученика.

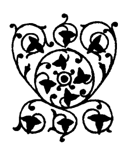
Мученик же с твердостью переносил все эти муки, исповедуя имя Иисуса Христа, и окончил подвиг своего мученичества, предав свой дух в руки Господа своего[1].

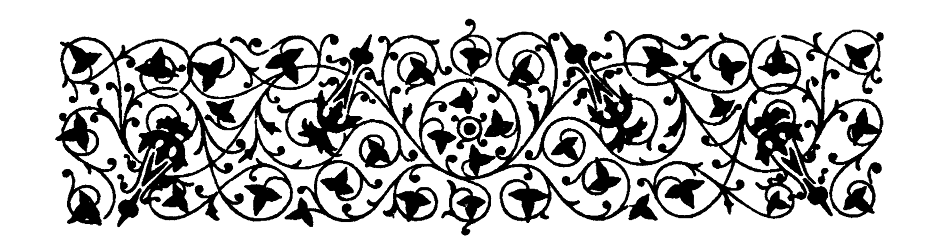
Мучитель, видя, что святой умер, повелел вынести тело его в поле и бросить без погребения, на съедение птицам и зверям, а в отдалении повелел поставить стражу, чтобы тело мученика не взяли христиане. Но Бог, Который *хранит все кости* (Пс. 33, 21) праведни-

---

[1] Блаженная кончина мученика Викентия последовала в 304 году. Мощи святого почивают в Риме, в церкви его имени, в загородном монастыре.

ков, приставил необычайного стража к телу мученика, повелев охранять оное во́рону. Стража, поставленная Датианом в отдалении, видела, что когда на тело святого нападало множество хищных птиц, то во́рон всех отгонял и не позволял ни одной птице сесть на тело мученика. И хотя сам во́рон, по природе своей, любит клевать мертвые тела, но удерживаемый силою Божиею, он и сам не прикоснулся к телу святого, и другим птицам препятствовал прикоснуться. И еще чудеснее, — когда пришел волк и хотел унести тело святого, во́рон, с силою напав на него и бия его крыльями, отогнал и его. Когда стража возвестила об этом Датиану, он весьма удивился, однако не хотел видеть в этом силы Божией и повелел бросить тело мученика в море. Воины, взяв честное тело Викентия, сели на корабль и, отплыв далеко в море, бросили его в глубину морскую, а сами поплыли обратно к берегу. Когда они подплыли к берегу, то увидали тело мученика лежащим на берегу. Пораженные ужасом, они убежали. А христиане, взяв святые останки мученика, с честью погребли их, прославляя Отца и Сына и Святого Духа.





ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ФЕОДОРА СТУДИТА

В Константинополе проживал некогда богатый и благородный человек, по имени Фотин[1], женатый на одной благородной женщине, по имени Феоктисте. Оба они были благочестивы и боялись Бога. От них и родился блаженный Феодор. Родители, просветив его святым крещением, воспитывали его в добрых правилах и отдали в книжное обучение. С воцарением нечестивого царя Константина Копронима[2] стала распространяться иконоборческая ересь и было воздвигнуто сильное гонение на православных. Вследствие этого Фотин, отказавшись от занимаемой им важной государственной должности и посоветовавшись с своею супругою, роздал все имение и, отрекшись от мира, посвятил себя, вместе с Феоктистою, иноческой жизни, в которой они ревностно подвизались до самой кончины. Блаженный же Феодор, обучившись эллинской премудрости, сделался выдающимся оратором и превосходным философом и препирался с злочестивыми еретиками о православной вере. Он настолько был сведущ в Божественном Писании и догматах, что еретики никогда не могли противостоять ему.

По смерти злочестивого царя Константина Копронима на престол вступил сын его Лев[3], также иконоборец, но он царствовал не-

[1] *Фотин*, отец преподобного Феодора Студита, был сборщиком царских податей.

[2] *Константин V Копроним*, Византийский император-иконоборец, царствовал с 741 по 775 год.

[3] *Лев IV Хазар* царствовал с 775 по 780 год.

долго и вскоре умер. После него на престол вступила супруга его Ирина вместе с своим сыном Константином[1]. Нося имя, означающее «мир»[2], она и на самом деле водворила в Церкви мир и прекратила иконоборческую смуту. Она собрала множество преподобных отцов и вместе с святейшим патриархом Тарасием[3] созвала в Никее[4] VII Вселенский собор, на котором, отвергнув нечестивое учение еретиков, снова установила, как то было прежде, почитание божественных икон и поклонение им[5]. Собравшихся на собор отцов было более трехсот; в числе их присутствовал и преподобный Платон, который первоначально подвизался на горе Олимпе[6]. Он был блаженному Феодору дядею — по матери; в нем жил Дух Божий, и, как человек, начитанный в Божественных Писаниях и искусный вития, он был полезен для всех.

По окончании собора Платон захватил с собою блаженного Феодора и с ним двух его братьев, Иосифа и Евфимия, изъявивших же-

[1] *Святая Ирина*, супруга Льва Хазара, управляла по его смерти государством, за малолетством сына своего, *Константина Порфирородного*, с 780 по 797 год и потом после него самостоятельно по 802 год.

[2] Εἰρήνη — с греческого значит «мир».

[3] *Святой Тарасий* — патриарх Константинопольский с 784 по 806 год. Память его — 25 февраля.

[4] II Никейский.

[5] *Никея* (ныне *Исник*) — на северо-западном берегу Малой Азии, на берегу Асканиева озера, в древности богатѕй и цветущий город Вифинии, ныне весьма бедный и малонаселенный. VII Вселенский собор происходил под председательством самого Тарасия. Воспоминание VII Вселенского собора совершается 11 октября.

[6] *Олимп* — гора в Мизии на фригийско-вифинской границе в Малой Азии. Здесь находился славившийся подвижничеством своих насельников монастырь, именовавшийся «Символами», где и подвизался преподобный Платон исповедник. Память его совершается 5 апреля.

лание принять иночество[1]. Удалившись с ними, он пришел в одно уединенное место, называвшееся Сакудион[2]. Местность эта была весьма прекрасна и благоприятна для ищущих безмолвия. Находясь на горе, закругленная и ровная, она была окружена различными высокими деревьями, имела вкусную проточную воду и единственный доступ по небольшой тропинке. Платону и его спутникам место это весьма понравилось, и они поселились там и вскоре построили церковь во имя святого Иоанна Богослова. Когда число братии стало умножаться, Платон устроил монастырь[3]; блаженный же Феодор, будучи им же пострижен в чин инока, более других умерщвлял плоть свою подвигами и постом. Поучаясь смирению, он выбрал для себя самые тягчайшие и низкие труды и послушания. И многим казалось удивительным, что сын богатых и благородных родителей, воспитанный в неге и покое, подвергает себя столь суровым подвигам: рубит дрова, носит воду, копает землю в винограднике, перетаскивает камни и усердно исполняет и иные подобные послушания, например часто занимается переноской навоза в виноградник для удобрения земли. В то же время святой помогал в работах слабейшим братиям, больных телом, и был для всех слугою. Имел он еще попечение и о том, чтобы все свои помышления и поступки исповедовать своему отцу духовному — святому Платону. С любовию приходя к нему, Феодор исповедовался и усердно принимал от него наставление. Он постоянно отделял для себя от каждого дня часть времени для богомыслия, чтобы, предстоя Единому Богу, вдали от всего мирского и суетного совершать Ему некое таинственное служение. Но добродетель его не могла утаиться; ибо сами слезы, которые изобильно истекали из его глаз, бывали несомненным доказательством многих его добродетелей. Воздержание святого было дивно и разумно. Он не уклонялся от пищи и в то же время не отягощал своего желудка, но искусно сокрушал главу тщеславного змия: ибо не постился более установленного для всех братий времени; но когда все

---

[1] Как сам преподобный Феодор упоминает о том в одном из своих сочинений, он был прежде женат, но на двадцать втором году жизни посвятил себя иноческой жизни, равно как и супруга его Анна.

[2] *Сакудион* — впоследствии знаменитый монастырь, недалеко от вифинской горы Олимпа.

[3] Обитель монашеская была основана преподобным Платоном в 782 году.

находились на трапезе, тогда и он сидел и ел вместе с другими. Но, при этом, он вкушал весьма мало: сколько требовалось лишь для того, чтобы удовлетворить самой необходимой телесной потребности, и в то же время старался скрыть от других свое воздержание, чтобы не узнали, что он почти совсем не принимает пищи, и не показывался людям постящимся. Этому его обычаю многие соревновали и, насколько возможно, старались подражать. Из числа таких были следующие: Иосиф, брат его по плоти, который впоследствии за свою добродетельную жизнь был поставлен пастырем Солунской церкви[1], Евфимий, другой его брат, затем Афанасий, Навкратий, Тимофей и многие другие из постников, которые, последуя образу мыслей и поведению Феодора, преуспевали в добродетелях. Преуспевая в непрестанных подвигах молитвы и богомыслия, блаженный Феодор имел великое усердие к чтению душеспасительных книг; прилежно прочитывал он Ветхий и Новый Заветы и творения святых отцов. В особенности он любил читать творения святого Василия Великого[2], которые были как бы пищею для души его и от которых он получал великое духовное наслаждение. Законоположенные святым Василием Правила и Уставы иноческой жизни[3] он тщательно хранил, не преступал и одной черты в них; тех же, которые не соблюдали этих Правил включительно до малейшего постановления, он считал не иноками, но мирянами.

Видя блаженного Феодора сияющим столь добродетельною жизнию, преподобный Платон чрезвычайно радовался за него. Решив

---

[1] Впоследствии причислен к лику святых; память его совершается 26 января.

[2] *Святой Василий Великий*, епископ Кесарии Каппадокийской, величайший отец Церкви, оставивший многочисленные и замечательнейшие творения как витияпроповедник, как истолкователь Писания и догматов христианских и апологет православного учения против еретиков, как учитель нравственности и благочестия и, наконен, как устроитель церковного богослужения и благочиния. † 379 год. Память его — 1 января и — совместно со святыми Григорием Богословом и Иоанном Златоустым — 30 января.

[3] Святой Василий Великий был сам строгим подвижником и ревнителем иноческого аскетизма. Он поучался богоугодной жизни христианских подвижников в Египте и других странах, процветавших иночеством, и потом сам основал в пустыне Понтийской обитель, ставшую образцом для других обителей. Впоследствии он составил устав иноческий, так называемые «Большие и малые монашеские правила», в руководство иноческой жизни, принятые и распространившиеся на Востоке в качестве законоположений для иноческих обителей.

почтить святого Феодора священным саном, он отправился с ним в Византию к святейшему патриарху Тарасию, который и рукоположил Феодора в сан пресвитера, не столько по его доброй воле, сколько по понуждению; ибо блаженный, считая себя недостойным, не желал принимать на себя такого сана и говорил, что он выше сил его. Но, будучи не в силах противоречить воле своего отца духовного Платона и патриаршей, а более всего Божественному изволению, он повиновался и принял священство. Вернувшись затем в монастырь, преподобный устремился к еще большим подвигам и трудам, которых невозможно и описать.

По прошествии нескольких лет преподобный Платон, став немощным, вследствие многолетней и утружденной старости, решился сложить с себя начальствование над монастырем и пожелал, чтобы после него власть принял блаженный Феодор. Он часто говаривал об этом последнему, умоляя и наставляя его, чтобы он облегчил бремя отца своего и согласился быть начальником в монастыре. Феодор всячески отказывался от власти, лучше соглашаясь сам жить под начальством других, нежели начальствовать над другими, полагая, что легче и для спасения полезнее получать наставления от других, нежели самому наставлять кого-либо. Преподобный Платон, видя, что Феодор не оказывает повиновения в этом его желании, придумал следующую хитрость: он слег в постель, как бы больной, — да он и в действительности был слаб, — и, созвав всю братию, сообщил о себе, что он чувствует приближение своей кончины, а затем спросил: кого они желают после него иметь своим настоятелем, кого они считают наиболее способным для этого? Преподобный знал, что они не иного кого пожелают иметь своим настоятелем, как только Феодора, ибо все любили его и почитали за великие его добродетели. Так и случилось: все единодушно отвечали:

— Отче! После тебя над нами игуменом да будет Феодор!

Платон немедленно передал всю власть Феодору, и блаженный Феодор не мог противиться желанию всей братии и, вопреки своей воле, принял власть[1]. Вместе с тем он подъял на себя и еще бóльшие подвиги, являясь образцом для всех, уча словом и делом и исправляя нарушения иноками уставов; ибо некоторые тогда не стали соблюдать иноческих правил, особенно обетов нестяжательности и ни-

[1] Это было в 794 году.

щеты. Сожалея о таковых, блаженный Феодор поспешил поскорее исправить их к лучшему и оказал пользу и остальным окрестным инокам. Если же некоторые и роптали на него, то он не обращал на то внимания, ибо не на то он взирал, что о нем говорят ропщущие, но заботился о том, чтобы деятельность его сделалась угодной Богу. Впоследствии и ропотники, приходя в страх Божий, исполняли волю преподобного и открывали ему свои помыслы. Внимательно рассматривая их, он подавал каждому соответствующее врачевство: ленивейших — возбуждая к подвигу, усерднейшим же несколько ослабляя их подвиг, чтобы они не изнемогли под бременем подъятых трудов. Но благовременно теперь описать и страдания святого, которые он перенес по ревности о Боге и Законе Божием, чтобы нам узреть мужественное терпение Феодора в скорбях.

В то время царь Константин, сын благочестивой царицы Ирины, став совершеннолетним, устранил от царского престола свою мать и сам стал управлять царством[1]. Будучи молод и развращен, он предался излишеству в страстях и любодейству. Вследствие этого он задумал прогнать свою супругу Марию и силою заставил ее постричься в иночество; вместо нее, он взял себе другую жену, по имени Феодотию, которая приходилась родственницей его отцу[2]. Святейший же патриарх Тарасий не одобрял этого прелюбодеяния царя и не хотел благословить их брак. Но один пресвитер, по имени Иосиф, который был экономом великой церкви[3], нарушив Божественные Законы и ослушавшись патриарха, согласился совершить над ними таинство брака. За эту преступную дерзость — как о том покажет последующая речь — он вскоре после того восприял достодолжное возмездие. Патриарх всячески старался расторгнуть этот прелюбодейный царский брак, но не мог, потому что царь грозился вновь

[1] В октябре 790 года, когда Константину было двадцать лет.

[2] Первой супругой Константина была Мария, внучка православного Филарета Милостивого, княжна из города Амнии (на северо-востоке Малой Азии), Армянского племени; Константин вступил с ней в супружество по воле своей матери. Второй брак императора с Феодотией, бывшей до того времени придворной дамой, был заключен в 795 году.

[3] Должность «Эконома великой, то есть Константинопольской, церкви» была одной из самых значительных должностей при Константинопольском патриархе; «эконом великой церкви» заведовал всей патриаршей казной и имел большое влияние на церковные дела.

воздвигнуть иконоборческую ересь, если ему запретят этот брак. Поэтому патриарх предоставил царю оставаться в его брачном союзе, чтобы не постигло Христову Церковь сильнейшее зло. Это беззаконие, начавшееся с царского чертога, распространилось повсюду — не только в ближайших городах, но и в далеких пределах. Так же стали поступать князья и вельможи, живущие при Босфоре и среди готов[1], и правители прочих областей, прогоняя от себя своих жен и по принуждению постригая их в иночество, а вместо них избирая себе других и прелюбодействуя с ними. Услышав об этом, блаженный Феодор скорбел душою и тяжко воздыхал о таковых, явно соделываемых грехах, опасаясь, чтобы это прелюбодейство не стало обычаем, беззаконие не стало бы впоследствии на место закона и закон Божий не был бы разрушен. Воспламенившись ревностью о законе Божественном, Феодор отправил ко всем инокам послание, сообщая о царском беззаконии и увещевая считать царя отлученным от Церкви Христовой, как разорителя закона Божия и соблазнителя многих. Слух о этой ревности и смелости Феодора распространился повсюду, так что о том узнал и сам царь и разгневался на преподобного. Но, считая Феодора за мужа праведного, у всех стяжавшего большую славу и почет, он открыто не обнаруживал своего гнева и первоначально хотел склонить его на свою сторону ласкою. И вот он приказал своей прелюбодейной супруге, чтобы она отправила от себя к святому множество золота, испрашивая молитв за себя и за свой род. Но святой не принял золота и прогнал посланных, как потворствующих беззаконию царя. Тогда царь изобрел другое средство: он предпринял, как бы по некоторой необходимости, а в действительности же для того, чтобы побеседовать с Феодором и склонить его на свою сторону, путешествие в ту местность, где жил преподобный; царь предполагал, что Феодор с братиею встретит его и воздаст подобающую честь ему. Когда царь проходил мимо монастыря того, ни преподобный, ни один из братии его монастыря не вышел к нему навстречу, но, запершись, они пребывали в молчании; когда же царские слуги стали стучаться в ворота, никто не дал ответа. Тогда царь еще более разгневался и, вернувшись в свои палаты, послал немедленно в монастырь преподобного некоего сановника с воинами,

[1] *Босфор* — Константинопольский пролив, между Черным и Мраморным морями. Готы обитали в то время по Нижнему Дунаю.

приказывая подвергнуть святого и прочих единомышленных с ним иноков различным мучениям, с побоями выгнать из монастыря и отослать в заточение. Посланный, отправившись, внезапно напал на монастырь и, схватив всех там находившихся, начиная с преподобного Феодора, немилосердно мучил, так что от ран их отделялись куски тела и обагрялась кровью земля. После этих мучений он отослал преподобного в Солунь[1] на заточение и с ним одиннадцать начальствующих в монастыре отцов, которые, сострадая преподобному, доблестно претерпевали с ним узы и скорби, радуясь тому, что они подвергнуты мучениям и изгнаны правды ради.

Херсонесские[2] и Босфорские пресвитеры и иноки, услышав о твердости Феодора и находящихся с ним иноков и об их страданиях, весьма об этом сожалели и, подражая им, стали также говорить о беззаконии царя и противлении его Церкви, почему многие из них потерпели изгнание.

Находясь сам в заточении, блаженный Феодор писал к другим изгнанным, за то же и находящимся в заточении, укрепляя их и увещевая не ослабевать в подвигах, не изнемогать в скорбях, но еще более мужаться и страдать за истину. Он писал также и к папе Римскому[3], уведомляя его о том, сколько и из-за чего перенес он страданий от беззаконствующего царя. Папа, с своей стороны, отвечал ему, восхваляя терпение его и ублажая его ревность о Боге и непоколебимое мужество. Бог же не умедлил отомстить царю за невинное оскорбление Своих рабов: Он лишил его и жизни, и царства, и злой царь погиб злою смертью. Мать и бояре, восстав на него, выкололи ему глаза[4], и он вскоре от болезни умер. После его смерти, когда Ирина вновь вступила на Византийский престол, всех возвратили из заточения, и блаженный Феодор был призван в Царьград из Солуни и, как Христов исповедник, был весьма почтен патриархом и царицей. Тогда

[1] Это было в 796 году. — *Солунь*, или *Фессалоники*, — весьма значительный древний город Македонии — лежал в глубине большого Солунского, или Фермейского, залива при Эгейском море (Архипелаге). В настоящее время город этот, под именем Салоники, с весьма многочисленным населением.

[2] То есть обитавшие на Крымском, или Таврическом, полуострове (в западной и восточной его частях), где в то время было много греческих колоний, основанных в глубокой древности.

[3] Папой Римским был в то время святой Лев III (795–816 гг.).

[4] Это было 19 августа 797 года.

вышеупомянутый пресвитер Иосиф, дерзнувший благословить беззаконный брак царя, был осужден, согласно правилам святых отцов, лишен пресвитерского сана и отлучен от Церкви. Святой же Феодор возвратился в свой монастырь, и все радовались его возвращению и спешили взглянуть на него, утешаясь, что такой ревнитель закона Божия, претерпевший за правду мучение и изгнание, снова возвращен к своей пастве. Преподобный, собрав всех своих расточенных духовных овец, по-прежнему пас их, проводя Богоугодную жизнь и светя всем, как свеча на подсвечнике, своими великими добродетелями.

По прошествии нескольких лет случилось нашествие на греков агарян, которые стали опустошать и захватывать в свои руки области Греции[1]. Страшась их, многие тогда бежали в укрепленные города. В это время и преподобный Феодор, не предавая себя и своих иноков на добровольные страдания, но последуя сказанному: ***Пойди, народ мой, войди в покои твои и запри за собой двери твои, укройся на мгновение, доколе не пройдет гнев*** (Ис. 26, 20), покинул Сакудион и пришел с братиею в Константинополь. Его приход приятен был для царицы и патриарха: они обрадовались ему и упрашивали его принять управление Студийским монастырем и устроить в нем наилучший порядок жизни.

Здесь уместно вспомнить и о происхождении этого монастыря. Некогда из Рима пришел в Константинополь один благородный и влиятельный человек, который был почтен саном патриция и проконсула[2]. Он создал большую и прекрасную церковь, во имя святого Иоанна Предтечи, и устроил при ней монастырь. Призвав из обители «Неусыпающих»[3] иноков, он упросил их жить в его монастыре

---

[1] *Агаряне*, то есть мусульмане-арабы, которые назывались так по имени Агари, матери Измаила, от которого и произошло племя арабов. Арабы в то время, пользуясь частыми смутами при Византийском дворе, делали опустошительные набеги на пределы Византийской империи.

[2] *Патрициями* назывались в Римской и Восточной, Византийской, империи лица высшего сословия, соответствующего нашему родовитому дворянству. — *Проконсулами* назывались наместники императора в провинциях и областях.

[3] *Монастырь «Неусыпающих»* был основан в V веке в Константинополе преподобным Александром († 430 год), по смерти которого иноки этой обители переселились в Вифинию, северо-западную область Малой Азии, где основали свой монастырь и откуда впоследствии возвратились опять в Константинополь. «Неусыпающими» иноки этих монастырей назывались потому, что в них богослужение совершалось непрерывно, в течение целых суток.

и соблюдать весь свой устав. Имя тому человеку было Студий; от его имени и монастырь получил свое наименование и стал называться Студийским. В нем иноки жили до царствования императора Копронима, соблюдая устав «Неусыпающих». Но злочестивый Копроним, возмутив иконоборством Церковь Божию, изгнал из Византии всех иноков, и Студийский монастырь опустел. После погибели этого злочестивого царя и по прекращении гонения иноки снова стали жить при Студийской церкви, но — в небольшом количестве. В то время, когда преподобный пришел в Царьград со своею братиею, в монастыре оставалось только двенадцать иноков. По просьбе царицы Ирины и святейшего патриарха Тарасия преподобный Феодор принял в свое управление Студийский монастырь и стал в нем жить[1]. Убедившись, что это место удобно для пребывания иноков, он возобновил и расширил монастырь и собрал множество братий. К нему приходили иноки и других монастырей, желая жить у него и иметь его для себя наставником и учителем. Преподобный всех принимал по-отечески и нелицемерно всех любил. У него все были равны, всех он любил одинаково и одинаковое имел обо всех попечение. Он знал, что образ иноческой жизни один и тот же, где бы кто в него ни облекся, как одна и та же благодать крещения, где бы кто ее ни сподобился. Но сообразно с добродетелями иноков им бывают и различные воздаяния. Ученики же этого преподобного отца весьма преуспевали в добродетелях; и так как слава о святой их жизни распространялась повсюду, — то многие приходили к ним в монастырь, желая соревновать их подвигам, и число иноков быстро умножалось, так что достигло до тысячи человек братий. Ввиду такого множества своих учеников и невозможности одному досмотреть за всеми и распознать поступки, слова и помышления каждого, преподобный, как второй Моисей[2], назначил начальников из тех иноков, которых он считал за разумнейших, опытнейших и наиболее подвизающихся в

[1] Преподобный Феодор Студит был поставлен игуменом Студийского монастыря в 798 году; по имени монастыря этого он и остался известным под именем «Студита».

[2] Святой пророк Моисей Боговидец, для лучшего руководства и наблюдения за народом Израильским, избрал себе способных помощников, которые судили народ во всякое время, донося о всяком важном деле ему, а малые дела решая сами (см.: Исх. 18, 19–27). Подобно этому поступил и преподобный Феодор Студит для лучшего наблюдения за иноками.

добродетелях; каждому из них он дал соответствующее наименование: одному — эконома, другому — экклесиарха[1], третьему — надзирателя за благочинием церковным и так далее. Святой составил также и правила касательно того, как каждый из них должен исполнять порученное ему послушание, начиная с первых и кончая последними. За проступки же он установил епитимии: для одних известное число поклонов, для других — усиленный пост и за каждый проступок — соответствующее наказание. Если бы кто не достоял Божественный службы, или разбил бы посудину, или по небрежности бросил что-либо, или нерадиво что сделал, или чем-либо оскорбил брата, или, по необузданности языка, сказал какие-либо лишние слова, или громко засмеялся, или не кротко и не смиренно ходил, или разговаривал за трапезой, не слушая душеполезного чтения, или возроптал по поводу пищи, или бесстыдно и дерзко бросал туда и сюда взоры, или иное что подобное сделал, — для всех таковых братий преподобный Феодор и назначал епитимии, соответственно их проступкам. При этом преподобный установил в своей обители общежитие, чтобы никто не называл ничего своим, но все было общим: общая пища, общая одежда и каждая вещь общая. Преподобный заботился также и о том, чтобы иноки его не часто выходили из монастыря в город для монастырских потребностей, ибо он знал, какие опасности угрожают иноку в городе вследствие общения с мирянами и мирских бесед. По этой причине он пожелал устроить внутри монастыря занятие всякими ремеслами. Братия Студийского монастыря стала обучаться различным ремеслам: одни — плотничному ремеслу и строительству, другие — кузнечеству, третьи — портняжеству, четвертые — каменотесному ремеслу — словом, всякой потребной для монастыря работе. Но, простирая руки на дело, они всегда в устах имели молитву Иисусову и псалмы Давида. Слава о таком порядке Студийского монастыря, законоположениях и уставах его распространилась повсюду, и многие другие монастыри, не только по окрестным городам, но и по далеким странам, приняли Студийский устав[2] и соблюдали его, а

[1] *Экклесиарх* — с греческого: начальник храма — обязан был наблюдать за церковным зданием и чистотой в нем, а также порядком богослужения в монастыре, по указаниям церковного устава.

[2] В настоящее время по спискам известны следующие сочинения преподобного Феодора, касающиеся устава и чина церковного: «Изображение постановления оби-

иные соблюдают и доныне. Преподобный написал также немало весьма душеполезных книг и составил похвальные слова на Господские и Богородичные праздники, почтил прекраснейшими песнопениями святого Иоанна Крестителя, составил многие каноны и трипеснцы, как бы наполненная водами премудрости река, напоил и усладил Церковь Божию струями своих учений и песнопений[1].

Между тем Византийский престол незаконно занял Никифор мучитель, насильственно низвергнув с престола благочестивую царицу Ирину[2]. В то же время скончался святейший патриарх Тарасий;

тели Студиевой», эпитимии для всей братии и определение о сыропустной седмице. Студийский устав отличается от других уставов монастырских, и в том числе Иерусалимского, — более правилами монашеской жизни, чем богослужебными. Но при этом церковный устав обязан преподобному Феодору и значительным дополнением, касающимся состава и округленности церковных служб. Служба по Студийскому уставу была несколько короче и не так торжественна, как по Иерусалимскому. Позднее, в конце XI века, он был введен в руководство Русской Церковью и держался в ней до половины XIV века, когда начинает уступать Иерусалимскому, но по местам оставался в силе гораздо дольше, а в некоторых монастырях русских он действовал даже до последнего времени.

[1] Кроме устава, преподобным Феодором Студитом написано много других сочинений, главное направление которых — назидание души во спасение. Преподобный Феостерикт, один из близких к Феодору по времени учителей Церкви, наименовал его «пламенным учителем Церкви». Преподобный писал слова, оглашения, письма к разным лицам, эпиграммы, жизнеописания. К числу догматических его сочинений относятся: догматическая книга об иконах против иконоборцев, семь глав против них же и многие из писем, изображающие историю иконоборства. Затем сочинения преподобного заключают в себе увещание вести жизнь христианскую, из каковых сочинений известны два катихизиса: большой — из двухсот пятидесяти четырех наставлений и малый — из ста тридцати четырех. Эти наставления и увещания преподобный произносил сам братиям, каждое приспособляя ко дню. Кроме того, от преподобного Феодора остались: книга с похвальными словами на Господские праздники, на празднование Богоматери, Иоанна Предтечи и апостолов, о жизни подвижнической несколько глав, эпиграммы и ямбические стихи, которыми написаны: книга о сотворении и падении Адама, братоубийстве Каина, о Енохе, Ное и его детях, и гимн святому Иоанну Предтече. Далее следуют каноны и трипеснцы со стихирами, включенные в состав Постной Триоди (на субботу мясопустную о страшном суде Христовом, на субботу Сырной недели — всем отцам, на третью неделю Великого поста — святому Кресту, трипеснцы со стихирами на все дни, за исключением Страстной седмицы, четверопеснцы на 2, 3, 4 и 5 седмицы Великого поста и др.), умилительный канон Господу Иисусу «для пения в нощи».

[2] *Никифор I* царствовал с 802 по 811 год. В царствование Ирины он был хранителем государственной казны.

после него на престол патриарший и был возведен человек добродетельный, достойный такового сана, которой был одноименен новому царю[1]. Тогда снова начался раздор в Церкви, ибо царь своею властию приобщил Церкви вышеупомянутого отлученного Иосифа и повелел, чтобы ему было возвращено право священнодействования. Насколько то было возможно, патриарх сопротивлялся царю; но когда увидал его жестоко разгневавшимся, убоялся, чтобы вся Церковь не претерпела от него жестокого гонения, подобно тому, как претерпела она много зол от прежних царей, и принял Иосифа в общение, хотя и против своего желания. Царь же сделал это назло преподобному Феодору, раздражая его; ибо он знал, что преподобный не будет переносить этого, что и случилось. Феодор обличил царя, как причинившего насилие Церкви, своею мирскою властию вводящего в Церковь того, кого святейший патриарх Тарасий со всем своим причтом отлучил. Царь весьма разгневался на преподобного Феодора и отправил его в заточение на один из находящихся перед городом островов[2]. Так же поступил он и с братом его Иосифом, достоблаженным старцем Платоном и многими иными Студийскими иноками.

Между тем до царя дошла весть о том, что на Фракию[3] напали варвары и опустошают ее[4]. Царь немедленно приготовился к войне. Но он желал одолеть не столько врагов, сколько преподобного Феодора, и, идя с войском против скифов, отправил к Феодору посланцев, стараясь посредством то ласкательств, то угроз привести его к единомыслию с собою. Феодор отвечал на это:

— Царь! Тебе нужно каяться в содеянном прегрешении и исправлять то, что ты разорил, и затем уже идти на войну. Но так как ты этого не сделал, то Всевидящее Око ныне чрез меня, недостойного, так тебе предвещает: знай, что ты не вернешься с пути, в который ты направляешься.

---

[1] Преемник святого Тарасия, святой Никифор I (Исповедник), управлял патриаршей кафедрой с 806 по 815 год. Умер в 826 году. Память его — 2 июня и 13 марта (обретение мощей).

[2] Это было в 809 году.

[3] *Фракия* — область Византийской империи, в северо-восточной части Балканского полуострова.

[4] Под *варварами*, которые далее называются *скифами*, здесь разумеются болгары, в 809 году сделавшие, под начальством Крума, нападение на северные пределы империи.

Царь не придал никакого значения словам святого; но еще более прогневался на него и грозился, что, по возвращении с похода, причинит святому еще много зла. Но Никифору не пришлось возвратиться, ибо, согласно предсказанию святого, он был убит варварами. После него вступил на царство сын его Ставрикий, но и тот вскоре умер от раны, полученной на войне, в которой участвовал вместе с своим отцом. По смерти его был избран на царство Михаил, которой тогда был в чине киропалата[1], человек, поистине достойный царской власти, — добрый и православный. Приняв власть, он снова возвратил из заточения преподобного Феодора и бывших с ним его единомышленников, почтил их подобающею честью и прекратил церковный раздор. Иосиф же снова, как негодный член, был отсечен от Церкви.

Вскоре после этого святой и достохвальный Платон отошел ко Господу[2]. Патриарх, услышав о его преставлении, со всем клиром своим пришел в Студийский монастырь и, облобызав святые его мощи, предал их честному погребению. Преподобный же Феодор после преставления своего духовного отца Платона только два года прожил со своею братиею в покое. По истечении этого времени снова на него и на всю Христову Церковь обрушилась лютая буря от нечестивого Льва Армянина, который первоначально служил воеводою у благочестивого царя Михаила. Будучи послан на Восток против варваров, он собрал там большое войско и, возгордев, восстал на своего благодетеля — царя Михаила. Лев Армянин привлек на свою сторону всех находившихся в подчинении у него сановников и воинов и одних — обещаниям, других — подарками, третьих — иными ласкательствами привлек на свою сторону и провозгласил, с их помощью, себя царем. Узнав об этом, благоверный царь Михаил немедленно переменил царскую багряницу на иноческую власяницу, избегая междоусобной войны, и, уступив царство своему врагу, сам восприняял иноческое житие.

Приняв царскую власть, Лев Армянин сначала казался благоверным и скромным, пока не укрепился на царском престоле и не собрал около себя сообщников своего нечестия. Вслед за этим он начал произносить хулы над святыми иконами и укорять почитающих

---

[1] *Михаил I Рангав*, свояк Ставрикия, царствовал с 811 по 813 год. — *Киропалатами* назывались при Византийском дворе начальники дворцовой стражи.

[2] Преподобный Платон (умер в 814 году.)

их, называя их неразумными. Его нечестие обличал патриарх и вел с ним, на основании Священного Писания, спор о святых иконах; но он не имел никакого успеха, а только возбудил безумного царя к еще большей ярости. Лев Армянин, призвав всех известных священников, иноков, патриарха, а вместе с ними и блаженного Феодора, явно обнаружил пред ними свою злобу, хуля и укоряя почитающих честные иконы, а иконоборцев восхваляя.

«Не древний ли закон, написанный перстом Божиим, — говорил он, — заповедал не служить делу рук человеческих: не сотвори, сказано, кумира и никакого изображения? Итак, не подобает поклоняться иконам, которые делает рука человеческая. Как можно на иконе написать Неописанного, на небольших досках помещать Невместимого и называть именем Божиим изображенного красками?»

Святые отцы всячески оспаривали пустые речи императора-иконоборца, отвергая его хульные слова и говоря:

— Если Закон, данный чрез Моисея, мы всецело станем удерживать, то напрасна будет христианская вера наша, напрасна и проповедь, напрасными останутся и все Божественные предания святых отцов и будет отвергнуто (что и вымолвить страшно) самое воплощение Владыки, чрез которое мы познали Его человеческий образ и приняли иконопочитание, в иконах почитая Того, Чье на них изображение.

Когда святые так говорили, преподобный Феодор, прекрасно знавший все Писание Ветхого и Нового Завета, дерзновенно спросил царя:

— Откуда, о царь, пришел тебе такой помысл — обесчестить образ Христов, вносить в святую Церковь такое еретическое мудрование и раздирать ее одежду, сотканную из высшей благодати и апостольского и отеческого учения? Ты мудрствуешь на основании Ветхого Завета, — но ему ведь положила конец новая благодать, пришедшая чрез Иисуса Христа. Если нужно хранить Ветхий Завет, которого ты держишься, то нужно и обрезываться, и исполнять субботы и все прочее, написанное в нем. Разве ты, царь, не мог этого уразуметь, что закон дан был на время и для одного только народа, вышедшего из Египта? Но, с появлением благодати, тень прекратилась. Да и самый тот закон не везде соблюдает то, что повелевает. Так, он повелел не творить подобия и не служить делу рук человеческих, а изображе-

ния Херувимов над кивотом поставил. Разве те Херувимы не были делом рук человеческих? Но, тем не менее, они всеми почитались. Но когда явилась новая благодать, Сам Господь, изобразив на убрусе лицо Свое, передал его Авгарю, который, прикоснувшись к нему, получил исцеление от долговременной своей болезни[1]. После этого святой Лука, апостол Господень и евангелист, своими руками изобразил лик Матери Божией и оставил это изображение для последующих поколений. Потом много дивных чудес сотворилось от появившегося в Финикии нерукотворного образа Спасителя. И являемые иными святыми иконами чудотворения не светлее ли солнца показывают, что им приличествует воздавать должное почитание?

Но царь, не внимая речам преподобного, сказал:

— Я не желаю изображать красками невидимое и непостижимое Божество.

Феодор отвечал:

— Царь, ведь и мы не описываем Божество, но исповедуем и веруем, что оно неописуемо. Иконописанием же мы изображаем восприятую от нас плоть Сына Божия; ей мы и поклоняемся и почитаем.

Когда преподобный отец говорил это и многое другое на основании Божественного Писания и отеческих преданий и изобличал царское заблуждение, царь, исполнившись ярости, с гневом сказал преподобному:

— Я знаю, что ты всегда говоришь необдуманно, и что ты — человек сварливый, гордец и сопротивник для всех. Вот и теперь ты пришел злословить и хулить меня, беседуя со мною не как с царем, но как с одним из простолюдинов; за это ты заслуживаешь многих мучений. Но до времени я буду щадить тебя, пока не обнаружится очевиднее, что наше мудрование справедливо. И если ты не покоришься после того, то получишь за свое безумие и сопротивление достойное наказание.

---

[1] *Авгарь* — князь Едессы — города, лежащего на одном из левых притоков верхнего Евфрата, по преданию, еще при жизни Спасителя, услышав о Его чудесах, отправил к Нему послание с просьбой прийти и исцелить от болезни. Спаситель послал к Нему убрус (полотенце) с изображением Своего Лика; прикоснувшись к убрусу, Авгарь получил исцеление. Так явился Нерукотворенный образ Спасителя, впоследствии — 16 августа 944 года — перенесенный из Едессы в Константинополь.

С этого времени преподобные отцы ничего не пожелали говорить царю, рассуждая сами с собою:

— Что мы будем говорить столь развращенной и не желающей исцелиться душе?

Блаженный Феодор, восприняв меч духовный, так отвечал царю:

— Царь, пойми и уразумей, что не твое дело — рассматривать и исследовать церковные постановления: твоей власти подобает обсуждать мирские дела и ими управлять, а дела церковные подведомственны святителям и учителям церковным; тебе же повелено только следовать им и повиноваться. Так и апостол сказал: *Бог поставил в Церкви, во-первых, апостолов, во-вторых, пророков, в-третьих, учителей* (1 Кор. 12, 28), а не царей. И в других местах Священное Писание повелевает церковными делами управлять церковным учителям, а не царям.

Царь спросил преподобного:

— Итак, не изгоняешь ли ты меня из Церкви?

Преподобный отвечал:

— Не я, но предания божественных апостолов и святых отцов изгоняют. *Если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам*, что святой вере противно, *да будет анафема* (Гал. 1, 8). Если ты желаешь вместе с нами, поклоняющимися иконе Христовой, оставаться внутри Христовой Церкви, то следуй патриарху и сущему с ним честному собору!

При этих словах царь пришел в еще большую ярость и с бесчестием прогнал всех от себя. Выйдя от царя, изгнанные преподобные отцы вместе с патриархом обступили блаженного Феодора, восхваляя его устами и вместе душами за то, что он с большим благоразумием и мужеством сопротивлялся мучителю и сильно посрамил его, смело изобличив его нечестие.

Когда они расходились по домам, от градоначальника вышло приказание, чтобы никто ни беседовал, ни совопросничал о вере, но чтобы все исполняли то, что повелел царь. Посланные с этим распоряжением дошли и до блаженного Феодора. Он же, услышав этот указ, отвечал им:

— Сами рассудите: справедливо ли слушать вас больше Бога? Лучше пусть отрезан будет язык мой, чем я буду молчать и не защищать истинную веру.

И преподобный поучал всех непоколебимо содержать святую веру, одних призывая к себе, к другим — сам приходя, к третьим — посылая письма, и так подкреплял изнемогающих духом. Часто он приходил к патриарху, являясь для него добрым советником, и утешал его, так как видел его скорбящим и болезнующим душой.

— Отче, не скорби! — говорил он ему. — Веруй, что Господь не оставит нас; Он не попустит испытания выше нашей силы и не даст злу возобладать нами. Если враг и воздвиг гонение на Церковь, то в непродолжительном времени скорбь обратится на его же голову. Ты знаешь слово Господне: *Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит* (Мф. 18, 7). Сколько ересей со времен святых апостолов и до настоящих дней воздвигали развращенные умом люди на Церковь, сколь много страданий потерпели от них бывшие раньше нас святые отцы! Но Церковь оставалась непреоборимою; пострадавшие светло прославлены и увенчаны, а еретики восприяли по делам своим.

Слушая это, патриарх и все отцы собора ободрились и готовы были претерпеть все скорби за православие и не повиноваться нечестию.

По прошествии немногого времени святейший патриарх Никифор был низвержен злочестивым царем с патриаршего престола и изгнан из Константинополя[1]; осуждены были также на заточение и все православные архиереи. Тогда представилось страшное зрелище ужасного кощунства, которое учиняли нечестивые иконоборцы. Одни святые иконы они выбрасывали на землю, другие — сжигали, третьи — намазывали грязью и учиняли многие другие бесчинства. Видя таковое злодеяние, преподобный Феодор глубоко скорбел и, удивляясь Божию долготерпению, говорил со слезами:

— Как земля носит такое беззаконие?!

Но, не желая оставаться богопочитателем втайне и в молчании оплакивать таковую напасть, он приказал (при наступлении Вербного воскресенья) своей братии взять в руки святые иконы и ходить кругом монастыря, высоко неся иконы над собою и велегласно вос-

---

[1] Святой патриарх Никифор Исповедник был сослан 1 марта на остров Проконнис (нынешняя Мармара на Мраморном море); на его место на патриарший престол был возведен один из придворных чиновников, Феодот, иконоборец.

певая: *Пречистому Твоему образу поклоняемся, Благий*[1], и другие победные песни в честь Христа. Узнав об этом, царь снова послал к святому, запрещая ему такие действия и угрожая, что в противном случае ему предлежат заточения, раны и смерть. Святой же не только не переставал утверждать верующих в иконопочитании, но еще более укреплялся в своем мужестве, открыто наставляя всех держаться православной веры и воздавать должную честь святым иконам. Тогда царь, убедившись, что невозможно ни ласкательством, ни угрозами остановить мужества и ревности преподобного Феодора, осудил его на заточение. Преподобный же, позвав к себе всех своих учеников и преподав им душеполезные поучения, сказал:

— Братие! Пусть каждый из вас ныне спасает свою душу по своему усмотрению, так как ныне — время лютое.

Затем, скорбя и плача, он покинул рыдающую по нем братию и, сев на корабль, был увезен в Аполлонию и заключен в темнице, в крепости, называемой Метопа[2]. Но и там он поучал всех благоверию: с одними — устно беседуя, к другим — посылая письма. Письма его дошли до самого царя. Последний снова послал некоего Никиту, сына Алексеева, с приказанием отвести святого в более отдаленное место, именуемое Вонита[3], и, заключив его там в темнице, зорко наблюдать, чтобы он там никогда ни с кем не разговаривал и ничего не писал относительно иконопочитания. Никита, придя к преподобному, сообщил ему о царской воле. Преподобный отвечал:

— Я с радостью принимаю этот переход с места на место, так как у меня нет настоящего места жительства в этой жизни, но куда я буду приведен, там и есть мое место, ибо повсюду — земля Божия. А молчать и не учить о православной вере я не могу, и вас в том не послушаю и угроз ваших не устрашусь.

И так святой, будучи приведен на упомянутое место и заключен в темнице, и здесь ревностно исповедовал Православие. Царь, узнав, что Феодор ни в чем не покоряется его воле, распалился сильным

---

[1] Тропарь Нерукотворенному образу Спасителя.

[2] *Аполлония* — часто встречающееся название древних городов. Здесь разумеется древний город в Иллирии, известный, как один из видных центров римской образованности. *Метопа* — крепость Аполлонии.

[3] *Вонита*, или *Бонит*, — в Анатолии, иначе Малой Азии.

гневом и отправил того же самого Никиту с повелением подвергнуть преподобного жестоким мучениям. Никита, придя, возвестил преподобному о царском повелении; преподобный же, вслед за сообщением последнего, стал совлекать с себя одежды со словами: «Я издавна желаю пострадать за святые иконы», и предал свою плоть на мучение. Никита, будучи человеком сострадательным, увидав обнаженную плоть его, истощенную постом и непрерывными подвигами, умилился душою и не осмелился коснуться до него, ибо боялся Бога, и ушел, не причинив никакого зла святому. Последний же продолжал повсюду распространять свое православное учение, ибо и стражи благоговели пред ним и не могли воспрепятствовать ему в том, что им с угрозою было приказано возбранять Феодору поучать кого бы то ни было в Православии. — Он писал также и к своим ученикам, рассеянным по различным странам; о них он особенно заботился, наставляя их, чтобы они безбоязненно соблюдали истинное исповедание веры, если и бесчисленное множество раз жестоко пострадают. Он напоминал им, что нынешние временные страдания ничего не значат в сравнении с той славой, которая откроется в нас в будущей жизни, которую получат все истинные мученики Христовы. Он писал также и к святейшим патриархам: к патриарху древнего Рима[1], к Иерусалимскому[2] и Александрийскому[3], уведомляя их подробно о том, как были поруганы в Византии святые иконы и как православные содержатся в заточении и темницах, и истина принесена в жертву лжи. И он просил у них помощи для православной веры. Многие приходили к находящемуся в темнице преподобному послушать сладостного его учения и возвращались со многой для себя пользой.

Однажды случилось, что святого посетил некий клирик Асийской церкви[4], проходивший мимо. Этот последний, услышав его учение о православной вере, немедленно отвергнул иконоборческую ересь и поклонился святым иконам. Вернувшись домой, он не пожелал иметь общения с своим епископом — еретиком. Он увещевал и другого клирика, своего друга, обратил его к Православию и отвратил от общения с еретиками. Епископ, узнав, что Феодор явля-

---

[1] Святую Пасхалию, бывшему Римским папой с 817 по 824 год.

[2] Иерусалимскому патриарху Фоме I (умер после 820 года).

[3] Александрийскому патриарху Христофору (805–836).

[4] Под *Асией* разумеется Малая Азия, или точнее — западная часть ее.

ется виновником означенной перемены его клириков, сообщил об этом в письме царю, жалуясь на Феодора. Царь же снова повелел Асийскому полководцу подвергнуть Феодора жесточайшим побоям. Воевода отправил одного из своих подчиненных с приказанием дать Феодору пятьдесят ударов. Когда же этот последний, придя к Феодору, сообщил блаженному о причине своего прихода, то Феодор снял пояс и одежду, добровольно подставляя свои плечи для ударов и говоря:

— Для меня вожделенно было бы с этими ранами совлечься и самого тела, чтобы скорее отойти обнаженною душою к Господу.

Он же, устыдившись святого, поклонился ему, прося прощения, и ушел.

Потом пришел иной посол от царя, по имени Анастасий, весьма жестокий и немилостивый. Избив святого своими руками и нанесши ему до ста ударов, он заключил его в темницу. Также он поступил и с его учеником, по имени Николаем[1], который всегда следовал за своим наставником и был участником его страданий; избив Николая, Анастасий запер и его вместе с Феодором, причем отдал приказание стражам, чтобы они строго содержали их в суровых лишениях, — и удалился. Нельзя и передать словами того, какую скорбь претерпел преподобный в этом темном затворе. Его плоть, истощенная от поста и иноческих подвигов, стала гнить и издавать смрад. К тому же и самая темница была наполнена нечистотою и пылью. В течение зимы преподобный замерзал в ней от стужи, так как не имел даже необходимого одеяния, но лишь одно худое рубище. Летом же он изнемогал от зноя, так как ветер ниоткуда не проникал в темницу и не освежал ее. При этом в темнице было безмерное множество блох и других насекомых и гадов. Да и стража, получив приказание с угрозою, стала относиться к нему жестоко и немилосердно. Она обижала и укоряла его, называя безумцем и врагом царя. В оконце бросали Феодору и его ученику лишь по небольшому ломтю хлеба и подавали немного воды, и то не всегда, но чрез день или чрез два, иногда же по прошествии многих дней, — и так морили их голодом и жаждою. И сказал преподобный Феодор ученику своему:

---

[1] *Преподобный Николай Исповедник*, впоследствии игумен Студийский († 868 год). Память его — 4 февраля.

— Чадо! Я вижу, что эти люди не только многими побоями и этой тяжкой темницей, но и голодом и жаждой желают уморить нас. Но возложим надежду на Бога, Который не одним хлебом, но и лучшею некоторою пищею умеет питать, мановением Которого держится все живущее. Для меня же отселе да послужит пищею для тела и души причащение Владычного Тела. (Преподобный везде имел при себе часть Животворящего Тела, напоенную Кровию Христа Господа, которую он запасал при совершении Божественного таинства, — когда то было возможно для него.) Только этим, — говорил он, — пускай буду я причащаться, не вкушая ничего другого. А подаваемый для обоих нас хлеб — пускай будет для тебя одного, также и вода. Ты и сам видишь, что нам подают хлеба очень мало, едва достаточно тебе одному для подкрепления тела; лучше ты останься жив и возвести братии о моей кончине, если такова будет воля Божия, чтобы я скончался в сей, полной лишений, тесноте.

По прошествии некоторого времени Тот, Который *открывает руку и насыщает все живущее по благоволению* (Пс. 144, 16), не оставил без помощи Своего угодника, умиравшего от ужасного голода, но промыслил о нем таким образом. Некий царский вельможа, проходя мимо того затвора, разузнал все относительно святого, какое он терпит притеснение и голод. Бог склонил сердце вельможи к милости, и он приказал сторожам, чтобы они давали Феодору и ученику его достаточно пищи и чтобы вообще вперед не причиняли им зла и притеснений, но позволяли им жить несколько отраднее. Таким образом, несколько освободившись, по благоволению Божию, от многих, вышеупомянутых, скорбей, они окрепли телом. Но и после того святой отец продолжал бороться со многими напастями, так как у него был больной желудок и он был подвержен сильному недугу. Так святые угодники Христовы прожили в темнице более трех лет, принимая от сторожей плохой хлеб, да и то с укором и ругательствами. Все же это они претерпевали ради Православия, с радостью.

Не успели еще оправиться они от скорбей и болезней, как им суждено было подвергнуться новым скорбям, еще более тяжелым. Неизвестно откуда в руки царя попала некая грамота блаженного Феодора, в которой изложено было обличение нечестия царя и наставление верующих в благочестии и Православии. Прочитав эту грамоту, царь воспылал еще сильнейшею яростию и отправил к Фе-

одору некоего безжалостного воеводу, — показать ему ту грамоту и спросить, принадлежит ли она ему, и бить его даже до последнего издыхания. Воевода, придя, показал грамоту блаженному, а последний действительно удостоверил, что эта грамота — его, а не когольбо другого. Тогда воевода немедленно приказал бить прежде всего ученика его Николая, распростерши его нагим по земле, так как он от лица Феодора писал это письмо. Потом, раздев и преподобного Феодора, беспощадно бил его, изранил все его тело и едва не сокрушил и самых костей. Оставив его еле живым, воевода снова пришел к ученику его Николаю, то убеждая его ласкательствами, то угрожая, чтобы он отказался поклониться святым иконам. И так как тот оставался верным Православию, снова стал бить его больше прежнего и оставил его на ночь в холоде нагим, чтобы он вдвойне подвергался мучениям, ибо тогда был февраль месяц. Преподобный же Феодор от жестоких побоев впал в болезнь, с трудом переносимую, и лежал, как мертвец, едва имея возможность дышать, не принимая ни пищи, ни пития. Николай, видев своего наставника столь обессилевшим, забыл о себе, хотя и сам от ран переносил ужаснейшие страдания, и заботился о выздоровлении Феодора. Выпросив ячменного напитка, он смачивал им пересохший язык преподобного и, подавая немного пития, оживлял его. Заметив, что преподобный понемногу приобретает жизненную силу, он начал лечить и остальное загнивающее его тело. Многие части тела его, посинелые, согнившие и висевшие совершенно негодными, он отрезал небольшим ножом и выбрасывал, чтобы успешнее залечивалась оставшаяся плоть. Когда же преподобный стал понемногу выздоравливать, он так же врачевал своего ученика.

Между тем как святые в течение девяноста дней так страдали и еще не оправились вполне от ран, от царя явился другой суровый и бесчеловечный посланник, которому повелено было отвести Феодора и ученика его Николая в Смирну[1]. Этот посол был сребролюбив и, подумав, что Феодор с приходящих к нему для поучения брал золото, приказал, вследствие этого, обыскать в темнице все щели, разломать стены и вынести землю, в надежде найти золото. Но, не

[1] Это было в 819 году. — *Смирна* — древний знаменитый торговый город на западном берегу Малой Азии; в настоящее время представляет собой один из самых цветущих городов Малой Азии, с населением свыше ста двадцати тысяч жителей.

нашедши ничего, он с особенною жестокостью стал приводить в исполнение повеление царя. С ругательством и толчками изведя преподобного и ученика его из темницы, он передал их воинам, и они, таким образом, поведены были в Смирну. Блаженный же, хотя телесная сила его и ослабевала, но, укрепляемый Богом, шел с безжалостными воинами; в течение целого дня они без отдыха его вели, а на ночь привязывали за ноги к дереву. Таким образом, он с трудом едва дошел до Смирны, где был отдан мужу злобному и поборнику нечестия. Последний запер Феодора в некоей низкой и темной хижине. С ним заперли и ученика его Николая, и, таким образом, блаженные рабы Христовы страдали вместе. Вскоре от царя снова пришел вышеупомянутый безжалостный Анастасий и, вновь нанеся преподобному сто ударов, удалился; преподобный же все это претерпевал с благодарением.

В то время в Смирнской области воеводою был царский племянник и единомышленник, который впал в жестокий неисцелимый недуг и находился при последнем издыхании. Один из его слуг, державшийся православного учения, пришел к болящему и сказал ему, что преподобный Феодор имеет от Бога благодать исцелять всякие болезни. Тот немедленно отправил к преподобному своих слуг с просьбою помолиться о нем Богу и освободить его от приблизившейся уже смерти. Преподобный отвечал посланным:

— Скажите пославшему вас, — Феодор говорит так: «Памятуй, что ты будешь отвечать пред Богом в день твоей смерти за свою нечестивую жизнь и за то зло, которое ты причинил правоверным. Ко многим иным твоим беззакониям ты присоединил еще и то, что подвергнул моих иноков неисчислимым бедствиям и в мучениях убил великого в добродетелях Фаддея[1]. И вот он ныне радуется со святыми; тебя же кто спасет от вечных мучений? По крайней мере при кончине — покайся в своих злодеяниях».

Посланные, возвратившись, передали все слова Феодора болящему воеводе. Последний весьма испугался, размышляя о содеянных им злодеяниях, и снова отправил к преподобному послов, испрашивая прощения и давая обещание принять православную веру, если он восставит его своими молитвами от одра болезни. Препо-

[1] *Преподобный Фаддей Исповедник*, ученик и слуга преподобного Феодора Студита († 818 год). Память его совершается 29 декабря.

добный отправил к воеводе икону Пречистой Божией Матери, приказывая ему в течение всей его жизни сохранять ее при себе с благоговением. Воевода, приняв ту святую икону, получил облегчение в болезнях и стал выздоравливать. Но вскоре, под влиянием Смирнского епископа, бывшего еретиком, он обратился к прежнему своему зловерию. Получив от последнего елей, как бы благословение себе, он помазался им, в надежде на полное выздоровление. Но, после этого, к нему снова возвратился прежний недуг. Узнав об этом, преподобный предсказал лютую смерть грешнику, что и сбылось, — ибо он вскоре погиб мучительною смертью. Преподобный же Феодор, страдая в затворе, претерпевал заключение в Смирне в течение полутора лет. После этого злочестивый царь Лев Армянин был насильственно лишен жизни, будучи убит своими воинами, а после него царский престол получил Михаил, по прозванию Травлий, он же и Валвос[1]. Этот император хотя и был нечестив, тем не менее не подвергал гонению православных, но предоставил каждому веровать так, как кто желает. Поэтому при нем все отцы и исповедники Православия были освобождены от заключения, выпущены из темницы и возвращены из изгнания. Тогда и преподобный Феодор получил облегчение в своих страданиях. И пришли к нему некоторые из прежних его учеников, между которыми находился с юных еще лет преуспевший в добродетелях Дорофей, затем Виссарион, Иаков, Дометиан, Тимофей и многие другие, отличившиеся благочестивою жизнью и горячею, неизменной любовью к отцу своему духовному Феодору. От царя в Смирну пришло приказание, чтобы и Феодор, как и остальные, был отпущен в свою обитель.

Когда блаженный возвращался из заточения, православные повсюду встречали его с радостью, предупреждая друг друга и стараясь принять его в свой дом, чтобы сподобиться его молитв и благословения и насладиться сладостными его поучениями. Вся Церковь радовалась возвращению Феодора, и все ублажали его, как человека, столь много пострадавшего за святые иконы и своим учением утвердившего всех в Православии. На возвратном пути преподобный прибыл в Халкидон[2], чтобы повидаться с блаженным иноком Феокти-

---

[1] *Михаил II Травлий*, или *Валвос*, то есть косноязычный, царствовал с 820 по 829 год.

[2] *Халкидон* — главный город Вифинии, на северо-западном берегу Малой Азии,

стом, который некогда почтен был саном магистрианским[1], и, утешившись с ним духовною беседою, отправился посетить своего сострадальца, святейшего патриарха Никифора, сосланного в заточение злочестивым царем Львом Армянином. Насладившись духовною беседою с ним, преподобный удалился в Крискентиевы места[2] и многих обрадовал своим присутствием, преподав им душеспасительное наставление. Вторично возвратившись оттуда к патриарху, он с ним и с прочими епископами отправился к царю и увещевал его принять Православие. Но тот, будучи неразумным и ненаученным Слову Божию, не внимал речам святых отцов и только сказал им следующее:

— Я вам не возбраняю делать, что вы желаете; только не позволю ставить икон в царствующем граде, но в ином месте пускай ставят их для себя, кто где хочет; я же не желаю поклоняться иконам.

Когда он это в безумии изрек, преподобные отцы удалились из Византии. Преподобный Феодор с своими учениками поселился в местах Крискентиевых. Спустя немного времени во время войны возбужденной некиим Фомою, пожелавшим присвоить себе царскую власть, у святого явилась необходимость вновь с братиею явиться в Константинополь[3]. По окончании войны, святой, не желая жить среди народа, зараженного иконоборческою ересью, снова удалился оттуда. Выйдя из Константинополя, он не пошел в Крискентиевы места, но поселился в Акритовом Херсонесе[4], где находилась церковь во имя святого Трифона, и здесь вместе с своими

на южном конце Константинопольского пролива, против Константинополя. Халкидон известен в истории Церкви тем, что в нем происходил IV Вселенский собор (451 год).

[1] Название «магистра» означало при Византийском императорском дворе одну из высших придворных должностей, с которой соединялось звание более высшее, чем патриция.

[2] Местность эта находилась недалеко от Константинополя.

[3] В декабре 821 года самозванец Фома, называвший себя сыном императора Константина VI и еще к концу царствования Льва Армянина провозгласивший себя императором в Малой Азии, подступил к Константинополю. Опасаясь, как бы православные не перешли на его сторону, Михаил Косноязычный обещал созвать собор для примирения их с гонителями святых икон. По этому случаю и Феодор Студит явился в Константинополь. Но собор не состоялся, так как самозванец был убит своими же сообщниками, и опасность для императора миновала.

[4] *Акрит* — мыс в Вифинии, близ Никомидии, против Константинополя.

учениками проводил в благочестивых подвигах богоугодную иноческую жизнь. Немного прожив в таком житии с своими возлюбленными друзьями, преподобный приблизился к блаженной кончине своей, имея шестьдесят семь лет от роду. Пред кончиною, в ноябре месяце, он подвергся жестокому недугу и ужасно страдал желудком. Известие о том, что блаженный Феодор болен и приближается к смерти, — распространилось повсюду. Тогда к нему стало стекаться множество благочестивых христиан, приходивших и из царствующего града, и из различных окрестных селений, чтобы или послушать преподобного за беседой и насладиться последними его словами, или хотя бы взглянуть на него — отходящего к Богу. Считали за великую пользу даже только то, чтобы к нему приблизиться: ибо этот дивный муж был сладостен словом, премудр разумом и украшен всеми добродетелями. Когда блаженный лежал в постели и весьма изнемогал от предсмертной болезни, он, тем не менее, насколько было возможно, вел с учениками душеполезные беседы. Но из речей его можно было расслышать лишь немногое, потому что язык пересыхал у него от болезненного жара. Поэтому один из скорописцев, сидя вблизи и слушая, записывал его слова, чтобы все, кто пожелал бы узнать их, могли бы прочесть, для своей пользы душевной, наставления блаженного. Во время беседы преподобному стало легче, так что он даже встал на ноги и начал ходить. В воскресный день, придя в церковь, он совершил Божественную литургию, сказал братии поучение и вкусил вместе с нею от трапезы. Равно так же и утром шестого ноября, — в день памяти святого отца нашего Павла Исповедника, — он совершил в церкви Божественную литургию, сказал братии поучение и был в тот же день на вечерне; затем, войдя в келию, он лег на постель и снова сильно заболел. Он болел в продолжение четырех дней, а на пятый — наступил конец его болезни, — а безболезненной жизни — начало. Когда преподобный приближался к преставлению, к нему собралось множество братии, и они плакали о нем, как о своем отце и учителе. Взглянув на них, он немного прослезился и сказал:

— Отцы и братия! Вот приспел конец моей жизни. Мы все должны испить эту общую чашу: одни — раньше, а другие — позже, а все же мы не минуем того часа. И вот я ухожу путем, которым отошли наши отцы, туда — где жизнь вечная, а наипаче — где Гос-

подь и Бог, Которого возлюбила душа моя. Его я от всего сердца возжелал, Его я назвался рабом, хотя и не исполнил своего Ему служения. Вы же, братия моя и любимые чада, оставайтесь верны словам моим, которые я предал вам, содержа правую веру и благочестивую жизнь. Вы знаете, что я не переставал возвещать вам Слово Божие и наедине, и в собрании всех. Ныне же я усердно умоляю вас: имейте его в вашем уме и сохраняйте, потому что у меня есть забота о вас, как у желающего дать о вас отчет. Поэтому и вы заботьтесь, чтобы непорочными отойти отсюда. Я же, если обрящу дерзновение пред Господом, обещаюсь молиться за вас, чтобы ваш монастырь пребывал всегда в наилучшем состоянии и чтобы каждый из вас, с помощию Божиею, имел большее преуспеяние в добродетелях.

Сказав это и простившись со всеми, он приказал ученикам взять в руки свечи и начинать отходную. Ученики, став кругом постели, воспевали: *Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем* (Пс. 118, 1).

И когда, воспевая, произнесли эти слова: *Вовек не забуду повелений Твоих, ибо ими Ты оживляешь меня* (Пс. 118, 93), преподобный Феодор вместе с этими словами предал Богу свою святую душу. Приняв ее, Ангелы Божии понесли к Престолу Владычнему, как это явно обнаружилось из неложного свидетельства преподобного Илариона Далматского[1].

Преподобный Иларион в тот самый день, когда преставился Феодор, то есть 11 ноября, в день памяти святого мученика Мины, ходил по винограднику и занимался работой с пением псалмов Давидовых. Вдруг он услышал некоторые пречудные голоса и обонял неизъяснимое благоухание. Он удивился и остановился, разыскивал, откуда это раздается. Взглянув на воздух, он увидал бесчисленное множество чинов ангельских, в белых ризах, сияющих светлыми лицами и идущих с неба с песнопениями навстречу некоему досточтенному лицу. Увидав это, блаженный Иларион в сильном ужасе упал на землю и услышал кого-то, говорящего к нему:

— Вот душа Феодора, игумена Студийского монастыря, много пострадавшего за святые иконы и до конца остававшегося твердым в скорбях; ныне же душа усопшего, торжествуя, восходит горé, сретаемая небесными силами.

---

[1] *Преподобный Иларион Далматский* († 845 год). Память его — 6 июня.

Это видение блаженный Иларион сообщил и прочим добродетельным отцам. Они записали день и час бывшего видения и спустя некоторое время узнали, что в то именно время преставился достохвальный Феодор Студийский и перешел от земли на небо.

Преподобный отец наш Феодор и при своей жизни и по смерти совершил много чудес; о некоторых из них передадим здесь, ради пользы душевной.

Некий странноприимец Леон приютил в своем доме для отдыха преподобного Феодора в то время, когда последний возвращался из заточения. Впоследствии этот Леон нашел для своего сына невесту. И вот, когда уже готовилось бракосочетание, невеста внезапно впала в тяжкий недуг и лежала, охваченная сильным жаром, так что все отчаивались за ее жизнь.

Леон же послал к преподобному, сообщая о случившемся и умоляя, чтобы он помог им своими молитвами. Благословив елей, преподобный отправил его к Леону, повелевая помазать этим елеем больную. Когда это было сделано, невеста немедленно встала здоровою, как бы никогда ранее и не болела. Тот же самый Леон, отправляясь некогда по нужде один в отдаленное селение, встретил на дороге рыся, который, заметив Леона, кинулся на него, в намерении его растерзать. Громко призвал Леон имя преподобного отца Феодора, и вот — зверь, услышав имя святого, остановился и наклонился к земле, свернул с дороги и пустился бежать. Леон же, не тронутый зверем, продолжал путь свой.

Некая женщина, страдающая нечистым духом, приведена была к преподобному. Мучивший ее дух был настолько свиреп в ней, что она сама, не чувствуя боли, грызла и ела свою плоть. Видя таковое ее страдание, преподобный сжалился над ней, сотворил своею рукою крестное знамение на ее голове и прочел над нею запретительную молитву; и немедленно нечистый дух вышел из нее и, изгнанный молитвою преподобного, быстро исчез.

Другая женщина из знатного рода рассказала, после преставления преподобного Феодора, блаженному игумену Софронию[1] следующее. «Случился, — рассказывала она, — некогда пожар в моем доме. Огонь, охватив его со всех сторон, сжигал с шумом все, что было в нем, и мы не могли ни водою, ни иным каким-либо спосо-

---

[1] *Софроний* был игуменом Студийской обители с 851 по 854 год.

бом подавить силу пламени и недоумевали, что сделать. Тогда я вспомнила о находившемся у меня письме преподобного Феодора, которое немного раньше пред этим он писал ко мне. У меня явилась мысль бросить его в огонь, не устыдится ли он сколько-нибудь писания, начертанного святою рукою Феодора, и не укротит ли оно хотя немного пламень. Поступив так, как помыслила, я бросила эту грамоту в пламень и сказала: „Святой Феодор, помоги мне, рабе твоей, в беде находящейся!“ И в тот же час мы заметили, что свирепая сила огня ослабела, угасла и уничтожилась в дыму». Столь большую силу имело в себе призывание имени этого угодника Божия!

Вышеупомянутый Софроний повествует и о другом подобном же событии. «Шли мы, — говорил он, — с блаженным Николаем, учеником и сострадальцем великого Феодора, в Пафлагонию[1]. Во время пути, с наступлением вечера, мы опочили на некоем поле, на котором лежало много скошенного сена. Там же находились и какие-то воины, которые, идя тем путем, за поздним временем, остановились на том же поле и, разведя костер, готовили себе ужин. После этого ночью костер тот как-то незаметно разгорелся и, незаметно приблизившись, превратился в сильный пожар, уничтоживший все сено. Воины, поспешно проснувшись, все набросились на нас, думая, что это мы подожгли, и уже хотели наложить на нас руки и мучить нас; мы же, недоумевая, как поступить, призвали на помощь великого Феодора с словами: „Преподобне отче! Помоги нам и твоими молитвами избави нас от напасти, несправедливо наносимой нам“. Когда мы это говорили, внезапно пошел обильный дождь и совершенно погасил все пожарище. Воины, увидав то чудо, стали кроткими и, припадая к нам, просили прощения».

На острове Сардинии[2] был некий благочестивый муж, который, имея при себе переписанные творения преподобного Феодора, прилежно прочитывал их; он любил также и составленные тем святым отцом песнопения, воспеваемые Великим постом, которые называются триодями, или трипеснцами. К этому мужу зашли проходившие мимо по дороге, некие нечестивые иноки и проживали у него во время поста. Увидев составленные преподоб-

---

[1] *Пафлагония* — область на севере Малой Азии.

[2] *Сардиния* — большой остров на Средиземном море, к западу от Италии.

ным Феодором песнопения и поучения, последние стали хулить их, говоря, что они составлены несогласно с разумом и полны безумия. Благочестивый же тот муж, приютивший их, от их бесед развратился и уже более не прочитывал полезных поучений преподобного и не имел за утренним пением составленных преподобным трипеснцев, какие имел обыкновение петь ранее. Когда он так развратился, однажды ночью ему явился преподобный Феодор — небольшого роста, каким он был при жизни, с бледным лицом и лишенною волос головою. Вслед за этим шли и другие иноки, держа в руках жезлы, которыми он приказал бить этого, соблазненного нечестивыми иноками, мужа. В то время, как его били, преподобный говорил:

— Зачем ты по неверию отвергнул мои творения, которые ты прежде любил и почитал? Почему ты не рассудил того, что если бы Церковь Божия не видала от них пользы, то и не приняла бы их? Ведь они составлены не по ухищренному лжесловесию, не по витийству речи, но во всем содержат здравые и смиренные слова, могущие привести в сокрушение сердце и умилить душу. Они сладостны и полезны для тех, кто поистине желает спастись.

Наказав так согрешившего, преподобный Феодор удалился. Когда наступил день, муж тот лежал в постели больным от полученных им ударов, со множеством синяков на теле, которые он, рассказывая о постигшем его наказании, всем показывал. Поспешно он изгнал затем из своего дома тех, соблазнивших его, иноков, как виновников его прегрешений и такого наказания. С того времени он приобрел сильнейшую, чем ранее, веру в преподобного Феодора и с любовью прочитывал творения и песнопения, им составленные, умоляя его простить ему прежнее согрешение.

Многие исцеления даровались и от гроба преподобного. Однажды к его гробу пришел некий бесноватый. Ночью, в видении, ему явился преподобный и, даровав исцеление, сделал его здоровым. Человек тот, проснувшись, ощутил себя освобожденным от вражеского мучительства и прославил Бога и Его угодника, преподобного Феодора.

Некоторый человек съел отравленную пищу, повредил отравою все свои внутренности и уже приближался к смерти. Когда же он

влил себе в рот елей из лампады, находившейся при гробе преподобного, то немедленно извергнул тот смертоносный яд, получил здоровье и остался невредимым.

Еще один сильно страдал желудком; но когда он только взглянул на икону преподобного Феодора и призвал его имя, то немедленно исцелел. Еще один муж, одержимый каким-то страхом, находился в состоянии безумия, боясь и ужасаясь всех. Будучи приведен ко гробу преподобного и помазан маслом, он внезапно избавился от этого страдания и, получив здравый рассудок, воздал благодарение Богу и Его угоднику.

Много и иных чудес по молитвам преподобного Феодора совершилось при его гробе во славу Единого в Троице Бога, Ему же да будет от нас честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ЖИТИЕ СВЯТОГО **СТЕФАНА ДЕЧАНСКОГО**, краля Сербского[1]

Святой Стефан Урош III Дечанский был Сербский краль (король) из числа благочестивых кралей и царей древнего православного Сербского государства. Он был сыном святого краля Стефана Уроша II Милутина[2], внуком Стефана Уроша I[3] и правнуком святого Стефана, первовенчанного краля Сербского[4], брата святого Саввы, первого архиепископа Сербского и сына Великого Серб-

[1] Известны и сохранились до настоящего времени два жития святого Стефана Дечанского: одно написано современником, продолжателем труда сербского архиепископа Даниила, писавшего Родослов, или Цароставник, то есть жития кралей и архиепископов Сербских; другое написано позднее, лет через шестьдесят, игуменом созданной святым Стефаном Дечанской обители Григорием Цамблаком, бывшим впоследствии митрополитом Киевским. Эти жития и положены в основу настоящего изложения.

[2] *Милутин* правил Сербией с 1282-го по 1320 год.

[3] Правил с 1243-го по 1276 год.

[4] *Святой Стефан Первовенчанный* преставился в 1224 году, правил с 1195 года.

ского Жупана святого Стефана (в иночестве Симеона) Неманя[1], основателя древнего Сербского государства. Матерью его была первая жена Милутина, Елисавета, дочь Венгерского короля Стефана V. Принадлежа к благочестивой Сербской королевской семье, Стефан с детства был воспитан в христианском благочестии.

С ранних лет Стефану пришлось видеть и пережить много тяжких бедствий. В Сербии в те времена бывали частые смуты и междоусобия среди королевского рода, восстания и крамолы вельмож, постоянные войны с соседями — болгарами, греками и татарами.

Враги православного восточного христианства, татары, разгромив и покорив Православную Русь, разоряли и прочие славянские православные государства, угрожали Болгарии и Сербии.

Особенно сильная опасность грозила славянским государствам Балканского полуострова со стороны Крымского хана Ногая. Татарские войска, высылаемые Ногаем, опустошали Болгарию и Македонию, вторгались и в Сербию. Болгары на время подпали даже зависимости от татар, та же участь угрожала и Сербии. Но Сербский король Милутин принял решительные меры. Не будучи в состоянии силой сопротивляться могущественному татарскому хану, он вступил с ним в переговоры, отвратил нашествие татар, но вынужден был отправить молодого сына в татарский лагерь в качестве заложника вместе с несколькими знатными сербскими боярами.

Но Бог помогал благочестивому Стефану в его несчастиях. Возникшие вскоре среди татар междоусобия кончились убийством Ногая. Воспользовавшись этими смутами среди татар, Стефан возвратился на родину.

---

[1] *Святой Стефан (Симеон) Неманя* правил с 1159-го по 1195 год.

Ради совместной борьбы с татарами Болгарский царь Смилец вступил в союз с Сербским кралем Милутином; союз этот сопровождался браком сына Милутинова, Стефана Уроша, с дочерью Болгарского царя Смильца.

После брака Стефан Урош получил для самостоятельного управления одну из важных областей, именно Зету, или Диоклею, теперешнюю южную Черногорию. Здесь некоторое время и правил Стефан.

Но как нередко прежде, так и теперь возникают в Сербии смуты, сопровождаясь обычными бедствиями и несчастиями.

Мачеха Стефана, вторая супруга Милутина, Симонида, дочь Византийского царя Андроника Старшего[1] и жены его Ирины, возымела желание, чтобы наследником Сербского престола сделался не Стефан Урош, ее пасынок, а родной ее сын, Константин. Подстрекаемая своею матерью Ириной, она стала внушать королю Милутину подозрение к его сыну Стефану и клеветать, будто Стефан хочет отнять престол у отца.

В то же время нашлось среди сербских бояр немало таких, которые предупредили Стефана о грозившей ему опасности, но избавиться от нее советовали посредством восстания против отца и отнятия у него королевской власти.

Между тем отца его Милутина злые люди успели убедить, что сын замышляет против него восстание и хочет свергнуть с престола. Тогда Милутин отправляется в область своего сына и посылает схватить его. Посланные заковали Стефана в цепи, посадили в темницу в Скопле[2] и ослепили.

Произошло это в Сербской области, именуемой Овче-поле. Там находился храм во имя святителя и чудотворца Николая. Ослепленный Стефан испытывал страшные муки и подкреплял себя только молитвою. Среди таких тяжких страданий полумертвый мученик в тонком сне видит пред собою величественного святого мужа в святительской одежде с сияющим лицом; муж этот держит на правой длани выколотые очи Стефана и говорит:

— Не скорби, Стефане! Вот на длани моей твои очи, — и с этими словами показывает их.

---

[1] *Андроник Старший Палеолог* был императором в Царьграде с 1281-го по 1332 год.

[2] Город в Македонии на реке Вардаре; теперь по-турецки называется *Ускюб.*

Думая, что это привидение, Стефан сказал ему:

— Кто ты, господин мой, являющий такое попечение обо мне?

Явившийся отвечал:

— Я Николай, епископ Мирликийский.

Пробудившись от сна, страдалец почувствовал некоторое облегчение от болезни и возблагодарил Бога.

Гонение на Стефана тем не кончилось.

Желая вполне обезопасить себя от мнимых замыслов сына, король Милутин изгоняет Стефана из отечества, отсылает его в Царьград к тестю своему царю Андронику Старшему под надзор вместе с двумя малолетними внуками, сыновьями Стефана — Душаном и Душицей.

Но и в изгнании Бог не оставил терпеливого Стефана. Правда, Стефан здесь лишен был свободы. Ему дан был сначала особый двор и полное содержание от царя, но воспрещен свободный выход. Потом Стефан с детьми перемещен был на жительство в Цареградский монастырь Пантократора (Господа Вседержителя) под надзор игумена, без разрешения которого ему не позволялось никого принимать к себе и ни с кем не беседовать. Но доблестный Стефан покорно переносил все тягости заточения; он часто повторял: «Терпи, Стефан, *терпением вашим спасайте души ваши* (Лк. 21, 19), — сказал Господь». Он часто предавался молитве с коленопреклонением и в ней находил утешение. Когда монастырская братия собиралась на правило, он первый являлся на молитву и стоял неподвижно до окончания службы, так что настоятель и братия дивились его бодрости и усердию. За это все любили Стефана и оказывали ему внимание. Часто ходили к нему и для духовной беседы. Все это не осталось неизвестным и самому царю. Слыша о похвальной жизни заточника, он часто призывал его к себе, беседовал о душевной пользе и разделял с ним трапезу.

В одну из таких бесед о вещах душеспасительных и делах государственных зашла речь о возмущавшем тогда многих православных в Греческом царстве пришлом с Запада еретике Варлааме, неправо учившем об осиявшем Господа Иисуса Христа свете во время преславного Преображения на Фаворе. Стефан высказал такую мысль: «Неправедно и неприлично царю, пастырю такого великого стада

Христова, держать в своем стаде врагов Его; их до́лжно изгонять, как волков, растлевающих души».

Созванный царем и патриархом Афанасием собор осудил ересь Варлаама, и еретик изгнан был из пределов Греческого царства.

Своей добродетельной жизнью и своим разумом и советами Стефан снискал всеобщую любовь не только монастырской братии и царя, но и всех знатных людей в Царьграде, патриарха и вельмож.

Из того, что выдавалось от царя, Стефан тратил на свое содержание незначительную долю, остальное же отдавал игумену для раздачи бедным.

Один из соотечественников Стефана, старинный его знакомый и почитатель, желая облегчить положение невинного узника, послал ему с верным слугою значительную сумму золота на различные нужды. Посланный вручил деньги Стефану и передал сочувственные речи друга. Стефан возблагодарил благотворителя, помолился за него Господу Богу, но, призвав игумена, вручил ему все присланное золото для раздачи нуждающимся. Игумен убеждал Стефана оставить себе хоть малую часть на обыкновенные нужды, но тот отвечал, что Сам Бог судил ему жить на чужбине и питаться от чужих, это так и до́лжно быть; присланные деньги должно отдать истинно нуждающимся — бедным.

Обласкав и удержав у себя на некоторое время посланного, он отпустил его к своему другу на родину, благодаря его и вознося за него молитвы Господу Богу.

За такую добродетель никогда не оставляла Стефана милость Божия. В пятый год пребывания в заточении Господь Бог явил на нем великое чудо.

Однажды, в день празднования памяти великого святителя и чудотворца Николая, Стефан, по обычаю, находился на торжественном всенощном богослужении. Во время чтения жития и чудес святителя он, по обычаю, присел на скамье у своего места и от продолжительного труда и бдения вздремал. И вот он видит пред собой того Божественного мужа, который и прежде ему являлся.

— Помнишь ли ты, — сказал явившийся Стефану, — что я говорил тебе, когда прежде являлся?

Стефан пал на землю и сказал:

— Я узнаю, что ты — великий святитель Николай, но сказанного тобою не помню.

Святой Николай сказал:

— Я говорил тебе — не скорбеть, ибо в моей руке твои зеницы, и я показал их тебе.

Стефан стал припоминать прежнее явление святителя и, пав к ногам его, стал просить о помиловании. Святитель сказал:

— Что я тогда говорил тебе, то ныне явился исполнить.

И, как бы подавая зрение, поднял Стефана, осенил лицо его крестным знамением, коснулся очей и произнес:

— Господь наш Иисус Христос, даровавший очи слепому от рождения, дарует и твоим очам первоначальное зрение!

И с этими словами святитель стал невидим.

Объятый трепетом, Стефан, придя в себя, стал, по неизреченному милосердию Божию, видеть, как и прежде.

Взяв свой жезл, он вышел из церкви, как и всегда уходил, и, придя в келью, наедине предался горячей молитве и благодарению за свое исцеление. После долгой молитвы, закрыв по-прежнему глаза полотенцем, он снова вернулся в церковь и стоял по обычаю, утаив от всех совершившееся над ним чудо, и никто не узнал, что ему возвращено было зрение, до того самого дня, когда Богу угодно было, по возвращении в отечество, поставить его законным Сербским кралем.

Спустя несколько дней после чудесного прозрения Стефана младший сын его, малолетний Душица, впал в тяжкую болезнь и скончался. Стефан перенес это лишение без ропота, повторяя слова: «Господь дал, Господь и взял», так что все окружающие удивились мужеству Стефана.

Еще два года продолжалось томление Стефана в заточении на чужбине. Как ни терпеливо переносил Стефан свою ссылку, как крест, возложенный на него промыслом Божиим, но ему все же хотелось возвратиться в отечество.

И вот он пишет слезное послание на Афонскую гору в сербскую Хиландарскую лавру, где в то время находился сербский епископ, впоследствии архиепископ Даниил, к которому прежде Стефан всегда питал любовь и дружбу. В своем послании он яркими красками изображает свое бедствие и просит Даниила вместе со сво-

ими афонскими великими старцами попечаловаться пред отцом его, королем Милутином, и исходатайствовать ему милость и возвращение в отечество.

На Афоне собрался общий собор старцев для обсуждения дела. Порешили написать послание к сербскому архиепископу Никодиму и отправить его с выборными почтенными старцами в Сербию, чтобы ходатайствовать о возвращении сына и внука.

Красноречивое послание и речи архиепископа Никодима и посланных старцев тронули сердце отца.

В то же время прибыл в Сербию из Царьграда игумен обители Пантократора, в которой содержался Стефан с сыном. Этого игумена, как человека красноречивого и искусного, Византийский император Андроник Палеолог послал к своему зятю, Сербскому королю Милутину, просить военной помощи против врагов Греческого царства.

Переговорив о государственных делах, король Милутин пригласил царского посла, игумена обители Пантократора, для беседы наедине и стал расспрашивать о своем сыне Стефане.

Игумен подробно повествовал отцу о добродетелях, подвигах и терпении его сына и воскликнул, что с ними не могут сравняться все царские сокровища. Эти рассказы тронули Милутина. К тому же незадолго перед тем умерла теща его, мать Симониды, императрица Ирина, главная виновница подозрений и вражды отца к сыну. Вследствие всего этого, Милутин решился возвратить сына.

Он отправляет посольство к императору Андронику и просит отправить сына своего Стефана со внуком Душаном обратно на родину, в Сербию. Император Андроник, полюбивший Стефана и питавший к нему глубокое уважение, прощается с сербским изгнанником и отпускает его в дорогу, снабдив всем необходимым и щедро наградив подарками. Андроник знал о прозрении страдальца, но никому не открывал этого, чтобы не навлечь на Стефана новых подозрений и гонений.

Так после восьми лет заточения на чужбине Стефан вернулся в отечество вместе с подраставшим сыном своим Душаном. Встреча была трогательная. Отец примирился с сыном. Он дал ему для прожития в управление небольшую Будимльскую область в Диоклее (Зете), а внука Душана оставил у себя для воспитания, а может быть, и для того, чтобы иметь его, как залог верности сына.

Спустя три года последовала смерть Сербского короля Милутина (29 октября 1320 года). Сторонники мачехи Стефана, Симониды, произвели было смуту в пользу сына ее Константина, но большинство сербских вельмож стали на сторону законного наследника престола, старшего Милутинова сына Стефана, который прибыл из Диоклеи в тогдашнюю столицу Сербии, город Призрен[1], и в январе 1321 года был венчан королевским венцом Сербским архиепископом Никодимом в сослужении всего собора сербского духовенства. Вместе с отцом, по византийскому обычаю, венчался на «кралевство» и сын его, «Стефан, младый краля», называвшийся Душаном. Стефан стал править под именем Уроша III. Теперь повязка с глаз была снята, и для всех очевидно стало чудесное возвращение зрения Стефану заступничеством великого чудотворца Николая.

Правление Стефана Уроша III не было покойным и мирным. Внутренние смуты не улеглись.

Брат Стефана, сын гречанки Симониды Константин, собрал войско и двинулся на Стефана, требуя уступить ему королевский престол. Стефан со своей стороны собрал войско и двинулся против Константина. Прежде чем дело дошло до сражения, Стефан отправил к брату письмо, в котором убеждал не воевать против своего отечества при помощи иноплеменных войск, а мирно править той областью, которую он даст брату: «Можно обоим в довольстве жить в такой обширной земле». Но Константин не внял этим мирным предложениям, вступил в сражение и был убит, а люди его перешли на сторону Стефана.

Поднял восстание против Стефана Уроша III еще двоюродный брат его, Владислав, сын Сремского краля Драгутина, брата Милутинова, но и это восстание окончилось в пользу Стефана. Владислав должен был покориться ему.

После смерти первой своей супруги, Болгарской царевны, Стефан Урош еще дважды вступал в брак: с Бланкою, дочерью Филиппа Тарентского, герцога Ахайского[2], и, по смерти этой второй жены, с Мариею, дочерью Солунского наместника Иоанна Палеолога.

---

[1] Город *Призрен* находится в Старой Сербии, принадлежащей теперь Турции, близ реки Белого Дрина, на его небольшом левом притоке Марице.

[2] Область на юге теперешней Греции.

В мирное время Стефан заботился о благосостоянии своих подданных и о делах Церкви. Он подтверждал прежние грамоты, укреплял за церквами земельные владения и другие доходы. Он заботился также о соблюдении чистоты веры и уничтожении ересей в пределах своего государства. Один современник на Евангелии сделал такую запись о Стефане Уроше III: «Господь избрал и прославил его для отчизны, как звезду светлую и ярко сияющую; он утвердил родину свою, овладел многими городами и областями, рассеял врагов своих. Он послал на безбожных и нечестивых бабунов сына своего. Тот с Божиею помощью одержал победу над ними, пролив много крови, взял в плен весьма многих и возвратился к отцу своему». — Бабунами назывались богомилы, опасные еретики, поселившиеся в горной местности Бабуне, около города Прилепа в Македонии, и оттуда делавшие набеги на православных.

При Стефане Уроше III Сербия немало лет наслаждалась полным миром; не было внутренних смут, не было и войн с соседями. Благочестивый король Стефан занимался делами благотворительности и построением и украшением храмов Божиих, как в своем отечестве, так и за его пределами.

Но вот в конце его царствования возгорелась жестокая война с соседним единоверным и единоплеменным Болгарским царством. При Сербском короле Милутине Болгария, раздираемая внутренними смутами и разоряемая набегами татар, значительно ослабела и не могла равняться могуществом с Сербией. Когда Болгарским царем сделался бдинский деспот Михаил[1], он соединил в своих руках власть над всеми разъединенными болгарскими областями, желая возвратить некоторые захваченные Сербиею города и даже замыслил унизить Сербию, достигнув значительного могущества.

Болгарский царь Михаил нанес Стефану Урошу III горькую обиду. Женатый на родной сестре Стефана, дочери Милутина Анне (иначе Неде), он без причины удалил от себя свою жену, заключил ее в монастырь вместе с молодым сыном Стефаном, а сам женился на сестре претендента на Византийский престол Андроника Младшего, вдове Болгарского царя Святослава, Феодоре. Вражда между государями двух соседних и родственных племен еще более усили-

[1] *Михаил Бдинский* или *Виддинский* (от города Виддина на Дунае) был Болгарским царем с 1323-го по 1330 год.

лась от того, что Сербский король держал сторону законного византийского царя Андроника Старшего, полюбившего сербского короля Стефана еще в то время, когда он находился в заточении в Царьграде, и уважавшего его; болгарский же царь Михаил сблизился с соперником Андроника Старшего, внуком его Андроником Младшим, которому и удалось отнять царский престол у деда. Андроник Младший и Михаил Болгарский заключили оборонительный и наступательный союз против Сербии. Эти два союзника решили напасть на Сербию единовременно в 1330 году.

Стефан Урош знал об этих враждебных приготовлениях и постепенно готовился к защите отечества, запасая оружие и войско. К тому времени вполне возмужал уже сын его Стефан Душан и помогал отцу в военных приготовлениях.

Болгарский царь Михаил выступил в поход летом 1330 года. У него находилось до пятнадцати тысяч собственно болгарского войска, но почти столько же войск вспомогательных и наемных — валахов[1] (от воеводы Иванка Бессарабы), черных татар, ясов (живших в теперешней Молдавии[2]). Сербы смотрели на это нашествие, как на нашествие безбожных и поганых.

В то же время, согласно условию, выступил против сербов и Византийский император Андроник Младший. У него войска было немного. Он не решился начать военных действий и расположился на сербской границе в Македонии, чтобы выждать, чем кончится болгарское столкновение с сербами.

Быстрое наступление двух сильных царей на Сербию, конечно, не могло не встревожить Сербского короля. Хотя он уже подготовился, но ему хотелось избежать кровопролития. Он решил отправить к Болгарскому царю послание, убеждая его не допускать кровопролития. В этом послании он писал: «Зачем идешь губить болгарские и сербские роды? Что Богом даровано тебе, то ты имеешь в своих руках, и будь доволен этим, а чужого не желай, не желай того, что Богом даровано другим. Если ты уже так воинственен, то вооружайся на иноверных, а не на Христовых людей, которых по Его благодати я состою пастырем и которые ничем тебя не обидели. По-

---

[1] *Валахия* — юго-западная часть нынешнего Румынского королевства.

[2] *Молдавия* — севернее Валахии. Вместе с последней она составляет Румынское королевство.

мысли, сколько прольется крови, сколько обесчадится матерей, сколько трупов с обеих сторон будет брошено на съедение птицам и зверям и сколько взыщет за них Бог от погубившего их? Оставь нас в мире. Сам владея тем, что тебе принадлежит, возвратись к своим. Ибо желающие восхищать чуждое лишаются и того, чем, по-видимому, владели вполне надежно. Так судит Всевидящее Око».

Но это красноречивое мирное послание Стефана не подействовало на Михаила; напротив, он сказал: «Если завтра Сербский король не явится ко мне с покорной головой, то я прикажу привести его с бесчестием связанного и предам мучительной смерти».

Стефану ничего не оставалось, как, положась на помощь Божию, вступить в битву с врагом.

Сербские войска собирались близ сербско-болгарской границы в долине Добричи, при слиянии рек Топлицы и Моравы, где и прежде много раз происходили жестокие международные битвы. Сюда ожидался приход болгарского царя из Бдина. Между тем пришло известие, что Михаил со своими войсками двинулся чрез Софию[1] в Македонию, рассчитывая, может быть, соединиться с своим союзником, византийским императором Андроником. Тогда и Стефан поспешил двинуть свои войска на юг. На пути его лежали построенные отцом его монастыри святого Георгия в Нагоричине (близ Куманова) и святого Иоакима в Сарандапоре. Здесь король Стефан горячо молился, особенно святому Победоносцу Георгию, оказывавшему помощь его предкам, благочестивым сербским государям.

Сербы достигли болгарского лагеря на реке Струме, на сербской границе, у местечка Земельна; они остановились на речке Каменче, у самого города Вельбужда (теперь называемого Кюстендил).

Около трех дней лагеря делали обсылки между собой, не приступая к сражению. Сербский король Стефан поджидал некоторых запоздавших властей, а из войска Болгарского царя многие разбрелись по окрестностям для собирания провианта.

Настала, наконец, суббота 28 июля. В сербском лагере началось движение; все готовились к бою. Болгарский царь, ввиду медлительности сербов, никак не ожидал нападения в этот день и не собрал своих войск, рассыпавшихся на большом пространстве.

---

[1] *София* — город в Болгарии, теперешняя столица Болгарского княжества.

Сербские войска готовил к бою отважный сын короля, молодой Стефан Душан. Сербское отборное войско в блестящем вооружении, во главе с отдельным наемным отрядом рыцарей, под командой Стефана Душана, двинулось на болгар. Произошла горячая битва, в которой Душан показывал пример личной храбрости. Вскоре болгарское войско, не ожидавшее такого дружного натиска, было смято и обратилось в бегство.

Обратился в бегство и сам Болгарский царь Михаил. Под ним споткнулся конь, и царь свалился с него и тяжело расшибся. Тут его окружили сербы, и сам Стефан Душан отсек ему голову.

Тело несчастного Болгарского царя отвезли к Сербскому королю, который с грустью пожалел о том, что его противник не послушал его мирных предложений и предостережений. После этого жестокого кровопролития все болгарское войско сдалось Сербскому королю.

На другой день после битвы, в воскресенье, рано утром Сербскому королю торжественно представлена была взятая у болгар добыча: оружие, дорогие царские одежды и утварь, великолепные кони; приведены были в оковах болгарские бояре. Они не верили, что царь их погиб; они думали, что он избежал гибели. Но вид царского трупа должен был уверить в безвозвратной гибели их царя, и им оставалось только плакать. Уступая просьбам бояр, король приказал с почетом похоронить убитого Болгарского царя в сербском Нагоричанском монастыре святого Георгия.

Вознося благодарение Господу Богу за дарованную победу, король Стефан тогда же известил о ней свою супругу Марию и Сербского архиепископа Даниила со всем сербским собором следующим посланием: «Да будет ведомо, что, помощию Божиею и заступлением святого господина нашего, преподобного отца Симеона, и святителя Саввы[1] и молитвами вашими, заступлением и укреплением и силою Святого Духа вооружаемый и защищаемый, я, Сербский краль, с превозлюбленным сыном нашим Стефаном, и с нашими воинами, чадами моего отечества, злокозненного врага нашего, Болгарского царя, пришедшего со многими иноплеменными языками и

---

[1] *Святой Савва*, первый архиепископ Сербский, сын святого Стефана Немани, в иночестве Симеона, и брат Стефана Первовенчанного. Память святого Стефана Сербского празднуется 12 января.

хвалившегося на наше отечество, победил в сражении, происшедшем в местечке, называемом Землен, в нашем королевстве; и самого царя умертвил, и великое богатство и славу их отъял помощью Божиею. Радуясь об этом, воздайте должную хвалу Богу. Мы же отправляемся в дальнейший путь в болгарскую землю».

Это радостное известие с восторгом принято было по всей Сербии, и во всех храмах совершались торжественные молебствия по случаю такой великой милости Божией.

Король же Стефан, вместе с сыном своим, торжественно пошел водворять порядок в Болгарии. Его сопровождали пленные болгарские бояре. Навстречу ему вышли, остававшиеся в Болгарии и управлявшие городами и провинциями; во главе их находился Белаур, брат убитого царя Михаила. От имени всей Болгарии они отдавались под власть Сербского государя и готовы были на слияние Болгарии и Сербии в одно государство.

Но Стефан этого не захотел. Он желал восстановить на болгарском престоле обиженную и поруганную сестру свою Анну с сыном ее Стефаном. Тотчас же после победы над Михаилом он послал ей в монастырское заключение известие об этом и убеждал не унывать, но надеяться на лучшее будущее. Теперь же он через особое посольство приглашал ее вместе с сыном явиться в болгарский столичный город Тернов и послал необходимую военную помощь.

Болгарским боярам король Стефан объявил, что он сам лично отказывается от болгарского престола, а поставляет Болгарским царем сына своей сестры Стефана (Шишмана II), которого они и должны слушать, сами же могут пребывать в полной безопасности и оставаться при прежних должностях.

Так великодушно поступив с побежденными, Сербский король со своим войском возвратился в отечество.

Немного времени спустя по возвращении из Болгарии Стефан Дечанский, вместе с сыном Душаном, совершил поход в Македонию. Кралю хотелось наказать и другого врага, византийского императора, за союз с Михаилом Болгарским. Поход этот продолжался неделю. Встречи и битвы с императором не произошло; сербы возвратили себе города и крепости, на время занятые бежавшим теперь Андроником, а также присоединили несколько добровольно пере-

давшихся им городов на реке Вардаре[1], каковы Велес, Просек, Штип. Оставив в этих городах сербских воевод, оба полководца вернулись домой: отец — в свой двор Неродимлю[2], а сын — в Скадар[3].

Так счастливо для сербов кончился тяжелый 1330 год.

После побед над внешними врагами, покрывших славою сербское оружие, король Стефан всецело предался делам благотворительности, построению и украшению храмов Божиих и другим богоугодным делам, которые всегда составляли отраду его жизни.

Всю жизнь святой Стефан был чтителем православной святыни, и не только в своем отечестве, но и за его пределами. Как прежде, так особенно теперь, он рассылал щедрые и богатые дары в Иерусалим и во всю Святую Землю, на Синай, в Египет и Александрию, а также в Царьград, особенно в тамошнюю обитель Пантократора, в которой он подвизался, находясь в заточении; благотворил он также обителям Фессалии[4] и особенно святой горы Афонской, где находилась славная Хиландарская лавра, основанная и строившаяся сербскими кралями и потом царями. Кроме посылки щедрых даров, король Стефан многим из этих обителей жаловал доходные имения и укреплял своими грамотами.

Все прежние Сербские государи, предки Стефана, строили себе задушбины, то есть храмы с монастырями, в которых завещали и погребать себя, и поминать за упокой. Так и святой Стефан Урош III, после болгарской победы, доставившей ему сокровища, в благодарность Господу Богу и на помин своей души, решил воздвигнуть храм во славу Господа Иисуса Христа.

Для совета и содействия он обратился к своему Сербскому архиепископу Даниилу, которого уважал и любил. Вместе с ним и с доверенными боярами он стал в своих владениях искать места, кото-

---

[1] *Вардар* протекает в турецкой области — Македонии, мимо города Калканделен.

[2] *Неродимля* находится на реке Неродимке, притоке верхнего Вардара, близ водораздела между Эгейским морем, куда течет Вардар, и Дунаем, куда течет начинающаяся здесь река Ситница через знаменитое Косовское поле в реку Ибар, впадающую в сербскую Мораву, текущую в Дунай.

[3] *Скадар*, на юге Скадарского озера, близ истока из него реки Бояны, текущей в Адриатическое море.

[4] *Фессалия* находится теперь в Турции по соседству с Греческим королевством, на северо-восток от него.

рое было бы достойно и пригодно для величественного храма. Много обошли они мест; наконец Стефан остановился в горной стране, на речке Быстрице, впадающей в Белый Дрин, на северо-западе от Призрена и в трех часах пути от города Печи, бывшей потом местожительством сербских патриархов, в местечке, именуемом Дечаны. Место это необыкновенно красиво. Это — покрытая разнородными деревьями небольшая долина, богатая ключами и орошаемая рекой Быстрицей с прекрасной здоровой водой. Со всех сторон, особенно с запада, его окружают высокие горы. Здесь-то Стефан и решил воздвигнуть славный храм. Архиепископ Даниил благословил и освятил место, и сейчас же было приступлено к постройке.

Стефан Урош вызвал художников и мастеров из своих владений по Адриатическому морю. Множество рабочих стали доставлять материалы — разных пород камень, разноцветный дорогой мрамор и прочее. Прежде всего была отмерена для монастыря площадь и обнесена крепостными высокими стенами с башнями; с южной стороны находились врата, над которыми поднималась самая высокая башня. Внутри к стенам были пристроены кельи для иноков, подобно птичьим гнездам. Устроена была общая трапеза, отличавшаяся как величиною, так особенно художественностью отделки. Особо устроены были кухня и пекарня. Отдельное великолепное здание построено было для игумена. Но главное внимание и главные заботы обращены были на постройку посреди монастырской площади внутри стен великолепного храма Вознесения Господня. Весь огромный храм построен был из разноцветного тесаного мрамора, украшен резьбой, колоннами и арками необыкновенного искусства и красоты. Это замечательное здание сохранилось и до настоящего времени. Вот как описывает его один русский путешественник[1], лет пятьдесят тому назад посетивший эту сербскую святыню:

«Церковь большая и высокая, построена крестообразно, с одним круглым, высоким куполом. Уже внешние стены поражают своим великолепием: они, снизу доверху, состоят из мраморных плит, правильно расположенных горизонтальными полосами: нижний ряд — из белого мрамора, второй — из розового, третий — опять из белого, четвертый — из серого; потом опять начинается та же система. При-

[1] *А. Ф. Гильфердинг.* См. собрание его сочинений, том третий: Босния, Герцеговина и Старая Сербия. Спб., 1873 г., стр. 129.

том надобно заметить, что всякий раз нижний ряд шире, второй уже, третий и четвертый еще уже. Крыша церкви свинцовая; купол также покрыт свинцом, таким массивным, что крыша купола со времени постройки церкви в 1335 году ни разу, говорят, не требовала починки. Свинец на куполе от действия времени получил какой-то странный отлив, похожий на цвет меди. На куполе стоит невредимо большой крест, как говорят, из массивного серебра. На восточной стороне церкви видна выдающаяся окружность большого алтаря и по сторонам ее по две малых окружности, принадлежавшая двум пределам, во имя святого Николая и святого Димитрия, проскомидии большого алтаря и ризница. Эти пять соединенных окружностей представляют необыкновенно красивое сочетание линий».

Великолепию и красоте внешнего вида соответствовали и внутренние украшения главного храма и приделов из резного камня, золота и других дорогих материалов. Храм был богато снабжен церковною утварью, золотыми и серебряными сосудами, церковными одеждами из драгоценных тканей, украшенных бисером и драгоценными камнями.

Закончив постройку великолепного и богатого храма, Стефан назначил настоятелем его известного своею благочестивою жизнью игумена Арсения и освятил торжественно созданный храм собором сербского духовенства во главе с архиепископом Даниилом. Для обеспечения на будущее время Стефан Урош своими грамотами укрепил за монастырем множество сел, угодий и других доходных имений в разных местах своих обширных владений.

Кроме придела во имя покровителя своего и заступника святителя Николая в южной стороне главного храма, Стефан построил в честь его еще особую церковь вне монастыря, вблизи, для всегдашнего служения в честь этого святого.

Святой Стефан Урош всегда отличался нищелюбием и состраданием к несчастным, а теперь он особенно предался этого рода попечениям. Верстах в трех от Дечанской обители он создал еще особый монастырь для призрения больных, увечных и престарелых со всего своего царства. Обширные палаты этого богоугодного заведения были снабжены кроватями и всем необходимым для больных и увечных. Собрана была многочисленная братия для ухода за несчастными страдальцами. Сам Стефан постоянно посещал этот мо-

настырь. Для него было отрадою помогать несчастным. Иногда он прямо являлся в больницу, как король, и словом и беседою утешал несчастных, иногда же приходил переодетым воином и раздавал богатую милостыню. И это учреждение богато обеспечено было королевскими вкладами и пожертвованиями. Со всех концов Сербии стекались сюда больные и увечные, и одни, по выздоровлении, уступали место иным больным, другие же оставались здесь до конца своей страдальческой жизни.

Незадолго до смерти явился Стефану всегдашний его заступник и помощник, святой Николай Чудотворец, и сказал:

— Приготовься, Стефан, к исходу: ты вскоре должен предстать перед Господом!

Последние дни жизни Стефана Уроша III омрачены были великим несчастием — враждой к отцу сына его, «младого краля» Стефана Душана, кончившейся мученической смертью многострадального Стефана Уроша.

Стефан Душан, отличившийся подвигами храбрости в войне с болгарами, правил Зетскою областью. Своекорыстные бояре, служившее при нем, стали побуждать его отнять престол у отца и сделаться королем над всею Сербиею. Они пугали Стефана, что его постигнет такая же участь, как и его отца, ослепленного в детстве дедом его Милутином. Честолюбивый Стефан поверил наговорам, и в его области поднялось возмущение против отца.

Урош не желал вражды; он принял меры для прекращения восстания, после долгих переговоров повидался с сыном, который обещал не предпринимать ничего против отца. Стефан Урош опять оставил сына в покое, возлагая надежду на Бога. Но не того желали бояре. Они стали говорить Душану, что отец к нему питает затаенную вражду и погубит его. Доверяя этому, Стефан хотел было бежать из отечества в чужие страны, но бояре этого не допустили и снова побуждали Стефана покончить с отцом. Душан склонился на эти убеждения, — и в Сербии совершилось великое злодеяние.

После примирительного свидания с сыном Стефан Урош мирно жил в своих владениях — то в одном замке, то в другом, предаваясь делам благотворительности и не принимая никаких особых мер для своей безопасности. В то время, когда Стефан Урош находился в уединенном горном замке Петриче, близ Неродимля, внезапно при-

ехали туда зетские бояре со Стефаном Душаном во главе, окружили замок и захватили Стефана Уроша со всей семьей. Самого Стефана Уроша Душан приказал отвезти в отдаленный и уединенный недоступный замок Звечан[1], а жену и детей — в другое место.

Но этим дело не кончилось. Решено было совсем покончить со старым Сербским кралем. По распоряжению Стефана Душана отправились в Звечан некоторые из его приближенных, и Стефан Урош мученически скончался, будучи удавлен в замке[2].

Тело мученика привезено было в новопостроенную обитель Дечанскую и торжественно погребено в богатой гробнице в построенной самим Стефаном церкви Вознесения Господня.

Говорили, что Стефан Урош скончался естественною смертью, но, конечно, все скоро узнали правду и смотрели на покойного короля, как на мученика.

Через семь лет было чудесное явление экклесиарху Дечанской обители: в сонном видении некий неведомый муж повелевал извлечь из земли тело покойного короля Стефана. Экклесиарх пересказал видение игумену. Осторожный игумен успокаивал экклесиарха уверением, что это простой сон. Но явление повторилось. Наконец, в третий раз грозный муж явился уже не одному экклесиарху, но и игумену, и требовал того же.

Тогда игумен сообщил обо всем этом архиепископу. Собрался духовный собор в Дечанах. После молебствия открыли гроб Стефана, и по всему храму и вокруг его разнеслось благоухание; все узрели нетленные мощи святого мученика. Тогда же совершилось несколько чудес: прозрел слепец, припавший к мощам мученика; получали исцеление и другие болящие.

И впоследствии произошло много исцелений и других чудес. Святой Стефан всегда являлся на помощь с верою притекавшим к его заступлению и всегда охранял свою обитель от врагов, покушавшихся на ее достояние. Со времени открытия мощей святого мученика Дечанская обитель стала драгоценною святынею для православного сербского народа.

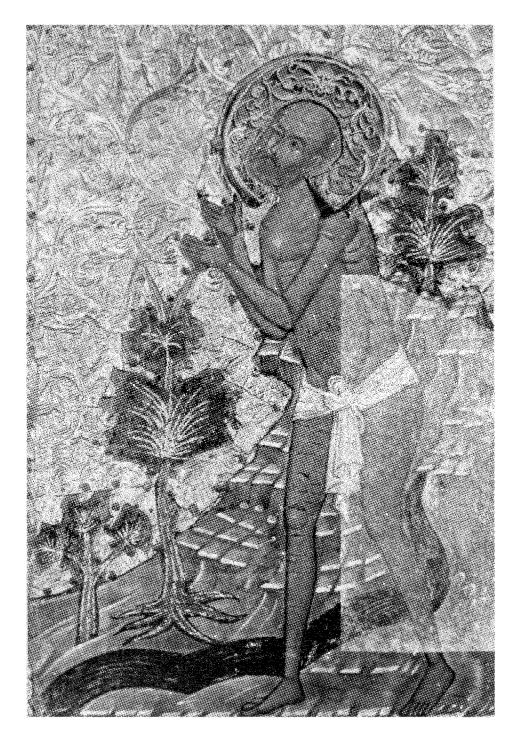
---

[1] *Замок Звечан*, развалины которого существуют и теперь, находился на северо-запад от Косова поля, за городом Митровицей, на левом берегу реки Ибра.

[2] Мученическая кончина святого Стефана Дечанского последовала 11 ноября 1331 года.

ПАМЯТЬ БЛАЖЕННОГО
МАКСИМА,
Христа ради юродивого, Московского чудотворца

Милосердый Господь открыл несколько путей для спасения и достижения вечного блаженства. Но самым трудным и тяжким из них является подвиг добровольного юродства. Блаженный Максим избрал себе этот путь и неуклонно шествовал им до самой своей кончины. Время не сохранило до нас подробного жития этого Московского чудотворца. Отказавшись от всех удобств жизни, он почти обнаженный ходил по улицам города Москвы, перенося и холод и жару. Своими изречениями он многих удерживал от зла или ободрял в трудах. «Хоть люта зима, да сладок рай», — часто говаривал он. «За терпение Бог даст спасение». «Бог велик, неправду сыщет. Ни Он тебя, ни ты Его не обманешь». «Всяк крестится, да не всяк молится».

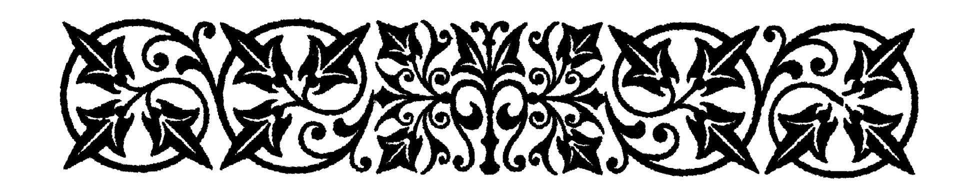


Блаженный Максим подвизался в первой половине XV века. То было тяжелое время для Русской земли: иго татар, голод, засухи и моровая язва угнетали народ. Своим терпением святой учил людей терпению. Проводя сам нестяжательную жизнь, он желал, чтобы и другие не забывали из-за временных богатств о своей душе, удерживал московских торговцев от несправедливых сделок: «Божница домашня, а совесть продажна. По бороде Авраам, а по делам Хам».

После таких подвигов блаженный Максим преставился 11 ноября 1433 года и был погребен у церкви святых Бориса и Глеба на

Варварской улице. Господу было угодно прославить чудесами Своего угодника. Так, у гроба святого в 1506 году произошло исцеление одного человека, у которого была сведена нога. В 1547 году, 13 августа, были обретены нетленные мощи блаженного Максима и тогда же было установлено празднование святому. Самые мощи оставались под спудом. Благоговейные чтители памяти святого построили придел над мощами святого Максима Московского в честь преподобного Максима Исповедника. В 1698 году, по усердию московских жителей Максима Верховитина и Максима Шаровникова, старые церкви были разобраны. При этом отвалившийся от стены камень открыл великое сокровище — целебные мощи святого блаженного Максима. Они были с честью перенесены в один из московских соборов, где находились во все время строения нового храма. Этот храм, существующий и доныне, был освящен во имя святого блаженного Максима с приделом в честь Максима Исповедника.

Около сорока лет хранились мощи блаженного в этом храме. В 1737 году произошел сильный пожар, известный под именем Троицкого. Пламя охватило и церковь во имя блаженного Максима Московского. Храм весь выгорел, сгорела и рака с мощами святого Максима. Уцелевшие части святых мощей были благоговейно собраны и переданы в этот храм в 1768 году. Здесь и до этого дня почивают мощи святого Максима, подавая исцеления во славу Божию. Аминь.



День двенадцатый

ЖИТИЕ
ИОАННА МИЛОСТИВОГО,
патриарха Александрийского

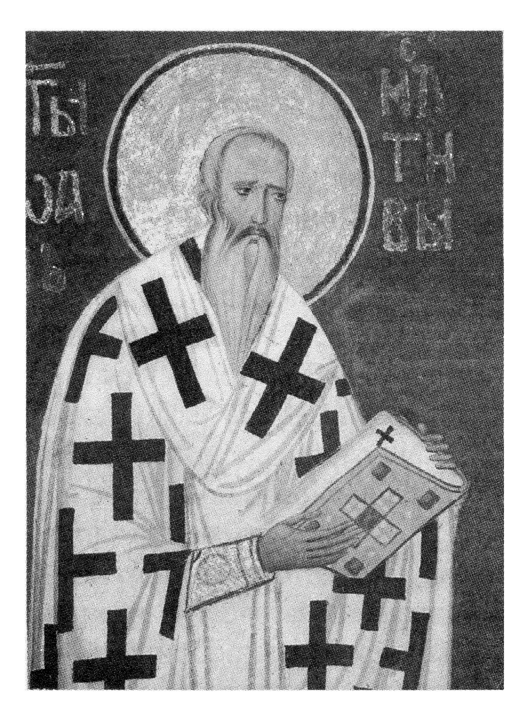
Святой Иоанн родился на острове Кипре и был сыном князя Епифания[1]. С юности он был воспитан в благочестии и страхе Божием, который был для него началом премудрости. Пришедши в возраст, он, по воле родителей своих, вступил в супружество и имел детей. Но вскоре Иоанн лишился детей, а потом и жены, ибо так благоизволил Бог, чтобы Иоанн, освободившись от служения плоти, предался жизни духовной. Освободившись от уз брачной жизни, он возблагодарил Бога и с этого времени, уже без всяких препятствий, усердно стал служить Господу, упражняясь в частой молитве и во всех богоугодных делах. Особенно же он был милосерд и милостив ко всем, терпящим бедствия от нищеты. За эти добродетели Бог прославил его среди людей, и не только среди равных себе, но и самим царем он был почитаем и прославляем. Спустя некоторое время, патриарший престол Александрийской[2] Церкви остался без пастыря; тогда император Ираклий[3], по Божественному усмотрению, почтил Иоанна саном патриарха. Святой хотя и не желал этого, но принужден был принять посвящение и стал архипастырем Александрийской Церкви.

---

[1] *Кипр* — остров в северо-восточной части Средиземного моря. — Епифаний был главным военным начальником на острове. Святой Иоанн родился в городе Амафунте, в южной части острова Кипра.

[2] *Александрия* — город в Египте, при западном рукаве реки Нила; основана Александром Македонским в 331 году до Рождества Христова.

[3] *Император Ираклий* царствовал с 610 по 641 год.



Вступив на патриарший престол, Иоанн прежде всего, как пастырь словесных овец, позаботился очистить свою паству от ереси, возмущавшей стадо Христово. Эта ересь получила свое начало от некоего Петра, по прозванию Фуллона, иначе Кнафея, Антиохийского лжепатриарха; он осмелился прилагать такие хульные слова к трисвятой песни: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, *распныйся за ны*, помилуй нас», — как будто бы в Господе нашем пострадало Божество[1].

Искоренив это еретическое учение, святой Иоанн всецело посвятил себя ревностному исполнению заповедей Божиих и делам благотворения. Ни один нуждающийся не уходил от него опечален-

[1] В Константинополе, во время епископства *святого Прокла* (434–447), ученика Иоанна Златоустого, в 439 году случилось сильное землетрясение, и весь народ пришел в ужас. Христиане крестным ходом обходили город, моля Бога прекратить бедствие и восклицая со слезами: «Господи, помилуй!» Вдруг, во время молебствия один отрок был поднят невидимою силою на воздух, и когда потом опустился на землю, рассказал, что видел лики Ангелов, воспевавших: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас!» Как только это пение было повторено, то землетрясение прекратилось. Эту священную ангельскую песнь было поставлено после того употреблять при богослужении. Но во время распространения ереси монофизитской, утверждавшей, что в Иисусе Христе пребывало тайно одно естество Божеское, поглотившее природу человеческую, некто Петр Фуллон, он же Кнафей, что значит *валяльщик сукна*, так как в молодости он занимался этим ремеслом (Фуллон — название валяльщика латинское, а Кнафей — греческое), еще будучи пресвитером, прибавлял к Трисвятому — «распныйся за ны». Впоследствии этот Петр был патриархом в Антиохии (в девятидесятых годах V века). Так как он был монофелит, то этой прибавкой хотел выразить, что в страданиях Спасителя страдало не только Его Божество, но даже и вся Святая Троица. Последователи Петра составили особую секту, под именем феопасхитов, сильно волновавшую православный мир; много этих последователей было в Александрии в патриаршество Иоанна Милостивого (609–620).

ным и с пустыми руками; всем просящим Иоанн раздавал милостыню, всех утешал в скорбях, не словом только, но и делом; он насыщал алчущих, одевал нагих, выкупал пленников и имел попечение о странниках и больных. Щедрость его была подобна реке, непрестанно и изобильно текущей и напояющей всех жаждущих.

В начале своего пастырства Иоанн призвал церковных экономов[1] и дал им такое поручение:

— Обойдите весь город и перепишите всех господ моих.

Экономы спросили его:

— Кто же это твои господа?

Патриарх ответил:

— Это те, которых вы называете нищими и убогими; они — мои господа, ибо они воистину могут способствовать мне в достижении спасения и ввести меня в вечные обители.

Экономы пошли и переписали всех убогих, найденных на улицах, в больницах и на гноищах. Всех их было найдено семь тысяч пятьсот человек, и всем им святой Иоанн повелел выдавать все, нужное для ежедневного пропитания.

В то время персы сделали нападение на Сирию и Палестину, сожгли святой город Иерусалим, взяли Честное древо святого Креста и отвели в плен много христиан[2]. Блаженный Иоанн отправил корабли с золотом и пшеницею для выкупа пленников и для оказания помощи находящимся в бедах; таким образом по своему милосердию он многих вывел из заключения и избавил от бедствий плена. А так как не всякий мог невозбранно приходить к нему, ибо слуги его не о каждом приходящем сообщали патриарху, то, вследствие

---

[1] *Экономы* заведовали церковным хозяйством. Эконом при патриархе ведал церковными доходами патриархии.

[2] Ираклий вел страшную войну с Хозроем II, царем персидским. Хозрой взял Сирию и Палестину; один из его отрядов завоевал Египет, а другой проник до Халкидона, находившегося на противоположном берегу Константинополя. Война была до того жестока, что, например, при взятии Иерусалима, Хозрой разрушил церкви, осквернил святые места. При этом, по преданию, избито было 90 000 христиан, и многие из них были куплены иудеями с нарочной целью избиения их. Это было в 614 году. Во время этих тяжелых бедствий патриарх Иоанн Милостивый и явился истинным целителем скорбей христиан. Война кончилась миром после побед над Хозроем Ираклия. Мир заключен был в 628 году уже сыном Хозроя, царем Сироем, который захватил пленных и Честный Животворящий Крест Господень.

этого, он выбрал два дня в неделю: среду и пяток, и в эти дни сидел с некоторыми благочестивыми людьми при церковных дверях, принимая всякого желающего, выслушивая его просьбы, обсуждая случавшиеся распри, защищая обижаемых и водворяя между верующими мир. При этом святой патриарх говорил окружавшим его:

— Если для меня никогда не возбранен вход ко Господу Богу моему и в молитве я беседую с Ним и прошу у Него, чего хочу, то почему же мне не дозволить моему ближнему невозбранного доступа ко мне, чтобы он сообщил мне о своей обиде и нужде и просил у меня, чего хочет? Должно бояться Сказавшего: *Какою мерою мерите, такою и вам будут мерить* (Мф. 7, 2).

Иногда случалось, что к блаженному Иоанну никто не приходил с просьбою в то время, когда он сидел при церковных дверях, ожидая желающих прибегнуть к нему; тогда он вставал огорченным и со слезами возвращался домой. При этом некоторые спрашивали его иногда:

— Отчего ты скорбишь и сетуешь?

Святой отвечал им:

— Ныне смиренный Иоанн ничего не нашел и ничего не принес Богу за грехи свои.

Друг его, блаженный Софроний[1], утешая его, говорил ему:

— Тебе поистине следует веселиться ныне, отче, так как словесные овцы твои живут мирно, без распри и споров, как Ангелы Божии.

Однажды церковные экономы сообщили святому Иоанну, что в толпе убогих стоят хорошо одетые девицы, испрашивающие милостыню, и при этом спросили его — нужно ли тем девицам, как и прочим нищим, подавать милостыню? Патриарх ответил:

---

[1] *Святой Софроний* — ученый монах из Дамаска (в Сирии) известен своей защитой Православия против монофелитов, признававших в Иисусе Христе одну волю и одно действование — Божеское. Это учение выродилось из учения монофизитов. Софроний ясно и отчетливо доказывал монофелиту, Александрийскому патриарху Киру (630–640), что учение о единоволии — ересь. В 634 году Софроний поставлен был патриархом Иерусалимским и еще с большей ревностью защищал Православие. Он созвал в Иерусалиме собор, на котором осудил монофелитство, а в послании к другим патриархам изложил основы православного учения о двух волях во Христе. Умер в 644 году. Память его совершается 11 марта.

— Если вы действительно рабы Христовы и верные слуги смиренного Иоанна, то подавайте так, как Христос повелел, невзирая на лица, не расспрашивая о жизни тех, которым вы даете. Знайте, что мы не свое отдаем, но Христово; и так будем давать, как повелел Он. Если же вы думаете, что церковного имения не хватит для столь великой милостыни, то я не желаю быть участником вашего маловерия. Я верую Богу, что если бы со всей вселенной сошлись в Александрию убогие, желая получить от нас милостыню, то и тогда не оскудеет наше церковное имущество.

И для того, чтобы они не были маловерны, святитель рассказал следующее:

— Когда, на шестнадцатом году моей жизни, я находился еще на острове Кипре, то однажды, ночью, я увидал, во время сна, весьма прекрасную девицу; она была блестяще одета и имела на голове масличный венок. Став близ моей постели, девица коснулась меня и разбудила. Проснувшись, я увидал, что она стоит предо мною уже не во сне, но наяву, и спросил ее:

— Кто ты такая, и как ты осмелилась войти ко мне?

Она же, смотря на меня светлым взором и улыбаясь кроткими устами, сказала:

— Я — старшая дочь Великого Царя и первая среди дочерей Его.

Услышав это, я поклонился ей. Она же продолжала:

— Если ты сделаешь меня своею подругою, то я исходатайствую тебе от Царя великую благодать и приведу тебя пред Лицо Его, ибо никто не имеет у Него такой силы и дерзновения, как я. Я низвела Его с неба на землю и побудила облечься в плоть человеческую для спасения людей.

Сказав это, она стала невидима. Удивляясь этому пречудному видению, я сказал себе:

— Поистине в образе девицы явилось ко мне Милосердие. Об этом свидетельствует масличный венок на ее голове, который является знамением милосердия; то же показывают и слова, произнесенные тою девицею: я, сказала она, низвела с неба на землю Бога, и Он воплотился. Создатель, видя человека погибающим, пожелал избавить его от погибели, ничем другим не побуждаемый, как только милосердием, ибо восхотел помиловать Свое создание. Поэтому, кто

желает обрести милость у Бога, тот должен иметь милосердие к ближним и подавать милостыню.

Так, размыслив сам с собою, я поспешно встал и пошел, с рассветом дня, в церковь. На пути я встретил нагого нищего, дрожавшего от холода. Я снял с себя верхнюю одежду и отдал ее тому нищему, говоря сам себе: «Теперь я узнаю, правда ли то, что я видел, или это было обольщение», — и пошел далее. Прежде чем я дошел до церкви, мне встретился, одетый в белые одежды, человек и передал мне в руки узел, в котором было завязано сто серебряных монет. При этом он сказал: «Друг! Возьми это и употребляй по своему желанию».

Я принял с радостью, но сейчас же раскаялся в том, что я принял, рассуждая, что находящееся в узле для меня не нужно; поэтому я обернулся назад, желая возвратить обратно то, что получил; но более, несмотря на тщательные поиски, уже не видал вручившего мне узел. Тогда я понял, что виденное мною была правда, а не обольщение. И с того времени, если я что подавал убогому, хотел испытать, воздаст ли мне Бог за то, как Он говорил, сторицею. И, многократно испытав это, я убедился, что это действительно — так. Наконец, я сказал себе: «Перестань, душа моя, искушать Господа Бога твоего!»

Однажды, когда святой Иоанн шел в больницу навестить больных (что он делал в течение недели дважды или трижды), его встретил какой-то странник, который просил милостыню. Иоанн приказал слуге дать встретившемуся страннику шесть серебряных монет. Взяв монеты, странник удалился. Но потом, желая испытать щедрость святого, он переменил на себе одежду и, отправившись по другому пути, снова встретил блаженного Иоанна и умолял его:

— Помоги мне, господин, бедному пленнику.

Иоанн вторично приказал дать ему шесть серебряных монет. Слуга же тихо заметил патриарху:

— Владыка, ведь это — тот самый нищий, который раньше получил шесть серебряных монет.

Но патриарх, притворившись, как будто не слышит этого замечания, снова повторил повеление подать просящему шесть монет. Странник, вторично получив милостыню, снова переоделся и иною дорогою встретил патриарха и в третий раз просил у него милостыни. Слуга опять сказал патриарху:

— Владыка! Тот, который в первый и второй раз взял у тебя по шести серебряных монет, теперь просит в третий раз.

Тогда блаженный отвечал слуге:

— Подай ему двенадцать монет, не Христос ли это искушает меня?

Один купец, потеряв все свое богатство в море, придя в крайнюю нищету, просил святого помочь ему. Святой дал ему пять литр[1] золота. Получив золото, купец накупил на него множество товаров и, сев на корабль, отправился по морю в другие города. Но, потерпев кораблекрушение, он снова потерял все и только сам еле живым спасся от потопления. Тогда он снова пришел к святому Иоанну и рассказал ему о случившемся. Иоанн заметил ему:

— Ты имел еще иное золото, собранное неправдою, и его ты смешал с церковным золотом, данным тебе мною. Вот почему погибло и то, и другое.

Сказав это, он дал ему еще золота, вдвое более прежнего, около десяти литр. Но и в третий раз купца постигло то же злоключение. Весь товар его погиб в море, и он уже не осмеливался показаться на лицо патриарху, но рыдал, сидя в своем доме, посыпав пеплом свою голову и намереваясь лишить себя жизни. Узнав об этом, святой призвал купца и сказал ему:

— Зачем ты приходишь в отчаяние от печали? Уповай на Бога, и Он не оставит тебя! Но я думаю, что это несчастие случилось с тобою от того, что ты владел неправильно приобретенным кораблем.

Сказав это, Иоанн приказал дать купцу церковный корабль, наполненный пшеницею, и затем отпустил его. Получив данный ему корабль с пшеницею, купец поплыл по морю. И вот внезапно поднялся сильный ветер и понес корабль в неизвестную страну. Купец, узрев в видении своего благодетеля, святого Иоанна Милостивого, патриарха Александрийского, стоявшего на корме и управлявшего кораблем, оставался в надежде, что по молитвам святого плавание придет к доброму концу. Через двадцать дней и столько же ночей они пристали к берегу Британии. В этой стране был тогда сильный голод. Народ, узнав, что к городу их поплыл корабль с пшеницею,

---

[1] *Литра* — фунт, византийская мера веса, равная семидесяти двум золотникам, в серебре стоила до сорока двух рублей, а в золоте — до пятисот шести рублей. Эту меру нужно отличать от литра — меры сыпучих и жидких тел.

весьма обрадовался и стал поспешно раскупать пшеницу. И так купец этот прибыльно продал там пшеницу, получив за одну половину проданного — золотом, а за другую — оловом[1]. На возвратном пути он прибыл в Декаполь[2]. Желая здесь продать олово, он увидел, что оно превратилось все в золото. Обогатившись таким образом, купец с радостью возвратился в Александрию и рассказал всем об этом удивительном чуде, которое произошло по молитве и милостыни святого Иоанна.

Как-то раз, когда святой шел в церковь, к нему подошел почтенный и благородный муж, у которого воры украли все имущество, так что он остался нищим. Пожалев, что столь почтенный и известный человек внезапно дошел до крайней нищеты, патриарх незаметно обратился к слуге и повелел ему сказать церковным экономам, чтобы они дали тому человеку пятнадцать литр золота. Экономы же, видя, что в церковном казнохранилище золота немного, ослушались патриаршего распоряжения и дали только пять литр, а десять удержали при себе. Когда святой патриарх возвращался из церкви домой, к нему подошла некая весьма богатая и почтенная женщина и дала ему в руки хартию, в которой она написала, что жертвует в церковь пятьсот литр золота. Приняв хартию и прочитав ее, патриарх, по благодати Святого Духа, уразумел, что та женщина не все передала, что определила дать в уме своем. Господь Бог это устроил для того, чтобы обличить экономов, которые не все отдали тому бедному человеку, которому патриарх приказал дать пятнадцать литр. Вернувшись домой, Иоанн позвал экономов и спросил, сколько они дали человеку, обокраденному ворами. Те солгали, говоря:

— Как ты, владыка, приказал, пятнадцать литр.

Обличив их ложь, скупость и преслушание, святой сказал им:

— Да истребует от вас Бог тысячу литр золота, потому что та благочестивая женщина намеревалась дать нам полторы тысячи. Но так как вы, не послушавшись меня, удержали десять, то поэтому Бог устроил так, что женщина удержала тысячу. Если же вы мне не верите, скоро сами о том точно узнаете.

---

[1] *Британия*, или нынешняя *Англия*, в древности славилась обилием олова.

[2] *Декаполь*, или *Десятиградие*, — в северной части Палестины, — города, заселенные греками.

Призвав к себе эту женщину, он, в присутствии экономов, спросил ее:

— Скажи нам, госпожа, сколько раньше ты предполагала, по любви твоей к Богу, пожертвовать золота в церковь?

Она же, заметив, что от святого не утаилось ее намерение, сказала:

— Действительно, владыка, за несколько дней ранее я решила передать в твои святые руки полторы тысячи литр золота, на что и составила письменное удостоверение. Но сегодня, развернув его, я нашла, — не знаю каким образом: слово — тысяча вытертым; осталось только пятьсот, и я помышляла в себе, что Бог не благоволит более, как только пятьсот литр передать твоей святыне. Так я и поступила.

Выслушав это, экономы весьма убоялись и устыдились и, упав к ногам святого, просили прощения.

Однажды в Александрию, по причине нашествия иноплеменников[1], собралось множество народа, следствием чего был сильный голод. Святой Иоанн, милосердствуя о голодающих, истратил все церковное имущество и даже остался должен тысячу литр золота. Тогда один второбрачный клирик, не имевший возможности вследствие второбрачия своего удостоиться получения священного сана, написал патриарху следующее:

— Я имею множество пшеницы, которую всю чрез твои руки желаю отдать Христу; при этом еще обещаю сто пятьдесят литр золота, — только сделай меня диаконом.

Святой, призвав его, стал укорять за желание приобрести на деньги священный сан.

— Раскайся в своем грехе и убойся наказания Гиезия[2]; Бог силен и без твоей пшеницы прокормить нас во время голода.

---

[1] Здесь разумеется нашествие персов на Египет, бывшее в 618 году, под предводительством Хозроя.

[2] В 4-й книге Царств повествуется о том, как пророк Елиссей исцелил Сирийского военачальника Неемана от проказы, не взяв за то денег. Слуга же Елиссея Гиезий, пожалев, что господин его ничего не взял от Неемана, выманил у него много серебра и две перемены одежд. Узнав об этом, Елиссей сказал Гиезию: «Пусть проказа Неемана пристанет к тебе и к твоему потомству навек». И вышел от пророка Гиезий белый от проказы, как снег (4 Цар. 5).

В то время, как он говорил это, явился вестник с сообщением, что из Сицилии[1] прибыли два корабля с большим количеством пшеницы; услышав о том, патриарх упал на колени и возблагодарил Бога, не оставляющего уповающих на Него.

Здесь уместно припомнить еще о кротости, смирении и незлобии святого Иоанна. Двое клириков за одно прегрешение были наказаны временным отлучением от церкви. Один из них покаялся, но другой, напротив, еще более утвердился в своей злобе и, в гневе на патриарха, делал весьма много худого. Услышав об этом, патриарх пожелал призвать его к себе и кротко убедить его отстать от своей злобы; но забыл это сделать, по Божественному о том устроению, чтобы, для всеобщей пользы, обнаружились смирение и кротость Иоанновы. В один из воскресных дней, совершая в церкви Божественную литургию, Иоанн вспомнил про того гневавшегося на него клирика и вместе с тем припомнил и слова Христа: *если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой* (Мф. 5, 23–24). Выйдя из алтаря, он подозвал того клирика и припал к ногам его, прося у него прощения. Клирик, увидав такое смирение своего патриарха, убоялся и сам упал ему в ноги, с плачем испрашивая прощения. Таким образом, Иоанн примирился с своим клириком, возвратился к алтарю и, дерзновенно совершив жертву, с чистою совестью мог произнести слова молитвы Господней: *и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим* (Мф. 6, 12). Клирик же тот, исправившись, стал проводить богоугодную жизнь, а затем сподобился и священнического сана.

Не менее поразителен другой пример кротости, обнаруженной святым Иоанном. Один содержатель гостиницы в Александрии обесчестил ругательными и укорительными словами племянника блаженного, по имени Георгия. Придя к своему дяде, Георгий горько жаловался на обесчестившего его человека. Видя своего племянника весьма смущенным и желая успокоить его, Иоанн сказал:

---

[1] Остров на юге Италии в Средиземном, море, славившийся плодородием своей почвы и потому считавшийся в древности житницей Италии.

— Он, худородный, осмелился обесчестить моего племянника! Свидетельствуюсь Богом, что отомщу этому оскорбителю и поступлю с ним так, что от того придет в изумление вся Александрия!

Немного успокоившись от этих слов патриарха, Георгий перестал рыдать. Тогда кроткий и смиренный сердцем Иоанн стал говорить ему:

— Возлюбленный сын! Если ты хочешь быть моим родственником, то будь готов претерпевать не только оскорбления, но подъять и раны, и для Бога все прощать ближнему. Желаешь ли ты быть благородным? Тогда ищи благородства не по крови, но от добродетели. Истинное благородство украшается не столько славою предков, сколько добрыми делами и богоугодною жизнью.

Таким образом умиротворив своего племянника, святой позвал надсмотрщика над гостиницами и приказал ему, чтобы он с того человека, который обесчестил Георгия, не брал церковной подати, которую тот должен был давать ежегодно, но предоставил ему жить свободно.

И действительно, Иоанн, согласно своему обещанию, поступил с оскорбителем так, что удивилась вся Александрия: вместо наказания и мести, он оказал ему благодеяние.

Желая непрестанно содержать в своем уме память смертную, блаженный Иоанн приказал устроить для себя гроб, только не отделывать его. При этом он приказал экономам, чтобы они во все торжественные праздники приходили к нему и в присутствии всех громко говорили:

— Владыка! Твой гроб еще не доделан; прикажи его доделать, ибо смерть приходит, как тать, и ты не знаешь, в какой час она появится.

Так святой Иоанн имел постоянную память о смерти и всегда был готов к ней.

Однажды к святому пришел некий богатый вельможа, и ему удалось увидать постель святого, которая была покрыта худым одеялом. Отправившись домой, вельможа послал патриарху одеяло, стоимостью в тридцать шесть золотых, и просил его покрываться тем одеялом. Патриарх, не желая оскорбить вельможу, взял, по усиленной его просьбе, одеяло и оделся им на одну только ночь. При этом он говорил сам себе:

— Горе тебе, окаянный Иоанн, так как ты одеваешься многоценным одеялом, а Христова братия — нищие застывают от мороза. Сколько человек ночуют без всякого покрова на ветру и стуже и имеют только небольшую рогожку или изодранное рубище! Сколько нагих валяются по навозным кучам и дрожат от стужи, страдая вдвойне: от голода и холода, оставаясь без сна в течение целой ночи, хотят есть и умирают от стужи! Увы мне! Сколько убогих, подобно Лазарю, желающих насытиться от крупиц, падающих с моей трапезы! Горе мне! Сколько в этом городе странников и пришельцев, не имеющих где преклонить голову, которые, проводя ночи на улицах и претерпевая всякие бедствия, благодарят за все Владыку Христа! Ты же, Иоанн, желая получить вечный покой, здесь пребываешь в роскоши и покое и имеешь все, что ни пожелаешь: живешь в прекрасных палатах, носишь мягкую одежду, пьешь вино, ешь отборную рыбу. И при всем этом ты оделся еще и многоценным одеялом. Чего же ты можешь ожидать в будущем веке? Нет, окаянный Иоанн, проводя такую жизнь, ты не получишь вечного Царствия, но услышишь то же, что и евангельский богач: *Безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?* (Лк. 12, 20). Бог — свидетель, что смиренный Иоанн не оденется этим одеялом в другую ночь, но на деньги, полученные от продажи одеяла, будут одеты нищие и убогие!

С наступлением дня святой поспешно отправил одеяло на рынок для продажи, чтобы за цену стоимости его купить одеяние убогим. Но когда продавали одеяло, случайно проходил мимо тот вельможа, который подарил одеяло блаженному Иоанну. Увидав, что оно продается, вельможа купил его и снова отослал к Иоанну, упрашивая его, чтобы он сам им покрывался. Взяв одеяло, святой снова отослал продавать его. Вельможа, увидав, что одеяло продается опять, вторично купил его и отослал к Иоанну с просьбою, чтобы он сам одевался им. Иоанн же и в третий раз послал продать одеяло, но вельможа и в третий раз, купив, отослал к Иоанну. После этого Иоанн велел сказать этому вельможе:

— Увидим, кто из нас утомится первый: я ли — продавать, или ты, покупать и вновь отдавать мне?

Таким способом святой Иоанн приобрел от того вельможи много золота, которое и роздал убогим.

Блаженный умел привлечь к подаянию милостыни и скупых, и сребролюбцев. Зная про некоего епископа, по имени Троила, что он весьма скуп и сребролюбив, Иоанн пригласил его с собою в больницу навестить болящих и убогих. Заметив, что Троил имеет при себе золото, он сказал ему:

— Отче Троиле! Вот тебе случай, чтобы утешить эту убогую братию, подав им милостыню.

Троил, стыдясь показаться скупым, вопреки своему желанию начал всем раздавать милостыню, начиная с первого до последнего, и истратил тридцать литр золота. Но потом он стал сожалеть, что роздал столько золота убогим. Придя домой, Троил так много печалился о розданном золоте, что слег в постель. Между тем святой Иоанн послал за ним, приглашая его на обед. Троил отказался идти на обед, говоря, что болен. Догадываясь о причине его болезни, — что он разболелся, сокрушаясь об истраченных деньгах, — Иоанн захватил с собой тридцать литр золота и отправился навестить болящего. Придя к нему, он сказал:

— Вот я принес тебе золото, которое взял у тебя в больнице взаймы, — возьми его, а мне дай записку в том, что ты передаешь мне ту награду от Господа, которая предназначалась для тебя за розданное золото.

Увидав золото, Троил сильно обрадовался и, получив его, тотчас выздоровел и тут же написал следующее:

— Боже милосердый! Даруй награду господину моему Иоанну, патриарху Александрийскому, за тридцать литр золота, которые я раздал нищим, ибо он возвратил мне мое золото.

Получив эту записку Троила, Иоанн позвал его к себе на обед. Угощая его, святой внутренне молился Богу, чтобы он избавил Троила от такого сребролюбия. И вот ночью Троил в видении узрел весьма прекрасный дом, неописуемой красоты, над дверьми коего была золотая надпись: «Обитель и вечный покой епископа Троила».

Троил весьма обрадовался столь прекрасному, уготованному для него, дому. Но внезапно явился какой-то величественный и грозный муж, как бы царский кувикуларий[1], и сказал слугам:

— Господь всего мира повелел изгладить эту надпись.

И немедленно слуги изгладили. Явившись вторично, тот же муж сказал слугам:

---

[1] *Кувикуларий* — постельник при царском дворе.

— Напишите так: «Это обитель и вечный покой Иоанна, патриарха Александрийского, который купил их для себя за тридцать литр золота».

Пробудившись от сна, Троил исполнился ужаса, сильно скорбел, что лишился приготовленного ему дома на небе, и укорял себя за любовь к золоту. Встав, он поспешно пошел к блаженному Иоанну и рассказал ему о том, что видел. Блаженный Иоанн с обычною своею кротостью преподал ему наставление и отпустил с миром. С того времени Троил исправился и сделался весьма нищелюбивым и милостивым ко всем.

Господь, испытывавший некогда терпение праведного Иова, посетил и блаженного Иоанна тягостным испытанием. Однажды корабли, принадлежавшие Александрийской Церкви и нагруженные доверху товарами, были в Адриатическом море[1]. Вдруг поднялась буря и такое сильное волнение, что корабли едва не потонули. Опасность была так велика, что пришлось весь груз бросить в море. Так случилось по Божественному попущению, *дабы испытанная вера* святого Иоанна *оказалась драгоценнее гибнущего, хотя и огнем испытываемого золота, к похвале и чести и славе в явление Иисуса Христа* (1 Пет. 1, 7)[2]. Кораблей было тринадцать, цена же всех находившихся на них товаров достигала до трех тысяч трехсот литр золота. Лишившись такого имущества, которым он мог бы в течение многого времени питать и одевать нищих, святой Иоанн переносил это с благодарностью, часто повторяя слова Иова: *Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!* (Иов. 1, 21). Когда же к нему явились многие из начальствующих горожан, желая утешить его в печали, он отвечал им:

— Я виноват в гибели церковного имущества, ибо если бы я не превозносился умом, что подаю большую милостыню, тогда не погибло бы в море такое ценное имущество. Я возгордился, отдавая не свое, но Божие. И вот Бог, желая смирить меня, попустил такое обнищание, ибо нищета смиряет человека. Теперь же я и сам сознаю, что из-за гордости лишился награды у Бога и причинил большую

---

[1] *Адриатическое море* между Апеннинским и Балканским полуостровами.

[2] Так писал апостол Петр христианам Малой Азии, увещевая с радостью переносить скорби.

потерю неимущим, ибо те, пища которых погибла, будут претерпевать голод. Но не ради меня, а ради их самих Господь не оставит неимущих и подаст им все потребное.

Таким образом придяе утешать Иоанна сами получили от него утешение и наставление. Господь же вскоре послал Иоанну вдвое более прежнего.

Иоанн подавал нищим большую милостыню и особенно помогал терпящим какую-либо обиду. Однажды, когда он шел в церковь святых мучеников Кира и Иоанна[1], к нему подошла бедная вдова и, рассказав о великой обиде, причиненной ей зятем, просила защиты у святого патриарха. Сопровождавшие Иоанна сказали ему:

— Владыка, выслушай просьбу этой вдовицы уже тогда, когда возвратишься домой!

Святой отвечал:

— Как же ныне Бог услышит мою молитву, если я не выслушаю ее немедля?

И он не тронулся с места, пока не выслушал вдовицу и не защитил ее от обиды.

Один юноша, по смерти своих родителей, остался без всяких средств к существованию. Иоанн, узнав об этом, спросил находившихся при нем, каким образом этот юноша впал в нищету (ибо он слышал, что его родители были весьма богаты). Боголюбивые мужи рассказали ему, что родители этого отрока были весьма милостивы и все свое имущество роздали убогим, а своему сыну оставили только десять литр золота. Но пред своею смертью отец юноши (мать его умерла раньше), позвав его, предложил ему на выбор золото и образ Пречистой Богородицы и сказал:

— Любезный сын! Из всего нашего имущества осталось только десять литр золота; все остальное мы передали в руки Христу. Отвечай же мне: чего желаешь ты: золото ли или образ Владычицы нашей Богородицы, твоей помощницы и питательницы?

Отрок, презрев золото, взял икону Пречистой Богородицы, а золото просил раздать бедным. И вот нищим было отдано и последнее

---

[1] *Кир* и *Иоанн* — безмездные врачи, мученики Александрийские. Мощи их почивают в Риме и открыты были в царствование императора Аркадия (394–408). Память их празднуется 31 января и 28 июня.

имущество. Когда отец умер, отрок остался бедняком и теперь испытывает всевозможные лишения. Несмотря на это, он каждый день и ночь молится в церкви Пресвятой Богородицы.

Выслушав этот рассказ, преподобный Иоанн подивился добродетели и разуму этого отрока, душевно полюбил его и с того времени, как истинный отец сирот, имел попечение о нем и размышлял, какое бы оказать ему благодеяние. Однажды он тайно призвал своего эконома и сказал ему:

— Я желаю тебе сообщить одну тайну, но смотри — никому не говори о ней.

Эконом обещал сохранить тайну, которую святой ему скажет. Тогда патриарх сказал:

— Поди, возьми старую хартию и напиши на ней предсмертное завещание от имени некоего Феопемпта так, чтобы из этого завещания выходило, будто я и этот бедный отрок близкие между собою родственники. Затем приди к тому юноше и скажи ему: «Брат, знаешь ли, что ты близкий родственник патриарху? Поэтому тебе унизительно оставаться в бедности». При том покажи ему написанное и прибавь: «Чадо, если ты стыдишься объявить патриарху, что ты — его родственник, то я скажу ему о тебе».

Выслушав распоряжение Иоанна, эконом поступил так, как приказал ему патриарх. Он написал на ветхой хартии завещание, из которого явствовало родство бедного юноши с патриархом. Призвав затем юношу к себе, он показал ему завещание и сказал, что нашел его между старыми бумагами его отца. Прочитав завещание, отрок сначала обрадовался, но потом устыдился, что он весьма беден и одет в худое рубище, и просил эконома, чтобы он сказал о нем патриарху. Эконом, придя к святому, сообщил ему просьбу отрока, и святой сказал:

— Скажи отроку — патриарх так говорит: «Я припоминаю, что мой дядя имел сына, но я не знал последнего в лицо. Ты хорошо сделаешь, если приведешь его ко мне. Принеси также и завещание с собою».

Эконом привел отрока и показал рукопись преподобному. Патриарх с любовью обнял юношу и сказал:

— Хорошо, что ты пришел, ибо ты — сын дяди моего.

Святой снабдил юношу большим имуществом, купил ему дом и все потребное для жизни, женил его на благородной девице и постарался сделать его богатым, славным и честным, чтобы исполнились слова псалма: *Я не видал праведника оставленным и потомков его просящими хлеба* (Пс. 36, 25).

Святой Иоанн весьма часто навещал больных, которым сам прислуживал, и напутствовал умирающих своими молитвами, помогая им при их кончине. Кроме этого, он часто совершал Божественную литургию за умерших и говорил, что совершаемая за умерших Божественная литургия приносит великую пользу усопшим. В подтверждение этого святитель указывал на событие, случившееся немного ранее этого времени на острове Кипре.

— Один пленник из Кипра, — говорил он, — находился в Персии в тяжком заключении. Родителям его, жившим на Кипре, было сообщено, будто он уже умер, так что они оплакивали его, как умершего. Трижды в год они стали справлять память о нем, делая приношения в церковь за его душу, для совершения Божественной службы. По прошествии четырех лет сын их убежал из плена и возвратился домой. Родители, увидав его, удивились, подумав, что он воскрес из мертвых. Возрадовавшись его освобождению, они рассказали ему, что три раза в год совершали о нем поминовение. Сын спросил, в какие дни они совершали поминовение. Они отвечали, что — в день Богоявления, Пасхи и Пятидесятницы. Он же, услышав это, припомнил и сказал: «В те дни приходил ко мне в темницу со светильником некий величественный муж, оковы ниспадали с моих ног, и я был свободен. В остальные же дни я, как узник, снова пребывал в оковах».

Блаженный Иоанн весьма опасался осуждать людей за грехи, в особенности иноков. Один раз ему случилось несправедливо осудить инока, и после того он не принимал никаких доносов на них и не осуждал их. Происшествие заключалось в следующем. Один юный инок в течение нескольких дней ходил по Александрии с весьма молодой и красивой девицей. Видя это, некоторые соблазнились, подумав, что он ведет с нею беззаконную жизнь, и сообщили о том святому патриарху. Последний приказал немедленно схватить обоих, подвергнуть телесному наказанию и запереть отдельно друг

от друга в темнице. С наступлением ночи инок явился патриарху во сне, показал ему свои сильно израненные от побоев плечи и спросил его:

— Того ли ты хотел, владыка? Так ли ты научился у апостола пасти стадо Христово, *не нуждею, по волею* (слав. 1 Пет. 5, 2)? Поверь мне: ты обманут, как человек!

С этими словами он удалился от него. Патриарх же, пробудившись от сна, размышлял относительно виденного, что бы оно значило, и, сознав свое прегрешение, сетуя и скорбя, сидел на постели. С наступлением утра он дал приказание привести того инока, желая взглянуть, похож ли он на явившегося ему в сновидении. Инок пришел с большим трудом, ибо от множества ран едва мог двигаться. Патриарх, увидав его, помертвел, будучи не в силах вымолвить ни слова, и только рукой дал ему знак сесть подле себя. Потом, придя в себя, он попросил инока, чтобы он снял свою одежду и показал ему плечи, чтобы удостовериться, так ли он изранен, как видел во сне. Когда, после настоятельных просьб, инок стал снимать свою одежду, то все увидели, что он — евнух. Патриарх, видя его израненное тело, весьма сожалел о случившемся и, послав за оклеветавшими инока, отлучил их на три года от Церкви, у инока же просил прощения.

— Прости мне, брат, — говорил он ему, — так как я сделал это по неведению. Согрешил я пред Богом и пред тобою. Однако тебе не следовало так неосторожно проводить время с девицею на соблазн мирским людям, ибо ты носишь иноческий образ.

Инок смиренно отвечал:

— Владыка, поверь мне, что я не солгу тебе, а скажу правду. Раньше, когда я был в Газе[1] и шел поклониться гробнице святых мучеников Кира и Иоанна, вечером меня встретила эта девица и, припав к моим ногам, со слезами умоляла меня, чтобы я не запрещал ей идти со мною. Но я, оттолкнув ее, обратился в бегство. Она же, идя следом за мною, говорила:

— Заклинаю тебя Богом Авраамовым, пришедшим спасти грешников и хотящим судить живых и мертвых, — не оставляй меня!

[1] *Газа* — город в Палестине, на восточном берегу Средиземного моря, к юго-западу от Иерусалима.

Услышав это, я сказал ей:

— Девица, зачем ты так меня заклинаешь?

— Я — еврейка, — отвечала она мне с рыданием, — и желаю оставить отеческую злую веру и сделаться христианкой. Умоляю тебя, отче! Не отвергай меня, но спаси душу, желающую уверовать во Христа.

Услышав это, я убоялся суда Божия и, захватив девицу с собой, преподал ей наставление в святой вере. Придя затем к гробнице святых мучеников, я крестил ее в церкви и, в простоте сердца, ходил с нею, думая поместить ее в женском монастыре.

Выслушав рассказ инока, патриарх вздохнул и сказал:

— Сколько имеет у себя Бог сокровенных рабов, мы, окаянные, того и не знаем.

Потом он рассказал всем окружавшим свое сновидение и, взяв сто золотых монет, хотел отдать их тому иноку; но инок не пожелал взять ни одной, говоря:

— Если инок верует, что о нем промышляет Бог, то он не нуждается в золоте; если же любит золото, то не верует, что существует Бог.

Сказав это, он поклонился патриарху и ушел. С тех пор блаженный Иоанн стал еще сильнее уважать иноков; он устроил для успокоения странствующих иноков монастырь и воздерживался от осуждения.

Добрый пастырь наставлял и овец своих духовных, чтобы не осуждали никого, если бы даже и знали за кем-либо грех, но лучше взирали бы на свои грехи, а не на чужие. Случилось как-то, что из Александрии некий юноша с инокинею убежал в Константинополь. Все стали осуждать его и говорили:

— Он загубил две души: и свою и инокини, и притом послужил для всех соблазном. Между тем в Евангелии сказано: *горе тому человеку, через которого соблазн приходит* (Мф. 18, 7).

Тогда святой Иоанн сказал им:

— Чада, перестаньте осуждать, так как и вы виноваты в двух грехах: во-первых, осуждая согрешившего, вы нарушаете заповедь Божию: *не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намере-*

ния (1 Кор. 4, 5); а с другой стороны — клевещете на брата, не зная, согрешает ли он до настоящего времени или уже покаялся.

В назидание он рассказал им следующую повесть:

— Некий инок проходил по улицам города Тира[1]. Его заметила блудница, по имени Порфирия, которая была всем известна в том городе, и стала кричать вслед инока:

— Отче! Спаси меня, как и Христос спас блудницу!

Инок же, ни во что вменив суд человеческий, сказал ей:

— Следуй за мной!

И взяв ее за руку, вывел из города на глазах у всех. После этого по всему городу пронеслась молва, что инок взял себе в жены блудницу Порфирию. Когда инок вел последнюю в женский монастырь, Порфирия нашла на дороге брошенного ребенка и взяла его себе, чтобы воспитать его вместо сына. Спустя некоторое время некоторым гражданам тирским довелось быть в той стране, где проживал старец и Порфирия. Заметив, что она имеет ребенка, они сказали ей с насмешкою:

— Хорошего ты, Порфирия, родила ребенка.

Вернувшись, они рассказали всем, что Порфирия от монаха родила ребенка: «Мы его видели своими глазами, — говорили они, — и он весьма походит на монаха». Когда же старец провидел свою кончину и отшествие ко Господу, он сказал Пелагии (так переименовал он Порфирию по принятии ею иночества):

— Пойдем в Тир, куда мне необходимо ныне идти. Мне угодно, чтобы и ты сопровождала меня.

Покорная воле старца, Пелагия отправилась с ним. Они пошли в город, взяв с собою и ребенка, которому было уже семь лет. Когда они вошли в город, старец расхворался, и многие горожане пришли навестить его. Тогда старец сказал пришедшим навестить его:

— Принесите мне кадильницу.

Ему принесли. Он, взяв кадильницу, высыпал себе за пазуху горящие угли из нее и держал их до тех пор, пока они не остыли. Угли не опалили ни тела, ни одежды его. При этом старец сказал людям:

— Благословен Бог, некогда сохранивший купину неопалимою

---

[1] *Тир* — древняя столица Финикии, был расположен на восточном берегу Средиземного моря, к северу от Палестины.

от огня! Он свидетель, что, подобно тому, как горячие угли не опалили моего тела и огонь не прикоснулся к одежде моей, так и я с самого дня рождения своего не познал плотского греха.

Сказав это, старец предал душу свою Господу. Все, видевшие это, дивились и прославили Бога, имеющего у Себя втайне подвизающихся рабов Своих.

Рассказав эту повесть людям, святой Иоанн поучал их такими словами:

— Итак, братия мои и чада, не будьте поспешны в осуждении. Мы часто замечаем грех человека согрешающего, покаяния же его, втайне им соделываемого, не видим.

Так этот добрый пастырь поучал своих словесных овец и с кротостью управлял Христовою Церковью.

Случилось, что персы сделали нападение на их страну. Иоанн, памятуя слова Спасителя: *Когда ... будут гнать вас в одном городе, бегите в другой* (Мф. 10, 23), решился удалиться на время в Константинополь. Когда он отплыл от Александрии, то заболел и лежал в постели. И вот в видении он видит некоего светозарного мужа, держащего золотой скипетр и говорящего:

— Царь царей зовет тебя к Себе.

Из этого видения святой узнал, что приблизился конец его жизни. Приплыв на свою родину в Кипр, он не мог пуститься в дальнейший путь и, достигнув родного города Амафунта, с миром преставился ко Господу. Умирая, святой Иоанн говорил:

— Благодарю Тебя, Господи Боже мой, что Ты сподобил меня принести Тебе Твое, и что из благ мира этого ничего для меня не осталось, кроме лишь третьей части сребреника; но и относительно этой части я завещеваю, чтобы она была отдана нищим. Когда я был назначен Александрийским патриархом, я нашел в моей епархии около восьми тысяч литр золота; от приношений же боголюбцев я собрал более десяти тысяч литр, которые все отдал я Христу. Ему же предаю ныне и душу мою[1].

---

[1] Блаженный Иоанн преставился в 619 году, 11 ноября. Память же его празднуется 12 ноября, потому что 11 ноября в Египте торжественно праздновалась память мученику Мине, а в Константинополе — Феодору Студиту. Мощи святого Иоанна Милостивого первоначально перенесены были в Константинополь (23 января), а позднее — в город Пресбург, в Венгрии, где находятся и в настоящее время.

Блаженный был погребен в своем родном городе Амафунте, в церкви святого Тихона чудотворца[1], вместе с двумя, почивающими там, епископами. При этом произошло следующее событие. Когда хотели с ними положить святого Иоанна, то те тела, раздвинувшись, как живые, отделились друг от друга и в средине между собою дали место Иоаннову телу. Это чудо все присутствовавшие видели воочию и, пораженные, с изумлением прославляли Бога.

Нельзя также умолчать и о следующем чуде, которое случилось после погребения святого Иоанна. Одна женщина, впав в тяжкий грех и стыдясь исповедать его своему отцу духовному, с верою пришла к блаженному Иоанну, когда он был еще жив, но уже болел и близок был к смерти. Поклонившись ему в ноги, она с воплем и обильными слезами говорила:

— О преблаженный! Я — страшная грешница, и грех мой так ужасен, что я никому не смею открыть его. Но я знаю, что ты, если захочешь, можешь простить меня. Ибо Господь вам сказал: *что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах*, и: *кому простите грехи, тому простятся* (Мф. 16, 19; Ин. 20, 23).

Блаженный отвечал:

— Если ты пришла с верой, то исповедай предо мною свой грех.

На это женщина сказала:

— Владыка, я не могу исповедать греха своего, потому что великий стыд удерживает меня.

Преподобный сказал ей:

— Если ты стыдишься исповедать устами, то пойди — напиши на хартии и принеси ко мне.

Она же сказала:

— Я и этого не могу исполнить.

Тогда святой сказал:

— Напиши, запечатай и отдай мне.

Написав свой грех, женщина заклинала святого не разрывать печати и не читать ее писания. Получив его, Иоанн на пятый день после того преставился. О письме же том он никому не рассказал. Женщины той тогда в городе не было. Утром, после его похорон, женщина эта пришла в город и, узнав, что патриарх умер и похоронен, горько скорбела, ибо она думала, что другие, после его смерти,

[1] Память его празднуется 16 июня.

взяв ее писание, прочитали о грехе ее. Придя ко гробу святого, она взывала к нему, как бы к живому.

— Человек Божий, — восклицала она, — я не осмелилась тебе самому исповедать греха моего, и вот, в настоящее время, он стал всем известен. О, лучше бы не отдавала я тебе той хартии с грехами моими. Горе мне, окаянной! Я стыдилась тебя, но теперь постиг меня еще больший стыд, и я стала посмешищем для всех. Но я не отступлю от твоей гробницы, пока ты не возвестишь мне, куда ты девал мое писание. Ведь ты не умер, но продолжаешь жить и ныне.

В таком состоянии она пробыла у гробницы Иоанна три дня. На третью ночь святой Иоанн воочию вышел из своего гроба, с двумя лежащими с ним епископами, и сказал плачущей:

— Женщина, доколе ты не оставишь нас в покое и не перестанешь слезами омочать наши одежды?

Сказав это, он передал ей запечатанное письмо со словами:

— Возьми свое письмо и, распечатав, взгляни.

После этого мертвые снова легли в свои гробы. Женщина же, приняв хартию, увидела свою печать целой и, сняв ее, нашла написанное ею стертым, а вместо этого было написано:

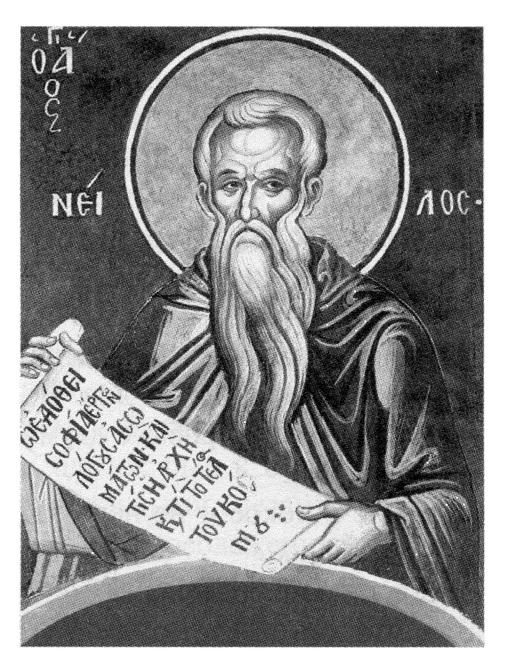
— Ради раба Моего Иоанна, изглажен грех твой.

Женщина, получив чудесно отпущение своих грехов, сильно возрадовалась и возвратилась в свой дом, славя и хваля Бога и величая угодника Его, святого Иоанна Милостивого, молитвами которого да явит и нам Господь Свою милость, да загладит все грехи наши и да впишет нас в книгу живота во веки веков. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
НИЛА ПОСТНИКА

Преподобный Нил был родом из Константинополя, где он получил прекрасное воспитание, изучил всю книжную премудрость и был прекраснейшим оратором[1]. Достигнув совершеннолет-

[1] Преподобный Нил родился во второй половине IV века и был учеником святого Иоанна Златоустого.



него возраста, он женился на одной добродетельной женщине, от которой имел двух детей — сына и дочь. Вследствие своего знатного происхождения и личных достоинств, Нил был назначен префектом столицы[1]. Он проводил богоугодную и добродетельную жизнь; но пороки, господствовавшие при царском дворе, заставили его опасаться за свое спасение и покинуть свет. Познав всю суету сего мира, который весь во зле лежит (см.: 1 Ин. 5, 19), проникшись убеждением, что в нем нет ничего постоянного, ничего вечного и справедливого, но все извращено, исполнено неправды, Нил стал стремиться к узкому, но спасительному пути, ведущему к жизни вечной, исполненной истинного и неизменного веселия и бесконечного блаженства. Он убедил супругу свою, чтобы она дала свое согласие на его удаление из мира. Раздав все свое имущество нищим, они отпустили на свободу рабов и рабынь; затем разделили между собою попечение о своих детях. Супруга Нила взяла себе дочь, а он — сына, Феодула, с которым и удалился из Константинополя, оставив мир и все мирские пристрастия[2]. Супруга Нила с дочерью удалилась в Египет и там, в одном из женских монастырей, восприяла иноческий образ, и стала ревностно служить Господу в подвигах благочестия. А блаженный Нил с сыном своим Феодулом удалился на Синайскую гору[3] и, поселившись в пустыне, подражал жизни преподобных пустынных отцов, проводя время в посте, подвигах,

[1] Одно из самых высших должностных лиц, заведовавшее высшим полицейским управлением города.

[2] Это было около 390 года.

[3] *Синайская гора* — в северо-западной части Аравии, на восточном прибрежье Красного моря. *Синай* — почти с самого начала происхождения христианского монашества был излюбленным местом восточного подвижничества и славился подвигами своих иноков.

прилежа молитве и бдению, умерщвляя плоть многоразличными иноческими трудами.

Здесь преподобный поселился в пещере, выкопанной собственными руками, где и подвизался в продолжение сорока лет. Молва о нем скоро распространилась повсюду, и многие лица всякого звания и состояния стали обращаться к нему за наставлениями и молитвой.

Когда преподобный услышал о ссылке святого Иоанна Златоуста в заточение[1], то смело и безбоязненно возвысил из глубокого безмолвия свой голос и немедленно обличил императора Аркадия, написав ему послание с строгим обличением неправд его против великого святителя.

Когда он таким образом проводил отшельническую жизнь в подвигах иночества, для испытания его любви к Господу ему было послано еще особенное искушение. На пустыню ту сделали набег варвары[2], которые, подобно диким зверям, внезапно напав, многих святых отцов убили, а иных взяли в плен. Вместе с другими они отвели в плен и Нилова сына Феодула. Нил горько рыдал о сыне, в особенности же, когда услышал, что он обречен был варварами на принесение в жертву языческим богам. Но Бог сохранил Феодула целым и невредимым, потому что его выкупил у варваров епископ города Емеса[3], назначивший его впоследствии церковным клириком. Узнав об этом, Нил сам отправился в город Емес и с честью был там принят епископом, который, против его желания, — рукоположил его в сан пресвитера и упрашивал его жить при нем. Когда же блаженный Нил не пожелал оставаться там, но решился снова удалиться в Синай, епископ возвратил ему его сына и с миром отпустил их. Блаженный Нил, вторично придя вместе с сыном к месту своего первоначального пребывания в Синае, прожив здесь много лет, с миром преставился ко Господу[4]. От преподобного Нила оста-

---

[1] Это было в 405 году.

[2] Здесь разумеется племя влеммидов, принадлежавших к арабскому племени и обитавших в Аравии.

[3] *Емес* — город в Сирии, на восток от реки Оронта, впадающей на северо-западе Сирии в Средиземное море.

[4] Кончина преподобного Нила Постника последовала около 450 года. В пустыне провел он всего шестьдесят лет.

лось много душеполезных постнических слов, исполненных премудрости, и писем к различным лицам о разных предметах веры и благочестия христианского[1].

ПАМЯТЬ СВЯТОГО ПРОРОКА
АХИИ

Святой пророк Ахия происходил из города Силома[2] и жил в царствование Соломона и Иеровоама[3]. При Соломоне он предсказал Иеровоаму разделение царства Соломонова и отпадение от него десяти колен, образовавших царство Израильское. Встретив Иеро-

---

[1] Преподобный Нил, подобно великому учителю своему, святому Иоанну Златоусту, много занимался толкованием Святого Писания, также изъяснением догматов веры и особенно известен аскетическими творениями. Лучшее подвижническое сочинение его — книга о молитве. Далее следуют: сочинение об *Аскетах,* о самовольной *бедности, о преимуществах уединенной жизни,* наставления для Евлогия с прекрасными размышлениями об уклонении от мира, о твердости в борьбе, о терпении в скорбях и борьбе со страстями и так далее, «Ручная книжка Эпиктета» с изложением правил практической мудрости, извлеченных из сочинений этого языческого писателя, измененных в некоторых местах христианскими мыслями; письма преподобного Нила, посланные к разным лицам и по разным поводам, — нравственного содержания. Все сочинения преподобного Нила, при высоком достоинстве содержания их, отличаются чистотой и изяществом языка, дышат искренностью чувства и исполнены силы мысли — всегда ясной, как свет Божий.

[2] *Силом* — город в колене Ефремовом, почти в самой средине земли Обетованной. Здесь, по переходе чрез Иордан и завоевании земли Обетованной, поставлена была Скиния Моисеева с ковчегом, отчего город и получил свое наименование (Силом — мир, покой). Город этот имел великое значение для Израиля, но впоследствии Господь отринул Свое жилище в Силоме за грехи сынов Израиля.

[3] *Соломон*, сын Давида от Вирсавии, преемник его царствования, третий царь Израильский, мудрейший и славнейший из царей Израильских, впоследствии омрачивший свое царствование падением и идолослужением, за что Бог и исторг царство Израильское из его рода, отдав десять колен во владение Иеровоаму, бывшему прежде рабом Соломона, но потом ставшему, по разделении царства Соломонова, первым царем царства Израильского. Деятельность пророка Ахии относится, таким образом, к 1010–963 годам до Рождества Христова.

воама одного на поле, Ахия разодрал бывшую на себе одежду на двенадцать частей и велел взять из них Иеровоаму десять частей в знак того, что Господь Бог Израилев отдает в его руки десять колен, исторгнув царство из руки Соломона, и отдаст ему Израиля, если он будет ходить путями Божиими. Впоследствии, по случаю болезни Авии, сына Иеровоамова, Ахия предсказал жене Иеровоама истребление всего дома Иеровоама за его нечестие и рассеяние израильтян за Евфратом. Пророчество Ахии исполнилось, начиная с немедленной смерти Авии.

ЖИТИЕ БЛАЖЕННОГО **ИОАННА ВЛАСАТОГО**, Ростовского чудотворца

Блаженный Иоанн жил в городе Ростове во дни царя Ивана Васильевича Грозного. Откуда он был родом, неизвестно. В Ростове он жил в образе юродивого Христа ради, не имел постоянного пристанища и только иногда заходил для отдыха к одной благочестивой вдове и к своему духовному отцу, всехсвятскому священнику Петру. Во дни его находился в Ростове и беседовал с ним, как и с знаменитым Борисоглебским подвижником святым Иринархом, блаженный юродивый Иоанн, по прозванию Большой Колпак, ушедший потом в Москву и погребенный здесь у Покрова на рву.

Блаженный Иоанн Ростовский всегда носил с собою и читал пергаменную книгу — Псалтирь на латинском языке. Неизвестно, когда и где он изучил этот язык.

Кончина блаженного Иоанна последовала 3 сентября 1580 года. Тело его, заботами упомянутой благочестивой вдовы и духовного отца его священника Петра, погребено было подле церкви святого Власия за алтарем. Погребение сопровождалось знамениями: поднялась сильная буря, засверкали молнии и загремел гром.

По преставлении блаженного многие стали приходить ко гробу его, пели в церкви молебны Господу Богу, Пресвятой Богородице и Предтече Иоанну, просили святить воду и пили ее, смешивая с пе-

ском от гробницы блаженного Иоанна, иные мазали ею свое болящее тело и по своей вере получали исцеление от различных болезней.

Слыша о чудесах при гробе блаженного Иоанна, Ростовский митрополит Кирилл[1], удрученный старостью и пораженный тяжкою болезнью, не владея рукою и ногою, повелел нести себя во Власьевскую церковь к образу святого Иоанна и ко гробу блаженного Иоанна Власатого. Во время молебна, при чтении святого Евангелия, больной святитель сразу почувствовал исцеление от болезни, стал владеть рукою, так что получил возможность вновь священнодействовать и править Ростовскою митрополиею и прожил еще год и пять месяцев[2].

При гробе блаженного Иоанна совершалось много чудесных исцелений с верою притекавших больных. Чудеса эти записывались и о них сообщалось царю Михаилу Феодоровичу.

Одним благочестивым купцом, видевшим над собою и над домом своим милость Божию и многие исцеления, над гробом блаженного поставлена была церковь.

В настоящее время мощи блаженного Иоанна почивают под спудом за левым клиросом в каменной церкви Толгской иконы Божией Матери с приделом во имя святого Иоанна Предтечи и священномученика Власия, построенной в XVIII столетии.

При гробнице издавна находится большой кипарисный крест блаженного и пергаменная Псалтирь, писанная красивым готическим письмом. В одной из записей в рукописи значится, что святитель Димитрий Ростовский, обозревая по вступлении на Ростовскую

---

[1] Правил Ростовской митрополией с 1605 года, но во время смуты удален был с кафедры и вновь вступил на нее в 1612 году, когда Пожарский и Минин шли на освобождение Москвы. Митрополит Кирилл присутствовал при кончине царя Бориса Федоровича Годунова и встречал под Москвой и венчал на царство новоизбранного после смуты царя Михаила Федоровича Романова.

[2] Исцеление митрополита Кирилла относится к 1618 году.

митрополию в 1702 году ростовские храмы, остановил свое внимание на этой Псалтири, заметил ее ветхость, повелел вновь переплести и хранить по-прежнему на гробе блаженного. Другая запись на латинском языке гласит: «С величайшим почтением держал я эту книгу в своей руке и целовал. Нил, архиепископ Ярославский. Мая 14-го дня, 1856 года»[1].

[1] Вот подлинная латинская запись знаменитого иерарха: Summa cum reverentia in manu mea tenui librum istum et osculavi. Nilus, archiepiscopus Iaroslaviensis. Mai 14 diei 1856 anni. Сказание «О чудесах блаженного Иоанна Милостивого Власатого, Ростовского чудотворца», с XVII века составлявшееся и пополнявшееся в Ростове, не раз было напечатано по двум редакциям в Ярославской Епархиальной ведомости (в 1860 и 1877 годах) и отдельными брошюрами (1877 и 1884 годы).

День тринадцатый

ЖИТИЕ
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
ИОАННА ЗЛАТОУСТА,
патриарха Константинопольского

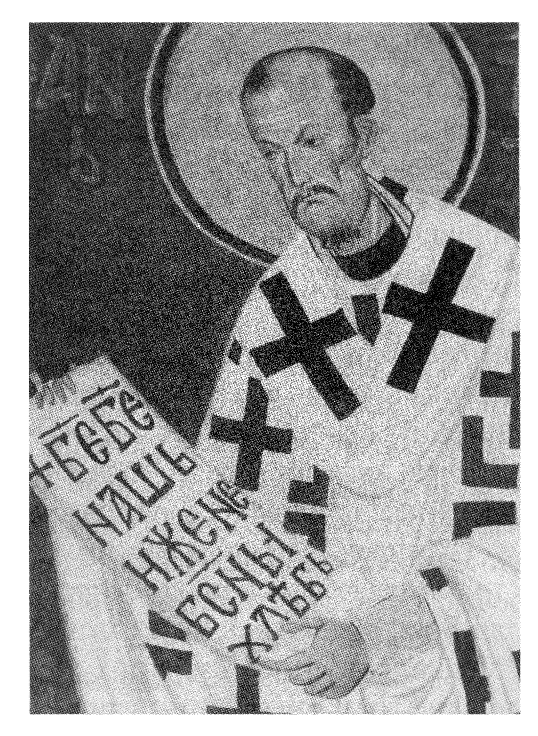
Святой Иоанн Златоуст, светильник миру, учитель вселенной, столп и утверждение Церкви, проповедник покаяния, происходил из Антиохии Сирийской и родился около 347 года. Родители его, Секунд и Анфуса, принадлежали к лучшему антиохийскому обществу и исповедовали христианскую веру. Секунд был воинским начальником и занимал почетную должность; но он не мог иметь влияния на воспитание сына, так как умер в то время, когда Иоанн был еще малолетним ребенком. Поэтому все заботы о воспитании Иоанна легли на матерь его, благочестивую Анфусу. Лишившись мужа в весьма юном возрасте (ей было тогда около двадцати лет), она не пожелала выйти замуж вторично, но всецело посвятила себя воспитанию сына. От нее-то малолетний Иоанн и получил первые уроки в христианских истинах и благочестии.

Утвердив сына в христианской вере, Анфуса отдала его софисту Ливанию и философу Андрагафию для изучения красноречия и философии[1]. Потом, когда Иоанну исполнилось восемнадцать лет, он, еще не просвещенный святым крещением, которое, по обычаям того

---

[1] *Софистами* назывались учителя красноречия и адвокаты. — *Ливаний*, как учитель красноречия, пользовался большой известностью: у него учился Юлиан Отступник, а из отцов Церкви — Василий Великий. — *Андрагафий* известен как один из глубокомысленных и серьезных философов того времени.

времени, принималось в зрелом возрасте, был отправлен в Афины[1], для усовершенствования в красноречии и философии. Обучаясь здесь, Иоанн вскоре превзошел премудростью своих сверстников и многих философов, так как он изучил все греческие книги и науки и сделался мудрым философом и красноречивым оратором.



В Афинах он имел в лице философа Анфимия весьма злобного противника себе. Последний, завидуя доброй славе Иоанна, злословил его, возбуждая против него ненависть в других. Но святой, при помощи Божией, посрамил своего противника и вместе с этим обратил многих ко Христу. Случилось это таким образом. Когда Анфимий в споре с Иоанном стал произносить хульные слова на Господа нашего Иисуса Христа, то на него внезапно напал нечистый дух и стал его мучить. Анфимий упал на землю, корчась и извиваясь всем телом и широко раскрывая рот, из которого текла пена. Видя это, все окружающие ужаснулись и многие от страха убежали. Оставшиеся стали умолять Иоанна простить и исцелить бесноватого. Иоанн отвечал:

— Если он не покается и не уверует во Христа — Бога, Которого хулил, то не исцелится.

Анфимий немедленно воскликнул:

— Исповедаю, что ни на небе, ни на земле нет другого Бога, кроме Того, Которого исповедует Иоанн.

---

[1] *Афины* — главный город Греции, в юго-восточной части Балканского полуострова. Во времена Златоуста он славился своими философскими школами и школами красноречия. Здесь училось богатое и образованное юношество. Между прочим, здесь учились и некоторые отцы Церкви: Василий Великий, Григорий Богослов и другие.

Когда он произносил это, нечистый дух вышел из него, и Анфимий встал здоровым. Весь народ, видевший это чудо, взывал:

— Велик Бог христианский! Он один творит чудеса!

Святой Иоанн, запретив Анфимию хулить Сына Божия и научив его истинной вере, отослал его к епископу города Афин, и Анфимий принял от него со всем своим семейством святое крещение. Вместе с Анфимием уверовали и крестились также многие из почетных граждан. Узнав, что чрез посредство Иоанна совершилось это обращение ко Христу эллинов, епископ решил поставить Иоанна в священный сан и удержать его в Афинах, чтобы после смерти самого епископа (так как он весьма уже состарился) Иоанн принял архиерейскую кафедру. Блаженный Иоанн, уразумев это, тайно удалился из Афин и пришел в свое отечество — Антиохию.

Презирая пустую славу сего суетного мира и все мирские почести, он решил восприять смиренную иноческую жизнь и трудиться для Бога, облекшись в ангельский образ. К этому побуждал святого Иоанна и друг его, Василий[1], уроженец той же Антиохии. Проводя детские годы вместе, они учились у одних и тех же учителей и питали сильную любовь друг к другу, так как сродны были по душе и отличались одинаковым характером. Этот Василий, первоначально сам облекшись в иноческий чин, советовал избрать иноческую жизнь и своему сверстнику — святому Иоанну.

Послушавшись доброго совета его, Иоанн пожелал немедленно удалиться в монастырь и сделаться иноком, но был удержан матерью. Последняя, узнав о намерении Иоанна, стала говорить ему со слезами:

— Чадо! Недолго меня радовала совместная жизнь с твоим отцом, со смертью которого, по Божественному изволению, наступило твое сиротство, а мое вдовство. Но никакое бедствие не могло принудить меня ко второму браку и к тому, чтобы ввести иного мужа в дом отца твоего. При Божией помощи, я терпеливо переносила несчастие вдовства, получая большую отраду и утешение от непрестанного созерцания твоего лица, похожего на лицо отца. При этом я не растратила имения отца твоего, но сохранила его целым для потреб-

[1] Этого Василия не следует путать с знаменитым отцом Церкви, Василием Великим, который был уроженцем Каппадокии и имел уже высокий сан, когда Иоанн был еще отроком; в 370 году он был уже епископом, умер в 379 году.

ностей твоей жизни. Итак, умоляю тебя, чадо, не повергни меня во вторичное вдовство и снова не возбуждай твоим удалением утихшей во мне скорби об отце твоем, но дождись смерти моей, которой я день ото дня ожидаю. Когда ты похоронишь меня при костях отца твоего, тогда поступай, как пожелаешь. А теперь, останься со мною и подожди немного, пока я еще жива.

Под влиянием таких просьб матери Иоанн решился до времени не уходить из дому; но, и оставшись дома, он переменил светлые одежды на убогие и стал вести отшельническую жизнь, проводя время в молитве и изучении слова Божия. В это время Иоанн сблизился с высоким по своей жизни епископом Антиохийским Мелетием[1], который убедил Иоанна поскорее принять крещение и, крестив его, поставил церковным чтецом. В этой должности Иоанн пробыл три года. В это время мать Иоанна скончалась. Похоронив ее, Иоанн немедленно роздал нуждающимся все имущество, даровал свободу рабам и рабыням, а сам поселился в монастыре[2] и стал иноком, в больших трудах и подвигах работая для Господа день и ночь. Здесь он написал книги «О священстве», «О сокрушении сердечном», содержащие в себе много полезного, и «Послание к падшему монаху Феодору»[3].

---

[1] *Святой Мелетий* — известен как защитник Православия против ариан. Занимал Антиохийскую кафедру с 358 по 381 год, но непостоянно; ариане несколько раз изгоняли его и на его место ставили других епископов. Память его совершается 12 февраля.

[2] Монастырь этот находился недалеко от Антиохии, в смежных с ней горах.

[3] Слова о священстве написаны Златоустом по следующему поводу. Когда святой Иоанн жил с своим другом Василием вдали от мирских дел, собравшиеся в Антиохии епископы вознамерились поставить их обоих в епископы; слух об этом дошел до Иоанна и Василия. Иоанн, считая себя неприготовленным к надлежащему исполнению обязанностей пастыря Христовой Церкви, скрылся тайно от всех, и даже от своего друга Василия, в пустыню. Василий же был возведен в епископы города Рафаны, близ Антиохии. Встретившись затем с Иоанном, он дружески стал упрекать его за уклонение от священного сана. В ответ на эти упреки святой Иоанн написал шесть слов о священстве, в которых красноречиво говорит о высоком достоинстве пастырского служения. — Послание к Феодору написано по такому поводу: Феодор, будучи другом Иоанна, назначал себя к подвижнической жизни; но потом изменил своему решению, оставил отшельничество и женился. Огорченный этим, Иоанн написал Феодору два чрезвычайно сильных послания, в которых, описав яркими чертами суетность мира, призывает друга к иноческой жизни. Послание подействовало на Феодора: он снова возвратился к

Святой Иоанн имел от Бога дар учительства и благодать Святого Духа, что было открыто одному иноку, по имени Исихию, подвизавшемуся в том монастыре. Будучи стар годами и совершен в добродетелях, Исихий имел дар прозорливости. В одну ночь, когда он не спал и молился, он был восхищен умом и созерцал следующее видение. Два благолепных мужа, одетые в белые одежды и сияющие как солнце, сошедшие с неба, вошли к блаженному Иоанну, когда он стоял на молитве. Один из них держал исписанный свиток, а другой — ключи. Увидав их, Иоанн смутился и поспешил поклониться им до земли. Между тем мужи, взяв Иоанна за руку, подняли его со словами:

— Уповай и не бойся!

Иоанн спросил их:

— Кто вы, господа мои?

Они немедленно ответили ему:

— Не бойся, муж желаний, новый Даниил[1], в котором, ради чистоты сердца, благоволил вселиться Дух Святой! Мы посланы к тебе Великим Учителем, Спасителем нашим Иисусом Христом.

Вслед за этими словами один из явившихся мужей протянул свою руку и подал Иоанну свиток, говоря:

— Возьми этот свиток из руки моей! Я — Иоанн, возлежавший во время Тайной вечери на персях Господа и от Него почерпнувший Божественные откровения[2]. Господь дарует и тебе знание всей глубины премудрости, чтобы ты напитал людей негибнущим брашном учения Христова и своими устами заградил уста еретиков и иудеев, произносящих хулы на Бога.

Другой же, протянув к Иоанну свою руку, подал ему ключи со словами:

иноческой жизни, а потом сделался епископом Мопсуетским (в юго-восточной части Малой Азии).

[1] *Пророк Даниил* жил в VI веке до Рождества Христова, при Вавилонских царях Навуходоносоре и Валтасаре и при персидском царе — Дарии Мидянине. «Муж желаний» — выражение, взятое из книги пророка Даниила (10, 19.) Пророк Даниил принадлежал к числу таких благочестивых евреев, которые всей душой жаждали явления Мессии и спасения Израилю. Потому-то он и называется «мужем желаний», то есть всецело проникнутым желанием спасения Израиля. В отношении к Иоанну Златоусту выражение это приложено для того, чтобы отметить его постоянное искание спасения и Царства Божия.

[2] Святой апостол и евангелист Иоанн Богослов.

— Возьми эти ключи, ибо я — Петр[1], которому вверены ключи Царствия (ср.: Мф. 16, 13–19). Господь и тебе передает ключи святых церквей, чтобы кого ты свяжешь, тот был связан, а кого разрешишь — разрешен.

Блаженный Иоанн снова преклонил свои колена и поклонился явившимся апостолом со словами:

— Кто я, грешный и самый последний из всех людей, чтобы мне осмелиться взять на себя и нести столь великое и страшное служение?

Но явившиеся святые апостолы снова взяли его за правую руку и поставили на ноги, говоря:

— Встань, мужайся, крепись и делай то, на что призывает тебя Господь наш Иисус Христос, для освящения и утверждения людей Его, ради спасения которых Он пролил Свою кровь. Поучай Слову Божию; с дерзновением вспомни Господа, рекшего: *Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство* (Лк. 12, 32)[2]. Так и ты не бойся, ибо Христос Бог наш благоволит чрез тебя освятить многие души и привести их к познанию Его. За правду ты испытаешь многие бедствия и скорби, но перенеси их, как крепкий адамант[3], ибо таким путем наследуешь Царствие Божие.

Сказав это, явившиеся мужи осенили Иоанна крестным знамением и, дав ему лобзание во имя Господа, удалились. Преподобный Исихий сказал о виденном им другим опытным в подвигах братиям, и они дивились и прославляли Бога, имеющего втайне подвизающихся рабов Своих. При этом Исихий запретил им рассказывать кому-либо о видении, чтобы не узнал о том Иоанн и не ушел от них и чтобы они не лишились таким образом сожительства со столь великим угодником Божиим.

Блаженный же Иоанн неленостно заботился о своем спасении, трудясь словом и делом; сам успешно подвизаясь, он располагал к подвигу других и побуждал ленивых, чтобы они стремились к небес-

---

[1] Святой апостол Петр.

[2] В указанном месте Господь обращается к Своим ученикам с увещанием не прилепляться к земному, а искать прежде Царствия небесного. *Малое стадо* — ученики, прежде всего, а затем и все последователи Христа, предызбранные Богом к Царству небесному.

[3] *Адамант* — алмаз, самый крепкий камень, который разрезает другие камни.

ному, умерщвляя свою плоть и порабощая ее духу. Богоугодно трудясь в монастыре, блаженный сотворил в это время много чудес.

Один житель Антиохии, богатый и славного рода, сильно страдал головною болью, так что у него выпал правый глаз и висел на щеке. Раздав много имущества искусным врачам, он не получил от них облегчения. Тогда он, услышав о святом Иоанне, пришел к нему в монастырь; приступив к святому, он обнял ноги его, лобызая их и прося у святого исцеления.

Святой Иоанн сказал ему:

— Такие болезни постигают людей за их грехи и маловерие. Итак, если ты веруешь всею душою, что Христос силен исцелить тебя, и отстанешь от своих грехов, то увидишь славу Божию.

Больной отвечал:

— Верую, отче, и сделаю все, что ты повелишь мне.

Сказав это, он ухватился за одежду блаженного Иоанна и возложил ее на свою голову и на больной глаз. Болезнь немедленно прекратилась, глаз принял надлежащее положение, и человек тот стал здоровым, как бы никогда и не болел; славя Бога, он возвратился домой.

Также и другой человек, по имени Архелай, старейшина города Антиохии, страдавший проказою на лице, пришел к святому Иоанну с просьбою об исцелении. Наставив его в истинах веры, Иоанн повелел ему омыть чело водою, которую пьет братия в монастыре. Сделав это, больной очистился от проказы и, оставив мир, стал иноком.

Еще некто, по имени Евклий, с детства слепой на правый глаз, пришел в тот монастырь, где находился блаженный Иоанн, и принял иноческий образ. Иоанн сказал ему:

— Бог да исцелит тебя, брат, и да просветит твои душевные и телесные очи.

Лишь только святой произнес эти слова, как внезапно прозрел слепой глаз Евклия и получил способность видеть ясно. Узрев это чудо, братия удивлялись и говорили:

— Поистине Иоанн — раб Божий, и в нем обитает Дух Святой.

Одна женщина, по имени Христина, будучи кровоточива, умоляла своего мужа отвести ее к святому Иоанну. Посадив жену на

осла, муж отправился к монастырю и оставил ее пред монастырскими воротами, а сам вошел к святому и стал умолять его исцелить его жену от ее немощи. Святой Иоанн сказал тому человеку:

— Скажи своей жене, чтобы она изменила свой злой нрав и перестала быть жестокою в обращении с рабами, памятуя, что и она сотворена из одного брения с ними[1]. И пусть она позаботится о своей душе, раздавая милостыню нищим и не оставляя молитв. Также воздерживайтесь и сохраняйте себя чистыми в постные и святые дни, — и Бог дарует жене твоей исцеление.

Удалившись, муж рассказал жене своей все, что он слышал от святого. Последняя дала обет со всем усердием до последнего издыхания хранить все повеленное. Муж возвратился к святому и сказал ему об обете жены. Святой же на это отвечал:

— Ступай с миром! Господь уже исцелил ее.

Возвратясь к жене своей, муж нашел ее исцеленною, и они с радостью возвратились домой, прославляя Бога.

Случилось, что в то время недалеко от монастыря, где подвизался Иоанн, появился свирепый лев, который, рыская по дорогам, пожирал людей и скот. Много раз жители окрестных селений, собравшись, подстерегали зверя с оружием и стрелами, надеясь убить его, но всякий раз безуспешно. Выходя из дубравы, зверь нападал на людей с яростью и многих из них убивал на смерть, других ранил так, что они едва могли убежать, а некоторых живыми уносил в свое логовище и там пожирал. Придя к Иоанну, окрестные поселяне возвестили ему об этом и упрашивали его, чтобы он помог им своими молитвами. Иоанн дал просящим деревянный крест, повелевая водрузить его на том месте, откуда выходит зверь. Те так и сделали, и по прошествии нескольких дней заметили, что зверь не появляется. Тогда поселяне отправились ко кресту и увидали там труп льва. Избавленные от такого бедствия силою Креста, по молитвам святого Иоанна, они возрадовались и прославили угодника Божия.

Иоанн пробыл в том монастыре четыре года. Затем, желая большего уединения, он тайно удалился оттуда в пустыню, нашел там пещеру и пробыл в ней в течение двух лет, живя в одиночестве.

---

[1] *Брение* — глина, грязь, персть земная.

По прошествии двух лет, истомленный многотрудными подвигами и страдая от холода, Иоанн заболел, так что не мог уже заботиться о себе. Поэтому он вынужден был покинуть пустыню и возвратиться в Антиохию. Это случилось по Божию смотрению и промышлению о Церкви, чтобы таковой светильник не был сокрыт в пустыне, как бы под спудом, но светил всем. Господь попустил Иоанну впасть в недуг, выводя его таким путем от пребывания со зверями к сожительству с людьми, чтобы он был полезен не только для себя, но и для других.

Когда блаженный Иоанн прибыл в Антиохию, святейший патриарх Мелетий принял его с радостью, дал ему помещение, повелел проживать с собою и в скором времени рукоположил его в сан диакона. В этом служении он прожил в течение шести лет, своею добродетельною жизнью и душеполезными писаниями украшая Церковь Божию. За время диаконства святым Иоанном написаны следующие сочинения: «о девстве», утешение «вдове» и защита веры «против Юлиана»[1].

В это время необходимо было святому Мелетию отправиться в Константинополь для поставления в патриархи святого Григория Назианзина[2]. Вскоре после прибытия туда святой Мелетий скончался о Господе. Услышав о смерти своего патриарха, Иоанн снова оставил Антиохию и удалился в монастырь, в котором пребывал первоначально. Иноки обрадовались его возвращению, устроили духовное торжество, принимая от него обычное учение. Угождая Богу в безмолвии, Иоанн пробыл там три года.

---

[1] Рассуждения — «о девстве» и «к вдове» — исполнены самых возвышенных мыслей. В них святой Иоанн выступает ревнителем телесной чистоты и указывает средства к укреплению духа в борьбе с искушениями плоти. В сочинении против Юлиана он рассуждает главным образом о промысле Божием и обличает богоотступничество императора Юлиана, который, быв просвещен святым крещением, изменил вере Христовой, сделался язычником и врагом христиан. В истории Юлиан Отступник и известен как ревностный покровитель язычества, стремившийся дать ему перевес над христианством.

[2] *Григорий Назианзин*, иначе называемый *Богословом*, родился в 328 году в городе Назианзе, в Каппадокии, в восточной части Малой Азии. Константинопольскую кафедру занимал с 380 по 381 год, когда (на II Вселенском соборе) он отказался от кафедры; умер в 391 году. Память его совершается 25 января.

Престол Церкви Антиохийской занял Флавиан[1]. Когда он однажды ночью стоял на молитве, ему явился Ангел Господень и сказал:

— Завтра иди в монастырь, в котором пребывает угодник Божий Иоанн, приведи его оттуда в город и поставь в пресвитера, ибо он — избранный сосуд Божий, и Бог желает обратить чрез него многих к истинной вере.

В то же самое время Ангел явился и святому Иоанну, когда он, по обычаю своему, совершал в келии ночные молитвы, и повелел ему идти с Флавианом в город и принять от него посвящение. С наступлением дня патриарх пришел в монастырь; к нему навстречу вышли все иноки вместе с блаженным Иоанном; поклонившись, они получили от патриарха благословение, а затем с подобающим почетом ввели его в церковь. Совершив святую литургию и причастив всех Божественных Тайн, патриарх преподал мир братии и, взяв с собою Иоанна, удалился в город. Иноки неутешно рыдали, разлучаясь со святым угодником Божиим.

На другой день, утром, совершено было посвящение Иоанна в пресвитера; когда патриарх возложил свою руку на главу его, внезапно появился белый сияющий голубь, который летал над головою святого Иоанна. Патриарх Флавиан и все, находившиеся в храме, ужаснулись и долго дивились. Слух об этом чуде прошел по всей Антиохии, Сирии[2] и окрестным городам, и все слышавшие говорили:

— Что такое будет Иоанн? Ибо вот с самого начала явилась над ним слава Господня!

В сане пресвитера Иоанн еще с большею ревностью заботился о спасении душ человеческих. Раз или два в неделю, а иногда даже каждый день, он поучал народ в церкви, с амвона произнося проповеди. Случалось, что, сказав поучение в одной церкви, он шел, усталый, в соборный храм, где служил епископ, а тот во исполнение общего желания поручал ему снова говорить поучение. Во время своего пресвитерства святой Иоанн произнес множество проповедей, из которых некоторые дошли до нас. При этом он с высоты церковного амвона с усердием занимался изъяснением Священного Писа-

---

[1] *Святой Флавиан* занимал кафедру Антиохийскую по смерти Мелетия с 381 по 404 год.

[2] *Сирией* называется береговая страна на восток от Средиземного моря, ограничиваемая Тавром, Верхним Евфратом и Аравийской пустынью.

ния. Он составил весьма душеполезные толкования на многие книги Ветхого Завета, на Евангелия от Матфея и Иоанна, на книгу Деяний апостольских; особенно же любил он послания апостола языков Павла и многие[1] из них в своих беседах изъяснил народу.

Свои проповеди святой Иоанн Златоуст часто говорил изустно, чему весьма удивлялись все жители Антиохии, восхваляя блаженного, так как до этого времени никто не проповедовал слово Божие без книги или без тетради: первым таким проповедником был среди них Иоанн. Его поучения были исполнены такой силы, что все слушавшие не могли вдоволь насладиться ими. Вот почему многие скорописцы записывали на хартиях[2] проповеди Иоанна и, переписывая, передавали их другим. Его поучения читались за трапезами и на площадях, и слушатели учили наизусть слова его, как Псалтирь. Иоанн был таким сладкоглаголивым оратором и любезным для всех учителем, что в городе не было ни одного, кто не желал бы слушать его бесед, и когда узнавали, что Иоанн желает беседовать, все с радостью стекались в церковь. Городские правители и судьи оставляли свои занятия, купцы — свою торговлю, ремесленники — свои дела и поспешно шли слушать учение Иоанна, заботясь о том, чтобы не пропустить ни одного слова, исходящего из уст его. Все считали за великую потерю, когда не удавалось им слышать сладких речей Иоанна. Вот почему ему присвоили различные похвальные наименования. Одни звали его «Божии и Христовы уста», другие — «сладкоглаголивым», а третьи — «медоточивым».

Случалось, что блаженный, в особенности в начале своего пресвитерства, говорил проповеди, которые по своему содержанию были не всегда понятны для малообразованных слушателей. Однажды некая женщина, слушая и не понимая сказанного, возвысила голос среди народа и сказала Иоанну:

— Духовный учитель, а лучше назову — Иоанн Златоуст, колодезь святого твоего учения глубок, а вервия (веревки. — *Ред.*) ума нашего коротки и не могут достичь глубины его.

---

[1] Во время своего пресвитерства Иоанн предлагал беседы на послание апостола Павла к Римлянам, на два послания к Коринфянам, на послания к Галатам, Ефесянам, Тимофею и Титу.

[2] На пергаменте, кожаных листах, папирусе и других материалах, употреблявшихся тогда для письма.

Тогда многие из народа сказали:

— Сам Бог устами женщины дал это наименование Иоанну; пусть же он с этого времени называется *Златоуст.*

Действительно, с того времени и доселе Церковь сохранила это наименование за Иоанном.

Рассудив, что неудобно говорить народу хитросплетенные поучения, святой Иоанн с тех пор старался украшать свою беседу не изощренным красноречием, но простыми и нравоучительными словами, чтобы и простейший слушатель уразумел и получил пользу. Поучая жителей Антиохии вере и жизни христианской, святой Иоанн Златоуст являлся, вместе с тем, утешителем своих сограждан во время общественных бедствий.

В Антиохии вследствие наложения подати, тяжкой для бедных жителей города, произошло народное возмущение. Разъяренная чернь сбросила стоявшие в городе статуи императора и членов его семьи и разбила их в куски. Но вскоре ужас и отчаяние заступили место неистовой ярости. Антиохийцы стали ждать проявления царского гнева на возмутившихся. Снисходя к просьбам народа, благочестивый святитель Антиохийский Флавиан отправился к императору ходатайствовать за провинившийся город; святого же Иоанна он оставил в городе утешать и врачевать страждущие души. Наступил Великий пост, который был для антиохийцев поистине временем покаяния и скорби. Ежедневно светильник Божий — Иоанн входил на церковный амвон и обращался к народу с сильным словом утешения и назидания. Он — то поддерживал в народе твердость и мужество, то оживлял его надежды на милость императора, то возбуждал в нем упование на будущую жизнь. Вместе с этим, он обличал пороки своих сограждан: скупость богатых, любостяжание, распутство, лицемерие, жестокость и суеверие, говорил, что этими пороками антиохийцы навлекли на город такое несчастие, и убеждал их исправиться. Никогда, быть может, Великий пост не соблюдался с такою строгостью, не проводился с таким покаянным чувством, охватившим всех жителей. Народ шел толпами в церковь и с жадностью слушал речи Златоустого, находя в них облегчение своей скорби. Между тем, святой Флавиан явился к императору с защитительной речью, и христианский император простил оскорбителей высочайшей власти. Весть о помиловании была привезена Флави-

аном к самому дню Пасхи. В первый же день праздника святой Иоанн объявил народу благую весть и в заключение сказал:

— Радуйтесь радостью духовною, благодарите Бога не только за прекращение бедствий, но и за то, что Он послал их.

Говоря так, святой Иоанн имел в виду значение прекратившихся бедствий для возбуждения в антиохийцах покаянного чувства и пробуждения духовной жизни.

Угодник Божий был сильным мужем не только в слове, но и в деле. Силою Христовою он творил чудеса, исцеляя недужных. Вот некоторые из чудотворений святого.

Некая женщина, по имени Евклия, имела единственного сына, который заболел горячкою и уже был при смерти. Придя к святому, Евклия умоляла его, чтобы он исцелил больного. Иоанн, взяв воды, трижды сотворил над нею знамение святого Креста, во имя Святой Троицы, и покропил больного. Горячка немедленно прекратилась, и, встав здоровым, больной поклонился святому.

Начальником крепости в Антиохии был один последователь маркионитской ереси[1], причинявший много зла благочестивым. Жена его подверглась лютому недугу, который не могло искоренить никакое врачевство. Когда жесточайшая болезнь усиливалась день ото дня, начальник крепости призвал в свой дом еретиков, упрашивая их помочь жене его. Еретики беспрестанно по три дня и более молились за больную с большим усердием, но не имели успеха. Тогда жена сказала мужу:

---

[1] *Маркионитская ересь* получила название от Маркиона, жившего во II веке по Рождестве Христовом. Маркион учил, что вечен не один Бог, но и вещество, из которого сотворен мир (материя), с его властителем сатаной. Сотворение мира Маркион приписывал не Богу, но низшему существу — Демиургу, который представляет собой нечто среднее между Богом и материей. Душа человека — тоже творение Демиурга и отличается всеми свойствами его, то есть она несколько духовнее видимого мира. Но материя стала постепенно поглощать душу. Все старания Демиурга спасти человечество от такого поглощения не привели ни к чему. Тогда благой Бог снисшел на землю, принял призрачное тело и открыл себя людям как Бог милосердия и любви. Но Демиург, завидуя Его славе, возбудил против Него иудеев, которые и распяли Спасителя; но страдания Его были призрачны, потому что тело Его было духовно. Таким образом, Маркион не признавал искупительных страданий Спасителя и все Его дело заключал в одном научении людей Божественным истинам.

— Я слышала про пресвитера, по имени Иоанна, проживающего у епископа Флавиана, что он ученик Христов, и если он чего попросит у Бога, то Бог подаст ему. Умоляю тебя, — отведи меня к нему, чтобы он помолился о моем выздоровлении, ибо я слышала, что он творит много чудес. Маркиониты же мне нисколько не помогают, и из этого ясно видно нечестие их. Ведь если бы у них была правая вера, то Бог услышал бы их молитву.

Муж послушался жены и отправился с ней к православной церкви. Но, будучи еретиком, не осмелился внести ее внутрь, а положил перед церковными дверями и послал к епископу Флавиану и к пресвитеру Иоанну, прося их помолиться Господу Иисусу Христу о здравии болящей его жены. Епископ, выйдя к ним вместе с Иоанном, сказал:

— Если вы отречетесь от ереси и присоединитесь к святой Соборной Апостольской Церкви, то получите от Христа Бога исцеление.

Когда они это сделали, Иоанн повелел принести воды и попросил Флавиана сотворить на воде крестное знамение. Флавиан исполнил просьбу святого. Иоанн приказал облить этой водой болящую, и та немедленно встала здоровою, прославляя Бога. После этого дивного чуда начальник крепости вместе с своею женой присоединился к святой Церкви. По поводу этого присоединения была великая радость среди православных; еретики же весьма смутились и гневались на Иоанна, повсюду распространяя хулы и клеветы на него и утверждая, будто он — волхв и чародей. Но Бог вскоре заградил уста их, наведя на них жестокую казнь. Случилось это таким образом.

Во время происшедшего в Антиохии великого землетрясения обрушился храм, в котором еретики имели свои собрания; под развалинами храма погибло их великое множество. Из православных же во время этого землетрясения никто не погиб. Видя это, не только оставшиеся в живых еретики, но и язычники познали силу Христову и, наставляемые святым Иоанном, обращались к истинному Богу.

По смерти Константинопольского патриарха Нектария[1], преемника Григория Назианзина, долго не могли найти такого человека, который был бы достоин патриаршего престола. Тогда сообщили

---

[1] *Святой Нектарий* управлял Константинопольскою церковью с 381 по 397 год. Пред избранием на епископскую кафедру он был сенатором и только готовился к крещению. После избрания он был немедленно крещен. Память его совершается в субботу Сырную.

императору Аркадию об Иоанне (ибо слава о нем распространилась повсюду). Царь тотчас же послал к Флавиану грамоту с повелением отпустить святого в Константинополь. Народ антиохийский, узнав об этом и пламенея любовью к Иоанну, собрался к церкви. Не желая лишиться своего учителя, народ сопротивлялся послам царским, не внимал увещаниям своего патриарха и не допускал увезти Иоанна; да и сам угодник Божий не желал ехать в Константинополь, по своему смирению решив, что он недостоин патриаршего сана. Узнав об этом, царь изумился и еще сильнее захотел видеть Иоанна на патриаршем престоле. Он приказал областеначальнику Востока Астерию тайно увезти Иоанна из Антиохии, что и было исполнено.

Когда Иоанн приближался к Константинополю, то ему навстречу вышел весь город, со множеством посланных царем вельмож. Царь, вместе с освященным собором иерархов и народом, встретил святого Иоанна с честью, и все радовались возведению на патриарший престол этого светильника Церкви.

Не радовался только Александрийский патриарх Феофил[1] со своими единомышленниками. Он завидовал славе Иоанна и, ненавидя его, помышлял возвести на патриарший престол своего подвластного пресвитера Исидора. Но это не помешало созванию собора, по постановлению которого святой Иоанн был избран на патриаршество.

26 февраля 398 года блаженный возведен был на патриарший престол. Царь, а за ним все князья и вельможи, пришли к Иоанну, желая получить от новопоставленного патриарха благословение. Сотворив молитву о царе и народе и благословив всех, Иоанн отверз свои Богоглаголивые уста и предложил душеполезное поучение, в котором наставлял царя неотступно пребывать в Православии, отвращаться еретиков, часто ходить в церковь, быть справедливым и милостивым. Он говорил:

— Да знает твое благочестие, что я не побоюсь, когда явится потребность, говорить наставления и обличения для пользы души твоей, подобно тому, как пророк Нафан не боялся обличать согрешения царя Давида[2].

---

[1] *Феофил* занимал Александрийскую кафедру с 385 по 412 год.

[2] Давид отнял у Урии — воина, находившегося в походе против аммонитян, — жену его Вирсавию. Этот грех Давида изобличил пророк Нафан, который

Иоанн наставлял также всех духовных и мирских правителей и их подчиненных честно исполнять свой долг. Его учительным словом услаждались все слушающие. Когда Иоанн беседовал с своею паствою, в народе оказался один бесноватый, который в припадке бросился на землю и завопил страшным голосом, так что все бывшие в церкви пришли в ужас. Блаженный Иоанн повелел привести его к себе, сотворил над ним крестное знамение и, изгнав нечистого духа, возвратил бесноватому здравие. Увидав это, царь и весь народ возрадовались и прославили Бога, даровавшего им столь великого светильника — врача душевного и телесного.

Приняв церковное управление, святейший патриарх Иоанн стал ревностно пасти словесное стадо Христово, искореняя в людях всякого звания (а в особенности среди клириков) худые обычаи, истребляя нечистоту, зависть, неправду и всякое небогоугодное дело. Вместе с этим он насаждал чистоту нравов, любовь, справедливость, милосердие, вкоренял в сердца добродетели и своими златоглаголивыми устами наставлял всех в благочестии. Нравственные пороки глубоко оскорбляли святого Иоанна, но искреннее раскаяние заставляло его все прощать.

Однажды, пред самою Пасхою, Иоанн был опечален недостойным поведением народа, который он так любил и о душевном благе которого так заботился. В среду на страстной неделе поднялась грозная буря. Испуганный народ устремился в храмы, прибегая к Божию милосердию; начались общественные молитвы и крестные ходы. Бедствие миновало, и уже в страстную пятницу и субботу народ, забыв о посещении Божием, предался веселым зрелищам в цирке и в театре. Возмущенный до глубины души, святой пастырь в первый день Пасхи обратился к неблагодарной пастве с знаменитым словом «против зрелищ». «Можно ли снести? Можно ли стерпеть? Вам самим жалуюсь на вас», — так начал блаженный святитель это слово. Ясно и вразумительно изобразил он гибельные действия театра на нравственность и грозил виновным отлучением. Убежденное слово святого проповедника произвело сильное впечатление на народ, любивший его, и вызвало искреннее раскаяние.

так повлиял на еврейского царя, что тот раскаялся в своем грехе, составив известный псалом, начинающийся словами: «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей».

Не только в Константинополе, но и во всех окрестных городах и селениях святой угодник Божий имел большое попечение о спасении душ человеческих. Он посылал из числа своих клириков опытных, богобоязненных мужей утверждать Православие проповедью Слова Божия, истреблять нечестие и ересь и направлять заблудших на путь спасения. Он до основания разорил идольские храмы, стоявшие в течение многих веков в Финикии[1]. Мудро обратил он к православной вере кельтский народ[2], зараженный арианством, повелев избранным для того пресвитерам и диаконам обучиться кельтскому языку и отправив их к кельтам проповедовать благочестие на их природном наречии. Таким же образом Иоанн просветил скифов[3], живших по Дунаю. Он изгнал из стран восточных маркионитскую ересь и озарил светом истинного учения весь мир.

В особенности Иоанн имел попечение о немощных и убогих, питая алчущих, одевая нагих, заботясь о сиротах и вдовах. Для спокойствия больных и странников, не имущих где приклонить голову, он устроил множество больниц, снабжал больных всем необходимым, приставил слуг и врачей и поручил двоим богобоязненным иереям заботиться о них. В то же время сам он прилежно заботился о церковном управлении, с любовью утверждая добрых и наказывая и обличая злых.

Во время патриаршества святого Иоанна Златоустого в Константинополе оставалось еще много последователей арианской ереси, которые невозбранно исповедовали свою веру и совершали свои богослужения. Блаженный помышлял о том, каким бы способом очистить город от этой ереси, и, улучив удобный случай, сказал царю:

---

[1] *Финикия* — узкая и длинная полоса земли, лежащая вдоль восточного берега Средиземного моря, к северу от Палестины. Здесь, несмотря на запрещения правительства, язычество пользовалось большой свободой.

[2] *Кельтами* назывался многочисленный народ, живший в древнее время в Западной Европе, в нынешней Англии, Испании, Италии, Швейцарии и особенно во Франции; обитали они и в Малой Азии (в области Галатии, где они назывались галатами). Со временем кельты слились частью с германцами и древними римлянами (французы, испанцы, итальянцы, англичане), частью сохранили свою народность и доныне (ирландцы, шотландцы).

[3] *Скифы* — греческое название многочисленного народа, жившего в Азии и Европе, по берегам Черного моря, и особенно в нынешней южной России.

— Царь благочестивый! Если бы кто вложил в твою корону, наряду с находящимися в ней драгоценными камнями, простой камень, темный и нечистый, то не обесчестил ли бы он всей короны?

Царь ответил:

— Да, так.

Иоанн продолжал:

— Так обесчещен и этот город, который, будучи православным, имеет еще в числе своих жителей неверных ариан. И подобно тому, как прогневался бы ты, царь, за бесчестие твоей короны, так Всемогущий Бог гневается за этот город, оскверненный арианскою ересью. Итак, тебе следует или привести еретиков к единству веры, или же изгнать их из города.

Выслушав слова Иоанна, царь приказал немедленно привести к себе всех вождей арианских и повелел им в присутствии патриарха высказать свое исповедание веры. Они же стали говорить слова, исполненные нечестия и хулы на Господа нашего Иисуса Христа. Тогда царь приказал изгнать их из города.

По прошествии некоторого времени ариане, имея помощников и ходатаев из числа служащих в царском дворце, людей сановитых, снова стали в воскресные дни входить в город, подходя к своему соборному дому с еретическими песнопениями, которыми они хулили Пресвятую Троицу. Узнав об этом, святейший патриарх Иоанн, боясь, чтобы кто-нибудь из простого народа не стал участвовать в тех общественных арианских молениях, повелел своему клиру ходить по городу в священных облачениях с песнопениями во славу Пресвятой Троицы, составленными против арианских хульных песней. Для этих ходов были устроены серебряные кресты на древках, которые торжественно носились по городу вместе со святыми иконами в преднесении зажженных свечей. Так возникли впервые крестные ходы. Торжественные крестные ходы православных отвлекали народ от арианских общественных молений, устраиваемых ими на площадях. Разгневанные этим, ариане во время одного из таких ходов напали на православных и устроили побоище; в этом побоище несколько человек с той и другой стороны пало мертвыми, а царскому евнуху Врисону, находившемуся среди православных, пробили камнем голову. Узнав об этом, царь весьма разгневался на ариан и запретил им совершать свои общественные моления и входить в

город; таким образом, еретическое злохуление окончательно было изгнано из царствующего града.

В Константинополе жил некий воевода, варвар родом, по имени Гайна, храбрый в войнах и пользовавшийся благоволением царя, но в то же время разделявший еретические мысли Ария. Он усердно просил царя дать арианам в городе какую-нибудь церковь. Царь не знал, что отвечать ему, ибо не желал оскорбить его отказом, так как боялся, чтобы Гайна, человек злонравный и свирепый, не возбудил какого-либо возмущения в Греческом царстве. Поэтому царь сообщил о просьбе Гайны святому патриарху Иоанну.

Иоанн сказал царю:

— Позови меня к себе в то время, когда Гайна будет просить себе храм, и я буду отвечать за тебя.

И вот, на другой день, когда патриарх был призван в царские палаты и сидел с царем, Гайна стал просить у царя храм в Константинополе для арианского общества. Он просил это как должное воздаяние за понесенные им во время войн труды и проявленную храбрость.

Великий Иоанн заметил ему:

— Если ты, Гайна, хочешь молиться в церкви, то войди, в какую захочешь, и молись; ведь для тебя открыты все церкви в городе.

Гайна сказал на это:

— Но я другого исповедания, — вот почему я желаю вместе с моими единомышленниками иметь отдельный Божественный храм в городе, и умоляю царя исполнить мою просьбу. Я понес много трудов, воюя за Греческое царство, проливая свою кровь и полагая за царя душу.

Иоанн отвечал:

— За свои труды ты получил воздаяние: большой почет у царя, славу, сан и подарки. Тебе следует поразмыслить, чем ты был прежде и что ты теперь: как раньше ты был нищим и бесславным, и как ныне ты обогатился и прославился, — в каком чине находился ты, проживая на той стороне Дуная, и в каком теперь. Тогда ты был одним из простых и бедных поселян, одевался в убогие одежды и имел для пропитания один хлеб с водою, а ныне ты — уважаемый и прославляемый воевода, облечен многоценными одеждами, имеешь много золота и серебра, бесчисленные имения — и всем

этим ты владеешь благодаря царю. Вот какую награду восприял ты за свои труды! Будь благодарен и продолжай верно служить Греческому царству, а наград Божественных за служение мирское — не проси.

Пристыженный этими речами, Гайна замолчал и больше уже не просил о храме. Царь удивлялся премудрости Иоанна, который немногими словами мог заградить уста дерзкого и исполненного необузданной свирепости варвара.

По прошествии года Гайна отложился от царя и, собрав многочисленное войско, пошел войною на Константинополь. Царь, не желая проливать кровь, упросил святого Иоанна выйти к нему и усмирить его кроткими речами. Иоанн, хотя и помнил, что он прогневал Гайну, запретив ему иметь в городе сходбище арианское, тем не менее, будучи готов за овец положить свою душу, пошел к гордому варвару. Бог помог рабу Своему, и Иоанн своими речами усмирил зверообразного человека, из волка обратил его в овцу и, примирив его с царем, возвратился.

После этого зимою святой Иоанн, несмотря на нездоровье, отправился в Малую Азию для устроения церковных дел. Там многие епископы продавали священство, беря деньги за хиротонию[1]; таким был, например, Антоний — митрополит Ефесский[2]. Святой Иоанн низложил в Малой Азии многих, виновных в симонии[3], епископов и лишил должностей как тех, кто поставлял за деньги, так и тех, кого поставляли. Вместо них он назначил более достойных. Установив порядок в Малой Азии, святой Иоанн возвратился в Константинополь.

---

[1] *Хиротония* (греческое слово) — рукоположение или посвящение в какую-нибудь должность.

[2] *Ефес* — один из крупных торговых городов — на западном берегу Малой Азии; в древности славился знаменитым храмом Дианы (языческой богини луны и плодородия). Здесь проповедовал христианство и жил святой апостол Павел; здесь же долгое время проживал и святой апостол и евангелист Иоанн Богослов; здесь в 431 году происходил III Вселенский собор. Кафедра Ефесского митрополита пользовалась, как кафедра апостольская, особым значением на Востоке.

[3] *Симония* — святокупство, когда одни дают, а другие восхищают священную степень не по достоинству, но за деньги. Название симонии произошло от Симона волхва, который хотел купить у апостола Петра дар Святого Духа, чтобы творить чудеса (см.: Деян. 8, 18–19).

Живя среди мира в столь высоком сане, блаженный тем не менее никогда не оставлял своих первых иноческих подвигов, но свободное от церковных дел время проводил или на молитве, или за чтением Божественных книг, затворившись в своей уединенной келии. Соблюдая всегда строгий пост и воздержание во всем, он вкушал только ячменный хлеб и воду; спал весьма мало, да и то не на одре, но стоя. На пиры и угощения он никуда не ходил. Весь свой ум он посвятил уразумению Божественного Писания, продолжая заниматься составлением изъяснений на послания святого апостола Павла, икону которого имел в своей келии: в это время изъяснял он народу послание апостола языков к Колоссянам, а несколько позднее — к Филиппийцам, Солунянам и Евреям.

Во время писания толкований на эти послания у святого Иоанна явилось такое недоумение:

— Кто знает, угодно ли это Богу? Уразумел ли я силу этого Святого Писания или нет?

И он стал молиться Богу, чтобы Он возвестил ему о том. Бог услышал молитву Своего раба и подал ему следующее знамение. Однажды ночью, затворившись в келии, святой Иоанн при зажженной свече писал толкование; в это время, прислуживавший ему Прокл, по просьбе некоего человека, умолявшего о помощи, хотел войти к патриарху; но предварительно Прокл посмотрел в дверную скважину, чтобы узнать, что делает патриарх. Он увидел его сидящим и пишущим, а какой-то старый почтенный человек, стоя сзади него, наклонился к уху патриарха и тихо ему говорил. Этот человек во всем был подобен изображению святого Павла на иконе, висевшей пред Иоанном на стене его келии. Прокл стал ждать, пока не удалится этот человек. Но когда наступило время звона к утрени, человек этот стал невидим. То же наблюдал Прокл и в течение двух следующих ночей. Наконец, он осмелился спросить самого патриарха:

— Владыка, кто ночью беседует с тобою?

Иоанн отвечал:

— У меня не было никого.

Тогда Прокл подробно рассказал ему, как он в скважину видел старого почтенного человека, который шептал патриарху на ухо, когда тот писал; при этом Прокл описал вид и лицо того, кто яв-

лялся. Слушая речи Прокла, Иоанн недоумевал. Между тем Прокл, взглянув на изображение апостола Павла на иконе, сказал:

— Тот, кого я видел, был похож на изображенного на этой иконе.

Тут Иоанн понял, что Прокл видел самого святого апостола Павла, и удостоверился, что труд его угоден Господу. Он пал на землю и долго молился, благодаря Бога. С того времени он восприял большее усердие и ревность к писанию Божественных книг, которые он оставил после себя Церкви, как многоценное сокровище[1].

---

[1] Творения Иоанна Златоустого еще в IV и V веках приобрели большую известность во всем христианском мире; они хранились, как драгоценность, в царских чертогах и писались золотыми буквами. До нашего времени многие из его творений не дошли; тем не менее от него сохранилось столько творений, сколько не осталось ни от одного отца и учителя Церкви. По греческому месяцеслову всех творений Иоанна Златоустого, дошедших до нашего времени, насчитывается до 1447 и писем до двухсот сорока четырех. Больше всего осталось от Иоанна Златоустого проповедей и церковных бесед. Проповеди святого Иоанна поражают своей стройностью, глубиной мысли и разнообразием содержания. «Не говорю о других, — писал о Златоустом святой Исидор, — сам Ливаний, столько известный по красноречию, изумлялся языку знаменитого Иоанна, изяществу его мыслей и силе доказательств». Лучшими из проповедей Златоустого справедливо считаются его беседы к антиохийскому народу о статуях, слова о Евтропии, слово «за нищих», слово по удалении из столицы и по возвращении в столицу, похвальные слова апостолу Павлу. В своих проповедях Иоанн Златоуст предлагал наставления почти о всех частных предметах деятельности христианской. Сверх того, во все продолжение общественного служения своего святой Иоанн объяснял в беседах Священное Писание. Каждая из объяснительных бесед его состоит из двух частей: в одной он занимается объяснением текстов Слова Божия, в другой — нравственным состоянием своих слушателей, предлагает нравственные наставления. Занимаясь объяснением Священного Писания, святой Иоанн оставил, впрочем, немного толкований на Ветхий Завет, по сравнению с толкованиями на Новый. Кроме бесед и слов на книгу Бытия, на восемь глав Исаии и на тридцать псалмов, немногих бесед на историю Самуила и Саула, ныне известны с именем Златоустого толкования на книгу пророка Даниила и на книгу Иова. В толковании Нового Завета самое первое место занимают антиохийские беседы на Евангелие от Матфея. Наравне с ними, по общему суду, стоят беседы на послание к Римлянам. По точности объяснения слов апостола, высокое место занимает объяснение послания к Галатам. После этого к лучшим толкованиям Златоустого надо отнести беседы на 1-е послание к Коринфянам и на послание к Ефесянам. Собственно догматических сочинений Златоустого немного, и все они дышат заботливостью его о нравственном состоянии верующих. Среди них мы отметим книгу к Стагирию, где Иоанн решает вопрос: почему, если есть промысл, страждут праведники?

Иоанн — великий учитель всего мира — без всякого колебания обличал несправедливости, защищал обиженных, а царя и царицу убеждал никого не обижать, но поступать по справедливости. Вельможам и людям высокого сана, расхищающим чужое имущество и огорчающим бедных, он угрожал судом Божиим. За это против него стали враждовать многие мирские властители. Осуждаемые своею совестью, но не желая отрешиться от своих пороков, они гневались на Иоанна. Сердце их окаменело, им тяжело было слушать слова святого, — и вот они затаили в себе злобу на него. Ненавистники старались всячески чернить святого, рассказывая, что патриарх в своих проповедях в церкви не поучает, но оскорбляет и обвиняет царя и царицу и все власти. К тому же его называли еще немилосердным по следующей причине.

Заслуживают также внимания пять слов о непостижимом, сказанные в обличение еретиков аномеев, которые стремились на основании собственных умствований уяснить отношение Бога-Отца к Богу-Сыну и учили, что Сын Божий есть тварное существо и сотворен Отцом из ничего. В словах о непостижимом Иоанн разрушает попытку аномеев уяснить тайну Триединого Божества и текстами Священного Писания доказывает непостижимость Божию; в семи других словах доказывается единосущие Сына Божия с Богом-Отцом. Кроме того, замечательна еще книга Иоанна Златоустого о Святом Духе, по учению об исхождении Духа Святого от Отца. В сочинении против иудеев и язычников доказывается Божественность учения христианского исполнением пророчеств и действиями христианского благовестия на сердца людей, а в восьми словах против иудеев показывается, что обряды иудейские отменены, и потому совершать их теперь — значит поступать вопреки воле Божией. Известный своими творениями, Иоанн Златоуст славен еще тем, что учредил особый чин литургии, который и теперь носит его имя. Святой Прокл, ученик Златоустого и впоследствии один из его преемников по Константинопольской кафедре, так пишет об этом установлении святого: «Святой Василий (Великий), поступая с людьми, как с больными, представил литургию в сокращенном виде. Спустя немного времени отец наш, златый по языку Иоанн, с одной стороны, как добрый пастырь, ревностно заботясь о спасении овец, с другой, взирая на слабость человеческой природы, решился исторгнуть с корнем всякий предлог сатанинский. Потому он, опустив многое, учредил совершение литургии сокращеннейшее, чтобы люди мало-помалу вовсе не отстали от апостольского и Божественного предания». Сокращенная Иоанном литургия первоначально не имела всех песнопений, какие она имеет теперь. Некоторые из них вошли после святого Иоанна, но они не изменили существенного состава Златоустовой литургии, потому что относятся или к первой части литургии (известной под названием литургии оглашенных), или к той, которая следует за совершением Евхаристии. В настоящее время литургия Иоанна Златоустого чаще других совершается в христианских церквах Православного Востока.

В царском дворце находился некий евнух, по имени Евтропий, начальник царских постельников. Он сумел вкрасться в доверие к царю и сделался его любимцем. Преследуя своих врагов, он уговорил царя издать закон, которым бы уничтожался один древний обычай, состоявший в следующем. Люди, чем-нибудь нарушившие гражданский закон и присужденные к смерти, укрывались в церкви, как некогда у израильтян в города убежища[1], и в церквах спасались от смертной казни. Уничтожение этого обычая было весьма прискорбно для святого Иоанна Златоустого, и он, считая это дело насилием над Церковью, обличал Евтропия, обвиняя его в жестокости и попрании церковных установлений. Спустя немного времени сам Евтропий впал в яму, которую он выкопал для других, и закололся тем самым мечом, который наточил для других. По случаю какого-то важного проступка царь весьма разгневался на него, и Евтропий был приговорен к смертной казни. Тогда Евтропий убежал в церковь и скрылся в алтаре под престолом. Блаженный же Иоанн, восседая на амвоне, откуда он обыкновенно поучал народ, направил, как весьма строгий ревнитель, обличительное слово на Евтропия; он говорил, что было бы справедливо, если бы новоустановленный несправедливый закон испытал на себе тот самый человек, который изобрел и установил его. Враги Иоанна, подхватив это слово, стали порицать святого, укоряя его в немилосердии. Таким образом, мало-помалу, они раздражали сердца многих людей и возбуждали в них гнев на Иоанна[2].

Среди недовольных святым угодником Божиим находилось немало и клириков, живших порочно, так как он изобличал их лукавые дела и отлучал иных от Церкви; особенно же они были раздражены поступком некоего диакона Серапиона. Последний, благо-

---

[1] У евреев было шесть городов убежища: три — на восточной стороне Иордана, три — на западной. В эти города убегали невольные убийцы, а также и те, которые мстили за кровь убитого родственника. У христиан древней Церкви право убежища принадлежало сначала некоторым храмам, а затем и всем. Оно состояло в том, что если осужденный находил убежище в церкви, то был неприкосновенен, пока дело его не было рассмотрено вновь.

[2] Тем не менее своим ходатайством пред императором, несмотря на противодействие императрицы Евдоксии, Иоанн Златоуст спас Евтропия на этот раз от заслуженной кары. Впоследствии Евтропий, однако, был сослан и подвергнут смертной казни.

верно служа при патриархе и живя благочестиво, однажды в присутствии всех клириков сказал святому:

— Владыка, ты не исправишь их, если не разгонишь всех одним жезлом.

На эти слова его многие разгневались и стали дурно говорить в народе о святом патриархе, возводя хулы на того, который был достоин всяких похвал. Недовольство и вражда против святого Иоанна проявлялась и в высшем духовенстве. К числу недовольных святым Иоанном епископов принадлежал некто Севириан, митрополит Гевальский[1]. Сначала он пользовался любовью Иоанна, который, отправляясь в Малую Азию для устройства тамошних церковных дел, поручил ему управление своею паствою. Управляя во время отсутствия угодника Божия Константинопольскою церковью, Севириан постарался возбудить против него неудовольствие и происками вошел в милость при царском дворе, надеясь таким образом занять место Златоустого. Вместе с этим он превысил свою власть и допустил в управлении некоторые беспорядки. Возвратившись, святой Иоанн сразу понял всю низость и коварство Севириана и за сделанные им беспорядки хотел удалить его из столицы. Но за Севириана вступилась императрица Евдоксия, и, по просьбе ее, Иоанн искренно примирился с ним и простил его. Севириан же остался в душе таким же, каким был прежде, и втайне продолжал питать злобу против Златоустого. Святой знал про окружавшую его злобу, но не обращал на нее внимания, ибо чем больше его хулили, тем сильнее процветала слава его; он стал известным даже в отдаленных странах, и многие приходили издалека, желая видеть святого и слушать его учение.

При такой славе Златоустого, злоба всех врагов его была бы для него не опасна, если бы в числе враждовавших на святого не находилась сама царица Евдоксия. Это был самый опасный и самый упорный враг святого угодника Божия, ненавидевший его всею душою своею. Все речи Иоанна о сребролюбцах и расхищающих чужое, которые он обращал ко всем вообще, царица относила к себе и думала, что Иоанн ее одну обличает и оскорбляет; ибо она была весьма сребролюбива и одержима ненасытной жадностью к золоту,

[1] *Гевал* — город в Финикии, при Средиземном море. Он находился в теперешней Сирии между Бейрутом и Триполисом.

которое она насильственно отнимала у многих. Гневаясь на блаженного угодника Божия, царица начала помышлять о том, каким бы образом низложить его с патриаршества.

В то время в Константинополе находился один знатный муж, по имени Феодорих, владевший большим богатством. Завидуя ему и желая присвоить себе его имущество, царица искала обвинений против него, но не находила, потому что Феодорих был человек достойный и честный. Не имея возможности причинить ему насилия, царица изобрела хитрость. Она призвала Феодориха к себе и сказала ему:

— Ты знаешь, сколь большую убыль постоянно терпит царское имущество, как много раздается золота охраняющему царство войску и как бесчисленны те, которые ежедневно кормятся от царских сокровищ. Вот почему в настоящее время казна наша несколько истощилась. Итак, дай взаймы в царские сокровищницы часть твоего имущества, этим ты приобретешь у нас расположение; со временем же получишь то, что отдашь ныне.

Феодорих понял, что царица хочет воспользоваться его имуществом не для пополнения царской казны, а для удовлетворения своего ненасытного сребролюбия. Поэтому он отправился к блаженному Иоанну, сообщил ему об этом намерении царицы и слезно умолял святого оказать ему свою помощь и содействие. Иоанн немедленно послал царице письмо, увещевая ее добрыми и кроткими словами не причинять обиды Феодориху. Царица, хотя и гневалась на патриарха, но в тот раз поступила согласно его желанию; она устыдилась премудрых его речей и дала обещание не причинять Феодориху никакого зла. После этого Феодорих, внимая златоглаголивым устам святого, поучавшим о милостыне и советовавшим не на земле скрывать сокровище, где его может отнять рука завистливых, но на небе, где никто не будет ни завидовать, ни отнимать, — решил отдать свое богатство Царю небесному. Оставив себе небольшую часть имущества для прокормления семьи, все прочее большое состояние свое он пожертвовал в церковную странноприимницу для пропитания странников, бедных и больных. Услышав об этом, царица весьма разгневалась и послала сказать блаженному Иоанну:

— Святой патриарх! Я, по твоему совету, ничего не взяла у патриция Феодориха для потребностей нашего царства, а ты похитил

его имущество для собственного обогащения! Не приличнее ли было бы это имущество взять нам, а не тебе, так как Феодорих обогатился на царской службе. Почему ты не стал подражать нам? Как мы ничего не взяли у Феодориха, так и тебе не следовало брать его имений.

На эти слова Иоанн написал царице следующее:

— Я думаю, для тебя не тайна, что если бы я желал богатства, то ничто не воспрепятствовало бы мне иметь его. Ибо я имел благородных, сановитых и богатых родителей. Но я добровольно отказался от богатства. Ты утверждаешь, что имущество Феодориха я взял для своего обогащения. Но знай, что Феодорих мне ничего не дал; да если бы и давал, то я не взял бы у него. Свое богатство он отдал Христу, раздавая милостыню нищим и убогим. И он хорошо поступил, ибо от Христа сторицею восприимет в грядущем веке. Я желал бы, чтобы и ты, подражая Феодориху, скрывала твои имения на небеси, чтобы, когда ты обнищаешь, была принята в вечные обители. Если же ты замышляешь отнять у Христа то, что отдал ему Феодорих, то что нам до того? Ибо, как увидишь сама, ты оскорбишь не нас, а Самого Христа.

Прочитав это письмо Иоанна, царица еще сильнее разгневалась и стала искать случая отмстить святому.

В то время в Константинополь прибыла из Александрии одна вдова, по имени Каллитропа, по следующему делу. Когда в Александрии областеначальником был Павликий, имевший сан Августа[1], некоторые завистливые люди донесли ему, будто Каллитропа имеет много золота. Павликий же был весьма златолюбив. Ложно обвинив Каллитропу, он повелел взять вдову и вынуждал ее заплатить ему пятьсот золотых монет. Не имея таких денег, вдова отдала под заклад соседям все, что у нее было, и, с трудом набрав пятьсот золотых монет, вручила их областеначальнику. Скоро Павликий за свои несправедливые дела был лишен сана и отправлен в Константинополь на допрос; туда же отправилась за ним и бедная вдова. Придя к царю, она пала пред ним со слезами и воплем, жалуясь на Павликия, что он насильственно взял у нее пятьсот монет золота. Царь приказал Константинопольскому градоначальнику произвести по этому делу

[1] Этот титул давался высшим начальникам областей в отличие от второстепенных.

расследование. Но градоначальник, держа сторону Павликия, оправдал его, а вдову отпустил ни с чем. Еще более оскорбленная этим, вдова прибегла к царице и, рассказав ей всю свою беду, просила у нее милости и помощи. Златолюбивая царица была рада такому случаю, ибо надеялась чрез это дело приобрести для себя много золота. И вот она немедленно призвала Павликия, с гневом изобличила его в грабеже чужого имущества и в оскорблении бедной вдовы и приказала держать его под стражей до тех пор, пока он не заплатит сто литр золота. Видя, что не избежать ему рук царицы, Павликий послал к себе домой принести столько золота, сколько требует царица, и передал ей сто литр золота. Из всех этих денег царица передала вдове только тридцать шесть золотых монет и отпустила ее, а все остальное взяла себе. Вдова ушла от царицы с плачем, оскорбленная таким несправедливым решением. Тут она услышала о защитнике обидимых — святом Иоанне. Явившись к нему, она подробно поведала о том, что причинили ей Павликий и царица.

Успокоив плачущую вдовицу, святой Иоанн послал за Павликием и, пригласив его в церковь, сказал ему:

— Нам известно о несправедливостях, какие ты, не боясь Бога, делал, оскорбляя бедных и насилием отнимая чужие имения, как поступил ты и с этой бедной вдовицей. Мы призвали тебя за тем, чтобы ты отдал пятьсот златниц той, которую ты несправедливо обидел. Итак, отдай ей, чтобы она могла возвратить взятое ею у заимодавцев и не погибла бы вместе с своими детьми в крайней нищете. Тогда и ты освободишься от своего греха и умилостивишь Бога, Которого ты прогневал и Который отмстит тебе за оскорбление сирот, если не раскаешься.

Павликий отвечал:

— Владыка, эта вдова причинила мне несравненно большую обиду, чем я ей, ибо, жалуясь на меня царице, она отняла у меня сто литр золота; чего же еще большего она хочет от меня? Пусть она идет к царице и берет свое у нее.

Святой сказал ему на это:

— Если царица и взяла у тебя столько золота, то вдова еще не получила своего, и потому она не виновата в обиде, причиненной тебе царицею. Царица взяла у тебя сто литр золота не столько за обиду вдовы, сколько за другие твои грабительства, которые ты совершал,

состоя при власти. Не клевещи на царицу. Я заверяю тебя, что ты не выйдешь отсюда, пока не отдашь вдовице всего, что ты взял у нее, до последней златницы. А те тридцать шесть золотых монет, которые дала ей царица, пусть останутся у нее на издержки в дороге.

Когда царица узнала, что Иоанн задержал Павликия в церкви, она послала к Иоанну с повелением отпустить Павликия, так как она взяла у него достаточно золота.

Но Иоанн отвечал посланным:

— Павликий не будет выпущен отсюда до тех пор, пока не отдаст бедной женщине взятого.

Царица вторично послала к святому с требованием отпустить Павликия; но святой отвечал:

— Если царица желает, чтобы я отпустил его, то пусть отошлет этой вдовице пятьсот золотых монет. Это для нее не представит большого затруднения, потому что она взяла у Павликия гораздо более — сто литр золота.

Услышав это, царица исполнилась ярости и немедленно отправила двух сотников с двумястами воинов, чтобы они вывели Павликия из церкви насильно. Но когда воины приблизились к церковным дверям, им внезапно явился, стоявший в дверях, Ангел Господень, который держал в своей руке обнаженный меч и загораживал им вход. Увидав грозного Ангела, воины убоялись и бежали. С трепетом они возвратились к царице и сообщили ей о явлении Ангела. Она же, услышав об этом, ужаснулась и более не осмеливалась посылать к Иоанну за Павликием. Видя, что царица не помогла ему, Павликий послал в свой дом за золотом, отдал вдове пятьсот золотых монет и был выпущен из церкви. Получив свое, вдовица с радостью вернулась в свой город.

Царица между тем не переставала гневаться на блаженного Иоанна; злоба на угодника Божия день ото дня увеличивалась в ее сердце. Однажды она послала к святому Иоанну своих слуг, повелев им передать ему следующие слова:

— Перестань противиться нам и не касайся наших царских дел, ибо и мы не касаемся церковных дел, но предоставляем тебе самому устраивать их. Перестань выставлять меня притчею для всех, говоря обо мне и обличая меня. До этих пор я считала тебя за отца и воздавала тебе подобающий почет; но если отныне ты не испра-

вишься и не станешь лучше относиться ко мне, я не потерплю тебя более.

Выслушав эти речи царицы, блаженный Иоанн весьма опечалился и, тяжко вздохнув, сказал посланным:

— Царица желает, чтобы я походил на мертвого, не замечал совершаемых несправедливостей, не слушал голоса обижаемых, плачущих и воздыхающих, не говорил обличений против согрешающих; но так как я епископ и мне вручено попечение о душах, то я должен на все смотреть недремлющим оком, выслушивать просьбы всех, всех учить, наставлять и обличать. Ведь я знаю, что если я не буду обличать беззакония и наказывать беззаконнующих, то подвергнусь наказанию, и потому боюсь, как бы ко мне не были приложены слова пророка Осии: *скры́ша жерцы́ путь Господень*[1] (слав. Ос. 6, 9). Ибо Божественный апостол повелевает пред всеми изобличать согрешающего, чтобы и другие имели страх[2]. И тот же апостол учит, говоря: ***проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием*** (2 Тим. 4, 2). Я обличаю беззаконие, а не беззаконнующих; никому не говорил я в лицо о его беззаконии, никого не запятнал бесчестием и никогда не упоминал в проповедях имени царицы для обличения ее. Но я всех вообще поучал воздерживаться от зла и не обижать ближних. Если же кого из слушающих мои поучения осуждает совесть за содеянные им дурные дела, то ему подобает гневаться не на меня, но на себя самого, и пусть он уклонится от зла и сотворит благое. Если царица не сознает за собою зла, ни того, что она кого-нибудь обидела, то почему она гневается на меня, поучающего народ уклоняться от всякой неправды? Ей следовало бы лучше радоваться, что она не сделала неправды и что я неленостно проповедую спасение людям, над которыми она царствует. Если же она виновна в тех грехах, которые я стараюсь учительными словами искоренить в сердцах человеческих, то пусть знает, что не я ее обличаю или причиняю ей бесчестие, но изобличают ее творимые ею дела, которые приносит душе ее великое бесчестие и стыд. Итак, пусть царица гневается, как хо-

---

[1] Этими словами изобличаются священники народа еврейского, которые вместо того, чтобы указывать народу прямые пути жизни, скрывали их от народа.

[2] *Согрешающих обличай перед всеми, чтобы и прочие страх имели* (1 Тим. 5, 20).

чет, а я не перестану говорить правду. Ведь для меня лучше прогневать людей, чем Бога: *Если бы я и поныне угождал людям, то не был бы рабом Христовым* (Гал. 1, 10).

Сказав это посланным, святой отпустил их. Они же, возвратившись к царице, передали ей все, что слышали. Тогда царица еще сильнее разгневалась на блаженного Иоанна.

Не одна царица враждовала против святого, но и многие другие, жившие нечестиво. У него были враги не только в Константинополе, но и в более отдаленных странах. В числе последних были следующие: Александрийский патриарх Феофил, который с самого начала невзлюбил Иоанна и не желал его посвящения на патриаршество, Акакий, епископ Беррийский[1], Севириан Гевальский и Антиох Птолемаидский[2], а в Константинополе — два пресвитера и пять диаконов, многие из царских чиновников и три известные и богатые вдовы, нечестиво живущие: Марса, Кастриция и Евграфия. Все эти ненавистники Иоанна, совещаясь между собою, изыскивали против него обвинения, чтобы оклеветать его пред народом. Прежде всего они послали в Антиохию разузнать, не совершил ли Иоанн какого-либо дурного поступка, хотя бы в детстве. Но *исчезоша испытающии испытания* (слав. Пс. 63, 7), и не обрели они ничего, чтобы можно было поставить в вину святому угоднику Божию. После этого они послали в Александрию к Феофилу, хитрому лжецу и наветнику, но и тот ничего не мог найти в обличение святого Иоанна, который сиял добродетелями, как солнце. Однако Феофил, научаемый сатаною, ревностно старался о том, как бы низложить Иоанна с престола, чего он и достиг, имея помощницею царицу и прочих дурных людей. Изгнание Иоанна произошло при таких обстоятельствах.

В Александрии находился пресвитер, по имени Исидор, бывший ксенодором (то есть кормильцем странников), человек святой жизни и премудрый. Он был уже стар, имея от роду восемьдесят лет; в пресвитеры он был поставлен святым Афанасием Великим, патриархом Александрийским[3]. Против этого-то Исидора Феофил имел вражду

---

[1] *Беррея* — город в Сирии, теперь — *Алеппо.*

[2] *Птолемаида* — город в Сирии, на восточном берегу Средиземного моря.

[3] *Афанасий Великий* — знаменитый поборник Православия в борьбе с арианством. Занимал Александрийскую кафедру с 326 по 373 год, с промежутками. Память его празднуется 2 мая и 18 января.

из-за Александрийского пресвитера Петра, так как Феофил намеревался того Петра без вины лишить сана и отлучить от Церкви, а Исидор защищал Петра и доказывал, что взводимое на последнего обвинение несправедливо. Поэтому Феофил стал гневаться и на Исидора и, отлучив от Церкви Петра, стал искать улик против Исидора, чтобы и его отлучить от Церкви.

В то время некая вдова, по имени Феодотия, пожертвовала Исидору тысячу золотых монет, чтобы он на эти деньги одевал находящихся в Александрии нищих, сирот и убогих вдовиц. При этом, вдова просила Исидора не говорить о том патриарху Феофилу, чтобы последний не отобрал золота и не затратил его на предпринятые им каменные постройки. Получив золото, Исидор поступил так, как просила его Феодотия, и ничего не сказал Феофилу. Тем не менее Феофил узнал от кого-то, что Исидор получил от Феодотии тысячу золотых монет и истратил их на потребности бедных без его, Феофилова, ведома. Златолюбивый Феофил сильно прогневался за это на Исидора и возвел на него несправедливое обвинение в противоестественном грехе. В подкрепление своего обвинения Феофил подыскал лжесвидетелей. Но невинный Исидор был оправдан. Впрочем, по необузданной злобе своей Феофил все-таки лишил его пресвитерского сана и с побоями и бесчестием изгнал из клира. Пострадав невинно, Исидор покинул Александрию и удалился пустынножительствовать в Нитрийскую гору[1], в которой он жил ранее, будучи еще молодым; заключившись здесь в одной хижине, он молился Богу, терпеливо перенося свое бесчестие.

В то время в египетских монастырях жили четыре брата, люди добродетельные и боявшиеся Бога, которые всю свою жизнь проводили в посте и иноческих подвигах. Имена их были следующие: Диоскор, Аммоний, Евсевий и Евфимий, а прозывались они Долгими, так как все они отличались большим ростом. Эти братья, за свою добродетельную жизнь, были почитаемы не только жителями Александрии, но и самим Феофилом. Одного из них, именно Диоскора, он против его желания назначил епископом Гермопольским[2], а двух

[1] *Нитрия* к югу от Александрии, на запад от реки Нила, близ Ливийской пустыни. Название горы получилось от обилия нитры, или селитры, в озерах, примыкавших к горе.

[2] Этого *Диоскора, епископа Гермопольского* и мужа благочестивого, следует отличать от Диоскора еретика, который жил несколько позднее и с 444 по 451 год

братьев его, Аммония и Евфимия, упросил поселиться с ним в патриархии и принудил их принять священнический сан. Пребывая в патриархии при Феофиле, они увидели, что последний живет не по заповедям Божиим, более любит золото, чем Бога, и творит большие несправедливости; поэтому они не пожелали оставаться с патриархом, но, покинув его, снова возвратились к отшельнической жизни. Уразумев причину их удаления, Феофил весьма на них обиделся, переменил любовь, которую питал к ним, на злобу и стал помышлять о том, как бы отмстить им. Сначала он распустил слух, будто Долгие вместе с низверженным Исидором придерживаются оригеновой ереси и соблазнили этой ересью многих черноризцев[1]. Затем, он послал к ближайшим епископам повеление немедленно удалить старейших черноризцев из Нитрийской пустыни, не указывая оснований для такого распоряжения. Когда епископы поступили согласно с приказанием патриарха, изгнав с гор и из пустынь[2] всех благочестивых и богоугодных подвижников, то изгнанные, собравшись вместе и придя в Александрию к патриарху, умоляли его сообщить им, за что они осуждены и изгнаны из мест своего жи-

---

занимал Александрийскую кафедру. Последний был монофизит, то есть учил, что в Иисусе Христе одно естество, что Божественная природа в Нем поглощена человеческой. — *Гермопольская епархия* находилась в северо-западной части Египта, к югу от Александрии; в состав этой епархии входила и Нитрийская гора.

[1] *Ориген* (род. около 180 г. по Рождестве Христовом, умер в 254 г.) — наставник александрийского училища, один из величайших ученых своего времени. Сами языческие философы отзывались об Оригене, что он превосходит их своей мудростью. Ориген оставил после себя много сочинений, из которых некоторые дошли до нас в отрывках. Главным образом он известен своими толкованиями Священного Писания. Известно также его сочинение против Цельса, где он отстаивает истины христианской веры. К сожалению, в своих сочинениях Ориген иногда допускал произвольные мысли, не разделяемые Церковью, хотя высказывал их не как положительное учение Церкви, а как свои личные предположения. Так, он не совсем точно учил об отношении Лиц Святой Троицы; говорил, что диавол, если бы захотел, то мог спастись, — что души человеческие созданы прежде творения видимого мира и прочее. Горячие последователи Оригена, которых у него было очень много и в Александрии, и в Палестине, часто развивали эти мысли до крайности; эти последователи назывались оригенитами, а их мнения — Оригеновой ересью.

[2] За Нитрийской горой к Западу начиналась обширная Ливийская пустыня (теперь Сахара), в которой находились келии иноков; отсюда и пустыня эта носила название келлиотской.

тельства. Патриарх, в безумном гневе, бросился на них, как бы бесноватый, и закинув омофор[1] на шею Аммония, стал бить его, восклицая:

— Еретик, прокляни Оригена!

Причинив побои Аммонию, а также и другим, Феофил не только не позволил им в своем присутствии что-либо говорить, но всех с бесчестием прогнал от себя. Они же, так и не дождавшись ответа на свой вопрос Феофилу, возвратились в свои хижины, мало обращая внимания на ярость и беснование своего патриарха.

Созвав ближайших епископов, Феофил предал анафеме четырех невинных иноков: Аммония, Евсевия и Евфимия, братьев Диоскора, а также вышеупомянутого блаженного Исидора, не расследовав исповедания их веры. Но злоба его этим не укротилась. Он сам написал против них много ложных обвинений — в ереси, волхвованиях и многих иных тяжких грехах; затем, подкупив клеветников и лжесвидетелей, передал им эти ложные обвинения, приказывая, чтобы клеветники подошли к нему, когда он в праздник будет поучать народ в церкви, подали ему написанные против вышеупомянутых черноризцев обвинения и выставили лжесвидетелей. Когда все произошло таким образом, патриарх повелел ложные обвинения прочесть в соборе; потом, он показал эти обвинения градоначальнику, взял у него около пятисот воинов и отправился с ними в Нитрийскую гору с намерением изгнать из Египетской области Исидора, братьев Диоскора и всех их учеников — как еретиков и волхвов. При помощи войска Феофил сначала сверг с епископского престола Диоскора, а затем, напоив солдат вином, напал ночью на Нитрийскую гору и прежде всех искал Исидора и братьев Диоскора: Аммония, Евсевия, Евфимия. Не найдя их (ибо они укрылись в одном глубоком рве), он приказал воинам напасть на всех черноризцев, сжечь их жилища и разграбить все их скудное имущество, одежду и пищу. Пьяные солдаты, устремившись по всем местам и пещерам, умертвили, задушив в дыме и огне, до десяти тысяч святых постников (10 июля, когда в святой Церкви и совершается память их). Остальные иноки разбежались, скрываясь где кто мог. После этого Феофил удалился в Александрию.

---

[1] *Омофор* (греческое слово) — буквально наплечник, раменоносник, одно из облачений епископских, возлагаемое на плечи и спускаемое спереди и сзади.

Оставшиеся после этого погрома иноки собрались вместе и, после долгого плача о своих убитых отцах и братьях, разошлись, кто куда хотел. Диоскор же с своими братьями, блаженный Исидор и многие другие черноризцы, просиявшие в посте и добродетелях и почтенные от Бога даром чудотворения, в глубокой печали удалились в Палестину. При этом для них не то было горько, что они обижены и изгнаны, но то, что они без вины отлучены Феофилом от Церкви и причислены к еретикам. Но и в Палестине Феофил не оставил их в покое: он немедленно послал к палестинским епископам со словами:

— Не следует вам без моего согласия принимать отлученных и убежавших от меня.

Тогда изгнанные, не зная, куда обратиться, отправились в Константинополь к святому Иоанну Златоустому, как к надежному пристанищу, и, припав к ногам его, со слезами умоляли оказать им милость и помощь. Видя пятьдесят уважаемых мужей в таком несчастии, Иоанн пожалел о них и прослезился. Затем, узнав, почему они претерпели такую напасть от Феофила, утешил их ласковыми словами и успокоил, предоставив им помещение при церкви святой Анастасии. Содержание им давал не только святой Иоанн, но и святая Олимпиада диакониса[1], которая доставляла им все необходимое из своих средств. Эта диакониса все свое богатство обратила на то, чтобы нищие и странники имели покой и все потребное для жизни. Она поистине была святая; святы были и те черноризцы; память некоторых из них Церковь почтила впоследствии празднованием. Среди них особенно выдавался некто, именем Иеракс, в течение многих лет одиноко проживший в пустыне, которого бесы так искушали:

— Старец! Ты проживешь еще пятьдесят лет: как ты столь долгое время будешь жить в пустыне?

Он же, уразумев их обольщение, сказал:

— Вы мне печаль причиняете, предсказывая мне столь кратковременную жизнь; а я ведь приготовился претерпевать лишения в этой пустыне в течение двухсот лет.

Услышав это, бесы убежали посрамленными. Вот такого-то отца, которого не могли поколебать бесы, изгнал Феофил Александрий-

[1] Память ее совершается 25 июля.

ский! Еще в числе святых черноризцев был Исаак пресвитер, сведущий в Божественном Писании, ученик святого Макария[1], непорочный от материнской утробы, ибо он был принесен в пустыню пятилетним и там вырос. Да и все те изгнанные Феофилом черноризцы были святы и преподобны. Блаженный Иоанн высоко почитал их и не возбранял им посещать церковь, хотя не допускал до святого причастия, пока сам он подробно не уяснит причины их отлучения от Церкви и не примирит их с Феофилом. Он удерживал их, чтобы они ничего не говорили о своей обиде царю и не жаловались на Феофила, обещаясь примирить его с ними. Иоанн действительно писал Феофилу о том, чтобы он дозволил тем черноризцам мирно проживать в своих келиях в Египте и снова принял их в лоно Христовой Церкви.

Между тем слухи о том, что Иоанн принял изгнанных иноков в общение с собою, дошли до Феофила. Вместе с тем некоторые клеветники говорили ему, будто бы Константинопольский епископ допустил их до причастия (что было неверно). За это Феофил сильно прогневался на Иоанна и послал к нему дерзкое послание, обвиняя в нарушении церковных постановлений[2]. Однако Иоанн после этого вторично послал Феофилу миролюбивое писание, упрашивая его прекратить гнев и не запрещать инокам пребывания там, откуда они изгнаны. Но Феофил грубее прежнего ответил Иоанну и стал гневаться на него больше, чем на этих черноризцев. Только тогда черноризцы написали царю жалобу, где описали все свои бедствия, которые невинно претерпели от Феофила. Свою жалобу они подали царю в то время, когда тот находился в церкви.

Сожалея о несчастии столь честных и добродетельных иноков, царь тотчас же послал к Александрийскому областеначальнику предписание отправить Феофила, хотя бы и насильно, на суд в Константинополь, чтобы он пред патриархом Иоанном и собором епископов дал ответ о причинах своей злобы и понес осуждение за

---

[1] *Святой Макарий Египетский* родился около 301 году, умер в 391 году, подвизался в Скитской пустыне, в двадцати четырех часах ходьбы от Нитрии. Память его совершается 19 января.

[2] 32-е апостольское правило гласит, что отлученному каким-нибудь епископом «не подобает в общение приняту быти иным». То же требование высказывает и 5-е правило I Вселенского собора.

дела свои. Царь писал также к папе Римскому Иннокентию[1], прося его отправить от себя епископов в Константинополь на собор для суда над Феофилом. Папа немедленно повелел своим епископам быть готовыми в дорогу и стал ожидать от императора Аркадия уведомления о том, собрались ли восточные епископы. Но царь вторично не писал, и потому западные епископы не явились в Константинополь. Между тем Феофил подкупил Александрийского областеначальника, и последний позволил ему пробыть в Александрии до тех пор, пока он не соберет из Индии всякие благовонные ароматы и сладкие яства, которые он мог бы отправить на корабле в Константинополь. В то же время Феофил склонил на свою сторону святого Епифания, епископа Кипрского[2], и оклеветал пред ним святого Иоанна, утверждая, будто он еретик, так как принял к себе последователей Оригена и с ними причащается. Будучи человеком незлобивым, Епифаний не распознал Феофилова коварства, поверил лжи и, ревнуя о благочестии, проклял Оригеновы книги на Поместном соборе в Кипре, а затем написал Иоанну послание, в котором увещевал его поступить так же. Но Иоанн, не спеша с этим делом, продолжал изучать Божественное Писание и все свои заботы направлял к тому, чтобы поучать народ в церкви и приводить к покаянию грешников.

Между тем Феофил, готовясь к путешествию в Константинополь, упросил святого Епифания отправиться туда же.

— Мы устроим, — говорил он, — собор против оригенитов.

Убежденный им, Епифаний поспешно отправился в Константинополь, куда прибыл ранее Феофила. Но прежде его прибытия в Константинополе произошло следующее событие.

Жил там один вельможа, по имени Феогност, человек добрый и богобоязненный. Он был оклеветан пред царем в том, будто бы он хулил и злословил царя, а царицу называл «златоненасытною» и говорил, что она несправедливо захватывает чужие имения. Царь раз-

---

[1] *Папа Иннокентий* управлял Римской Церковью с 402 по 417 год.

[2] *Остров Кипр* находится в восточной части Средиземного моря, к югу от Малой Азии. Епифаний занимал Кипрскую кафедру с 365 по 402 гг. Это был человек обширной начитанности, владел языками: греческим, еврейским, сирийским, египетским и латинским. Он пользовался большим уважением за свою святость, а по смерти сопричислен к лику святых. Память его совершается 12 мая.

гневался на Феогноста и повелел отправить его в Солунь в заточение, а все его богатство и имение отнять, кроме одного виноградника, находившегося за городом, который царь позволил оставить жене и детям Феогноста на пропитание. На пути в Солунь Феогност впал в недуг и от печали умер. Жена его в глубокой скорби о своем муже пришла к святому Иоанну и со слезами рассказала ему свое горе. Святой стал утешать ее мудрыми речами и советовал возложить печаль на Бога. При этом он позволил ей ежедневно брать для себя и для своих детей пищу из церковной странноприимницы, а сам выбирал между тем удобный случай, когда бы мог попросить царя, чтобы он возвратил вдове и детям ее отнятое у них без причины имущество. Но царица, по злобе, не только воспрепятствовала этому, но и причинила величайшие бедствия блаженному Иоанну.

Однажды, во время собирания винограда, Евдоксия проходила мимо виноградника Феогностова, который был не в дальнем расстоянии от царских виноградников. Привлеченная его прекрасным видом, она вошла в него, срезала гроздь своими руками и съела. Между тем, было такое царское постановление: если царь или царица войдут в чужой виноградник и съедят гроздь, то после этого хозяин того виноградника более не имеет на него права и виноградник этот причисляется к царским, а владелец его или вознаграждается деньгами, или получает от царя иной виноградник. Согласно этому постановлению, Евдоксия приказала Феогностов виноградник приписать к виноградникам царским. Так она поступила, руководясь следующими соображениями: с одной стороны, она желала причинить бесчестие вдове и детям ее, так как негодовала на нее за то, что она приходила к Иоанну и рассказала ему о своем горе, а с другой стороны, царица изыскивала обвинение против Иоанна, чтобы изгнать его из церкви. Она, конечно, знала, что если Иоанн услышит об этом, то не будет молчать, но станет на защиту обиженной вдовы, а из этого возникнет раздор и исполнится ее замысел. Это и сбылось.

Действительно, обиженная вдова прибегла к блаженному Иоанну и с рыданием сообщила ему, что царица отняла у нее виноградник — последнюю надежду на прокормление детей. Иоанн немедленно отправил с архидиаконом Евтихием письмо к царице, склоняя ее на милосердие, напоминая о добродетельной жизни ее родителей, о доб-

родетелях прежних царей, приводя ей на мысль страх Божий, устрашая ее душу напоминанием о страшном суде Божием и умоляя ее возвратить виноградник бедной вдове. Царица, не повинуясь наставлению Иоанна и не слушая его молений, написала ему суровый ответ, в котором она ссылалась на древние царские законы, и, как будто обиженная им, гордо заявляла, что более не будет сносить такой обиды.

— Ты, — писала Иоанну царица, — не ведая царских постановлений, осудил меня в своих речах, как совершающую беззаконие, и обидел меня, но я не потерплю более твоих оскорбительных речей, не потерплю и тебя, не перестающего наносить мне оскорбления.

Прочитав это письмо, святой Иоанн сам отправился во дворец к царице, где снова кроткими словами стал увещевать ее, сильнее прежнего умоляя и настаивая, чтобы она отдала виноградник вдовице.

Царица отвечала:

— Я уже писала тебе о том, что установлено прежними царями относительно виноградников. Пусть вдова выберет вместо своего другой виноградник или получит за свой деньги.

На это святой сказал:

— Ей не нужно иного виноградника и она не ищет вознаграждения за отнятый у нее, но просит возвращения отнятого. Итак, отдай ей ее виноградник!

Царица отвечала:

— Не сопротивляйся древним царским законам, ибо не к добру послужит тебе такое сопротивление.

— Не оправдывай свои действия древними уставами и законами, которые постановили цари языческие! — сказал на это святой угодник Божий. — Тебе, благочестивой царице, ничто не препятствует уничтожить закон несправедливый и установить справедливый. Отдай же виноградник обиженной, чтобы я не назвал тебя второй Иезавелью[1] и ты не подверглась бы проклятию, подобно этой нечестивой царице Израильской.

---

[1] *Иезавель* — супруга Израильского царя Ахава, дочь царя Сидонского (в Финикии); отличалась злым и властолюбивым нравом, а также — приверженностью к язычеству. Она, между прочим, несправедливо завладела виноградником у одного израильтянина, по имени Навуфея, и погубила последнего.

Когда он произнес это, царица воспылала сильным гневом и огласила воплем царские палаты, обнаруживая сокровенный яд своего сердца:

— Я сама отомщу тебе за себя и поэтому не только не возвращу женщине ее виноградника, но и другого не дам, не дам и денег за присвоенный мною, а тебя за обиду накажу достойным образом.

И она приказала силою удалить святого Иоанна из царской палаты. Изгнанный царицею с таким бесчестием, святой Иоанн повелел своему архидиакону Евтихию, под угрозою наказания, исполнить следующее:

— Скажи церковным привратникам, чтобы они, когда царица подойдет к церкви, затворили пред нею двери и не позволяли ей и всем, кто придет с нею, войти в церковь; пусть привратники скажут ей, что так повелел сделать Иоанн.

Когда наступил праздник Воздвижения честного Креста и весь народ собрался в церковь, пришел туда и царь со своими вельможами, пришла и царица со всей своей свитой. Когда привратники увидели царицу, то затворили пред ней церковные двери, не позволяя ей, согласно повелению патриарха, войти внутрь. Тогда царские слуги закричали:

— Отворите госпоже царице!

Но привратники отвечали:

— Патриарх не приказал пускать ее!

Исполнившись стыда и злобы, царица сказала:

— Смотрите все, какой позор причиняет мне этот строптивый человек! Все невозбранно входят в церковь, и только мне одной он воспрещает это. Разве я не могу отомстить ему и низложить его с престола?

Когда она так взывала, один из пришедших вместе с ней обнажил меч и замахнулся им, желая ударить в дверь; и вот внезапно рука его отсохла и стала недвижимой, как омертвелая. Увидев это, царица и вся ее свита пришли в ужас и возвратились обратно; а тот, у которого отсохла рука, вошел в церковь и стал посреди толпы, громко вопия:

— Владыка святой! Помилуй меня и исцели иссохшую мою руку, поднявшуюся на святой храм; я согрешил — прости меня!

Уразумев причину иссушения его руки, святой приказал ему омыть ее в алтарной умывальнице, и рука тотчас исцелела. Видя та-

кое чудо, весь народ воздал хвалу Богу. Все это не сокрылось и от царя; но, зная злой нрав царицы, он не придавал происшедшему никакого значения и, уважая святого Иоанна, с любовью слушал его поучения. Но царица всеми силами добивалась изгнания Иоанна, чего она вскоре и достигла.

В это время в Константинополь прибыл святой Епифаний, епископ Кипрский, имея при себе сочинения, написанные против Оригена. Сойдя с корабля, он вошел в церковь святого Иоанна Предтечи, отстоящую от города на расстоянии семи стадий[1], отслужил здесь литургию и совершил посвящение в диакона вопреки канонам[2], запрещающим епископу, без разрешения епархиального архиерея, посвящать кого бы то ни было в чужой пастве[3]. После этого он прибыл в город и поселился в одном частном доме. Все это стало известным святому Иоанну; однако он не разгневался на Епифания за то, что тот посвятил в его епархии диакона, — ибо считал его за святого и незлобивого мужа; мало того, он отправил к Епифанию послов с просьбою прийти к нему и поселиться вместе с ним в патриаршем доме, как поступали все епископы. Но Епифаний не соглашался на это и даже не желал видеться с Иоанном, а его посланным отвечал:

— Если Иоанн не изгонит из города Диоскора и его черноризцев и если не подпишется под отвержением оригеновых сочинений, то я не буду иметь с ним общения.

Иоанн чрез послов отвечал Епифанию:

— Прежде соборного рассуждения не следует делать ничего произвольно.

Враги же Иоанна, придя к Епифанию, упросили его, чтобы он в церкви святых апостолов, в присутствии всего народа, проклял со-

---

[1] *Стадия* — древняя мера расстояния, греческая стадия была не менее ста сажен.

[2] *Каноны* — правила, установленные Церковью относительно веры, нравственности и церковного благочиния.

[3] 35-е правило апостольское гласит: «Епископ да не дерзает вне пределов своей епархии творить рукоположения в градах и селах, ему не подчиненных. Если же обличен будет, что сотворил это без согласия имеющего в подчинении грады оные или селы, да будет извержен и он, и постановленные от него». Сравни правило 16-е I Вселенского собора, послание III Вселенского собора, 33-е правило собора Анкирского, 15-е — Сардикийского.

чинения Оригена, отлучил от церковного общения всех иноков, изгнанных из Египта вместе с Диоскором, как последователей Оригена, и изобличил Иоанна в том, что он принимает оригенитов и разделяет их мнения. Ревнуя о благочестии, Епифаний на другой день, утром, отправился в церковь святых апостолов, чтобы проклясть сочинения Оригена. Узнав об этом намерении Епифания, святой Иоанн отправил к нему послов со словами:

— Епифаний! Ты многое творишь вопреки канонам. Прежде всего ты совершил литургию и хиротонию в моей пастве без моего согласия; затем — отказался с нами поселиться, а теперь ты хочешь войти в церковь моей епархии и без соборного суда произнести отлучение. Остерегайся, как бы тебе не возбудить смуту в народе и самому не впасть в беду.

Выслушав это, Епифаний стал колебаться и, удалившись из церкви, решил ожидать прибытия Феофила. Господь же, не попуская, чтобы между Его угодниками была какая бы то ни была вражда, открыл Епифанию, что Иоанн чист, как солнце, и подвергается обвинениям по человеческой зависти. Епифаний действительно от многих людей слышал о великих добродетелях Иоанна, о непорочной его вере, о совершеннейшей жизни и изумлялся тому, что многие восстают против Иоанна и сплетают на него различные обвинения. Поэтому Кипрский святитель стал терпеливо ждать, чем кончится начавшееся дело.

Услышав, что Епифаний сторонится Иоанна и не имеет с ним общения, царица Евдоксия предположила, что между ними существует вражда. Пригласив к себе Епифания, она сказала ему:

— Отче Епифаний! Ты знаешь, что все Греко-Римское царство находится в наших державных руках. Вот я передам тебе всю власть церковную, если ты меня послушаешь, исцелишь мою скорбь и устроишь то, что я замыслила.

Епифаний ответил:

— Говори, чадо, и мы по силе нашей постараемся устроить то, что послужит ко спасению души твоей.

Тогда царица, предполагая, что ей удастся обольщением склонить Епифания к своему замыслу, начала говорить ему об Иоанне следующее:

— Иоанн сделался недостойным стоять во главе церковного управления, так как он восстает против меня и царя и не воздает подобающего нам почета. Притом, многие утверждают, что он еретик. По этой причине было бы желательно созвать собор и лишить Иоанна сана, а вместо него поставить другого, который мог бы хорошо управлять Церковью.

Говоря так, царица, от сильного гнева на угодника Божия, вся трепетала. Потом она начала говорить снова:

— Впрочем, нет нужды утруждать многих отцов, созывая их сюда на собор; лучше, святой отче, ты сам удали его из Церкви и поставь вместо него другого, которого Бог тебе укажет, а я устрою с своей стороны так, чтобы все послушали тебя.

— Чадо, — отвечал Епифаний, — выслушай без гнева отца твоего; если Иоанн еретик, как вы утверждаете, и если не раскается в своей ереси, то он недостоин патриаршего сана, и мы поступим с ним так, как ты приказываешь. Если же ты желаешь его изгнать за то, что он будто бы похулил тебя, то на это Епифаний не даст своего соизволения, потому что царям следует быть не злопамятными, но добрыми, кроткими и прощающими хулы против них. Ведь и вы имеете над собою Царя на небесах и ищете от Него прощения ваших согрешений — так же поступайте и с другими: *Итак, будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд* (Лк. 6, 36), — сказал Спаситель.

— Отче, — отвечала царица Епифанию, — если ты не изгонишь Иоанна, то я открою идольские храмы и устрою то, что многие, отступив от Бога, станут поклоняться идолам и будет последнее горше первого.

Это она говорила с озлоблением и проливала слезы. Удивившись безумному гневу царицы, Епифаний сказал:

— Я чист от такого осуждения праведника.

Сказав это, он удалился из дворца.

По всему городу пронесся слух о том, что царица возбудила великого Епифания против Иоанна и что Епифаний, посещая царские палаты, совещается с царицей относительно низвержения патриарха. Слух этот дошел и до Иоанна, и он, будучи человеком пылким, произнес в церкви пред всем народом поучение, в котором припомнил из Священного Писания примеры жестокости различных женщин. Многие из народа, выслушав слова Иоанна о женах, подумали,

что он приточно говорит о царице. Враги Иоанна записали эти слова его на хартии и передали их царице. Последняя, прочитав, решила, что это он говорил о ней одной, и со слезами жаловалась царю на то, что Иоанн хулит ее в церкви. С рыданием она говорила царю:

— Знай, что моя обида есть в то же время и твоя, и когда Иоанн меня хулит, то он вместе с тем бесчестит и тебя.

И, говоря так, царица умоляла царя, чтобы он повелел созвать собор и осудить Иоанна на изгнание. Вместе с этим она написала к Феофилу Александрийскому, чтобы он прибыл в Константинополь.

— Я, — писала она, — умолю за тебя царя и загражу уста всем противникам твоим; только немедленно прибудь к нам и собери многих епископов, чтобы изгнать врага моего Иоанна.

Обнадеженный письмом царицы, Феофил тотчас же по получении его отправился в Константинополь с кораблями, нагруженными индийскими ароматами, овощами, многоценными египетскими шелковыми и златоткаными тканями; он надеялся посредством таких сокровищ склонить многих к содействию ему в злом умысле против Иоанна.

В то время блаженный Иоанн написал к святому Епифанию так:

— Брат Епифаний! Я слышал, что ты советовал изгнать меня; так знай же, что ты не увидишь более своего престола.

Епифаний письменно отвечал ему:

— Страстотерпец Иоанн! Мужайся в своих страданиях и знай, что ты не достигнешь того места, куда тебя изгонят.

Пророчество обоих исполнилось. Епифаний, пробыв еще немного в Константинополе, увидел, что на святого Иоанна восстают несправедливо; не желая быть сообщником разбойнического суда над праведником, он тайно сел вместе с своею свитою на корабль и отправился домой. Дорогою Епифаний, по пророчеству Иоанна, преставился ко Господу, не достигнув до своего города. Точно так же и Иоанн, во время своего вторичного изгнания, не дойдя до места, в которое он был сослан, согласно пророчеству Епифания, почил о Господе. Но об этом скажем впоследствии; теперь же мы возвратимся к прерванному изложению событий.

Надеясь на помощь царицы и не боясь ничего, Александрийский патриарх Феофил немедленно прибыл в Константинополь, имея в своей свите многих епископов, которых он искусно склонил к еди-

номыслию с собою. Царь не желал принимать Феофила до тех пор, пока от папы Иннокентия не прибудут Римские епископы. Он не знал, что римляне ждали от него второго письма с приглашением приехать на собор. Между тем царица, призвав к себе тайно от царя Феофила и всех приехавших с ним епископов, сообщила им свое намерение относительно Иоанна и просила их, чтобы они постарались низложить святого с престола. Те обещали свое содействие, за что царица одарила их подарками. После этого она призвала к себе всех иноков, пресвитеров и епископов, пришедших из Египта, которые жаловались на Феофила. Их было шесть епископов и двадцать пресвитеров и диаконов, отступивших от Феофила и искавших суда на него. Собрав их всех, царица стала просить их не представлять на суд обвинений против Феофила и простить ему свою обиду. Одни послушали царицу и, возложив на Господа печаль свою, умолкли, другие, среди которых были Исидор и Иеракс (Диоскор незадолго до этого преставился), удалились в свои пустыни, а некоторые совершенно отказались принять сделанное им царицею предложение. Согласившихся молчать царица обогатила подарками, а тех, которые сопротивлялись, отправила в Солунь в заточение. Таким образом Феофил, освободившись от всех своих противников, мог с успехом начать дело против Иоанна.

В то время святой Иоанн, проповедуя, по своему обычаю, в церкви слово Божие, некую часть Священного Писания из третьей книги Царств излагал так:

— *Соберите ко мне... пророков Вааловых, и четыреста пророков дубровных, питающихся от стола Иезавели,* чтобы я сказал им, как сказал Илия: *долго ли вам хромать на оба колена? если Господь есть Бог, то последуйте Ему; а если* трапеза Иезавели есть Бог, то, вкусив ее, выплюнете[1].

[1] Слова эти представляют измененный текст из 3 Цар. 18, 19–21 и принадлежат пророку Илии. По его просьбе Ахав, царь Израильский, созвал на гору Кармил израильтян, а также и жрецов Ваала для принесения жертв Господу и Ваалу. Целью этого собрания было доказать истинность Бога Израилева и ложность Ваала. Когда народ собрался, Илия сказал: «До каких пор вы будете хромать на обе ноги ваши? (То есть доколе будете вы служить Богу и Ваалу?) Если Господь есть Бог, то почитайте Его, а не Ваала, а если Ваал, то его почитайте». Затем Илия предложил испытание посредством жертвоприношений, причем жрецы Ваала были посрамлены.

Выслушав это, враги Иоанна сообщили об этом Феофилу и находившимся с ним епископам. Последние, записав те речи, перетолковывая их в дурную сторону и прибавляя свои, говорили, что Иоанн явно пред всеми называет царицу Иезавелью, а их — лживыми пророками. Записанное передали они царю и царице. Тогда царица, рыдая, снова стала просить у царя суда над Иоанном. Жалея царицу, царь весь свой гнев, который имел против Феофила, обратил на Иоанна и приказал Феофилу созвать против него собор. Феофил со всеми своими единомышленниками был рад гневу царя против Иоанна. Найдя двух диаконов, которых Иоанн отлучил от Церкви, ибо один из них совершил убийство, а другой — прелюбодеяние, Феофил обещал посвятить их в епископы с тем условием, чтобы они лжесвидетельствовали на Иоанна. Они же, враждуя на святого и желая епископства, немедленно обещались исполнить Феофилову волю. Феофил написал много ложных обвинений против Иоанна и передал тем диаконам, чтобы они подали их от себя собору.

Место для собора назначено было в Халкидонском пригороде, где находился царский дворец и большая церковь святых апостолов Петра и Павла[1]. Епископы, собравшись там, заседали вместе с Феофилом. Блаженный же Иоанн, с находившимися при нем епископами, которых было числом сорок человек, заседал в своем патриаршем доме. С горестью увидел святой, что злоба его врагов увенчалась успехом, и простодушно удивлялся, как это случилось и как Феофил, сам вызванный для суда над ним, так быстро склонил на свою сторону царя и всех сановников и из подсудимого обратился в судию. И сказал святой Иоанн епископам:

— Братия! Молите Бога о мне, и если любите Христа, то не оставляйте Церквей ваших; для меня уже приблизилось время бедствий, и, после многих скорбей, я скоро отойду ко Господу. Вижу, что сатана, не вынося моего учения, созвал против меня нечестивый собор. Но вы не скорбите о мне и поминайте меня в своих молитвах.

Выслушав это, все ужаснулись и зарыдали. Святой повелел им умолкнуть и утешал их. В то время, как он беседовал с своим собором, пришли посланные от Феофилова собора, призывая Иоанна на суд, чтобы он дал ответ против возводимых на него обвинений. На-

[1] *Халкидон* находился против Константинополя, на Азиатском берегу Босфора.

ходившиеся с Иоанном епископы чрез тех послов сказали Феофилу:

— Не вызывай святителя, как Каин Авеля на поле, но явись к нам, чтобы оправдаться пред нами. Мы имеем письменные свидетельства о беззакониях, которые ты сделал. Итак, приди сюда, так как нас, собранных благодатью Божиею не для разорения Церкви, но для мира, гораздо больше, чем на вашем соборе.

Святой Иоанн с своей стороны сказал послам:

— Не могу идти к явным врагам моим.

И не пошел.

Призываемый на беззаконный суд во второй и в третий раз, святой угодник сказал посланным:

— К кому я пойду? К врагам моим или к судьям? Я готов стать пред судом всего мира, но при условии, чтобы вместе со мною судились и соперники мои, судьями же были иные. А теперь судьями моими являются мои враги, которые хотят не судиться со мною, но судить меня. На такой суд я не пойду. Но пусть соберутся из всех Церквей епископы, — тогда и я предстану пред судом.

Сказав это, он послал вместо себя трех епископов с двумя пресвитерами, чтобы они говорили за него. Собор Феофила, увидав Иоанновых послов и не давая сказать им ни одного слова, подверг их поруганиям, а на одного из них возложил те железные вериги, которые были приготовлены для Иоанна. Затем участники этого собора стали читать ложные обвинения, составленные в обличение невинного и чистого сердцем Иоанна, и, выставив лжесвидетелей, совершили над ним суд.

Святой Иоанн в то время находился в патриаршей церкви со своими епископами и обратился к ним с такими словами:

— Велики волны, свирепо волнение, но мы не боимся потопления, ибо стоим на скале. Пусть пенится и ярится море, но оно не может сокрушить скалы. Пусть вздымаются волны, но Иисусова корабля они не смогут потопить. Скажите мне: чего нам бояться? Смерти ли? Но *для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение* (Флп. 1, 21). Изгнания ли бояться, скажите мне? Но *Господня земля и что наполняет ее* (Пс. 23, 1). Лишения ли имений трепетать? Но мы ничего не принесли в этот мир; очевидно, что ничего не можем и вынести. Словом, что есть в сем мире страшного, этого я не стра-

шусь и всем, что имею, пренебрегаю. Я не боюсь бедности, не желаю богатства, не трепещу смерти, но молю, чтобы вы преуспевали в добре.

Между тем Феофил с собором своих епископов осудил святого Иоанна, как достойного низвержения из сана, и лишил его кафедры, не видя лица его, не слыша его голоса. Таким образом, в течение одного дня они довели до конца злое дело, которое издавна подготовляли, после чего отправили царю следующее письмо:

— Так как Иоанн обвинен во многих преступлениях, в которых он и сам признал себя виновным, потому что не пожелал явиться на суд, то по этой причине он низвержен; и более ничего не требуется, кроме того только, чтобы ты приказал изгнать его с престола.

Царь Аркадий не стал читать написанных против Иоанна обвинений и не пожелал выслушать ответа святого угодника. Он без колебания поверил речам неправедного собора и велел немедленно изгнать Иоанна из церкви; для этого, как на войну, он отправил к нему одного вельможу с войском.

Услышав об этом, народ воспламенился гневом, и бесчисленное множество людей, собравшись, не отступало от церкви в течение трех дней, не позволяя изгнать Иоанна. При этом все громко роптали на царя с царицею и на Феофила за то, что они несправедливо осудили угодника Божия. Тогда Иоанн, боясь, как бы против него не было измышлено другое обвинение — будто он не повинуется царю, — скрылся от народа, а при наступлении вечера, оставив церковь, тайно вышел и отдался в руки воинов, посланных схватить его. Воины повели его к морскому заливу и отплыли с ним в Пренет, находившийся против Никомидии.

Народ, узнав об этом, поднял большое волнение, во время которого много жителей было убито и еще более ранено. Среди недовольных были и такие, которые намеревались побить Феофила камнями. Узнав об этом, Феофил тайно бежал из города и тотчас отплыл в Александрию. Так же разбежались и прочие его единомышленники. Повсюду слышны были крики народа, который и в церквах, и на площадях громко роптал на несправедливый суд, низвергнувший столь великого светильника мира. Обступив дворец, народ с ужасным воплем и рыданием умолял возвратить Иоанна на патриарший престол. В это время, в одну ночь, случилось сильное земле-

трясение, и все находились в большом страхе; в особенности ужас охватил царицу, потому что ее дворец сотрясался сильнее других зданий и часть его даже распалась. Видя это, весь народ стал вопить громким голосом:

— Если не будет возвращен Иоанн, то распадется весь город.

Царь убоялся Божиего наказания и народного мятежа и поспешно отправил евнуха царицы Бриссона за Иоанном. Теперь уже и царица упрашивала царя, чтобы он повелел возвратить Иоанна, потому что сильно испугалась землетрясения и народного мятежа. И вот потянулись один за другим посланные упросить святого, чтобы он вернулся в город, так что Фракийское море[1] было переполнено лодками с послами. Уступая настоятельным просьбам, святой Иоанн согласился возвратиться в Константинополь. Узнав об этом, все граждане с зажженными свечами выехали навстречу ему, и море покрылось кораблями, встречающими святого. Иоанн, придя к городу, не хотел входить внутрь его, пока на большом соборе не будет произведено расследование, почему он изгнан. Но народ настоятельно требовал, чтобы пастырь его не оставался вне своего престола, и с раздражением роптал на царя. Уступая настояниям народа, Иоанн принужден был войти в город; с почетом, при пении псалмов и священных песнопений, введен был он в церковь. После молитвы к Богу святой угодник Божий воссел на своем престоле и, преподав людям мир, сказал поучение. Слушая его красноречивое и поучительное слово, все радовались его возвращению; и полчище врагов Иоанна рассыпалось, и все противники его разбежались и умолкли.

Возвращенный на свой престол, святой Иоанн управлял Христовой Церковью в глубокой тишине, питая словесных овец своих сладким учением; имея такого пастыря и учителя, вся Церковь некоторое время красовалась и утешалась. Но не прошло и двух месяцев, как снова поднялась утихшая было буря против блаженного. Это произошло таким образом.

Недалеко от церкви святой Софии[2], по повелению Евдоксии, была поставлена высокая колонна, увенчанная изображением царицы. По поводу торжества открытия колонны происходили вокруг нее всевозможные игры и ликования, которые продолжались не-

[1] *Фракийское море* — теперь Мраморное.

[2] Главный соборный храм Константинополя.

сколько дней. Клики и возгласы ликующих доносились в храм святой Софии и перемешивались с пением Божественных песней. Святой Иоанн увидел в этом явное кощунство и оскорбление святыни и потому старался чрез начальника города прекратить бесчинные ликования, происходившие вокруг колонны. Но градоначальник не оказал ему никакого содействия. Тогда, ревнуя об оскорблении святыни, Иоанн произнес в церкви резкое обличительное слово, которое начиналось словами:

— Опять Иродиада[1] беснуется, опять мятется, опять скачет и пляшет, опять главы Иоанновой ищет!

Доносчики и враги Иоанна поспешили с злорадством донести об этом царице, истолковав слова его в том смысле, будто в них она сравнивалась с Иродиадой. Евдоксия пришла в сильную ярость: с плачем умоляла она царя, чтобы он снова повелел созвать собор на Иоанна. И вот снова ко всем епископам были разосланы царские грамоты с приглашением собраться в Константинополь и произвести суд над Иоанном. Собрались все те, кто и раньше был на беззаконном суде против святого угодника Божия. Не было только Феофила, ибо он, помня, как в прошлый раз едва избежал ярости народа, сам уже боялся ехать в Константинополь, но вместо себя послал туда трех епископов. Вместе с ними он также отправил и те определения, которые ариане составили против Афанасия Великого[2], чтобы на основании этих определений осудить Иоанна за то, что он, будучи низвержен, снова вступил самовольно на престол. На основании тех неправедных еретических канонов блаженный и был осужден[3], потому что других обвинений против него не находили. Только и указывали на то, что Златоуст, будучи низвержен, дерзнул занять святительский престол до нового собора. Святой Иоанн на это заметил:

---

[1] *Иродиада* — жена Ирода младшего. Она погубила Иоанна Крестителя.

[2] Разумеется 22-е правило Антиохийского собора от 341 года, составленного арианами против Афанасия Великого. Правило гласит, что если какой епископ, будучи осужден собором и низложен, снова займет кафедру, по распоряжению светской власти, то окончательно лишается права на восстановление в сане.

[3] Осуждение было незаконно не только потому, что канон, составленный еретиками, был необязателен для Златоуста, но и потому, что, по возвращении Иоанна из ссылки, с него было снято осуждение Халкидонского собора большим собором, состоявшим из шестидесяти пяти епископов.

— Я не был на суде, не препирался с моими соперниками и даже не видел написанных против меня обвинений, не принимал и определений суда, но меня цари изгнали и они же опять меня возвратили. Это же постановление, на основании которого вы производите суд надо мною, составлено не православными, но арианами с тою целью, чтобы низложить Афанасия Великого.

Но на этот ответ святого нечестивое собрание не обратило внимания и низвергло угодника Божия. Низложение святого Иоанна совершилось при следующих обстоятельствах.

Когда наступил великий праздник святой Пасхи, царь, по научению епископов, послал сказать Иоанну:

— Удались из Церкви, так как ты осужден на двух соборах, и мне нельзя войти в нее, доколе ты в ней находишься.

В ответ на это святой Иоанн чрез посланных отвечал царю:

— Я получил Церковь от Христа Спасителя моего и не могу оставить ее добровольно, если только не буду изгнан силою. Город — твой, и тебя все послушают. Поэтому если ты желаешь разлучить меня с Церковью Христовой, то пошли своих слуг, чтобы они извлекли меня из Церкви; тогда я не буду иметь ответа пред Богом, так как я не по своей воле отойду от Церкви, но буду изгнан царской властью.

Выслушав это, царь сначала колебался, как поступить ему, но потом, по научению противников Иоанна, отправил к нему сановника Марина, который заведовал имениями царицы, чтобы тот силою извлек из храма славного учителя Церкви, святого Иоанна. Впрочем, святителю было разрешено до времени оставаться в патриаршем доме, и он, не выходя из своей келии, пробыл здесь в течение двух месяцев, пока не состоялось царское определение о ссылке его в заточение.

В это время много скорбей и бедствий суждено было испытать святому угоднику Божию; злоба врагов его простиралась до того, что они неоднократно покушались даже на жизнь его: они подкупили одного человека убить святого Иоанна. Чтобы скрыть свой злой умысел, подкупленный притворился бесноватым и со спрятанным мечом стал бродить вокруг патриаршего дома, ожидая удобного времени для убийства святого. Но верный Иоанну народ, заподозрив

мнимо-бесноватого в злом умысле, схватил его и нашел у него меч. Злоумышленника повели к градоначальнику на допрос, но Иоанн, узнав о случившемся, послал бывших с ним епископов и постарался изъять его из рук властей. В другой раз один раб пресвитера Елпидия был замечен народом, когда он, в волнении, торопливой походкой пробирался к патриаршему дому. Кто-то из охранявших Иоанна схватил его и спросил, куда он так торопится, а тот, ничего не отвечая, ударил вопрошавшего мечом. При виде этого, другой вскрикнул. Елпидий и его ударил мечом, а потом и третьего, подвернувшегося под руку. Поднялись крики и вопли, — раб же бросился бежать, размахивая окровавленным мечом и отбиваясь от гнавшегося за ним народа. На пути он встретил одного человека, только что вышедшего из общественной бани; тот хотел схватить его, но не успел сделать этого, как упал, замертво пораженный мечом. Когда, наконец, этот разъяренный разбойник был схвачен, то сознался, что он подкуплен за пятьдесят златниц убить Иоанна. С того времени народ стал еще тщательнее оберегать дом любимого архипастыря, устроив смену и ни на минуту не оставляя его без охраны; ибо он видел, что враги Иоанна ищут случая убить святого.

С наступлением Пятидесятницы пришло царское повеление, чтобы Иоанн отправился в изгнание. Один сановник подал при этом совет Иоанну удалиться тайно от народа, чтобы народ не возмутился и не восстал против воинов, которые должны вести его в изгнание.

— В противном случае, — говорил он, — ты будешь виновник кровопролития, ибо тебя приказано взять насильственно; народ же будет сопротивляться и возбудит смуту.

Выслушав это, Иоанн призвал некоторых своих любимых епископов и клириков, а также блаженную диаконису Олимпиаду, и простился с ними. При расставании все горько плакали. Плакал и сам святой Иоанн. Расставшись с своими приближенными, Иоанн незаметно вышел малыми дверями, по направлению к морю, так что народ ничего не знал об его уходе. У моря ждали святого воины, которые, взяв его, тотчас же посадили в малую ладью; на ней святой был перевезен в Вифинию и оттуда был увезен в дальнейший путь.

После изгнания святого Иоанна в соборной церкви Константинополя случился пожар, который был явным выражением гнева

Божия. При сильном ветре пламень выбился из церкви и, высоко вздымаясь в воздухе, наподобие моста, склонился над палатой, в которой устроялись собрания против Иоанна, и совершенно сжег ее. И можно было видеть чудесное явление. Огонь, как одушевленный, извиваясь кругом наподобие змия, пожирал отдаленные дома, а те, которые находились подле церкви, остались целы. Из этого все увидели, что не случайно, но по Божественному гневу произошел такой пожар, и что причиной этого гнева было изгнание святого Иоанна Златоустого. В течение трех часов, от шестого часа дня до девятого, было сбращено в пепел много прекрасных древних зданий, всевозможные украшения, находившиеся в городе, и неисчислимые богатства. При всем том в народе не погиб от огня ни один человек. Видя это, все говорили, что Бог наказывает огнем город за несправедливое изгнание угодника Божия. Враги же Иоанна утверждали противное, говоря:

— Иоанновы единомышленники подожгли церковь.

Вследствие этого многие были схвачены и подвергнуты градоначальником, эллином по вере[1], всевозможным пыткам и мукам, причем некоторые умерли. Но несмотря на это, не могли найти виновника пожара и еще больше уверились, что пожар случился вследствие гнева Божия.

Когда святого везли в заточение, то по дороге он претерпел от воинов множество мучений. Воинам было приказано царицей всячески оскорблять и притеснять святого во время пути, чтобы скорее изнурить его и довести до смерти. Поэтому они сажали его на неоседланного осла и быстро гнали животное, в один день переходя путь, который следовало бы переходить в два или три дня. Во время пути Иоанну не давали покоя и отдыха, ночевали в простых и грязных гостиницах, иногда в домах жидовских, и совершали в его присутствии многочисленные скверны. Ему нигде не позволяли войти в церковь; и когда святой просил об этом, его подвергали всяким ругательствам и оскорблениям; кроме того, святого томили голодом и отнимали у него положенные ему на дорогу деньги для пропитания.

С таковым притеснением был веден в заточение святой Иоанн Златоуст! Когда же святому доводилось проходить мимо городов, в

[1] То есть язычником.

которых были епископами его враги и друзья Феофила, то последние причиняли ему всевозможные обиды; при этом некоторые не дозволяли ему войти в город, а иные даже поощряли воинов поступать с ним как можно хуже. Изредка святые отцы-пустынножители, услышав о том, что святой Иоанн отправляется в заточение, выходили к нему навстречу и с плачем провожали его. Об этом сам Иоанн Златоуст в своем послании из Кукуз[1] к епископу Кириаку вспоминает в таких словах: «Много горя испытали мы в дороге, но не сокрушаемся ни о чем. Когда мы проходили по Каппадокии и Таврокиликии[2], то целые сонмы отцов, святых мужей, и многочисленные толпы монахов и девственниц выходили нам навстречу и проливали обильные слезы. Смотря на наше шествие в ссылку, они рыдали и говорили друг другу: лучше было бы солнцу скрыть лучи свои, чем умолкнуть устам Иоанна. Это привело меня в большое смущение и печаль, так как я видел, что все обо мне плакали. О всем же другом, что случилось со мною, я не заботился».

Так писал о себе сам святой Иоанн.

Когда он был привезен в Малую Армению, в город Кукуз, его любезно принял в свой дом тамошний епископ Аделфий, которому пред прибытием Иоанна было от Бога видение с повелением принять святого. Пребывая в Кукузе, святой Иоанн своим учением обратил ко Христу многих неверующих. Слава о святом Иоанне Златоустом далеко распространилась по окрестностям, и к нему стекалось отовсюду не мало людей, желавших видеть его и послушать его учительных словес. Приходили к святому также многие из его антиохийских почитателей и знакомых. Молва о всем этом дошла до Константинополя, и враги Иоанна взволновались. Он казался им опасным даже и в заточении своем, а потому они решились удалить его еще далее. И вот в Кукуз пришло от царицы повеление отправить Иоанна в пустынное место, называемое Пифиунт[3], находившееся на берегу Понтийского моря, в соседстве с грубыми варварами.

[1] *Деревня Кукуз* находилась в Малой Армении (к востоку от Малой Азии), в одной из глухих долин дикого Тавра, где находилось разбойничье племя Исаврийцев, совершавших набеги на окружавшие селения.

[2] В юго-восточной части Малой Азии.

[3] *Город Пифиунт* лежал на южном берегу Черного, или Понтийского, моря, в северо-восточной части Малой Азии, в нынешней Абхазии.

Вследствие нового распоряжения царицы воины повели Иоанна на другое место ссылки и во время пути учиняли над ним такие же издевательства, какие учиняли и раньше, стараясь скорее довести его до смерти: они везли его по дождю и зною без покрова, запрещали входить в города и деревни и по-прежнему быстро гнали осла, на котором везен был святитель. Столь жестокий путь проходил во время своего изгнания святой Иоанн! Во время этого пути он и скончался.

Незадолго до кончины блаженного, когда он, по обычаю своему стоял ночью на молитве, к нему пришли святые апостолы Петр и Иоанн, которые являлись к нему и раньше, когда он подвизался в Антиохийском монастыре. Святые апостолы сказали ему:

— Радуйся, добрый пастырь словесных овец Христовых, крепкий страстотерпец. Мы посланы к тебе общим Владыкою нашим Иисусом Христом, чтобы помочь тебе и утешить тебя в скорбях и трудах, которые ты понес за чистоту своей души. Ибо ты, подражая Иоанну Крестителю, обличил беззаконнующих царей. Мужайся и крепись; тебе уготовано многое воздаяние в Царствии небесном. Мы благовествуем тебе великую радость: по прошествии немногих дней ты отойдешь к Господу Богу твоему и будешь вечно блаженствовать с нами в Царствии небесном. Итак, уповай, ибо ты победил врагов, посрамил ненавидящих тебя и одолел супостата диавола. Евдоксия будет кишеть червями, станет призывать тебя на помощь, но помощи не найдет и умрет в страшном недуге. Она будет жестоко страдать и ни на минуту не получит облегчения, так как восприимет эту казнь от Бога.

После этого они подали ему нечто съедобное и сказали:

— Возьми и съешь, чтобы после этого уже не требовать другой пищи в этой жизни. Это будет довольно для тебя до того времени, когда предашь свою душу в руки Божии.

Святой Иоанн, взяв поданное ему, съел в их присутствии и возрадовался. После того явившиеся апостолы удалились от него.

С Иоанном были два пресвитера и один диакон, которые шли с ним в изгнание из Константинополя и не отступали от него, будучи связаны с ним узами любви. Они своими глазами видели, как к Иоанну приходили апостолы, слышали все речи их и благословляли Бога, сподобившего их спострадать с угодником Божиим.

В несколько дней пути изгнанники достигли до Коман[1]; близ этого города находилась церковь святого великомученика Василиска, который при нечестивом царе Максимиане[2] пострадал за Христа в Команах около 308 года[3]. При этой церкви они переночевали. На другой день был праздник Воздвижения честного Креста, и в ночь пред праздником блаженному Иоанну явился святой мученик Василиск и сказал:

— Брат Иоанн, мужайся! Ибо завтра мы будем вместе.

Тот же святой мученик явился и пресвитеру своей церкви, говоря:

— Приготовь место для брата Иоанна, ибо он идет к нам.

С наступлением дня Иоанн упрашивал воинов пробыть в Команах у церкви святого Василиска до пятого часа; но они не послушались его и стали продолжать путь, стараясь ехать как можно скорее. Они держали путь по воде и плыли очень скоро, наподобие пернатой птицы. Так в течение нескольких часов отплыли от города тридцать стадий.

Однако, по Божественному промышлению, они снова пристали к берегу около церкви святого Василиска, чему весьма удивились. Иоанн опять стал умолять их, чтобы они немного обождали на том месте, пока он помолится в церкви. Признавая действие силы Божией в том, что они против желания пристали к тому месту, откуда отплыли, воины решились исполнить желание Иоанна. Тогда святой вошел в церковь, спросил светлые церковные ризы и переодел на себе всю свою одежду, начиная с обуви; затем свои одежды он роздал находившимся с ним на корабле, а в церковных одеждах совершил литургию и причастился пречистых и животворящих Тайн Тела и Крови Христовой; потом, благословив всех присутствовавших и дав им последнее целование, возлег со словами:

— Слава Богу за все.

И вслед за тем предал дух свой в руки Божии. Это было в самый день Воздвижения честного Креста Господня. Таким образом, свя-

[1] *Команы* — город в провинции Понте, на северо-востоке Малой Азии, теперь Гуменек.

[2] Имеется в виду *Максимиан Галерий*, зять Диоклетиана и его соправитель на Востоке; впоследствии, по смерти Диоклетиана, он сделался восточным императором (305–311). К последним годам его жизни и относится время смерти Лукиана и Василиска.

[3] Память мученика Василиска — 22 мая.

той угодник Божий, в течение всей своей жизни несший крест свой, распинаясь для мира и сораспинаясь Христу, скончался в день, посвященный памяти честного Креста[1]. Он был положен в той же церкви, где и умер, неподалеку от гроба святого мученика Василиска. Так сбылось предсказание святого Епифания Кипрского, который говорил святому Иоанну:

— И ты не дойдешь до того места, на которое тебя изгонят.

Действительно, святой Иоанн был веден в Пифиунт, а преставился в Команах, не дойдя до Пифиунта. Так-то угас церковный светильник, так умолкли златые уста, так совершил подвиг и скончал течение добрый подвижник и страдалец, проживший шесть лет на патриаршем престоле и проведший три года в изгнании, переводимый с места на место[2].

Когда умер святой Иоанн, следовавшие за ним до самой его смерти два пресвитера и диакон, оплакав смерть отца своего, отправились в Рим к папе Иннокентию и подробно сообщили ему обо всем, что претерпел святой Иоанн по злобе врагов его. Они рассказали и о кончине его, и о том, как раньше его преставления к нему приходили святые апостолы Петр и Иоанн Богослов, что они говорили ему и как явился ему святой мученик Василиск. Выслушав все, Иннокентий весьма удивился и стал скорбеть о великом угоднике, пострадавшем за правду. Об обстоятельствах изгнания и смерти святого Златоуста папа сообщил западному императору Гонорию[3], брату Аркадия, и они оба горько сожалели об этом и немедленно написали послания царю Аркадию. Папа от себя написал:

— Кровь брата моего Иоанна вопиет к Богу против тебя, царь, подобно тому, как древле вопияла кровь Авеля праведного против братоубийцы Каина; и эта кровь будет отмщена, так как ты в мир-

---

[1] Ради праздника Воздвижения животворящего Креста Господня, Церковь совершает память святого Иоанна Златоустого не 14 сентября, когда святитель преставился, но 13 ноября. Сверх того, память его совершается еще 27 января, в день перенесения мощей святого, и 30 января, когда чествуется он вместе со святителями: Василием Великим и Григорием Богословом.

[2] Златоуст умер шестидесяти лет от роду, в 407 году. Архиепископом был шесть с половиной лет, в изгнании — три года и три месяца.

[3] *Гонорий,* брат Аркадия и сын Феодосия Великого, царствовал в Риме с 395 по 423 год.

ное время воздвиг гонение на Церковь Божию. Ибо ты прогнал истинного пастыря Христова, а с ним вместе ты изгнал и Христа Бога, а паству Его предал в руки наемников, а не истинных пастырей Христовых.

Это и многое другое писал Иннокентий к Аркадию, отлучая его и Евдоксию от Божественных Тайн, а вместе с ними и всех сообщников их, которые участвовали в низвержении святого Иоанна. Феофила же отлучал не только от сана, но и от Церкви и призывал его на соборный суд, чтобы получить заслуженное наказание.

Гонорий с своей стороны написал брату Аркадию:

— Я не знаю, каким искуплением ты прельстился, брат, доверившись жене своей и, по ее настояниям, устроив то, чего не сделал бы ни один благочестивый царь христианский. Находящиеся здесь епископы и преподобные отцы вопиют против вас с царицей за то, что вы низвергли с престола без суда и вопреки канонам великого Божия архиерея Иоанна и, истомив его жестокими муками, предали насильственной смерти.

В конце этого письма Гонорий призывал Аркадия принести покаяние пред Богом и отмстить тем, которые были виновниками изгнания Иоанна. Получив послание от брата и от папы, император Аркадий впал в сильную скорбь и великую боязнь. Разыскав в городе тех, которые восставали против Иоанна, он предал их различным казням: одних — подвергнул усечению мечом, иных — с бесчестием лишил сана. Некоторых епископов, судивших святого Иоанна и находившихся тогда в Константинополе, царь повелел схватить и с позором заключить в народной темнице; в числе таких находился и Иехирион, сын Феофилова брата. К самому же Феофилу он писал весьма строгое письмо, повелевая ему быть готовым к суду в Солуни, чтобы восприять достойное наказание за свою злобу. Не избежала гнева Аркадия и сама жена его, царица Евдоксия: Аркадий удалил ее от себя, заключил в отдельный дворец и всем, кроме рабыни, запретил к ней приходить. Вместе с этим он отправил в ссылку сродников царицы, которые вместе с нею злоумышляли на святого, и у одних из них отобрал имения, а других — заключил в темницы и подверг истязаниям и мукам. Затем он написал к папе Иннокентию о всем, что он сделал, смиренно и с раскаянием испрашивая у него

прощения. Он писал также и к брату Гонорию, прося его умолить папу снять с него отлучение. Вскоре Аркадий получил просимое. Прочитав смиренную его просьбу, папа принял его покаяние и писал к блаженному Проклу, который был тогда епископом Кизическим[1], чтобы он снял с царя отлучение и сподобил его святых таинств, а блаженного Иоанна сопричислил к лику святых.

Когда все это так происходило, Всевидящий Господь Сам отмстил врагам Своего угодника Иоанна; Он подверг их жестоким наказаниям еще на земле, так что все они умерли лютою смертью. При этом все епископы, клирики, светские сановники и вообще все те люди, которые несправедливо восставали на святого Иоанна, покрылись болезненными нарывами, сгноившими всю плоть их и доведшими их до смерти; у одних иссохли руки и ноги; у иных загнило все тело и во множестве появились черви, так что в течение долгого времени от них исходил нестерпимый смрад. Один из числа неправедных судей, осудивших блаженного на изгнание, упал с лошади и внезапно умер, переломив правую руку, которою он подписывал несправедливые обвинения против неповинного Иоанна. Другой сделался немым и сухоруким и так скончался. У третьего увеличился язык, изрыгавший хулы на святого Иоанна, и до того распух, что он не мог говорить; тогда он исповедал грех свой, написав его на хартии. И можно было видеть проявления страшного гнева Божия, обрушившегося различными казнями над виновниками Иоаннова изгнания.

Александрийский патриарх Феофил, вследствие кончины Римского папы Иннокентия, избежал человеческого суда и наказания, но не избежал суда Божия. Он сошел с ума и от этого недуга умер. У Халкидонского епископа Кирина сгнили ноги; их неоднократно пилили врачи, чтобы он весь не сгнил; но все же плоть его не переставала гнить, и он умер после того, как ноги его были отпилены до колен. Грозный суд Божий также постиг и злосчастную царицу Евдоксию. Будучи уязвлена печалью и стыдом, она заболела сильным кровотечением, и ее плоть кишела червями, как предрекли апостолы блаженному Иоанну. От нее неслось такое зловоние, что мимоходя-

---

[1] Это тот самый Прокл, который был раньше келейником святого Иоанна; впоследствии он сделался патриархом Константинопольским. *Кизик* — город в северо-западной части Малой Азии, на южном берегу Мраморного моря.

щие не могли стерпеть смрада ее плоти; многие опытнейшие врачи лечили ее и окуривали благовонными ароматами, но безуспешно. Тогда она спросила врачей:

— Почему вы не можете уврачевать меня от моего недуга?

Они же не осмеливались объяснять ей этого.

— Если вы, — говорила им царица, — не знаете причины, почему я не могу выздороветь, то я вам скажу: я получила этот недуг вследствие Божественного гнева, постигшего меня за зло, причиненное патриарху Иоанну.

Феогностовым детям она возвратила виноградник, отнятый у них, и многим другим возвратила все, что отняла несправедливо. Однако она не получила исцеления и в том недуге скончалась. После ее смерти, для изобличения ее беззакония, гроб, в котором она была положена, в течение тридцати двух лет постоянно сотрясался, и так продолжалось до времени перенесения честных мощей святого Иоанна Златоустого из Коман в Константинополь[1].

Так наказал Господь врагов святого Иоанна; самого же праведника Он прославил следующим образом. Епископ Аделфий, любезно приняв Иоанна в свой дом в Кукузе, услышав о преставлении святого, впал в великую печаль и стал прилежно со слезами умолять Бога, чтобы Он показал ему, в каком ликостоянии святых обретается Иоанн. Однажды, молясь об этом, он пришел в исступление и увидел светлого и радостного юношу; взяв Аделфия за руку, юноша отвел его на светлое место и показал ему лик святых церковных учителей. Оглянувшись туда и сюда, Аделфий хотел увидеть Иоанна и нигде не видел его. Показав Аделфию каждого учителя и патриарха Константинопольского, юноша поспешно вывел его оттуда. Идя за ним, Аделфий был опечален, потому что не увидел блаженного Иоанна в сонме святых отцов. Но когда он выходил из того светлого места, некто, стоявший в дверях, удержал его за руку и сказал:

---

[1] Перенесены были 27 января 438 года, при императоре Феодосии II Младшем и при Константинопольском патриархе Прокле. Перенесение было совершено с великим торжеством. Император выехал на встречу в Халкидон и, повергшись на землю, молил святителя простить родителей его, Аркадия и Евдоксию; весь залив Константинопольский покрылся освещенными ладьями, и народ с благоговейной радостью встретил останки великого пастыря. Перенесение мощей празднуется 27 января.

— Зачем ты уходишь отсюда с такою скорбью? Если кто и войдет сюда печальный, то отсюда возвращается веселым, а ты поступаешь наоборот: вошел сюда ты веселым, а выходишь печальным.

Аделфий отвечал:

— Потому я скорблю, что не видел среди церковных учителей возлюбленного для меня Иоанна!

— Ты разумеешь, — спросил тот, — Иоанна, проповедника покаяния?

— Да, — ответил Аделфий.

Тогда стоявший в дверях рая сказал ему:

— Человек, находящийся в теле, не может видеть его, ибо он предстоит престолу Божию, который окружают Херувимы и Серафимы.

Получив такое известие о святом Иоанне, Аделфий возрадовался и прославил Бога, открывшего ему эту тайну. Таким образом святой Иоанн, после многих волнений, бурь, бед и скорбей, которые он претерпел за правду, пристал к тихому небесному пристанищу, где, сорадуясь с Ангелами, славит Отца и Сына и Святого Духа, Единого в Троице Бога, Которому и от нас да будет слава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ

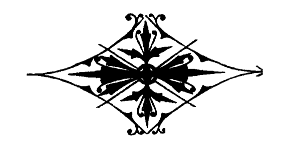
АНТОНИНА, НИКИФОРА, ГЕРМАНА и МАНЕФЫ

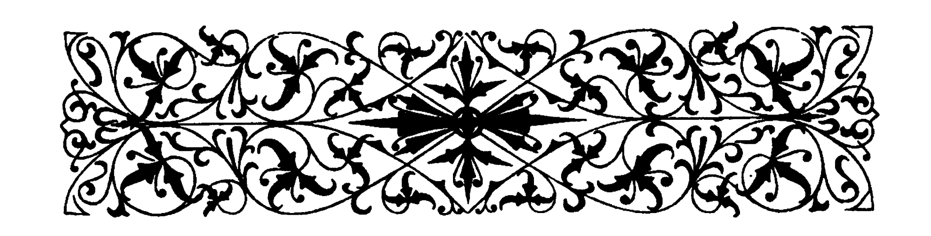
Святые Антонин, Никифор и Герман пострадали при императоре Максимиане Галерии[1]. Антонин был старцем, Никифор — юношей, а Герман — средних лет. Они были схвачены правителем Палестинской области, Фирмилианом, который принуждал их принести жертву идолам. Святые отказывались исполнить это и исповедовали Христа; за это они были отведены в главный город Палестины — Кесарию и там обезглавлены.

---

[1] В начале IV века.

Одна девица, по имени Манефа, из Скифской страны, была также схвачена вместе со святыми мучениками. Ее для поругания нагою водили по городу и затем предали различным мучениям, из которых она с помощью Божиею вышла невредимою. Манефа сотворила бесчисленные чудеса, многих отвратила от идольского нечестия, научила истинной вере и привела ко Христу. За это она была осуждена на сожжение огнем. Когда печь была разожжена, она сама вошла в нее, где и предала душу свою в руки Господа, Ему же да будет честь и слава вовеки. Аминь.





День четырнадцатый

ЖИТИЕ
СВЯТОГО АПОСТОЛА
ФИЛИППА

При озере Галилейском, близ Хоразина и Капернаума, находился город, называемый Вифсаида[1]. В этом городе родились три апостола Христова из лика двенадцати: Петр, Андрей и Филипп. Петр и Андрей были рыбарями и этим промыслом занимались до самого призвания их Христом; Филипп же с юношеских лет отдан был родителями книжному обучению. Усердно читая и изучая Священное Писание и пророчества о вожделенном Мессии, он воспылал горячею любовью к Нему и сильным желанием видеть Господа лицом к лицу, хотя еще и не знал, что уже пришел на землю Тот, видеть Которого столь многие желали, ожидая пришествия Его.

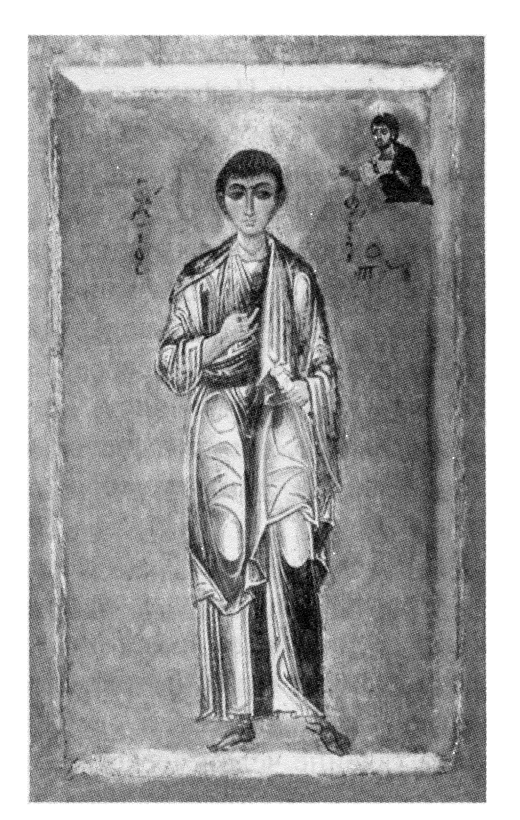
Но вот Христос пришел в пределы Галилейские и нашел там Филиппа, пылавшего такой любовью к Мессии.

— *Иди за мною*, — сказал Иисус Филиппу (Ин. 1, 43).

Филипп, услышав призыв Господа, всем сердцем уверовал, что Он есть истинный Мессия, обетованный Богом через пророков, и последовал за Ним. Внимая пресвятой жизни Господа, Филипп старался подражать Ему и поучался от Него Божественной премудрости, силою которой впоследствии победил он безумие языческое. Радуясь обретению такого Сокровища, Которым весь мир имел быть искуплен, Филипп не хотел один только обогащаться от Него, но

---

[1] *Вифсаида* Галилейская находилась на северо-западной стороне Галилейского озера (в северной части Палестины), близ городов Капернаума и Хоразина.



желал, чтобы и другие были участниками того же дара. Встретив своего друга Нафанаила, он с радостью возвестил ему:

— Мы нашли Того, о Котором писали Моисей в законе и пророки, Иисуса, сына Иосифа, из Назарета.

Нафанаил, услышав это и не веря, чтобы из небольшого города и из простого рода мог произойти Мессия, Царь Израильский, сказал:

— Из Назарета может ли быть что доброе?

Тогда Филипп, не говоря ничего, посоветовал ему только взглянуть на Него.

— Пойди, — сказал он, — и посмотри.

Он чувствовал, что как только Нафанаил увидит Иисуса и услышит спасительные слова Его, тотчас же поверит, что Он есть Мессия. Так это действительно и произошло. Когда Филипп шел с ним к Иисусу, то Господь, испытующий сердца и утробы и читающий сокровенные мысли и сердца людей, увидев Нафанаила, идущего к Нему, узнал его и сказал о нем:

— Вот подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства.

Услышав эти слова, Нафанаил был сильно удивлен и сказал Ему:

— Почему Ты знаешь меня?

Господь ответил ему:

— Прежде, нежели позвал тебя Филипп, когда ты был под смоковницею, Я видел тебя.

Нафанаил же, когда был под смоковницею, размышлял о Божественном Мессии, в надежде на которого заключалась вся радость и веселье верных рабов Божиих; и даровал ему Бог в то время сокрушение сердечное и теплые слезы, которые он присоединял к своей усердной молитве, чтобы Господь исполнил обещанное от века от-

цам и послал на землю Спасителя миру. Всевидящее око Божие видело в то время Нафанаила, который пребывал в духе умиления; потому и сказал ему Господь, что, когда Нафанаил находился под смоковницею, Он видел его.

Нафанаил от этих слов пришел в еще большее изумление. Он вспомнил, о чем размышлял, находясь под смоковницею, и с каким умилением молил Бога о ниспослании Мессии; он знал, что там не было с ним ни одного человека, который бы его видел, и что мыслей его никто не мог прозреть, кроме Бога. Потому Нафанаил тотчас же уверовал, что Иисус есть Мессия, Которого Бог обещал послать для спасения рода человеческого, и признал в Иисусе Христе, провидевшем тайны его сердца, Божеское естество, а потому и воскликнул:

— *Учитель! Ты — Сын Божий, Ты — Царь Израилев!* (Ин. 1, 45–49).

Сколько благодарных чувств питал впоследствии Нафанаил к Филиппу за то, что тот возвестил ему о пришедшем на землю Спасителе и привлек его к обетованному Мессии! И святой Филипп ликовал в сердце своем, что люди обрели Божественное Сокровище, сокрытое в глубине человеческого естества, и еще большею любовью горел он к своему Господу. Тем не менее, святой Филипп видел в Божественном Учителе своем только высокие совершенства человеческие, но не познавал еще в Нем Божества Его. И вот Христос захотел исправить его. Однажды Господь, идя по другую сторону моря Тивериадского[1] с пятью тысячами народа и желая напитать чудесным образом такое множество своих слушателей, сказал Филиппу:

— *Где нам купить хлебов, чтобы их накормить?* (Ин. 6, 5–6).

Это сказал Он, испытывая его, ибо знал, что негде достать хлеба; знал Он вперед и то, что ответит ему Филипп. Для того и спросил Он Филиппа об этом, чтобы тот более познал себя самого и, устыдившись своего маловерия, исправился. И действительно, Филипп не вспомнил о всемогуществе Божием и не сказал:

— Ты, Господи, все можешь, не подобает Тебе кого-либо о том спрашивать: только пожелай и все тотчас насытятся: *отверзаешь руку Твою — насыщаются благом* (Пс. 103, 28).

---

[1] Море *Тивериадское* — другое наименование того же *Галилейского* озера, усвоенное последнему по имени Тивериады — галилейского города на юго-восточном берегу Галилейского моря.

Не сказал этого Филипп, но, помышляя о Господе своем, как о человеке, а не как о Боге, сказал:

— *Им на двести динариев*[1] *не довольно будет хлеба, чтобы каждому из них досталось хотя понемногу* (Ин. 6, 7).

Потом вместе с другими учениками добавил:

— *Отпусти народ, чтобы они пошли в окрестные селения и купили себе пищи* (Мк. 6, 36).

Когда же Господь преломил пять хлебов и две рыбы для пяти тысяч народа (см.: Лк. 9, 16), Филипп увидел, что от руки Господней, как из неистощимой житницы, все получали довольно пищи, пока весь народ не насытился. Тогда апостол сильно устыдился своего маловерия и, утвердившись в вере, прославил вместе с другими в Иисусе Христе силу Божию.

Впоследствии Филипп был причтен Господом к лику двенадцати избранных апостолов, получил благодать от Него и удостоен был близкого с Ним общения. Однажды в праздник собрались в Иерусалим некоторые из эллинов и не могли приблизиться к Иисусу, будучи неверующими язычниками; поэтому, приступив к Филиппу, умоляли его, говоря:

— *Господин, нам хочется видеть Иисуса!*

Он же, прежде всего, сказал о том Андрею и вместе с ним уже осмелился известить Иисуса о желании эллинов, радуясь тому, что и язычники ищут увидеть и услышать Господа его и Учителя. Тогда услышал он от Иисуса дивное учение и пророчество о язычниках, которые имели уверовать в Него не тогда, но после Его смерти.

— *Если,* — сказал Он, — *пшеничное зерно, пав на землю, не умрет, то останется одно; если же умрет, то принесет много плода* (Ин. 12, 24).

Этим Христос как бы так говорил: «Пока Я живу на земле, то имею только часть дома Израильского, верующего в Меня; если же умру, то не один только дом Израилев, но и многие язычники уверуют в Меня».

В другой раз, после Тайной вечери, Филипп дерзнул спросить Господа о великом таинстве Божества, когда молил Его о явлении им Отца, говоря:

---

[1] *Динарий* — древняя еврейская монета, стоимостью около двадцати одной с половиной копейки. Двести динариев, таким образом, равнялись приблизительно сорока трем рублям.

— *Господи! покажи нам Отца, и довольно для нас!* (Ин. 14, 8).

Этим вопросом он принес большую пользу Церкви Христовой, так как отсюда научились мы познавать единосущие Сына с Отцом и заграждать уста еретиков, отвергающих эту Божественную истину. Господь на это отвечал с кротким упреком:

— *Столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп! Видевший Меня видел Отца; как же ты говоришь: покажи нам Отца? Разве ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне? Слова, которые говорю Я вам, говорю не от Себя; Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела. Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне* (Ин. 14, 9–11).

Этот ответ Господа научил святого Филиппа и с ним всю Соборную Апостольскую Церковь достойно веровать в равенство Божества Сына с Отцом и обличает богохульство Ария, который говорил, что Сын Божий есть творение, а не Творец.

После добровольных страданий и воскресения Сына Божиего святой Филипп видел с прочими апостолами Господа своего уже в бессмертном и прославленном теле, принял от Него мир и благословение, видел также и вознесение Его. После этого он сподобился благодати Святого Духа и стал проповедником Христовым среди язычников, ибо ему выпал жребий идти на проповедь в Малую Азию и Сирию. Сначала он проповедовал в Галилее. Здесь однажды встретила его некоторая женщина, несшая на руках своего умершего младенца и неутешно рыдавшая. Увидев ее, апостол Христов сжалился над ней и, простерши руку над умершим младенцем, сказал: «Встань! Так повелевает тебе Христос, мною проповедуемый».

И тотчас же младенец ожил. Мать, увидев воскрешенного сына своего живым и здоровым, в радости припала к ногам апостола, воздавая ему благодарение за воскрешение сына своего и прося от него крещения, ибо уверовала в проповедуемого им Христа Господа. Апостол, крестив мать и сына, отправился в языческие страны. Проповедуя Евангелие в Греции, он творил многие чудеса силою Христовою, исцелял болезни, воскресил одного мертвеца. Это чудо привело в изумление живших там иудеев, и они послали в Иерусалим к архиереям и князьям Иудейским известие, что пришел к ним какой-то неизвестный человек, именем Филипп, проповедуя имя Иисусово, которым изгоняет бесов и исцеляет всякие болезни и даже воскресил одного умершего тем же именем Иисусовым, и уже многие уве-

ровали во Христа. Вскоре прибыл из Иерусалима в Грецию один архиерей с книжниками, озлобленный и раздраженный на Филиппа. Облекшись в свою архиерейскую одежду, он высокомерно и гордо воссел на судейское место в присутствии множества народа — как иудеев, так и язычников. Приведен был сюда и апостол Филипп и поставлен среди собрания. Окинув его грозным взглядом, архиерей с гневом начал говорить: «Не довольно ли было с тебя Иудеи, Галилеи и Самарии, чтобы прельщать простых и неученых людей? Но ты и сюда пришел к мудрым эллинам, чтобы распространять соблазн, которому научился от Иисуса, противника закона Моисеева, за что Тот был осужден, распят на кресте и умер позорной смертью, и только ради бывшего в то время праздника Пасхи был погребен, а вы, ученики Его, украли Его тайно и для обольщения многих всюду разглашали, что Он Сам воскрес из мертвых».

Когда архиерей произнес эти слова, толпа закричала на Филиппа: «Что ответишь ты на это, Филипп?»

И произошел большой шум в народе: одни стояли за то, чтобы Филипп был тотчас же убит, а другие, чтобы он был отведен на казнь в Иерусалим. Тогда святой апостол отверз уста свои и сказал архиерею: «Сын человеческий! Зачем ты любишь суету и говоришь ложь (см.: Пс. 4, 3)? Зачем сердце твое остается окаменелым, и ты не хочешь исповедать истины? Не вы ли приложили печать ко гробу и приставили стражу, и когда Господь наш воскрес, не разрушив гробовой печати, не вы ли тогда дали золота воинам, чтобы они солгали, будто во время их сна Его мертвого украли ученики Его? Как же ты теперь не стыдишься искажать истину? Самые печати гробовые послужат в день суда ясными обличителями вашей лжи, как свидетели истинного воскресения Христова».

На эти слова апостола архиерей разгневался еще более и в безумной злобе бросился на него, желая сам схватить и убить апостола, но в ту же минуту ослеп и весь почернел. Присутствующие, видя совершившееся, приписали это волхвованию и, бросившись на Филиппа, хотели погубить его, как волхва, но всех желавших схватить его постигло то же наказание, как и архиерея. При этом земля страшно поколебалась, и все затрепетали от страха и познали великую силу Христову. Апостол Филипп, видя их слепоту душевную и телесную, прослезился над ними и обратился с молитвой к Богу,

прося просветить их. И вот, по молитве святого, свыше было послано исцеление всем пострадавшим. Это чудо заставило многих обратиться ко Христу и уверовать в Него. Но архиерей, все еще ослепленный злобой, не только не хотел после постигшего его наказания исправиться и познать истину, но вновь стал произносить многие хулы на Господа нашего Иисуса Христа. Тогда его поразила еще большая казнь. Внезапно земля, раскрыв свои недра, поглотила его, как некогда Дафана и Авирона[1].

После погибели архиерея святой Филипп многих крестил там и поставил им епископом одного почтенного и достойного мужа, по имени Наркисса, сам же ушел в Парфию. Дорогой он просил у Бога помощи в трудах своих. И вот в то время, как он преклонил колена для молитвы, явилось ему с неба изображение орла с золотыми крыльями, распростертыми наподобие распятого Христа. Укрепленный этим явлением, святой Филипп отправился опять на проповедь и, обойдя аравийские и кандакийские города[2], сел на корабль и поплыл морем к сирийскому городу Азоту[3]. Ночью поднялась сильная буря на море, и все уже отчаивались за жизнь свою. Тогда святой апостол встал на молитву, и тотчас же явилось на небе знамение светоносного Креста, которое озарило мрак ночи, — и море внезапно утихло, и волны его улеглись. Пристав к берегам Азота, Филипп высадился с корабля и был принят в дом одного страннолюбца по имени Никоклида, у которого была дочь Харитина, страдавшая болезнью одного глаза. Войдя в дом Никоклида, апостол начал проповедовать присутствовавшим слово Божие, и все с радостью слушали его. В числе слушающих присутствовала и Харитина; она объята была таким духовным восторгом от учения апостола, что забыла даже о болезни своей. Он же, видя такое усердие ее к слову Божиему, повелел ей призвать имя Иисуса Христа и приложить руку к бо-

---

[1] *Дафан* и *Авирон* — рувимляне, сыновья Елиава из колена Рувимова, были изменниками, составившими заговор против Моисея и Аарона, и за то наказаны от Бога страшной казнью: земля разверзлась и поглотила их. Книга Числ, гл. 16.

[2] То есть Эфиопские. Имя Кандакии было общим наименованием цариц эфиопских. Эфиопия находилась в Африке, к югу от Египта — нынешняя Нубия.

[3] *Азот* — с еврейского: *укрепленное место, крепость* — в глубокой древности богатый и укрепленный город филистимский, находился на восточном берегу Средиземного моря. При маккавеях он был сожжен и разрушен, потом восстановлен, но уже не имел прежней силы. Ныне здесь небольшое селение Ездуд.

левшему глазу. Как только Харитина исполнила это, в ту же минуту исцелился глаз ее, и весь дом Никоклидов уверовал во Христа и принял святое крещение.

Из Азота апостол Филипп направился в Иераполь Сирийский[1], где, проповедуя Христа, вызвал сильный гнев в народе, угрожавшем даже побить его камнями. Но заступничество одного влиятельного гражданина, по имени Ир, спасло его от народного возмущения.

— Граждане! — обратился он к народу. — Послушайте совета моего, не делайте никакого зла этому чужестранцу до тех пор, пока не узнаем, истинно ли учение его, и если оно не окажется таковым, то погубим его.

Народ не осмелился противоречить Иру, который вслед за тем привел Филиппа в дом свой. Апостол предложил у него обычную свою проповедь и обратил к святой вере Ира, весь дом его и соседей, просветив их таинством святого крещения. Граждане, узнав о том, что Ир принял крещение, собрались ночью и обступили дом его, намереваясь сжечь в нем Ира во время сна вместе с апостолом и со всеми его домашними. Открыв их замысел, апостол безбоязненно предстал перед ними; они же, как дикие звери, скрежеща зубами, схватили его и повели в свой совет. Начальник совета, имя которому было Аристарх, увидев апостола, протянул свою руку и схватил его за волосы, но в ту же минуту рука его иссохла и он лишился зрения и слуха. Тогда, в чувствах народа произошла перемена: гнев их, при виде этого чуда, сменился изумлением, и народ стал умолять апостола исцелить градоначальника их Аристарха. Филипп же сказал: «Если он не уверует в проповедуемого мной Бога, то не будет исцелен».

В это время вблизи них двигалось погребальное шествие, и народ, желая надругаться над апостолом, сказал: «Если воскресишь этого мертвеца, тогда Аристарх и мы уверуем в Бога твоего».

Апостол возвел очи свои на небо, долго молился и потом, обратившись к умершему, сказал кротким голосом: «Феофил!» И тотчас мертвец поднялся на носилках, сел и открыл глаза свои. Тогда вто-

---

[1] *Иераполь* — наименование нескольких городов древности. — Иераполь Сирийский, после у греков Бамбика; со времен Константина Великого — главный город Евфратской провинции; теперь сохранились от него одни развалины у нынешнего Мембидж.

рично сказал ему Филипп: «Христос повелевает тебе: встань и говори с нами!»

Умерший, встав с одра своего, припал к ногам апостола со словами: «Благодарю тебя, святой слуга Божий, что избавил меня в этот час от великого зла: два черных и злосмрадных эфиопа повлекли меня, и если бы ты не поспешил и не избавил меня от них, то я был бы низвергнут в мрачный тартар».

Тогда все, видевшие это преславное чудо, единогласно прославили Единого истинного Бога, проповедуемого Филиппом. Апостол сделал рукой знак народу, чтобы он умолк на некоторое время, и велел Иру положить своей рукой крестное знамение на поврежденные члены Аристарха. Как только Ир исполнил это, тотчас же иссохшая рука Аристарха исцелела, и он стал видеть и слышать и совершенно исцелился. Эти чудеса, творимые святым Филиппом силой Христовой, обратили ко Христу жителей Иераполя, и все ринулись разбивать идолов своих. Первым из уверовавших был родитель Феофила, который сокрушил двенадцать золотых идолов и роздал золото нищим. Апостол крестил всех и поставил им епископом Ира.

Основав, таким образом, Церковь в Иераполе и утвердив заново просвещенных в святой вере, святой Филипп отправился на проповедь в другие страны. Пройдя Сирию и нагорную Азию, он прибыл в Лидию и Мизию[1], и, проходя этими странами, обращал к истинному Богу неверных язычников. Там к нему присоединился святой апостол Варфоломей[2], который в то время проповедовал в соседних городах и послан был от Бога на помощь Филиппу. За ним следовала еще и сестра Филиппа — девица Мариамна[3], и все они вместе стали служить делу спасения рода человеческого. Проходя по Лидии и Мизии и благовествуя слово Божие, они претерпевали от неверных многие напасти, биения и скорби, были заключаемы в темницы, побиваемы камнями, но, несмотря на все гонения, благодатью Божией оставались живы для предстоящих трудов по распространению веры Христовой. В одном из Лидийских селений они встретили возлюб-

[1] *Лидия* и *Мизия* — северо-западные области Малой Азии.

[2] *Апостол Варфоломей* — он же и Нафанаил, называвшийся первым именем по отцу, из лика двенадцати апостолов. Память его — 11 июня, а также 25 августа — день празднования перенесения мощей его и 22 апреля вместе с апостолами Лукою и Климентом.

[3] Память святой Мариамны совершается 17 февраля.

ленного ученика Христова святого Иоанна Богослова, и вместе с ним отправились в страну Фригийскую. Войдя в город Иераполь[1], они проповедовали там Христа. Этот город был переполнен идолами, которым поклонялись все его жители; между ложными божествами была еще одна ехидна, для которой был построен особый храм, куда ей приносили пищу и совершали многочисленные и разнообразные жертвоприношения; безумцы почитали также и других гадов и ехидн. Святой Филипп, прежде всего, вместе со своей сестрой вооружился молитвой на ехидну, в чем помогал им и святой Иоанн Богослов, который был в то время с ними. Все они вместе молитвой, как бы копьем, поразили ту ехидну и силой Христовой умертвили ее. После этого Иоанн Богослов разлучился с ними, предоставив им Иераполь для проповедания слова Божия, а сам пошел в другие города, распространяя повсюду святое благовествование. Святой же Филипп с Варфоломеем и Мариамной оставались в Иераполе, усердно стараясь уничтожить мрак идолопоклонства, чтобы воссиял на заблудших свет познания истины, над чем они трудились день и ночь, уча неверных Слову Божиему, вразумляя неразумных и направляя заблудших на путь истинный. В городе жил один человек, по имени Стахий, бывший слепым уже сорок лет. Святые апостолы, силой молитвы, просветили его телесные очи, а проповедью Христовой просветили его душевную слепоту. Крестив Стахия, святые пребывали в его доме. И пронеслась по всему городу молва, что слепой Стахий прозрел. К его дому стали собираться толпы народа. Святые апостолы поучали всех, стекавшихся к ним, вере во Христа Иисуса. Приносили туда и многих больных, и всех святые апостолы исцеляли молитвой и изгоняли бесов, так что большое число людей уверовало во Христа и крестилось.

Жена начальника того города, по имени Никанора, была укушена змеей и лежала больная, при смерти. Услышав о святых апостолах, находившихся в доме Стахия, что они одним словом исце-

---

[1] *Иераполь Фригийский* находился в южной части Фригии (в средней части Малой Азии), между реками Ликусом и Меандром, в древности довольно значительный город, особенно славившийся ломкой мрамора и теплыми источниками. Ныне носит турецкое название Памбук-Калеси (город хлопчатой бумаги) по сходству с кипами хлопчатой бумаги белых на вид скал, бугров, утесов, равнин, берегов реки и каналов от осадки воды с спускающихся с высоты гор ручьев. Ныне здесь одни развалины, и место это служит пристанищем для прокаженных.

ляют всякие болезни, она, в отсутствие своего мужа, повелела рабам своим отнести себя к ним и получила двойное исцеление: телесное — от укуса змеи и душевное — от бесовского обольщения, и, наученная святыми апостолами, уверовала во Христа. Когда градоначальник вернулся домой, рабы передали ему, что жена его от каких-то чужестранцев, проживающих в доме Стахия, научилась веровать во Христа. Придя в страшный гнев, Никанор повелел тотчас же схватить апостолов, дом же Стахия сжечь, что и было исполнено. Собралось множество народа, и святых апостолов Филиппа, Варфоломея и святую деву Мариамну с побоями повлекли по городу, издеваясь над ними, и, наконец, бросили в темницу. После этого начальник города воссел на судейское место судить проповедников Христовых, и собрались к нему все жрецы идольские и жрецы погибшей ехидны, принося жалобы на святых апостолов и говоря: «Начальник! Отомсти за бесчестие богов наших, так как с тех пор, как появились странники эти, в нашем городе запустели алтари великих богов наших, и народ забывает приносить им обычные жертвы; знаменитая наша богиня ехидна погибла, и весь город наполнился беззаконием. Умертви этих волхвов».

Тогда начальник города велел снять одежду со святого Филиппа, думая, что в ней заключаются чары колдовства, но, сняв с него одежду, ничего не нашли. Также поступили и со святым Варфоломеем, и в его одеждах не нашли ничего. Когда же они с тем же намерением приблизились к Мариамне, чтобы снять одежду и обнажить ее девическое тело, внезапно она в глазах их превратилась в огненный пламень, и нечестивцы со страхом отбежали от нее. Святые апостолы осуждены были правителем на распятие. Первым пострадал святой Филипп. Просверлив ступни ног его и продев в них веревки, они распяли его на кресте вниз головой перед дверями капища ехидны и в то же время кидали в него камнями. Затем они распяли святого Варфоломея у стены храма. И внезапно сделалось великое землетрясение, земля разверзлась и поглотила градоначальника со всеми жрецами и множеством неверующих. Все оставшиеся в живых — и верующие, и язычники, пришли в великий страх и с рыданиями просили святых апостолов сжалиться над ними и умолить Единого истинного Бога своего, чтобы земля не поглотила их так же, как и тех. Поспешно бросились снимать с креста распятых

апостолов. Святой Варфоломей был повешен невысоко, и его скоро сняли. Но Филиппа не могли скоро снять с креста, потому что он был повешен высоко и особенно потому, что на это было особенное произволение Божие, чтобы апостол Его чрез эти страдания и крестную смерть перешел от земли на небо, куда всю жизнь обращены были стопы его. Вися таким образом, святой Филипп молился Богу за врагов своих, чтобы Господь отпустил им грехи их и просветил разум их к познанию истины. Господь преклонился к молению его и тотчас повелел земле исторгнуть живыми поглощенные ею жертвы, за исключением градоначальника и жрецов ехидны. Тогда все громким голосом исповедали и прославили силу Христову, изъявляя желание креститься. Когда хотели снять с креста святого Филиппа, то увидели, что он уже предал Богу святую душу свою, и сняли его мертвым. Родная сестра его, святая Мариамна, все время смотревшая на страдания и смерть брата своего Филиппа, с любовью обнимала и лобызала снятое с древа тело его и радовалась, что Филипп сподобился пострадать за Христа. Святой Варфоломей совершил над всеми уверовавшими в Господа крещение и поставил им епископом Стахия. Новообращенные с честью похоронили тело святого апостола Филиппа. На том месте, где истекла кровь святого апостола, произросла в три дня виноградная лоза, в знамение того, что святой Филипп за пролитую свою кровь во имя Христа наслаждается вечным блаженством с Господом своим в Царствии Его[1].

Святой же Варфоломей с блаженной девой Мариамной, после погребения святого Филиппа, пробыл несколько дней в Иераполе и, утвердив в вере Христовой вновь основанную Церковь, удалился оттуда в город Албан, в Великую Армению[2], где и был распят. Святая

---

[1] К этому сказанию о мученической кончине святого апостола Филиппа древние повествования присоединяют еще, что за семь дней до кончины он сам предсказал свою смерть. Апостол Филипп мученически скончался в царствование Римского императора Домициана в 90 году по Рождестве Христовом, будучи восьмидесяти семи лет от роду. Мощи его около 560 года были перенесены в Рим, где и ныне почивают в церкви двенадцати апостолов. Одна рука святого апостола хранилась в Константинополе в храме Богородицы Всенепорочной. Византийский император Мануил Комнен даровал ее, как святой и драгоценный залог, племяннице своей Марии, когда выдавал ее, в 1167 году, в замужество за Иерусалимского короля Амория. В 1204 году святыня эта перенесена была во Флоренцию.

[2] В Азии, на границе с Кавказом.

Мариамна направилась в Ликаонию[1] и там, обратив многих к святой вере, мирно скончалась. За все это Богу нашему слава, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ЖИТИЕ СВЯТОГО
ГРИГОРИЯ ПАЛАМЫ,
архиепископа Фессалоникийского

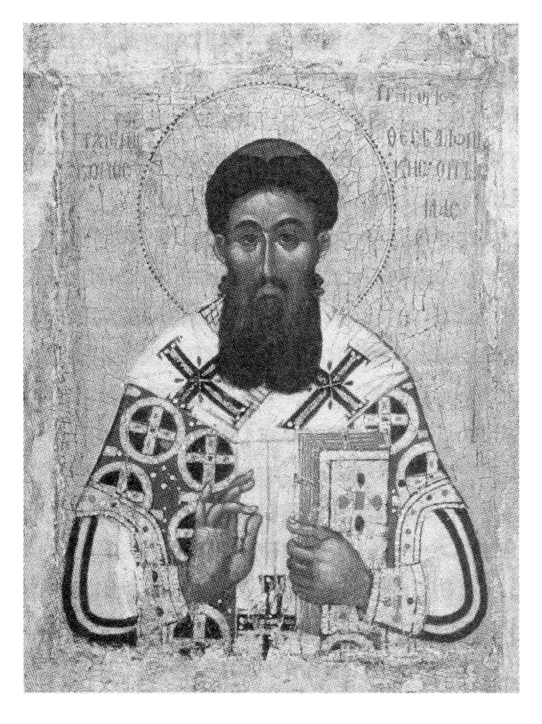
Святой Григорий Палама[2], архиепископ Фессалоникийский[3], был родом из Константинополя и происходил от благородных и благочестивых родителей, которые старались научить его с юных лет как человеческой, так и в особенности Божественной премудрости и всякой добродетели. В ранней юности он потерял отца; мать же Григория позаботилась дать ему, равно как и всем его братьям и сестрам, разумное и доброе воспитание — в духе закона Господня и Божественного Писания. Она устроила жизнь их среди мудрых учителей, чтобы сын ее научился от них премудрости; он же, отличаясь природными умственными дарованиями и прилежанием, в короткое время преуспел в изучении философских и других известных тогда наук. Но, не доверяя собственной своей памяти, он положил за правило — перед каждым уроком класть по три земных молитвенных поклона перед иконой Пресвятой Богородицы. И Пречистая споспешествовала благочестивому отроку, быстрые успехи которого обращали на себя всеобщее внимание. Сам царь принимал живое участие в святом Григории и отечески заботился о его воспитании.

---

[1] *Ликаония* — одна из серединных областей Малой Азии, граничащая с Фригией.

[2] *Святой Григорий Палама* жил в XIV веке.

[3] *Фессалоника*, иначе *Солунь*, — весьма значительный древний город Македонии, лежал в глубине большого Солунского, или Фракийского, залива при Эгейском море (Архипелаге). В настоящее время город этот, под именем Салоники, после Константинополя, первый торговый и мануфактурный город в Европейской Турции, с весьма многочисленным населением.



Между тем Григорий с ранних лет уже возненавидел все земное, как сон обольстительный, и, исполненный пламенной любви к Богу, презрел все временные блага, стремясь всей душой прилепиться к Единому Богу — Источнику всякой премудрости и Подателю всякой благодати, и оставить мир и суетную славу его. Побуждаемый этими чувствами, он искал сближения и встреч с иноками святой горы Афонской, просил у них советов и руководства и узнавал от них образ и правила иноческой и подвижнической жизни, испытывая свои силы, — может ли он быть действительным иноком. Дорогие свои одежды Григорий заменил худым рубищем и начал мало-помалу изменять свои прежние привычки и образ внешнего поведения, оставив все условия светских приличий, что обратило на него общее внимание придворных, и многие признали его даже сумасшедшим. Так протекло несколько лет, и ни убеждения царя, ни уговоры друзей его, ни насмешки окружающих не могли остановить Григория на избранном им пути.

С успехом пройдя такой искус, Григорий на двадцатом году от рождения окончательно решил принять иноческий чин и удалиться в пустыню, о чем и возвестил своей Боголюбивой матери. Вначале она была несколько опечалена этим, но потом согласилась с его намерением, радуясь о Господе, и даже, с помощью Божией, уговорила и остальных детей своих принять иночество, чтобы она могла сказать вместе с пророком: *Вот я и дети, которых дал мне Господь* (Ис. 8, 18). Следуя евангельской заповеди, святой Григорий роздал все имение свое нищим и, презрев всем сердцем своим красоту, сладость и славу мира сего, пошел вослед Христа, уводя с собой на тот же путь мать свою, братьев и сестер. Мать и сестер он оставил в

одном женском монастыре; братьев же привел с собой на святую гору Афонскую и вместе с ними поселился в пустынной обители Ватопедской[1], подчинив себя в полное послушание святому, облагодатствованному старцу Никодиму, от которого и принял впоследствии иноческий постриг.

Во второй год своего пребывания у Никодима Григорий удостоен был Божественного посещения. Однажды, во время богомысленного подвига, перед ним явился светоносный и благолепный муж, в котором он узнал святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Ласково взирая на Григория, апостол спросил его: «Почему, взывая к Богу, ты всякий раз только повторяешь: просвети тьму мою, просвети тьму мою?»

Григорий отвечал: «Чего же другого должен я просить, кроме этого, — да просвещусь и узнаю, как творить Его святую волю?»

Тогда святой евангелист сказал: «По воле Владычицы всех, Богородицы, с этой поры я буду с тобой неотступно».

По смерти учителя своего, святого старца Никодима, святой Григорий удалился в великую лавру святого Афанасия[2], где служил братии за общей трапезой, а также исполнял должность церковного певца. Прожив там несколько лет в страхе Божием, в послушании ко всем, Григорий укротил навсегда плотские страсти, являя собой утешительный пример евангельского бесстрастия и Божественной чистоты. За свое смирение, кротость и подвиги стяжал он себе всеобщую любовь и уважение братии; но, избегая славы и стремясь к еще более суровой жизни, он удалился из лавры в глубокую пу-

---

[1] *Афон* — узкий гористый полуостров на юге Македонии, вдающийся в Эгейское море и омываемый Стримонским и Сингитским заливами, знаменитый рассадник православного монашества, заселенный одними только иноками, святыня Востока и главный центр восточного монашества. — *Ватопедский монастырь* находится на северо-восточном склоне Афона, близ моря. Основание его преданием приурочивается к первым временам существования монашества на Востоке (к концу IV века) и связано с именем императора Феодосия Великого. С X века Ватопед приобрел первостепенное значение на Афоне, которое сохраняет и до настоящего времени.

[2] Преподобный *Афанасий Афонский* был главным основателем и устроителем монашеской жизни на Афоне и первым ее законодателем, († 1060 г.). Память его совершается 5 июля. Обитель его, по своему первостепенному значению именуемая лаврой, находится на самой южной оконечности Афона, при подошве его, близ залива Контесса.

стыню, в скит Глоссия, и там вручил себя руководству благоговейного старца Григория, проводя воздержную и безмолвную созерцательную жизнь, горя безмерной любовью к Богу, с Которым он желал соединиться душой и телом. Непрестанной молитвой победив все наветы бесовские, он сподобился благодатных даров. Погружаясь в глубину молитвенного духа и озаряясь им, доходил до такой степени умиления и плача сердечного, что слезы струями текли из очей его, как постоянный и неиссякаемый источник.

Но безмолвие Григория и его сподвижников вскоре было нарушено по причине нападений, какие делали агаряне[1] на монахов, безмолвствовавших вне монастырей. Ввиду этого Григорий, вместе с другими иноками, принужден был покинуть свою пустыню и удалиться в Фессалоники. Отсюда святой задумал отправиться в Иерусалим, для поклонения святым местам, и, если то угодно будет Богу, окончить там где-нибудь дни свои в пустынном безмолвии. Желая узнать, благоугодно ли Богу намерение их, он молился о том Богу. И вот во сне явился ему святой великомученик Димитрий, мощи которого почивали в Солуни[2]. Великомученик убедил его не оставлять Фессалоники. Тогда святой Григорий, после усиленного поста и молитвы, принял в Солуни сан священства и, в сопровождении немногочисленной братии, удалился в близлежащий скит, где и стали они подвизаться снова. Образ жизни его был таков: пять дней в неделю он и сам вовсе не выходил никуда и к себе не принимал никого; лишь в субботу и воскресенье, по совершении священнодействия и по принятии Божественных Тайн, он входил в духовное общение с братиями, назидая и утешая их своей беседою. В эти часы, следовавшие за затвором преподобного, и особенно после литургии, на лице его был виден дивный Божественный свет. Во время священнодействия он всех приводил к сердечному умилению и слезам. Многие великие святые мужи удивлялись его добродетельной жизни, за которую он удостоился от Бога дара чудотворений и пророчествования, и называли его богоносцем и пророком[3].

В это время отошла ко Господу добродетельная мать святого Григория. Дочери и сподвижницы ее, сестры Григория, просили его

---

[1] *Агаряне* — арабы, магометане.

[2] Память его совершается 26 октября.

[3] В это время ему было с небольшим тридцать лет.

прийти к ним, для утешения их сиротства и для духовного наставления. Повинуясь призыву родственной любви, Григорий прибыл в Константинополь к сестрам своим и потом снова поспешил вернуться в свою излюбленную пустыню, но вскоре после того, по истечении пяти лет безмолвной жизни в Веррском скиту, принужден был, по причине частых набегов албанцев, снова удалиться на святую гору, в лавру преподобного Афанасия, где и принят был подвизавшимися там отцами с великою любовью. И здесь также, уединяясь вне монастыря, в безмолвной келии святого Саввы, кроме субботы и воскресенья, он никуда не выходил, ни с кем не виделся, и никто его ни видал, — разве по нуждам священнодействия. Все прочие дни его и ночи протекали в молитвенном подвиге и богомыслии.

Однажды, в келейной молитве пред Пречистою Богоматерию, преподобный молил Ее, чтобы, в устранение от него и собратий его всяких препятствий к совершенному безмолвию, благоволила Она принять на Себя попечение и промышление о всех житейских их потребностях. Премилосердная Владычица в ответ на его усердную молитву удостоила его Своего явления, в сопровождении множества светоносных мужей. Представ ему, она сказала, обращаясь к сопровождавшим Ее светоносным мужам: «Отныне и навсегда будьте попечителями о нуждах Григория и его братии».

С этого времени, как передавал о том впоследствии сам святой Григорий, он действительно, где бы ни находился, всегда ощущал особенное о себе Божественное промышление. В другое время, в состоянии молитвенного богомыслия, Григорий впал в легкую дремоту. И вот ему представилось, что в руках его — сосуд чистого молока, переполненный настолько, что оно переливалось через край; затем молоко это приняло вид виноградного вина, которое, переливаясь через край сосуда, омочило его руки и одежду, распространяя кругом дивное благоухание. Ощущая его, Григорий исполнился святой радости. И явился ему светозарный юноша, и сказал:

— Почему не передаешь ты этого чудного пития, оставляемого тобой без достодолжного внимания? Ведь, это — не иссякающий никогда дар Божий.

— Но кому же передавать это питие, когда нет нуждающихся в нем? — спросил святой Григорий.

— Хотя в настоящее время действительно нет жаждущих этого пития, — возразил юноша, — но ты, все-таки, исполняя долг свой, должен не пренебрегать даром Божиим, в надлежащем пользовании которым Владыка потребует от тебя отчета.

При этих словах дивное видение окончилось. Святой Григорий истолковал его в том смысле, что молоко означало дар слова обыкновенный, понятный для сердец простых, ищущих духовного наставления, а превращение молока в вино означало, что со временем от него Вышняя Воля потребует более глубокого наставления в высших истинах веры Христовой. Вскоре после этого Григорий был избран игуменом Есфигменского монастыря[1], но, по прошествии непродолжительного времени, желание пустынного безмолвия увлекло его снова в лавру святого Афанасия. Здесь он достиг такого духовного совершенства, что многие святые мужи дивились его добродетельной жизни и называли его богоносцем при виде изумительных его чудотворений, дара которых сподобился он от Бога. Он изгонял бесов; неплодным деревьям молитвой своей возвращал плодородие, предсказывал будущее, как настоящее. Но не избежал и преподобный различных и частых искушений, по слову Божиему: *все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы* (2 Тим. 3, 12). Все терпел он с радостью, *дабы испытанная вера ... оказалась драгоценнее гибнущего, хотя и огнем испытываемого золота, к похвале и чести и славе в явление Иисуса Христа* (1 Пет. 1, 7), как говорит святой апостол Петр.

Много скорбей перенес святой Григорий Палама в борьбе с ересями, которые начали в то время волновать Церковь Божию. Особенно великую услугу оказал он Церкви обличением лжеучителей, отвергавших православное учение о духовном благодатном свете, освещающем внутреннего человека и иногда открывающемся видимо, как на Фаворе[2] и на лице Моисея после собеседования Его с Богом на Синае (см.: Исх. 34, 29–30). В это время на святую гору Афонскую прибыл из Калабрии[3] один ученый инок, по имени Варлаам, который вместе со своими последователями возмутил хуль-

---

[1] *Есфигменский монастырь* — один из древнейших святогорских монастырей; находится на северо-восточном склоне Афона.

[2] Во время Преображения Господня.

[3] *Калабрия* — низменный полуостров в Южной Италии.

ными учениями мир в Церкви Христовой и спокойствие Афонских иноков. В продолжение целых двадцати трех лет доблестный пастырь мужественно боролся с Варлаамом, и все многочисленные скорби, которые перенес за это время святой Григорий Палама, трудно даже подробно изобразить. Варлаам учил о Фаворском свете, что он был нечто вещественное, сотворенное, являвшееся в пространстве и окрашивавшее воздух, так как он был видим телесными очами людей, еще несвещенных благодатию. Таковыми же, то есть сотворенными, он признавал все действия Божества и даже дары Святого Духа: Духа премудрости и разума и так далее, не страшась низвести Бога в разряд тварей, ниспровергая свет и блаженство праведных в Царствии Отца небесного, силу и действие Триипостасного Божества. Таким образом, Варлаам и его последователи нечестиво рассекали одно и то же Божество на созданное и несозданное, а тех, которые этот Божественный свет и всякую силу, всякое действие с благоговением признавали не созданным, а присносущным[1], называли двоебожниками и многобожниками. Считая, напротив, веру Афонских пустынников в созерцание света Божиего телесными очами и приготовление к тому чувственным образом[2] — заблуждением, Варлаам явно восстал и против них, и против молитвы, и против их таинственного созерцания. Но прежде, нежели клеветы Вар-

---

[1] Согласно с всеобщим верованием Церкви, ясно выраженным в тропаре на Преображение Господне: «Да воссияет и нам грешным свет Твой присносущный».

[2] Святой Григорий и его сподвижники Афонские учили и доказывали самою жизнью, что постоянным очищением души, совершенным безмолвием чувств и помыслов, непрестанным упражнением к богомыслии и молитве, умным деланием человек может достигнуть озарения свыше, но может зреть не сущность Божества, которая, обитая в свете неприступном, недоступна для ограниченной, греховной природы человека, а лишь проявление Божественной сущности, открывающееся безмолвствующим в образе света, который можно видеть иногда и телесными очами, как это было на Фаворе при Преображении Господнем и при всех явлениях и откровениях Божества в виде света и огня, например Моисею и Илии, или древним христианским подвижникам, например Антонию Великому; все боговидцы видели и телесными и умными очами свет Божественный, отблеск Божества. Этот свет Фаворский и все проявления Божества называются у них несозданными и Божественными, как несозданно само существо Божие. Учение это, по своему существу таинственное и непостижимое для ума естественного, в то же время убедительно и непреложно для верующего сердца.

лаама на Афонских иноков сделались гласными, этот еретик, за предосудительное и укоризненное свое поведение, с бесчестием был выслан патриархом. С гневом и скорбью Варлаам удалился в Фессалоники, распространяя и там свои клеветы на Афонских иноков. Не имея собственных сил противостоять красноречивому и искусному в науках Варлааму, Солунские иноки принуждены были вызвать с Афона Божественного Григория. По прибытии в Фессалонику святой Григорий сначала действовал в духе кротости, но, увидев, что меры эти не действуют на упорного лжеучителя, приносящего столь сильные потрясения Церкви и ее законоположениям, начал истреблять возражения и клеветы Варлаама не только изустно, но и сильными писаниями, исполненными высоких истин и доводов Божественных. Сам Варлаам, узнав их и почувствовав их силу, принужден был оставить Афонских иноков в покое, но зато со всей силой восстал против святителя Божиего. Когда же и это не помогло, пристыженный Варлаам удалился в Константинополь, изустно и письменно жалуясь Константинопольскому патриарху Иоанну XIV[1] на святого Григория и Афонских иноков.

Между тем святой Григорий в это время, оставаясь в Фессалониках в продолжение трех лет, усердно занимался изложением начал Православия, с силой отстаивая чистоту его. И здесь, как и прежде, сердечный плач, совершенное уединение и безмолвие были любимым занятием его досуга. Не имея удобств пустынной тишины и в то же время избегая по возможности связей и отношений к миру, он жил в отдаленной части дома, где, устроив для себя малую келию, безмолвствовал, сколько мог. И вот однажды, в праздник Антония Великого, первоначальника иноческого жития, когда другие иноки, ученики блаженного Исидора, совершали всенощное бдение, а Григорий оставался в своем затворе, вдруг в видении явился ему святой Антоний и сказал: «Хорошо и совершенное безмолвие, но и общение с братством иногда необходимо — особенно в дни молитв и псалмопений. Поэтому и тебе должно теперь быть с братиями на бдении».

Повинуясь этому, Божественный Григорий немедленно отправился к братии, принявшей его с радостью, — и всенощное бдение протекло для них с особенным торжеством.

---

[1] *Иоанн XIV Апрен* патриаршествовал с 1332-го по 1347 год.

Окончив свои письменные богословские занятия в защиту афонских иноков и опровержение еретических мудрований, святой Григорий возвратился на святую Гору и показал инокам написанное им о благочестии.

Вскоре после этого святому Григорию пришлось ратовать против еретических мудрований как бы на виду у всего мира, и за свой подвиг получить бессмертную славу в Церкви земной и венец правды в Церкви небесной. В это время Варлаам успел склонить на свою сторону патриарха Константинопольского Иоанна XIV и довел дело до того, что патриарх грамотой вызвал на суд Церкви Григория с другими его сподвижниками. Не терпя арианствующего лжеучения, грозившего поколебать самые основы христианского вероучения и нравственности, святитель Григорий, исполненный Духа Святого, выступил на ревностную защиту Православия и старцев Афонских. Для разрешения возникшей распри и утверждения Православия в Константинополе был созван благочестивым царем Андроником Палеологом[1] собор[2], на который прибыл и Варлаам со своими учениками и последователями. На соборе этом, происходившем в Константинопольском Софийском храме под председательством патриарха, еретическое заблуждение Варлаама, последователя его Акиндина и иных им подобных лжеучителей было изобличено. Тогда Великий Григорий, отверзши свои богомудрые уста, своими проникнутыми огнем вдохновения словами и Божественным Писанием развеял ересь, как прах с лица земли, попалил, как терние, и окончательно посрамил еретиков[3].

---

[1] *Андроник III Палеолог* — Византийский император с 1328-го по 1341 год.

[2] Собор этот происходил в 1341 году. Впоследствии ересь варлаамитов была обличена, и последователи ее преданы анафеме еще на нескольких соборах в 1347, 1351, 1352 и 1368 годах (последний состоялся уже по кончине святого Григория Паламы).

[3] «Напыщенные мирскою и тщетною мудростию, — говорил святитель Божий, — и невнимающие мужам опытным в духовном учении, когда слышат о свете, осиявшем Господа на горе Преображения и виденном апостолами, думают видеть в нем нечто чувственное и сотворенное, — почему и этот вещественный, незаходимый и вечный свет, превышающий не только чувства, но и самый ум, низводят до чувственного и сотворенного света, хотя и Сам Просиявший светом на Фаворе ясно показал, что свет не сотворен, назвав его Царством Божиим (см.: Мф. 16, 20). Царство же Божие ужели есть что-либо сотворенное и служебное? Ужели Господь восприял на горе какой-то иной свет, которого дотоле не

Посрамленный богодухновенными обличениями святителя Божия, Варлаам, не терпя позора, удалился снова в Италию, где перешел в католичество. Но в Византии явились у него явные и тайные друзья и последователи, которых он возбуждал своими письмами, проповедуя в то же время противные православные учения Западной Церкви. Плевелы же его лжеучения после него рассевал и взращал инок Акиндин. Против него в Константинополе был собран новый собор, на котором святой Григорий еще более обнаружил заблуждения Варлаама и Акиндина о Божественном свете. Патриарх, однако, поддерживал Акиндина и признал святого Григория виновником всех нестроений и смут церковных того времени. Мало того, Акиндин был возведен в степень диакона, а Григория заключили в мрачную темницу, где он томился в продолжение четырех лет.

Но такая несправедливость патриарха не осталась без наказания. Благочестивая царица Анна[1], узнав о действиях патриарха и о его привязанности к Акиндину, на двух соборах уже признанному еретиком и врагом Церкви, нашла его недостойным церковного общения и священного сана, а сам патриарх, впавший в еретические мудрования, был лишен кафедры и церковного общения. Церковный мир был, таким образом, восстановлен, и святой Григорий освобожден от беззаконного темничного заключения. За святую ревность к утверждению Православия и истребление еретических лжеучений и церковных смут, он, по убеждению патриарха Исидора[2] и императора Иоанна Кантакузена[3], должен был согласиться на рукоположение в сан архиепископа Фессалоникийской церкви. Но, по случаю

имел? — Да удалится от нас это хуление, потому что кто думает так, тот должен признать во Христе три естества, то есть Божие, человеческое и оного света. Итак, веруем, что Он явил в Преображение не другой какой-либо свет, но только тот, который скрыт был у Него под завесою плоти; этот же свет был — свет Божеского естества, поэтому и несотворенный, Божественный. Так, и по учению богословствующих отцов, Иисус Христос преобразился на горе, не восприяв что-либо и не изменившись во что-либо новое, чего дотоле не имел, но показав ученикам Своим только то, что у Него было... Свет Фаворский был свет Божества».

[1] Вдова императора Андроника III Палеолога, который в это время уже умер.

[2] *Исидор I* — патриарх Константинопольский с 1347-го по 1349 год.

[3] *Иоанн VI Кантакузен* — Византийский император с 1341-го по 1355 год. Вследствие возникших из-за царского престола смут он принужден был разделять царство с Иоанном V Палеологом.

возникших тогда в Солуни смут, новый архиепископ не был принят своей паствой, вследствие чего удалился на излюбленную им святую гору Афонскую. Между тем наступил праздник Рождества Пресвятой Богородицы. В это время один благоговейный Солунский иерей, приготовляясь служить Божественную литургию, смиренно молил Господа, чтобы Он благоволил открыть, действительно ли Григорий, как думает народ, заблуждается в своих верованиях относительно иноческой жизни и духовного созерцания, и имеет ли он у Господа дерзновение. Это откровение иерей просил явить на расслабленной своей дочери, три года лежавшей без всякого движения. «Если, Господи, — говорил он, — Григорий истинно раб Твой, молитвами его исцели несчастную дочь мою». И Господь услышал моление иерея: дочь его вдруг сама собою поднялась с постели и с той поры получила совершенное выздоровление, как будто она совсем и не болела.

Чудо это прославило святого Григория, но церковные смуты все еще продолжались в Фессалониках. Тогда Болгарский царь Стефан[1], зная добродетели и заслуги его для Церкви Божией, обратился к нему с убедительной мольбой занять кафедру митрополита Болгарского, но не мог склонить и убедить к тому Божественного Григория.

На Афоне святитель, однако, не нашел спокойствия. Вскоре нужды Церкви снова вызвали его в Константинополь. Отсюда он удалился на остров Лемнос[2]. Здесь он сотворил много знамений и чудес и немолчно проповедовал слово Божие, оставаясь до тех пор, пока солуняне, почувствовав необходимость в его присутствии для осиротелой паствы, не призвали его сами к себе, отправив к нему на Лемнос представителей клира и высших солунских сановников. С невыразимой радостью встретил народ своего архипастыря. Церковь Солунская, как бы вдохновленная свыше, представляла в высшей степени торжествующий вид: вместо обычных хвалебных песнопений клир и народ пели пасхальные гимны и канон, не давая ни себе, ни другим отчета в своих чувствах и необычайном торжестве. Спустя три дня после этого святитель Божий совершил, при бесчис-

---

[1] Сербский краль Стефан Душан (1336–1355 гг.), которому была подчинена и Болгария.

[2] *Лемнос* — остров Эгейского моря (Архипелага), к востоку от Афона, в шесть квадратных миль величиной.

ленном стечении народа, торжественный крестный ход и литургию. При этом Бог прославил угодника Своего новым чудом. У вышеупомянутого благоговейного иерея сын страдал падучей болезнью. Когда наступило время причащения, иерей, упав к ногам архипастыря, смиренно умолял его причастить самому, своими святительскими руками его больного ребенка. Тронутый смирением иерея и страданиями его сына, Григорий исполнил его просьбу, — и ребенок исцелел. Однажды, в праздник Рождества Пресвятой Богородицы, святой Григорий совершал литургию в женском монастыре. Во время богослужения одна слепая на один глаз монахиня, именем Илиодора, узнав, что святитель совершает литургию, незаметно подошла к нему и тайно приложила святительскую одежду к своему слепому глазу, — и глаз тотчас же прозрел.

Много и других чудес сотворил Божественный Григорий. Церковь Солунская, под его мудрым правлением, наслаждалась миром и тишиной. Но Григория ждали новые подвиги и тяжкие скорби. В это время единомышленники Варлаама и Акиндина не переставали смущать в Константинополе Православную Церковь своими еретическими мудрованиями. Тогда Григорий снова с дерзновением выступил на борьбу со злыми еретиками, в защиту Православия. Продолжал он с ними бороться и письменно своими богомудрыми творениями, и лично. Вследствие сильного волнения, возбужденного еретиками в Церкви Христовой, царь и патриарх признали необходимым созвать, для умиротворения Церкви, в Константинополе новый собор, на который, прежде всего, вызвали святого Григория. Враги истины, как и прежде, были посрамлены и побеждены: и личные беседы святителя, и его догматические произведения, читанные на соборе, замкнули уста еретические. Напутствуемый уважением царя и благословением патриарха и Церкви, святой Григорий с честью отправился к своей пастве, но находившийся в то время в Солуни Иоанн Палеолог[1] не допустил его до этого, и Григорий принужден был отправиться на святую гору. Впрочем, через три месяца он тем же Палеологом с честью был вызван в Солунь.

Здесь в скором времени святой Григорий впал в тяжкую и продолжительную болезнь, так что все опасались даже за саму его жизнь.

---

[1] *Иоанн V Палеолог* — Византийский император с 1341-го по 1376 год.

Но Бог продлил ее для новых подвигов. Не успел еще святой совсем оправиться от своего недуга, как получил от Иоанна Палеолога письмо, которым царь просил его приехать в Константинополь, чтобы прекратить ссоры и несогласия в царственной семье — между им и его тестем, Иоанном Кантакузеном. Григорий отправился, но на пути в Константинополь был схвачен агарянами и отвезен в Азию, как раб и пленник. Целый год находился святой в плену. Его продавали из одних рук в другие, из города в город. Такова была на это воля Божия, чтобы он, как апостол, переходя из города в город, проповедовал Евангелие Христово, утверждая православных в вере, поучая твердо держаться ее, укрепляя сомневающихся и раскрывая трудные для понимания тайны премудрости Божией о спасении. И он был действительно истинным апостолом Христовым. Со святым дерзновением входил святой Григорий в состязания о вере с агарянами[1] и отторгшимися от Церкви Христовой еретиками, неправо учившими о земном служении Христа Бога нашего, о честном и животворящем Кресте Господнем, о святых иконах и о поклонении им. Неверных он просвещал светом Евангелия, а порабощенных, плененных и христиан утешал и укреплял, убеждая их к безропотному перенесению страдальческого креста своего, в чаянии наград и венцов небесных. Противники святого Григория дивились его премудрости и благодати, исходящей из уст его. Некоторые же из них, в бессильной злобе, подвергали его жестоким побоям, и ему пришлось бы пострадать даже до мученического венца, если бы те же сами агаряне не оберегали его, ожидая получить за него большой выкуп. И действительно, по истечении года болгары выкупили его из рук агарянских и возвратили его Солунской церкви.

Прибытие святого из плена, сначала в Константинополь, было ознаменовано чрезвычайным торжеством невидимых ликов, паривших над Божественным Григорием и сладостными песнопениями в похвалу его приведшими в движение пристань, где он должен был выступить на берег. И был святой Григорий избранным сосудом Божиим. Отличаясь кротостью, незлобием и смирением, он в то же время продолжал дерзновенно выступать против врагов Бога и веры православной, с силой обличая и побеждая еретиков мечом слова

[1] То есть магометанами.

Божия. Побеждая зло добром, он никогда не слушал тех, кто извещал его о клеветах на него врагов его: был великодушен и терпелив во всех скорбях и злоключениях; гонение и всякое поругание вменял себе всегда за честь и славу; и было ему, как истинному ученику Христову, иго Христово благо и бремя Его легко. Святому Григорию дивились не только верующие, но и неверные. Глаза его всегда болели от непрестанно текущих молитвенных слез. Умертвив все страсти и поработив плоть духу, святой Григорий подвигом добрым подвизался и, умиротворив Церковь Божию и веру православную от волнений и смут еретических, окончил течение своей подвижнической и страдальческой, богоугодной жизни.

В течение последних трех лет святой Григорий, силой благодати Божией, сотворил немало чудес над болящими. Так, друга своего, иеромонаха Порфирия, он дважды восставил молитвой от болезненного одра. Незадолго до своей блаженной кончины он исцелил знамением честного Креста и молитвой пятилетнее дитя золотошвеи, страдавшее черезвычайным кровотечением и уже обреченное на смерть, и возвратил ему совершенное здравие.

Вскоре потом святой Григорий заболел и слег в постель. Почувствовав близкую кончину, он предсказал окружавшим и день отшествия своего в жизнь вечную. «Друзья мои! — говорил он им, после праздника святого Иоанна Златоуста[1], — ныне я отойду от вас ко Господу. Это знаю я потому, что являлся мне в видении Божественный Златоуст и, как своего друга, с любовию призывал к себе».

Действительно, в тот же самый день, 14 ноября, святой Григорий отошел ко Господу в Его вечные райские обители. Когда он умирал, окружавшие его видели, что уста его еще что-то шепчут, но, как ни старались вслушаться в его слова, могли только разобрать: «В горняя, в горняя!» С этими словами святая душа его тихо и мирно отделилась от тела в горняя[2]. Когда блаженная душа его разлучилась с телом, лицо его просветлело, и вся та комната, где он почил, озарилась светом, чему свидетелем был весь город, стекавшийся к святительским мощам для последнего целования. Так благоволил Бог этим чудом прославить Своего верного угодника, который и при

---

[1] Память святого Иоанна Златоуста совершается 13 ноября.

[2] Святой Григорий Палама скончался 14 ноября около 1360 года, шестидесяти трех лет от роду. — После себя он оставил более семидесяти сочинений.

жизни своей был светлым жилищем благодати и сыном Божественного света[1].

Оставив тело свое, преславно просветившееся ангельскою чистотою, после смерти своей стаду своему, как богатое наследство и сокровище, святой Григорий нескудно подает и доныне исцеления всем недужным и немощным, отовсюду приходящим с верою к святым мощам его[2], во славу Христа Бога нашего, Ему же со Безначальным Его Отцом и с пресвятым, благим и животворящим Духом подобает всякая слава, честь и поклонение ныне и присно и во веки веков. Аминь.

---

[1] Выражение современника святого Григория Паламы Константинопольского патриарха Филофея († 1376 г.) в Синаксаре на неделю второй седмицы святой Четыредесятницы. — Служба святому Григорию была составлена патриархом Филофеем вскоре по его кончине. В ней Палама прославляется, как «богословия труба», «огнедухновенные уста благодати», «честное Духа приятелище», «столп Церкви непоколебимый», «река премудрости» и так далее. — На соборе 1368 года, на котором Варлаам и его сторонники были окончательно анафематствованы, среди других статей была провозглашена «вечная память святейшему митрополиту Солунскому Григорию Паламе», который «низверг» этих еретиков. — За необычайные великие заслуги православной вере святая Церковь, кроме дня памяти святого Григория Паламы 14 ноября, установила ему еще празднование во вторую неделю Великого поста. Совершив в предшествовавшую неделю празднование Торжества Православия над всеми ересями (неделя Православия), Церковь в эту неделю празднует торжество православного подвижнического учения над всеми противными ему лжеучениями; первое торжество — общее всех православных христиан, второе — по преимуществу подвижников, иноков.

[2] Из посмертных чудес святого Григория Паламы особенно замечательно следующее чудо, запечатлевшее и засвидетельствовавшее православие и силу благодатного учения святителя Божия. На острове Сатурнине, в день памяти святого Григория, во вторую неделю Великого поста, франки разгулялись — набрали с собой мальчиков и стали плавать на лодках по морю, при совершенной тишине и ясной погоде. В то время, как они таким образом веселились, демон внушил им злую мысль, на собственную погибель: всплескивая руками, как неистовые, они, вместе с своими детьми, вопили: «Анафема Паламе! Анафема Паламе! Если свят Палама, — пусть утопит нас!» И Божественный Григорий Палама, по их собственному суду, испросил им у Бога желаемое ими отмщение. Пучина разверзлась — и несчастные вместе с лодками погрузились в море и потонули.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ФИЛИППА ИРАПСКОГО

В княжение великого князя Московского и всея России Василия Иоанновича[1] в пределах вологодских, вблизи обители преподобного Корнилия[2], появился некий отрок, по имени Феофил. Он поселился у одного человека, по имени Василия. Пропитание он снискивал именем Христовым. У юноши был благочестивый обычай каждый день посещать Божественную службу, каждую ночь проводить в молитве, беспрестанно бодрствуя. Видя смирение Феофила, его кротость и любовь к молитве, все стали дивиться этому юному отроку. Никто никогда не видел, чтобы он принимал участие в детских играх или смеялся. О нем сказали преподобному Корнилию. Преподобный повелел привести к себе отрока. Корнилий тихо и кротко спросил юношу, кто он и откуда родом, как его зовут и где живут его родители. Заплакав, отрок поклонился в ноги святому и сказал: «Прости меня, честный отче, я не помню своих родителей, остался после них в малых летах; сказывали мне, что они были крестьяне, а мне имя Феофил. Скитался я, питаясь именем Божиим, не знаю, как пришел сюда, и теперь живу здесь у своего хозяина. Молю тебя, честный отче, позволь мне потрудиться в твоей обители, сколько я могу».

Святой Корнилий своими прозорливыми очами провидел, что он будет избранным сосудом Божиим. Он повелел принять Феофила в монастырь и поручил его ризничему.

Отроку тогда было всего двенадцать лет. Со дня поступления в монастырь он начал усердно служить братии, отличался великим послушанием и смирением. Около трех лет служил он так братии. Видя его рвение и кротость, ризничий сообщил об этом преподобному Корнилию. Все иноки любили трудолюбивого отрока. Когда ему исполнилось пятнадцать лет, преподобный Корнилий призвал его к себе и сказал: «Дорогое мое чадо, ты вполне достоин воспринять иноческое пострижение».

---

[1] *Василий Иоаннович* занимал великокняжеский престол с 1505-го по 1533 год.

[2] Память *преподобного Корнилия Комельского* — 19 мая.

Феофил с радостью ответствовал: «Всего более желает этого душа моя, прошу тебя, святой отче, не медли исполнить это благое и Богоугодное дело».

Сам преподобный Корнилий, наставив блаженного, постриг его в иноки, причем ему дано было имя — Филипп. Для духовного руководства отдали юного инока весьма искусному и благочестивому иноку Флавиану. Прежде всего он научил святого Филиппа грамоте. Господь помог Своему верному рабу. В короткое время Филипп хорошо изучил грамоту и мог быстро читать книги Священного Писания. Много лет подвизался в обители преподобный Филипп, исполняя все послушания. Он то прислуживал в церкви, то работал в пекарне — носил воду и дрова, днем — исполнял разные работы для братии, а ночью молился. Особенно строго он соблюдал пост и подавал пример истинного воздержания. Братия дивились таким подвигам преподобного и стали просить святого Корнилия, чтобы он поставил у них Филиппа пресвитером. Блаженный охотно исполнил их просьбу. Тогда Филипп усугубил свои подвиги, так что иноки еще более стали удивляться его добродетельной жизни. Заметив это, Филипп смутился духом и стал скорбеть.

«Горе мне, — помышлял он в себе, — я уже получил себе награду от людей. Какой мзды мне еще ожидать от Господа в день судный? Нет, горе приносит мне хвала людская».

Желая избегнуть славы, он вознамерился покинуть обитель и направиться туда, куда ему укажет Господь. Об этом он поведал блаженному Корнилию. Святой старец, преподав ему душеполезные наставления, дал ему свое благословение и с миром отпустил из своей обители. Преподобный Филипп начал молиться Пресвятой Богородице: «Услышь меня, скорая Помощница, избавь меня от скорби, которая смущает сердце мое».

Однажды ночью, когда он, по своему обычаю, стоял в монастыре

на молитве и воспевал канон в честь Одигитрии[1], вдруг услышал он голос: «Возлюбленный раб Мой, выйди отсюда и ступай, куда Я укажу тебе».

Святой посмотрел в оконце своей келии и увидел, что на южной стороне сияет великий свет. Он ужаснулся от этого видения и в страхе выбежал из своей келии.

«Это и есть то место, — подумал он, — которое мне указано свыше. Да будет воля Господня».

Возвратившись в келию, он окончил свою молитву и долго размышлял о бывшем ему видении. Когда он утром направился к церкви, снова сподобился услышать глас: «Выйди из этой обители и ступай, куда Я тебе укажу».

После этого святой Филипп в следующую ночь вышел из монастыря, не имея с собой ничего, кроме одежды, какая была на нем, и отправился в дорогу. Он пришел на Кубенское озеро[2] в монастырь Всемилостивого Спаса и отсюда продолжал свой путь, отыскивая себе место, удобное для безмолвия и иноческих подвигов. При этом он питал свою душу такими размышлениями: «Бежим плотской жизни, как некогда народ еврейский бежал от рабства египетского. Уклонимся от сребролюбия, ибо оно корень и начало всякого зла. Да будет Господь моим водителем и наставником!»

Преподобный Филипп пришел на Белоозеро в волость Андогу, стал обходить ту страну и в лесу на берегу реки Андоги[3] нашел одно прекрасное место, тихое и уединенное. «Се покой мой, зде вселюся» (см.: слав Пс. 131, 14), — воскликнул он и обратился с благодарственной молитвой ко Господу.

---

[1] Наименование *Одигитрия*, то есть Путеводительница, было усвоено Смоленской иконе Пресвятой Владычицы нашей Богородицы. Это наименование одни объясняют тем, что эта святая икона сопутствовала греческим императорам в походах; другие объясняют это тем, что святая икона Одигитрии первоначально была в монастыре Путеводителей на берегу Мраморного моря: отправляющиеся в плавание моряки молились пред этой святой иконой. Существует еще третье объяснение: два слепца, по указанию Самой Богоматери, были приведены к этой иконе и получили исцеление. Празднование Пресвятой иконе Божией Матери Одигитрии 28 июля.

[2] *Кубенское озеро* находится в юго-западной части Вологодской губернии.

[3] *Андога* — река в Новгородской губернии.

Истомленный долгой дорогой, преподобный лег под одной развесистой сосной и уснул. Во сне ему явился Ангел Господень и сказал: «Филипп, здесь Господь уготовал тебе место».

Блаженный тотчас же пробудился и стал молиться Пресвятой Троице. Утром на следующий день он отправился к правителю той волости князю Андрею Васильевичу Шелешпанскому. Придя к князю, блаженный стал просить его о том месте, где ему было видение. Князь вместе с блаженным отправился на то место и своим посохом очертил пространство от реки Андоги до Малого Ирапа и позволил блаженному здесь жить. Преподобный обвел то место рвом, устроил себе на берегу реки келейку, вертепец малый (пещерку. — *Ред.*), и начал молиться Господу о спасении души своей.

У князя Андрея был брат князь Иоанн. Когда князь Андрей сказал своему брату о том, что в их волости поселился блаженный Филипп, князь Иоанн, по наваждению диавольскому, сильно разгневался на своего брата и на блаженного Филиппа. При народе и священниках он начал укорять своего брата. «Ты пустил сюда этого человека, а у меня он не спрашивался; вот я поеду к нему, прогоню его оттуда и не позволю ему жить там».

Напрасно князь Андрей вместе со священниками и народом уговаривал брата не делать зла святому человеку. Князь Иоанн еще более рассердился, вскочил на коня и поскакал в пустыню, намереваясь изгнать оттуда святого. Когда князь подъехал к Малому Ирапу, конь остановился и не пошел через ручей. Князь ударил его плетью. Но конь, закусив удила, понесся обратно, примчал князя в село, где он жил, и здесь у церкви Николая Чудотворца сбросил князя, а сам понесся далее и верстах в двух издох. Падая, князь ударился о камень и умер. Князь Андрей похоронил брата и отправился к преподобному Филиппу. Он стал давать пустыннику серебро на помин своего брата. Преподобный же серебра не принял, но попросил землю между ручьями Большим и Малым Ирапом. Князь Андрей охотно исполнил его просьбу: он закрепил за ним всю ту землю, приказав своим крестьянам слушаться преподобного и всячески помогать ему. С этого времени князь Андрей и многие другие стали иметь большую веру к преподобному и просить его молитв и наставлений. Блаженный поставил себе часовню и келию, а потом задумал построить храм во имя Пресвятой Троицы. Многие приходили

к Филиппу помолиться в его часовне. Преподобный поучал их о пользе душевной и говорил им: «Послушайте, отцы и чада: исполним дело благое и полезное для душ наших, построим церковь во имя Святой и Живоначальной Троицы».

Слыша это, народ охотно стал помогать святому. В скором времени, с помощию Божиею и по молитвам святого Филиппа, они построили церковь и украсили ее по мере своих сил. Сам князь Андрей Васильевич пожертвовал в церковь книги и утварь. Наконец, храм этот был освящен, и в нем стали возноситься молитвы и славословия Господу. Вновь возникавшую обитель назвали Красноборской пустыней Филиппа Ирапского[1]. Слава о святом подвижнике стала распространяться, и многие приходили к нему, испрашивая его молитв и назидания. Всех блаженный Филипп поучал, всем давал советы полезные, за всех молился, всех ободрял и утешал.

«Будем жить мирно и кротко, — наставлял святой всех приходивших к нему, — любите родителей своих и почитайте их. Да сохранит вас Бог мира во всяком мире и тишине; любовь имейте ко всем сродникам вашим, ко всем нищим и убогим, ибо они наши ближние; вспомним, что Сам Господь возлюбил нищих. Братия, не станем возноситься, но будем кротки и смиренны, ибо *Бог гордым противится, а смиренным дает благодать* (1 Пет. 5, 5)».

Поучая так других, святой Филипп усугублял все более и более свои подвиги, все время воспевал Боговдохновенные псалмы Дави́да, исполняя в точности все правила иноческой жизни. Особенно он советовал всем читать псалмы: «Внимайте, чада, — говорил он, — что ничто так сильно не прогоняет от нас бесов, как пение песней Давидовых».

Однажды, когда блаженный стоял на молитве в своей келии, вдруг он услышал трубный звук и шум, как бы от воинской рати. Блаженный удивился: «Откуда этот трубный глас? Ведь здесь нет брани».

Между тем нечистый дух, который произвел этот шум, приблизился к святому и сказал: «Нет, брань есть; она ведется против тебя. Если ты не хочешь вести этой брани, то ступай, спи, — и мы не станем воевать против тебя».

---

[1] *Красноборская Троице-Филиппо-Ирапская пустынь*, ныне заштатная, находится в пределах Новгородской епархии в пятидесяти двух верстах от города Череповца.

Святой, сотворив молитву, оградил себя крестным знамением и воскликнул: *Да воскреснет Бог, и расточатся враги Его, и да бегут от лица Его ненавидящие Его, как исчезнет дым, да исчезнут* (Пс. 67, 2–3).

Тотчас вся сила бесовская исчезла. Блаженный Филипп, видя это, воскликнул: «Крепок и силен Господь!»

С тех пор блаженный еще более стал подвизаться в посте и молитвах. Лукавый сам не мог уже более досаждать ему, а начал подучать на него злых людей. Они вооружились на святого мужа и хотели изгнать его от места, указанного ему Богом. Видя, что люди делали ему зло по внушению диавола, святой молился за своих досадителей, говоря: «Не вмени им этого в грех, Господи, и прости им все согрешения».

Тогда другие люди, видя его незлобие и терпение, говорили друг другу: «Вот — святой человек: не помнит злобы и досады, а только молится о своих досадителях».

Однажды диавол в образе монаха подошел к келии святого и стал стучаться. Блаженный сказал: «Сотвори молитву».

Диавол же отвечал: «Ныне и присно и во веки веков».

Тогда святой снова потребовал, чтобы монах произнес молитву, но диавол опять повторил свой ответ. Святой в третий раз приказал монаху произнести молитву, но последовал тот же самый ответ. Святой сказал: «Скажи так: Слава Отцу и Сыну и Святому Духу ныне и присно и вовеки. Аминь».

Бес, услышав это, быстро исчез, как будто его палил огонь.

Тогда святого Филиппа объяло раздумье; он даже думал оставить то место, но услышал глас: «Не смущайся, раб Божий. Пребывай здесь, как я повелел тебе. Тогда сподобишься лицезреть славу Божию и обретешь покой душе своей».

Блаженный Филипп жил одиноким отшельником в Краснoборской пустыне. Слыша о его подвижнической жизни, многие благочестивые люди, иноки и миряне, с разных сторон приходили к нему ради душеспасительной беседы, прося святого поведать им, как спасти душу от греха. Обычными посетителями и собеседниками его были крестьяне Андожской волости. Блаженный с любовию поучал всех простым и кратким, но сильным и задушевным словом, инокам говорил о трех добродетелях, дающих им власть над нечистыми силами, о нестяжании, многом бдении и усиленной молитве, напоми-

нал о том, как жестко и скорбно иго иноческого жития и как жили прежние иноки, навыкшие жестоким житием и молчанием служить Богу; мирским людям внушал любить ближних, особенно помогать нищим и убогим, соблюдать ко всем правду; указывал на силу духа отцов, и на слабодушие нынешних людей, в пример терпения в скорбях ставил святых мучеников и блаженных постников, превзошедших страданиями и лишениями меру естества человеческого и вечно живущих в памяти людей; учил наблюдать за своими мыслями, помышлять о вечном будущем, а не о маловременном настоящем. На вопрос собеседника, почему мы осуждаем других, блаженный отвечал: «Кто осуждает других, тот еще не уразумел себя, не вел борьбы с самим собою». Любопытствовавшим он рассказывал о себе, как он, крестьянский сын, еще в детстве оставшись круглым и беспризорным сиротой, скитался, питаясь Христовым именем, как пришел в обитель к преподобному Корнилию и навыкал иноческому жительству, день проводил на службе монастырской в трудах телесных, а ночью молился до заутрени, кладя по сто поклонов на каждой из восемнадцати ступеней храма, и как поселился на Ирапе.

Однажды некий поселянин, по имени Мелетий, пришел к блаженному Филиппу, прося у него наставления. Питая глубокую веру к святому, Мелетий часто посещал обитель блаженного. На этот раз он остался ночевать у святого Филиппа. До позднего вечера святой все беседовал с поселянином. Наконец, преподобный стал совершать свои вечерние молитвы, а Мелетий, одержимый дремотой, скоро заснул. Около полуночи он проснулся и окликнул блаженного; но его не было в келии. Мелетий открыл оконце, посмотрел по направлению к церкви и видит: святой с воздетыми руками стоит на коленах у церкви и молится; руки его светились, как огненные свечи. Мелетий, затворив окно, стал молиться Пресвятой Троице, дивясь этому видению. Потом он рассказал об этом многим, и слышавшие стали иметь великую веру в блаженного.

Так жил преподобный Филипп пятнадцать лет в своей пустыне, ожидая блаженного покоя и отхода души своей ко Господу, ободряя себя словами: «Терпи, Филипп, мужайся и крепись».

Непрестанно он молился и взывал из глубины своей чистой души: «Боже Вседержителю, умири мир, помилуй и спаси всех православных христиан, подаждь им тишину и благоденствие и очисти

их от всех грехов. Милостив и долготерпелив Ты, Господи, ждешь от нас покаяния и не хочешь смерти грешников. Велика Твоя милость и беспредельно Твое милосердие. И Ты, милостивая Госпоже, Пресвятая Богородица, скорая наша помощница и заступница, моли непрестанно за нас Сына Твоего».

В это время к преподобному пришел инок из Спасо-Каменного монастыря, что на Кубенском озере. Этого инока звали Германом. Пришедший стал просить преподобного Филиппа, чтобы он позволил ему пожить вместе с ним в пустыне.

— Тяжка и прискорбна здесь жизнь, брат, — ответствовал святой на просьбу Германа.

— Терпение, отче, — начало спасения; потерплю о Христе, сколько возмогу, — отвечал тот.

С того времени они начали вместе подвизаться в трудах и молитвах. Видя, как жил многоподвижный пустынник, Герман начал иметь великую веру в блаженного Филиппа, много с ним беседовал, расспрашивал его о прежней его жизни и все, что рассказывал ему о себе преподобный, записывал на память будущим родам.

Долго еще подвизался блаженный Филипп вместе с Германом. Провидя скорую кончину, преподобный однажды сказал Герману: «Прошу тебя, любимый брате мой, не оставляй меня до моей кончины, ибо недолго мне осталось быть с тобою».

С этого времени преподобный усугубил свои молитвы. Блаженная кончина его последовала в ночь на 14 ноября 1537 года.

В полночь Герман, проснувшись, был удивлен необычайным благоуханием, которое распространялось по всей келии. Взглянув на ложе преподобного, он увидал, что Филипп уже предал Господу свою душу. Лицо праведника светилось необыкновенным светом. Герман, не имея сана иерейского, не мог сам предать погребению тело святого Филиппа. По воле Божией утром пришел в ту пустыню священноинок Иов. Вместе с Германом он благоговейно похоронил святого Филиппа. Таково было житие этого преподобного, богатого своим смирением и великого своими подвигами во славу Пресвятой Троицы. Аминь.

ПАМЯТЬ БЛАГОВЕРНОГО
ЦАРЯ ЮСТИНИАНА и ЦАРИЦЫ ФЕОДОРЫ

Святой Юстиниан, император Византии, был славянин: он родился в селении Вердяне, близ города Средца[1], в нынешней Болгарии. Его дядя Юстин, который также был уроженец Вердяны, пешком в одно́м тулупе пришел в Константинополь. Здесь он, благодаря своим природным дарованиям, быстро возвысился, а потом сделался даже императором. В Константинополь он перевел вслед за собой из Вердяны свою жену Лупкиню с ее сестрою Бегляницею, матерью Управды. Этот Управда, по смерти Юстина, и занял Византийский императорский престол с именем Юстиниана.

Император Юстиниан известен в истории своими успешными войнами с врагами Византийской империи, а также изданием полного собрания римских законов. Но, сверх того, он прославился своими заслугами в пользу христианской Церкви и Православия. Так, он предпринял немало забот к распространению христианства и к искоренению язычества. Закрыв языческие школы в Афинах, он повелел, чтобы преподавание наук вели иноки. Язычество более всего подвергалось его преследованиям в самой столице его царства — Византии, а также и в Малой Азии. С целию обращения ко Христу язычников Юстиниан послал в Малую Азию Иоанна, епископа Ефесского, и тот крестил там до семидесяти тысяч язычников, а император построил для обращенных до девяносто церквей.

Наряду с распространением христианства Юстиниан радел о сохранении чистоты православной веры. В его царствование продолжали беспокоить Православную Церковь несториане, которые учили, что Христос не был Богочеловеком и что Божество только обитало в Нем, как в простом человеке[2]. Еще более несториан волновали Церковь монофизиты, учившие, что в Иисусе Христе Божеское естество поглотило человеческое. Против этих-то произвольных измышлений человеческого разума Юстиниан составил песнь: «Еди-

[1] *Средец* — теперь София, столица Болгарии.

[2] Основатель ереси был Несторий, Константинопольский патриарх IV века, с 428 по 431 год.

нородный Сыне и слове Божий», которую повелел петь за богослужением[1]. По его же стараниям в 553 году был созван V Вселенский собор для осуждения несторианских мыслей в сочинениях Феодора Мопсуетского, Феодорита Кирского и Ивы Едесского[2] и для прекращения раздоров в Церкви[3].

Ревнитель Православия и благочестия, Юстиниан много заботился о богослужении Православной Церкви и о благолепии храмов, как мест богослужения. В своем своде законов он поместил, между прочим, закон об обязательном повсеместном праздновании праздников Рождества Христова, Крещения Господня и Воскресения, Благовещения Пресвятой Богородицы и других. Кроме того, Юстиниан построил много прекрасных храмов во славу Пресвятой Богородицы, апостолов и других святых. Самым знаменитым созданием Юстиниана считается храм святой Софии, Премудрости Божией, в Константинополе. Построенный еще равноапостольным царем Константином, этот храм при Юстиниане был сожжен во время одного бунта. Благочестивый царь собрал лучших строителей, не щадил золота и денег и соорудил храм на удивление векам по своему величию и красоте.

---

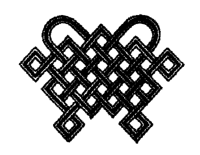
[1] В настоящее время песнь эта поется за литургией пред малым входом.

[2] *Феодор Мопсуетский* — епископ Мопсуетсии — города в области Киликии в Малой Азии; *Феодорит* — епископ города Кирры, в Средней Греции; оба жили в IV веке; последний написал несколько сочинений в опровержение Кирилла, епископа Александрийского, который был противником Нестория. Впоследствии от своих несторианских мыслей Феодорит отказался и умер в мире с Церковью. *Ива*, пресвитер города Едессы, был современником Феодора Мопсуетского и Феодорита Кирского.

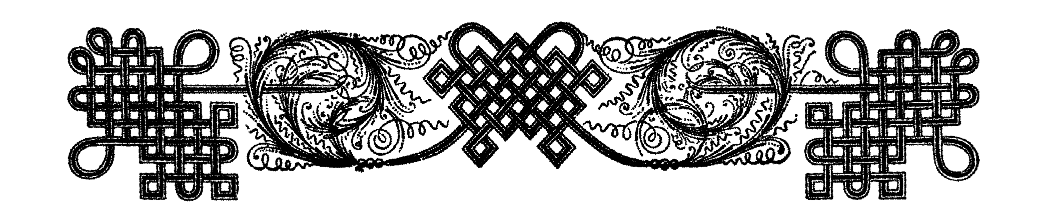
[3] Собор этот был созван по следующему поводу. Монофизиты, после осуждения их на IV Вселенском соборе, возбуждали волнения в Церкви, обвиняя представителей Православия в несторианстве. Основанием для такого обвинения послужило то обстоятельство, что на IV Вселенском соборе не были осуждены несторианские мысли Феодора Мопсуетского, Феодорита Кирского и Ивы Едесского, из отрицания которых (мыслей) выходили сами монофизиты. Чтобы отнять у монофизитов повод к обвинению православных в сочувствии несторианам, и был созван собор для решения вопроса о правоверии указанных отцов. На соборе было произнесено проклятие на учение и лицо Феодора Мопсуетского безусловно; но относительно Феодорита и Ивы осуждение ограничилось только некоторыми их сочинениями; сами же они, как отказавшиеся потом от своих еретических мыслей, не были подвергнуты анафеме.

В своей частной жизни Юстиниан проявлял высокое благочестие. Всегда набожный, он проводил Великий пост в суровом воздержании и молитвах, не вкушал хлеба, а довольствовался растениями и водой, да и то через день и два.

Так, живя в чистоте и благочестии, он царствовал тридцать девять лет и мирно скончался о Господе[1]. За заслуги Церкви и за благочестие он причислен по смерти к лику святых. Вместе с ним причислена к лику святых и его супруга, царица Феодора, которая была сначала грешницей, но потом раскаялась и провела остаток жизни в чистоте и благочестии.



[1] Это было 14 ноября 565 года.

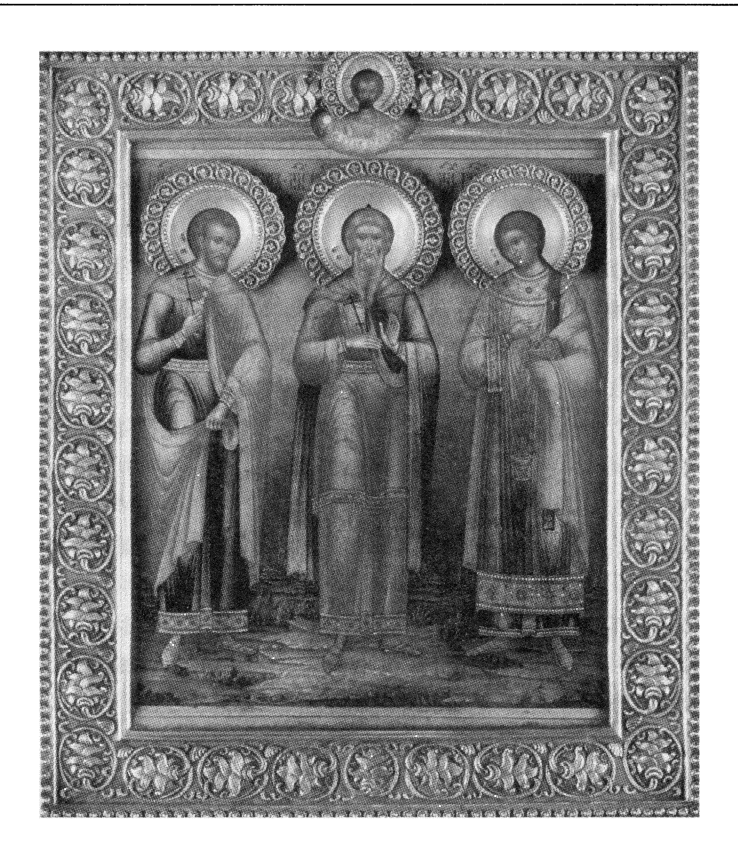


День пятнадцатый

СТРАДАНИЕ
СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ГУРИЯ, САМОНА и АВИВА

Когда на Церковь Божию было воздвигнуто нечестивыми царями Диоклетианом и Максимианом жестокое гонение и она была обуреваема бедствиями, как корабль в бурном море, в то время близ города Едессы[1] жили в уединении, как бы в тихом пристанище, два благочестивых и добродетельных мужа — Гурий и Самон. Воспитанные в самом городе Едессе, они не захотели жить в нем, по причине суеты и беззаконий, господствовавших в городе, но, избегая мира и мирских забот, ушли вон из города и, удаляясь нечестивых людей, стремились к Единому Богу, веруя в Него и усердно служа Ему день и ночь. И не только они сами неуклонно работали Господу, но наставляли к тому и других, кого только могли, и много язычников отвращали от безбожного идолопоклонства и приводили к истинному Богу. Узнав об этом, бывший тогда в Едессе представитель Римских царей, воевода Антонин, приказал немедленно взять их и всех, кто последовал их учению. Взятые язычниками, исповедники Христовы Гурий и Самон и с ними множество христиан содержались до времени под стражею. Затем Антонин, призвав захваченных христиан, приказывал всем подчиниться царскому повелению и принести жертву идолам; но ни один из них не захотел быть отступником от Господа своего. Тогда он приказал подвергнуть их биению; но затем сообразил, что если самих наставников склонить к идоло-

[1] *Едесса* — город в Македонии.



служению, то и другие, смотря на них, легко могут быть склонены к тому же, и, в этих видах, оставил для истязания только предводителей Христова стада, Гурия и Самона; прочих же, подвергнув биению, отпустил по домам, притворно показывая себя милостивым. А двух святых исповедников он призвал к себе на суд и сказал им:

— Великие цари наши повелевают вам, чтобы вы поклонились великому богу Дию[1] и принесли ему курение в его храме.

Самон отвечал на это:

— Не будет того, чтобы мы отступили от истинной веры, за которую ожидаем получить бессмертную жизнь, — мы не поклонимся делу рук человеческих.

Тогда Антонин сказал:

---

[1] *Дий*, или *Юпитер*, — по верованию язычников римлян был высочайшим из богов и отцом богов.

— Повеление царей во всяком случае вы должны исполнить.

— Мы никогда не откажемся от святой и непорочной нашей веры, — отвечал Гурий, — и не уступим злой и пагубной воле человеческой; но мы исполняем волю Господа нашего, Который говорил: *всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим небесным* (Мф. 10, 32–33).

Тогда судия начал угрожать им смертию, если они не подчинятся царской воли. Но святой Самон смело сказал ему:

— Мучитель! Мы, исполняя волю Создателя нашего, не умрем, но жить будем вовеки; а если последуем царскому повелению, то, и не убитые тобою, сами погибнем.

Услышав это, Антонин приказал бросить святых в мрачную темницу.

В то время прибыл в Едессу правитель области Музоний, нарочно присланный царями для предания христиан смерти. Выведя святых мучеников Гурия и Самона из темницы, он поставил их пред собою и сказал им:

— Таково повеление царей всей земли, чтобы вы принесли вино и курение на алтарь Дия; если же не принесете, то я заставлю вас претерпевать различные мучения: посредством ударов раздроблю тело ваше, повесив вас за ноги и руки, разорву все суставы вашего тела; изобрету для вас новые и неслыханные мучения, которых вам не перенести.

На все это святой Самон отвечал:

— Мы более боимся червя неусыпающего и огня неугасимого, уготованного для всех отступников от Господа, нежели тех мучений, какие ты перечислил, ибо Тот, Которому мы приносим духовную жертву, прежде укрепит нас в перенесении мучений и сделает неодолимыми, а затем, избавив нас от рук твоих, вселит нас в светлые обители, где находится пребывание всех веселящихся. Итак, мы не боимся твоей угрозы, потому что ты вооружаешься только против тела, но не можешь повредить душе, которая, пока живет в теле, до тех пор все более очищается и просвещается наносимыми телу страданиями. *Если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется* (2 Кор. 4, 16). *Посему... с терпением будем проходить предлежащее нам поприще* (Евр. 12, 1).

Правитель сказал снова:

— Оставьте свое безрассудство, послушайтесь моего совета и, отступив от своего заблуждения, исполните царское повеление, ибо вам не перенести тех мучений, какие я приготовил для вас.

Святой Гурий отвечал:

— Мы и не заблуждаемся, как ты думаешь, и не послушаемся твоего безумного совета и не подчинимся царской воле. Не будем настолько малодушны и безумны, чтобы убояться твоих мучений и прогневать Господа нашего. Мы — рабы Того, Кто, являя нам богатство Своей благости, положил душу Свою за нас; как же и нам не стоять за Него, даже до крови? Станем мужественно, укрепляемые Христом Иисусом, станем непоколебимыми при всех вражеских ухищрениях, станем, пока не низложим врага, восстающего на нас.

Видя их непоколебимость в вере, мучитель приступил к истязаниям. Он велел повесить святых, связав руку одного с рукою другого и привязав к ногам их тяжелый камень. В таком положении они терпеливо висели от третьего до восьмого часа; в это время правитель производил суд над другими.

После этого он спросил святых, соглашаются ли они подчиниться царскому повелению, чтобы освободиться от истязания; но они неизменно продолжали исповедовать истинную веру. Тогда мучитель приказал отвязать их и бросить в темницу, крайне тесную, в которой и свет дневной никогда не показывался, и куда ветер не проникал. В такой темнице они пробыли с 1 августа до 9 ноября; с забитыми в дерево ногами, они претерпевали жестокие страдания, голод и жажду и, несмотря на то, не переставали возносить благодарение Богу.

После столь тяжкого и долговременного пребывания в темнице они снова выведены были на суд к правителю. Святой Гурий был уже едва жив, изнемогая от многих стеснений в темнице, от великого голода и жажды; а святой Самон казался крепким. Правитель спросил их:

— Не наскучило ли вам быть столько времени в темнице, и не переменили ли вы своего ожесточенного сердца, чтобы послушать здравого совета и, почтив наших богов, освободиться от настоящего тяжелого положения?

Святые отвечали:

— Что говорили мы тебе прежде, то и теперь говорим: не отступим от Господа нашего Иисуса Христа; мучай нас, как хочешь.

И вот мучитель велел отвести святого Гурия как больного, в темницу, ибо он не хотел тогда мучить его, чтобы не ускорить его смерти и не потерять через это надежды когда-нибудь склонить его к своему нечестию; святого же Самона приказал повесить за одну ногу, вниз головою, а к другой ноге привязать железную тяжесть. В таком положении он висел со второго часа дня до часа девятого. Стоявшие кругом его воины, из сочувствия к нему, увещевали его подчиниться царскому повелению и избавить себя от тяжкого мучения. Он же ничего не отвечал им, но из глубины сердечной молился Богу и вспоминал от века бывшие чудеса Его:

— Господи Боже мой, без воли Которого ни одна птица не попадет в сеть (ср.: Мф. 10, 29), Ты Давидово сердце в скорби распространил (см.: Пс. 4, 2), и пророка Даниила сильнее львов показал (см.: Дан. 6–18; 14, 32). Ты отрокам Авраамовым даровал быть победителями мучителя и пламени (см.: Дан. 3) и ныне Ты, Владыка, ведающий немощь естества нашего, виждь брань, восстающую на нас; ибо тщится враг отторгнуть от Тебя достояние Твое; но Ты, благосердым Твоим оком призрев на нас, соблюди в нас неугасаемый светильник Твоих заповедей, светом Твоим направь стопы наши (см.: Пс. 39, 3) и сподоби нас наслаждаться блаженством небесным, ибо благословен Ты во веки веков.

Когда страдалец молился так, один скорописец записывал слова его. Затем правитель велел отвязать Самона. Но он не мог стоять на ногах, потому что суставы в коленах и бедрах его вышли из своих мест. Тогда, по повелению мучителя, святого отнесли в темницу и положили возле святого Гурия.

19 ноября правитель Музоний, встав с пением петухов[1], пошел в палату, где он производил суд, в преднесении свечей и предшествии оруженосцев, и, с надменностию сев на судилище, приказал привести к себе Гурия и Самона. Святой Самон шел посреди двух воинов, опираясь на них обеими руками и хромая, ибо ноги его вытянулись

[1] Выражение «пение петуха» употребляется для определения времени. Оно означало одну из четырех страж времени, на которые делилась ночь, и именно третью стражу, то есть ту, которая была на равном расстоянии от полночи до утренней зари.

в суставах своих, когда он висел; святого же Гурия несли, так как он совсем не мог ступать; ноги его, вследствие того, что были сдавлены в дереве, покрылись ранами и согнулись. Взглянув на святых, правитель начал говорить:

— Вы имели довольно времени для обсуждения того, что лучше избрать — жизнь или смерть. Скажите же, на что вы согласились? Достаточно ли вам прежних истязаний и надумали ли вы исполнить повеление царей, чтобы остаться еще в живых и насладиться благами мира?

На это святые отвечали:

— Мы обсудили и избрали то, что нам послужит на пользу, — избрали смерть за Христа, пренебрегши жизнью в суетном мире; довольно для нас и минувшего времени, в которое мы насмотрелись на дневной потухающий свет; души наши желают теперь перейти к немеркнущему дню.

Правитель сказал:

— Тяжело моим ушам слышать ваши сопротивные речи; вкратце даю вам полезный совет: положите фимиам на алтарь Дия, и идите домой; если же не положите, то сейчас же велю отсечь вам головы.

— Говорить нам много нет надобности, — отвечали святые, — вот мы пред тобою; что хочешь делать, — делай не откладывая, ибо мы не перестанем утверждать, что мы — рабы Господа нашего Иисуса Христа, Ему Единому поклоняемся и идолопоклонство отвергаем.

Тогда правитель сделал распоряжение, чтобы они были усечены мечом. Святые же, услышав об этом, возрадовались великою радостию, что скоро разрешатся от тела и пойдут к Господу своему. Правитель велел исполнителю казни положить мучеников на колесницу, отвезти далеко за город и там обезглавить их. Святые выведены были из города через северные ворота; никто из граждан не знал об этом, ибо все были объяты глубоким сном. Привезя святых на одну гору, находящуюся в окрестностях Едессы, воины остановились и велели исполнителю казни обезглавить мучеников. Сойдя с колесницы, святые попросили себе немного времени для молитвы и, горячо помолившись, сказали, наконец:

— Боже и Отче Господа нашего Иисуса Христа, приими в мире души наши!

Обратясь к исполнителю казни, святой Самон сказал:

— Исполни, что тебе повелено.

Тогда, при рассвете дня, исповедники, преклонив свои святые головы под меч, были обезглавлены и так скончались. Верующие, узнав о кончине святых мучеников, взяли святые мощи их и похоронили с честию[1].

По прошествии значительного числа лет нечестивый царь Ликиний[2], отделившись от Константина Великого, воздвиг в Никомидии гонение на христиан. Таким поступком он нарушил договор, какой заключил с ним Константин. Отдавая замуж за Ликиния свою сестру и назначая его соучастником в управлении Римским государством, Константин положил такого рода условие, чтобы Ликиний, хотя он и язычник по вере, не делал никакого притеснения христианам, но предоставил каждому жить по своей вере, так что, кому какая вера нравится, тот и держался бы ее невозбранно. Однако Ликиний, не сдержав этого договора, и воздвиг гонение в восточных странах на христиан и множество верующих предавал смерти различными способами. В это время в вышеупомянутом городе Едессе, в котором прежде пострадали святые мученики Гурий и Самон, жил один диакон, по имени *Авив*, который, ходя по всему городу из дома в дом, учил людей святой вере и убеждал быть мужественными в исповедании Христа. Своею проповедию святой Авив неверующих обращал ко Христу, а верующих увещевал жить богоугодно. Узнав о нем, градоначальник Лисаний писал царю Ликинию, донося ему об Авиве, что он весь город Едессу наполнил христианским лжеучением; при этом спрашивал, какое относительно него будет повеление. Лисаний писал царю собственно для того, чтобы получить от него право на мучение христиан, ибо ему еще не было поручено делать какое-либо насилие христианам. Царь немедленно отписал ему, чтобы он предал Авива смертной казни. Получив от царя такое повеление, Лисаний приказал отыскать святого Авива, для предания на мучение. Авив жил тогда в одной части города, в неизвестном доме, вместе с ма-

---

[1] Мученическая кончина святых Гурия и Самона относится к 293 по 306 год. Мощи и церковь во имя святых мучеников Гурия, Самона и Авива видел в Константинополе в 1200 году русский паломник Антоний.

[2] *Ликиний* — правитель восточной половины империи с 307 по 324 год, когда он, по повелению Константина, был убит.

терью и родственниками своими, стараясь о распространении святой веры, которую тайно насаждал там, где не мог делать этого явно. В то время как воины по всему городу искали блаженного Авива, он, узнав об этом, вместо того, чтобы скрываться, выйдя из дома, отыскивал искавших его воинов, чтобы самому отдаться им в руки. Встретив в одном месте военачальника, по имени Феотекна, он сказал ему:

— Вот тот, кого вы ищете: ибо я — Авив, которого приказано отыскать вам; возьмите же меня и ведите к пославшему вас.

Феотекн, кротко взглянув на него, сказал:

— О человече, пока еще никто не заметил, что ты подошел ко мне, отойди и скройся, чтобы кто другой из воинов не увидел тебя и не захватил.

Авив отвечал:

— Если ты меня не возьмешь, то я сам пойду и явлюсь к градоначальнику, и исповедаю Христа моего пред царями и владыками.

Услышав это, Феотекн привел его к Лисанию. Тот спросил его о роде и имени. Святой прежде всего объявил, что он — христианин; затем, сказав свое имя, сообщил, что родом он из села, называемого *Фелсея*. Лисаний принуждал его принести жертву идолам и старался, то угрозою, то ласкою, отвратить его от Христа и склонить к идолослужению, а он, как бы столп непоколебимый и стена нерушимая, оставался тверд в исповедании Христовом. Мучитель, не имея возможности привести его к своему нечестию словами, начал принуждать его к тому делом; велел повесить его и строгать его тело железными когтями. После этого опять уговаривал его поклониться идолам и принести курение на алтарь языческих богов. Но святой твердо отвечал:

— Ничто меня не отлучит от Бога моего, хотя бы ты назначил мне в десятки тысяч раз более лютые мучения.

Мучитель спросил его:

— Какая вам, христианам, польза от тех мук, какие вы терпите за Бога вашего, и какая вам прибыль от того, что тела ваши раздробляются на части и вы самовольно избираете себе горькую смерть?

Мученик отвечал:

— Если бы захотел ты, мучитель, на самом деле обратиться к надежде обещанных нам от Бога нашего воздаяний, то, без сомнения,

сказал бы то, что некогда сказал апостол Господень: *Нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас* (Рим. 8, 18).

Мучитель посмеялся на слова мученика, как бы на безумные, сам будучи безумным; затем, видя, что не может отвратить доблестного страдальца от Единого истинного Бога, осудил его на сожжение.

За городом был разведен большой огонь, и мученика повели на место казни. Он же шел, радуясь о том, что будет жертвою и всесожжением Богу. За ним следовали мать и родственники его; он утешал и увещевал их не скорбеть о нем, а напротив, — радоваться, что он идет ко Христу и будет молить Его о них. Придя к огню он помолился, дал матери своей и всем знаемым последнее целование, вошел в пламень и тотчас предал дух свой Господу. Когда огонь погас, мать, с прочими верующими, нашла тело святого сына своего неповрежденным от огня и, взяв его, помазала миром и погребла при гробе прежде пострадавших святых мучеников Гурия и Самона, ибо и святой Авив пострадал в тот же день (по прошествии значительного числа лет), в который прежде пострадали и те святые[1]. Когда же гонение прекратилось и воссияла православная вера, христиане соорудили церковь во имя трех святых мучеников и в ней положили, в одной гробнице, святые мощи их, источающие исцеления болящим и совершающие многие чудеса. Из них воспомянем здесь одно, преславно совершившееся, чудо.

Некогда двинулся с востока на Греческое царство нечестивый варварский народ, живший близ Персии и называвшийся *ефалитами*[2], и, завоевав много городов, дошел до самой Едессы, с намерением взять и разрушить его, как разрушил и прочие города. И вот греческие цари, желавшие защитить город от врагов и освободить его от осады, собрали множество своих воинов и послали их на помощь Едессе. Войдя в Едессу, греческие войска оставались в нем значительное время, защищая город от варваров. Был в греческом войске один воин, по происхождению готф[3]. Случилось ему в Едессе

---

[1] Мученическая кончина святого Авива последовала в 322 году.

[2] *Ефалиты* — так называлось племя гуннов, живших в нынешних Мерве и Афганистане.

[3] *Готфы*, или *готы*, — самое восточное и многочисленное германское племя, обитавшее в придунайской низменности.

жить в доме некоторой целомудренной вдовицы, по имени Софии, имевшей единственную дочь, именем Евфимию, которую она берегла как зеницу ока, соблюдая в девстве и поучая благим нравам и страху Божию. София старалась скрыть ее от человеческих глаз, потому что она была очень красива лицом; она скрывала ее в особой комнате, чтобы не видал ее глаз мужчины. Во время продолжительного пребывания готфа в доме этой вдовы случилось ему однажды увидеть эту отроковицу. Пораженный ее красотою, он воспламенился к ней страстию и только и думал, как бы прельстить ее. Приступив к матери, он начал просить ее, чтобы отдала за него дочь свою, и, хотя имел на родине жену и детей, но скрыл это, притворяясь, будто не женат, чтобы получить желаемое. Однако мать отказывала ему:

— Не отдам единственной дочери своей в чужую землю; ты — человек пришлый, — отведешь в свою землю дочь мою, а я останусь без нее в большой печали, потому что у меня нет другого детища, которым могла бы утешаться во вдовстве своем, кроме нее одной; не отдам ее тебе, ибо жить не могу, не видя лица ее.

Тогда готф, придя в ярость, начал угрожать ей.

— Если ты, — говорил он, — не отдашь дочери своей, то не выйду отсюда, пока не наведу на тебя многих бедствий и не подвергну тебя самому крайнему горю; ведь я воин и легко могу причинить тебе зло, какое только захочу.

Вдова же, хотя и была одна и не было никого, кто бы пришел к ней на помощь, смело возражала ему. После этого воин опять то ласково просил ее, то опять приходил в ярость, и, то просьбами, то угрозами, склонял вдовицу к тому, чтобы она отдала за него свою дочь. Таким образом он докучал ей все время, пока жил там. Предлагал он ей и некоторые подарки, ибо был не беден: покупал для нее и дочери ее золотые украшения и дорогие одежды, чтобы получить то, чего желал; вдовица же и даров не принимала, и от самого его уклонялась, а девицу укрывала с еще большею опасливостью, чтобы не видел ее этот беззаконник. Однажды она сказала ему:

— Я слышала, что ты у себя на родине имеешь жену и детей.

Он же, побеждаемый желанием владеть отроковицею и не имея страха Божия, начал клясться и божиться, говоря, что никогда не был женат и что ее дочь хочет иметь женою и сделать ее госпожою

над всем своим имением. Тогда вдова София, поверив, наконец, склонилась к его просьбе и согласилась выдать за него дочь свою Евфимию. Воздев руки к Богу, она сказала:

— Владыко, Отче сирот и Судия вдовиц, призри милостиво на создание Свое и не оставь этой отроковицы, вступающей в брак с неизвестным мужчиною. Не презри моего сиротства и не оставь меня беспомощною, ибо, надеясь на Твой благий промысл, я выдаю свою бедную дочь за человека пришлого и Тебя делаю свидетелем и поручителем его клятв и обещаний.

Отроковица была выдана за этого готфа, и, по заключении брака, они мирно зажили. Евфимия зачала, и, прежде чем ей родить, неприятели отступили от города ни с чем, ибо не могли овладеть им, вследствие того, что бывшие в городе войска мужественно защищали городские стены и вели с врагами упорную борьбу, особенно же вследствие того, что город охраняли молитвы святых мучеников Гурия, Самона и Авива. Когда враги отступили, греческим войскам нужно было возвратиться домой, и этот готф также заспешил к себе на родину. Мать, неутешно рыдая о разлуке с своей дочерью, пыталась взять ее у готфа, не давая ему везти ее в чужую землю, но не могла расторгнуть супружеского союза, скрепленного законом. Когда уже лукавый зять собрался идти с супругою в путь, София привела его и дочь свою в церковь святых страстотерпцев Гурия, Самона и Авива и, поставив пред гробницею мучеников, сказала зятю:

— Не доверю я тебе своей дочери, если не дашь мне в поручители этих святых, пострадавших за Христа: возьмись же за святую раку их и поклянись мне, что не сделаешь дочери моей никакого зла, но будешь беречь ее с должной любовью и уважением.

Готф, считая то делом неважным, тотчас безбоязненно взялся за честную раку святых мучеников и сказал:

— От рук ваших, святые, принимаю эту отроковицу и вас беру поручителями и свидетелями пред матерью ее, что никакого зла не сделаю этой моей супруге, никогда не оскорблю ее, но буду хранить ее с любовию и почитать до конца.

Так говорил готф, причем, беззаконник еще и Богом клялся, не думая и не боясь того, что *Бог, отмщений Господь*, воздаст ему по де-

лам его и погубит его за лукавство. Мать, по выслушании клятвы своего зятя, возопила к святым мученикам:

— Вам после Бога, о святые мученики, поручаю свою дочь и через посредство вас отдаю ее этому пришлому человеку.

Таким образом, помолившись, они дали друг другу любезное целование и разошлись: вдова София возвратилась к себе домой, а готф с Евфимиею пошел в путь, причем находившегося при нем раба он отпустил от себя, чтобы эта тайна не сделалась известною в доме его.

Когда они, пройдя весь путь, достигли отечества готфа и были уже близ дома его, он с большою жестокостью восстал на жену, как враг; забыв любовь к ней и пренебрегая клятвами, снял с нее дорогие одежды и золотые украшения и одел ее бедно, как пленницу и рабу, и, обнажив меч, дал ей такой наказ:

— Если хочешь быть в живых, то, войдя в мой дом, никому не говори ничего о том, что было между нами, а говори, что ты — пленница, ибо я имею в своем доме жену и детей; ты же будь моей жене рабой и повинуйся ей во всем, как своей госпоже; а если объявишь ей или скажешь кому из моих родственников, что я женился на тебе, то увидишь мой меч на шее своей и умрешь.

Увидев себя обманутою и оскорбленною злым варваром и услышав угрозу его, Евфимия сказала ему:

— Это ли любовь твоя? Это ли исполнение твоих обещаний? Таковы ли были твои клятвы и таково ли было у тебя намерение, чтобы меня, твою супругу, сделать пленницей, и свободную — рабой? Из-за тебя я оставила свою мать, сродников и отечество и прилепилась к тебе нелицемерною любовию, доверяя твоим словам, которые ты подтвердил клятвами, а ты воздаешь мне за любовь ненавистью, и, вместо мужа и друга, стал мне варваром, врагом и мучителем, заведшим меня в чужую землю, чтобы погубить.

Сказав это, она возвела очи к небу и, подняв руки, воздыхая из глубины сердечной и горько плача и рыдая, возопила к Богу:

— Боже родителей моих, посмотри на бедствие мое, услышь мое воздыхание и вонми гласу молитвы моей! Посмотри, что́ делает со мною этот клятвопреступник, и избавь меня от злых бедствий, по молитвам святых Твоих угодников, пострадавших за Тебя. О святые

мученики Гурий, Самон и Авив! Вас ныне призываю: помогите мне, впавшей в неожиданное бедствие, ибо, на вас надеясь, пошла я с этим готфом; будьте же вы ему отмстителями за меня и избавьте меня от беды.

Когда она так горько рыдала и молилась тайно в сердце своем, вошли они в дом готфа. Жена его, увидев Евфимию и заметив красоту ее лица, взволновалась ревностию, ибо заподозрила, что муж ее находился с нею в беззаконном сожитии, и спрашивала мужа.

— Что это за девица и откуда ты привел ее?

Тот отвечал:

— Это — пленница; я привел ее из Едессы, чтобы она была тебе рабой.

Жена сказала:

— Красота лица ее обличает в ней не рабу, а свободную.

Муж ответил:

— Хотя она в своей земле и была свободной, как это показывает вид ее, но теперь она — раба твоя.

Евфимия, будучи не в состоянии от страха ничего сказать, молчала и повиновалась жене готфа, служа ей, как раба своей госпоже; она не знала, что бы такое сделать, что могло бы избавить ее от обрушившихся на нее бедствий. И жила она, проходя служение рабыни, всегда имея в уме святых мучеников и со слезами взывая к ним:

— Поспешите помочь мне, рабе вашей, святые, поспешите оказать мне милость и не оставьте без внимания совершенного надо мною поругания и обмана.

Госпожа ее, питая в сердце чувство ревности, была очень жестока и безжалостна к ней; приказывала ей делать всякое самое тяжелое дело и различным образом мучила ее. Всего же хуже было то, что она никогда не хотела говорить с ней; к тому же, Евфимия не знала готфского языка и не могла дать госпоже о себе никакого сведения, да и готфа боялась, как бы он не убил ее, в случае, если она что-нибудь расскажет о себе своей госпоже.

По прошествии некоторого времени жена готфа узнала, что Евфимия беременна, и разгорелась к ней еще большею ревностью и восстала против нее с более лютою яростью, возлагая на нее самые изнурительные работы, чтобы таким образом извести ее. По наступлении надлежащего срока Евфимия родила младенца муже-

ского пола, лицом совершенно похожего на готфа, который был ему действительным отцом. Жена готфа, видя младенца, совершенно похожего на своего мужа, исполнилась страшного гнева и стала думать, как бы убить этого младенца. Она сказала мужу:

— Зачем ты запираешься, что не познал этой отроковицы? Ведь вот рожденный ею младенец обличает явно твое дело, потому что он — совершенно твое подобие.

Готф опять стал запираться, говоря:

— Это неправда, я никогда не сожительствовал с нею; ты же имеешь над нею власть и что хочешь делай с нею, ибо она — пленница и раба твоя.

Тогда эта злая женщина замыслила отравить младенца. Спустя немного времени она приготовила смертоносный яд, отослала мать от младенца на какую-то работу, и, когда младенец остался один, влила отраву в уста его — и младенец скоро умер. Мать, возвратившись с работы, увидела младенца, лежащего мертвым, и исполнилась несказанной скорби и терзалась сердцем, в горькой по нем печали. Она не знала, что было причиною внезапной его смерти, потому что никого не было в комнате, когда госпожа влила в уста младенцу яд. Но, приготовляя его к погребению, Евфимия увидела, что из уст дитяти течет яд, и тогда вспомнила она, что госпожа ее однажды угрожала погубить ее вместе с сыном, и догадалась, кто виновница смерти младенца. Однако же она молчала, ничего не смея говорить. Взяв немного шерсти, она отерла ею яд, текший из уст младенца, и спрятала ее у себя, не открывая этой тайны никому. Младенец был предан погребению.

Через несколько дней готф созвал друзей своих на ужин, и Евфимия служила при столе. Когда ей пришло время подавать чашу госпоже, она, желая узнать, действительно ли младенец ее умер отравленный госпожой, взяла ту шерсть, которой отерла уста сына, омочила ее тайно в питье и, затем вынув, выжала в чашу и это питие подала своей госпоже. Та, ничего не зная, испила эту чашу, и, таким образом, несчастие обратилось на голову ее, ибо в ту же ночь жена готфа внезапно умерла, и таким образом, впала в яму, которую сама же выкопала. Наутро готф, встав, увидел жену свою мертвою и пришел в ужас от неожиданной ее смерти; весь дом исполнился плача; сошлись все родственники, друзья и соседи и горевали о ней; затем,

сделав для нее роскошный гроб, торжественно положили в него мертвую. Когда минуло семь дней после погребения умершей, сродники ее вспомнили о девице, приведенной из Едессы, и стали говорить:

— Не иной кто виноват во внезапной смерти нашей родственницы, как только эта пленница, которая всегда была к ней враждебна.

И вот все восстали на Евфимию, и хотели представить ее на суд правителю области, чтобы он мучениями выпытал от нее, как она умертвила свою госпожу, но так как правителя тогда не было дома, то они переменили свое намерение и решили похоронить Евфимию живою вместе с умершею госпожою ее. Открыв гробницу умершей, они посадили Евфимию к трупу, издававшему запах, кишевшему червями и гнившему, — чтобы она умерла там насильственною смертью. Кто может выразить скорбь Евфимии, ее печаль, боязнь и трепет, страх и ужас, рыдание и плач? Пусть кто-либо только представит себе страх живого человека, заключенного во гробнице, вместе с смердящим трупом; страх от мертвеца, зловоние от трупа, тьму и тесноту гробовую, кругом черви, дыхание смерти и несказанное страдание! Находясь в такой крайней беде, Евфимия в горести сердца прилежно возопила к Богу из гроба, как некогда пророк Иона во чреве кита:

— Господи Боже сил небесных, седящий на Херувимах и видящий бездны, Ты видишь горечь сердца моего и тесноту в этом темном и смрадном гробе; Ты знаешь, что ради имени Твоего я отдана была за беззаконного готфа, ибо он клялся Твоим именем, когда брал меня; помилуй же меня ради имени Твоего святого. Ты мертвишь и живишь, низводишь в ад и изводишь (см.: 1 Цар. 2, 6): избавь меня от этой горькой смерти и изведи из этого гроба, как из ада, ибо Ты силен и мертвых воскрешать, — тем более можешь извести из врат смертных меня, живую, но находящуюся близ смерти. Помилуй меня, владыка, ради святых мучеников Гурия, Самона и Авива, излияние крови которых и смерть за Тебя принял Ты, как чистую жертву. О святые мученики! Вас поставил враг мой поручителями пред моею матерью, — итак, спасите меня.

Когда она молилась так в горести своей души, явились три светоносных мужа, сияющих как солнце, — святые мученики Гурий, Самон и Авив, и тотчас смердящий запах в гробнице исчез; Евфимия

ощутила великое благоухание, исходящее от явившихся святых мучеников. Они сказали ей:

— Ободрись, дочь, и не бойся: ты скоро получишь спасение.

Когда святые сказали это, сердце Евфимии усладилось — и от пресветлого видения святых, и от утешительных слов их; исполнившись радости, она забылась и уснула сладким сном. Во время этого сна она была взята из гроба невидимою всемогущею силою Божиею, в один час перенесена в Едессу, в церковь святых мучеников Гурия, Самона и Авива, и положена при честной раке их. Была ночь, и в церкви совершалось обычное утреннее служение, когда она была перенесена сюда. Пробудившись от сна, она снова увидела святых мучеников, которые говорили ей:

— Радуйся, дочь, и узнай, где ты теперь; вот мы исполнили то, что обещали, иди же с миром к своей матери.

Сказав это, они стали невидимы. Евфимия, встав, оглядывалась кругом, где она находится. Увидев церковные стены, иконы, свечи и честную раку святых мучеников и притом еще услышав пение клириков, она убедилась, что находится в Едессе, в церкви поручников своих, святых страстотерпцев Христовых Гурия, Самона и Авива. Тогда она исполнилась несказанной радости и веселия и, обнимая с любовию гробницу святых мучеников, со слезами воздавала благодарение Богу и святым Его за такую, оказанную ей, милость. В чувстве благодарности она говорила: «*Бог наш на небесах и на земле; творит все, что хочет* (Пс. 113, 11), послал с небес и спас меня; благословен Господь, спасающий уповающих на него: *Вечером водворяется плач, а на утро радость* (Пс. 29, 6)». Когда она, с радостными слезами, говорила это и многое другое, услышал ее слова и плач пресвитер и, подойдя к ней, стал спрашивать ее:

— Кто ты такая и отчего так плачешь?

Она начала рассказывать ему все подробно, как она была отдана готфу материю при раке святых, чтó она перенесла от этого клятвопреступника, как вчера была заключена во гробе и как во время молитвы ее явились к ней святые мученики и в один час перенесли ее из Готфской земли в эту их церковь. Пресвитер, слушая это, ужаснулся, дивясь великой силе Божией. Впрочем, он еще не хотел совершенно поверить тому, что она говорила, и спросил ее:

— А кто твоя мать?

Узнав, что мать ее — вдова София, пресвитер тотчас послал за нею, приглашая ее прийти в церковь. Мать, ничего не зная, немедленно пришла и, увидев свою дочь, стоящую при гробнице святых мучеников, одетую в бедные одежды, пришла в ужас от такого неожиданного зрелища; подойдя к ней, она обняла ее и, пав к ней на шею, плакала; плакала и Евфимия, и обе от плача не могли сказать ни слова. Затем, не скоро уняв слезное рыдание, мать спросила ее:

— Как ты оказалась здесь, дочь моя, и почему ты одета в такое скверное рубище?

Тогда Евфимия рассказала ей подробно все, что перенесла в чужой земле от лукавого мужа, как вчера заключена была в гробу и чудесно спасена и перенесена явившимися ей святыми мучениками Гурием, Самоном и Авивом. Слыша все это, мать истаевала сердцем от жалости, и все находившиеся в храме, выслушав рассказанное, очень дивились и прославляли всемогущую силу и милость Божию. Пав пред ракой святых мучеников, мать громким голосом возносила благодарение Богу и святым Его; и пробыли они весь тот день в церкви, молясь и благодаря Бога и с любовью и усердием обнимая и лобызая раку святых мучеников. Поздно вечером мать с дочерью своею с радостью отправилась домой, славя Бога.

Наутро слух об этом чуде прошел по всему городу; отовсюду собрались в дом к вдовице ее родственники и соседи и в ужасе дивились тому, что рассказывала им Евфимия. Все хвалили имя Господне и величали и прославляли помощь святых мучеников.

София с дочерью проводила богоугодно дальнейшие дни своей жизни. Всем рассказывали они о милостиво явленной им силе Божией. Евфимия говорила: «*Десница Господня высока, десница Господня творит силу!* Десница Господня от готфов перенесла меня в Едессу: *Не умру, но буду жить и возвещать дела Господни* (Пс. 117, 16, 17)». Клятвопреступнику же готфу Бог совершил отмщение следующим образом.

По истечении некоторого времени тот самый нечестивый народ, который раньше воевал с греками, соединившись с персами, опять пошел на Греческую землю и пытался взять город Едессу. Ввиду этого в Едессу для защиты его снова было прислано греческими императорами войско. Пришел с этим войском и тот готф, который хитростью и лестью взял у Софии дочь Евфимию. Он ничего не знал

о совершившемся чуде и думал, что Евфимия умерла, заключенная в гробу с мертвою его женою; без смущения пришел он в дом к Софии, как к своей теще. Она, увидев, что он пришел, скрыла Евфимию во внутренних комнатах, а его приняла, показывая вид, будто радуется о прибытии своего зятя. Затем, собрав своих родственников и соседей, она начала при них расспрашивать готфа, говоря:

— Как Бог помог вам совершить отсюда путешествие? Не заболела ли в пути дочь моя, будучи беременною, и как родила? Я много тужила о ней, так как она была беременною, и я боялась, чтобы не приключилось с ней какой беды в дороге.

Тот отвечал:

— Бог, по молитвам твоим, помог нам совершить путь благополучно; дочь твоя здорова: родила мальчика. Она приветствует тебя, и если бы не был неожиданным этот путь, в который нам велено было идти поспешно, то и дочь твоя пришла бы со мною и с младенцем к тебе, чтобы доставить тебе утешение; впрочем, она придет в более удобное время.

Услышав такие слова, София распалилась справедливым гневом на ложь этого злого человека и, разодрав свои одежды, громко возопила:

— Лжец, лукавый человек и убийца, куда ты девал мою дочь?

Сказав это, она вывела Евфимию из внутренних комнат, поставила ее пред готфом и сказала:

— Знаешь ли ты эту девицу, кто она, знаешь ли, куда ты заключил ее, клятвопреступник? Ты смерти предал ее, беззаконник!

Он же, услышав эти слова и увидев Евфимию, затрепетал, сделался безгласен и не мог произнести ни одного слова, как бы мертвый. Тогда родственники и соседи вдовицы, взяли его, затворили в комнате накрепко и остались стеречь при дверях. Мать с дочерью пригласили писца, описали все, что случилось с ними, ничего не опустив из этого предивного чуда, и, отправившись к епископу этого города, блаженному Евлогию, подали ему эту запись; сообщили и о прибытии к ним злого и лукавого готфа. Епископ, по прочтении записи, тотчас взял свой клир и пошел к воеводе, начальствовавшему над пришедшим греческим войском, и приказал прочесть пред воеводою данную ему вдовою и дочерью ее запись, в которой было подробно описано это предивное чудо святых мучеников. Воевода, про-

слушав со вниманием прочитанное, пришел в ужас, дивясь славному чуду, и все находившиеся с ним исполнились страха. Воевода немедленно приказал привести к нему готфа. Представлена была ему и вдова София с дочерью Евфимиею. Снова велел он прочесть во всеуслышание написанную о них запись, ибо во двор воеводы собралось множество народа — мужей и жен. И спросил он готфа, истинно ли то, чтó написано? Готф отвечал, что это истинно и ничего здесь нет ложного. Тогда воевода сказал ему:

— Окаянный убийца! Как ты не побоялся Бога и страшного суда Его и не устрашился клятвы, данной при гробнице святых мучеников, которых сделал ты поручителями и свидетелями своих обещаний? Отчего ты не пощадил отроковицы, которую прельстил своею хитростью? Прими же казнь заслуженную по делам твоим.

Воевода велел отсечь ему голову мечом. Боголюбивый епископ усердно просил воеводу, чтобы он не предавал готфа смерти, но оказал ему милость и оставил его в живых, чтобы тот прославлял величие Божие. Но воевода отвечал епископу:

— Боюсь помиловать сделавшего такое великое злодеяние, чтобы не прогневать святых мучеников, которых оскорбил этот клятвопреступник.

И, по повелению воеводы, готф был обезглавлен. Так получил возмездие этот окаянный человек; Бог же прославился во святых Своих; от нас же, грешных, да будет Ему слава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ЕЛПИДИЯ, МАРКЕЛЛА и ЕВСТОХИЯ

Блаженный Елпидий в царствование Юлиана Отступника был членом Государственного совета. Как христианина, его привели на суд Юлиана, который повелел надеть на него власяную одежду, унизанную гвоздями и смазанную горячею смолою. После этого его начали бить, так что гвозди вонзались в тело блаженного. Мученик мужественно переносил страдания и не соглашался на убеждения отречься от Христа. Тогда его бросили в ров и начали обливать сверху

кипящей водой, от чего тело его покрылось струпьями. Для увеличения мучений, беззаконный правитель приказал смешать смолу, вар и другие подобные вещества, разжечь их и поливать ими загнившие раны мученика, а в рот лить ему горячую смолу. Наконец, святого Елпидия вместе с Евстохием и Маркеллом привязали к диким коням, чтобы они их растерзали. Однако кони не причинили им никакого вреда. Тогда святых избили палками и бросили в огонь, где они предали дух свой в руки Бога Живого.

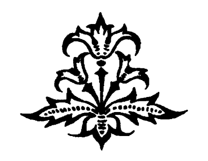
Честные тела их были погребены на Кармильской горе[1] и некоторое время находились там. Но однажды Христос, вместе с ангельскими силами, при блеске молнии и раскатах грома, явился туда и приветствовал святых мучеников. При этом Господь оживил тело святого Елпидия и послал его на новые подвиги. Слух об этих подвигах дошел и до Юлиана. Как только узнал Юлиан, что Елпидий невредим, приказал растянуть тело святого мученика, привязав его к четырем столбам, немилосердно бить, острыми пилами наносить раны и растирать их уксусом и солью. Затем велел разложить тело его на горячие уголья и сверху посыпать горячим пеплом. Когда святой мужественно перенес и эти мучения, его повесили на дерево и стали прикладывать к телу его раскаленный щит, посыпая его пеплом. Во время этих мучений произошло дивное чудо: по молитвам святого, стоявшие неподалеку идолы рассыпались в прах. Видя это, язычники, в числе шести тысяч человек, обратились к вере Христовой. После всего этого святого Елпидия бросили в разожженную печь, где святой предал душу свою Господу, Которого возлюбил измлада[2]. Богу, дивному во святых Своих, честь и слава, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

[1] Гора *Кармил* расположена в средней части Палестины; верхним концом вдается она в Средиземное море, а южным упирается в Самарийские горы.

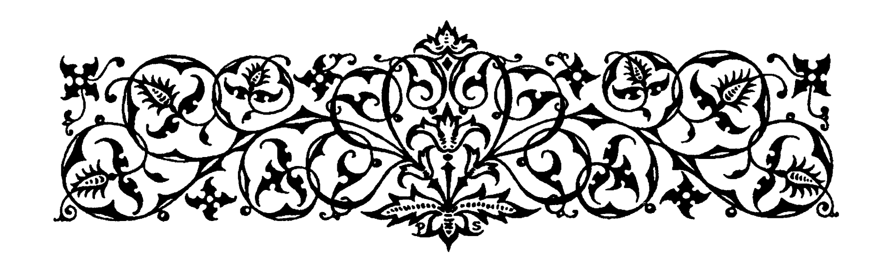
[2] Святые мученики Елпидий, Маркелл и Евстохий пострадали около половины IV века.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА **ДИМИТРИЯ**

Святой мученик Димитрий происходил из селения Дабуда, во Фракии, и пострадал при императоре Максимиане Галерии и его соправителе Максимине. Фракийскому префекту Публию донесли на святого, что он христианин, и, по приказанию префекта, святой был схвачен. На допросе Димитрий смело исповедовал Христа Богом, говорил о Святом Духе и учил о воплощении Иисуса Христа, о Его благости и человеколюбии. Затем обличил душевредное идольское обольщение, показав, как слепы и глухи те, которые разделяют его. Своими речами он сильно прогневал правителя, который приказал отсечь ему голову[1]. Так скончался святой мученик, прияв от Господа небесный венец. Честные мощи святого Димитрия были погребены верными и богобоязненными мужами и источают исцеления всем приходящим к ним.



[1] Это было в 307 году от Рождества Христова.



День шестнадцатый

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО АПОСТОЛА И ЕВАНГЕЛИСТА
МАТФЕЯ

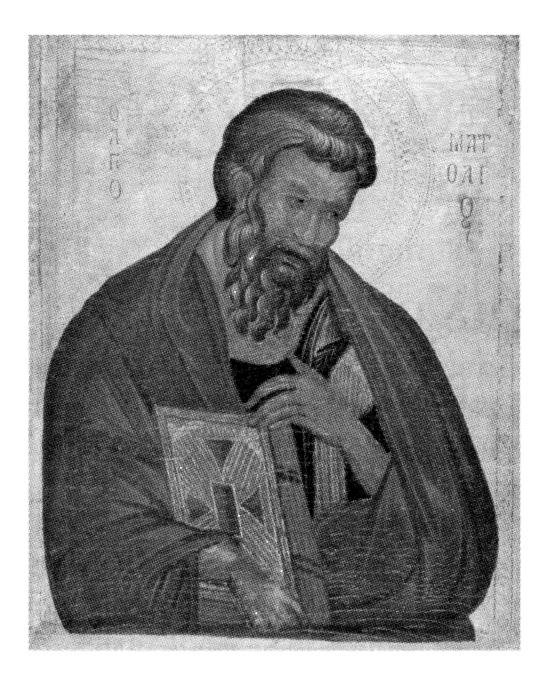
Святой апостол и евангелист Матфей, сын Алфея, иначе называемый Левием (см.: Мк. 2, 14; Мф. 9, 9; Лк. 5, 27), жил в галилейском городе Капернауме[1]. Он был человек состоятельный и занимал должность мытаря[2]. Соотечественники презирали и чуждались его, как и всех ему подобных. Но Матфей, хотя и был грешником, но в то же время был не только не хуже, но и много лучше гордящихся своею мнимою внешнею праведностью фарисеев[3]. И вот Господь

---

[1] *Капернаум* — небольшой город на северо-западном берегу Геннисаретского озера, или Тивериадского моря, принадлежащий Галилее. Ныне развалины этого города известны под названием Тель-Гум.

[2] *Мытарями* назывались лица, назначаемые римлянами для сбора податей с иудеев. Они обыкновенно брали на откуп собирания этих пошлин и употребляли всевозможные меры, чтобы извлечь для себя наибольшие выгоды. Поскольку мытари были корыстолюбивы и служили языческой державе, они считались иудеями за предателей и изменников своей стране и Господу Богу. Грешник, язычник и мытарь — у них значили одно и то же; говорить с ними почиталось грехом, общаться с ними — осквернением, хотя и среди них были добрые и богобоязненные люди.

[3] *Фарисеи* — одна из сект иудейских, появившихся во II и III веках до Рождества Христова. Свое наименование фарисеи (особенные, отделенные) получили от того, что старались отличиться особенною ревностью к закону. С течением времени в качестве дополнений и разъяснений к закону образовалось множество древних преданий, которые относились преимущественно к внешней, обрядовой стороне закона. Придавая всем отеческим преданиям и обычаям божественную важность наравне с законом Моисея, фарисеи составили из себя особый класс людей или общину и для более удобного со-



остановил на этом, всеми презираемом, мытаре Свой Божественный взор. Однажды, во время пребывания Своего в Капернауме, Господь вышел из города и пошел к морю, сопровождаемый народом. На берегу Он увидел сидящего у мытницы[1] Матфея и сказал ему:

— Иди за Мной!

Услышав эти слова Господа не телесным только слухом, но и сердечными очами, мытарь тотчас же встал с места своего и, оставив все, последовал за Христом. Матфей не раздумывал, не удивлялся, что Великий Учитель и чудотворец зовет его, презренного мытаря; он всем сердцем внял словам Его, и беспрекословно пошел за Христом. В радости, Матфей приготовил в доме своем большое угощение. Господь не отрекся от приглашения и вошел в дом Матфея. И собралось в дом Матфея множество соседей его, друзей и знакомых, — все мытари и грешники, — и возлежали за столом вместе с Иисусом и учениками Его. Там же случилось быть и некоторым из книжников[2] и

блюдения отеческих преданий стали чуждаться общения с остальным народом. Последний смотрел на них, как на людей особенных, как на строгих ревнителей закона, заботившихся о поддержании в народе веры и благочестия, и относился к ним с глубоким уважением; но под внешней праведностью и обрядовой ревностью фарисеев скрывалось самое возмутительное лицемерие, самое холодное бездушие и самые безнравственные деяния, что и находило себе достойное обличение в речах Иисуса Христа..

[1] *Мытница* — место сбора пошлин и податей с проходивших по приморской дороге караванов и по морю — лодок с товаром.

[2] *Книжниками* назывались у иудеев люди, сведущие вообще в книжном деле, как то: ученейшие из иудеев, которые объясняли закон и публично учили и наставляли народ в законе, так называемые раввины и законоучители; законоведцы, занимавшиеся решением спорных вопросов, сомнительных случаев и дел, требующих знания закона и практической опытности; писцы и нотариусы, служившие в синагогах и синедрионах. Ученые эти иудеи представляются в Новом Завете осо-

фарисеев. Увидев, что Господь не гнушается грешников и мытарей, но возлежит с ними рядом, они роптали и говорили ученикам Его:

— Как это Он ест и пьет с мытарями и грешниками?

Господь же, услышав слова их, сказал им:

— Не здоровые имеют нужду во враче, но больные. Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию (см.: Лк. 5, 27–32; Мф. 9, 9–13; Мк. 2, 14–17)[1].

С этих пор Матфей, оставив все свое достояние, пошел за Христом (см.: Лк. 5, 28) и, как верный ученик Его, после того уже не отлучался от Него. В скором времени он удостоился сопричисления к лику двенадцати избранных апостолов (см.: Мф. 10; Мк. 3, 13–19; Лк. 6, 13–16). Вместе с другими учениками Господа Матфей сопровождал Его в путешествиях по Галилее и Иудее, внимал Его Божественному учению, видел бесчисленные Его чудеса, ходил с проповедью к погибшим овцам дома Израилева, был свидетелем крестных страданий и искупительной смерти Спасителя и преславного вознесения Его на небо.

После вознесения Господня и сошествия Святого Духа на апостолов святой Матфей сначала оставался в Палестине, вместе с другими апостолами проповедуя Евангелие в Иерусалиме и его окрестностях. Но вот наступило время разойтись апостолам из Иерусалима по разным народам, для обращения их к вере Христовой. Пред отбытием апостола из Иерусалима, иерусалимские христиане из иудеев просили его записать для них дела и учение Иисуса Христа. На исполнение этой просьбы изъявили свое согласие и прочие, бывшие в то время в Иерусалиме, апостолы. И святой Матфей, испол-

---

бенным сословием, различным от фарисеев; но в то же время часто соединяются с фарисеями и поставляются в связь с архиереями. Большая часть их были привязаны к одним преданиям и, не понимая духа закона, ложно толковали его и были слепыми вождями народа, лицемерно лишь исполняя заповеди напоказ, ради славы человеческой, и возлагая на других тяжкие бремена, которые сами не носили.

[1] Таким образом Господь обличает здесь самомнение и самодовольство книжников и фарисеев, которые, держась только внешних обрядов закона и строго по внешности исполняя их, почитали себя праведниками и не чувствовали нужды в покаянии и исправлении. Господь дает им видеть, что внешние обряды и жертвы имеют значение только тогда, когда служат выражением внутреннего чувства, милости, любви к ближним, а без этого они теряют свое значение и могут только прогневлять Бога (см.: Ис. 1, 11–18).

няя общее желание, написал Евангелие, спустя восемь лет по Вознесении Христовом[1].

Удалившись из Иерусалима, святой апостол Матфей проповедовал Евангелие во многих странах. Благовествуя Христа, он прошел Македонию, Сирию, Персию, Парфию и Мидию и обошел всю Эфиопию[2], на которую ему пал жребий, и просветил ее светом разума евангельского. Наконец, наставляемый Духом Святым, пришел он в землю людоедов, к чернокожему звероподобному народу, вошел в город, называемый Мирмены, и там, обратив несколько душ к Господу, поставил им епископом спутника своего Платона и создал небольшую церковь; сам же восшел на находившуюся вблизи гору и пребывал на ней в посте, усердно молясь Богу об обращении того неверного народа. И явился ему Господь во образе прекрасного юноши, имея в правой руке жезл, и приветствовал его. Протянув

---

[1] Евангелие было написано апостолом Матфеем около 41 года по Рождестве Христовом. Это — первая по времени священная книга из всех книг Нового Завета и занимает, потому, между ними первое место. Евангелие было написано на еврейском языке, или на употреблявшемся тогда сиро-халдейском, иначе арамейском наречии, и было предназначено первоначально для палестинских христиан из иудеев. Сообразно с этим, повествования в Евангелии от Матфея направлены преимущественно к тому, чтобы показать, что Иисус есть истинный Мессия, обетованный праотцам еврейского народа, что особенно нужно было показать евреям, уверовавшим во Христа, неузнанного их соотечественниками и распятого. Поэтому в Евангелии от Матфея чаще, чем в других Евангелиях, сносятся и сличаются события из жизни Христовой с ветхозаветными пророчествами и прообразованиями и из всей истории Христа Спасителя избираются повествования особенно важные и нужные для иудеев. Потому же Евангелие свое Матфей начинает родословием Мессии, как сына Давидова и Авраамова, и вообще в своем Евангелии говорит преимущественно о воплощении и человечестве Иисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамова. Эта отличительная особенность Евангелия святого Матфея выражается и на его иконах, на которых он изображается вместе с ангелоподобным человеком, символически характеризующим особенности его Евангелия.

[2] *Македония* находилась к северу от Греции, от северо-восточной области ее Фессалии. *Сирия* — западная область Азии, тянувшаяся от Средиземного моря до Евфрата. Персия находилась в южной части Иранского плоскогорья, между рекой Тигром, Персидским заливом и Каспийским морем. *Мидия* — западная часть Ирана, к югу от Каспийского моря, на границах к западу — с Ассирией и Великой Арменией, к югу — с Персией, к востоку — с Парфией. *Парфия* — большая страна в Азии, к юго-востоку от Каспийского моря и далее на восток до Индийского моря. *Эфиопия* лежала в Африке на юг от Египта, где ныне Нубия и Абиссиния.

правую руку и отдавая святому жезл тот, Он повелел ему сойти с горы и водрузить жезл при дверях устроенной им церкви.

— Жезл этот, — говорил Господь, — силою Моею вырастет в высокое дерево, и дерево то принесет обильный плод, величиною и сладостью превосходящий все другие садовые плоды; а от корня его истечет источник чистой воды. Омывшись в воде источника, людоеды получат благолепие лица, и всякий, кто только вкусит от того плода, позабудет зверские нравы и станет добрым и кротким человеком.

Матфей, приняв жезл из руки Господней, сошел с горы и пошел в город исполнить то, что ему было повелено. У князя того города, именем Фульвиана, жена и сын были одержимы бесами. Встретив на пути апостола, они вопили на него дикими, угрожающими голосами:

— Кто послал тебя сюда с этим жезлом на нашу пагубу?

Апостол запретил духам нечистым и изгнал их; исцелившиеся поклонились апостолу и кротко последовали за ним. Узнав о его приходе, епископ Платон встретил его вместе с клиром, и святой Матфей, войдя в город и приблизившись к церкви, сделал, как ему было повелено: водрузил данный ему от Господа жезл, — и тотчас, на виду у всех, жезл сделался великим деревом, простирающим многолиственные ветви, и на нем появились прекрасные плоды, большие и сладкие, и источник воды истек от корня. Все видевшие это были поражены изумлением; весь город сошелся на такое чудо, и вкушали плоды дерева и пили чистую воду. А святой апостол Матфей, стоя на высоком месте, проповедовал собравшимся людям слово Божие на их языке; и тотчас все уверовали в Господа, и крестил их апостол в чудотворном источнике. И все крестившиеся людоеды, согласно слову Господню, выходили из воды благолепные лицом и белые кожей; они получали не только телесную, но и душевную белизну и красоту, отлагая ветхого человека и облекаясь в нового человека — Христа. Узнав о случившемся, князь сначала порадовался исцелению супруги и сына, но потом, по научению бесовскому, разгневался на апостола за то, что весь народ приходит к нему, оставляя богов своих, и замыслил погубить его. Но в ту же ночь апостолу явился Спаситель, повелевая ему мужаться и обещая пребывать с ним в наступающей скорби. Когда наступило утро и апостол в церкви вместе с верующими воспевал хвалу Богу, князь послал четырех воинов взять его; но когда они пришли к храму Господню, тотчас объяла

их тьма, и они едва могли возвратиться назад. Когда же их спросили, почему они не привели Матфея, — они отвечали:

— Мы слышали, как он беседовал, но видеть и взять его не могли.

Еще сильнее разгневался Фульвиан. Он послал еще более воинов с оружием, повелев им силою привести Матфея, а если кто будет противиться и защищать Матфея, — тех убивать. Но и эти воины воротились ни с чем, ибо когда они приблизились к храму, небесный свет осиял апостола, и воины, будучи не в состоянии смотреть на него, пришли в великий страх и, бросив оружие, прибежали назад полумертвые от страха и рассказали о бывшем князю. Страшно разъярился Фульвиан и пошел со всем множеством слуг своих, желая сам схватить апостола. Но едва он успел приблизиться к апостолу, как внезапно ослеп и стал просить, чтобы ему дали проводника. Тогда он начал умолять апостола простить ему согрешение его и просветить его ослепленные очи. Апостол, сотворив знамение креста на очах князя, даровал ему прозрение. Князь прозрел, но только — телесными очами, а не душевными, ибо злоба ослепила его, и столь великое чудо он приписал не Божией силе, а волхвованию. Взяв за руку апостола, он повел его к своему дворцу, как будто желая почтить его, а в сердце лукаво замышляя сжечь апостола Господня, как волхва. Но апостол, провидя тайные движения его сердца и лукавые замыслы, обличил князя, говоря:

— Мучитель льстивый! Скоро ли ты совершишь то, что замыслил сделать со мною? Делай то, что сатана вложил в твое сердце, а я, как видишь, готов все перенести за Бога моего.

Тогда князь повелел воинам схватить святого Матфея и растянуть на земле лицом кверху, а руки и ноги крепко прибить гвоздями. Когда это было сделано, слуги собрали, по повелению мучителя, множество ветвей и хворосту, принесли смолы и серы и, положив все это на святого Матфея, зажгли. Но когда огонь разгорелся великим пламенем и все думали, что апостол Христов уже сгорел, внезапно огонь охладел и пламя угасло и святой Матфей оказался живым, невредимым и славящим Бога. Видя это, весь народ пришел в ужас от столь великого чуда и воздал хвалу Богу апостола. Но Фульвиан еще более разъярился. Не желая признать в происшедшем Божию силу, сохранившую живым и неповрежденным от огня пропо-

ведника Христова, он возводил на праведника беззаконное обвинение, называя его волхвом.

— Волхвованием, — говорил он, — погасил Матфей огонь и остался в нем жив.

Затем он приказал принести еще более дров, ветвей и хворосту и, положив на Матфея, — зажечь, а сверху поливать смолою; кроме того, приказал принести двенадцать своих золотых идолов и, поставив их кругом огня, призывал их на помощь, чтобы силою их Матфей не мог избавиться от пламени и обратился бы в пепел. Апостол же в пламени молился Господу сил, чтобы Он показал непобедимую силу Свою, явил бессилие богов языческих и посрамил надеющихся на них.

И внезапно пламень огненный с ужасным громом устремился на золотых идолов, и они растаяли от огня как воск, и кроме того, были опалены и многие из стоявших вокруг неверных; а из расплавившихся идолов вышло пламя, в образе змея, и устремилось на Фульвиана, угрожая ему, так что он не мог убежать и избавиться от опасности, пока не воззвал с смиренной мольбою к апостолу об избавлении от погибели. Апостол запретил огню, и тотчас пламень угас и подобие огненного змея исчезло. Фульвиан хотел с честью извести святого из огня, но он, сотворив молитву, — предал святую свою душу в руки Божии[1]. Тогда князь приказал принести золотой одр и на нем положить честное тело апостола, не поврежденное огнем, и, одев его в драгоценные одежды, поднял вместе с своими вельможами и внес в свой дворец. Но он еще не имел совершенной веры и потому велел выковать железный ковчег, плотно залить со всех сторон оловом и бросить в море, причем сказал своим вельможам:

— Если Тот, Кто сохранил Матфея целым от огня, сохранит его также и от потопления в воде, то воистину Он есть Единый Бог, и Ему будем поклоняться, оставив всех богов наших, не могших себя избавить от гибели в огне.

После того как этот железный ковчег с честными мощами был брошен в море, святой ночью явился епископу Платону, говоря:

— Завтра иди на морской берег на восток от княжеского дворца и там возьми мои мощи, вынесенные на сушу.

---

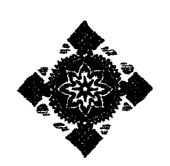
[1] Кончина святого апостола и евангелиста Матфея последовала, по преданию, около 60 года по Рождестве Христовом.

Наутро епископ, в сопровождении множества верующих, отправился на показанное место и нашел железный ковчег с мощами святого апостола Матфея, как было ему возвещено в видении.

Узнав об этом, пришел и князь со своими вельможами и, на этот раз уже вполне уверовав в Господа нашего Иисуса Христа, громогласно исповедал, что Он есть Единый истинный Бог, Который сохранил невредимым раба своего Матфея: как при жизни в огне, так и по смерти — в воде. И припадая к ковчегу с мощами апостола, просил у святого прощения в своих прегрешениях пред ним и изъявил сердечное желание креститься. Епископ Платон, видя веру и усердие Фульвиана, огласил его и, научив истинной святой вере, крестил. И когда возложил руку свою на голову его и хотел наречь ему имя, послышался свыше голос, говорящий:

— Назови его не Фульвианом, а Матфеем.

Приняв, таким образом, в крещении имя апостола, князь старался быть подражателем и жизни апостола: вскоре он, передав другому свою княжескую власть, отказался совершенно от мирской суеты, предался молитве в церкви Божией и епископом Платоном удостоен был пресвитерского сана. А когда, по прошествии трех лет, епископ умер, оставившему власть княжескую пресвитеру Матфею явился в видении святой апостол Матфей и увещал его принять епископский престол после блаженного Платона. Приняв епископство, Матфей добре потрудился в благовестии Христовом и, отвратив многих от идолопоклонства, привел к Богу, а затем и сам отошел к Нему, после долгой богоугодной жизни, и, предстоя со святым евангелистом Матфеем престолу Божию, молит о нас Господа, чтобы и мы были наследниками вечного царствия Божия. Аминь.



День семнадцатый

ЖИТИЕ
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
ГРИГОРИЯ
чудотворца, епископа Неокесарийского

Святой Григорий происходил из славного и великого города Неокесарии[1], от родителей-язычников. В молодых годах он потерял их. Занявшись изучением эллинской премудрости[2], начал он уразумевать и совершеннейшую премудрость, которая состоит в познании Единого истинного Бога: из творений познавал он Творца и старался благоугождать Ему незлобием и целомудренной жизнью. Ознакомившись со святым евангельским учением, он немедленно стал последователем его и, приняв крещение, старался жить по заповедям Христа, в чистоте и нестяжательности, отказался от всей

---

[1] *Неокесария* — нынешний Никсар, знаменитая по своей красоте, уже сравнительно поздно выстроенная столица Понта Полемониака, на севере Малой Азии, на реке Ликусе; особенно известна по происходившему там (уже по смерти святого Григория) церковному собору (в 315 году).

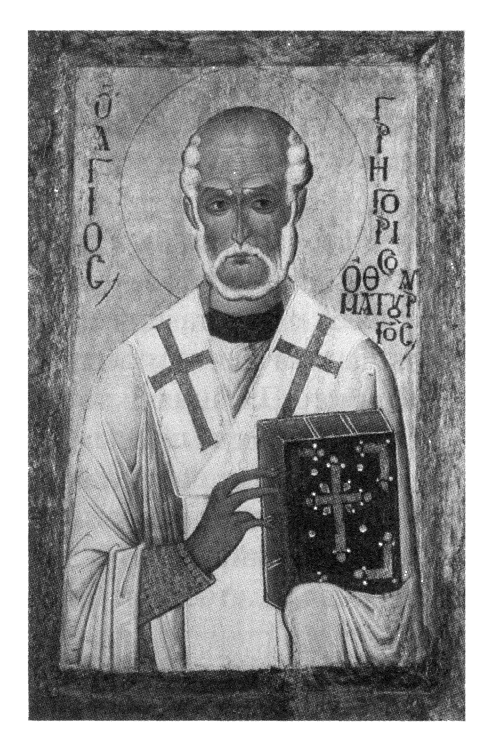
[2] Под *эллинской премудростью* разумеется здесь языческая ученость, языческое образование. Отец святого Григория Неокесарийского был язычник и воспитал сына в язычестве. Отец подготовлял из него адвоката, а потому святой Григорий (в миру Феодор) изучил хорошо законы и тогдашний язык законов — латинский, и решился, наконец, ехать в Рим, чтобы там более ознакомиться с римским правом. Но промысл Божий устроил жизнь его иначе: он должен был вместе с братом сопровождать сестру свою в Кесарию; оттуда он после отправился для изучения законоведения в Берит, а оттуда отправился в славившуюся тогда своей образованностью Александрию.

суеты мирской, богатств, гордости, славы и временных наслаждений. Отказавшись от угождения плоти, Григорий пребывал в великом воздержании, умерщвляя свою волю, и оберегал чистоту своего девства так строго, что в течение всей жизни, от чрева матери до блаженной кончины своей, не познал плотского греха и сохранил себя от скверны, чтобы быть угодным Единому Чистому и Безгрешному, от Безгрешной Девы рожденному, Христу Богу. Предавшись Ему от юности, с помощью Его он преуспевал от силы к силе, от добродетели к добродетели и проходил путь жизни беспорочно: за то возлюбил его Бог и люди добрые, а злые ненавидели.

Когда он, будучи еще юношей, изучал в Александрии философию и врачебное искусство вместе со многими юношами, стекавшимися туда от всех стран[1], то целомудренная и непорочная жизнь его возбудила ненависть его сверстников. Будучи невоздержны и порабощены страстями, они жили нечисто, входя в дома блудниц, как было в обычае у языческих юношей; а святой Григорий, как юноша христианский, уклонялся от этого пагубного пути, избегал нечистоты и ненавидел беззаконие; как крин среди терния[2], так среди нечистых светился он своею чистотою. Многие знали о его чистой и непорочной жизни, и за то многие достойные философы и граждане весьма почитали его и славили; сверстники же, не будучи в состоянии смотреть на юношу, который воздержанием и чистотою превосходил не только юношей, но и старых, замыслили распространить худой слух между людьми, будто и он жил так же нечисто, как и прочие, и тем помрачить ту добрую славу, которою по справедливости он пользовался между людьми. Они научили какую-то блудницу, чтобы она

[1] *Александрия* — знаменитая столица Египта, в то время славилась своей широкой цветущей образованностью. Особенно в то время процветала философия и медицина. Наравне с образованностью языческой, процветала и богословская образованность христианская. Знаменитая александрийская школа, считавшая в своих рядах множество замечательнейших ученых того века, привлекала в свои стены массу слушателей не только из христиан, но и из язычников.

[2] *Крин* — лилия белая — прекрасный цветок из семейства луковичных. Красоту лилии Сам Господь восхваляет и ставит ее выше всех великолепных одежд Соломона (см.: Мф. 6, 28–29; Лк. 12, 27). Поэтому в Священном Писании лилия весьма часто служит образом высоких нравственных совершенств, соответственно этому и здесь добродетельная жизнь юного Григория уподобляется прекрасной лилии, растущей среди терновника, который служит в Писании образом нечестия и греха.



оклеветала и разнесла худую молву о неповинном и чистом сердцем отроке. Однажды, когда святой на виду всех беседовал с достойными философами и первейшими учителями, блудница, наученная сверстниками святого, приступила к нему, бесстыдно прося у него должной платы за совершенный будто бы с нею плотский грех. Это слышали все и удивились; одни соблазнились, считая это за истину, а другие, зная чистоту и непорочность Григория, не дали веры словам бесстыдной блудницы и отгоняли ее. Она же, громко крича, докучала святому, чтобы он отдал плату за совершенное любодеяние. О, как совестно стало святому Григорию, когда такие бесстыдные и несправедливые нарекания женщины явно грешной услышал он в присутствии столь многих честных людей! Как чистая девица, покраснел он в лице; однако, будучи незлобивым и кротким, не сказал блуднице ничего жесткого, нимало не показал гнева, не стал оправдываться или представлять свидетелей своей неповинности, но кротко сказал одному из своих друзей:

— Дай скорее ей плату, сколько требует, чтобы она ушла от нас, не докучая нам более.

Друг тотчас отдал ей, сколько она хотела, искупая неповинного Григория от стыда. Бог же, верный на небесах Свидетель, открыл эту неправду следующим образом. Он допустил духа нечистого к бесстыдной и льстивой блуднице, и когда она приняла в руки неправедную мзду, то сейчас приняла и лютую казнь: ибо бес напал на нее и начал ее мучить пред всеми. Блудница упала на землю, вопила страшным голосом, трепетала всем телом, скрежетала зубами и приходила в оцепенение, испуская пену, так что все предстоявшие исполнились великого страха и ужаса, видя столь скорое и лютое отмщение за неповинного юношу. И не перестал мучить ее бес до тех

пор, пока святой не сотворил о ней прилежной молитвы к Богу и тем отогнал от нее беса. Это послужило началом чудес юного Григория, добродетелям которого дивились и старцы.

У Григория был благоразумный и добронравный друг, по имени Фирмиан, родом из Каппадокии. Открыв ему свою заветную мысль — оставить все и служить Единому Богу, Григорий нашел, что и Фирмиан имеет ту же мысль и желает идти тем же путем. По взаимному совету, оба они оставили мирскую философию, оставили языческие училища и начали учиться христианской премудрости и тайнам Божественного Писания. В то время среди учителей Церкви Христовой славился знаменитый Ориген[1]. Придя к нему вместе с другом своим Фирмианом, святой Григорий стал учиться у него и, пробыв у него довольно времени, возвратился на родину свою, в Неокесарию. Граждане неокесарийские и все знавшие его, видя его великую премудрость, хотели, чтобы он был среди сограждан в почете и принял на

---

[1] *Ориген* — знаменитейший христианский учитель Александрийской Церкви († 254 г.), — чудо своего века по громадности своего ума и глубине учености — в то время был выдающимся катехетом Александрийского огласительного училища. Он воспитал многих замечательных отцов и учителей Церкви, из которых некоторые ему обязаны своим обращением из язычества в христианскую веру, с которой он хотел согласовать знание и философию. Особенно замечательны труды его по изучению Священного Писания, по истолкованию его и особенно по восстановлению и очищению его истинного текста, а также сочинения, направленные к защите христианства против еретиков и врагов христианства. Вообще, он весьма много сделал не только для своего, но и для последующих времен, и все великие учители Церкви IV века относились к Оригену с величайшим уважением и значительно пользовались его сочинениями. Ориген привлекал в огласительное училище массу слушателей, среди которых было множество и языческих юношей, ревностно искавших высшего просвещения. С ним-то и познакомился в Александрии святой Григорий и стал ревностным его учеником. Ориген, по словам самого Григория, заставил его сперва искать разбросанные семена истины в системах философов и пробудил в нем любовь к истине; потом стал излагать начала веры христианской и объяснял святое Писание. После восьмилетнего пребывания у Оригена Григорий принял у него святое крещение и, поблагодарив своего наставника публичным словом, возвратился в свое отечество со скорбью о разлуке с ним. «Я думаю, — так писал Григорий об учителе своем, — он говорил это не иначе, как по внушению Духа Божия: для того чтобы быть пророком и изъяснять пророка, нужна его сила. И никто не может разуметь пророка, если Сам Дух Божий не сообщит разумения Своих слов. Этот человек получил от Бога величайший дар — быть переводчиком слова Бога к людям, разуметь слово Божие, как Бог Сам его употреблял, и изъяснять его людям, как они могут разуметь».

себя обязанности судии и градоправителя. Но Григорий, избегая гордости, пустой славы человеческой и тех многочисленных сетей, которыми враг опутывает мир, оставил свой отечественный город и, поселившись в пустыне, жил в глубоком уединении, для одного Бога — в каких подвигах и трудах, о том знает лишь один *создавый на еди́не сердца* наши и *разумеваяй на вся дела* наши (слав. Пс. 32, 15).

Когда святой Григорий пребывал в пустыне и упражнялся в богомыслии, узнал о нем блаженный Федим, епископ каппадокийского города Амасии, и захотел извести его из пустыни на служение Церкви Христовой, поставить его святителем и учителем: ибо он провидел в нем благодать Божию и то, что он будет великим столпом Церкви и утверждением веры. Святой Григорий также имел дар прозорливости, и, узнав, что епископ хочет взять его из пустыни на служение Церкви, скрывался от него, считая себя недостойным такого сана, и переходил в пустыне с места на место, чтобы не быть найденным. Блаженный Федим прилежно искал его и с мольбой призывал к себе из пустыни, но, не будучи в состоянии разлучить пустыннолюбца с его пустыней и привести в Амасию для хиротонисания, совершил дело по-видимому странное и необычное. Движимый Духом Божиим и распаляемый ревностью по святой Церкви, он не затруднился тем, что не пришел к нему Григорий и что между ними лежит немалое расстояние — от города Амасии до той пустыни, в которой жил Григорий, было три дня пути; не затруднился епископ Федим таким расстоянием между ними и посвятил Григория, находящегося вдали от него, в епископа Неокесарийской церкви. Устремив взор к Богу, он сказал:

— Всеведущий и Всемогущий Боже, призри в час этот на меня и на Григория и сотвори действенным посвящение благодатию Твоей.

Об этом свидетельствует святой Григорий Нисский, описывая житие этого святого[1]; подтверждение этому есть и в минейном каноне, повествующем об этом так: «Божий предстатель ревностию распаляемь, помаза тя Федим не пришедша, отче, Богу всяческая ве-

---

[1] Творения святого Григория Нисского (рус. пер., т. VIII, стр. 143). — Впрочем, святой Григорий Чудотворец принял высшую церковно-иерархическую власть, по свидетельству того же Григория Нисского, лишь по совершении на нем всех узаконенных священнодействий и испросив у избравшего его на епископскую кафедру, святителя Федима, малое время для уразумения в точности таинства веры.

дящему благочестно уповав, и честному твоему житию надеявся, богоглаголиве Григорие»[1].

Так сотворил блаженный Федим Григорию необычное посвящение, и святой Григорий, хотя против желания, повиновался принять церковное управление: ибо как мог он противиться воле Господней? Прежде же всего прибегнул он к молитве, прося помощи свыше на таковое дело.

В то время начинала распространяться ересь Савеллия и Павла Самосатских[2]. Святой Григорий был по поводу ее в недоумении и прилежно молил Бога и Божию Матерь об открытии ему истинной веры. Когда однажды ночью он молился о том особенно прилежно, явилась ему Пречистая Дева Мария, сияющая как солнце, с Иоанном Богословом, облеченным в архиерейские одежды. Указывая рукою Своею на Григория, Пречистая повелела Иоанну Богослову научить его, как подобает веровать в тайну Святой Троицы. И по повелению Божией Матери, святой Григорий был научен святым Иоанном Богословом, в течение малого времени, великим Божиим тайнам и почерпнул из неисчерпаемой глубины премудрости Божественное знание. Слова откровения, сказанные Иоанном Богословом, были следующие:

— Един Бог, Отец Слова живого, Премудрости Ипостасной, Силы и Образа Вечного, совершенный Родитель совершенного, Отец Сына Единородного. Един Господь, Единый от Единого, Бог от Бога, Образ и Изображение Божества, слово действенное, премудрость, объемлющая состав всего существующего, и творческая сила всей твари, истинный Сын истинного Отца, невидимый, нетлен-

[1] Служба святому Григорию, канон, песнь 5, тропарь 2.

[2] *Савеллий* и *Павел Самосатские* неправильно учили о таинстве Пресвятой Троицы. Первый утверждал, что Бог есть одно Лицо: как Отец, Он — на небе, как Сын — на земле, как Дух Святой — в тварях. По учению Савеллия, это только — известные формы, в каких Бог является людям: в Ветхом Завете, как законодатель, является Отцом, в Новом, как Спаситель, явился Сыном и продолжает являться, как освящающий их Дух. Павел Самосатский (по месту рождения), епископ Антиохийский, неправо учил, что Сын и Святой Дух находятся в Боге-Отце, так же как ум и сила (разум и дух) — в человеке. Признавая Христа простым человеком, исполненным Святого Духа и мудрости Божественной, Павел запретил в Церкви Антиохийской петь стихи в честь Иисуса Христа, как Бога, и крестить во имя Его. Последователи этой ереси назывались патрипассианами, так как, не отделяя Лиц Божества, они приписывали воплощение и страдания Богу-Отцу.

ный, бессмертный и присносущный Сын невидимого, нетленного и присносущного Отца. И Един Дух Святый, Который имеет существо от Отца и явлен людям через Сына, Совершенный Образ Совершенного Сына, Жизнь, Причина всего живого, Источник Святый, Святыня, подающая освящение, в Котором открывает Себя Бог Отец, Иже над всеми и во всем, и Бог Сын, Иже через всех, Троица совершенная, славою, вечностью и царством, неразделяемая и неотчуждаемая. Итак, в Троице нет ничего сотворенного, или служебного, или привнесенного, как бы прежде не бывшего, а впоследствии привзошедшего. Итак, ни в чем у Сына не было недостатка пред Отцом и у Святого Духа пред Сыном, но непременна и неизменна есть всегда та же Троица.

После этого видения святой Григорий записал своею рукою слова, сказанные ему святым Иоанном Богословом, и это писание его было хранимо в Неокесарийской Церкви в течение многих лет[1].

После того святой Григорий направился в Неокесарию. Тогда вся Неокесария пребывала во тьме идолопоклонства; великое множество идолов и храмов идольских было в этом городе. Ежедневно приносились многие жертвы идолам, так что весь воздух был полон смрада, исходившего от закалываемых и сожигаемых в жертву животных, и лишь всего семнадцать человек верующих было в столь многолюдном городе.

Когда святой Григорий шел в Неокесарию, на пути ему пришлось проходить мимо одного идольского храма. Был вечер, и надвигался сильный дождь; по необходимости святому и спутникам его пришлось войти в этот идольский храм и в нем заночевать. В храме том

---

[1] Святой Григорий Нисский, рассказав о чудесном происхождении этого Символа веры, прибавляет: «Если кто хочет увериться в том, пусть выслушает Церковь, в которой он проповедовал и в которой доныне хранится подлинник, писанный блаженною рукою». Блаженная Макрина, бабка Василия Великого и Григория Нисского, слушавшая самого чудотворца, принесла символ его в Каппадокию и учила по нему внуков, в том числе и Василия Великого. Григорий Богослов также руководствовался этим символом. Руфин поместил его в своем переводе церковной истории Евсевия Кесарийского. И V Вселенский собор (523 г.) одобрял его. — Символ Григория Чудотворца представляет собой один из самых драгоценных памятников древности. Он не пространен, но заключает точное учение о Трех Лицах Божества, о Их единосущии, Личных качествах и действиях по отношению к человеку, — и потому вполне достоин точного изучения.

было много идолов; в них жили бесы, которые являлись своим жрецам и беседовали с ними. Проведя там ночь, святой Григорий сотворил обычные свои полуночные и утренние песнопения и молитвы и знаменовал крестным знамением воздух, оскверненный бесовскими жертвами. Устрашившись крестного знамения и святых молитв Григория, бесы оставили свой храм и идолов, и исчезли. Утром святой Григорий с друзьями своими двинулся в дальнейший путь, а идольский жрец вошел в храм, по обычаю своему желая принести жертву бесам, но не нашел бесов, ибо они оттуда бежали. Не являлись ему бесы и тогда, когда он стал приносить им жертвы, — как прежде они обыкновенно являлись: и недоумевал жрец, по какой причине его боги оставили храм свой. Усердно молил он их, чтобы возвратились они на свое место, а они издалека вопили:

— Не можем мы войти туда, где был в прошлую ночь странник, который шел из пустыни в Неокесарию.

Жрец, слыша это, поспешил за Григорием, настиг его, остановил и с гневом стал кричать на него, упрекая его в том, что он, будучи христианином, дерзнул войти в храм богов их и что боги из-за него возненавидели это место и удалились; грозил ему судом царским, намереваясь тотчас насильно вести его к мучителям. Святой Григорий, кроткими и мудрыми словами утоляя гнев жреца, сказал наконец:

— Бог мой так Всемогущ, что и бесам повелевает, и мне дал такую силу над ними, что они и против воли послушают меня.

Жрец, услышав это, укротил свой гнев и умолял святого, чтобы он повелел богам языческим возвратиться в их храм. Святой, вырвав из своей книжки небольшой листок, написал на нем такие слова: «Григорий — сатане: войди» — и подал этот листок жрецу, повелевая ему положить его на алтаре скверных богов его. И тотчас возвратились бесы в храм и беседовали с жрецом, как и раньше. Жрец ужаснулся, удивляясь Божественной силе святого Григория, с помощью которой он словом повелевает бесам и те слушают его; поспешил снова за ним, настиг его, когда тот еще не дошел до города, и спрашивал, откуда имеет он такую силу, что языческие боги боятся его и слушают его повелений. Святой Григорий, видя, что сердце жреца восприимчиво к вере, начал поучать его о Едином истинном Боге, все создавшем словом Своим, и передал ему тайну святой веры. В то время как они, беседуя, держали путь, жрец стал умолять святого

Григория, чтобы он для видимого удостоверения веры своей показал какое-либо чудо. И вот увидели они громадный камень, который, как казалось, никакая сила не могла сдвинуть с места; но Григорий именем Христовым повелел двинуться ему с места своего, и камень двинулся и перешел на другое место, куда хотел жрец. Страх объял жреца при виде этого преславного чуда, и исповедал он:

— Един есть истинный и Всесильный Бог, Григорием проповедуемый, и нет иного, кроме Него, — и тотчас уверовал в Него, и распространил весть об этом событии всюду так быстро, что в Неокесарии народ узнал о чудесах Григория и о власти его над бесами раньше, чем сам Григорий пришел туда[1]. О приходе же его узнал весь город, и множество народа вышло навстречу ему, желая увидеть его, так как слышали, что он словом передвинул великий камень на другое место и что богам их повелевает и они слушают его.

Входя в первый раз в великий город при необыкновенной для него обстановки, святой Григорий не изумился такому множеству народа, собравшемуся ради него, но, идя как бы по пустыне, смотрел только на себя и на дорогу, не обращаясь ни к кому из собравшихся около него. И это самое показалось народу еще выше и удивительнее чуда, произведенного святым над камнем. Григорий входил в город, отовсюду теснимый сопровождающими, как будто весь город уже почтил его святительство. Но, освобождая себя от всякого житейского бремени, святой не обращал на то внимания. Когда он вошел в город, ему для успокоения нигде не было даже дома, ни

---

[1] «После этого чуда, — говорит святой Григорий Нисский, — этот человек, тотчас уверовав слову (Григория) и оставив род, дом, жену, детей, друзей, жречество, имущество, вместо всех принадлежащих ему благ предпочел сообщество с оным великим мужем и соучастие в трудах его и в Божественном оном любомудрии и учении. Да умолкнет при этом всякая искусственная изобретательность дееписателей, красноречием преувеличивающая размеры дивных деяний, ибо не таково вышесказанное чудо, чтобы сила красноречия, повествующего о нем, сделала его большим или меньшим, нежели каково оно есть. Кто, сказав что-нибудь сверх сказанного, увеличит это чудо?.. Камень отвергается от камней... камень делается проповедником Божественной веры и путеводителем неверных ко спасению, не каким-либо голосом, не словом проповедуя Божественную силу, но тем, что сделал, показывая, что возвещаемый Григорием есть Бог, Которому одинаково подчинена и повинуется вся тварь, — не только одна чувствующая, живая и одушевленная, но и кроме этой, всякая другая так раболепно служит Ему, как будто не лишена была чувств...»

церковного, ни собственного, и спутники его пришли в смущение и беспокойство, где им остановиться и у кого найти себе кров. Но учитель их, богомудрый Григорий, успокаивая их и вместе как бы укоряя за малодушие, говорил:

— Что это вы, как будто находящееся вне покрова Божия, беспокоитесь, где можно вам успокоить ваши тела? Ужели для вас малым домом кажется Бог, хотя о Нем мы и живем, и движемся, и есмы? Или тесен для вас кров небесный, что вы ищете, кроме этого, другого жилища? Да будет забота у вас о том лишь одном доме, который есть собственность каждого, который созидается добродетелями и воздвигается в высоту; о нем одном вы должны заботиться, чтобы такое жилище не было неустроено у вас...

Когда святой Григорий поучал так своих спутников, находившийся при этом один именитый и богатый гражданин, по имени Мусоний, видя, что у многих одно и то же желание и забота, как бы принять этого великого мужа в свои домы, предупреждая прочих, обратился к Григорию с просьбою остановиться у него и почтить своим входом его дом. Другие просили святого о том же, но он, исполняя просьбу первого, остановился в доме Мусония. Когда Григорий вступил в Неокесарию, то нашел там только семнадцать человек верующих, весь же город поклонялся бездушным идолам и служил бесам. Тогда Григорий стал молить Бога в тайне сердца своего: да призрит (Он) на создание Свое и такое множество заблудших и погибающих людей да просветит и обратит на путь спасения. Пребывая в доме Мусония, святой Григорий стал учить неверующих познанию истинного Бога. Слушавших слово его сначала было малое число, но прежде нежели окончился день и зашло солнце, их столько присоединилось к первому собранию, что они составили уже толпы народа.

Помощь Божия настолько споспешествовала ему, что и одного дня не проходило без приобретения для Церкви Христовой душ человеческих. Множество людей, с женами и детьми, собиралось в дом Мусония к святому Григорию слушать учение его и видеть бывающие от него чудесные исцеления[1]: ибо он отгонял от людей ду-

[1] Множество чудотворений, совершенных святым Григорием Неокесарийским, вскоре же усвоили ему наименование чудотворца и другого Моисея, как свидетельствует о нем святой Григорий Нисский в своем слове о жизни святого Григория Чудотворца.

хов лукавых, исцелял всякие болезни, и день ото дня верующие присоединялись к Церкви и умножалось число их. В непродолжительное время на средства людей, уверовавших в Господа, Григорий создал дивную церковь; святому отдавали на строение церковное все, что имели, и открывали свои сокровищницы, чтобы брал он, сколько требуется, на благолепие дома Господня, на питание сирот и служение больным. Так возрастало в Неокесарии слово Божие, вера святая распространялась, многобожие идольское разрушалось, приходили в запустение мерзкие их храмы, сокрушались идолы, — а имя Единого Всесильного Бога и Господа нашего Иисуса Христа было величаемо и прославляемо среди Неокесарии, и силою Божиею через святого Григория совершались предивные и страшные чудеса. Следующее чудесное видение, по свидетельству святого Григория Нисского, особенно способствовало утверждению Церкви Христовой в Неокесарии и умножению там числа верующих.

В городе, согласно древнему обычаю, совершался некоторый всенародный языческий праздник в честь одного местного Божества; на этот праздник стекалась почти вся область, так как сельские жители праздновали вместе с городом. Во время праздника театр был переполнен собравшимися, все стремились ближе к сцене, желая лучше видеть и слышать, отчего поднялся сильный шум и смятение, вследствие чего у народа исторгся общий вопль — все взывали к чествуемому Божеству, чтобы оно дало ему простор. «Зевс, — восклицали неверные, — дай нам место». Услышав эту безрассудную молитву, святой Григорий послал одного из своих прислужников сказать, что скоро будет дан им простор даже более того, о каком они молятся. Эти слова его оказались печальным приговором: вслед за этим всенародным празднеством в городе распространилась губительная язва, с веселыми песнями смешался плач, так что веселье для них превратилось в горе и несчастие, а вместо звуков труб и рукоплесканий, город оглашался непрерывным рядом плачевных песней. Болезнь, появившись в городе, распространилась быстрее, чем можно было ожидать, опустошая дома подобно огню, так что капища наполнились зараженными язвою, бежавшими туда в надежде исцеления; около источников, ключей и колодцев толпились томимые жаждою в беспомощной болезни; но и вода была бессильна угасить болезненный жар. Многие сами уходили на кладбища, так как оставшихся в живых недостаточно было для того, чтобы погребать умер-

ших. И это бедствие поражало людей неожиданно, но как будто какой призрак приближался сначала к дому, где имела появиться зараза, а затем уже следовала гибель. После того, как для всех, таким образом, стала ясною причина болезни, что призванный ими демон злобно исполнил их просьбу, доставив городу, посредством болезни, этот злосчастный простор, — все они обратились к святому Григорию, умоляя его остановить распространение болезни силою проповедуемого им Бога, Которого Единого они теперь исповедуют истинным, владычествующим над всеми, Богом. И как скоро являлся призрак тот, предвещая появление язвы в доме, у подвергшихся такому бедствию оставалось одно средство спасения: чтобы вошел в тот дом святой и молитвою отразил проникшую в дом болезнь. Когда же молва об этом от тех, которые в числе первых спаслись от язвы таким образом, очень скоро распространилась между всеми, то было оставлено все, к чему прежде прибегали по своему неразумию: оракулы, очищения, пребывание в капищах идольских, так как все обратили взоры свои к великому святителю и каждый старался привлечь его к себе для спасения своего семейства. Наградою же для него от спасенных было спасение душ, ибо, когда его благочестие было засвидетельствовано таким опытом, то для познавших на самом деле силу веры не было причины медлить принятием таинства Христова. И в какой мере во время здоровья они недуговали своими помыслами относительно восприятия таинства, в такой мере телесною болезнию укрепились в вере. Когда, таким образом, обличено было заблуждение идолопоклонства, все обратились к имени Христову: одни — будучи приведены к истине приключившейся с ними болезнью, другие — прибегая к вере во Христа, как к предохранительному врачевству против язвы[1].

После этого всеобщее благоговейное уважение к святителю Григорию еще более укрепилось в Неокесарии. Жители как самого города, так и его окрестностей, пораженные апостольскими чудесами святого, верили, что все, что он ни говорит и делает, делает и говорит Божественною силою. Поэтому и в спорных житейских делах никакого другого судилища не знали выше его, но всякий спор и все неудоборазрешимые и запутанные дела разрешались его советами. От-

[1] Рассказ об этом чуде сокращенно изложен по повествованию святого Григория Нисского в его слове о жизни святого Григория Чудотворца.

сюда, через благодатное влияние святого Григория, водворились в городе справедливость и мир, и никакое зло не нарушало взаимного согласия.

Два брата, получив по смерти отца в наследство много имения, мирно разделили его между собою. Но у них было одно большое озеро, о котором они сильно спорили, ибо тот и другой хотел всецело владеть им. Судиею себе избрали они чудотворца Григория. Придя к ним на озеро, он приложил много усилий, чтобы помирить их, но не имел никакого успеха: оба брата были упорны и один другому не хотел уступить своей части в озере. После многих раздоров и распрей они уже хотели вступить друг с другом в битву, ибо у того и другого было много сторонников, и святой едва мог отговорить их в тот день от сражения. Настал вечер, все разошлись по домам, отложив сражение до утра; а святой остался при озере один и, всю ночь проведя в молитве, повелел озеру именем Господним, чтобы оно высохло все, так, чтобы не осталось ни одной капли воды, ни даже влаги, и чтобы земля стала удобной к паханию и сеянию. И совершилось по слову святого: внезапно неизвестно куда — скрылась вода и земля стала суха. Утром оба брата с множеством вооруженных людей пришли к озеру, чтобы посредством битвы завладеть им, и не нашли ни одной капли воды на том месте, где было озеро: земля оказалась настолько высохшею и покрытою растениями, как будто там никогда и не было воды. Пораженные таким чудом, братия невольно примирились между собою, все же люди прославляли Бога. Таков был праведный суд, сотворенный чудотворцем: где не могло быть мира между братиями, а предстояла брань, там уничтожил он самый повод к брани, иссушив озеро водное, чтобы не иссякла любовь братняя.

В стороне той протекала река, по имени Ликос[1]. В весеннее время она выступала из своих берегов и, широко разливаясь, потопляла близлежащие селения, поля, огороды и сады, причиняя гибель посевам и большой ущерб людям. Люди, жившие по берегам той реки, услышав о святом Григории, Неокесарийском чудотворце, что он имеет власть над водами (ибо он повелел великому озеру — и оно высохло), собрались все от мала до велика и, придя к святому, при-

[1] *Ликос* — с греческого: волк — река в Понте, на севере Малой Азии, вытекающая из гор Армении; получила свое наименование за быстроту, неукротимость и вред, причинявшийся ею окрестным жителям.

пали к ногам его, умоляя, чтобы он умилосердился над ними и укротил разлив реки: ибо тогда эта река необычно наполнилась водою и потопила много селений. Святой сказал им:

— Сам Бог положил предел рекам, и они не могут иначе течь, а только так, как Бог им повелел.

Они же с еще большим усердием умоляли святого. Видя скорбь их, святой, встав, пошел с ними к той реке и, придя на те берега, в которых течет самый поток речной, когда река бывает не наводнена, там водрузил жезл свой, сказав:

— Христос мой тебе повелевает, река, чтобы не переходила ты пределов своих и не разливала своих вод далее, но текла бы стройно в этих берегах своих.

Тотчас тот, водруженный святым, жезл возрос в великий дуб, а воды собрались в свое русло между берегами, и с того времени река та никогда не выливалась из берегов, но когда увеличивались воды и приближались к дубу, немедленно возвращались обратно и не потопляли трудов человеческих[1].

Святой чудотворец пожелал создать церковь на одном красивом месте близ горы. Когда он стал полагать основание, место оказалось тесным, а сделать его пространнее нельзя было, так как мешала гора. Тогда святой стал на молитву и, помолившись, повелел горе именем Иисуса Христа двинуться и отступить от места своего, насколько нужно было для распространения церкви, — и тотчас потряслась гора, двинулась и отступила дальше, делая место достаточным для пространного основания церкви. Такова была вера этого угодника Божия, что и горы переставляла! Много неверных, видя это чудо, обращались к Господу и принимали крещение от святого. Слава о

[1] «Для реки, — говорит святой Григорий Нисский, — это дерево послужило пределом течения, а для жителей того места оно служит зрелищем и предметом исторического рассказа; ибо когда оная река, переполняясь от дождей и ручьев, несется с быстрым стремлением и страшным шумом, то, ударяясь поверхностью волн о ствол этого дерева, опять поднимается вверх и направляет стремление вод к средине (русла) и как бы боясь коснуться этого дерева, косвенным течением обходит это место. Такова сила великого Григория, лучше же, — совершающего им чудеса Бога! Ибо природа стихий, как бы какая-нибудь невольница, является изменяющейся как угодно соответственно приказаниям, — так что озеро переменяется в сухую страну, и затопляемое водой место заселяется, потому что жезл сделал его безопасным для жителей. Имя этому дереву даже доныне — *жезл*, и оно во все время сохраняется местными жителями на память благодати и силы Григория...»

нем повсюду распространялась по причине великих чудес, являемых от него Божиею силою, которою он был исполнен.

Слух о таких чудесах распространился по всей стране, и все уверовали, что они производятся силою веры во Христа, и пожелали быть общниками этой веры, свидетельствуемой этими чудесами. Поэтому из одного соседнего города, по имени Команы[1], явилось к святителю посольство с просьбою утвердить у них церковь и поставить им достойного епископа. Святой Григорий исполнил их прошение и пробыл у них несколько дней, утверждая их в вере и благочестии. Когда же наступило время избрания епископа, святой, к удивлению всех, указал, как на достойного этой высокой чести, одного благочестивого и богоугодного мужа, по имени Александра, который ранее был простым угольщиком. Таким образом, святой Григорий Чудотворец явился благодетелем городу, обнаружив сокровенное у жителей Команы сокровище, которое стало потом прекрасным украшением Церкви[2].

Когда святой Григорий возвращался оттуда, некие неверующие иудеи захотели посмеяться над ним и показать, что он не имеет в себе Духа Божия. Они сделали так: на пути, где должно было идти святому, иудеи положили одного из своей среды, как бы умершего, нагим, а сами стали над ним рыдать. Когда чудотворец шел мимо их, они начали молить его, чтобы он оказал умершему милость и покрыл тело его одеждою. Он снял с себя верхнюю одежду и, отдав им, пошел дальше. Иудеи стали радостно насмехаться и ругаться над святым, говоря: «Если бы он имел в себе Духа Божия, то узнал бы, что лежит человек не мертвый, а живой», — и стали звать своего товарища, чтобы он встал. Но Бог воздал им за такое поругание, сотворив товарища их на самом деле мертвым. Они, думая, что он уснул, толкали его в ребра, чтобы пробудить, и громко взывали над ним, но ответа не было, ибо он уснул вечным сном. Видя его мертвым, они стали рыдать уже на самом деле; так смех обратился для них в плач, и похоронили мертвые мертвеца своего.

---

[1] *Комана* (или Команы) Понтийская, на севере Малой Азии, на реке Ирис, в древности знаменитый богатый город, ныне развалины — Гюменек.

[2] Впоследствии святой Александр, епископ Команский, прославился святостью своей жизни, вполне оправдав возлагаемые на него надежды, и, добре упасши стадо Христово, запечатлел свое достойное служение мученической кончиной, в начале IV века, во время гонения Римского императора Диоклетиана. — Память его совершается Церковью 12 августа.

На дальнейшем пути, в одном месте той страны составилось под открытым небом благочестивое собрание верующих, и все удивлялись поучениям святого Григория, но один мальчик вдруг стал громко восклицать, что святитель не от себя говорит это, но кто-то другой, стоящий близ него, произносит слова. Когда, по распущении собрания, привели к нему мальчика, чудотворец сказал присутствовавшим, что отрок одержим злым духом, и тотчас же, сняв омофор и приложив к дыханию уст своих, возложил его на юношу. Тогда юноша стал биться, кричать, бросаться на землю, метаться туда и сюда: как то бывает с бесноватыми. Святой возложил на него руку — и припадки юноши прекратились: бес оставил его, и он, придя в прежнее состояние, уже не говорил более, что видит кого-то говорящего около святого Григория, и получил совершенное исцеление.

Когда, в царствование нечестивого Декия[1], началось гонение на христиан и вышло царское повеление повсеместно принуждать христиан к поклонению идолам, а неповинующихся мучить и губить, — тогда святой Григорий дал совет своей пастве, чтобы всякий, кто не имеет силы и дара Божия претерпевать лютые муки, укрылся; чтобы кто-либо, дерзновенно отдавшись мучителям, не испугался бы потом при виде страшных мук и, чувствуя себя не в состоянии вынести их, не отпал бы от Бога. «Лучше, — говорил Григорий, — укрыться на короткое время и ждать Божия призыва и помощи к подвигу мученическому». Подавая верным такой совет, он и сам, взяв одного из диаконов своих, удалился в пустыню и скрывался там от неверных. Мучители, посланные от царя, придя в город неокесарийский, прежде всего искали Григория, как главу всех христиан и пастыря словесных овец в той стране. Кто-то из неверных, узнав, что он скрывается в одной горе, возвестил об этом воинам и довел их до той горы; они же поспешно двинулись на гору, как псы, стремящиеся за добычей на охоте, и как волки, которые хотят похитить овцу. Святой Григорий, видя, что воины приближаются и что нельзя бежать и укрыться от них, воздел руки свои к небу, вручая себя защите Божией, и диакону своему повелел сделать то же. Оба стояли с простертыми дланями и молились: а воины по всей горе прилежно искали святого и не нашли, ибо не могли его видеть даже и тогда, когда несколько раз

---

[1] *Декий* — Римский император, жестокий гонитель христианства, царствовал с 249 по 251 год.

проходили мимо. После многих поисков они возвратились без успеха и, сходя с горы, говорили тому, кто их привел:

— Никого не нашли мы на этой горе, только видели два дерева, стоящие неподалеку одно от другого.

А тот, поняв, что здесь было чудо, оставив их, сам пошел на гору и, найдя святого с диаконом, стоящих на молитве, припал к ногам Григория, высказывая желание быть христианином, чего и сподобился, и из гонителя сделался рабом Христовым и стал скрываться с прочими христианами.

Однажды, вознося обычные свои молитвы к Богу, святой Григорий смутился и в страхе долгое время стоял молча, как бы смотря на некоторое умилительное зрелище. Когда же прошло достаточно времени, он просветился лицом и, исполнившись радости, начал громким голосом благодарить Бога и петь торжественную песнь, взывая: *Благословен Господь, Который не дал нас в добычу зубам их!* (Пс. 123, 6).

Диакон спросил его:

— Какая причина, отче, такой перемены с тобою, что теперь являешься ты радостным?

Святой отвечал:

— Я видел, чадо, дивное видение: малый юноша боролся с огромным диаволом и, одолев его, поверг на землю и победил.

Диакон же не понимал значения сказанного. Тогда святой снова сказал:

— Ныне некий христианский юноша, по имени Троадий[1], был приведен на суд мучителя. После многих тяжких мук за Христа убит и, торжествуя, восходит на небо. Я сначала был смущен, ибо боялся, чтобы муки не одолели его и чтобы он не отвергся Христа, а теперь радуюсь, видя, что он окончил подвиг мучения и восходит на небо.

Диакон, слыша это, дивился тому, что святой видит вблизи то, что происходит далеко. Потом он стал умолять своего богоносного учителя, чтобы он позволил ему посмотреть своими глазами и узнать о происшедшем и не запрещал ему побывать на том самом месте, где совершилось это дивное событие. На предостережения Григория, что опасно идти на убийц, диакон с верою отвечал, что он, несмотря на то, смело решается, надеясь на помощь его молитв.

---

[1] Память святого мученика Троадия совершается 2 марта.

— Поручи меня Богу, — говорил он святому, — и никакой страх врагов не коснется меня.

И когда Григорий своею молитвою ниспослал ему, как бы некоего спутника, помощь Божию, диакон с уверенностью совершил путь, не укрываясь ни от кого из встречавшихся. Придя к вечеру в город и утомившись от путешествия, он почел необходимым облегчить свое изнурение омовением в бане. В том месте обитал некий демон, пагубная сила которого действовала на приближавшихся сюда во время ночной темноты и умерщвляла многих, отчего в эту баню не ходили и не пользовались ею после захождения солнца. Подойдя к бане, диакон просил приставника отворить ему дверь и позволить совершить в бане омовение; но тот уверял его, что никто из осмелившихся мыться в этот час не выходил невредимым, но что после вечера здесь всеми овладевал демон, и что многие по незнанию уже подверглись неисцельным болезням, возвращаясь, вместо ожидаемого облегчения, с плачем и воплем. Но диакон еще более утвердился в своем намерении и приставник, уступая его непреклонному желанию, отдал ему ключ, сам удалившись на далекое расстояние от бани. Когда диакон, раздевшись, вошел в баню, демон употреблял против него различные страхи и ужасы, показывая всевозможные призраки в виде огня и дыма, зверей и людей. Но диакон, защищая себя крестным знамением и призывая имя Христово, без вреда для себя прошел первое отделение бани. Когда же он вошел во внутреннюю часть, окружен был еще более ужасными видениями. Но он тем же оружием рассеял и эти действительные и кажущиеся страхи. Наконец, когда он уже выходил из бани, демон пытался задержать его, силою заключив двери. Но помощью знамения креста дверь была отворена. Тогда демон возопил к диакону человеческим голосом, чтобы он не считал своею ту силу, которою избавился от гибели; ибо его сохранил невредимым глас того, кто вверил его охранению Божию. Спасшись таким образом, диакон привел тем в изумление приставников той бани. После этого он рассказал им о всем, что с ним случилось, узнал, что доблестные подвиги мучеников совершились в городе именно так, как предвозвестил о том святой Григорий Чудотворец, и возвратился к своему наставнику, оставив для людей как своего времени, так и последующего, общее охранительное средство, состо-

ящее в том, чтобы каждый поручал себя при посредстве священников Богу[1].

Когда окончилось гонение, Григорий возвратился на свою кафедру и, собрав паству свою, стал снова водворять нарушенный порядок. Прежде всего он установил праздновать памяти святых мучеников, пострадавших во время бывшего гонения. Слава Христова распространялась, а бесовское многобожие погибало стараниями святого Григория, который не оставлял благовествования Христова до самой кончины своей, учением и чудотворениями приводя к Богу жителей Неокесарии и окрестностей ее, — и привел ее к истинной вере, от жертв идольских очистил, бескровною жертвою освятил. На закате дней своих он, вместе с братом своим Афинодором, епископом Понта, присутствовал на соборе против Павла Самосатского. Наконец, достигнув глубокой старости, приблизился он к блаженной кончине. При кончине своей спросил он предстоявших:

— Сколько еще неверующих в Неокесарии?

Ему отвечали:

— Только семнадцать держатся идолопоклонения, весь же город верует во Христа.

Святой сказал:

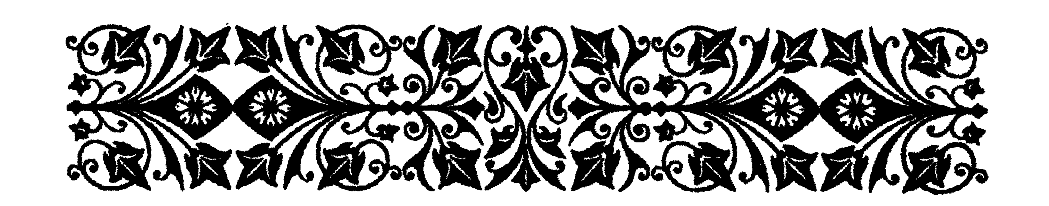
— Когда я пришел в Неокесарию на епископство, я столько же нашел христиан — семнадцать всего, а весь город был бесовский: ныне же, при отшествии моем к Богу, остается столько неверных, сколько вначале нашлось верных, весь же город Христов.

Сказав это, он предал душу свою в руки Богу[2]. Так богоугодно провел жизнь свою святой Григорий Чудотворец Неокесарийский и блаженно скончался. Его святыми молитвами да подаст Господь и нам принять добрую кончину. Аминь.

---

[1] Об этом чуде подробно повествует святой Григорий Нисский в своем слове о жизни святого Григория Чудотворца.

[2] Блаженную кончину святого Григория Неокесарийского полагают между 266–270 годами. Незадолго до смерти († 264 г.) он вместе с братом своим Афинодором, епископом Понта, присутствовал на соборе Антиохийском, против Павла Самосатского. — Кроме чудесного по своему происхождению Символа веры, святому Григорию Неокесарийскому принадлежат: «Каноническое послание» (по поводу нападения на Понт и на всю Малую Азию борейцев и готов), «переложение Екклесиаста», и «похвальное слово Оригену». — Мощи святого Григория Чудотворца первоначально находились в Неокесарийском храме, им созданном; глава святого в 1587 году была перенесена в Улиссипону (Лиссабон).



ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
НИКОНА,
игумена Радонежского[1]

Преподобный Никон родился в городе Юрьеве Польском[2], недалеко от обители преподобного Сергия. Он происходил от благочестивых родителей и с юного возраста был воспитан в богопочтении. Еще в ранней молодости он слышал об ангельской жизни преподобного Сергия, подвизавшегося с братиею в своей обители близ города Радонежа[3]. Подвиги преподобного Сергия, слава о которых далеко распространялась, приводили в умиление душу Никона, и сердце его горело желанием видеть этого святого мужа и подражать ему в жизни. С сокрушением сердечным и проливая обильные слезы, Никон горячо молил Господа Бога:

— Боже и Господи, Царю вечный и благосердый, сподоби меня видеть этого святого мужа и последовать ему во всей моей жизни, да спасуся и я его ради и достоин буду вечных Твоих благ, которые Ты обещал любящим Тебя.

---

[1] Изложено по рукописям Троице-Сергиевой лавры, по житию преподобного Никона, составленного митрополитом Московским Филаретом и другим пособиям.

[2] *Юрьев Польский* — в восьмидесяти шести верстах к северо-западу от города Владимира. Основан князем Юрием Владимировичем, от которого и получил свое наименование; название же *Польский* дано ему от полей, его окружавших, и в отличие от Юрьева Лифляндского; ныне — уездный город Владимирской губернии.

[3] На месте древнего *Радонежа* находится ныне село Городище, или Городок; оно расположено в двенадцати верстах от Троице-Сергиевой лавры, по направлению к Москве.

И вот вскоре он оставляет дом своих родителей и стремится в обитель преподобного Сергия. Достигнув обители, Никон поспешил увидеть самого великого подвижника Сергия и, припав к его стопам, стал усердно молить, чтобы он постриг его в иноческий чин в своей святой обители. Преподобный Сергий видел благоразумие и душевную чистоту отрока и тотчас всем сердцем возлюбил его. Однако, провидя в нем духовными очами будущий светильник Божественного света, он не оставил Никона без испытания, но поступил с ним так же, как некогда поступил Евфимий Великий с Саввой Освященным[1], когда тот, еще в юношеском возрасте, пришел к нему. Он не принял Савву в свою обитель и отослал его в далекий монастырь к сопостнику своему — преподобному Феоктисту[2]. Так и преподобный Сергий отослал юного отрока в научение к ученику своему Афанасию Высоцкому, основателю Серпуховского монастыря, — мужу, славившемуся добродетельною жизнью и искусившемуся в иноческих подвигах[3].

— Иди без всякого сомнения, — сказал он отроку, — и, если Богу угодно, ты примешь там иноческий образ.

---

[1] Преподобный *Евфимий Великий* — один из знаменитых палестинских подвижников V века; память его — 20 января. — Преподобный *Савва Освященный* — также величайший палестинский подвижник начала VI века; память его — 5 декабря.

[2] «Несообразным находил преподобный Евфимий — к собору, составленному преимущественно из старцев подвижников, приобщить юношу по возрасту, требующего иногда отдельно руководства. Так, вероятно, рассуждал и преподобный Сергий о юном Никоне. Он решился испытать его в подвиге послушания и смирения. Предвидя же его будущую судьбу, он хотел, чтобы тот, кому суждено младшему начальствовать над старейшими подвижниками лавры, явился им по крайней мере не юношею, а уже в пресвитерском сане» (Житие преподобного Никона, составлено Филаретом, митрополитом Московским, стр. 4).

[3] Преподобный *Афанасий Высоцкий* — строитель Серпуховского Высоцкого монастыря, был одним из самых любимых учеников преподобного Сергия. Память его — 12 сентября.

Со смирением принял Никон такое повеление от преподобного. Горя любовию к Богу и стремясь соделаться иноком, он с поспешностию отправился к блаженному Афанасию.

Когда он достиг обители его, то, смиренно подойдя к келии Афанасия, тихо постучал в дверь. Афанасий, приотворив немного оконце, спросил его:

— Чего ты хочешь и кого ищешь?

Старец любил безмолвие и не часто выходил из своей келии.

Отрок, поклонившись ему до земли, отвечал:

— Великий авва, блаженный Сергий прислал меня к тебе, чтобы ты облек меня в иноческий чин.

На это старец, не глядя на него, со строгостью сказал:

— Ты не можешь быть иноком: иночество — дело великое; ты молод, а правила старцев суровы.

Отрок ответил:

— Отче! Не все люди одинаковы; ты только прими меня, а время покажет, могу ли я переносить трудности иноческого жития.

Но старец продолжал:

— Многие приходили сюда, но обленившись и не выдержав трудности постничества и воздержания, отбегали; и тебе я говорю, что ты не сможешь пребывать здесь: иди в другое место и предавайся посту.

Слыша эти слова, отрок, горя в душе Божественным огнем, со слезами обещал старцу терпеливо переносить всякую скорбь. Старец, видя обильные слезы отрока и его горячее стремление к иночеству, ввел его в свою келию и обратился к нему с наставлением:

— Не оскорбляйся, чадо, тем, что я тебе сказал; подвиг иноческий — дело великое: иноки называются добровольными мучениками, и мучение их сугубое: многие мученики, кратковременно пострадав, приняли кончину; иноки же в течение всей своей жизни претерпевают страдания, и хотя не принимают ран от мучителей, однако, обуреваемые плотию и воюя с врагами мысленными, страждут до последнего издыхания. Поэтому, сын мой, если ты хочешь работать Господу, то приуготовь свою душу, чтобы ты мог с терпением переносить все искушения и страдания, причиняемые врагами.

Отрок же припал к ногам старца и едва мог проговорить:

— Смилуйся надо мной!

Тогда старец поднял его и сказал:

— Встань, чадо! Господь наставит тебя на путь заповедей Своих. Все это изрек я тебе потому, что сам я человек грешный, хотя и взял на себя устроение дела Божия; ныне желание твое исполнится.

Сказав это, старец сотворил молитву и облек Никона в иноческий образ.

Афанасий наставлял юного инока добродетелям и поучал его переносить все страдания, ведущие к Богу, стараясь исполнить душу его мужеством и крепостию и являясь ему во всем примером. Никон же, упражняясь под руководством его в молитвах, преуспевал в добродетелях, в подвигах поста, в неусыпном бдении над собой: он хранил чистоту, смирение, кротость и поучался усердно в Божественном Писании. Видя такое прилежание отрока, Афанасий возымел о нем отеческое попечение и, побуждая его к дальнейшим подвигам, содействовал его постепенному иноческому совершенствованию.

Когда Никон достиг совершенного возраста, то, по желанию Афанасия и всей братии, почтен был саном священства — как достойный быть предстоятелем пред Богом. Доблестный же Никон, по принятии священства, сподобившись сугубой благодати, стал проявлять еще большее усердие к подвигам благочестия.

Пробыв некоторое время в обители, Никон снова возгорелся неудержимым желанием видеть великого старца и подвижника преподобного Сергия, чтобы получить от него благословение и слышать от него богомудрое наставление. С горячей мольбой обратился Никон к Афанасию, чтобы он, помолившись о нем, отпустил его с миром из обители. Афанасий не удерживал Никона и, молитвенно напутствовав его, отпустил от себя.

Придя в монастырь преподобного Сергия и увидев богоносного отца, Никон с горячими слезами припал к стопам его и просил у него благословения. Преподобный не только с радостию принял его, как посетителя, но и оставил в своей обители.

После этого преподобный Сергий повелел Никону со всяким прилежанием служить братии в обители, и Никон со всем усердием выполнял возложенное на него послушание, неустанно упражняясь в молитве и бдении. За такие подвиги и благочестивое житие преподобный Сергий оказал Никону особенную любовь и доверие и по-

велел ему пребывать в одной келии с собою. Здесь, в беседе с богомудрым наставником, преподобный Никон нашел для себя высшее училище духовного любомудрия и в близком примере святого — новое поощрение к подвигам добродетели; в его же прозорливом руководстве и сильной молитве Никон обретал силу к ограждению от искушений, укрепление против немощей и райское утешение в общении этой молитвы. Любвеобильное сердце Сергия было для Никона отверстою дверию, откуда исходил на него благодатный свет и мир. И верное сердце Никона к Сергию было также отверстой дверью для открытия своему отцу всех помыслов и намерений, чтобы никакая мгла сомнения или смущения не омрачала чистоты его совести. И вот, подобно дереву, насажденному при источнике водном, Никон, с верою воспринимая все наставления и поучения учителя, в делах своих показал обильные плоды добродетелей.

Мудрый наставник, преподобный Сергий, внутренними очами прозревая имеющую воссиять в Никоне пресветлую благодать, пожелал поставить его настоятелем обители вместо себя. Первоначально Сергий возложил на Никона часть своих попечений о братии, поставив его как бы вторым после настоятеля. Это новое служение Никон проходил со всем вниманием и бдительностью, постоянно храня неусыпное попечение о вверенной ему братии, относясь к каждому с любовью и отеческою заботливостью. Найдя в Никоне столь искусного руководителя братиею, Сергий радовался духом и, наконец, за шесть месяцев до своего преставления призвал Никона и перед всеми вручил ему, как искусному вождю, попечение о монастыре и о братии. Никон, хотя и не желал принимать на себя трудных обязанностей руководительства всем монастырем, но не осмелился ослушаться своего наставника и со смирением, как послушный сын, повиновался повелению его.

В скором времени преподобный Сергий отошел ко Господу[1]. Великою скорбию болело сердце верного ученика его. Сокрушаясь и проливая обильные слезы, он обращался к святому, как бы к живому, говоря:

— Отошел ты, преподобный отче, вся моя надежда. В ком найду я, после Бога, прибежище и где найду утешение?

---

[1] Кончина преподобного Сергия последовала 25 сентября 1392 года.

И припав к одру святого и обнимая его честные мощи, он желал лучше быть погребенным вместе с учителем своим, чем разлучиться с ним.

С великим плачем и рыданием предав святое тело своего учителя погребению, Никон принял после него начальство над лаврою. Он положил с точностью выполнять все, что учредил и заповедал великий основатель обители Сергий, и, разделяя труды с братиею, как настоятель обители, имел попечение и заботливость о каждом. Преуспевающих в служении Господу он побуждал не ослаблять своих подвигов; нерадивых же и ленивых со скорбью поучал не забывать, что они отверглись мира и, заботясь о спасении своем, не должны предаваться мирским заботам, чтобы не утратить вечной награды. Он имел обыкновение обходить все места обители, где трудились иноки, поощряя и увещевая с терпением переносить труд, причем сам являлся образцом для братии, принимая участие в общих трудах. Своей кротостью, своей отеческой заботливостью о братии, мудростью в управлении и советах Никон не только приобрел уважение и любовь братии, но слава о нем распространилась далеко за стены Сергиевой обители и имя Никона, как «освящение некое», прославлялось повсюду — по городам и весям. К нему шли многие благоговейные и именитые люди за наставлениями ради душевной пользы, и он всех принимал с отеческим благорасположением, являясь великим врачом духовным.

Но Никон, любивший больше всего безмолвие и молитву в уединении, не прельщался славой человеческой и сильно тяготился ею. И вот с мыслию, что желающему творить волю Божию прежде всего нужно презирать и ненавидеть все соблазны мира, Никон стал уклоняться от начальствования над своею паствою и, наконец, заключился в уединенную келию. Братия сильно скорбели об этом и, не желая, чтобы он покинул и оставил ее без своего руководства, со слезами просила его не оставлять их, как овец без пастыря. Но он оставался непреклонным в своем решении, прося братию не сокрушать его сердца своими мольбами. Видя столь непреклонное желание Никона, братия не стали удерживать его, зная, что он уклоняется от бремени начальствования не ради телесного покоя, но стремясь к высшим подвигам и богомысленному безмолвию. Не имея возможности оставаться без начальника, братия избрали одного из

учеников Никона, по имени Савву, — мужа, сиявшего добродетельной жизнью, — и, с благословения Никона, поставили его игуменом над собой[1].

Шесть лет пребывал в безмолвии Никон, пока паствою управлял Савва, пася ее с усердием и вспомоществуемый молитвами блаженного Сергия. Но по истечении шести лет и Савва оставил начальствование. Тогда братия, как бы дав преподобному Никону отдохнуть от дел управления и насладиться вожделенным ему безмолвием, опять пришли к нему и со слезами умоляли и убеждали его снова принять ее под свое руководство. Видя, что Никон и теперь намерен уклониться от начальствования и власти, братия говорила ему:

— Не подобает тебе, отче, искать пользы себе одному, попекись и о спасении ближних.

Эта неотступная просьба иноков и любовь их заставили Никона расстаться с любимым уединением, и он уступил желаниям братии, но с тем условием, чтобы они уступили ему из каждого дня некоторую часть для уединенных подвигов и молитвы.

Тихо и богоугодно текла жизнь в святой обители. Никон же неустанно пребывал в молитвенном бдении, поучаясь в слове Божием и отеческих творениях.

Но вот распространился слух о нашествии на землю Русскую диких полчищ свирепого Эдигея[2]. Приближение татарских орд приводило в ужас и трепет всю землю Русскую. Преподобный Никон, горячо молясь об избавлении от злого врага, призывал в молитвах великого основателя этой обители — преподобного Сергия, чтобы он простер свою молитву пред престолом владыки всех — Христа, да не предаст Он запустению святой обители от руки нечестивых агарян и да не поколеблет веру немощных торжество неверных. И вот, однажды ночью Никон сел, чтобы отдохнуть после молитвенных трудов, и был в полудремоте или тонком сне. Вдруг видит он вошедших к нему в келию святителей Петра и Алексия, в сопровождении преподобного Сергия, который, обратившись к нему, сказал:

---

[1] *Савва Дубенский* (впоследствии Звенигородский, или Сторожевский). Память его — 3 декабря.

[2] Нашествие Эдигея было в конце 1408 года.

— Так угодно Господу, чтобы случилось это нашествие иноплеменников и коснулось этого места. Но ты, чадо, не скорби, а мужайся и да крепится сердце твое: искушение будет непродолжительно и обитель не запустеет, а распространится еще более.

Затем, преподав Никону мир и благословение, святые стали невидимы. Никон, придя в себя, быстро встал и подошел к дверям своей келии, но нашел их запертыми. Он отпер и вышел и увидел святых, удалявшихся от его келии к церкви. Тогда понял он, что это было не сон, а истинное видение.

С покорностью воле Божией Никон ожидал исполнения предсказания. Вскоре варвары, наводнившие своими полчищами землю Русскую, достигли и обители преподобного Сергия и предали все в ней разорению и огню. Преподобный Никон и братия, предваренные небесным извещением, заблаговременно удалились из обители и захватили с собой некоторые святыни и келейные вещи. Так спасены были некоторые книги и утварь преподобного Сергия, доселе уцелевшие.

По миновании опасности Никон и братия возвратились на пепелище святой обители. Монастырь был сожжен дотла, и святое место осквернено неверными. Но Никон не предался печали и унынию и не ослабел от подвига. Подобно тому, как доблестный воин при первом поражении от врага не бежит, но мужественно собирает силы и одерживает победу, так и он начал со спокойной твердостью трудиться над устроением обители. Как добрый пастырь, он собрал сперва рассеявшуюся братию и трудился с ней над монастырскими постройками. Менее чем в три года построены были здания, необходимые для иноческого общежития; для молитв же общих первоначально собирались, вероятно, в трапезную храмину. В то же время Никон поспешает постройкою деревянного храма, во имя Живоначальной Троицы, который и был освящен в 1411 году, 25 сентября, в день преставления преподобного Сергия.

Когда слух о возвращении преподобного Никона и о восстановлении обители распространился по окрестным местам, к нему отовсюду стали собираться во множестве иноки и миряне. Никон всех принимал с отеческим расположением и, как добрый пастырь, никого не оставлял без своего попечения, наставляя каждого в полезных учениях, просвещая их душу и предлагая им правила для устро-

ения своего жития. Монастырь возрождался на своем пепелище и распространялся более и более[1].

Как попечительный начальник, преподобный Никон не оставлял своих забот и о благоукрашении обители. Заключительным подвигом его в этом отношении было построение каменного храма над гробом своего учителя Сергия во имя Живоначальной Троицы.

При самом начале работ, при копании рвов для каменного храма, совершилось обретение и прославление нетленных мощей преподобного Сергия[2]. Это открытие мощей великого учителя Никон принял как радостный венец и сладостную награду за свои труды и терпение. При общем ликовании святые мощи преподобного были положены в новую раку и на время были поставлены в деревянном храме[3], пока не было приготовлено им место в каменном храме[4]. Как место покоя для мощей великого Сергия, новый храм устроялся и украшался с благоговейной любовью и с усердными молитвами. Для созидания этого храма Никон собрал мудрых зодчих и искусных каменотесов, которые, с Божиею помощию, быстро окончили его построение. Новый храм был освящен, и при его освящении были перенесены и помещены в нем святые мощи преподобного Сергия. Как дело святых и покоище Сергия, не потрясаемый веками, этот прекрасный храм освящает и ныне молящихся в нем, и руки нечестивых врагов не прикасались к нему[5].

---

[1] При Никоне Сергиева обитель приобрела несколько земель — то вкладами, то покупкою. Заботливостью Никона обитель богатела и духовным богатством. При нем и по его указаниям, в Сергиевой обители, кроме нескольких Богослужебных книг, списаны были: два списка «Лествицы» с главами Григория Синаита, поучения Аввы Дорофея, «Диоптра» Филиппа пустынника с ответами Аввы Варсонофия и с наставлениями Исихия (Описание Сергиевой лавры, стр. 155, 156 и др.).

[2] Обретение мощей преподобного Сергия последовало спустя тридцать лет по преставлении святого — 5 июля 1422 года; в память чего и было установлено празднование.

[3] Деревянная церковь, стоявшая над мощами преподобного Сергия, была перенесена на новое место (где теперь церковь Сошествия Святого Духа), и в ней были поставлены святые мощи, пока строилась каменная церковь.

[4] Эта каменная церковь во имя Святой Троицы, построенная преподобным Никоном, и есть доныне существующий Троицкий собор.

[5] Преподобный Никон построил Троицкий собор при содействии почитателей памяти преподобного Сергия между князьями и боярами. Главным между этими почитателями, наиболее содействовавшим Никону в построении церкви, был крест-

Никон заботился и о внутреннем украшении храма и расписании стен его живописью. Для этого труда им были приглашены два инока-постника, славившиеся добродетельной жизнью: Даниил и Андрей, искусные в иконописании[1]. Их тщанием и под их руководством храм был благолепно украшен иконописью. Когда Никон увидел, что украшение храма расписанием окончено, то с великой радостью возблагодарил Бога.

— Благодарю Тебя, Господи, — говорил он, — и славлю пресвятое имя Твое за то, что не презрел мое прошение, но даровал мне недостойному видеть все это моими очами.

В это время Никон уже достиг глубокой старости, но ревность и бодрость духа не оставляли его, и немощь телесная не ослабляла строгости его подвигов. Достигнув совершенства в подвигах, он обладал всеми видами того богатства, которым человек богатеет в Бога. Он как бы горел удивительным стремлением к жизни по Боге: пищею для него было воздержание, богатством — нестяжательность; его старческое тело, было прикрыто одним только власяным рубищем.

Наконец, преподобный Никон уже приблизился и к своей кончине. Отчасти старость, а также великие постнические подвиги и продолжительные многие болезни изнурили его тело и оно изнемогло в своих силах.

Предузнав близость своего отшествия ко Господу, Никон велел призвать к себе братию. В то время, как она окружала его одр, стоя со слезами, преподобный, приподнявшись немного, обратился к ним с последним словом назидания.

Он завещал соблюдать установленный в обители чин молитвы дневной и ночной, не часто выходить из обители, хранить терпение в искушениях, соблюдать повиновение начальствующим в обители, ненавидеть праздность — гнездо пороков, трудиться, соединяя труд с пением священных псалмов, с радостью хранить без-

ный сын, или крестник, преподобного Сергия — князь Звенигородско-Галичский Юрий Дмитриевич (сын Донского). [Начав строить церковь в 1422 или 1423 году, преподобный Никон строил и устроял ее почти до самой своей кончины.]

[1] *Даниил Черный* и *Андрей Рублев* — иноки Московского Андроникова монастыря — были знаменитыми иконописцами того времени. Иконы, писанные ими, пользуются большой известностью и до нашего времени. Из числа сохранившихся образцов их кисти особенно замечательна храмовая икона в Троицком соборе Сергиевой лавры.

молвие, как матерь добродетелей, ведущую к совершенству. Присоединив к этому наставление о человеколюбии, он завещал братии:

— Если возможно, не отпускайте никого от себя с пустыми руками, чтобы незаметно не оказать презрения Самому Христу, явившемуся вам под образом просящего. Бодрствуйте и непрестанно молитесь, чтобы Господь и вас сохранил невредимыми от врага, и вы соблюли бы обет целомудрия и послушания, согласно с моими увещаниями.

Окончив свои наставления к братии — хранить все завещанные им правила, Никон умолк. И вот в видении, еще до разлучения души с телом, ему было показано место будущего упокоения вместе с преподобным Сергием. Ясно не открывая о том братии, по своему смирению, Никон в предсмертном изнеможении неожиданно сказал:

— Отнесите меня в ту светлую храмину, которая мне уготована по молитвам отца моего; не хочу более здесь оставаться.

Сказав это, Никон приобщился пречистых Тайн Тела и Крови Христовых. После этого, предупреждая братию о приблизившейся кончине своей, он произнес:

— Вот я, братия, разрешаюсь от союза телесного и отхожу ко Христу.

Преподав им последнее благословение, со словами, обращенными к самому себе: «изыди, душе моя, туда, где тебе уготовано, — гряди с радостию: Христос призывает тебя», — Никон, осенив себя напоследок крестным знамением, с молитвою предал свою честную и трудолюбную душу Господу. Это было 17 ноября 1428 года.

Никон пробыл в настоятельстве тридцать шесть лет, не нарушая ни в чем подвига иноческого, богоугодно пася врученную ему Христом паству и научив ее высшим подвигам добродетели. Братия много сетовала, проливая слезы о разлучении со своим отцом и учителем. Проводив его с пением псалмов и надгробными песнопениями, братия с почестями, как подобает чтимому отцу, предала его честное тело земле, положив его близ раки преподобного Сергия, где и доныне совершаются им молебные пения во славу Святой Троицы — Отца и Сына и Святого Духа[1].

---

[1] Преподобный Никон погребен вне Троицкого собора, у южной его стены, против того места, на котором в самом соборе погребен был преподобный Сергий. Преподобный Никон был причислен к лику святых на соборе 1547 года, но служ-

За свои великие подвиги и святую жизнь преподобный Никон был удостоен от Господа еще при жизни дара прозрения, а после кончины — дара чудотворений. Из многих чудес преподобного упомянем здесь о некоторых.

Однажды Никон намерен был послать одного из своих иноков, по имени Акакия, в одно из сел, принадлежавших обители святого Сергия. Не желая этому повиноваться, Акакий сказал:

— Я не для того отрекся от мира, чтобы обходить города и села.

Преподобный долго умолял Акакия, но он ни за что не хотел исполнить приказание своего игумена. Тогда преподобный предрек:

— Смотри, Акакий, как бы тебе по своей воле не пришлось быть там, и тогда получишь воздаяние за свое непослушание.

Вскоре после того преподобный Никон преставился ко Господу. Акакий же предал забвению все, что было предсказано ему святым отцом, и отправился в то самое селение, куда посылал его преподобный Никон. И вот его внезапно постиг там суд Божий, предсказанный святым: он впал в исступление ума, так что братия привели его обратно в монастырь. Здесь явился ему святой Никон и, держа в руках жезл, с укоризною сказал ему:

— Акакий! Разве ты для того отрекся от мира, чтобы обходить города и села?

Тогда Акакия обуял великий страх, и он начал неистово кричать. В таком тяжелом состоянии он находился несколько дней, пребывая у раки преподобных Сергия и Никона и с плачем молясь об отпущении своего согрешения; братия точно так же усердно молились за него. И тогда по благодати Христовой и по молитвам святых Акакий получил отпущение в своем согрешении и исцелился. Обо всем этом он сам со слезами рассказывал многим, вопрошавшим его.

ба ему и житие его написаны были Пахомием Логофетом почти за сто лет ранее, по воле митрополита святого Ионы. Церковь над гробом преподобного Никона была поставлена в 1548 году. В 1623 году, то есть спустя семьдесят шесть лет, на место этой первой церкви поставлена новая, большая. Эта вторая церковь и существует до настоящего времени. [Рака преподобного Сергия отделяется одной каменной стеной от раки ученика его — преподобного Никона. В северо-западном углу церкви, вдоль северной стены, стоит рака-надгробие над мощами преподобного Никона, которые находятся в земле или под спудом.]

В своей земной жизни преподобные Сергий и Никон особенно близки были друг к другу. Эта взаимная близость не оставляет их и в жизни вечной, ибо любовь святых, как любовь Божественная, не подлежит закону времени. Оба вместе они неоднократно являлись и совокупно чудодействовали.

Один из жителей Москвы, по имени Симеон, родившийся по предсказанию святого, заболел столь сильно, что не мог ни двинуться, ни уснуть, ни принять пищи, но лежал как мертвый на своем одре. Страдая таким образом, он однажды ночью стал призывать к себе на помощь святого Сергия:

— Помоги мне, преподобный Сергий, избавь меня от этой болезни; еще при жизни твоей ты был так милостив к моим родителям и предрек им мое рождение; не забудь меня, страждущего в столь тяжкой болезни.

Вдруг пред ним предстали два старца: один из них был Никон; болящий тотчас узнал его, потому что лично знал этого святого еще во время его жизни; тогда он понял, что второй из явившихся был сам преподобный Сергий. Дивный старец ознаменовал болящего крестом, а после этого велел Никону взять икону, стоявшую у одра, — она была некогда подарена Симеону самим Никоном. Затем больному показалось, что вся кожа его отстала от тела; после этого святые стали невидимы. В ту же минуту Симеон почувствовал, что он совершенно выздоровел: он поднялся на своем одре, и уже никто более его не поддерживал; тогда понял он, что не кожа сошла у него, а болезнь оставила его. Велика была его радость: встав, он начал горячо благодарить святого Сергия и преподобного Никона за свое неожиданное и столь дивное исцеление.

Особенно много чудес было совершено преподобными Сергием и Никоном во время осады Троицкого монастыря поляками под предводительством Лисовского и Сапеги, когда святой обители пришлось испытать множество бедствий от врагов. Никон вместе с преподобным Сергием нередко являлись не только осажденным, ободряя и укрепляя их надеждою на помощь Божию, но и врагам, осаждавшим лавру, устрашая и угрожая им гневом Божиим[1]. Мно-

[1] Осада Троицкого монастыря поляками, под начальством Лисовского и Сапеги, началась 23 сентября 1608 года; окончилась же осада 12 января 1610 года.

гие из осаждавших и их военачальников видели, как по монастырским стенам ходили два светозарных старца, наподобие Сергия и Никона; один — кадил стены кадильницею, а другой — кропил их святой водой.

Однажды, когда еще продолжалась осада монастыря врагами и среди осажденных появились от голода и всяких лишений болезни, — Никон явился во сне пономарю Иринарху и сказал ему:

— Скажи всем страждущим от болезни, что в эту ночь выпадет снег, и пусть все, кто желает исцелиться от болезней, натираются этим снегом.

Иринарх с трепетом проснулся и наутро сказал окружающим о том, что поведал ему чудотворец Никон. И действительно, ночью выпал снег, и кто с верою натирался этим снегом, тот делался здоровым[1].

Вот и еще случай из недавних времен (1846 год). В монастырской больнице жестоко страдал от нервной горячки рясофорный послушник Гавриил; несколько дней он был без памяти, и думали, что не перенесет болезни. В ночь на память преподобного Никона видит он, что душа его как бы разлучается от тела и устремляется в какую-то бездну. Мысленно стал он молить преподобных Сергия и Никона о возвращении к жизни, чтобы покаянием приготовиться к вечности. (А лежал он все время, как видели другие, без памяти и движения.) Вдруг видит, как бы двери отворились; входят два светоносные мужа, старцы, один с жезлом — в этом он признал преподобного Сергия, а в другом — преподобного Никона. Преподобный Сергий, указывая жезлом преподобному Никону на болящего, говорит: «Помоги!» Преподобный Никон подошел и самым приближением наполнил больного силою и радостию. Больной приподнялся, перекрестился, а преподобные стали невидимы. Гавриил пришел в память; болезнь миновалась, осталась только слабость[2].

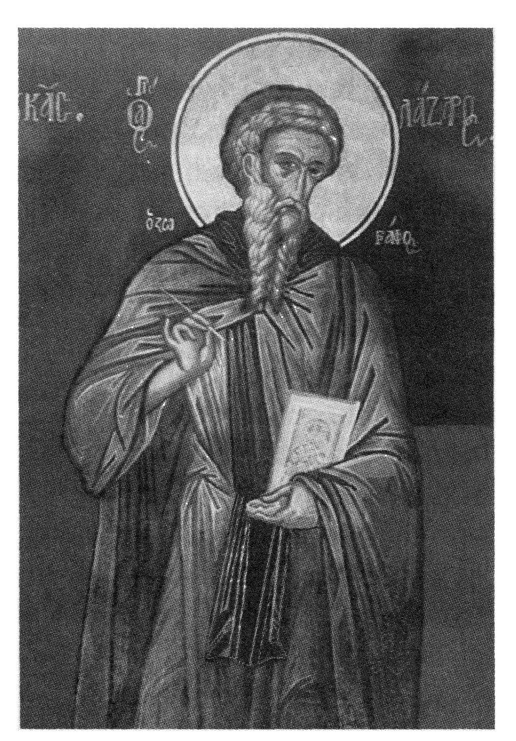
---

[1] «Сказание об осаде Троицкого Сергиева монастыря», соч. Авраамия Палицына. М., 1822 г., стр. 157.

[2] Монастырские письма. М., 1863 г., стр. 69–71. Письмо 19, от 18 ноября 1864 года.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ЛАЗАРЯ ПИСЦА

Преподобный Лазарь жил в Константинополе и с молодых лет посвятил себя иноческим подвигам. Измлада он проводил суровую жизнь, постоянно пребывая в посте и молитве. Но преимущественно он упражнялся в делах милосердия, питая алчущих и одевая нагих. За свою подвижническую и благочестивую жизнь преподобный был удостоен священнического сана. Это было в царствование византийского императора Феофила[1].



При Феофиле же преподобный Лазарь претерпел и мучения за свою ревность в иконопочитании. Посвятив себя служению Богу, Лазарь изучил иконописное искусство и ревностно занимался писанием честных икон во славу Бога, Пречистой Его Матери и святых Его. Феофил же был иконоборец; всех почитателей святых икон он подвергал гонениям, а иконописцев заставлял плевать на иконы и попирать их ногами. Преподобный Лазарь, как иконописец, был схвачен и подвергнут допросу. Но напрасно старались склонить его к иконоборческому зловерию, прибегая то к льстивым увещаниям, то к угрозам; Лазарь оставался непреклонным; тогда стали немилосердно бить его, а потом ввергли в темницу. Но и в темнице святой муж продолжал писать иконы. Тогда беззаконный мучитель повелел прижигать пальцы святого раскаленным железом, чтобы отнять у него всякую способность писать иконы.

[1] *Император Феофил* царствовал с 829 по 842 год.

Преподобному Лазарю угрожала смерть, и только с трудом жизнь его была спасена заступничеством благочестивой царицы Феодоры[1]. Выпущенный на свободу, преподобный Лазарь нашел убежище в церкви святого Иоанна Крестителя и там написал икону, которая быстро приобрела славу чудотворной. Когда же Феофил скончался, преподобный уже беспрепятственно занимался писанием святых икон. При этом святой нисколько не помнил зла, но даже молился за своего мучителя.

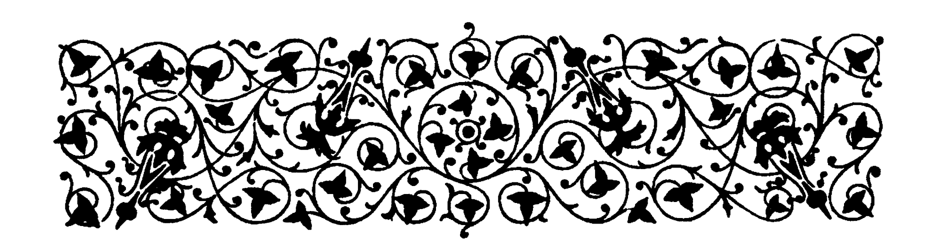
В царствование императора Михаила III[2], сына Феофила и Феодоры, преподобный Лазарь участвовал в числе посольства, отправленного к Римскому папе Венедикту III[3], и на возвратном пути из Рима скончался. Честные останки его были перенесены в Константинополь и здесь погребены в церкви святого Евандра[4].

[1] *Царица Феодора* известна в истории своими заслугами в пользу Православия. Когда, по смерти Феофила, царица, за малолетством сына своего Михаила, сделалась управительницей империи, то она восстановила иконопочитание. В столице иконы с особенной торжественностью были поставлены на свое место для поклонения в первое воскресенье Великого поста. День этот назван днем «Торжества Православия» и ежегодно воспоминается Церковью.

[2] *Император Михаил III* царствовал с 842 по 877 год.

[3] *Папа Венедикт III* управлял Римской церковью с 856 по 858 год.

[4] В 1200 году мощи преподобного Лазаря видел в Константинополе русский паломник Антоний, впоследствии архиепископ Новгородский.



День восемнадцатый

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА ПЛАТОНА

Святой мученик Платон, брат святого мученика Антиоха[1], происходил из страны Галатийской, из города Анкиры[2], от христианских родителей, и был воспитан в благочестии. Еще до своего совершеннолетия он достиг преуспеяния в добродетелях. Находясь в юношеском возрасте, он уже был зрел разумом. Среди безбожных идолопоклонников он дерзновенно проповедовал Христа, Предвечного Бога, и учил пребывавших в заблуждении язычников, чтобы они познали истину и обратились от бесовского заблуждения к Богу. За это он был взят неверными и приведен на суд к областеначальнику Агриппину. Агриппин в это время находился в храме Зевса и там сел судить исповедника Христова. Взглянув на него, он сказал:

— Весь мир чтит своих богов, — ты один заблуждаешься и отвращаешься от них!

Святой отвечал:

— Вы заблудились, оставив Бога, создавшего небо и землю, и все красоты их, и поклоняетесь камню и гниющему дереву — делу рук человеческих.

---

[1] Память святого Антиоха совершается Церковью 16 июля.

[2] *Галатия* — небольшая, гористая, но плодородная область Малой Азии, лежащая между Фригией, Вифинией, Понтом и Каппадокией, в центре Малоазийского полуострова. Христианство здесь было насаждено святым Павлом, который основал и благоустроил церковь Галатийскую и впоследствии писал к Галатам, которые слушали его, как Ангела Божия (см.: Гал. 4, 14), послание. — *Анкира* — ныне *Ангора* — один из главных городов Галатии.

Агриппин сказал:

— Юность твоя делает тебя дерзким и бесчинным. Скажи мне свое имя, как зовут тебя и из какого ты города?

Святой отвечал:

— Родители назвали меня Платоном; я — от чрева матери моей раб Христов, гражданин же — этого города; ныне за благочестие предстою на неправедном твоем суде и жду незаслуженной смерти, которую пламенно желаю принять за Господа моего; делай же то, что намерен делать.

— Не до́лжно тебе, Платон, — возразил областеначальник, — учить о Распятом и даже имя Его иметь в уме своем, так как царская власть повелевает предавать тяжкой смерти исповедающих Его, а отрицающихся — удостаивать великих почестей: поэтому советую тебе подчиниться царскому повелению, и тогда ты получишь возможность избежать смертной гибели.

Святой Платон отвечал:

— Я повинуюсь моему Царю — Богу, за Него и воинствую, смерть же временную охотно приемлю, чтобы быть наследником вечного Царства.

— Подумай, Платон, — сказал на это областеначальник, — что лучше для тебя: оставаться ли в живых или подвергнуться тяжкой смерти?

Платон отвечал:

— Господь промыслит о том, что мне полезнее.

— Разве не знаешь, — возразил областеначальник, — непреложных царских законов, повелевающих, чтобы христиане или приносили жертвы богам, или подвергались смерти? Как же ты смеешь нарушать царские законы и совращать других?

Святой отвечал:

— Я знаю уставы Бога моего и делаю, что повелевают Его святые и животворные заповеди, а они повелевают, отвергнув бесовские

жертвы, служить Единому истинному Богу. Ему Единому я и служу, а ваших богов презираю. Но ты, согласно царскому повелению, подвергай меня мучениям, как хочешь, — вам уже привычно мучить христиан, а христианам — страдать за Христа.

Областеначальник Агриппин, отличавшийся зверским нравом, увидав, что святой не покоряется его безбожной воле и противоречит, в страшном гневе повелел разложить его нагим на земле и приставил двенадцать воинов попеременно бить святого. И били его по всему телу беспощадно долгое время, так что бившие воины очень устали, но святой страдалец не устал терпеть и исповедовать имя Господа своего Иисуса Христа.

Потом, когда воины прекратили побои, областеначальник, как бы щадя его, начал ласково говорить ему:

— По-дружески советую я тебе, Платон: уклонись от смерти к жизни.

Мученик отвечал:

— Хорошо учишь ты меня, Агриппин, чтобы я уклонился от смерти к жизни, я и сам бегаю от вечной смерти и ищу бессмертной жизни.

Агриппин на это с гневом сказал святому:

— Скажи мне, несчастный, сколько смертей?

Святой отвечал:

— Две смерти: одна — временная, а другая — вечная; также и жизни — две: одна — маловременная, а другая — бесконечная.

— Оставь свои басни, — возразил областеначальник, — и поклонись богам, чтобы избавиться тебе лютого мучения.

Святой отвечал:

— Ни огонь, ни раны, ни ярость зверей, ни лишение членов (тела) не разлучат меня с Богом Живым, ибо не нынешний век я возлюбил, но Христа моего, за меня умершего и воскресшего.

Тогда областеначальник повелел отвести святого Платона в темницу. Когда его вели, за ним следовал народ, смотря на страдание его как на какое-либо зрелище. Среди народа было множество и христиан. Приблизившись к темнице, твердый и великий духом мученик Христов Платон обратился к народу и, повелев ему замолчать, начал говорить громким голосом:

— Мужи, любящие истину, знайте, что я предпринял этот подвиг страдания не по иной какой причине, как ради Бога, создавшего небо и землю и все, что в них. Как рабов Христовых, я умоляю вас не смущаться тем, что происходить теперь, ибо *много скорбей у праведного, и от всех их избавит его Господь* (Пс. 33, 20). Приидите же, и прибегнем все вместе к тихой пристани и к Камню, о Коем великий апостол говорит: *Камень же был Христос* (1 Кор. 10, 4). И да не изнемогаем в бедах, которым подвергаемся за веру Христову, памятуя, что *нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас* (Рим. 8, 18).

Сказав это, мученик вошел в темницу и, преклонив колена на землю, обратился к Богу с следующей молитвой:

— Господи Иисусе Христе, Создатель и Промыслитель всех, дарующий рабам Своим терпение и победу, сподоби и меня, смиренного и непотребного раба Твоего, до конца достойно претерпеть за имя Твое святое, и пошли Ангела Твоего, чтобы он избавил меня от льстивого и всезлобного змия — Агриппина, да познают все, что не боги те, которых создает рука человеческая, но Ты — Единый истинный Бог, долготерпеливый и многомилостивый, препрославленный вовеки. Аминь.

По прошествии семи дней мучитель снова воссел на судилище в храме Зевса и повелел привести святого мученика. Сначала он разложил пред ним разные орудия пытки: медные котлы, сапоги с гвоздями, раскаленные ядра, острые прутья, железные рогатки, колеса и многие другие, надеясь устрашить ими доблестного воина Христова. Потом начал говорить ему:

— Возлюбленный Платон! Видя твою юность и благородство твоих родителей и щадя красоту твоего тела, прежде чем начну снова мучить тебя, советую тебе: вкуси от жертвы богов наших и будь в единении с нами, зная хорошо, что никто из противящихся мне не останется жив и, напротив, никто, повинующийся мне, не лишился чести и даров, мною обещанных. Я же, прекрасный Платон, если пожелаешь послушаться меня, как отца, дающего тебе добрый совет, отдам тебе в жены единственную дочь моего брата со многим богатством и назову тебя своим сыном.

Но блаженный Платон, посмеявшись над ним, сказал:

— Жалкий и человеконенавистный сын диавола и слуга сатаны! Если бы я решился связать себя житейскими прелестями и если бы захотел взять себе жену, то разве не нашел бы лучшей, чем дочь брата твоего! Поистине я взял бы лучше вместо нее рабыню. И так захочу ли я взять ее теперь, когда, оставляя мир, соединяюсь со Христом?

Тогда мучитель, придя в ярость, повелел положить святого на медном одре, а под одр подложить множество углей и разжигать их, поливая на огонь масло, воск и смолу, и опалять тело мученика, а сверху бить тонким прутом, чтобы и биением, и палением усилить его муки. После таких продолжительных мучений Агриппин сказал святому мученику:

— Несчастный, смилуйся, наконец, над самим собою! И если не хочешь поклониться богам, то скажи только эти слова: велик бог Аполлон, — и я тотчас же перестану мучить тебя и пойдешь с миром в дом свой.

Но святой на это отвечал:

— Да не будет, чтобы я пощадил тело свое, а душе приготовил геенну огненную.

По прошествии трех часов, в продолжение которых Платон был предаваем таким мучениям, он был снят с одра, но тело его оказалось целым, здоровым и не имеющим даже следа от ран и от огня, как будто он вышел из бани. Притом, от тела его исходило сильное благоухание, так что все, находившиеся тут, удивлялись и говорили:

— Воистину велик Бог христианский!

Областеначальник же сказал святому:

— Если не хочешь принести жертвы богам нашим, то, по крайней мере, отвергнись только Христа твоего, — и я отпущу тебя.

Но святой отвечал:

— Безумный и безбожный, как говоришь ты, чтобы я отвергся Спасителя моего? Неужели хочешь, чтобы я уподобился тебе, нечестивец? Разве не довольно для тебя твоей погибели? Но ты хочешь вовлечь в нее еще и других, принадлежащих к числу воинов Христовых! Отступи от меня, беззаконник. Я верую Богу моему, что Он не оставит меня и не даст мне пасть так же, как пал ты.

Тогда Агриппин встал с своего престола и сам стал мучить святого. Он разжег железные круги, подложил под его плечи и опалял его ребра. Потом положил на грудь мученика два сильно раскален-

ных железных круга, — и показался дым из ноздрей его, ибо сила огня проникала даже до его внутренностей. Многие думали, что он уже умер. Но спустя немного времени, он сказал мучителю:

— Ничтожны мучительства твои, лютый кровопийца!

Потом, возведши вверх свой взор, святой произнес:

— *Плещи́ моя вдах на раны, и лани́те мои на зауше́ния, лица же моего не отврати́х от студа́ заплеваний* (слав. Ис. 50, 6)[1], *Не удаляйся от меня,* Господи, *ибо скорбь близка* (Пс. 21, 12). *Для чего язычникам говорить: «где Бог их?»* (Пс. 78, 10)? Даруй мне, Иисусе Христе, рабу Твоему, освободившись совсем от мучительств противника, с дерзновением предстать пред страшным Твоим судом, окончив этот добрый подвиг: ибо Тебе на всяком месте владычества Твоего подобает слава, честь и держава, ныне и присно и во веки веков.

И когда он произнес: «аминь», поколебался храм, и все устрашились. Несмотря на то, жестоковыйные не хотели познать силу Божию.

Потом мучитель повелел, изрезав кожу святого Платона на ремни, сдирать ее. Но святой, сорвав один, отвисший от тела его, ремень, бросил его в лицо Агриппину с словами:

— Бесчеловечный и свирепейший всех зверей! Как ты, не желая познать Бога, создавшего нас по образу Своему, не питаешь жалости хотя к такой же самой плоти, какою облечен и сам ты, и находишь наслаждение при виде раздробления моих членов? Но предавай меня еще более лютым мукам, чтобы как твое бесчеловечие, так и мое терпение всем были видны, ибо я радостно терплю все это ради Христа моего, чтобы, благодарю Его, обрести себе покой в будущем веке.

— О, до какой степени ты безумен, — возразил Агриппин, — что не щадишь даже своего тела, несмотря на то, что внутренности твои уже выходят сквозь ребра, а ты все еще не перестаешь хулить богов и возбуждать меня к гневу!

Потом Агриппин повелел повесить святого на дереве и бить тело его до тех пор, пока нетронутая еще плоть не отпала совсем от костей и не излилась почти вся кровь. А святое лицо мученика он так

---

[1] Эти пророческие слова во всей полноте своей относятся к спасительным страданиям Господа нашего Иисуса Христа. Но они по справедливости могут до некоторой степени относиться и к мученикам Христовым, поскольку они своими страданиями приобщаются страданиям Христовым (см.: 1 Пет. 4, 13).

истерзал железными рогатками, что не оставалось даже и следов человеческого образа, но одни только обнаженные кости. Но святой Платон, имея свободным язык, укорял за жестокость мучителя и проклинал идолов и идолопоклонников.

Тогда мучитель сказал:

— Платон! Если бы ты не был так упорен и непокорен, то уподобился бы тому премудрому Платону, главе философов[1], который составил Божественные учения.

Но святой отвечал:

— Хотя я и одного имени с Платоном, но не одного нрава. Имя же не может соединить тех, кого разделяют верования. Поэтому ни я тому Платону, ни Платон мне не подобен, кроме одного имени. Я учусь и учу той философии, которая — Христова, а он — учитель той философии, которая есть безумие пред Богом, *ибо написано: погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну* (1 Кор. 1, 19: ср. Ис. 29, 14). Учения же, принадлежавшие Платону, которые ты называешь Божественными, суть ложные басни, посредством хитрых слов развращающие умы бесхитростных простецов.

Когда святой перестал говорить, умолк и Агриппин, ибо он не знал, что еще возразить ему и что сделать с ним, и дивился великому его терпению и смелым ответам. Он приказал отвести его в темницу и не дозволять никому из знакомых его приходить к нему. Но, чтобы святой мученик не умер, мучитель велел каждый день давать ему немного хлеба и воды. Не знал он, несчастный, что *не одним хлебом живет человек, но всяким словом, исходящим из уст Господа, живет человек* (Мф. 4, 4).

Но Христов мученик не принимал ничего из рук идолопоклонников и оставался без пищи и пития восемнадцать дней, так что на нем исполнились слова Писания: *праведный своею верою жив будет* (Авв. 2, 4). Надеялся он, что Тот, Кто пропитал Даниила среди львов во рве (см.: Дан. 6), пропитает и его в темнице нетленной пи-

[1] *Философ* — с греческого значит: любитель мудрости. Так называются ученые, посвятившие себя исследованию высших вопросов бытия: о Боге, о начале и законах мира и человека и конечных целях существования мира и тому подобное. — *Платон* — знаменитейший и величайший философ древности (конца V и начала VI века, до Рождества Христова), оставивший по себе множество замечательнейших по глубине мыслей сочинений.

щей. Стражи же, видя, что он не принимает ни хлеба, ни воды, сказали ему:

— Ешь, юноша, и пей, чтобы не умереть тебе и нам не впасть бы в беду из-за тебя.

Но блаженный отвечал:

— Не думайте, братия, что я умру, если не принимаю вашей пищи; вы питаетесь хлебом, я же питаюсь словом Божиим, пребывающим вовеки, — вас насыщают мяса, меня же насыщают святые молитвы, — вас веселят вина, меня же увеселяет Христос, лоза истинная.

После того областеначальник Агриппин, видя, что ничем не может отвратить Платона от Христа, осудил его на усечение мечом. Мученик выведен был из города. Испросив себе час на молитву, он поднял кверху руки свои и сказал:

— Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, что святым Твоим именем Ты защитил меня, раба Твоего, от прельщения вражеского и даровал мне благодать достойно совершить течение подъятого ради Тебя подвига. И ныне молю Тебя, — приими в мире душу мою, ибо Ты благословен вовеки. Аминь.

Потом, преклонив святую главу свою, сказал воину, который должен был усекнуть его:

— Делай, друже, что тебе повелено.

И тотчас же был усечен.

Так подвизался святой мученик Платон и умер за Христа, чтобы жить и царствовать с Ним вовеки[1].

---

[1] Мученическая кончина святого Платона последовала около 306 года. — По кончине его, многие, обращавшиеся к нему с молитвой, получили его чудодейственную помощь. Так, на VII Вселенском соборе (787 год) читано было из письма святого Нила, ученика Иоанна Златоуста, к Илиодору о следующем чуде священномученика Платона. Сын одного инока из Галатии взят был в плен внезапно напавшими варварами. Старец со слезами молил соотечественного ему мученика Платона о помощи в этом заключении. И вот является сыну его всадник на коне, приведший и другого коня, и велит юноше садиться. Юноша узнал в нем мученика, ибо часто видал его таким на иконе; юноша сел на коня; святой же, доставив его отцу, стал невидим. — В Константинополе император Анастасий I с 491 по 518 год построил во имя этого мученика храм, а император Юстиниан (царствовал с 527 по 565 год) возобновил его.

СТРАДАНИЕ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
РОМАНА и отрока ВАРУЛА

Святой мученик Роман происходил из Палестины и был диаконом Кесарийской церкви. Во время гонения язычников на христиан он жил в Антиохии[1], проповедуя учение и утверждая верующих, чтобы они пребывали непоколебимо в исповедании Христовом. Когда же нечестивый епарх Асклипиад хотел разрушить до основания тамошний христианский храм, святой Роман побуждал христианский народ оказать сопротивление епарху и не дать ему разрушать святой храм.

— Нам ныне, — говорил он своим единоверцам, — предлежит борьба за алтари Божии; Асклипиад — враг отечества и хочет отнять Бога у нас, и мы хорошо сделаем, если, защищая алтари Божии, падем, израненные, на пороге святого храма. Чем бы ни кончилась борьба, мы, христиане, окажемся победителями: если не дадим разрушить дом Божий, то восторжествуем в Церкви воинствующей на земле; а если падем убитыми при святом алтаре, то воспоем победную песнь в Церкви торжествующей на небесах.

Такими словами он возбудил всех стать на защиту святого храма и с решимостью сопротивляться до самой смерти и не дозволить епарху войти в храм и разрушить его.

В это время наступил один языческий праздник, и множество язычников стекалось в идольское капище с женами и детьми. Тогда святой Роман воспламенился Божественною ревностью, вступил в толпы нечестивого народа и громогласно начал обличать его заблуждение. Он остановил даже и самого епарха Асклипиада, когда тот входил в идольский храм, и сказал ему:

— Прельстился ты, епарх, идя к идолам: идолы — не боги, но Един есть истинный Бог — Иисус Христос.

Епарх тотчас же повелел схватить Романа и сильно бить по устам. Потом, воссев на судилище, долго принуждал его отречься от Христа; когда же увидел его непокорным, повелел мучить. Его повесили, стали бить разными орудиями и терзать железными рогатками. Но

---

[1] Это было 17 ноября 303 года, при соправителе Римского императора Диоклетиана, Максимиане Галерии.

святой Роман, мужественно перенося эти муки, исповедовал Единого Бога, Создателя всех, и укорял епарха в безумии за то, что он не хотел познать истины.

Когда святой страдал так и, претерпевая мучения, мужественно проповедовал Христа, там стояло много народа, как из неверных, так и из верующих, смотревшего на подвиг страдальца Христова. Недалеко стоял там и один христианский отрок, по имени Варул. Взглянув на него, мученик сказал мучителю:

— Этот малый отрок разумнее тебя, старейшего, хотя он еще и малолетен, — так как знает истинного Бога, а ты, в преклонном возрасте, не знаешь Его.

Тогда епарх, подозвав к себе отрока, спросил его:

— Какого Бога чтишь ты?

— Чту Христа, — ответил отрок.

Епарх спросил его:

— Что лучше — одного ли Бога чтить или многих?

— Лучше чтить Единого Бога, Иисуса Христа, — отвечал отрок.

Епарх опять спросил его:

— Чем Христос лучше всех богов?

Отрок отвечал:

— Тем Христос лучше, что Он — истинный Бог и создал всех нас, ваши же боги — бесы и не создали никого.

И многое другое говорил отрок, как будто он был премудрым богословом: Дух Святой, действуя в нем, совершал хвалу из уст его для посрамления нечестивого епарха и всех идолопоклонников.

Мучитель и все бывшие при нем, изумляясь разуму отрока и мудрым словам его, почувствовали великий стыд от того, что не могли опровергнуть слов его. Поэтому мучитель повелел безжалостно сечь

Варула розгами. После долгого сечения Варул начал изнемогать и попросил пить. Но его мать, стоявшая там в народе и с радостью смотревшая на страдания своего сына, увидав его изнемогающим и просящим пить, с настойчивою строгостью велела ему мужественно переносить страдания до конца. Когда же мучитель приказал усечь (обезглавить. — *Ред.*) отрока мечом, мать взяла его на свои руки и понесла на место усечения. Обнимая и целуя, она утешала его и укрепляла, чтобы он не боялся при виде меча над своею головой:

— Не бойся, сын мой, — говорила она. — Не бойся, милое мое чадо! Не страшись смерти! Не умрешь ты, но жив будешь вовеки! Не ужасайся, цвете мой! Ты немедленно же будешь перенесен в райские сады! Не бойся меча! Как только ты будешь усечен, тотчас же отойдешь ко Христу и узришь славу Его. Он приимет тебя с любовию, и ты будешь жить с Ним в радости неизреченной, наслаждаясь блаженством с Его святыми Ангелами.

Так утешая свое дитя, благочестивая мать донесла его до места казни. После усечения отрока, мать собрала его кровь в чистый сосуд и, взяв тело его, обливала его радостными слезами, с любовью лобызая его и радуясь, что сын ее пролил за Христа свою кровь, от нее воспринятую. После того, она предала тело своего сына честному погребению.

После усечения святого Варула святой Роман был осужден на сожжение. Связанный и обложенный кругом дровами, святой Роман, когда слуги еще не подлагали огня и не поджигали дров, ожидая последнего слова от судьи, с средины костра громко воскликнул, обращаясь к мучителям:

— Где же огонь? Почему не зажигаете его? Зажгите, чтобы пламень охватил меня всего вокруг.

Когда огонь был зажжен и дрова со всех сторон сильно разгорелись, внезапно полил сильный дождь и погасил огонь. Святой Роман остался жив и нисколько не потерпел вреда от огня. После этого за смелые речи святого мученика (так как он порицал нечестивых язычников, укоряя их безумие и проклиная их богов, а Христа, Единого Бога, прославлял) мучитель повелел отрезать ему язык. Но он сам дал мучителям язык свой на урезание. Но, и по урезании богоглаголивого языка, не смолк Исповедник Христов, но сверхъестественным образом и без языка говорил ясно, как и прежде, прослав-

ляя Единого Бога. Потом ввергли его в темницу, в которой он пробыл долгое время, с забитыми в колодку ногами. Когда же сообщено было о нем императору Максимиану, что и с отрезанным языком он хорошо говорит, тогда император повелел удавить его. Войдя в темницу, воины затянули веревку на шее его и удавили[1].

Так святой мученик Роман окончил подвиг своего страдания за Христа, в царствии Коего он ныне прославляется, славя Святую Троицу во веки веков. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ЗАКХЕЯ и АЛФЕЯ

В Кесарии Палестинской, с приближением двадцатилетия царствования императоров, заключенным в темницах объявлялось обыкновенно прощение преступлений. Так было и в царствование Диоклетиана. При этом правитель области, даровав свободу даже величайшим преступникам, христиан подверг жесточайшим мучениям. В это время за исповедание Христовой веры был схвачен диакон Гадаринской церкви Закхей[2]. Спрошенный на судилище о вере, он смело и безбоязненно исповедовал Христа. За это его подвергли жестоким истязаниям: секли розгами, затем терзали когтями и, наконец, забив ноги его в колодки, ввергли в темницу. Святой доблестно переносил мучения. Когда мучили святого Закхея, приведен был на судилище еще один исповедник за имя Христово, именем Алфей. Он происходил из знатного рода и был родственником Закхея, родился же в палестинском городе Елевферополе[3]. Когда началось Диоклетианово гонение на христиан, Алфей занимал должность чтеца в Кесарийской церкви. Гонение, воздвигнутое на исповедников Христовой веры, было очень жестоким, и многие из христиан не снесли тяжести мучений, отпали от веры Христовой и

---

[1] † в 303 году.

[2] Город *Гадара* был расположен на юго-восток Геннисаретского озера, на южном берегу реки Иеромакса.

[3] *Елевферополь* расположен был в южной части Палестины, в прежней Иудее.

уже готовы были принести жертвы идолам. Тогда Алфей, ревнуя о Боге, вбегает в толпу отпавших и отвлекает их от идольских жертв. За это он был схвачен и в оковах отведен в темницу. Через несколько дней его подвергли таким же мучениям, как и родственника его Закхея: секли розгами, раздирали когтями и, наконец, заковали в одну колодку вместе с праведным Закхеем. В таком положении они пробыли ночь и день. Когда и после этих мучений святые мученики продолжали непрестанно исповедовать Христа, их обезглавили[1]. Так скончались святые мученики, претерпев многие страдания за имя Христово.

[1] Это было в 303 году.

День девятнадцатый

ЖИТИЕ
СВЯТОГО ПРОРОКА
АВДИЯ

Святой пророк Авдий был родом из села Вифарама, близ Сихема[1]; он служил при дворе царей Израильских и был домоправителем у царя Ахава[2]. От юности своей он был весьма богобоязнен, и когда весь Израиль отступил от Бога и стал поклоняться скверному Ваалу[3], он тайно служил Единому истинному Богу отцов своих, спасшему Израиля от Египта и проведшему его через Чермное море посуху. Когда беззаконная Иезавель истребляла всех пророков Господних[4], Авдий взял сто пророков, скрыл их по пятидесяти в двух

---

[1] *Сихем* — ныне *Наблус* — один из древних городов Палестины — лежал в Самарии на горе Ефремовой, в восемнадцати часах пути от Иерусалима, в высокой и богатой плодородной долине между горами Гаризин и Гевал. В настоящее время город потерял свое прежнее первостепенное значение: богат во множестве сохранившимися древнейшими своими памятниками.

[2] *Ахав*, сын Амврия, нечестивейший царь Израильский, царствовал с 924 по 903 год до Рождества Христова.

[3] *Ваал*, с еврейского: «господин», «владыка», почитался финикиянами верховным богом, которому поклонялись и изменившие своей вере израильтяне. В образе его язычники обоготворяли солнце и мужскую производительную силу, действующую через жену свою Астарту, в образе которой обоготворялась луна. Поклонение им отличалось крайней гнусной развращенностью и чувственными, безнравственными обрядами.

[4] *Иезавель* — дочь царя — жреца Сидонского, жена Ахава, отличалась крайним нечестием и беспутными нравами. Слепо подчиняясь ее влиянию, Ахав превзошел нечестием всех своих предшественников и предался самому постыдному идолопоклонству. Он построил в Самарии храм Ваалу, позволил Иезавели воздвигнуть на

пещерах и кормил их хлебом и водою во время голода, бывшего во дни пророка Илии[1]. Однажды Ахав призвал Авдия и сказал ему:

— Пойди по земле ко всем источникам водным и ко всем потокам на земле, не найдем ли где травы, чтобы нам прокормить коней и лошаков и не лишиться скота.

И разделили они между собою землю, чтобы обойти ее: Ахав особо пошел одною дорогою, и Авдий особо пошел другою дорогою. Когда Авдий шел дорогою, навстречу ему показался Илия. Он узнал его, и пал на лицо свое, и сказал:

— Ты ли это, господин мой Илия?

Тот сказал ему:

— Я; пойди скажи господину твоему: Илия здесь.

Он сказал:

— Чем я провинился, что ты предаешь раба твоего в руки Ахава, чтобы умертвить меня? Жив Господь Бог твой! Нет ни одного народа и царства, куда бы не посылал государь мой искать тебя; и когда ему говорили, что тебя нет, он брал клятву с того царства и народа, что не могли отыскать тебя. А ты теперь говоришь: пойди, скажи господину твоему: Илия здесь. Когда я пойду от тебя, тогда Дух Господень унесет тебя, не знаю куда; и если я пойду уведомить Ахава и он не найдет тебя, то он убьет меня, а раб твой богобоязнен от юности своей. Разве не сказано господину моему, что я сделал, когда Иезавель убивала пророков Господних, как я скрывал сто человек пророков Господних, по пятидесяти человек, в пещерах и питал их хлебом и водою? А ты теперь говоришь: пойди, скажи господину твоему. Не посылай меня к нему возвестить о тебе.

И сказал Илия:

— Жив Господь Саваоф, пред Которым я стою! Сегодня я покажусь ему.

И пошел Авдий навстречу Ахаву, и донес ему об Илие. И когда Ахав увидел Илию, пророк Божий обличил его в заблуждении и за-

---

своей земле алтари Божествам Сирским и Сидонским и содержать при себе множество ложных пророков языческих. Наконец Иезавель воздвигла гонение на пророков Бога истинного, и они все погибли бы, если бы Авдий, домоправитель царский, не скрыл их от ее неистовства (см.: 3 Цар. 18, 4).

[1] *Илия Фесвитянин* — славнейший из пророков ветхозаветных, начальник общества сынов пророческих в царстве Израильском, грозный обличитель пророков Вааловых и нечестия Ахава и Иезавели. Память его совершается 20 июля.

тем сотворил великое чудо: свел огонь с неба на жертвы и воду, как пишется о том в третьей книге Царств (см.: 3 Цар. 18, 4–8). Видя это, Авдий радовался всемогущей силе Бога своего, и распалялся любовью к нему и горел ревностью о Нем, и усерднее служил Ему, исполняя заповеди Его. Затем, когда умер Ахав и царство Израильское после него принял сын его Охозия[1], Авдий нес воинскую службу. По свидетельству святого Дорофея и блаженного Иеронима, он был один из трех пятидесятников, посланных Охозиею к пророку Илии, из коих двух сжег огонь, упавший с неба, по слову пророка, а третий, который и был Авдий, был помилован: он приступил со смирением к святому пророку Илие, и умолял его, и говорил ему: «Человек Божий! Да не будет презрена душа моя и душа рабов твоих этих пятидесяти пред очами твоими».

Потому-то и пощадил его Илия и, встав, пошел с ним к царю. С того времени Авдий оставил царскую службу, и пошел за святым пророком Илиею, и получил дух пророчества, как сохранивший и питавший пророков Господних и сам последовавший за пророком (см.: 4 Цар. 1, 13–15). По смерти он был погребен вместе со своими предками[2].

---

[1] *Охозия* — царь Израильский, преемник Ахава, умер на втором году своего царствования, еще при жизни своего отца, оставив престол брату своему Иораму.

[2] Авдий был похоронен в Самарии; жил и действовал в конце X и в начале IX века до Рождества Христова; оставил по себе пророческую книгу, которая занимает четвертое место в ряду книг так называемых малых пророков и состоит из одной главы. Его пророчества почти все направлены против эдомитян, или идумеев. В конце книги есть мессианское пророчество о спасении от Сиона и об открытии царства Господня, которое ясно указывает на Церковь Новозаветную.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНЫХ
ВАРЛААМА и ИОАСАФА,
царевича Индийского, и отца его —
ЦАРЯ АВЕНИРА

Есть на Востоке страна, весьма обширная, называемая Индиею, заселенная многими народами и всякими богатствами и плодами превосходящая другие страны, границами же своими приближается она к пределам персидским. Страна эта была просвещена некогда святым апостолом Фомою, но не оставила до конца служения идолам, ибо многие, закоренев в язычестве, не приняли спасительного учения и держались бесовской прелести. С течением времени нечестие разрослось, как терние, стало подавлять доброе семя благочестия, так что язычников в Индии стало гораздо более, чем верных.

В той стране вступил на престол один царь, по имени Авенир, великий и славный силою и богатством, но весьма бедный духом, ибо он был язычник и служил бесам, а не Богу, поклоняясь бездушным идолам, и жестоко гнал Церковь Христову, а особенно учителей церковных, пресвитеров и иноков. Некоторые из его придворных, уверовав во Христа и убедившись в суете мира этого, оставили все и сделались иноками; вследствие этого царь пришел в великую ярость. Схватив многих иноков, он предал их смерти и повелел всюду принуждать христиан поклониться идолам. Послал он и по всем подвластным ему странам указ князьям и начальникам областей о том, чтобы мучениями и всякого рода убийствами изводили всех верующих во Христа и не желающих поклониться идолам. Вследствие этого, многие из верующих поколебались, — и некото-

рые, не имея сил перенести мучения, отпали от веры; но другие сами отдавались на мучения и, крепко страдая за Господа своего, полагали за Него души свои. Большинство же, скрывая свою веру ввиду опасности, тайно служили Господу, соблюдая Его святые заповеди, а иные бежали в пустыни, особенно иноки, и там скрывались в горах и дебрях.

Прпп. Варлаам и Иоасаф

В это время родился у царя сын и назван был Иоасафом. Младенец был черезвычайно красив, и эта необыкновенная красота как бы предзнаменовала имевшую быть в нем великую красоту душевную. Царь, собрав множество волхвов и гадателей по звездам, расспрашивал их о том, что ожидает младенца, когда он придет в возраст. Те, после многих наблюдений, сказали, что он будет выше всех до него бывших царей. Один же из гадателей, самый мудрый, не по течению звезд, но, как некогда Валаам (см.: Числ. 22–24)[1] — по Божественному откровению, сказал царю:

— Младенец не придет в возраст в твоем царстве, а в другом — лучшем и несравненно большем; думаю также, что он примет гонимую тобою христианскую веру, и ожидаю, что не окажется ложным это мое пророчество.

Царь, услышав, что сын его будет христианином, сильно опечалился и раздумывал, что бы сделать, чтобы пророчество это не исполнилось. Он выстроил особое прекрасное здание со множеством светлых помещений, где и должен был воспитываться Иоасаф. Когда же он начал подрастать и приходить в смысл, царь приставил к нему пестунов и слуг, юных возрастом и прекрасной наружности, и приказал, чтобы они не позволяли никому постороннему приходить к царевичу, который не должен видеть никого, кроме

---

[1] *Валаам* — пророк из города Пефора, близ Харрана, в Месопотамии. О нем была такая молва, что кого он благословит, тот будет благословен, и кого проклянет, тот будет проклят. Валак, царь Моавитский, устрашенный победами израильтян, призвал Валаама, чтобы он проклял их, но, вразумленный Богом, Валаам вместо проклятия произнес слова благословения.

них. Кроме того, царь распорядился, чтобы они ничего не говорили царевичу о печалях этой жизни: смерти, старости, болезни и других подобных скорбях, знание которых могло бы препятствовать его веселью, но предлагали бы его вниманию только прекрасное и веселое — для того, чтобы ум его, всегда занятый наслаждениями и удовольствиями, не мог размышлять о будущем. Он повелел также, чтобы никто не смел сказать ни одного слова о Христе, так чтобы Иоасаф никогда не слышал даже имени Христова, ибо всего более желал царь скрыть от него это имя, боясь, как бы не исполнилось предсказание звездочета; если же с кем-либо из служащих приключилась бы болезнь, его дóлжно было уводить от царевича, а вместо него назначался другой, молодой и красивый, чтобы глаза царевича не видали ничего скорбного. Когда же царь узнал, что в его земле еще есть несколько уцелевших иноков, каковых, он думал, уже нет и следа, то пришел в великую ярость и тотчас же послал вестников по всем странам и городам, которые должны были объявить, чтобы по истечении трех дней во всем царстве не оставалось ни одного инока; оказавшиеся же налицо, после указанного срока, пусть будут преданы смерти через сожжение или усечение мечом: ибо они, говорил царь, научают людей чтить Распятого, как Бога.

Итак, царский сын, безвыходно находясь в устроенном ему помещении, достиг юношеского возраста, постиг всю индийскую и египетскую мудрость и был весьма разумен и понятлив и украшен всяким благонравием. Он задумывался над тем, ради чего отец держит его в безвыходном затворе, и спросил об этом одного из своих пестунов. Этот, видя, что отрок имеет совершенный разум и очень добр, подробно поведал ему все, что предсказали о нем звездочеты, когда он родился и как отец его воздвиг гонение на христиан, особенно на иноков, из которых многих убил, прочих же изгнал из своей земли, ибо он боялся, говорил пестун, как бы ты не сделался христианином. Услышав это, царский сын замолчал и про себя обсуждал все сказанное пестуном.

Царь часто посещал сына, потому что очень любил его. Однажды Иоасаф сказал ему:

— Хотелось бы мне, отец мой, узнать от тебя нечто о том, о чем постоянно я скорблю и печалюсь.

Отец, объятый сердечною болью, отвечал:

— Скажи, милое дитя, какая печаль овладела тобою, и я сейчас же постараюсь переменить ее на радость.

Тогда Иоасаф спросил:

— Что за причина моего заключения здесь, почему ты скрываешь меня за стенами и воротами, лишил выхода отсюда и сделал невидимым для всех?

Отец отвечал:

— Не хочу я, дитя мое, чтобы ты видел что-нибудь из того, что могло бы вызвать скорбь в твоем сердце и лишить тебя радостной жизни; я желаю тебе прожить весь свой век в беспрерывных утехах, во всякой радости и веселии.

— Так знай же, отец, — отвечал отрок, — что затвор этот доставляет мне не радость и веселие, а такую скорбь и печаль, что и самая пища и питие кажутся мне не сладкими, а горькими: я желаю видеть все, что есть за этими воротами; поэтому, если ты не хочешь, чтобы я погиб от скорби, то позволь мне выходить, куда я хочу, и наслаждать душу зрением того, чего я не видал доселе.

Опечалился царь, услышав это, и решил, что если он запретит сыну выход, то повергнет его в еще большую скорбь и печаль, и сказал он сыну:

— Пусть будет, дитя мое, по твоему желанию.

И тотчас же велел привести лучших коней и приготовить все, что приличествует царской чести, и уже более не запрещал сыну выходить, куда он захочет. При этом он приказал спутникам царевича, чтобы они не допускали до встречи с ним ничего предосудительного или печального, но показывали бы ему только одно хорошее и прекрасное, что веселит глаза и сердце; по дороге он повелел всюду устраивать хоры поющих, а пред ним идти со всякого рода музыкой и представлять различные зрелища, чтобы всем этим услаждался дух царевича.

Часто выходя из дворца с такими почестями и утехами, царский сын в один день увидел, по рассеянности слуг, двух людей, из которых один страдал проказою, а другой был слеп. Он спросил сопровождавших его: кто это и почему они — таковы? Сопровождавшие, будучи уже не в состоянии скрыть немощь человеческую, сказали:

— Это — страдания человеческие, которые обыкновенно приключаются людям от тленной природы и немощного устройства плоти нашей.

Отрок спросил: «Со всеми ли людьми это происходит?»

Ему отвечали:

— Не со всеми, но с теми, здоровье которых расстраивается от злоупотребления благами земными.

Тогда отрок спросил:

— Если это происходит не со всеми людьми обычно, то знают ли те, которых имеют постигнуть эти беды, или же они приходят внезапно и неожиданно?

Сопровождавшие отвечали:

— Кто из людей может знать будущее?

Царевич перестал спрашивать, но восскорбел сердцем о виденном, необычайном для него явлении, и изменилось выражение лица его. Немного дней спустя, находясь опять на пути, встретил он дряхлого старца, с морщинистым лицом, расслабленными членами, сгорбленного, всего седого, беззубого и еле говорящего. Увидев его, отрок пришел в ужас и, велев привести его к себе, спросил приведших: кто это и отчего он — такой? Они отвечали:

— Ему уже много лет, и так как силы его мало-помалу убывали и члены ослабевали, то и пришел он в ту дряхлость, какую ты видишь.

Юноша сказал:

— Что же с ним будет далее, когда он проживет еще более лет?

Они отвечали ему:

— Ничего более, как только смерть возьмет его.

Юноша спросил:

— Всем ли людям предстоит то же или же это бывает только с некоторыми?

Они отвечали:

— Если смерть не постигнет кого в юности, то невозможно человеку, после многих лет, не прийти в такую же дряхлость.

Отрок спросил:

— В какие годы постигает это людей, и если смерть предстоит всем без исключения, то нет ли какого-нибудь средства избежать ее и не впасть в такую беду?

Ему сказали:

— В восемьдесят или в сто лет приходят люди в такую дряхлость и потом умирают, и иначе не может быть, ибо смерть есть естественный долг человека, и наступление ее неизбежно.

Увидав и услышав все это, разумный юноша, вздохнув из глубины сердца, сказал:

— Если это так, то горька эта жизнь и полна всяких скорбей; и кто может быть беспечальным, всегда находясь в ожидании смерти, пришествие которой не только неизбежно, но, как вы сказали, и неизвестно?

И пошел он в свой дворец, и был в великой печали, беспрестанно размышляя о смерти и говоря сам себе:

— Если все умирают, то и я умру, да еще и не знаю, когда... Когда же умру, кто вспомнит обо мне? Пройдет много времени, и все придет в забвение... Нет ли какой-либо иной жизни после смерти и другого мира?

И был он весьма смущен этими мыслями; однако не сказал ничего своему отцу, а только много расспрашивал вышеназванного пестуна, не знает ли он кого-нибудь, могущего поведать ему обо всем и утвердить ум его, изнемогающий в размышлениях? Пестун сказал:

— Я говорил тебе раньше, как отец твой тех мудрых пустынников, которые всегда размышляли об этих вещах — одних убил, других, в гневе, изгнал, и теперь не знаю никого из них в наших пределах.

Юноша сильно скорбел по этому поводу, жестоко болел душою и проводил жизнь в непрестанной печали: оттого вся сладость и красота мира этого были в глазах его мерзостию и нечистотою. И Бог, хотящий всем спастись и в разум истины приити, по обычному Своему человеколюбию и милости, наставил отрока на правый путь следующим образом.

Был в то время один премудрый и в добродетелях совершенный инок, по имени Варлаам, саном священник, живший в пустыне Сенаридской. Наставляемый Божественным откровением, он узнал о положении царского сына, вышел из пустыни и, переменив одежды, принял вид купца и, сев на корабль, отправился в Индийское царство. Приплыв к городу, в котором находился дворец царского сына, он прожил там много дней и собрал подробные сведения о царевиче и его приближенных. Узнав же, что вышеназванный пестун ближе всех к царскому сыну, старец отправился к нему и сказал:

— Знай, господин мой, что я — купец и пришел из далекой страны; есть у меня драгоценный камень, подобного которому не находили никогда и нигде и которого я до настоящего времени никому не показывал, а теперь говорю тебе о нем потому, что вижу, что ты человек разумный и смышленый; итак, введи меня к царскому сыну и я отдам ему тот камень, цены которого никто исчислить не может, ибо он превосходит всякие добрые и многоценные вещи: он подает слепым зрение, глухим слух, немым язык, больным здоровье, изгоняет из людей бесов, во всем умудряет безумных и дает приобретшему его все желаемые блага.

Пестун сказал ему:

— По виду ты старик, а между тем говоришь пустые слова и безмерно похваляешься: сколько я ни видал драгоценных камней и жемчуга и сколько ни имел их у себя, но камня, имеющего такую силу, как ты сказал, не видел и не слышал. Впрочем, покажи мне его, и, если слова твои окажутся справедливыми, я тотчас введу тебя к царскому сыну, и ты удостоишься от него почестей и получишь соответствующее вознаграждение.

Варлаам же сказал:

— Справедливо сказал ты, что не видел и не слышал о таком камне нигде, но верь словам моим, что он есть у меня: я не похваляюсь и не лгу на старости лет, а говорю истину, а что ты попросил посмотреть его, так послушай, что я скажу: мой драгоценный камень, с его действиями и чудесами, имеет еще и то свойство, что не может видеть его тот, кто не имеет здоровых очей и чистого, совершенно непорочного тела; если же кто, оскверненный, нечаянно увидит тот камень, то потеряет и зрение, и ум. Я же, зная врачебное искусство, вижу, что очи твои болят, и потому боюсь показать тебе мой камень, чтобы не сделаться виновником твоего ослепления; о сыне же царском я слышал, что он ведет беспорочную жизнь и имеет очи здоровые и ясные, а потому и хочу показать ему свое сокровище; так не будь же нерадив и не лиши своего господина такой важной покупки.

Пестун отвечал ему:

— Если так, то не показывай мне камня, ибо я осквернил себя многими нечистыми делами и, как ты сказал, даже по виду нездоров; а словам твоим я верю и господину моему сказать не поленюсь.

И отправившись во дворец, пестун рассказал царевичу все по порядку, и он, выслушав речь пестуна, ощутил в сердце своем какую-то радость и духовное веселие и велел тотчас же внести к себе купца.

Варлаам вошел к царевичу, поклонился ему и приветствовал его мудрою и приятною речью. Царевич велел ему сесть. Когда же пестун ушел, Иоасаф сказал старцу:

— Покажи мне камень, о котором ты рассказывал моему пестуну такие великие и дивные вещи.

Варлаам же обратился к нему с такою речью:

— Все, сказанное тебе обо мне, царевич, истинно и несомненно, ибо неприлично мне говорить пред твоим величеством что-либо ложное; но прежде чем не узнаю я твоих мыслей, я не могу открыть тебе великую тайну, ибо владыка мой сказал: «Вышел сеятель сеять. И когда он сеял, иное упало при дороге; и налетели птицы и поклевали то. Иное упало на места каменистые, и, взойдя, засохло, ибо не имело влаги. Иное упало в терние и заглушило его терние. Иное упало на добрую землю и принесло плод сторицею» (см.: Мф. 13, 3–8). Итак, если я найду в твоем сердце землю плодоносную и добрую, я не поленюсь сеять в тебе Божественное семя и открыть тебе великое таинство. Если же земля эта будет каменистая и полная терния, или — придорожная, попираемая мимоидущими, то лучше совсем не бросать в нее спасительного семени и не отдавать его на расхищение птицам и зверям, метать пред которыми бисер строго запрещено. Но я надеюсь найти в тебе наилучшую землю, для того, чтобы тебе — принять словесное семя, и увидеть бесценный камень, и просветиться зарею света, и принести плод сторичный; ибо ради тебя я принял много труда и прошел далекий путь, чтобы показать тебе то, чего ты не видал, и научить тому, чего ты никогда не слыхал.

Иоасаф отвечал ему:

— Я, старче честный, одержим невыразимым желанием слышать новые и добрые слова, и внутри сердца моего горит огонь, разжигающий меня к познанию некоторых важных и необходимых вещей, и до этого дня не нашел я человека, могущего разъяснить мне то, что у меня в уме, и наставить меня на правый путь. Если же я нашел бы такого человека, то услышанные от него слова я не отдал бы на съедение птицам и зверям, не оказался бы каменным и

полным терния, как ты сказал, но с благодарностью принял бы и сохранил их в сердце своем. И ты, если знаешь что-либо, не скрывай от меня, а поведай мне, ибо, как только услышал я, что ты пришел из далекой земли, тотчас возрадовалась душа моя и я вознадеялся через тебя получить желаемое: потому-то и допустил я тебя немедленно к себе и с радостью принял, как кого-либо из знаемых или сверстников моих.

Тогда Варлаам, отверзши уста свои, полные благодати Святого Духа, начал говорить ему о Едином Боге, все сотворившем, и о всем, что совершилось от начала мира: о грехопадении Адама и об изгнании из рая, о праотцах и пророках; затем — о воплощении Сына Божия, о вольной Его страсти и о воскресении; о Святой Троице, о крещении и о всех тайнах святой веры: ибо Варлаам был весьма премудр и искусен в Священном Писании. Изъясняя учение притчами и подобиями, украшая речь свою прекрасными рассказами и изречениями, он размягчил, как воск, сердце царевича, который чем далее, тем внимательнее, с наслаждением слушал его. Наконец, царевич познал, что тот бесценный камень есть Христос Господь, ибо свет воссиял в душе его и открыл очи его ума, так что он уверовал без всяких сомнений всему, что поведал ему Варлаам. И восстав с своего престола, он подошел к премудрому старцу и, в радости обняв его, сказал:

— О достойнейший между людьми! Это-то и есть, как думаю, тот бесценный камень, который ты имеешь втайне и не всякому желающему показываешь, но только достойным, у которых здравы душевные чувства; ибо как только слова твои достигли до моего слуха, вошел сладостный свет в сердце мое и тотчас исчез тяжкий покров печали, долгое время лежавший на моей душе. Итак, скажи мне, правильно ли я рассуждаю об этом, а если знаешь что-либо еще лучшее, поведай мне.

И Варлаам, продолжая слово, говорил ему о доброй и злой смерти, о всеобщем воскресении, о жизни вечной, о воздаянии праведным и о муке грешников; и привел его своими словами в великое умиление и сердечное сокрушение, так что весь он был в слезах и долго плакал. Кроме того, Варлаам рассказал ему о суете и непостоянстве мира сего, и об отвержении его, и иноческом и пустынном житии.

Как драгоценные камни в сокровищнице, слагал Иоасаф все слова Варлаама в сердце своем и так насладился его беседою и полюбил его, что захотел быть с ним всегда неразлучно и слушать его учение. Расспрашивал он его о пустынном житии, о пище и об одежде, говоря:

— Скажи мне, какова пища твоя и живущих с тобою в пустыне, откуда у вас одежда и какая?

Варлаам сказал:

— Пищей служат нам древесные плоды и травы, растущие в пустыне. Если же кто из верующих принесет нам немного хлеба, то мы принимаем приносимое, как посланное Божественным промыслом; одежда же наша — власяная и из кож овечьих и козьих, весьма ветхая и вся в заплатах, одинаковая зимою и летом, а ту одежду, которою я покрыт сверху, я взял у одного верного мирянина, чтобы не узнали, что я инок: если бы я пришел сюда в собственной одежде, то не был бы допущен к тебе.

Иоасаф попросил старца показать ему обычные иноческие одежды, и тогда Варлаам снял верхнюю одежду, и страшное зрелище представилось Иоасафу: тело старца все иссохло и почернело от действия солнца, кожа держалась только на костях, от чресл до колен он опоясан был раздранным и колючим власяным рубищем и такую же мантию имел на плечах. Иоасаф удивился такому тяжкому подвигу и, придя в изумление от великого терпения старца, вздохнул и заплакал, и умолял старца взять его с собою на такое же пустынное житие.

Варлаам сказал:

— Не желай этого сейчас, чтобы из-за тебя не обрушился на братию гнев твоего отца, но прими крещение и останься здесь, а я отправлюсь один; когда же Господь захочет, придешь ко мне и ты, ибо я верю, что и в этом веке и в будущем мы будем с тобою жить вместе.

Иоасаф, со слезами, сказал:

— Если такова воля Господа Бога, то соверши надо мною святое крещение и возьми у меня побольше золота, чтобы отнести твоим братиям, находящимся в пустыне, на пищу и одежду.

— Богатые дают убогим, — отвечал Варлаам, — а не убогие богатым: как же ты хочешь дать нам, богатым, сам будучи убогим? Ведь

самый последний из нашей братии богаче тебя несравненно. Надеюсь, что и ты, по милости Божией, вскоре обогатишься этим истинным богатством; но когда ты разбогатеешь именно таким образом, то сделаешься скупым и несообщительным.

Иоасаф не понял сказанного ему, и Варлаам объяснил ему тогда свои слова в том смысле, что, оставляющие все земное ради Христа, приобретают блага небесные, а между тем малейший небесный дар дороже всех богатств мира этого. При этом он присовокупил Иоасафу:

— Золото часто бывает причиною греха, и потому мы не держим его у себя, а ты хочешь, чтобы я отнес братиям моим змия, которого они уже попрали ногами.

Затем он посоветовал Иоасафу готовиться к священному крещению, заповедал ему продолжительный пост и молитву, а сам удалился от него и в уединенном месте молился за него Богу. На другой день он снова пришел к нему и долго поучал его истинной вере. И так в течение продолжительного времени старец приходил ежедневно к царевичу и излагал пред ним учение пророков и апостолов и святоотеческие предания. В тот же день, в который он вознамерился крестить Иоасафа, Варлаам изрек ему следующее поучение:

— Вот, ты хочешь принять печать Христову, знаменоваться светом лица Божия и быть сыном Божиим и храмом Святого и Животворящего Духа: веруй же теперь в Отца, и Сына, и Святого Духа, во Святую и Живоначальную Троицу, в трех Ипостасях и во едином Божестве славимую, раздельную Ипостасями и ипостасными свойствами, но единую существом. Итак, веруй во Единого Бога — Отца нерожденного и Единого Господа нашего Иисуса Христа, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного прежде всех век; ибо от Всеблагого Отца родился Всеблагой Сын, от нерожденного Света воссиял Свет Присносущный, от истинной Жизни произошел животворящий Источник, от самой силы Отчей явилась сила Сыновняя, Который есть Сияние славы и слово Ипостасное, искони сущий у Бога и Сам сущий Бог, безначальный и присносущный, через Которого получило бытие все видимое и невидимое. И веруй во Единого Духа Святого, от Отца исходящего, Бога совершенного и животворящего, освящающего, имеющего такую же волю, всемогущего, соприсносущного, пребывающего в своей Ипостаси. Итак,

поклоняйся Отцу и Сыну и Святому Духу, в трех Ипостасях, с различными свойствами, но в едином Божестве. Общее всем им есть Божество, и едина есть природа Их, и едино существо, и едина слава, едино царство, едина сила, едина власть; общее же Сыну и Святому Духу то, что они от Отца; собственное же у Отца — нерождение, у Сына — рождение и у Духа — исхождение. Так веруй этому; но не пытайся постигнуть образ рождения или исхождения, ибо он непостижим, а правым сердцем без всякого исследования принимай, что Отец, Сын и Святой Дух по всему суть едино, кроме нерождения, рождения и исхождения; и что Единородный Сын и слово Божие и Бог, нашего ради спасения, сошел на землю, по благоволению Отца, и содействием Святого Духа без семени зачался во утробе Святой Девы и Богородицы Марии и нетленно родился от Нее и был совершенным Человеком, ибо Он есть как совершенный Бог, так и совершенный Человек, из двух естеств, то есть Божества и человечества, — в двух естествах разумных, имеющих волю и действие и во всем имеющих совершенство, по свойству каждого естества, содержащих волю, слово и власть, — по Божеству и человечеству в едином составе, — и все это принимай без исследования умом и не пытайся узнать самого образа, каким все это произошло: как умалил себя Сын Божий, и человек произошел от девических кровей без семени и нерастленно, или каким образом произошло соединение. Все это мы научены содержать верою, как преданное нам в Божественных Писаниях, но уразуметь и выразить самую сущность не можем. Веруй в Сына Божия, по милосердию Своему ставшего Человеком и принявшего все свойства естества человеческого, кроме греха: ибо Он чувствовал голод и жажду, спал, утруждался и скорбел по человечеству и за беззакония наши был предан смерти, распят и погребен, вкусив действительной смерти, в то время как Божество в Нем пребывало бесстрастным и неизменным. Мы ничего, относящегося к страданию, отнюдь не применяем к Его бессмертному Божественному естеству, но исповедуем, что Он пострадал и был погребен воспринятым Им Его человеческим естеством, а силою Божественною воскрес из мертвых в нетлении и восшел на небеса, и опять имеет прийти со славою, чтобы судить живых и мертвых (см.: Ин. 5, 20) и воздать каждому по делам его правою мерою (см.: Мф. 16, 27; Откр. 22, 12): ибо воскреснут мертвые и восстанут сущие во гробах, причем сохранившие запо-

веди Христовы и отшедшие в правой вере наследуют жизнь вечную, а осквернившие себя грехами и уклонившиеся от истинной веры пойдут в муку вечную. И не веруй, что есть какая-то изначальная сущность или царство зла, и не воображай, что оно — безначально, или самостоятельно, или получило свое начало от Бога: думать так — безрассудно. На самом деле зло проникает в нас по нашей собственной вине и действию диавола через нашу невнимательность к самим себе. Так как мы обладаем свободою воли, то можем по собственному хотению выбирать или доброе, или злое. Исповедуй также едино крещение от воды и Духа во оставление грехов. Принимай причастие Пречистых Христовых Тайн, веруя, что это — воистину Тело и Кровь Христа Бога нашего, которые дал Он верующим во оставление грехов, ибо в ночь, в которую был предан, твердо завещал Он святым Своим ученикам и апостолам и всем Своим будущим последователям, сказав: *приимите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое...* Также, взяв чашу, дал им, говоря: *сие есть Кровь Моя Нового Завета,* за вас и *за многих изливаемая во оставление грехов; сие творите... в Мое воспоминание* (ср.: Мф. 26, 26–28; 1 Кор. 11, 24–25). Это слово Божие, действующее и все творящее силою своею, действует и претворяет через священные слова и через снисшествие Духа Святого предложенные хлеб и вино в Его Тело и Кровь и подает во освящение и просвещение причащающимся с верою. Поклоняйся так же с верой и лобызай честное изображение (лика), вочеловечившегося нас ради Бога Слова, имея в мыслях, что в этом изображении ты видишь Самого Творца: ибо «честь, оказываемая изображению, — говорит святой Василий Великий, — переходит на первообраз». А первообраз — это тот, чье лицо изображается и кто послужил причиною изображения: так, взирая на написанные на иконе, мы умственными очами восходим к тому, кого эта икона изображает, и благоговейно поклоняясь образу Принявшего на Себя плоть нашу; не обоготворяем самого написанного образа, но образ воплотившегося Бога и уничижившего Себя нас ради до образа рабского желанием и любовию лобызаем; равно лобызай и образы Пречистой Матери Его и всех святых. Поклоняйся с верою и изображению честного и животворящего Креста и целуй его ради Распятого на нем плотию, на спасение роду человеческому, Христа Бога и Спаса мира, даровавшего нам образ креста в знамение победы над диаволом, который

боится и трепещет силы крестной. Вот чему должен ты верить, и с этой верой ты принимаешь святое крещение: так сохрани же эту веру без всякого изменения и еретических добавлений до последнего издыхания... Возненавидь же все учения, противные этой непорочной вере, и считай их враждебными Богу, так как, по слову апостола: *если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема* (Гал. 1, 8). — И действительно, нет другого Евангелия, нет другой веры, кроме проповеданной апостолами и утвержденной Богоносными отцами на различных соборах и преданной Соборной Церкви.

Сказав это и научив царского сына Иоасафа Символу веры, изложенному на Никейском соборе, Варлаам крестил его во имя Отца и Сына и Святого Духа в водоеме, находившемся в царском саду. Таким образом сошла на Иоасафа благодать Святого Духа. Войдя затем в спальню Иоасафа, Варлаам совершил там Богослужение и приобщил его Пречистых и Животворящих Тайн, и оба они пребывали в духовной радости, воссылая хвалу Богу. После того Варлаам научил царевича, как ему подобает жить после крещения, преподав ему учение о добродетели, и удалился к себе.

Между тем слуги и пестуны Иоасафа, видя частые посещения царевича старцем, пришли в недоумение; и вот, старший из них, по имени Зардан, которого царь за его верность и преданность приставил надзирать за двором царевича, сказал однажды Иоасафу:

— Ты хорошо знаешь, государь, как почитаю я твоего отца и как я ему верен, — за то и приставил он меня служить тебе. Теперь же, видя, как часто входит к тебе и беседует с тобою этот странный человек, я боюсь, не христианской ли он веры, против которой так враждует отец твой, и не пришлось бы мне подвергнуться из-за него осуждению на смерть. Поэтому, или скажи о нем царю, или перестань совсем беседовать с ним, или отошли меня от себя, чтобы не быть мне в ответе.

Царевич отвечал:

— Вот что мы сделаем сначала, Зардан: ты сядешь тайно за завесою и послушаешь его беседы со мною, — тогда я тебе и скажу, что нужно сделать.

И когда однажды Варлаам явился во дворец, Иоасаф, спрятав предварительно Зардана за завесою, сказал старцу:

— Напомни мне вкратце учение твое, чтобы оно крепче укоренилось в моем сердце.

Варлаам начал говорить и многое поведал ему о Боге, благочестии, будущих благах и вечных мучениях и, наконец, после долгой беседы, встал, сотворил молитву и удалился в свое жилище.

Царевич вызвал тогда Зардана и спросил его, испытывая:

— Слышал ли ты, о чем беседовал со мною этот лживый старик: он покушается прельстить меня своим учением, лишить всех моих утех и наслаждений и привести к чужому Богу.

Зардан отвечал:

— Не искушай, государь, меня, раба твоего: я хорошо знаю, как глубоко пали тебе на сердце слова этого человека, и мы знаем, что проповедь его — истинна. Но с тех пор, как твой отец воздвиг лютое гонение на христиан, вера их исчезла, и если она все-таки пришлась тебе по сердцу и ты можешь понести соединенные с нею страдания и труды, то да исполнится благое желание твое. Но что же делать мне? Я даже и смотреть не в силах на такие страдания и на столь скорбное житие их. От страха царского гнева сердце у меня замирает, я не знаю, что отвечать ему на то, как попустил я тому человеку входить к тебе.

На это царевич сказал Зардану:

— Я не нашел лучшей награды тебе за твою великую преданность и верную службу мне, как постараться открыть тебе неизреченные блага: познание твоего Создателя и веру в Него. Я надеялся, что как только ты услышишь правое учение, тотчас возлюбишь его и последуешь ему вместе со мною. Но, вижу я, надежда обманула меня, ибо ты огрубел сердцем и не хочешь познать истину. Исполни, по крайней мере, одно желание мое: не говори ничего до времени отцу, так как этим ты ничего не достигнешь, а только причинишь ему скорбь и печаль.

На другой день Варлаам, придя к царевичу, сказал ему о своем намерении оставить его. Иоасаф, не в силах будучи перенести разлуку, скорбел душою и горько плакал. Старец долго беседовал с ним, утверждая его в вере и добродетели и убеждая не плакать по нем. Он предрек также царевичу, что скоро они оба соединятся навсегда. Тогда Иоасаф, не желая причинять старцу огорчения, а вместе и бо-

ясь, как бы Зардан не донес о приходе старца царю, со слезами сказал Варлааму:

— Раз ты пожелал, отец мой духовный и добрый учитель, того, чтобы мне остаться здесь, в этом суетном мире, а тебе самому удалиться на место твоего духовного покоя, то я не смею более удерживать тебя. Итак, иди, хранимый Богом, с миром и поминай всегда мое окаянство в святых твоих молитвах, чтобы и я получил со временем возможность прийти к тебе и уже постоянно видеть честное лицо твое. Но окажи мне любовь твою, оставь мне эту твою худую и ветхую мантию на память о твоем иноческом житии и учении и для охранения от всякого действия сатанинского.

Старец отдал ему свою мантию, которую Иоасаф ценил более царской багряницы. Затем Варлаам встал на молитву и умиленно молился за Иоасафа, вручая новопросвещенного юношу Божию промыслу и защите. Окончив молитву, он обратился к царевичу, поцеловал его и сказал:

— Чадо небесного Отца! Мир тебе и спасение вечное.

Затем он вышел из дворца, радуясь и благодаря Бога, благонаправившего путь его.

По удалении Варлаама блаженный Иоасаф предался постоянной молитве и подвижнической жизни. Видя это, Зардан чрезвычайно огорчился и, притворившись больным, удалился в свой дом. Царь, узнав о болезни Зардана, послал к нему своего, весьма искусного, врача лечить его. Врач внимательно исследовал болезнь Зардана и известил царя, что он не мог найти в Зардане никакой иной причины болезни, кроме какой-то печали, пораженный которой он и болеет. Тогда царь подумал, что сын его за что-нибудь разгневался на Зардана, вследствие чего последний и захворал от печали, и пожелал сам навестить больного и узнать от него точнее о причине болезни. Но Зардан сам поспешил явиться к царю, пал пред ним на землю и признал себя достойным всякого наказания за то, что небрежно охранял царевича, и рассказал царю обо всем, что случилось с Иоасафом.

— Один лукавый человек, — говорил он, — волхв и обманщик, именем Варлаам, пришел из пустыни и беседовал с сыном твоим о вере христианской, и теперь царевич — уже христианин.

Услышав это, царь содрогнулся от скорби, а затем пришел в несказанную ярость. Он тотчас призвал самого главного из своих вельмож, по имени Арахию, мудрого советника и искусного звездочета, и рассказал ему все по порядку, как было.

Арахия, утешая его, ответил:

— Не печалься, царь, ибо мы весьма легко отклоним твоего сына от христианской веры, если овладеем Варлаамом; если же не разыщем его, то я знаю другого старца, — уже нашей веры, — по имени Нахора, живущего в пустыне и занимающегося звездочетством, у которого я и сам учился и который всем обликом очень похож на Варлаама, — я ведь и Варлаама хорошо знаю в лицо, так как ранее видал его. Итак, вызвав этого Нахора из пустыни, прикажем ему притвориться Варлаамом и будем вести с ним прения о вере; он сделает вид, что он побежден, и объявит христианскую веру ложною, а твой сын, видя это, отвратится от христианства и возвратится к отеческим богам.

Царь, найдя такой совет хорошим, утешился несколько в своей скорби, предался тщетным надеждам и поспешно отправил самого же Арахию со множеством воинов искать Варлаама. Арахия, пройдя длинный путь, достиг, наконец, до пустыни Сенаридской. Здесь он долго ходил без всяких дорог и через едва проходимые дебри, нашел в одном месте под горою небольшое количество пустынников и схватил их. Один из них был у них за старшего и носил с собой волосяной мешок, наполненный костями ранее отшедших некоторых святых отцов, — для постоянного напоминания о смерти. Арахия спросил пустынников:

— Где находится тот обманщик, который прельстил царского сына?

— Его нет у нас, — отвечал за всех носивший волосяной мешок, — и не будет, так как он бегает от нас, гонимый силою Христовою, а пребывает он среди вас.

— Знаешь ли ты его? — спросил Арахия.

— Знаю, — отвечал пустынник, — обманщика-диавола; он-то и живет среди вас, и вы угождаете ему.

— Но я спрашиваю тебя о Варлааме.

— Если ты спрашиваешь о Варлааме, — отвечал пустынник, — то тебе нужно было бы сказать: «Где тот, кто отвратил царского сына

от обольщения?» Он — наш брат и делит с нами подвиг иноческого постничества, но вот уже много дней мы не видели его.

— Где же он находится?

— Мы знаем его келию в пустыне, но я не открою вам ее места.

Арахия, разъярившись, угрожал им смертию, но они радовались, слыша о смерти. Он нанес им множество ран и подверг их лютым мукам, требуя, чтобы они указали местопребывание Варлаама, но они молчали. После того Арахия опять тщательно разыскивал повсюду Варлаама и, не найдя его нигде, возвратился к царю ни с чем, ведя за собою только упомянутых пустынников в числе семидесяти. Царь всячески принуждал их сказать, где — Варлаам, и отречься от Христа; но они не только не послушались его, а и укоряли его за безбожие, за что царь приказал отрезать им языки, выколоть глаза и отсечь руки и ноги. Так скончались доблестные страдальцы.

После их смерти Арахия, по царскому приказу, ночью пошел к волхву Нахору, который жил в пустыне вместе с бесами и занимался колдовством, и, подробно рассказав ему все, упросил его притвориться Варлаамом. Потом он возвратился к царю, а на другой день снарядил отряд воинов и опять распустил слух, что идет искать Варлаама, и отправился снова в пустыню. Здесь Нахор показался отряду при выходе из одной дебри; воины, заметив его, погнались за ним и, догнав, схватили и привели к Арахии, который, как будто не зная Нахора, спросил его, кто он такой? Нахор ответил, что он — Варлаам. Все очень обрадовались и повели его связанным к царю. Между тем повсюду разнеслась весть о том, что Варлаам схвачен, и Иоасаф сильно скорбел об этом и горько плакал. Но Бог всякого утешения в одном откровении объявил Иоасафу, что схвачен не Варлаам, а вместо него волхв Нахор.

Царь сначала отправился во дворец сына и — то добрыми и кроткими, то яростными и суровыми словами — убеждал его оставить христианскую веру и возвратиться к богам отцов, но ничем не мог отвратить его от любви ко Христу: Иоасаф на все речи отца отвечал с великою мудростию, доказывая ничтожество языческих богов, прославляя Единого истинного Бога, Создателя всего, и заявляя о своей готовности идти за этого Бога на раны и смерть. Но так как естественная любовь отца к сыну не позволяла царю мучить его и,

кроме того, собственная совесть обличала его, когда он слышал истину, возвещаемую царевичем, то он сказал:

— Тебе следовало бы, дитя мое, во всем повиноваться отцовской воле, но ты груб и непокорен и упорно противишься мне, воображая, что ты мудрее всех: поэтому оставим напрасное препирательство и дадим место самой правде. Вот, я соберу многолюднейшее собрание и созову всех мудрецов со всего нашего царства, а равно приглашу и христиан, причем своим глашатаям прикажу повсюду громко объявлять, чтобы никто из христиан ничего не боялся, но чтобы они без страха шли на собрание, в котором общим судом мы рассмотрим, какая вера — лучше. В моих руках находится и прельстивший тебя Варлаам, закованный в железо, — я не успокоился, пока не схватил его: я выведу его на собрание, и пусть он вместе с своими христианами станет против наших мудрецов и состязается с ними о вере. И если вы, христиане, с своим Варлаамом преодолеете наших, то получите все, чего ни пожелаете; если же будете побеждены, то должны будете во всем повиноваться моему повелению.

— Буди воля Господня, — отвечал блаженный Иоасаф, — и пусть будет все, как ты желаешь; а Бог истинный да поможет нам не уклониться с правого пути!

Тогда царь при помощи всюду разосланных грамот и через глашатаев, громко возвещавших царскую волю по всем городам и селениям, повелел всем служителям идолов и христианам собраться в одно место, — последним (христианам) ничего не боясь, — для решения вопроса об истинной вере посредством состязания христиан с Варлаамом во главе — с языческими жрецами и волхвами. При этом царь созвал всех бывших в его стране мудрейших жрецов, чародеев и волхвов персидских, халдейских, которые должны были преодолеть христиан. И вот, к царю сошлось великое множество идолопоклонников, мудрых в злобе и хитрых во лжи учителей, которые*, называя себя мудрыми, обезумели* (Рим. 1, 22); христиане же, из которых одни были избиты неверными, другие скрывались, разбежавшись по горам и пещерам, собрались в весьма небольшом числе, и среди них нашелся только один, именем Варахия, сведущий в Божественном Писании: он-то один только и выступил в помощь мнимому Варлааму, не зная, что на самом деле это не Варлаам, а волхв Нахор.

Царь сел на высоком престоле, повелев и сыну сесть с собою, но царевич, из почтения к отцу, сел не рядом с ним, а около престола на полу. Пред лицом царя предстали все языческие мудрецы, приведен был и Нахор — мнимый Варлаам.

— Вот, — сказал царь, обращаясь к своим мудрецам, — вам предстоит немалый подвиг, и одно из двух ожидает вас: или вы, победив в прении Варлаама и его единомышленников — христиан, удостоитесь всяких почестей, или же, будучи побеждены, понесете позор, бесчестие и жестокую казнь, ибо я всех вас без сожаления погублю и тела ваши отдам на съедение зверям и птицам, а детей ваших обращу в вечное рабство, если вы не преодолеете христиан.

Когда царь произнес эти слова, Иоасаф воскликнул:

— Праведным судом рассудил ты ныне, царь! И я скажу нечто подобное своему учителю.

И, обратившись к Нахору, он сказал:

— Варлаам! В какой славе и среди каких утех ты впервые узнал меня! Но своими долгими беседами ты заставил меня отступить от богов и законов моих предков, служить неведомому Богу и раздражить моего отца и владыку. Поэтому теперь представь себе, что ты стоишь как бы на весах: если ты выйдешь победителем из предстоящего состязания и докажешь, что учение твое — истинно, то ты прославишься как проповедник истины, и я останусь верным твоему учению, служа Христу до последнего издыхания; если же ты будешь побежден и через то сделаешься виновником моего посрамления, то я сам отмщу за свою обиду: я стану ногами тебе на грудь и, вырвав собственными руками твое сердце и язык, брошу их вместе с остальным твоим телом на съедение псам, чтобы и все другие на твоем примере научились не сметь обольщать царских детей.

Нахор пришел от этих слов в великий ужас, видя, что он пойман в свою же сеть и упал в яму, которую сам же выкопал. Страшась неизбежной смерти, ожидающей его, если он раздражит царевича, который может мучить его, как только захочет, Нахор решился держать сторону Иоасафа и защищать христианскую веру. И когда началось прение между жрецами и христианами, Нахор заговорил подобно тому, как в древности известный Валаам, который послан был царем Валаком проклясть Израиля, а вместо проклятия благословил его многими благословениями (см.: Чис. 22):

точно так же и Нахор, начав состязание, продолжал его от утра до вечера, говоря как бы по внушению от Духа Святого: так иногда благодать Божия может действовать и в нечистых сосудах ради своей святой славы. И так мудро изобличил Нахор суетность и ложность языческих богов и так непреложно доказал, что одна только христианская вера есть истинная, что никто не мог возразить ни единого слова. Об этом прении Нахора с жрецами идольскими пространно и прекрасно написал святой Иоанн Дамаскин в своем повествовании о святых Варлааме и Иоасафе.

Итак, все языческие мудрецы, и жрецы, и философы уныло стояли пред Нахором и молчали, как немые, покрытые стыдом, не имея ничего возразить ему. Царевич же радовался в душе и прославил Господа, Который, как некогда Савла, так теперь Нахора — из гонителя сделал учителем и проповедником истины. Царь и Арахия, изумленные неожиданною изменою Нахора, страшно гневались на него. Царь и хотел бы мучить Нахора вместе с христианами, но не мог нарушить своего царского слова, которым он приглашал христиан свободно и безбоязненно явиться на состязание о вере, обещая, как царь, не причинять им никакого зла. Поэтому он приказал собранию разойтись, сказав, что наутро будто бы опять будет прение.

Тогда царевич сказал отцу:

— Царь! В начале дела суд, согласно твоему повелению, был поставлен правильно, так твори же правду до конца и реши что-нибудь одно: или прикажи моему учителю провести эту ночь у меня, чтобы нам вместе с ним размыслить о том, что нужно будет говорить нам завтра, а ты точно так же поступишь вместе со своими единомышленниками, или же оставь мне их, а сам возьми к себе моего учителя, ибо если обе противные стороны пробудут время до прения у тебя, то мой учитель неизбежно будет находиться в притеснении и страхе, а твои мудрецы — в радости и покое, а в таком случае дело не может, по моему мнению, идти правильно и выйдет только насилие сильного над слабым и нарушение данного тобою христианам обещания.

Царь, побежденный мудрыми словами сына, оставил ему Нахора, уведя с собой остальных своих жрецов и все еще надеясь, что Нахор

исполнит свое обещание (возвратит Иоасафа в язычество); царевич же, захватив с собою Нахора, отправился в свой дворец, радуясь о Боге, Спасителе своем.

— Не думаешь ли ты, — сказал он Нахору, придя к себе, — что я не знаю, что ты не Варлаам, а Нахор? Впрочем, ты хорошо поступил, доказывая истинность христианской веры и обличая ничтожество идолов: итак, уверуй в того Бога, за имя Которого ты так доблестно восстал.

Потрясенный словами Иоасафа, Нахор раскаялся во всех своих прежних пороках и, искренно желая обратиться к истинному Богу, умолял Иоасафа позволить ему тайно убежать в пустыню, присоединиться к скрывающимся там пустынникам и принять святое крещение. Иоасаф, наставив его в вере, отпустил с миром. Он бежал в пустыню, нашел там одного святой жизни иерея и, приняв от него крещение, стал проводить жизнь свою в покаянии.

Наутро царь, узнав о случившемся с Нахором, отчаялся в надеждах, какие на него возлагал. Видя, что его мудрецы окончательно побеждены и находятся в безвыходном положении, он разгневался на них, предал их позорному поруганию, а некоторых и сильному телесному наказанию, велел вымазать им лица сажею и прогнал их от себя. И с тех пор он уже не почитал более жрецов и не приносил жертв идолам, а хулил их. Но, не поклоняясь идолам и в то же время не принимая христианской веры, он находился в крайнем замешательстве и расстройстве мыслей. А к Иоасафу между тем приходили многие из язычников и, услажденные спасительной беседой с ним, обращались ко Христу. Поэтому жрецы, видя свое бесчестие и поругание и уклонение царя от их богов, поспешно отправили послов к одному знаменитому волхву, по имени Февде, жившему в пустыне в сообществе с бесами, и, известив его о всем случившемся, усиленно молили его о помощи. Февда, сопровождаемый великою бесовскою ратью, смело отправился к царю, лично знавшему и любившему его, и вновь своими льстивыми речами склонил его к язычеству и устроил с ними большое празднество в честь идолов. Стараясь опять обратить к идолопоклонству и блаженного Иоасафа, волхв дал царю лукавый совет, чтобы он удалил от Иоасафа всех слуг, а вместо них для служения приставил бы к нему благообразных жен и прекрасных девиц.

— А я, — говорил он далее, — пошлю одного из бесов возжечь в нем сладострастный огонь, и, лишь только царевич впадет в грех блуда, тотчас же, царь, все будет по-твоему.

Царь послушался лукавого совета, собрал множество красивых девушек и молодых женщин и, украсив их дорогими одеждами и золотыми уборами, повел их к сыну во дворец, а всех его слуг вывел вон, так что во дворце не осталось никого из мужчин и всякую службу при царевиче исполняли женщины и девушки. Вошли, невидимо, туда и лукавые духи, посланные волхвом Февдою, и стали разжигать у юноши плотскую страсть и внушать ему непотребные мысли. Блаженный Иоасаф претерпевал великое искушение и борьбу с самим собою — особенно, когда одна, самая прекрасная из всех девушка, научаемая не только царем, но и бесами, простерла на него сети своей красоты. Она была дочерью одного царя, попала в плен и, уведенная из отечества, досталась, как самая дорогая добыча, царю Авениру. Полагаясь на ее необыкновенную красоту, отец послал ее на соблазн сыну; войдя в нее, бес-обольститель научил ее мудрым речам и хитрой беседе, а вместе с тем и святому юноше вложил в сердце сначала любовь без всякой похоти, стараясь постепенно уловить его в свои сети. И действительно, Иоасаф полюбил ее за ее мудрость и благонравие и, кроме того, жалел ее за то, что, будучи царской дочерью, она сделалась пленницею и лишилась своего отечества и высокого положения; он раздумывал, наконец, и о том, как бы отклонить ее от идолопоклонства и сделать христианкой.

С такими помыслами, не ощущая в себе никакой страстной похоти, он начал с нею беседовать так:

— Познай, девица, Бога, живущего вовеки, чтобы не погибнуть тебе в заблуждении. Познай Создателя, и ты будешь блаженна, уневестившись Бессмертному Жениху.

Много еще подобного говорил он ей, и вот, нечистый дух научил ее начать дело соблазна и увлечь невинную душу к погибели. И сказала девица:

— Если ты, господин мой, заботишься о моем спасении и хочешь избавить мою душу от языческих заблуждений, то исполни и ты одну мою просьбу, и я тотчас же отрекусь от своих отечественных богов, обращусь к твоему Богу и буду служить ему до последнего издыхания, и ты получишь награду за мое обращение.

— В чем же состоит твоя просьба? — спросил девушку святой юноша.

Она, обольщая его взором и голосом, ответила:

— Вступи со мною в супружество, и я исполню всякое твое приказание.

— Напрасно осмелилась ты, — сказал он, — обратиться ко мне с такою просьбою, так как, хотя я и желаю твоего спасения, но осквернить себя не соглашусь.

Стараясь облегчить ему путь ко греху, она в свою очередь сказала:

— Ты сам, господин мой, будучи столь мудрым, напрасно говоришь так, — называешь супружество осквернением: я тоже знаю христианские писания, много читала их в своем отечестве и много раз беседовала с христианами. Разве в книгах ваших не написано: *Брак у всех да будет честен и ложе непорочно* (Евр. 13, 4), и еще: *лучше вступить в брак, нежели разжигаться* (1 Кор. 7, 9)? — Разве не знали брака древние патриархи, пророки и праведники, как о том свидетельствуют ваши Писания? Разве Писание не возвещает, что Петр, которого вы называете верховным апостолом, имел жену? Так кто же научил тебя называть брак осквернением, господин мой? В действительности ты сам отступил от правды вашего учения.

— Хотя в Писании и есть все то, что ты сказала, — отвечал святой, — и действительно, каждому предоставляется, если он желает, вступить свободно в брак, но только — кроме тех, кто обещался Христу хранить свое девство; а я, как только принял святое крещение, дал обет представить себя Христу чистым в непорочном девстве: так как же я дерзну преступить клятву, данную Богу?

Обольстительница сказала ему:

— Если ты не берешь меня в супружество, то исполни другое мое легко исполнимое и ничего не стоящее желание. Если хочешь спасти мою душу, будь со мной в эту ночь. Сделаешь так, — я обещаю тебе, что завтра же приму христианскую веру, и тогда тебе не только будет прощение грехов за такую твою заботливость о моем обращении, но ты получишь и великую награду; ибо *на небесах радость* бывает и *об одном грешнике кающемся* (Лк. 15, 7), говорит твое Писание, а если бывает радость на небесах об обращении грешника, то не будет ли велико и воздаяние тому, кто обратит грешника и сдела-

ется причиною такой радости Ангелов? Без всякого сомнения — так, ибо и ваши апостолы многое совершали по своему усмотрению, преступая меньшую Божественную заповедь ради заповеди большей. Не обрезал ли апостол Павел Тимофея (см.: Деян. 16, 3), хотя обрезание христианам и необязательно? И однако он не побоялся так поступить ради большей пользы для дела проповеди. И многое подобное этому найдешь ты в своих книгах. Итак, если ты действительно желаешь спасти мою душу, то исполни это мое ничтожное желание.

Когда она говорила это, душа святого, овладеваемая противоположными мыслями, стала колебаться между добром и злом, твердость решения сохранить девство начала ослабевать, а воля и разум как бы размягчались. Видя это, сеятель греха — диавол преисполнился радости и возвестил другим бесам:

— Смотрите, как девушка эта собирается сделать то, что оказалось не под силу даже нам! Поэтому именно теперь нападем на юношу с особою силою, потому что у нас не будет другого более удобного времени исполнить желание и приказание пославшего нас.

Воскликнув это, нечистый вместе с своими слугами дерзостно устремился на воина Христова и привел в расстройство все его душевные силы, воспламенив в нем нечистую любовь к девице и сильную похоть. Тогда святой, ударяя себя в грудь и вздыхая от глубины сердца к Богу, поспешно прибег к молитве и, проливая обильные слезы, взывал к Могущему спасти его от треволнений и бури и говорил:

— *На Тебя, Господи, уповаю, да не постыжусь вовек... да не восторжествуют надо мною враги мои* (Пс. 30, 2; Пс. 24, 1), уповающим на Твою державу, но будь моею защитою в этот час и направь пути мои по воле Твоей, да прославится святое и страшное имя Твое на мне, рабе Твоем.

Долго молился святой, обливаясь слезами и творя многочисленные коленопреклонения, и, наконец, пал на землю и уснул. Во сне он вскоре увидел, что взят какими-то неизвестными мужами, проходит чудными местами и приводится на какое-то великое поле, покрытое прекрасными и чрезвычайно благоуханными цветами. Здесь он видел множество разнообразных и прекрасных деревьев, имевших неизвестные и необыкновенные плоды, приятные на вид и возбуждавшие желание вкусить их; листья этих деревьев весело шумели от легкого ветерка и тихо колыхались, испуская непрерывно благо-

ухание. Под деревьями стояли престолы из чистого золота, драгоценных камней и жемчуга, испускавшие светлые лучи; стояли там также ложа, покрытые разнообразными покровами несказанной красоты и блеска. Посредине протекали воды — чистые и прекрасные, веселившие взор. Упомянутые необыкновенные мужи провели Иоасафа через все описанное поле и ввели его в город, блиставший неизреченным светом, имевший стены из чистого золота и драгоценных камней, никогда еще никем не виданных, а столбы стен и ворота — целиком из жемчуга... Но кто выразит всю красоту и блеск этого города?! Свет, сиявший свыше обильными лучами, наполнял все улицы города, и какие-то крылатые и светлые видом воины ходили по городу и пели сладкозвучные песни, каких никогда еще не слышало ухо человека. И услышал Иоасаф голос:

— Вот — покой праведных! Вот — веселие угодивших в жизни своей Господу!

Взявшие Иоасафа мужи хотели, выведя его из города, вести назад. Но он, плененный виденными им красотою и великолепием, сказал:

— Умоляю вас, не лишайте меня этой неизреченной радости и позвольте мне жить в каком-нибудь углу этого города.

— Теперь тебе нельзя остаться здесь, — отвечали они ему, — хотя за многие подвиги и труды ты со временем войдешь сюда, если только употребишь для того все силы, ибо *употребляющие усилие восхищают* Царство небесное (Мф. 11, 12).

После того они опять повели его через вышеупомянутое великое поле и ввели в темные места, полные мрака и печали и во всем противоположные тому свету и радости, какие ранее видел Иоасаф. Там была беспросветная, унылая тьма и все полно было скорби и смятения. Там горела огненная печь, кругом которой ползали черви, пожирающие человеческое тело, и стояли духи отмщения. Какие-то люди были жестоко палимы огнем, и слышался голос:

— Вот — место грешников! Вот — место тех, которые осквернили себя постыдными делами!

Затем водившие Иоасафа в видении вывели его из тьмы, и тотчас он, пробудившись, пришел в себя, но весь трепетал, и слезы ручьем текли из его очей. И тогда вся красота юной соблазнительницы его и остальных жен и девиц показалась ему хуже грязи и навоза. Вспо-

миная же о своем видении, он то объят был желанием достигнуть светлого города, то — одержим страхом вечных мучений и, обессиленный, лежал в постели и не мог встать.

Царю было доложено о его болезни, и царь тотчас поспешно пришел к нему и стал расспрашивать о причине болезни. Иоасаф рассказал ему все, что было показано ему в видении, и присовокупил:

— Зачем ты расставил мне сети, желая уловить меня и ввергнуть душу мою в погибель? Ведь, если бы не помог мне Бог, то душа моя едва ли бы не была в аду. Но сколь благ Бог Израилев, избавивший меня, грешного, от уст львовых! В смятении заснул я; но посетил меня с высоты Бог Спаситель мой и показал мне, каких благ лишаются прогневляющие Его и какие муки они себе готовят... Итак, отец, если уже ты как бы затыкаешь уши и не хочешь слушать меня всякий раз, как я говорю тебе об истинном благе, то мне, по крайней мере, не мешай идти правым путем. А я одного желаю, это — оставить все и отправиться туда, где пребывает угодник Христов Варлаам, и с ним провести все остальное время моей жизни. Если же ты захочешь удержать меня силою, то скоро увидишь меня умершим от печали и уныния, и тогда ты, не имея сына, не будешь уже более называться отцом.

И опять сильнейшая скорбь овладела царем, и, опечаленный, пошел он в свой дворец. Оставили непобедимого воина Христова также и лукавые духи и со срамом возвратились к Февде, который стал их укорять.

— Вот как бессильны вы, окаянные, — говорил он, — не могли даже и юношу победить!

А они, понуждаемые силою Божиею, против воли признались:

— Не можем мы противостоять силе Христовой, не можем даже взглянуть на крестное знамение, которым ограждает себя юноша.

Через некоторое время царь, взяв с собою Февду, опять пришел к сыну, и на этот раз Февда беседовал с юношей, отстаивая своих богов, но не мог преодолеть того, кому даны были уста и премудрость свыше, — премудрость, против которой устоять не может никто. Побежденный и посрамленный Февда долго молчал, как немой, не находя ничего более сказать, и наконец, едва опомнившись и обратившись к царю, сказал:

— Царь! Дух Святой живет в сыне твоем; мы действительно побеждены, и нечего нам ему ответить... Воистину велик Бог христианский, велика вера их и велики таинства их!

И, обращаясь к царевичу, спросил:

— Скажи мне, освященный душою: приимет ли меня Христос, если я оставлю свои злые дела и обращусь к Нему?

Святой Иоасаф начал говорить ему о покаянии грешников и о милости Божией, скоро принимающей истинно кающихся. Февда умилился сердцем и тотчас же поспешил в свою пещеру, сжег там все книги, по которым занимался волхвованием, и затем последовал примеру Нахора: сподобился святого крещения и проводил жизнь в покаянии.

Так как царь не знал уже более, что ему делать с сыном, то Арахия советовал ему разделить свое царство на две половины и одну отдать сыну.

— Если ты пожелаешь мучить своего сына, — говорил он, — то будешь врагом самой природе и назовешься не отцом, а мучителем собственного сына, да к тому же и его погубишь, и сам останешься без детей и еще прибавишь себе печали. Остается сделать одно: раздели пополам царство твое и вели сыну своему царствовать в назначенной для него части. Занявшись житейскими попечениями, он мало-помалу начнет свыкаться с той жизнью, какой живем мы, и все сделается по-нашему, так как привычки, укоренившиеся в душе, изменяются не столько насилием, сколько любовью. Если даже он останется верным христианству, то для тебя будет некоторым утешением в печали уже одно то, что ты не бездетен, что у тебя есть сын — царь.

Приняв совет Арахии, царь так и сделал: разделил царство пополам и над одной половиной поставил царем Иоасафа. Иоасаф, хотя и не помышлял о царской власти, желая пустынной иноческой жизни, но, рассудив, что все может клониться к лучшему, принял отделенную ему часть царства и, вступив на престол, прежде всего постарался искоренить языческое многобожие и распространить веру в Единого истинного Бога. Он разрушил по всей земле своей идолов и разорил до основания их капища, а вместо их построил христианские храмы и всячески распространял веру Христову. Услышав об этом, христианские епископы, пресвитеры и диаконы выхо-

дили из гор и пустынь и стекались к благочестивому царю, который принимал их с радостию и вместе с ними заботился о спасении душ человеческих. Вскоре он просветил светом веры и окрестил всех своих подданных, не переставая в то же время слезно молиться Богу об обращении своего отца.

И милосердый Бог не презрел его усердной молитвы и слез: Он коснулся светом Своей благодати сердца Авенира, и спала завеса тьмы с очей ума его, и он увидел зарю истины и познал суетность лжеименных богов. Авенир собрал своих советников и открыл им о своем сердечном желании принять христианскую веру. Все похвалили его намерение, ибо всех, по молитвам Иоасафовым, *посетил Восток свыше* (Лк. 1, 78). Тотчас же царь письмом призвал своего сына, чтобы научиться от него вере и благочестию. О, какою радостию и веселием наполнилось сердце Иоасафа, когда он увидел, что отец его обращается к Богу истинному! Достаточно научив своего отца вере в течение многих дней и преподав ему тайны святой веры подобно тому, как самому ему преподавал их преподобный Варлаам, Иоасаф привел его к святому крещению и сам восприял его от святой купели. Дело — поистине новое и дивное! Своему отцу он сделался отцом и для родившего его по плоти явился посредником духовного его рождения. Вслед за царем приняли святое крещение его вельможи, воины, рабы, просто сказать — вся индийская земля. И была тогда великая радость на земле и на небесах: на земле радовались верные обращению неверных, а на небесах — Ангелы, о бесчисленных грешниках кающихся.

После крещения Авенир всю царскую власть отдал сыну, а сам жил уединенно в безмолвии и, посыпая голову пеплом, всегда сокрушался о грехах своих: так прожил он четыре года и, получив от Бога прощение грехов, преставился в мире.

В сороковой день по кончине царя Авенира Иоасаф, совершая память ему, созвал всех своих вельмож, советников, воинских начальников и других важных должностных лиц и объявил им свою тайну, именно, что он желает оставить земное царство и все мирское, уйти в пустыню и иночествовать. Все опечалились и проливали слезы, так как все очень любили его за его кротость, смирение и благотворительность. Вместо себя он хотел поставить царем одного из своих вельмож, именно — Варахию, давно уже бывшего христи-

анином, — того самого, который держал сторону мнимого Варлаама в прении о вере против всех языческих мудрецов. Иоасаф знал, что Варахия весьма тверд в вере и имеет великую любовь ко Христу.

Но Варахия отказался от царства, говоря:

— Люби, царь, ближнего, как самого себя. Если царствовать — хорошо, царствуй сам. А если — нет, то зачем отдаешь мне царство? Зачем налагаешь на меня тяготу, от которой бежишь сам?

Тогда все усердно, со слезами, стали умолять святого Иоасафа, чтобы он не оставлял их. Но он ночью написал грамоту ко всему синклиту и ко всем начальникам, в которой поручал их Богу и повелевал, чтобы они никого не ставили себе царем, кроме Варахии, и, оставив эту грамоту в своей опочивальне, сам тайно вышел и поспешно отправился в пустыню. Наутро пронесся слух о его удалении. Народ смутился и впал в печаль. Многие рыдали. Наконец все жители столицы бросились разыскивать его и нашли в одном высохшем ручье молящимся с воздетыми руками. Здесь они его окружили и, пав пред ними, с рыданиями упрашивали возвратиться во дворец и не покидать их. Иоасаф, вынужденный этими мольбами, возвратился, но скоро опять собрал всех и сказал:

— Напрасно вы, удерживая меня, противитесь воле Господней.

Затем он клятвенно подтвердил свои слова, что с этой минуты он и одного дня не будет уже оставаться царем. На Варахию он против желания его возложил свой венец, посадил его на своем престоле и дал ему должное наставление об обязанностях царя, а сам, простившись с народом, вышел из дворца и из города, спеша в пустыню. Весь народ вместе с Варахиею и со всеми властями, убедившись, что Иоасаф непреклонен в своей мысли оставить царство, не в силах будучи удержать его мольбами и не смея вернуть его с пути насильно, шли за ним с плачем и далеко провожали его; он же просил их не огорчать его и оставить одного; но некоторые все-таки издалека следовали за ним, с рыданиями, до самого захода солнца, когда ночь скрыла от их глаз любимого владыку и они перестали видеть друг друга.

Таким образом Варахия принял скипетр Индийского царства, а Иоасаф *все почитал за сор, чтобы приобрести Христа* (Флп. 3, 8). В первую же ночь своего пути вошел в жилище одного бедняка и отдал ему свою одежду, а сам пошел на подвиг пустынного жития во

власяном рубище, которое дал ему некогда Варлаам. При этом он не имел с собой ни хлеба, ни другого чего-нибудь, потребного для пищи, ни воды: всю надежду свою он возложил на промысл Божий и горел пламенною любовию к Господу своему. Достигнув пустыни, он, возведя очи ко Христу, воскликнул:

— Пусть глаза мои не видят уже более благ мира этого и пусть сердце мое не услаждается уже более ничем, как только Тобою, упование мое! Направь путь мой и веди меня к угоднику Твоему Варлааму! Покажи мне виновника моего спасения, и да научит меня пустынному житию тот, кто научил меня познать Тебя, Господи!

Два года ходил святой Иоасаф по пустыне один, ища Варлаама. Питался он травами, растущими там, и часто терпел голод, вследствие недостатка самой травы, так как почва той пустыни была сухая и малоплодородная. Много напастей перенес он от диавола, который нападал на него, то смущая ум его различными помыслами, то устрашая привидениями; иногда являлся он ему черным и скрежеща зубами, иногда устремлялся на него с мечом в руке, как бы желая его умертвить, то принимал виды различных зверей, змиев, аспидов. Но мужественный и непобедимый воин Христов все эти видения побеждал и прогонял мечом молитвы и оружием креста.

По окончании второго года Иоасаф нашел в Сенаридской пустыне одну пещеру и в ней инока, спасавшегося в безмолвии, от которого он узнал, где находится Варлаам. В радости он быстро пошел указанною ему тропою, достиг до Варлаамовой пещеры и, став у входа, толкнул дверцу, говоря:

— Благослови, отче, благослови!

Варлаам, услышав голос, вышел из пещеры и, по вдохновению свыше, узнал Иоасафа, которого невозможно было узнать по внешнему виду, потому что он почернел от солнечного зноя, оброс волосами и имел иссохшие щеки и глубоко ввалившиеся глаза. Старец, став лицом на восток, вознес благодарственную молитву Богу, а затем они с любовию обнялись и лобзались святым лобзанием, омывая лица свои теплыми слезами радости. Сев, они стали беседовать, и первый начал Варлаам. Он сказал:

— Ты хорошо сделал, что пришел, чадо мое, чадо Божие и наследник Царства небесного! Да даст тебе Господь вместо временных благ вечные, вместо тленных — нетленные. Но прошу тебя, возлюб-

ленный, скажи мне: как ты пришел сюда? Что после моего удаления с тобою случилось? Познал ли твой отец Бога или все еще остается в прежнем заблуждении?

Иоасаф рассказал ему по порядку все, что случилось по уходе Варлаама и что сотворил Господь Своею всесильною помощию. Старец, выслушав все, весьма радовался и удивлялся и, наконец, сказал:

— Слава Тебе, Христе Боже, что благоволил Ты семени слова Твоего, всеянному мною в душу раба Твоего Иоасафа, так произрасти и обратиться в сторичный плод.

Между тем настал вечер и, сотворив обычные молитвы, они только тогда уже, наконец, вспомнили о пище. И вот, Варлаам устроил трапезу, богатую душеспасительною беседою, полную духовных брашен, но скудную пищей телесной, так как она состояла только из сырых невареных овощей, небольшого количества фиников и воды из ближайшего источника. Укрепившись такою трапезою, они возблагодарили Бога, отверзающего руку Свою и насыщающего всякое животное Своим благоволением. Затем они совершили ночные молитвы и опять начали душеспасительную беседу, и беседовали всю ночь до времени утреннего пения.

Проводя такую удивительную и равноангельную жизнь, Иоасаф с Варлаамом прожили вместе довольно много лет. Наконец, преподобный Варлаам почувствовал приближение своей кончины, призвал своего духовного сына Иоасафа, которого он возродил к новой жизни, и сказал ему:

— Сын мой, я уже давно желал видеть тебя прежде своей кончины, и когда я однажды молился о тебе, явился мне Господь наш Иисус Христос и обещал привести тебя ко мне. Теперь Господь исполнил мое желание: я вижу тебя отрекшимся от мира и всего мирского и соединившимся со Христом. И так как время моего отшествия теперь уже приспело, то предай тело мое земле, отдай прах праху, а сам оставайся на этом месте, продолжая духовное житие и вспоминая обо мне, смиренном.

Выслушав эти слова, Иоасаф горько рыдал о разлуке с преподобным, и старец едва мог утешить его духовною беседою, а затем послал его к некоторым братиям, жившим в той же пустыне, и велел принести все потребное для совершения Божественной литургии.

Иоасаф поспешно отправился, взял, что нужно, и так же поспешно возвратился, боясь, чтобы его духовный отец не скончался без него и чтобы не лишиться его последнего благословения. Варлаам совершил Божественную литургию, и оба они причастились святых Тайн. Затем преподобный долго беседовал с учеником о душеполезных вещах и с умилением молился Богу о себе и своем ученике; после молитвы, отечески обняв Иоасафа, старец в последний раз облобызал его и благословил, знаменался крестным знамением и возлег на одр; тогда лицо его сделалось светлым и радостным, как будто к нему пришли какие-то друзья; так преставился он ко Господу, прожив в пустыне семьдесят лет, а всего от роду около ста лет.

Иоасаф, пролив над ним обильные слезы, весь день и всю ночь пел над ним псалмы; наутро же, выкопав могилу около пещеры, предал погребению тело честного старца и, сев около могилы, горько плакал до тех пор, пока не изнемог от плача и уснул. Во сне он опять увидел тех чудных мужей, которых видел некогда во время искушения: они пришли к нему, взяли его и повели опять на великое поле, которое он уже видел, и в сияющий город. Когда он входил в городские ворота, его встретили Ангелы Божии, несущие два венца неописуемой красоты.

Иоасаф спросил:

— Чьи эти блистающие венцы?

— Оба — твои, — отвечали ему Ангелы, — за то, что ты спас много душ, и за то, что, оставив для Бога земное царство, ты посвятил себя иноческой жизни; но один из них дóлжно отдать твоему отцу за то, что, при твоей помощи, он оставил путь, ведущий к погибели, чистосердечно и усердно каялся и примирился с Господом.

— Но как же возможно, — возразил Иоасаф, — чтобы мой отец за одно только раскаяние получил награду, равную со мною, понесшим такие труды?

Как только он это сказал, он увидел Варлаама, который говорил ему:

— Не говорил ли я тебе когда-то, Иоасаф, что когда ты разбогатеешь, то сделаешься скуп и жаден? Почему же теперь ты не хочешь, чтобы твоему отцу была честь, равная с тобою? Не следует ли, напротив, тебе всею душою радоваться тому, что услышаны твои о нем молитвы?

Иоасаф, сказав Варлааму, как имел обычай говорить ему всегда при жизни: «прости, отче, прости», — продолжал:

— Скажи мне, где же живешь ты сам?

— Я получил светлую обитель в этом прекрасном и великом городе, — отвечал Варлаам.

Иоасаф стал просить Варлаама взять его с собою в свою обитель и с любовью принять, как своего гостя. Варлаам отвечал:

— Еще не пришло время тебе, носящему телесное бремя, быть здесь; но если ты мужественно пребудешь до конца в иноческих подвигах, как я тебе заповедал, то скоро придешь сюда и удостоишься пребывания здесь, здешней славы и здешней радости и вечно будешь вместе со мною.

Пробудившись, с душою, еще полною виденного света и неизреченной славы, Иоасаф прославил Владыку всего, воссылая ему благодарственную песнь.

На том месте, где он пребывал с преподобным Варлаамом, святой Иоасаф прожил до самой своей кончины, являя ангельское житие. На двадцать пятом году от рождения оставил он земное царствование и принял на себя подвиг постничества, и, прожив в пустыне тридцать пять лет, преставился ко Господу.

Один святой пустынник, живший неподалеку, узнав, по вдохновению свыше, о преставлении святого Иоасафа, пришел к нему в тот же час, когда он скончался, воспел над честным его телом со слезами любви обычные песнопения надгробные и положил его вместе с мощами преподобного Варлаама, чтобы и тела тех, которые были нераздельны по духу, почивали нераздельно в одном месте. После погребения святого Иоасафа, пустыннику было откровение от Бога, повелевавшее ему идти в Индийское царство и известить царя Варахию о кончине святого. Получив это известие, царь со множеством народа отправился в пустыню и, прибыв в пещеру преподобных отцов, открыл гроб их и нашел мощи святых Варлаама и Иоасафа нетленными, причем от них исходило великое благоухание. Взяв святые мощи, Варахия с честию перенес их из пустыни в свое отечество и положил в церкви, созданной святым Иоасафом, славя Бога в Троице, Которому и от нас да будет честь и поклонение ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА ВАРЛААМА

Святой мученик Варлаам был родом из Антиохии Сирийской. В престарелых летах он был схвачен за исповедание имени Иисуса Христа и приведен на суд к языческому князю. Варлаама стали принуждать принести жертву идолам. Когда же он отказался сделать это, то его подвергли многим лютым мучениям за Христа Господа: сначала его немилосердно били воловьими жилами, а потом строгали железными когтями. После этого язычники повели святого мученика к идольскому храму и там, по приказанию мучителя, простерши его руку над жертвенником, на котором горел огонь, положили на нее горячие уголья с ладаном, чтобы он возложил курение на жертвенник их скверных богов. Мучители думали, что мученик от нестерпимой боли сбросит горячие уголья вместе с ладаном пред идолами. И если бы он сделал так, ему хотели сказать:

— Вот уже ты принес жертву богам нашим.

Но язычники не достигли того, чего им хотелось, ибо мученик Христов стоял непоколебимый, как столп, держа на руке своей горящий огонь, и был крепче меди и железа, ибо до тех пор держал на руке огонь, пока не сгорели пальцы его и не упали вместе с огнем на землю. Несмотря на то, он не двинул рукою и не сбросил на алтарь пред идолами угольев с ладаном. — Явившись столь мужественным и непобедимым страдальцем и воином Христовым, святой Варлаам при доблестном исповедании предал душу свою Господу[1].

[1] В 304 году в Кесарии Каппадокийской.

Слово святого Василия Великого

О СВЯТОМ МУЧЕНИКЕ ВАРЛААМЕ

В прежние времена смерть святых чествовали сетованием и слезами. Горько плакал Иосиф об умершем Иакове (см.: Быт. 50, 1); немало сетовали иудеи о кончине Моисеевой (см.: Втор. 34, 8), и Самуила почтили многими слезами (см.: 1 Цар. 25, 1). А ныне радуемся при кончине преподобных; потому что качества скорбного изменились после креста. Не плачем уже, когда сопровождаем смерть святых, но в восторженных ликованиях веселимся при их гробах; потому что смерть для праведных — сон, вернее же сказать, отшествие к лучшей жизни. Поэтому закалаемые мученики радуются; желание блаженнейшей жизни умерщвляет в них ощущение болезней при заклании. Мученик смотрит не на опасности, но на венцы; не ужасается ударов, но исчисляет награды; видит не исполнителей казни бичующих здесь на земле, но представляет себе Ангелов, приветствующих с неба; имеет в виду не кратковременные опасности, но вечные воздаяния. И у нас уже мученики пожинают светлый залог славы; потому что, от всех оглашаемые восторженными приветствиями, из гробов уловляют они в сеть свою тысячи народа.

Это самое исполнилось ныне над мужественным Варлаамом. Прозвучала бранная труба мученика и, как видите, собрала воинов благочестия. Провозглашен лежащий Христов подвижник, и окрылил зрелище Церкви. И как сказал владыка верных: *верующий в Меня, если и умрет, оживет* (Ин. 11, 25); так, мужественный Варлаам умер и созывает торжественные собрания; поглощен гробом и приглашает к пиршеству.

Теперь благовременно нам воскликнуть: *Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего?* (1 Кор. 1, 20). Сегодня у нас непобедимым учителем благочестия поселянин, которого мучитель влек, как удобоуловляемую добычу, но в котором, по испытании, узнал непреодолимого воина, над которым смеялся за его неправильную речь, и который устрашил ангельским мужеством: ибо нравы его не огрубели вместе с орудием слова, и рассудок не показал в себе тех же недостатков, какие были у него в словах. Но стал он вторым Павлом, с Павлом говоря: *Хотя я и невежда в слове, но не в познании*

(2 Кор. 11, 6). Бичующие его исполнители казни приходили в оцепенение, а мученик оказывался возрастающим в силах; ослабевали руки строгающих, но рассудок строгаемого не преклонялся; бичи расторгали стройное сплетение жил, но крепость веры делалась более нерасторгаемою; исчезла плоть на изрытых боках, но цвело любомудрие разума; большая часть плоти омертвела, но мученик был бодр, как не начинавший еще подвигов.

Когда любовь к благочестию поселится в душе, — тогда все виды браней для нее смешны, и все терзающие ее за любимый предмет более услаждают, нежели поражают. Свидетелем мне в этом любовь апостолов, которая некогда делала для них приятными бичи иудеев. Ибо сказано: *Они же пошли из синедриона, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие* (Деян. 5, 41).

Таков и ныне прославляемый нами воин. Мучения вменял он себе в веселие, бичуемый думал, что бросают в него розами; уязвлений нечестия избегал как стрел, а гнев судии почитал тенью дыма; смеялся свирепым приказам оруженосцев; ликовал при виде опасностей, как при виде венцов; увеселялся побоями, как почестями; в жесточайших мучениях радовался, как бы приемля блистательнейшие награды; презирал обнаженные мечи; с таким же ощущением принимал на себя руки исполнителей казни, как бы они были мягче воска; древо казни лобызал, как спасительное; темничными затворами наслаждался, как разнообразием цветов. Правая рука его была крепче огня, который враги употребляли против него как последнее средство. Ибо, возложив огонь на жертвенник для возлияния демонам, привели и поставили пред ним мученика, и, велев ему над жертвенником держать распростерши правую руку, употребили ее вместо медного алтаря, с хитрою мыслию возлагая на нее горящий ладан. Они надеялись, что рука, препобежденная силою огня, вскоре по необходимости сложит ладан на жертвенник.

Увы, какое хитросплетенное обольщение нечестивых! «Поскольку, — говорят они, — тысячи ран не поколебали его воли, то поколеблем пламенем хотя руку упорного борца. Поскольку разнообразными средствами не потрясли его душу, то приведем в потрясение по крайней мере десницу, действуя на нее огнем». Но жалкие люди не воспользовались этой надеждой. Ибо, хотя пламень пожигал руку, но рука продолжала держать на себе пламень подобно пеплу; она не

обратила хребта, подобно беглецам, враждующему огню; но неизменно держалась, доблестно борясь с пламенем, и дала мученику случай сказать словами пророка: *Благословен Господь, твердыня моя, научающий руки мои битве и персты мои брани* (Пс. 143, 1). Огонь вступил в брань с рукой; и поражение оказывалось на стороне огня. Продолжилась борьба пламени и правой руки мученика, и рука одержала какую-то небывалую в борьбах победу: хотя пламень проникал сквозь руку, однако же рука была еще распростерта для борьбы. Подлинно, это рука, превосходящая упорством огонь! Рука, не научившаяся уступать огню! Огонь, наученный терпеть поражение от руки! Железо уступает огню, смягчаемое его мучительной силой. Медь не противится его властительству. Но все преодолевающая сила огня, сожигая простертую руку мученика, не поколебала ее! Справедливо мученик мог воскликнуть при этом к Владыке: *Ты держишь меня за правую руку; Ты руководишь меня советом Твоим и потом примешь меня в славу* (Пс. 72, 23–24).

Как наименую тебя, доблестный воин Христов? Назову ли изваянием? Но много унижу твою терпеливость. Огонь, приняв в себя изваяние, размягчает его; а правую твою руку не убедил и к тому, чтобы она показала движение. Наименую ли тебя железным? Но нахожу, что и этот образ ниже твоего мужества. Ты один убедил пламень не делать насилия руке; ты один имел руку алтарем. Ты один пламенеющею десницею поражал лица демонов, и тогда обращенною в уголь рукою поразил их главы, и ныне обращенною в пепел десницею попираешь и ослепляешь их полчища.

Но для чего детским лепетом уничижаю доблестного подвижника? Предоставим песнословить его тем, у кого язык гораздо тверже; призовем на это велегласнейшие трубы учителей. Восстаньте теперь передо мною вы, славные живописатели подвижнических заслуг! Дополните своим искусством это неполное изображение военачальника! Цветами вашей мудрости осветите неясно представленного мною венценосца! Пусть буду побежден вашим живописанием доблестных дел мученика; рад буду признать над собою ныне подобную победу вашей крепости. Посмотрю на эту точнее изображенную вами борьбу руки с огнем. Посмотрю на этого борца, живее изображенного на нашей картине. Да плачут демоны, и ныне поражаемые в вас доблестями мученика! Опять да будет показана им па-

лимая и побеждающая рука! Да будет изображен на картине и Подвигоположник в борьбах, Христос, Которому слава во веки веков! Аминь.

Слово святого Иоанна Златоуста

О СВЯТОМ МУЧЕНИКЕ ВАРЛААМЕ

1. К этому священному празднику и торжеству созвал блаженный Варлаам: не для того, чтобы мы прославляли его, но чтобы подражали ему, не для того, чтобы нам быть слушателями похвал, но чтобы быть подражателями его подвигов. В делах житейских люди, достигающие высокой власти, никогда не захотят видеть других участниками одной с ними чести, потому что там зависть и ненависть нарушают любовь, а в делах духовных не так, но совершенно напротив: мученики тогда особенно и чувствуют свою честь, когда видят подобных себе рабов достигшими участия в их благах, так что кто хочет хвалить мучеников, пусть подражает мученикам, кто хочет превозносить похвалами подвижников благочестия, пусть подражает трудам их, — это принесет мученикам удовольствие не меньше собственных их доблестей. А чтобы убедиться тебе, что действительно они тогда особенно чувствуют собственные блага, когда видят нас в безопасности и считают это величайшею для себя честию, послушай Павла, который говорит: *ибо теперь мы живы, когда вы стоите в Господе* (1 Фес. 3, 8). И Моисей прежде него говорил Богу: *прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал* (Исх. 32, 32); я не чувствую, говорит, вышней почести по причине их несчастия. Общество верных есть связное тело: какая же польза голове быть увенчанною, когда ноги подвергаются мучению?

А как можно, скажешь, подражать теперь мученикам? Теперь не время гонения. Знаю это и я; не время гонения, но время мученичества; не время таких подвигов, но время венцов; не преследуют люди, но преследуют бесы; не гонит мучитель, но гонит диавол, который тяжелее всех мучителей; ты не видишь пред собою угольев, но видишь разожженный пламень похоти. Они попирали уголья, а

ты попирай огонь естества; они боролись с зверями, а ты обуздывай гнев, этого дикого и неукротимого зверя; они устояли против невыносимых мук, а ты преодолевай непристойные и порочные помыслы, изобилующие в твоем сердце, — так подражай мученикам. *Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных* (Еф. 6, 12). Похоть естества есть огонь, огонь неугасимый и постоянный, есть пес бешеный и неистовый; хотя бы тысячи раз ты отгонял его, он тысячи раз нападает и не отстает; жесток пламень угольев, но этот — пламень похоти — еще хуже; мы никогда не имеем перемирия в этой войне, никогда не имеем отдыха в настоящей жизни, но борьба постоянная, чтобы и венец был светел. Поэтому Павел всегда и вооружает нас, так как всегда время войны, так как враг всегда бодрствует. Хочешь знать, что похоть жжет не меньше огня? Послушай Соломона, который говорит: *Может ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих? То же бывает и с тем, кто входит к жене ближнего своего: кто прикоснется к ней, не останется без вины* (Притч. 6, 28–29). Видишь, что похоть по естеству своему соперничает с естеством огня? Как невозможно прикасающемуся к огню не получить обжога, так взгляд на красивые лица быстрее огня охватывает невоздержную на взгляды душу; и чем служит для огня горючее какое-нибудь вещество, тем красота телесная для глаз людей похотливых. Поэтому не должно давать огню похоти пищи — внешнего созерцания, но всячески прикрывать его и погашать благочестивыми мыслями, обуздывая дальнейшее распространение пламени и не позволяя ему сокрушать твердость нашего духа. И всякое удовольствие, во время преобладания страстей, обыкновенно сильнее огня сожигает душу, если кто не будет мужественно, с терпением и верою, противодействовать каждой страсти, подобно тому, как блаженный и доблестный подвижник Христов Варлаам поступил со своей рукой. Он держал в правой руке целый костер и не поддавался боли, но оставался бесстрастнее статуй; или — лучше — хотя и испытывал боль и страдал, — так как у него было тело, а не железо, — но, испытывая боль и страдая, показал в смертном теле любомудрие бесплотных сил.

2. Но чтобы эта история была более ясна, я дальше начну рассказ о его мученичестве, а ты посмотри на коварство диавола. Одних

святых он ставил на сковороды, других бросал в котлы, кипящие сильнее огня, одним скоблил бока, других погружал в море, иных предавал зверям, других ввергал в печь, одним раздроблял члены, с других еще с живых сдирал кожу, иным под окровавленные тела подлагал уголья, и искры, попадавшие в раны, терзали их резче всякого зверя, для иных выдумывал иные более тяжелые мучения. Но видя, что все это осталось осмеянным и что страдальцы преодолевали это с великою твердостию и приходившим после них на те же подвиги служили величайшим побуждением к мужеству, — чтó он делает? Он придумывает новый род козней, чтобы неожиданностию и необычностию мучения низвергнуть душу мученика, так как то, что знаем и о чем слышали, будь оно и невыносимо, бывает пренебрегаемо, как известное уже и ожидаемое, а неожиданное, хотя и легкое, бывает несноснее всего. Итак, пусть будет новая борьба, и пусть будет необыкновенная хитрость, чтобы новость и неожиданность, смутив подвижника, легко уронили его. Что же он делает? Он выводит святого из темницы связанным. И то было делом этого коварства, чтобы не вдруг с самого начала употреблять тяжелые орудия и причинять страшные мучения, но начинать борьбу с меньшего. Для чего? Для того, чтобы, если подвижники будут поражены, поражение их было позорным, потому что они не устояли и против малого; если же они преодолеют и победят, то чтобы, изнурив силы свои на меньшем, были при большем легко одолимыми. Поэтому он наперед употреблял меньшие, чтобы, преодолеет ли он или не преодолеет, не обмануться: если я преодолею, говорил он, то посмеюсь; а если не преодолею, то сделаю более слабыми для будущего. Итак, он выводит его из темницы, а он вышел, как доблестный подвижник, долгое время упражнявшийся на палестре[1]; и в самом деле — темница для мученика была школою борьбы, и там, наедине беседуя с Богом, он научился от Него всякой борьбе, потому что где такие узы, там и Христос.

Итак, он вышел, сделавшись более крепким от более долгого пребывания в темнице; когда же по выходе его диавол через служителей своего беззакония вывел его на средину, то не привязал его к дереву и не окружил палачами, так как видел, что он желает этого и

[1] *Палестра* — площадь, на которой у греков и римлян производились гимнастические игры или сражения.

наперед освоился с мыслию об этом наказании; но употребляет против этой башни некоторое необыкновенное, новое неожиданное орудие, которое могло бы произвести ее падение: ведь он во всех случаях старается больше обманом свалить святых, нежели мучить болью. Какое же это орудие? Приказав ему протянуть перевернутую навзничь руку над жертвенником, они положили на ней горячие уголья и ладан, чтобы, если он почувствует боль и перевернет руку, то они вменят это ему в жертвоприношение и отречение (от веры). Видишь ли, как коварен диавол? Но посмотри, как *уловляющий мудрых в лукавстве их* (1 Кор. 3, 19) сделал тщетными козни его и самую напряженность разнообразных хитростей обратил к возвышенно и умножению большей славы мученику. Когда враг, употребив бесчисленные злоухищрения, отходит затем побежденным, тогда подвижник благочестия является еще более славным, как случилось и здесь. Блаженный Варлаам простоял, не наклонив и не перевернув руку, как будто она была составлена из железа, между тем как, если бы и перевернулась рука, и тогда это не было бы виною мученика.

3. Здесь внимательно слушайте меня все, чтобы убедиться, что, если бы его правая рука и перевернулась, это не было бы поражением. Почему? Потому, что как мы судим о тех, которым терзают ребра или мучат как-либо иначе, так до́лжно судить и здесь. Если они не выдержат и принесут жертву, это вина их слабости, что, не перенеся страданий, они принесли жертву; если же они, претерпевая мучения, заболеют от страданий, но не изменят благочестию, то никто не обвиняет их за эти болезни, но мы еще больше хвалим их и удивляемся за то, что они, и изнемогая от страданий, вытерпели и не отреклись. Так и здесь: если бы блаженный Варлаам, не вынося сожигания, обещался принести жертву, то был бы побежден; а если бы рука его перевернулась, тогда как он не уступал, то это не вина воли мученика: это произошло бы по немощи не воли, но естества жил — соответственно их силе, рука склонилась бы от огня против воли святого. Как мы не осуждаем тех, которым терзают ребра за то, что разрывается их плоть, или лучше, — приведу более близкий пример, — как никто не станет порицать страждущих горячкою и судорогами за то, что изгибаются их руки, потому что это происходит не от их изнеженности, но от болезненного жара, который истощает влагу и неестественно стягивает связь нервов, так никто не стал бы

порицать и этого святого, если бы перевернулась рука его. Если горячка, и без воли страждущего ею, обыкновенно стягивает и извращает члены, то тем более могли сделать это положенные на правую руку уголья, хотя бы мученик и не поддавался. Однако они не сделали этого, чтобы ты с избытком убедился, что благодать Божия была присуща и укрепляла подвижника и исправляла недостаток природы; потому и самая рука его не испытала свойственного ей, но, как будто составленная из адаманта[1], оставалась не перевернувшеюся. Кто тогда, взирая на это, не удивился бы? Кто не вострепетал бы? Смотрели свыше Ангелы, взирали Архангелы; зрелище было блистательное и поистине превышающее природу человеческую. Подлинно, кто не пожелал бы видеть человека, который подвизался и не испытывал свойственного людям, который сам был и жертвенником, и жертвою, и жрецом? Поэтому двоякое восходило курение: одно — от сожигаемого фимиама, а другое — от растопляемой плоти; и последнее курение было приятнее первого, последнее благоухание — лучше первого. Здесь случилось то же, что и с купиною: как та купина горела и не сгорала, так и здесь рука горела, но душа не сгорала; тело истреблялось, но вера не истощалась; плоть изнемогала, но ревность не изнемогала; горячие уголья, прожигая средину руки, падали вниз, но мужество души не упадало; рука была повреждена и исчезла, — потому что была из плоти, а не из адаманта, — но душа требовала еще другой руки, чтобы и на ней показать свое терпение. Как храбрый воин, вошедший в среду неприятелей и разбивший строи сражающихся с ним, сломав свой меч от множества непрестанных ударов, ищет, обернувшись другого меча, потому что не насытился избиением врагов, — так точно и душа блаженного Варлаама, потеряв одну руку, при поражении бесовских ополчений, требовала еще другой руки, чтобы и на ней показать свою ревность. Не говори мне, что он отдал только одну руку; но прежде этого представь себе, что предавший руку отдал бы и голову, предал бы и ребра, противостал и огню, и зверям, и морю, и пропасти, и кресту, и колесу, и всем когда-либо слышанным, мучениям, и все потерпел, если не самым опытом, то намерением. Мученики идут не на опре-

[1] *Адамант* — алмаз, — камень, имеющий такую крепость, что чертит и режет прочие камни, не получая оттого вреда. Это название в церковной литературе придается многим святым, прославившимся твердостью своей веры и характера.

деленные мучения, но готовят себя на неизвестные казни; они не господа над волею мучителей и не назначают им пределов и меры мучений, но каким бы бедам ни пожелала подвергнуть их бесчеловечная и зверская воля мучителей, на те они и выходят с решимостию — разве только тело, изнемогши среди мучений, оставит неисполненным желание мучителей. Итак, плоть его истреблялась, а воля делалась более ревностною, превосходя самые уголья своим блеском и сияя больше их, потому что внутри его горел духовный огонь, гораздо более этого огня яркий. Поэтому он и не чувствовал внешнего пламени, что внутри его горел светлый и пламенный огонь любви Христовой.

4. Станем же, возлюбленные, не только слушать это, но и подражать. Как вначале я говорил, так и теперь говорю: каждый пусть не только в настоящий час удивляется мученику, но, и отходя домой, пусть ведет с собою этого святого, пусть введет его в свой дом, или — лучше — в свое сердце посредством воспоминания о сказанном. Прими его, как выше сказано, и в сердце своем поставь его с простертою рукою, прими увенчанного победителя и никогда не попускай ему выйти из ума твоего. Для того мы и привели вас к гробницам святых мучеников, чтобы и от взгляда на них вы получили некоторое побуждение к добродетели и подготовлялись к той же ревности. Так воина возбуждает и молва о герое, а гораздо более вид его и взгляд на него, особенно когда воин, войдя в шатер героя, увидит окровавленный меч, лежащую голову неприятеля, висящую вверху добычу, свежую кровь, капающую с рук того, кто поставил трофей, везде лежащие копья и щиты, и стрелы и всякое другое оружие. Поэтому и мы собрались здесь. Гроб мучеников есть воинский шатер; и если ты откроешь очи веры, то увидишь здесь лежащую броню правды, щит веры, шлем спасения, обувь благовествования, меч духовный, самую главу диавола, поверженную на землю (см.: Еф. 6, 14–17). Когда у гроба мученика ты видишь бесноватого, лежащего навзничь и часто терзающего себя самого, то видишь не что иное, как отсеченную голову лукавого. Эти оружия и теперь еще лежат при воинах Христовых; и как цари погребают героев вместе с оружием, так сделал и Христос — погреб их с оружием, чтобы и прежде воскресения показать всю славу и силу святых. Познай же духовное их всеоружие, и ты отойдешь отсюда, получив величайшую

пользу. Великая и у тебя, возлюбленный, война с диаволом, великая, сильная и постоянная.

Итак, изучай способы борьбы, чтобы подражать и победам; презирай богатство, деньги и всякое иное житейское великолепие; не считай блаженными богатеющих, но ублажай мучеников, не тех, что в роскоши, но тех, что на сковородах, не за роскошною трапезою, но в кипящем котле, не в банях ежедневно бывающих, но в жестоких печах, не благовониями пахнущих, но испускающих дым и смрад от сожигаемой плоти. Это благоухание лучше и полезнее того; то́ ведет к мучению употребляющих его, а это — к наградам и вышним венцам. А чтобы тебе убедиться, что роскошь есть зло, равно как и намащение благовонными мастями, и пьянство, и неумеренное употребление вина, и роскошная трапеза, послушай, что́ говорит пророк: ***лежите на ложах из слоновой кости и нежитесь на постелях ваших, едите лучших овнов из стада и тельцов с тучного пастбища... пьете из чаш вино, мажетесь наилучшими мастями*** (Ам. 6, 4–6). Если же это запрещалось в Ветхом Завете, то тем более при благодати, где больше любомудрия. Это сказано мною как к мужам, так и к женам; поприще общее — нет различия пола в стане Христовом, но одно собрание. И жены могут надевать броню, ограждать себя щитом и бросать стрелу, как во время мученичества, так и в другое, когда требуется великое дерзновение. Как превосходный стрелок, искусно бросив с тетивы стрелу, приводит в смятение весь строй неприятелей, — так и святые мученики и все поборники истины, противясь козням диавола, с языка своего, как бы с тетивы, искусно пускают слова, и они, подобно стрелам, летящим по воздуху, попадая в невидимые полчища бесов, приводят в смятение все их воинство. То же самое произошло и с блаженным Варлаамом: простыми словами, как бы летучими стрелами, он приводил в смятение диавольский стан. Будем и мы подражать этому искусству. Не видите ли, в каком изнеможении бывают возвращающиеся со зрелищ? А причиною то, что они тщательно внимают происходящему там, и оттуда они приходят, сохраняя в душах своих и извращения глаз, и движения рук, и кружения ног, и образы всех показанных видов извращения мучимого тела. Как же не нелепо, что они на погибель души своей оказывают такую заботливость и постоянно удерживают в памяти происходящее там, а мы, имея сравняться с Ангелами через подража-

ние здешнему, не оказываем равного с ними усердия к соблюдению сказанного? Нет, прошу и умоляю: не будем так нерадивы о своем спасении, но станем все сохранять мучеников в душах своих, с их сковородами, с котлами, с прочими мучениями, и, как живописцы часто очищают картину, потемневшую от дыма, от сажи и от продолжительности времени, так и ты, возлюбленный, пользуйся воспоминанием о святых мучениках: когда привходящие житейские заботы помрачат душу твою, ты очисти ее воспоминанием о мучениках. Если ты будешь иметь это воспоминание в душе своей, то ни богатству не будешь удивляться, ни бедности не станешь оплакивать, ни славы и власти не будешь восхвалять, и совершенно ничего из дел человеческих — из блистательных не станешь считать чем-нибудь великим, а из прискорбных — невыносимым, но, став выше всего этого, будешь иметь в постоянном созерцании этого образа урок добродетели. Кто видит каждый день воинов, мужественно действующих в войнах и битвах, тот никогда не пожелает роскоши, и не изнеженною и рассеянною жизнию будет восхищаться, но строгою, твердою и готовою на подвиги. Да и что общего между пьянством и сражением, между чревоугодием и мужеством, между благовонными мастями и оружием, между войною и пиршествами? Ты — воин Христов, возлюбленный: вооружайся же, а не заботься об украшениях; ты — доблестный подвижник: будь же мужествен, а не заботься о нарядах. Так будем подражать этим святым, так почтим этих героев, увенчанных победителей, друзей Божиих, и, пройдя одинаковый с ними путь, мы удостоимся одинаковых с ними венцов, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу слава, со Святым Духом, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО
ВАРЛААМА ПЕЧЕРСКОГО

В то время, когда преподобные отцы наши Антоний, Феодосий и Никон[1] сияли в Киевских пещерах доблестными подвигами, как три светильника, достойные предстоять престолу Святой Троицы, многократно приходил к ним насладиться их сладостною беседою некто Варлаам, сын благородных и христолюбивых родителей — Иоанна, первого между боярами князя Изяслава, и Марии, внук славного и храброго Вышаты, правнук воеводы Остромира[2].

С юности Варлаам сиял красотою телесною и чистотою души и возымел любовь к названным преподобным отцам и — настолько сильную, что захотел жить с ними вместе и оставить мирскую жизнь, вменяя ни во что славу и богатство. Особенно в страх привело его слово Господа, сказанное ему, между прочими, преподобными: *удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие* (Мф. 19, 24). И вот, придя однажды к преподобному Антонию, он открыл ему свое намерение.

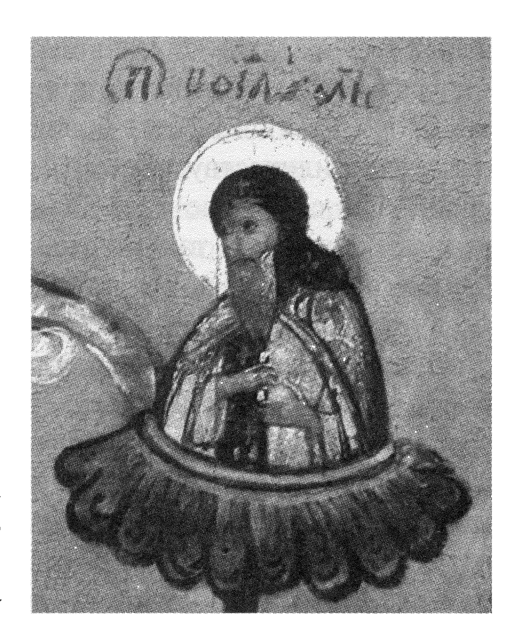
— Хотел бы я, отче, — сказал он, — если угодно Богу, быть иноком и жить с вами.

— Благо хотение твое, чадо, — отвечал старец, — и исполнено благодати намерение; но смотри, как бы не возвратили тебя назад богатство и слава мира сего, ибо, по слову Господню: *Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия* (Лк. 9, 62).

---

[1] *Преподобный Антоний* — первоначальник иноческого жития на Руси, подвизавшийся в затворе в пещерах Киевских; память его совершается 10 июля. *Преподобный Феодосий* — игумен Киево-Печерский, начальник монашеского общежития на Руси; память его совершается 3 мая и 14 августа (перенесение мощей). *Преподобный Никон* — первый ученик и сотрудник преподобного Антония; память его совершается 23 марта.

[2] *Изяслав Ярославич*, сын великого *князя Ярослава Мудрого*, внук *святого Владимира Великого*, княжил в Киеве с 1054-го по 1068 год. — *Вышата* — воевода Киевского ополчения, отправившегося при Ярославе с сыном его Владимиром, в 1042 году, на греков. *Остромир* — новгородский посадник; с его именем сохранилось Евангелие — один из древнейших памятников церковно-славянской письменности.



Многое и еще говорил старец на пользу душевную Варлааму, и сердце у него все более и более разгоралось любовию к Богу.

В таком расположении душевном пошел он домой. На другой же день после беседы с старцем, оставив не только родителей, но и обрученную уже с ним невесту, он сел на коня, одетый в светлые и дорогие одежды, и, имея при себе множество пеших слуг, ведущих убранных коней, торжественно прибыл к пещере. Когда преподобные вышли и поклонились ему до земли, как кланялись тогда знатным людям, он сам поклонился им также (сошедши с коня). Затем он снял с себя боярскую одежду и положил ее у ног преподобного Антония и поставил пред ним украшенных коней, говоря:

— Вот, отче, суетные блага мира сего: делай с ними, что хочешь; *все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа* (Флп. 3, 8), и хочу жить вместе с вами в этой пещере, а домой более уже не возвращусь.

— Смотри, чадо, — отвечал ему преподобный Антоний, — Кому ты обещаешься и Чьим воином хочешь быть, ибо вот, невидимо предстоят Ангелы Божии, принимая твое обещание. Берегись, как бы отец твой, придя сюда с вооруженною силою, не вывел тебя отсюда, хотя бы ты этого и не желал: ведь мы ничем тебе помочь не можем, а ты, между тем, явишься пред Богом лжецом и отступником.

— Верую Богу моему, отче! — воскликнул Варлаам. — Если даже отец и пожелает мучить меня, я не возвращусь к мирской жизни; об одном молю тебя: скорее соверши надо мною постриг.

Тогда преподобный Антоний велел преподобному Никону постричь Варлаама и облечь в монашескую одежду, что и было сделано.

Боярин Иоанн, узнав, что его любимый сын постригся в иночество, сильно разгневался на преподобных и, взяв с собою множе-

ство слуг, напал на спасавшихся в пещере иноков и всех разогнал оттуда, а сына насильно вытащил вон и, сорвав с него мантию и куколь, бросил их в ручей. Затем он одел его в светлые драгоценные одежды, приличествующие его происхождению; но святой тотчас же сбросил их с себя, не желая даже и смотреть на них, и это повторялось несколько раз, так что отец велел связать ему руки, силою опять одеть его и в таком виде вести через город домой. Но Варлаам, увидя по пути яму, наполненную нечистотами, быстро спустился в нее и, поспешно сбросив с себя одежду, топтал ее ногами в грязи, попирая вместе с нею и ухищрения лукавого. Когда они пришли домой, отец велел ему сесть с собою за стол: он принужден был поневоле повиноваться, но ничего не ел из подаваемых кушаний и сидел, опустив голову. По окончании трапезы отец отпустил Варлаама в его комнату, приставив слуг стеречь его, чтобы он не ушел. Потом он приказал обрученной со святым девице надеть лучшие украшения для прельщения его и всячески ухаживать за ним. Но угодник Христов Варлаам ушел в одну из комнат и сел в углу на пол. Обрученница его, согласно данному ей приказанию, пошла за ним и упрашивала сесть на своей постели. Тогда он, видя ее неразумие и догадавшись, что отец подослал ее, чтобы прельстить его, вознес из глубины сердца тайную молитву всемилостивому Богу о спасении от соблазна. Три дня просидел он, не вставая, на одном месте, ничего не вкушая, не одеваясь и оставаясь в одной власянице. Между тем преподобный Антоний и находившиеся с ним в пещере были очень опечалены его судьбою и молились за него Богу. И Бог услышал молитву их, ибо, по слову псалмопевца, ***взывают [праведные], и Господь слышит, и от всех скорбей их избавляет их*** (Пс. 33, 18), и, видя терпение и смирение святого, обратил ожесточившееся сердце отца на милость к сыну. Слуги донесли боярину, что вот уже четвертый день сын его не принимает пищи и не одевается. Отец сжалился над сыном и, боясь, как бы он не умер от голода и холода, призвал его и, с любовию поцеловав, отпустил в пещеру. И произошло тогда нечто весьма удивительное: послышались в доме рыдания и вопли, как по мертвеце; плакали все: отец с материю — о том, что лишаются сына, невеста — о том, что разлучается с женихом, рабы и рабыни — о том, что покидает их добрый господин. А святой Варлаам, как птица, вырвавшаяся из сети, быстро направился к пещере. Находившиеся в

ней иноки всем сердцем обрадовались, увидя Варлаама, и прославили Бога, услышавшего их молитву о нем.

Когда число братии в пещере увеличилось до двенадцати, то преподобный Антоний, видя доблестное подвижничество Варлаама и преуспеяние его в добродетели, от всего сердца благодарил Бога за то, что в цветущем юноше оказались духовные плоды, свойственные старцу, и проявилась такая благодать, что он вполне мог быть вождем в жизни для прочих. Поэтому, посоветовавшись со всеми братиями, жившими в пещере, он поставил Варлаама игуменом вместо себя, а сам, привыкнув жить один и не перенося людской суеты и разговоров, переселился на другой холм, что под новым монастырем, и там выкопал пещеру, в которой и жил, предаваясь безмолвию и беседуя всегда с Единым Богом. Там лежит честное тело его и доныне.

Преподобный Варлаам, приняв начальство над братиею, стал вести еще более строгую подвижническую жизнь. Когда число братии значительно увеличилось, а между тем в пещере во время соборного богослужения могло поместиться не более двадцати человек, тогда он, испросив благословение у преподобного Антония, построил над пещерою небольшую деревянную церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы, для того чтобы в этой церкви собирались для богослужебного пения те из братий, которые, за теснотою, не могли принимать участия в пении при богослужении в пещере. С тех пор обозначилось видимым образом и место самой пещеры, остававшееся дотоле незаметным. Через несколько лет великий князь Изяслав Ярославич, нареченный во святом крещении Димитрием, построил каменный храм во имя тезоименитого себе святого, великомученика Димитрия, и устроил при этом храме монастырь. Преподобного Варлаама, как своего родственника и мужа, опытного в иноческой жизни, князь поставил в этом монастыре игуменом. Здесь преподобный вел образ жизни, к какому привык в пещере; братию же и всех вообще он более всего учил и умолял заботиться о спасении души со всею ревностию и иметь совесть, всегда чистую пред Богом и ближними. И Бог, видя любовь преподобного к братии и его попечения о них, помогал им совершенствоваться во всех добродетелях.

Ко многим другим своим подвигам преподобный Варлаам присоединил здесь еще новый: выбрав удобное время, он отправился во святой град Иерусалим, и, обошедши святую Землю, возвратился в

свой монастырь. Через некоторое время он отправился в Царьград, обошел там все монастыри и, купив все нужное для обители, отправился назад. Находясь в пути, он впал в тяжелый недуг и, достигнув города Владимира, остановился около него в монастыре, называемом Святая гора, где и почил с миром о Господе[1], завещав пред смертию бывшим с ним перенести тело его для погребения в Киев, в Печерский монастырь, а иконы и все, купленное им для нужд обители, передать преподобному Феодосию. Завещание преподобного было исполнено, и честные мощи его доныне лежат в пещере нетленными.

Молитвами преподобного Варлаама да сподобимся и мы, исполняя на пути земной жизни нашей заповеди Господни, соделаться наследниками нашего небесного отечества во Христе Иисусе Господе, Которому слава со Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
АЗЫ
и с ним 150 воинов

Святой мученик Аза был воином в Исаврии[2] при царе Диоклетиане. Но потом, желая быть воином не земного царя, а небесного, он оставил воинское звание и удалился в пустыню. Совершая здесь многочисленные чудеса и исцеляя больных, он, как ревностный последователь Христа, был схвачен и приведен на суд к правителю Исаврийской области Аквилину. Когда воины вели святого на суд, святой Аза поучал их вере Христовой, — и воины уверовали после того, как святой сотворил пред ними чудо. Так как сопровождавшие мученика воины сильно возжелали святого крещения, то Аза обратился с молитвою к Богу, и, по молитве святого, истекла вода. Тем не менее воины, научаемые святым, который внушил им, что они обязаны повиноваться предержащим властям, — привели Азу на суд к правителю и, вместе с ним, исповедовали себя христианами. Тогда правитель Аквилин, для устрашения других, повелел подвер-

[1] † в 1065 году.

[2] *Исаврия* — небольшая область на юге Малой Азии.

гнуть мученика великим истязаниям, рвать тело его железными когтями и, наконец, привязав его к колесу, вертеть последнее. Однако святой, при помощи Божией, оставался невредимым. Видя это, жена правителя и дочь ее уверовали во Христа и исповедовали свою веру. Тогда правитель так разгневался, что тут же повелел обезглавить свою жену и дочь, а с ними и всех уверовавших воинов, которых было числом сто пятьдесят человек.

После того святой Аза был подвергнут новым мучениям и, наконец, был обезглавлен[1].

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ИЛИОДОРА

В царствование Аврелиана[2] в памфилийском[3] городе Магиде, которым управлял Аэций, безбоязненно проповедовал Христа один благочестивый человек, именем Илиодор. За это он был схвачен и приведен к правителю, обвиненный в распространении гонимого учения. Святого привели на суд. На допросе правитель Аэций долго убеждал Илиодора, чтобы он отрекся от Христа и принес жертву идолам. Но святой мужественно и твердо исповедовал Христа Богом. Тогда правитель повелел повесить его и строгать его тело железными когтями. Во время мучений святой Илиодор громким голосом воскликнул:

— Господи, Иисусе Христе! Помоги мне!

Тотчас последовал голос с неба:

— Не бойся! Я с тобою!

Голос этот слышали исполнители казни, которые видели при этом и четырех Ангелов. Видение так подействовало на них, что они уверовали в Господа нашего Иисуса Христа и стали обличать правителя. Разгневанный правитель тотчас же повелел бросить их в море. Вместе с этим он повелел разжечь медного вола и бросить туда му-

---

[1] В начале IV века.

[2] *Аврелиан* — Римский император, царствовал с 270 по 276 год.

[3] *Памфилия* — область на юге Малой Азии.

ченика. Когда святой был ввержен туда, то, по молитвам его, вол тотчас же остыл, а святой воспел Богу благодарственную песнь.

Узнав об этом, правитель удивился и, подойдя к медному волу, убедился, что вол мгновенно остыл. Обратясь к святому, он сказал:

— Нечестивец! Твои волшебства превозмогли даже огонь!

Святой же отвечал:

— Не волхвования сделали то, но помощь Христа.

Сказав это, святой стал просить у мучителя три дня сроку, чтобы обдумать, что делать.

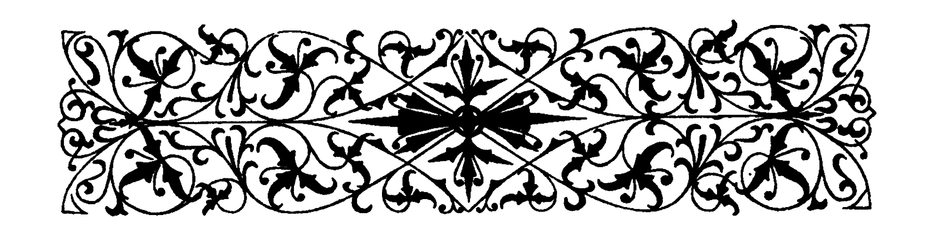
Когда святой был освобожден, он тайно отправился в капище и стал там молиться; по молитве святого, произошло землетрясение, во время которого идолы, упав, разбились. Узнав об этом, правитель приказал снова привести на суд святого Илиодора и, исполнившись гнева, повелел повесить его и в голову его вонзить разожженные гвозди. Испытывая страшную боль, святой призвал на помощь Бога, и тотчас же мучения его облегчились. Тогда правитель приказал наложить на него тяжелые железные оковы и отвести к правителю одного соседнего города. Когда святой Илиодор был приведен к последнему, то тот долго беседовал с ним с тою целью, чтобы принудить его к принесению жертвы идолам. Но видя его упорство, правитель повелел вложить руки и ноги его в четыре расщепа дерева и затем бросить в разожженный котел. Находясь в котле, святой молился и вместе с этим призывал предстоящих войти к нему, говоря, что это не причинит им вреда. И многие из бывших там уверовали в Господа нашего Иисуса Христа.

— Поистине велик Бог христианский, — говорили они.

Правитель, видя, что многие уверовали в Бога Илиодорова, и боясь, как бы уверовавшие не скрыли святого мученика, приказал отвести его в Магиду. Тогда воины взяли его и пошли вместе с ним. Прибыв в Магиду, они снова привели его на суд. Подвергнув святого испытанию, правитель повелел повесить его, строгать его тело и затем отсечь ему голову. Когда Илиодора влекли за город, святой мученик сделал знак рукою влекущим, чтобы они остановились, и когда те исполнили его просьбу, он совершил моление, после чего был обезглавлен[1].

---

[1] Около 273 года.



День двадцатый

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ГРИГОРИЯ ДЕКАПОЛИТА

Преподобный Григорий родился в городе Иринополе в Десятиградии[1] от христианских родителей Сергия и Марфы, благочестивой и богобоязненной женщины. Восьми лет он отдан был для научения грамоте и еще в юности хорошо изучил слово Божие и отличался усердием к храму Божию. Стремясь к небесному, он возненавидел все земное: не вкушал приятных для вкуса снедей, употребляя лишь простую и грубую пищу, отказывался носить богатые и мягкие одежды, сам пропитывал себя рукоделием, отдавая остаток бедным. Часто он удалялся в безмолвие и там наедине молился Богу, чтобы Он удостоил его быть верным рабом Его.

Когда Григорий достиг совершеннолетия, родители намеревались женить его, но он тайно убежал и удалился в один пустынный монастырь, где принял иночество и ревностно подвизался в посте и воздержании, в молитвах и непрестанных ночных бдениях, возлагая на себя всякие тяготы самой строгой иноческой жизни. Между тем вскоре отец Григория умер; благочестивая же мать, после долгих поисков найдя его, не только не укоряла, но и одобрила его намерение посвятить себя иноческим подвигам; она просила его только перейти в другой монастырь, где находился и брат его. Повинуясь воле матери, преподобный переселился туда; но когда он узнал, что

[1] *Десятиградие* — по-гречески Декаполь — союз десяти городов в Исаврии, небольшой области в горах Малой Азии, на юге ее; *Иринополь* — один из этих городов. По имени этого союза городов преподобный Григорий и получил наименование Декаполита.

настоятель монастыря того — иконоборец, то, как горячий ревнитель Православия, обличил его пред всею братиею. Тогда настоятель, в ярости, жестоко побил его, после чего Григорий ушел в другой монастырь, где настоятелем был родственник его матери, Симеон. С радостию встретив Григория, Симеон, как муж опытный в подвижнической жизни, наставил юношу на всякую добродетель.

Прожив здесь около четырнадцати лет, преподобный Григорий заслужил общее уважение, и все стали почитать его за добродетельного и святого человека. Преуспевая в глубоком смирении и желая соделаться совершенным иноком, он испросил у настоятеля позволение поселиться в уединенной келии, чтобы, не имея никакого житейского попечения, проводить время в безмолвии. Настоятель, провидя благое произволение его, отвел ему для подвигов одну пещеру в глубокой отвесной расселине. И начал святой еще с бо́льшею ревностию подвизаться в той пещере. Но, не смущаемый молвой людской, он потерпел здесь великое беспокойство от демонов, которые всячески озлобляли и искушали его, стараясь прогнать его из их жилища. То угрожали они ему, крича: «Уходи из нашего жилища, — иначе много пострадаешь от нас»; то устремлялись на него, принимая вид страшных скорпионов. Но он оставался неуязвимым и неустрашимым. Когда стоял он на молитве, бесы уязвляли его руки и ноги; но он пренебрегал наносимыми ему язвами, считая их ни во что. И бесы со срамом удалились. Спустя немного дней они явились к нему в виде воинов, угрожая его убить; но он сотворил крестное знамение, и они исчезли. После того являлись они святому, блистая светом и говоря, что они — сорок мучеников[1] и пришли дать ему благодать и силу против демонов; но он, провидев их козни, запретил им, и они снова исчезли. Также бессильны были и другие искушения, ибо благодать Божия содействовала ему и истребляла в нем все приражения плоти. Вскоре после того Господь сподобил Своего верного угодника дивного посещения: Григорий пришел в состояние как бы некоего восхищения, во время которого явился ему с неба блистающий свет с неизреченным благоуханием, наполнившим пещеру и остававшимся в ней в продолжение многих дней. Об этом чуде святой счел должным сообщить своему настоятелю,

[1] Здесь разумеются сорок мучеников Севастийских, память которых празднуется Церковью 9 марта.

чтобы спросить его, как человека опытного в духовной жизни, от Бога ли это видение, или не действие ли оно диавола, посланное для того, чтобы соблазнить и прельстить его. Внимательно выслушав рассказ Григория, настоятель успокоил его и сказал ему, чтобы он не имел никакого сомнения, ни страха, но что это — свет Божественный, который своим благовонием прогнал смертоносное зловоние духа лукавого. «Трудись в подвиге, сколько можешь, — заключил старец, — уповая, что ты имеешь Бога себе помощником». И действительно, святой Григорий от благодатного видения того исцелился и освободился от удручавшей его болезни телесной и от болезни душевной — плотского соблазна, которым хотели прельстить его демоны, и от всех их злокозненных искушений. С того времени блаженный еще более усилил свои подвиги и молитвы, непрестанно взывая ко Господу из глубины души. Преодолев, таким образом, диавольские козни, преподобный Григорий за свою святую и непорочную жизнь сподобился от Бога благодатного дара чудотворений. И так как не подобало этому Божественному светильнику Церкви оставаться под спудом, то Господь воззвал к нему с неба, как некогда к патриарху Аврааму (см.: Быт. 12, 1):

— Григорий! Если желаешь достигнуть совершенства, изыди от земли твоей и от родства твоего и странствуй во благо свое.

Повинуясь этому Божественному гласу, Григорий, оставив пещеру, направился в Ефес, чтобы найти корабль для отплытия в Константинополь: Церковь Константинопольскую в то время обуревала иконоборческая ересь, и, ревнуя о славе Божией и чистоте Православия, святой намеревался вступить на защиту его и изобличить лжемудрования еретиков. Но Промысл Божий судил иначе: святому Григорию надлежало, согласно Божественному призыву, всю остальную жизнь свою провести в странствованиях, *не имея здесь постоянного града, но ища будущего* (Евр. 13, 14), подобно Господу на-

шему Иисусу Христу, бывшему странником на земле и не имевшему, где приклонить голову (см.: Мф. 8, 20; Лк. 9, 58).

Отправившись из Ефеса в Константинополь, преподобный по дороге остановился сначала в Проконнисе[1], где один бедный человек, несмотря на строгие указы царей — иконоборцев[2], запрещавшие принимать к себе иноков, радушно принял его в своем доме ради Господа, за что Господь и обогатил его в продолжение немногих дней. Отсюда святой направился далее в Византию, но, встретив препятствие к тому, познал из этого, что нет воли Божией на путешествие его туда, и отправился в Энос[3]. Здесь он получил жестокие побои от одного всадника, возбужденного к тому диаволом; но праведный, претерпевая удары, молился Богу, чтобы Он простил его обидчика, и последний, видя кротость его, раскаялся, просил прощения и получил от преподобного наставление впредь никого не обижать. Отправившись отсюда на корабле, преподобный прибыл в Христополь[4], откуда переправился в Солунь.

Пробыв в Солуни немного дней, святой Григорий отправился сухим путем в Коринф. Отплыв отсюда в Рим, он по дороге остановился на некоторое время в Регии[5]. Здесь некоторые люди, видя, что преподобный ничего не имеет, дали ему некое количество золота. Святой же, хотя и не знал жертвователей, но, по Божественной благодати, прозрел, что данное ему золото приобретено неправдою; поэтому, желая научить, чтобы воздерживались от неправды, изобличил виновного и возвратил неправедно приобретенные деньги. Оставив Регий, святой отправился далее в Рим. На пути один из плывших упал с судна в море, подле берега, где им следовало выйти на сушу, чтобы идти в Рим. И вот совершилось чудо, ясно засвидетельствовавшее, что на преподобном почивает благодать Божия; ибо он одною молитвою вынес его на землю и спас от неминуемой гибели.

---

[1] *Проконнис* — ныне Мармара, остров в западной части Мраморного моря.

[2] *Лев III Исаврянин* (716–741 гг.), в особенности *сын его Константин Копроним* (741–775 гг.) и сын и преемник последнего *Лев IV Хазар* (775–780 гг.).

[3] *Энос* — приморский город-гавань на юге нынешней Румелии, на запад от Константинополя.

[4] *Христополь* — иначе Емволы, город в Македонии на реке Стримоне, протекающей в пятидесяти верстах от Солуни на северо-востоке.

[5] *Регий* — город в юго-западной части Италии, на берегу Сицилийского пролива.

Прибыв в Рим, преподобный Григорий три месяца пробыл в безмолвии в одной уединенной келии, так что никто и не знал о нем. Но один бесноватый сделал известным его пребывание в городе: ибо святой исцелил его, изгнав из него духа нечистого, и все стали считать его за святого. Тогда Григорий удалился оттуда и, прибыв в Сицилию, заключился в одной башне и пребывал в ней в молчании. Здесь напали на него демоны, истребили рогожу, на которой он спал, и всячески искушали его и причиняли ему различные злокозненные действия; но он молитвою прогнал их. Здесь же он спас от вечной гибели одну женщину — грешницу, бесчисленными хитростями склонявшую мужчин, особенно корабельщиков, прибывавших из чужих мест, к нечистоте блуда. Угрожая ей вечными мучениями, святой своими убеждениями довел ее до того, что она отреклась от мира, приняла иночество, и место плотской скверны обратилось в монастырь. После того пришла к преподобному Григорию в башню одна беснуемая женщина, и он молитвою своею прогнал из нее демона. Много и других еще чудес сотворил он на этом месте. Когда все узнали об этом и стали почитать его, то святой удалился и оттуда.

Однажды, путешествуя, он встретил войско сарацин[1]. Один из них поил при колодце коня, и когда святой подошел, тот направил копье, чтобы убить его. Но вдруг рука его остановилась в воздухе, так что он не мог опустить ее. Тогда он пошел за преподобным, умоляя его об исцелении. Святой, прикоснувшись к его руке своею, исцелил его. Далее на пути встретил святого один жестоко мучимый бесноватый. Умилосердившись над ним, святой сотворил молитву к Богу, и демон оставил страждущего.

Наконец Григорий снова прибыл в Солунь и поселился там в монастыре святого Мины. При этом он пребывал в такой нищете, что не имел никакой пищи, ни чем бы покрыться, а носил только одну одежду, которая служила ему и днем и ночью. Когда он чувствовал непреодолимый голод, то выходил из церкви, и если видел где-либо трапезующих, то входил к ним и вкушал с ними немного пищи. Но потом он почувствовал, что не до́лжно ему питаться от чужого труда, не трудясь, и решился пребывать при храме без пищи, до тех пор,

---

[1] *Сарацины* — наименование арабов, кочующего разбойнического племени Аравии; впоследствии это наименование распространилось на всех магометан вообще.

пока Господь не пошлет ему помощь свыше. И Господь, пропитавший некогда пророка Илию через ворона (см.: 3 Цар. 7, 6) и многих других добродетельных рабов Своих чудесным образом, не оставил без помощи верного раба Своего; по внушению свыше, одна боголюбивая вдова каждодневно доставляла ему пищу.

Вскоре преподобный Григорий прославился по всей окрестной местности своими чудотворениями. Так, однажды пришла к нему одна бесноватая женщина и просила у святого помощи на возобновление ее небольшого домика, так как он обветшал. В ответ на ее просьбу святой сказал:

— Иди, начинай дело, и Бог, отец сирот, пошлет тебе помощь.

Женщина с верою пошла и начала копать землю, чтобы положить зданию основание. И вот с того места полилась в безмерном множестве смола. Женщина продала ее и на вырученные деньги не только выстроила домик, но еще и питалась от продажи этой смолы.

Одному иноку, подвизавшемуся близ монастыря святого Мины на столпе, преподобный Григорий, предузнав о том Духом Святым, предсказал о близкой кончине, как и некоторым другим лицам. Неустанно работая над собою, свято соблюдая чистоту душевную и совершенствуясь в добродетелях христианских, преподобный Григорий имел великое дерзновение ко Господу и уготовал себя в жилище Святому Духу; с Божественным рачением шел он тесным путем смиренномудрого подвига, непрестанным бодрствованием далеко прогоняя всякое небрежение и вражеские приражения, так что враг и во сне не мог действовать на его воображение и помыслы; согласно имени своему, он был воистину бодрствующим[1] в отношении всех дел и помышлений и очистил душу и тело от всех страстей. Рукоположенный в сан иерея, он совершал Божественные службы с сердцем сокрушенным и духом смиренным; превозношение и тщеславие он исторгнул совершенно. Более же всего хранил чистоту Православия и в словах и в делах; поражая еретиков, сколько мог, он словами и писаниями учил поклоняться святым иконам и почитать их по преданию Церкви; многие города очистил он от скверны иконоборства и убеждал даже и самую кровь пролить за святые иконы, если бы то потребовалось, и сам готов был принять за них смерть и был

[1] Григорий с греческого значит: *бодрствующий*.

мучеником по доброму произволению. Превыше всех добродетелей он имел постоянную святую молитву, всегда устремляя ум к Богу; песнословя и прославляя Его со святыми Ангелами, он еще здесь получил залоги неизглаголанной радости вечного блаженства. Однажды ночью ему явился в видении Ангел Господень, вручив ему пламенный меч для поражения всей силы бесовской и для отсечения от Церкви — еретических мудрствований, а от сердца — греховных страстей. Иногда преподобный, занятый богомыслием, слышал ангельское пение: так был угоден он Богу и Ангелам, что, еще находясь в смертном теле, удостаивался уже бессмертных, Божественных наслаждений, сподоблялся слушать ангельское пение, которого ухо не слышало, и несказанно услаждаться им.

Проведя в Солуни несколько лет, преподобный Григорий с одним из учеников своих пошел в Болгарию, тогда еще языческую, но, не дойдя до нее, возвратился. Когда ученик спросил его, отчего он так скоро переменил свое намерение, преподобный отвечал:

— Я хотел побывать там, но вижу, что там солнце не светит.

Этими словами он пророчески предвозвестил о тех беспорядках, которые вскоре после того там возникли, и во время которых кровь лилась рекою и вся страна была выжжена.

Вслед за тем преподобный Григорий ходил из Солуни в Византию и оттуда на гору Олимп[1], с которой снова возвратился в Солунь.

Так подвизаясь и на земле помышляя о небесном, преподобный Григорий приблизился ко времени отшествия своего из этой жизни. Тяжко заболев от падучей болезни, он лежал неподвижно на одре и горячо молился Богу, чтобы Он освободил его от этой болезни и заменил ее другою — водяною. Бог услышал его молитву: освободив его от первой болезни, дал ему ту, о которой он просил. И так раздулось тело его, что казалось как бы мехом, наполненным воздухом. Оставив Солунь, преподобный с великим трудом прибыл в Константинополь, чтобы противодействовать здесь ереси иконоборства[2], и

---

[1] Здесь разумеется гора *Олимп Вифино-Мизийский*, на севере Малой Азии, на границах Вифинии и Мизии, где процветало тогда монашество.

[2] Это было в царствование императора Льва Армянина (813–820 гг.). Этот император, будучи не в состоянии склонить патриарха Константинопольского Никифора к ереси иконоборческой, послал его в марте 816 года в заточение, равно и других епископов, игуменов и монахов, с дерзновением защищавших почитание святых икон, заточил в темницы в Константинополе или отправил в ссылку.

уже более не возвращался обратно. С собою он привел также двух учеников и сподвижников своих — Иосифа и Иоанна[1]. Первого из них он вскоре послал, по просьбе православных иноков, в Рим к папе Льву III[2], чтобы просить у него помощи по случаю открывавшегося гонения на святые иконы; но, на пути туда, был захвачен подкупленными императором-иконоборцем Львом Армянином морскими разбойниками и заточен на остров Кипр.

Иосифу не суждено было более увидеть в живых своего великого учителя. Преподобный Григорий вскоре после этого предал чистую душу свою Господу. За двенадцать дней до кончины он предузнал день своего отшествия и велел отвести себя в странноприимный дом, где, 20 ноября, тихо скончался[3]. Когда пришли погребать честное тело его, приблизился к нему с верою один больной, имевший тяжкую болезнь, так что не мог стоять прямо, но лицо его постоянно обращено было к земле. И вот представилось ему, что кто-то положил на него руку сзади, и он обратился с вопросом к стоявшему около него, не он ли коснулся его. Тот отвечал отрицательно, и больной узнал из этого, что это была сила Божия, осенявшая святого, который и даровал ему исцеление, — и он стал стоять прямо, совершенно исцелев от своей болезни. Другой мучим был духом нечистым, но как только приблизился ко гробу преподобного, демон

---

[1] *Преподобный Иосиф*, оставшийся в истории Церкви с именем «Песнописца» († 883 г.); память его совершается Церковью 4 апреля. *Преподобный Иоанн*, ученик Григория Декаполита, умер между 820–850 годами; память его совершается 18 апреля.

[2] *Папа Лев III* управлял Церковью с 795 по 816 год.

[3] Кончина преподобного Григория Декаполита последовала в 816 году. — Преподобный Иосиф не застал в живых своего учителя. Возвратившись через шесть лет из заточения в Константинополь, он имел лишь утешение осязать руками нетленное тело преподобного Григория и поселился с учеником его Иоанном при гробе его. По кончине же Иоанна Иосиф, оставив это место, поселился при храме святого Иоанна Златоустого и положил в нем прославленные нетлением и чудесами мощи преподобного Декаполита и ученика его Иоанна; спустя некоторое время недалеко от этого храма он основал обитель иноков во имя святого Николая Касульского и в нее перенес мощи преподобных. Иосиф же Песнописец написал и службу в честь преподобного Григория. — Мощи преподобного Григория нетленные и целые находятся в настоящее время в Румынии в монастыре Быстрица, Рымнинской епархии.

оставил его. Один брат весьма мучим был плотскою страстию и близок к падению, но, придя ко гробу святого, со слезами просил помощи, — и плотская брань прекратилась, и он прославил святого и возблагодарил Бога.

Так, после многотрудного странствования земного, преподобный Григорий достиг вечного покоя на небесах между святыми Ангелами, видения и слышания которых он удостоился еще во время земной жизни своей, и теперь вместе с ними прославляет трисвятыми песнопениями Единого в Троице Бога вовеки.

ЖИТИЕ СВЯТОГО **ПРОКЛА**, патриарха Константинопольского

Святой Прокл был учеником святого Иоанна Златоуста[1] и сподобился видеть, как святой апостол Павел в дивном видении тайно беседовал на ухо со святым Иоанном.

Один константинопольский вельможа был оклеветан своими завистниками пред императором Аркадием[2], изгнан из дворца и лишен своего высокого сана. Желая обратиться за помощью к святому Иоанну, он заочно просил его позволить прийти к нему ночью, так как боялся идти днем, чтобы не увидал его кто-нибудь из врагов и не оклеветал бы еще более пред царем. Тогда святой Иоанн, призвав служившего при нем Прокла, мужа благочестивого и сиявшего всякими добродетелями, велел ему напомнить ночью о вельможе и привести его: в том и состояло служение Прокла у Златоуста, что он докладывал патриарху о приходящих и вводил их к нему. Когда настала ночь, вельможа пришел к патриарху, чтобы побеседовать с ним и

---

[1] *Святой Прокл* был при святом Иоанне Златоусте диаконом, потом иеромонахом и синкеллом, то есть келейным служителем патриарха, жившим в одних с ним покоях, и в то же время ближайшим его учеником.

[2] *Аркадий*, сын Феодосия Великого, император Восточной Римской империи, царствовал с 395 по 408 год.

подробно рассказать ему о своем злоключении. И вот Прокл, встав с постели, подошел к дверям спальни патриарха и через дверную щель увидел, что Иоанн сидит и пишет, а святой апостол Павел приник к нему за спиною и, нагнувшись к его правому уху, беседует с ним. Видом апостол похож был на святого пророка Елисея: с головою, лишенною волос на передней части, и большою широкою бородою. О чем они беседовали, через двери расслышать было нельзя. Отойдя от дверей, Прокл сказал пришедшему:

— Не огорчайся, — потерпи немного: некто другой прежде тебя вошел к патриарху, и потому, пока он не уйдет, я не могу тебя ввести туда.

На самом же деле Прокл находился в страхе, не догадываясь, кто пришел к патриарху: помимо Прокла, никто не мог проникнуть к патриарху, а о том, что это — явление апостола Павла, он не знал.

Долго сидел вельможа и, наконец, опять стал просить Прокла доложить о нем патриарху.

— Ты сам видишь, — отвечал Прокл, — сколько времени я ожидаю, пока не выйдет беседующий с патриархом; впрочем, я все-таки пойду, посмотрю в щель, не перестали ли они беседовать.

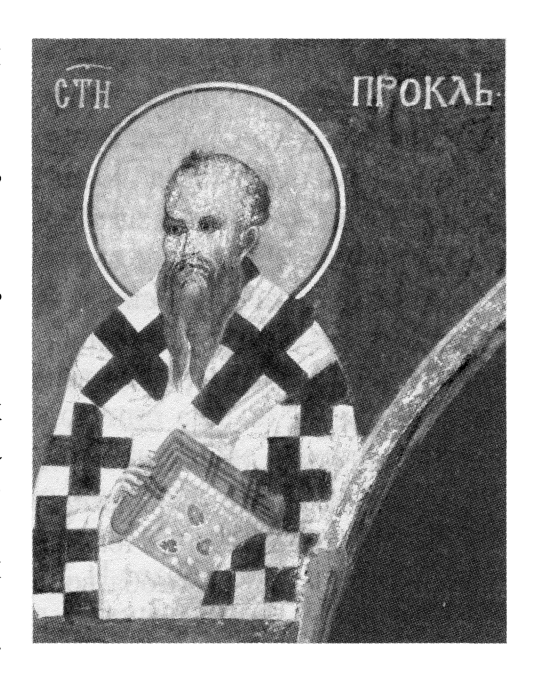
Прокл пошел и увидел, что беседа все еще продолжается. Он возвратился и сел. Потом он подходил к двери в третий раз и видел то же самое.

— Тебе нужно было, отче, никого не пускать раньше меня, — сказал тогда сановник, — ведь ты знал, что я нахожусь в великой беде и со дня на день ожидаю себе смерти.

— Поверь мне, брат, — отвечал ему Прокл, — что я не вводил его и не знаю даже, кто он такой, и что нет здесь другого входа, которым кто-нибудь мог бы войти, кроме этого. Однако подожди еще немного.

Но в это время послышались удары к утрени, и Прокл сказал пришедшему:

— Теперь ступай с миром: с этой минуты патриарх не беседует уже ни с кем и ни о чем постороннем во время, назначенное для ночной молитвы, не думает, но до рассвета остается один, всем умом своим углубившись в молитву и беседуя с одним только Богом. Приходи же в следующую ночь, и я во что бы то ни было введу тебя прежде всех.



Вельможа поднялся с места и печально, со слезами на глазах, пошел домой.

На следующую ночь он опять пришел в патриарший дом. Прокл опять, как и прежде, встав, пошел докладывать о нем и опять увидел апостола, говорящего что-то на ухо святому Иоанну, и воротился, не смея прерывать их беседы, и опять вельможа, когда ударили к утрени, пошел со скорбию домой ни с чем.

Со своей стороны Прокл весьма удивлялся и недоумевал, кто же именно приходит к патриарху и когда к нему проникает. И вот, он дал себе зарок — не есть, не пить, не спать и не отходить от дверей патриарха до тех пор, пока не удастся ему провести к Иоанну злосчастного вельможу и разузнать, кто это неизвестно каким образом входит к патриарху. В ночь вельможа явился по обычаю. Прокл, уверенный, что у патриарха никого нет, сказал ему:

— Ради тебя, господин мой и брат, я совсем не отлучался с этого места и теперь пойду и доложу о тебе патриарху.

И тотчас пошел и подойдя к двери, и на этот раз увидел апостола, говорящего на ухо патриарху. Тогда Прокл, возвратившись, сказал пришедшему:

— Ступай домой, брат мой, и моли Бога помочь тебе, ибо, как вижу я, тот, кто беседует с патриархом, посылается к нему от Бога и входит невидимо; через эти же двери, кроме патриарха, не входил никто.

Вельможа ушел в слезах и совершенно отчаявшись в помощи от святого Иоанна. Но когда настало утро, Иоанн сам вспомнил, наконец, о нем и, позвав Прокла, спросил:

— Не приходил ли тот человек, которого я приказывал тебе ввести ко мне?

— Да, отче, — отвечал Прокл, — он действительно вот уже третью ночь приходил сюда, но ты беседовал с кем-то другим один на один и потому я не посмел войти к тебе и доложить о нем.

— С кем я беседовал? — возразил Иоанн. — В эту ночь у меня никого не было.

Тогда Прокл описал и вид виденного им у патриарха, и то, как неизвестный, нагнувшись сзади к Иоанну, говорил с ним, шепча что-то ему на ухо. Потом Прокл взглянул случайно на икону святого апостола Павла, которая была у Иоанна в келии на стене, и вдруг воскликнул:

— Вот — тот самый, кого я видел, отче, говорившим с тобою! Это — его истинное изображение!

Таким образом оба — Иоанн и Прокл — узнали, что к первому являлся апостол Павел, и оба возблагодарили Бога: один — за то, что он в своих писаниях был тайно наставляем апостолом, а другой — за то, что этого апостола Павла, небесного жителя, он сподобился видеть.

После того Иоанн оказал нужную помощь гонимому вельможе, а святой Прокл, руководимый своим святым учителем и духовным отцом — святым Иоанном, преуспевал в добродетели и совершенствовался в богоугодной жизни.

После изгнания и кончины святого Иоанна Златоуста Прокл патриархом Константинопольским Сисинием[1] поставлен был епископом города Кизика[2]. Но, придя на свою кафедру, он не был принят тамошними клириками, впавшими в ересь, и потому возвратился в Константинополь и прожил там целый год. По смерти же патриарха святого Максимиана[3], еще до его погребения, святой Прокл был избран патриархом Константинопольским и во святой и Великий четверг был возведен в этот высокий сан[4].

Вступив на патриарший престол, святой Прокл доблестно пас стадо Христово до конца своей жизни. Между прочим, он убедил

---

[1] *Сисиний* был патриархом Константинопольским с 426 по 427 год.

[2] *Кизик* — небольшой город на северном берегу Малой Азии. Поставление святого Прокла в епископы последовало в 426 году.

[3] *Святой Максимиан* был патриархом с 431 по 434 год.

[4] Это было в 435 году.

императора Феодосия, сына императора Аркадия[1], перенести мощи святого Иоанна Златоуста из Коман[2] в Царьград.

В патриаршество святого Прокла в Византийской империи было великое землетрясение, продолжавшееся шесть месяцев, которым разрушены были многие величественные здания — церкви, дворцы и тому подобное — и каменные городские стены; многие селения и небольшие города были как бы поглощены землею, некоторые острова исчезли совершенно, некоторые источники и реки внезапно высохли, а в безводных местах явились потоки. Это страшное землетрясение было по всей империи, но особенно сильно — в Вифинии, Геллеспонте и Фригии[3]. Когда в Константинополе рушились самые лучшие и крепкие здания, император Феодосий и царица Пульхерия с патриархом и всеми жителями, выйдя из города, совершали литии, усердно умоляя Господа о милосердии. И совершилось великое чудо. В то время, как устрашенный народ оглашал воздух молитвенными восклицаниями: «Господи, помилуй!» — внезапно один ребенок невидимою силою восхищен был из народной толпы и, на глазах у всех, поднят был на недосягаемую взором высоту и через час опять так же опущен невредимым вниз. Он поведал царю, патриарху и всему народу, что слышал Ангелов, воспевающих на небе песнь:

— «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный».

Весь народ тотчас начал повторять эту трисвятую песнь, присоединив к нему молитву: «помилуй нас», и землетрясение прекратилось, а мальчик, принесший Трисвятое с неба, тотчас же предал дух свой Богу и с честию погребен был в храме святой Ирины: с того времени во всей Церкви христианской вошло в употребление пение Трисвятого.

Святой Прокл прожил в сане патриарха двадцать лет и пять месяцев и с миром отошел ко Господу[4].

---

[1] *Феодосий II Младший* царствовал с 408 по 450 год.

[2] *Команы* — город в Армении, где умер, на пути в ссылку, и погребен был первоначально святой Иоанн Златоуст.

[3] *Вифиния, Геллеспонт* и *Фригия* — малоазийские провинции Византийской империи.

[4] † в 446 году. — Святой Прокл был выдающимся церковным витиею. В красноречии его видят важность святого Василия Великого, соединенную с приятностью Златоуста; речь разнообразная, живая, ясная и притом краткая. Кроме того, известны его послания, в том числе *Армянам о вере* и *о предании литургии.*

СТРАДАНИЕ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ

ЕВСТАФИЯ, ФЕСПЕСИЯ и АНАТОЛИЯ

Святые мученики Евстафий, Феспесий и Анатолий были братья по плоти и родились в городе Никомидии[1]. Отец их назывался Филофеем, а мать — Евсевиею. Филофей был родом из Галатии[2], из города Гангра[3], оставил свою родину, переселился в Никомидию и, вступив там в супружество с Евсевиею, имел от нее трех сыновей — трех названных жителей небесного града.

Сначала Филофей, его жена и дети были язычники; старшего сына своего Евстафия он отдал для изучения языческой мудрости, а Феспесия и Анатолия готовил к торговле, так как и сам он был купец и — очень богатый. Но однажды, взяв с собою младшего сына своего Анатолия, он отправился в Галатию за покупками и, возвращаясь оттуда, встретившись в пути с святым Лукианом, пресвитером Антиохийским[4], дорогою научился от него христианской вере и вместе с сыном крестился в одной попавшейся на пути реке. Возвратившись домой, он стал разыскивать епископа Никомидийского Анфима[5], скрывавшегося в одном сокровенном месте (в то время, в царствование императоров Максимиана и Диоклетиана, происходило жестокое гонение на христиан и многие из верующих скрывались от мучителей), и, найдя, ночью привел его к себе, после чего святой Анфим крестил весь дом Филофеев. Совершив затем Божественную литургию, он приобщил новокрещеных святых Тайн, посвятил Филофея во пресвитера, а старшего сына его Евстафия — во диакона и ушел, скрываясь от гонителей-язычников, а Филофей и его дом тайно служили истинному Богу и вели благочестивую

---

[1] *Никомидия* (теперь *Исмид*) — главный город малоазийской провинции Вифинии, находится к юго-востоку от Босфорского пролива. Здесь имели местопребывание византийские императоры Диоклетиан и святой Константин Великий.

[2] *Галатия* — провинция Византийской империи, занимавшая самую средину Малоазийского полуострова.

[3] Город этот замечателен по бывшему в нем Поместному собору (340 г.), правила которого почитаются Церковью за канонические.

[4] Память его — 15 октября.

[5] Память его — 5 сентября.

жизнь. Скоро он и его супруга отошли к Господу, оставив сиротами трех благочестивых юношей: диакона Евстафия, Феспесия и Анатолия, — братьев и по плоти и по духу, так как они единодушно служили Богу, горя духом и преуспевая в добродетели.

Один придворный сановник, по имени Акилин, послал однажды своего раба купить некоторые вещи. Раб знал про этих трех благочестивых юношей, что они — купцы и имеют широкую и богатую торговлю, и отправился к ним в лавку, которую и застал открытой. Вошедши внутрь и никого не найдя, он пошел по лестнице, ведущей на третий этаж дома, и услышал голос Евстафия, читавшего псалмы Давидовы. Раб тихо поднялся по лестнице, молча вошел в верхнюю горницу[1] и здесь увидал Евстафия, державшего в руках Псалтирь и читавшего: *Да постыдятся все служащие истуканам, хвалящиеся идолами. Поклонитесь пред Ним, все боги* (Пс. 96, 7). Кроме того, он увидел на стенах кресты и святые иконы. Ничего не сказав, он тотчас же возвратился к своему господину и рассказал ему все, что видел и слышал. Акилин немедленно поспешил к императору Максимиану и доложил ему о том, что говорил раб. Тотчас же были посланы воины взять Евстафия и его братьев. Придя с рабом Акилина на место, воины нашли лавку запертою: в это время все обитатели дома находились вместе в великом молчании, причащаясь, по случаю воскресного дня, Тайн Христовых. Посланные стучали в двери, звали, но ответа не было.

Святой Евстафий, уразумев духом, что воины посланы для того, чтобы взять его с братиями и вести на мучение, сказал братиям:

— Мужайтесь, братия, и не бойтесь, — Владыка наш зовет нас к венцу... Нынешнею ночью я видел, что нас вели на неправедный суд к Максимиану, и некто, черный видом, шел за нами с плачем и рыданием и бил себя по лицу, приговаривая: «Горе мне, меня ныне побеждают». Впереди же нас шел светлый юноша, державший в руках три венца и три книги, и говорил мне: «Евстафий, диакон Христов! Вот что уготовал вам Отец милосердия и Бог всякой радости. Итак,

---

[1] От времен апостольских в христианской Церкви сохранился и долгое время держался обычай устроять богослужебные собрания в верхней, необитаемой, части дома (ср.: Деян. 1, 13, 14; 20, 8) и только при Константине Великом, когда христиане избавились от гонений, то для общественного богослужения стали устрояться храмы (впрочем, в малом числе они были по местам и ранее).

не бойтесь мучителей, как не боялся их святой Стефан...»[1] Сказав это, юноша восшел на небо, а черный, с рыданиями, удалился на запад[2].

Рассказав о своем видении, Евстафий укреплял братьев в мужестве, говоря:

— Не отречемся, возлюбленные, от Христа Бога нашего пред людьми, чтобы и Он не отрекся от нас пред Отцом Своим и пред святыми Ангелы Своими (см.: Мф. 10, 13).

— Брат наш и господин и отец, — отвечали Феспесий и Анатолий, — мы готовы умереть за Создателя нашего, и ничто не отклонит нас от любви к Нему.

В то время, как они таким образом разговаривали, воины, сильно стуча в двери, громко кричали, чтобы им отворили. Наконец, Феспесий и Анатолий подошли к дверям и открыли их. Воины, ворвавшись внутрь, спрашивали их, кто еще находится с ними, а затем, по указанию Акилинова раба, поднялись наверх. Войдя в двери молитвенной комнаты, они увидели Евстафия, державшего в руках святое Евангелие. Внезапно разогнув его, он прочел: *не бойтесь убивающих тело, душй же не могущих убить* (Мф. 10, 28). — Начальствовавший над солдатами крикнул ему, чтобы он положил то, что держит в руках (сам он не смел прикоснуться к святому Евангелию, так как был сын христианских родителей). Евстафий прижал святое Евангелие к груди, приложился к нему и положил его на стол, причем один из солдат заметил:

— Смотри, как христиане любят свои книги, в которых заключаются все их волхвования.

Солдаты, взяв Евстафия, повели его вниз. А он, оглянувшись и увидев священные книги, сказал, обращаясь к ним как к живым:

— Обещаемся вам!

Потом, взглянув на множество дорогих вещей, которыми они торговали, воскликнул:

— Отрекаемся от вас и от всего тленного и идем за Христом!

---

[1] То есть первомученик Стефан архидиакон.

[2] *Запад* — место захождения солнца и как бы царство тьмы; поэтому название этой страны света можно понимать как образ царства диавола, который, очевидно, виден был святым Евстафием.

Затем все вышли вон. Двери дома были заперты и опечатаны, а трех святых братиев солдаты, связав вместе, повели к императору Максимиану.

Увидев их, император улыбнулся и сказал:

— Кто приказывал связывать этих юношей? Я уверен, что они — друзья наших богов.

И он велел сейчас же развязать их и спросил их:

— Прежде всего скажите, каждый, как ваши имена и из какого вы рода?

— Самое дорогое и славное для нас имя — христиане, — отвечал за всех Евстафий — как старший, — а при рождении — я назван Евстафием, брат мой, что направо, — Феспесием, а налево — Анатолием; мы — братья по плоти, родились здесь от одних отца и матери, а отец наш, родом из Галатии, был пресвитером христианским.

— Кто поставил, — спросил Максимиан, — вашего отца пресвитером?

— Тот, — отвечал Евстафий, — кого ты недавно незаслуженно подверг смертной казни: святой Анфим, епископ нашего города; он и меня поставил в диаконы, чтобы я служил иереям Божиим, при совершении ими пресвятых и пречистых Тайн Христовых.

Тогда царь сказал:

— Перестань говорить нелепости; поклонись лучше вместе с братьями нашим богам, и я вам дам почетное и славное положение при моем дворе. Если же нет, то я осужу вас на смерть от меча.

Святые в один голос отвечали:

— Делай что хочешь: мы — христиане и поклоняемся одному только Богу, сотворившему небо и землю, Его Сыну — Господу нашему Иисусу Христу и Святому Животворящему Духу; а вашим скверным и гнусным идолам не поклонимся никогда.

Разгневанный этим ответом, Максимиан велел повалить их на землю и бить палками. После долгих истязаний святые, как бы одними устами, воскликнули к Богу:

— Слава Тебе, Господи, что сподобились мы принять мучения за Твое святое имя.

А святой Евстафий прибавил еще:

— *Мно́жицею бра́шася со мною от юности моея́, ибо не премогóша мя. На хребте моем дéлаша грешницы, продолжи́ша беззаконие свое* (слав. Пс. 128, 2–3), — помоги нам, Боже, Спаситель наш.

Когда святые были избиты до последней степени, Максимиан приказал бившим перестать и сказал мученикам:

— Безбожники! Долго ли вы будете переносить такие муки? Принесите жертву богам и не губите себя понапрасну из-за веры в какого-то человека, который был бит так же, как и вы, умер насильственною смертию.

— Да не будет, чтобы мы отреклись от Спаса Христа, — отвечали святые, — о Котором мы знаем, что Он есть истинный Бог, хотя и пострадал на кресте ради нашего спасения.

Тогда мучитель велел отвести их в темницу, накрепко забить им ноги в колодки[1] и не давать им ни есть, ни пить, чтобы заморить их и узами, и голодом, и жаждою. И вот, когда они сидели в темнице, в полночь однажды осиял их свет, явился к ним Ангел Господень, освободил их от уз, исцелил их, напитал манною[2] и сказал:

— Подвизайтесь подвигом добрым за Христа, а я не покину вас и во всех страданиях ваших буду с вами, ибо послан Христом Господом охранять вас.

Сказав это, Ангел сделался невидим, а святые, полные несказанной радости, благодарили Бога, причем Евстафий говорил: *Господь разрешает узников, Господь отверзает очи слепым, Господь восставляет согбенных, Господь любит праведных. Господь хранит пришельцев* (Пс. 145, 7–9).

Через некоторое время Максимиан опять явился в суд и послал воинов в темницу привести во второй раз узников Христовых на ис-

---

[1] *Колодки* — приспособление, назначенное для того, чтобы преступник не убежал. По виду своему это был обрубок толстого бревна или доски, расколотых вдоль пополам; в обеих половинах вырубались две приходящиеся друг к другу выемки для помещения ног; вложив ноги преступника в выемки одной половины, накладывали другую и оба конца обрубка закрепляли наглухо.

[2] *Манною* (слово еврейское, означает вопрос: *что это*) называлась собственно пища, чудесно посылавшаяся Богом израильтянам во время сорокалетнего странствования их в пустыне, взамен хлеба, которого им негде было достать, и имевшая вид мелкого семени; семя это мололи или толкли в ступе, варили и делали из нее лепешки (см.: Исх. 15, 15–34; Чис. 11, 7); в более широком смысле под манною можно разуметь всякую вообще пищу, чудесно посланную Богом.

пытание. Воины отправились и нашли святых освобожденными от уз, совершенно здоровыми и мирно спящими. Они подняли крик, бранили сторожа и добивались, кто освободил заключенных от уз. Сторож клятвенно уверял их, что никто не освобождал и что никто даже и не входил к узникам и не давал им есть или пить. Воины снова связали святых и повели их к царю.

Царь, увидев их здоровыми и веселыми, удивился, что на них не подействовали ни побои, ни узы, ни голод, ни жажда, и сказал им:

— Жалкие люди! Рассудите хорошенько, что для вас выгоднее, и, убедившись, принесите жертву богам, — и я отпущу вас с честию.

Но святой Евстафий ответил:

— Не надейся изменить наше твердое решение ни лестию, ни угрозами, ни мучениями: ничем мы не привязаны к этой жизни, так как знаем, что как нагими вышли мы из чрева матери нашей, так нагими придется нам уйти из этой суетной жизни.

Царь приказал немедленно отдать их на съедение зверям, и их повели в цирк[1], где звери должны были пожрать их, а за ними пошел весь народ никомидийский, — и среди него множество тайных христиан, — и все желали видеть кончину мучеников. Когда они были поставлены среди цирка, на них выпущены были два льва и три медведя, и все зрители от рева этих зверей пришли в ужас. Святой же Евстафий воспевал псалмы.

— *Спаси* нас *от пасти льва*, — воспевал он, — *и от рогов единорогов, услышав, избавь* нас. *Буду возвещать имя Твое братьям* нашим, *посреди собрания восхвалять Тебя* (Пс. 21, 22–23)[2].

Феспесий и Анатолий устрашились звериного рычания, и Евстафий, видя их страх, сказал:

— Зачем, братья, боитесь вы этих зверей? Разве вы не знаете, что Владыка наш силен укротить их ярость, как укротил во рве Дани-

[1] *Цирк* — здание, в котором происходили конские бега у римлян и греков; самое название (цирк — круг) указывает на их круглое устройство. Самые состязания происходили внутри круга, а зрители помещались на особых местах по краю этого круга. В цирках христиане во времена гонений предавались на съедение зверям или убивались особыми для того назначенными людьми.

[2] *Единорог* — дикое и опасное животное — с одним рогом на лбу, но не носорог, так как считалось чистым и жертвенным; что это за животное, — точно неизвестно.

иловом? Разве вы не помните слов Ангела, обещавшего быть с нами во всех страданиях наших и охранять нас?

Когда Евстафий говорил это, львы бросились к мученикам, но, приблизившись к ним, остановились и замахали хвостами, как собаки, признавшие своего господина, а Евстафий положил руки им на головы и, погладив их, как собак, совсем укротил их. Медведи же, схватившись между собою, бросали один другого на землю, а к святым мученикам близко даже и не подходили. Народ, собравшийся на зрелище, поднял шум, причем язычники кричали: «Они волхвы и колдовством усмирили зверей!» Христиане восклицали: «Велик Бог христианский, заградивший пасть зверям, чтобы они не могли вредить святым рабам Его!»

Наконец, царь велел опять бросить мучеников в темницу, и здесь они вторично были утешены явлением Ангела и подкреплены манной.

Между тем тяжко заболел сын царя — Максенций[1], и царь, опечаленный и озабоченный его болезнию, поручил мучеников никейскому комиту[2] Антонию.

— Отведи, — сказал он, комиту, — христиан в свой город и там заставь их поклониться богам и, если они послушают тебя, пришли их с почестями обратно сюда, если же — нет, то, после долгих мучений, заколи их, как диких зверей.

Комит взял узников и отправился с ними в Никею. Прибыв домой, он нашел жену свою больною. Мучеников он велел на ночь запереть в темницу, а наутро велел привести их к себе, сел на судейском месте и, обратившись к ним, сказал:

— Меня, юноши, весьма сильно беспокоит ваша судьба, и мне очень желательно было бы помиловать вас и отправить к царю для получения от него всяких почестей. Доверьтесь мне, как своему другу, послушайтесь меня и принесите жертвы богам.

— Мы молимся, — отвечали святые, — Господу нашему Иисусу Христу, чтобы Он сохранил нас непорочными в вере, которой Он научил нас и за которую мы готовы умереть, и чтобы не попустил нам отступить от Него и впасть в погибель, в которой погибаете вы.

---

[1] *Максенций* впоследствии был императором — с 305 по 312 год.

[2] *Комит* — градоначальник.

Комит, услышав это, пришел в бешенство и велел повесить их за ноги, головою вниз, и строгать железными когтями. Долгое время мучили их таким образом, кровь их текла потоками, тело отрывалось кусками, кости обнажались... Наконец, святые громко возопили к Богу:

— Царю и Боже веков! Призри от святого жилища Твоего на нас, недостойных рабов Твоих, страдающих за имя Твое святое!

И невидимая помощь была подаваема святым свыше для мужественного перенесения столь жестоких мук.

Видя непобедимое терпение страдальцев, мучитель приказал снять их и отвести в темницу. Но святые не могли от ран и боли идти сами: их понесли и бросили в темнице, как какую-нибудь ношу. И опять, как и ранее, явился им Ангел Господень, сияющий великим светом, утешал их радостными надеждами и исцелил их от ран. И святые славили Бога, говоря:

— Слава Тебе, Боже, за то, что не оставляешь уповающих на Тебя и страждущих ради Тебя! *Что воздадим Господу за все благодеяния Его к нам? Кто Бог так великий, как Бог наш! Ты — Бог, творящий чудеса* (Пс. 115, 3; Пс. 76, 14–15).

Вскоре мучитель опять вывел из темницы святых мучеников и приказал поставить их пред собою. Пред ними он поместил своих идолов и принуждал их поклониться этим идолам, угрожая за непослушание.

— Если вы, — говорил он, — не исполните царского повеления и не поклонитесь нашим богам, то я предам вас смерти от меча, а тела ваши отдам на съедение хищным зверям и птицам.

Но святые в один голос отвечали:

— Не отступим от Христа Бога нашего и не поклонимся скверным идолам, немым и глухим, которые имеют очи — и не видят, имеют уши — и не слышат, имеют уста — и не говорят, имеют ноги — и не ходят. Да будут подобны им все, делающие их, и все, поклоняющиеся им (см.: Пс. 113, 13—16).

На эти слова мучитель зарычал от гнева, как лев, и велел вывести мучеников за город и заколоть мечом, как диких зверей, а тела их бросить непогребенными на растерзание зверям и птицам. Святых повели на место казни. На этом месте находился масличный сад, и мученики, для совершения над ними казни, были привязаны к деревьям. В этот сад пришли два близкие друга святых, христиане Палла-

дий и Акакий. Когда палачи хотели убить осужденных, пришедшие бросились им в ноги, дали им много золота и умоляли подождать немного, пока они побеседуют с осужденными, и тогда уже приступать к казни. Взяв золото, палачи немного отошли от мучеников, а Палладий и Акакий приблизились к ним, с любовию, плачем и многими слезами облобызали их и просили помолиться за них. Во время предсмертной молитвы святых с неба был услышан голос, призывавший их в вечный покой, и тотчас они с радостью предали души свои в руки Божии. Слуги же мучителя, хотя и увидели, что мученики уже умерли, однако, боясь своего господина, исполнили его повеление уже над мертвыми: Евстафию и Феспесию прокололи горло, а Анатолию пронзили ребра, а потом, когда тела умерших уже лежали на земле, отрубили им головы и, оставив их непогребенными, ушли[1]. Тогда с неба сошли шесть Ангелов в виде орлов и парили над телами до тех пор, пока Палладий и Акакий не погребли их с честью.

В тот же день комит Антоний при заходе солнца впал в болезнь, а наутро — сначала умерла жена его, потом и сам он, упав на тело жены, в страданиях испустил дух. И вот, он мучится в аду, а святые страстотерпцы радуются в Царстве Христа Бога нашего. Ему слава во веки веков. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ДАСИЯ

В царствование Диоклетиана и Максимиана в языческом городе Доростоле[2] был обычай за тридцать дней до праздника в честь языческого бога Кроноса[3] избирать для принесения в жертву ему красивого юношу из воинов. В продолжение восьмидесяти дней, до

[1] Святые мученики Евстафий, Феспесий и Анатолий пострадали около 312 года.

[2] *Доростол*, нынешняя *Силистрия*, расположенный при реке Истре (Дунае) в древней Мизийской области, недалеко от берегов Черного моря.

[3] *Кронос*, он же *Сатурн*, по языческим преданиям, является жесточайшим среди богов. В умилостивление его язычники приносили ежегодно человеческие жертвы.

наступления праздника жертвоприношения, избранного юношу одевали в царские одежды, и он мог исполнять всякое свое пожелание. После этого юношу принесли в жертву Кроносу. И вот однажды этот печальный жребий пал на мужественного и прекраснейшего среди прочих воинов Дасия. До этого времени он был тайным христианином. Теперь же, услышав о выпавшем ему жребии, святой Дасий решил скорее объявить себя последователем Христовым, нежели отдать свою жизнь ради умилостивления гнусного бога язычников.

— Если мне дóлжно умереть, — сказал он своим товарищам, — то лучше умереть, как христианину, за Христа.

Поэтому святой Дасий презрел блага и утехи земные, какими он мог пользоваться в течение тридцати дней, по языческому обычаю. Он отверг все милостивые обещания язычников, твердо памятуя слова апостола: *все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа* (Флп. 3, 8). Вместо веселия и пиршеств, святой стал обличать нечестие язычников и их безумное служение истукану и дерзновенно проповедовал учение Христово. Вдохновляемый благодатию Святого Духа, исповедник Христов ревностно убеждал всех уверовать во Единого истинного Бога и Единородного Сына Божия Иисуса Христа. Когда слух о том достиг до языческих властителей Диоклетиана и Максимиана, то, по их приказанию, святой Дасий был предан на суд областеначальника Мизийского Вассы. На суде святой вновь обличал неразумие идолопоклонников и исповедовал Христа. За это исповедание веры христианской он был предан жестоким мучениям и потом усечен мечом[1].

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКОВ НИРСЫ и ИОСИФА

Святой Нирса был епископом в земле Персидской и имел сподвижником своим ученика Иосифа. Оба они, как истинные рабы Христовы, боялись Бога, сотворившего небо, землю, море и все, что

[1] В начале IV века.

в них (см.: Пс. 145, 6), и стремились к добродетельной жизни, исполняя закон Христов.

Видя добродетельную жизнь ученика своего Иосифа и его ревность к славе имени Божия, святой Нирса возвел его в сан епископа. Соотечественники их персы, почитая богом солнце, поклонялись огню и предавались различным порокам. Святые Нирса и Иосиф, скорбя об их заблуждении, стали ревностно подвизаться на пользу Церкви Христовой. Укрепляемые благодатию Христовою и взаимною ревностию, они многих язычников обратили к вере в истинного Бога и научали их благочестию.

В это время царь Персидский Сапор воздвиг жестокое гонение на христиан[1], заставляя их поклоняться солнцу и огню. Слыша, что епископ Нирса с Иосифом, обличая заблуждение персов, многих из них обращают ко Христу, царь приказал схватить их и привести к себе[2].

Пред царем предстал восьмидесятилетний старец со своим учеником и сподвижником. На приказание царя поклониться огню или готовиться к мучениям и смерти, святые дерзновенно отвечали:

— Если ты, царь, мог бы, по кончине нашей, и семь раз воскрешать нас для мучений, то и этим не отлучил бы нас от любви ко Христу.

Услышав такой ответ святых исповедников, исполненных твердой решимости пострадать за Христа, разгневанный гонитель велел тотчас же отсечь им головы.

Так эти святые мученики прияли нетленные венцы на небесах.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКОВ
ИОАННА, САВЕРИЯ, ИСААКИЯ, ИПАТИЯ
и других с ними

Святые мученики Иоанн, Саверий, Исаакий и Ипатий были епископами в различных городах земли Персидской.

---

[1] Это гонение на христиан в Персии было около половины IV столетия.

[2] Святые Нирса и Иосиф были схвачены и посажены под стражу в персидском городе Сциагаркадате в четвертый год гонения, воздвигнутого Сапором (около 343–347 гг.), и усекнуты мечом 20 ноября.

Когда нечестивый огнепоклонник Сапор, царь Персидский, принуждал христиан поклоняться солнцу и огню, то эти святые укрепляли верующих быть твердыми последователями Христа и обращали ко Христу нечестивых персов. Они обличали заблуждения огнепоклонников, убеждая их, что солнце и огонь — не боги, но только творения, созданные для прославления Творца и для служения людям.

Когда слух об их учении дошел до царя Сапора, то он послал воинов и своих вельмож в те города, где проповедовали святые, и приказал схватить их.

Схваченные, они безбоязненно предстали на суд самого царя. Он грозно обратился к ним и сказал:

— Разве не известно вам, что я происхожу от богов, молюсь солнцу и почитаю огонь? А вы, — кто вы, что восстаете против моих указов, унижаете солнце и ни во что ставите огонь?

Святые единогласно исповедали веру во Единого Бога.

— Для нашей пользы, — говорили святые, — повелел Бог быть солнцу и огню. Бог же истинный — Один, Который сотворил все и Ему Одному подобает поклонение и слава.

На это царь вскричал:

— Какой Бог славнее Ормузда или кто страшнее Аримана[1]? И кто может называться человеком мудрым, если не поклоняется солнцу?!

Епископ Саверий вновь подтвердил за всех исповедание веры:

— Мы не знаем, царь, иного Бога, кроме Сотворившего небо и землю, солнце и луну и все видимое и невидимое; и веруем в Сына Его, называемого Иисусом Назарянином.

Тогда царь повелел бить святого по устам, и это исполнялось с такою жестокостию, что выпали зубы его. Царь же насмешливо прибавил:

— Призови Иисуса, чтобы вставил тебе зубы.

---

[1] *Ормузд* — имя высшего Божества у древних персов. Он почитался ими мудрым богом, творцом всего мира, который создал солнце, луну, звезды, небо, землю, воду и человека; он, по их верованиям, друг и охранитель добра, враг лжецов, мститель за неправду. *Ариман* в религии персов является олицетворением зла. Он находится в постоянной борьбе с добрым богом Ормуздом и в его творение старается заронить семя зла. Поэтому Ариман является источником вредных сил природы, болезней, неурожая и прочих бедствий.

Когда же Саверий за это назвал царя безбожником, то был бичеван до полусмерти и затем брошен в темницу. После этого мучитель вызвал святого Исаакия и спросил его с угрозою:

— Одних ли мыслей с Саверием и ты, так что я должен пролить и твою кровь?

Воодушевленный твердым примером и исповеданием веры Саверия, святой Исаакий ответил так царю:

— Единомыслие наше, царь, есть высшая мудрость, которой ты не постигаешь.

Раздраженный твердостию христиан, царь грозил Исаакию отрезать язык за продолжение подобных речей. Потом царь перешел ко второй части обвинения магов персидских[1] против Исаака и потребовал отчета, для чего он строит храмы христианские?

На это Исаакий ответил:

— А когда же я переставал это делать, чтобы славилось имя Божие и среди язычников?!

Тогда царь обратился к знатным горожанам, которые перед этим, видя жестокость царя, отреклись от христианства. Он сильно порицал их и грозил смертию в случае возвращения их к христианской вере. Он клялся, что, доколе царствует, не потерпит в своем царстве ни одного христианина. Затем приказал дрожащим от страха отступникам побить Исаака камнями. И действительно, сами вельможи-вероотступники побили камнями своего епископа вне города.

После этого все персы, особенно знатные граждане и начальники, вооружились против христиан. Так, Иоанн, Селевкийский епископ, томимый в темнице при замке Бет-Гасцита, умерщвлен был, по приказанию начальника Гадиабского. Еще другой Исаак — пресвитер селения Гулсалы, побит был камнями.

Исповедник же Саверий через два дня умер в тюрьме от нанесенных ему истязаний. Когда доложили об этом царю, то он, по злобе, не поверил этому известию и приказал отрубить умершему голову и представить ему.

---

[1] *Маги* у персов — члены замкнутой жреческой общины. Они первоначально были хранителями всего научного образования и религиозных обрядов; они выдавали себя за людей, умеющих определять будущее по положению звезд, и пользовались громадным почетом в народе и большим политическим влиянием.

Несмотря на вероотступников — вельмож царя Сапора, устрашенных его жестокостию, многие христиане из мирян оказались твердыми в вере и, по примеру своих пастырей, твердо шли на муки за Христа.

Так Азат, евнух наместника Гадиабского, был привлечен с другими христианами в капище, где приносились жертвы персами. Но, воспитанный с детства в христианстве, он, вместе с прочими верующими, обличил нечестивцев и отказался от жертвоприношений солнцу, зная, *что язычники, принося жертвы, приносят бесам, а не Богу* (1 Кор. 10, 20; ср.: Втор. 32, 17).

За это их предали различным истязаниям.

Азат после этого был удавлен руками одного вероотступника. С ним вместе был мучим и убит Сасоний.

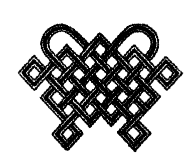
Некоему христианину, по имени Аврааму, вырваны были глаза раскаленными гвоздями, от чего он умер через два дня в страшных мучениях, не переставая призывать имя Христово.

Симеона — христианина персы закопали в землю по грудь и пронзили стрелами оставшееся открытым тело.

В это же гонение в земле Персидской просияли венцами мученическими и многие жены и девы из христианок, соревнуя поименованным святым мужам в любви ко Христу.

Так, девицы Фекла и Анна и с ними Богута, благородная жена, Мамия, Татона, Мама и Нина и многие другие, безбоязненно обличавшие нечестие персов и жестокость гонителя, были изрублены мечами. Земля, орошенная кровию этих мучениц, произрастила цельбоносную смоковницу, как бы в обличение гонителя. Еретики манихеи, спустя некое время, не терпя этого чуда, которым сама земля вещала о правой вере исповедниц Христовых, истребили эту смоковницу; но за это были наказаны жестокою болезнию.

Так и в земле Персидской воздвиг Господь многочисленный сонм мучеников и исповедников, приявших страдания за Христа.



День двадцать первый

СКАЗАНИЕ
О ВВЕДЕНИИ ВО ХРАМ
ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ и ПРИСНОДЕВЫ МАРИИ

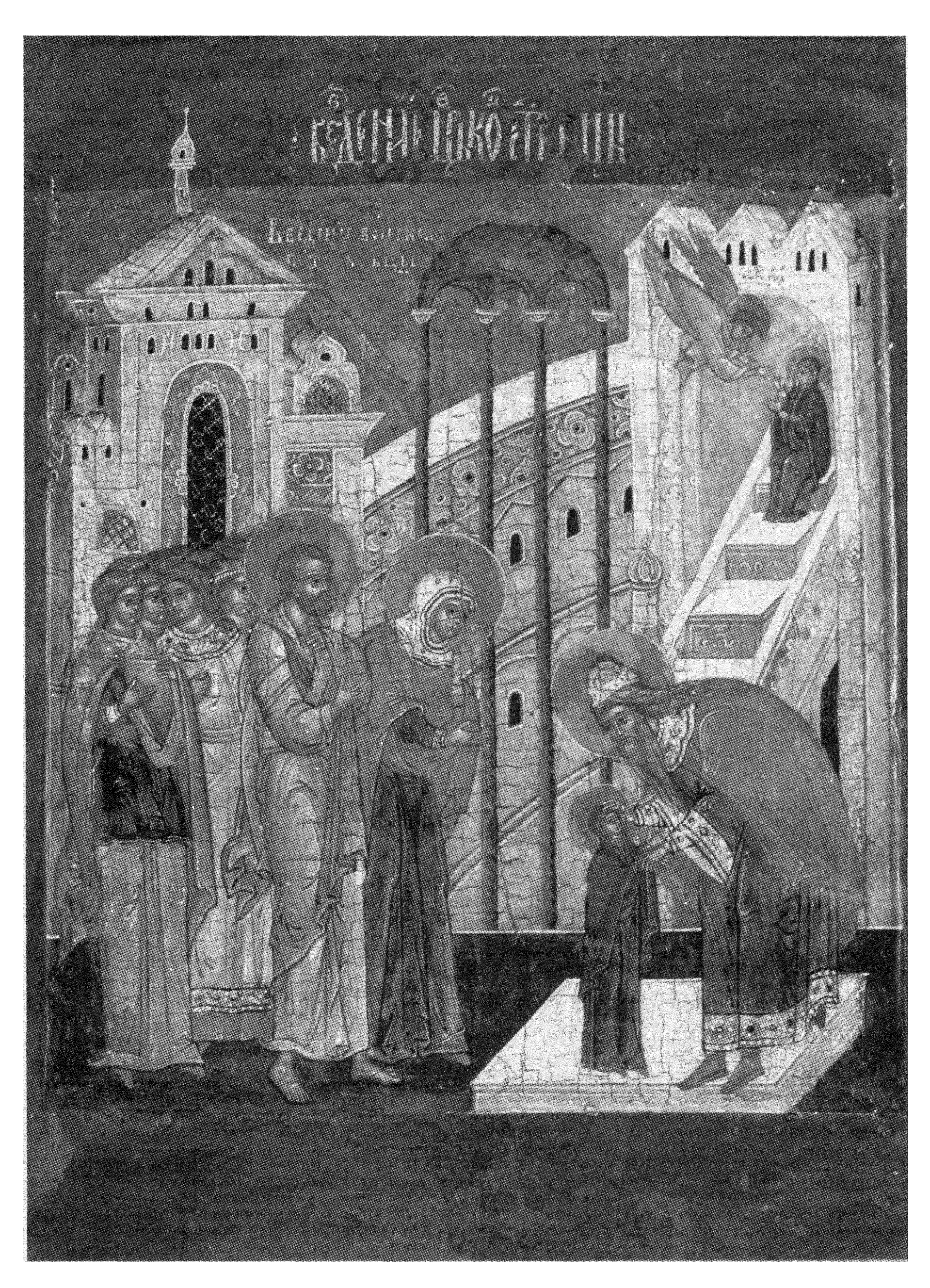
Когда Пречистой Богоотроковице, Преблагословенной Деве Марии Богородице, исполнилось три года от рождения, святые праведные родители Ее, Иоаким и Анна, решились исполнить данный ими обет — отдать на служение Богу рожденное ими дитя. Созвали они в Назарет, где жили, всех своих родственников из царского и архиерейского рода, — ибо сам праведный Иоаким был из царского рода, супруга же его, святая Анна, была из рода архиерейского, — а также хор непорочных дев; приготовили много свечей и окружили Пречистую Деву Марию царским благолепием, как все это свидетельствуется святыми отцами.

Святой Иаков, архиепископ Иерусалимский, от лица Иоакима говорит так:

— Позовите непорочных дочерей еврейских, чтобы они взяли горящие свечи.

От лица праведной Анны святой Герман, патриарх Цареградский, говорит:

— Я выполняю пред Господом тот обет, какой высказала в скорби, и для этого собрала хор дев со свечами, созвала священников, пригласила сродников, говоря всем: радуйтесь все со мной, ибо я теперь явилась матерью и родительницей, приводя свою Дочь не к царю земному, но к Богу, Царю небесному.



Введение во храм Пресвятой Богородицы

О царском же украшении Богоотроковицы святой Феофилакт, архиепископ Болгарский, говорит:

— Надлежало, чтобы введение Божественнейшей Отроковицы было достойно Ее, чтобы такой пресветлой и многоценной Жемчужины не касалась убогая одежда; следовало именно царскою одеждою одеть Ее, для наибольшей славы и украшения.

Так устроив все, что надлежало к честному и славному введению, они отправились в путь, ведущий от Назарета до Иерусалима в течение трех дней.

Достигнув города Иерусалима, они торжественно вошли в храм и повели туда одушевленный храм Божий — трехлетнюю отроковицу, Пречистую Деву Марию. Впереди Нее шел сонм девиц, с зажженными свечами, как свидетельствует святой Тарасий, архиепископ Константинопольский, который влагает в уста святой Анны такие слова:

— Начните (шествие), девы, носящие свечи, и предшествуйте мне и Богоотроковице.

Святые же родители, один — с одной стороны, другая — с другой, взяв за руки данную Богом Дочь свою, с кротостью и честию вели ее между собою. За ними радостно следовало все множество родственников, соседей и знакомых, держа в руках свечи и окружая Пречистую Деву, как звезды светлую луну, на удивление всему Иерусалиму. Святой Феофилакт описывает это таким образом:

— Забывает Дочь дом отца и приводится к Царю, возжелавшему красоты Ее, — приводится не без почести и не без славы, но с торжественными проводами. Вот выводится Она из отеческого дома со славою, при всеобщем рукоплескании Ее исхождению; родителям Ее последовали родственники, соседи и все, кто любил их; отцы сорадовались отцу, матери сорадовались матери; отроковицы и девы, со свечами в руках, предшествовали Богоотроковице, как некоторый звездный круг, сияющий с луною. Весь Иерусалим собрался смотреть это небывалое провождение и видеть трехлетнюю Отроковицу, окруженную такою славою и почтенную преднесением свечей. И не только граждане земного Иерусалима, но и небесного — святые Ангелы — стеклись видеть преславное введение Пречистой Девы Марии и, видев, удивлялись, как это воспевает Церковь: «Ангели,

вхождение Пречистыя зряще, удивишася: како Дева вниде во Святая святых»[1].

Соединившись с видимым ликом (сонмом) непорочных дев, невидимый лик бесплотных чинов шел, соввודя Пречистую Деву Марию во Святое Святых и, по повелению Господню, окружая Ее, как избранный сосуд Божий. Об этом святой Георгий, архиепископ Никомидийский, говорит так:

— Родители уже вели к дверям храма Деву, окруженную Ангелами, при совместном радовании всех небесных сил. Ибо Ангелы, хотя и не знали силы тайны, однако же, по повелению Господню, служили при входе Ее во храм. Итак, они, во-первых, удивлялись, видя, что Она будет драгоценный сосуд добродетелей, что Она носит признаки вечной чистоты и имеет такую плоть, которой никогда не прикоснется никакая греховная скверна, а во-вторых, исполняя волю Господню, совершили служение, которое им было повелено.

Так, с честию и славою не только людьми, но и Ангелами была введена в храм Господень Пренепорочная Отроковица. И достойно: ибо если ветхозаветный ковчег, носивший в себе манну, который служил только прообразом Пресвятой Девы, внесен был в храм с великою честию, при собрании всего Израиля, то тем с бо́льшею честию, при собрании Ангелов и человеков, до́лжно было совершаться введение во храм того самого одушевленного кивота[2], который имел в себе манну — Христа, — преблагословенной Девы, предназначенной в Матерь Богу.

При внесении ветхозаветного кивота в храм Господень впереди его шел царь земной, царствовавший тогда над Израилем, Богоотец Давид; а при введении в храм Божий этого одушевленного кивота, Пречистой Девы, предшествовал не земной царь, а небесный, Которому мы каждый день молимся: «Царю небесный, Утешителю, Ду́ше истины». Что этот именно Царь предводительствовал этой Дщерию царскою, об этом святая Церковь в нынешних песнопениях

[1] Припев на девятой песни канона.

[2] *Кивот, ковчег* — деревянный ящик, обитый снаружи золотом. В нем находились: скрижали Завета, манна и жезл Ааронов. Он был прообразом Божией Матери, отчего Святая Дева и называется одушевленным *Кивотом*, или *Ковчегом*.

свидетельствует так: «Во Святых святая, святая и непорочная Святым Духом вводится»[1]. При внесении ковчега были музыка и пение, ибо Давид велел начальникам левитов поставить певцов, чтобы они играли на органах[2], псалтирях[3], кимвалах[4] и гуслях[5] и воспевали радостные песни; при введении же Пресвятой Девы содействовали веселию не земная музыка и пение, но пение Ангелов, невидимо при этом присутствовавших. Ибо они, при входе Ее во Святое Святых на служение Господу, воспевали небесными голосами, что и воспоминает ныне Церковь, которая поет в кондаке[6]: «Благодать совводяще, яже в Дусе Божественном, Юже воспевают Ангели Божии: Сия есть селение небесное». Впрочем, введение Пречистой Богородицы во храм представляется и не без человеческих песнопений. Ибо праведная Анна (в слове святого Тарасия) говорит идущим впереди девам:

— Воспойте Сию хвалебной песнью, пойте Ей под звуки гуслей, воскликните Ей песнь духовную, прославьте Ее на десятиструнном псалтири.

Это же вспоминает Церковь, говоря: «Радуются Иоаким и Анна Духом, и девственнии лицы Господеви поют, псаломски воспевающе, и чтуще Матерь Его»[7].

Отсюда открывается, что хор девственниц, предшествовавших тогда Пречистой Деве, пел некоторые песни из псалмов Давида.

Согласно с этим, и составитель нынешнего канона говорит означенным девам: «Начинайте, девы, и воспойте песни, руками держаще свещи»[8].

---

[1] Стихира праздника на Великой вечерне.

[2] *Орган* — духовный инструмент, вероятно, вроде свирели (музыкальное орудие пастухов).

[3] *Псалтирь* — струнный инструмент, вроде арфы или лиры. Преимущественно игрою на нем сопровождалось пение священных песней или гимнов.

[4] *Кимвал* — бряцательный инструмент, состоящий из двух широких металлических кружков, которые, будучи ударяемы один о другой, издавали громкий звук.

[5] *Гусли* — струнный инструмент, имевший форму треугольника.

[6] *Кондаком* называется священная песнь, вкратце выражающая сущность праздника.

[7] Стихира на Великой вечерне.

[8] Канон, песнь 4.

Сами же святые праведные родители Иоаким и Анна, по свидетельству святого Тарасия, имели на устах своих такую песнь праотца Давида: *Слыши, дщерь, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народ твой и дом отца твоего. И возжелает Царь красоты твоей* (Пс. 44, 11–12).

Навстречу этому славному введению Богоотроковицы, по рассказу Феофилакта, вышли священники, служившие во храме, и с песнопениями встретили Пресвятую Деву, имевшую быть Материю Великого Архиерея, прошедшего небеса[1]. Приведя Ее ко дверям храма, святая Анна (как пишет святой Тарасий) говорила так:

— Иди, Дщерь моя, к Тому, Кто мне даровал Тебя; иди, Священный Кивот, к милостивому владыке; иди, Дверь Жизни, к милосердому Дателю; иди, Ковчег слова, к храму Господню; войди в церковь Господню, Радость и Веселие мира.

Захарии же, как пророку, архиерею и сроднику своему[2], она сказала с Иоакимом:

— Приими, Захария, чистую сень; приими, священник, непорочный Ковчег; приими, пророк, Кадильницу невещественного угля; приими, праведный, Духовное Кадило.

И еще праведная Анна, как повествует святой Герман, сказала первосвященнику:

— Приими, пророк, Дочь мою, данную Богом; приими и, введши, посади Ее на горе святыни, в приготовленном Божием жилище, ничего не допытываясь, до тех пор, пока Бог, призвавший Ее сюда, не откроет окончательно Своей воли о Ней.

— Было там, — пишет блаженный Иероним, — пятнадцать ступеней на церковном входе, по числу пятнадцати степенных псалмов, ибо на каждой из этих ступеней всходившими для служения священниками и левитами был пет отдельный псалом[3]. Вот поста-

---

[1] Под Великим Архиереем, прошедшим небеса, разумеется Иисус Христос. Евр. 4, 14.

[2] Это, по преданию, тот самый Захария, который был отцом Иоанна Крестителя. Евангелие называет его священником Авиевой чреды (Лк. 1, 5).

[3] Эти пятнадцать ступеней находились при входе во святилище, куда никто не мог входить, кроме священников и первосвященника. Священники, при восхождении во святилище, на каждой ступени пели по псалму; переступая со ступени на ступень, они пели всего 15 псалмов; отсюда эти псалмы называются «песнями степеней», или «степенными». По счету это 119–133 псалмы.

вили праведные родители пренепорочную отроковицу на первой ступени. Она тотчас весьма скоро пошла сама собою по прочим ступеням, никем не ведомая и не поддерживаемая; поднявшись на самую верхнюю ступень, Она стала, укрепляемая невидимою силою Божиею. Удивились все, увидев трехлетнюю отроковицу, поднявшуюся по этим ступеням так скоро, а особенно дивился этому великий первосвященник Захария и, как пророк, по откровению Божию, проразумевал будущее этой Девы, ибо он, по словам Феофилакта, был объят Духом. Также и святой Тарасий касательно этого говорит, что Захария, исполнившись Святого Духа, воскликнул:

— О чистая Отроковица! О Дева, не знающая соблазна! О Девица прекрасная! О украшение жен! О краса дочерей! Ты благословенна между женами! Ты в высшей степени прославлена чистотою, Ты запечатлена девством, Ты — разрешение клятвы Адама!

Держа Отроковицу, Захария, говорит святой Герман, с радостным духом ввел Ее во Святое Святых[1], говоря Ей так:

— Иди, исполнение моего пророчества, иди, совершение Господних обетований, иди, запечатление завета Его, иди, обнаружение Его совета, иди, исполнение Тайн Его, иди, зерцало всех пророков, иди, обновление обветшавших грехами, иди, Свет лежащих во тьме, иди, новейший Божественнейший Дар. Войди теперь в нижнюю часть храма Господа своего, доступную человекам, а через немного времени — в горнюю и неприступную для них.

Отроковица, веселясь и весьма радуясь, шла в дом Господень, как в чертог, ибо хотя и была мала возрастом, всего только трех лет, но была совершенна по благодати Божией, как предузнанная и предызбранная Богом прежде сложения мира.

Так Пречистая и Преблагословенная Дева Мария введена была в храм Господень. При этом первосвященник Захария совершил необычайное и для всех удивительное дело: он ввел отроковицу в самую выстроенную скинию, называемую «Святое Святых», которая была за вторую завесою и где был Ковчег Завета, обложенный со всех сторон золотом, и Херувимы славы, осеняющие очистилище (см.: Евр. 9, 3–5), куда нельзя было входить не только женщинам, но даже и священникам, а мог туда входить только первосвященник,

[1] *Святое Святых* — самая важная и священнейшая часть храма. В нее мог входить один только первосвященник, и то раз в год.

однажды в год. Там первосвященник Захария отвел Пречистой Деве место для молитвы. Всем же прочим девам, живущим во храме, по свидетельству святого Кирилла Александрийского и святого Григория Нисского, отводилось место для молитвы между церковию и алтарем[1]. Ни одной из этих дев никаким образом нельзя было подходить к алтарю, ибо это строжайше запрещалось им первосвященниками; Пречистой же Деве, со времени введения Ее, не было запрещено ежечасно входить во внутренний алтарь, за вторую завесу и молиться там. Сделано было это первосвященником: по таинственному вразумлению Божию, о чем святой Феофилакт говорит так:

— Первосвященник, быв тогда вне себя, объятый Духом Божиим, понял, что эта отроковица — вместилище Божественной благодати и что Она более его достойна всегда предстоять пред Лицом Божиим. Вспомнив сказанное в законе о ковчеге, что ему назначено находиться во Святом Святых, он тотчас понял, что это преднаписано было относительно этой Отроковицы, нисколько не усомнившись и не остановившись, дерзнул, вопреки закону, ввести Ее во Святое Святых.

Как говорит блаженный Иероним, праведные родители Иоаким и Анна, вручив дитя свое воле Отца Небесного, принесли дары Богу, жертвы и всесожжения, и, получив благословение от первосвященника и всего собора священников, возвратились, со всеми своими сродниками, домой и устроили там пир, веселясь и благодаря Бога. Преблагословенная же Дева, с начала жизни Своей в доме Господнем, отдана была в помещение для девиц, ибо храм Иерусалимский, построенный Соломоном и потом разрушенный и выстроенный снова Зоровавелем[2], имел много жилых помещений, как пишет Иосиф, древний иудейский историк[3]. Вне, к стенам храма пристроены были каменные здания, числом тридцать, отдельные одно от другого, просторные и очень красивые, на них были другие здания, на других — третьи, так что общее число их было девяносто, и они имели все удобства для жительства в них. Высота их равнялась высоте храма; они были как бы столпы, извне поддержи-

[1] То есть притвором священников, в котором приносились жертвы и по сторонам которого были жилые комнаты для посвященных Богу, — и святилищем.

[2] Храм Соломонов был разрушен Навуходоносором, царем Вавилонским. Новый храм был построен Зоровавелем спустя пятьдесят два года после разрушения первого.

[3] Жил в I веке по Рождестве Христовом.

вающие его стены. В этих зданиях находились помещения для разных лиц: отдельно жили девы, посвященные на служение Богу до времени; отдельно жили вдовицы, давшие обет Богу хранить чистоту свою до смерти, как пророчица Анна, дочь Фануилова; отдельно обитали мужи, называвшиеся назореями[1], подобно инокам, жившие безбрачно. Все эти лица служили Господу при храме и получали пропитание от доходов храма. Остальные здания отведены были для пребывания странников и пришельцев, приходивших издалека на поклонение в Иерусалим.

Трехлетняя отроковица, Пречистая Дева Мария, как сказано, была отдана в помещение для девиц, причем к Ней приставлены были девицы, по летам более взрослые и искусные в писании и рукоделии, чтобы Богоотроковица с младенчества научилась и писанию, и рукоделию вместе. Святые родители, Иоаким и Анна, часто посещали Ее; Анна, как матерь, особенно часто приходила посмотреть на свою Дочь и поучать Ее. По свидетельству святого Амвросия и историка Георгия, Дева скоро научилась еврейскому ветхозаветному Писанию в совершенстве, — и не только Писанию, но и рукоделию хорошо научилась, как говорит о том святой Епифаний:

— Она отличалась силою ума и любовию к учению; не только поучалась в Священном Писании, но и упражнялась в прядении шерсти и льна и в шитье шелком. Благоразумием Своим Она удивляла всех; занималась преимущественно такими трудами, которые могли бы быть потребны священникам в служении при храме; рукоделию этому Она так научилась, что им могла впоследствии, при Сыне Своем, добывать себе пропитание; Она Своими руками сделала Господу Иисусу хитон, не сшитый, но весь тканый.

Пречистой Деве (говорит тот же Епифаний), как и другим девицам, обычная пища подавалась от храма; но ее съедали нищие и странники, ибо Она, как воспевает Церковь, питалась хлебом небесным. Святой Герман говорит о Ней, что Она пребывала обыкно-

---

[1] *Назореи* были лица, давшие обет Богу не вступать в брак, воздерживаться от употребления вина и всяких опьяняющих напитков и не стричь волос. Обыкновенно назорейство продолжалось известное время, было принимаемо добровольно, по разным побуждениям; но иногда родители давали обет назорейства за своих детей: и именно в том случае, когда они, не имея детей, желали получить их от Бога.

венно во Святом Святых, принимая сладкую пищу от Ангела; а святой Андрей Критский[1] так говорит:

— Во Святом Святых, как в чертоге, Она принимала необычайную и нетленную пищу.

При этом предание присоединяет, что Пречистая Дева часто пребывала во внутренней скинии, бывшей за второю завесой и называемой «Святое Святых», а не в обычном помещении для дев при храме, — потому что хотя ей место для жительства было уготовано в этом помещении, но на молитву не запрещено было ходить во Святое Святых. Придя в совершенный возраст, Она, с юных лет научившись Священному Писанию и прилежно занимаясь рукоделием, еще больше упражнялась в молитве, и целые ночи и бо́льшую часть дня имела обыкновение проводить в молитве. На молитву входила во Святое Святых, для рукоделия же возвращалась в Свое жилище, ибо, по закону, нельзя было во Святом Святых что-либо делать или что-нибудь внести туда. И бо́льшую часть жизни Своей Она проводила в храме, за второю завесою, во внутренней скинии, на молитве, а не в отведенном Ей жилище, за рукоделием. Потому-то всеми учителями Церкви согласно говорится, что Пречистая Дева, до двенадцатого года, всю Свою жизнь провела во Святом Святых, так как оттуда редко выходила в Свое помещение.

Какова же была жизнь Ее в младшем возрасте, это описал Иероним так:

— Блаженная Дева, еще в детстве и младенчестве своем, когда была при храме с прочими, однолетними Ей девицами, жизнь свою проводила по строгому порядку, от раннего утра до третьего часа дня стояла на молитве; от третьего до девятого упражнялась в рукоделии или чтении книг; от девятого часа снова начинала свою молитву и не прекращала ее до тех пор, пока не являлся Ей Ангел, из рук которого Она обыкновенно принимала пищу. Так все более и более возрастала Она в любви к Богу[2].

Такого рода была жизнь Ее в детстве, когда Она еще жила с девами — сверстницами. В то время, как день ото дня Она возрастала

---

[1] Живший в VIII столетии.

[2] Израильтяне считали часы дня от восхода солнца так, что третий час соответствовал нашему девятому утра; конец шестого часа — нашему полудню; с девятого часа день клонился к вечеру.

и укреплялась духом, совершенствовалась Она и в подвигах и укреплялась в молитве и трудолюбии, восходя от силы в силу, до тех пор, пока не осенила Ее сила Всевышнего. А что являлся Ей Ангел и приносил пищу, это видел своими глазами первосвященник Захария, о чем рассказывает святой Григорий Никомидийский, говоря:

— В то время, как Она, день ото дня, росла, с летами возрастали в Ней и дары Святого Духа, и Она пребывала в общении с Ангелами. Это и Захария узнал; ибо когда он, по обычаю священническому, был в алтаре, то увидел, что кто-то необычайного вида беседует с Девою и подает Ей пищу. Это был явившийся Ангел; и удивился Захария, размышляя в себе: что это за новое и необычайное явление? Видом подобен Ангелу и говорит со святой Девицей; бесплотный по образу приносит пищу, питающую плоть, невещественный по природе подает Деве вещественную корзину. Ангельское явление здесь бывает одним только священникам, и то не часто; к женскому же полу, да еще к такой юной Девице, пришествие Ангела, видимое теперь, совершенно необычайно. Если бы Она была из числа замужних и, одержимая недугом неплодства, молилась о даровании Ей плода, как молилась некогда Анна, я не удивился бы тому явлению, которое вижу, но Девица не просит об этом[1]; Ангел же всегда, как и теперь вижу, является Ей, отчего я прихожу в еще большее удивление, ужас и недоумение, что будет из этого? Что благовествовать приходит Ангел? И какого свойства приносимая им пища? Из какого хранилища она берется? И кто приготовил ее? Какая рука сделала этот хлеб? Ибо Ангелам несвойственно заботиться о требованиях плоти; если и многие были питаемы ими, однако пищу эту приготовляла человеческая рука. Ангел, служивший Даниилу, хотя и мог бы, силою Всевышнего, не через кого-либо другого, а сам собою исполнить то, что ему было повелено, однако послал для этого Аввакума с сосудами, чтобы не устрашили питаемого необыкновенное видение Ангела и необычная пища[2]. Здесь же к Отроковице приходит сам Ангел — дело, полное таинственности, относительно которого я недоумеваю; Она в младенчестве сподобилась таких даров, что Ей служат бесплотные. Что это такое? Не на Ней ли сбудутся предсказания пророков? Не Она ли

[1] То есть о даровании ей плода чрева.

[2] См. в книге пророка Даниила гл. 14, ст. 34

цель нашего ожидания? Не от Нее ли приимет естество хотящий прийти спасти род наш? Ибо тайна эта предсказана еще прежде, и слово ищет Ту, Которая могла бы послужить тайне. И ужели не другая предызбрана послужить этой тайне, а именно эта Девица, на Которую смотрю? Как счастлив ты, дом Израилев, из которого прозябло такое семя? Как счастлив ты, корень Иессеев, из которого произошла эта ветвь, имеющая произвести миру цвет спасения! Как счастлив и я, наслаждающийся таким видением и приготовляющий эту Деву в невесту Слову.

Это — слова Георгия Никомидийского. Подобно ему говорит Иероним:

— Каждый день посещали Ее Ангелы, и если бы меня спросил кто-нибудь: как Пречистая Дева проводила там время юности, — я отвечал бы: это известно Самому Богу да Архангелу Гавриилу, неотступному Ее хранителю, с прочими Ангелами, часто приходившими к Ней и с любовию беседовавшими с Нею.

Пребывая таким образом с Ангелами во Святом Святых, Пречистая Дева пожелала вечно жить в ангельской чистоте и невредненном девстве. По свидетельству святых учителей: Григория Нисского, Иеронима и других, Дева эта — первая обручила Свое девство Богу, ибо в Ветхом Завете необычно было девам не вступать в брак, так как супружество было в большем почете, чем девство[1]. Пречистая же Дева первая в мире предпочла девство супружеству и, уневестившись Богу, служила Ему чистым девством Своим день и ночь. Пресвятой Дух, благоволением Бога-Отца, готовил в Ней вместилище Богу Слову. Да будет же Пресвятой, Единосущной и Нераздельной Троице слава и благодарение; Пречистой же Владычице нашей Богородице, Приснодеве Марии, честь и хвала от всех родов вовеки. Аминь[2].

---

[1] В то время каждый желал иметь потомство, чтобы память о нем дольше сохранилась на земле и чтобы, если не он сам, так его потомки могли бы сделаться участниками благ в царствии ожидаемого Мессии-Избавителя.

[2] В воспоминание введения Пресвятой Богородицы во храм Иерусалимский древле учрежден Церковью праздник, 21 ноября. Указание на этот праздник можно находить в IV веке — в преданиях христиан палестинских, которые доселе указывают на бывшую древле церковь Введения Богородицы и построение этой церкви приписывают святой царице Елене. В IV веке указание на этот праздник находят также в словах Григория Нисского. В VII веке, как указано выше, Герман и Тарасий, патриархи Константинопольские, произносили в этот день поучения.

День двадцать второй

СТРАДАНИЕ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ **КИКИЛИИ** И С НЕЙ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ **ВАЛЕРИАНА, ТИВУРТИЯ и МАКСИМА**

Святая дева Кикилия[1] родилась в Риме от почтенных и богатых родителей. Услышав евангельскую проповедь, она уверовала во Христа и, возгоревшись сердечною к Нему любовию, положила в уме не выходить замуж и соблюсти чистым девство свое ради Непорочного Жениха — Христа Бога. Но родители ее, против ее воли, обручили ее с одним благородным юным язычником, по имени Валерианом, и каждый день украшали ее драгоценными одеждами и золотыми украшениями. Но она носила под драгоценною одеждою на теле жесткую власяницу, а в сердце — Христа и постоянно горячо молилась Ему, чтобы Он Сам, как благоугодно будет Ему, сохранил ее чистою, непорочною и свободною от брачного союза. Когда же наступил день свадьбы и началось свадебное веселие, она, вздыхая из глубины своего сокрушенного сердца, тайно взывала к Господу: *Да будет сердце мое непорочно в уставах Твоих, чтобы я не посрамилась* (Пс. 118, 80).

И усердно, со слезами, молила Его послать для охранения ее девства Своего Ангела. При наступлении ночи, новобрачные были вве-

[1] Имя Кикилия есть переделка римского имени Цецилия, которое означает *слепая.*

дены в брачную комнату, и Кикилия сказала своему жениху:

— Я хочу, любезный юноша, объявить тебе некую тайну: у меня есть невидимый тобою хранитель моего девства — Ангел Божий, и если ты коснешься меня, то он тотчас убьет тебя, ибо он стоит здесь, готовый защитить меня от всякого насилия.

Услышав это, Валериан почувствовал страх, так как при Кикилии действительно невидимо был Ангел, посланный с неба охранять невесту Христову от союза с языческим юношей. Он начал умолять Кикилию показать ему Ангела. Девица отвечала:

— Ты — человек, не знающий истинного Бога, и потому не можешь и видеть Ангела Божия, пока не очистишься от нечистоты твоего язычества.

— Но как же, — спросил Валериан, — могу я очиститься?

— Есть один старец, — отвечала она, — по имени Урван, епископ христианский: он знает, как очищать язычников крещением и делать их способными видеть Ангелов. Если хочешь очиститься и увидеть Ангела Божия, то иди к нему и расскажи ему все, что ты от меня здесь слышал; и, когда он очистит тебя, тогда возвращайся сюда, и ты увидишь Ангела и получишь от него, чего пожелаешь.

— Но где же мне искать этого старца? — спросил Валериан.

— Ступай, — отвечала Кикилия, — по Аппиевой дороге[1] и, когда встретишь по пути нищих, скажи им: Кикилия, желая передать через меня одну тайну старцу Урвану, послала меня к вам, чтобы вы отвели меня к нему.

Валериан пошел и на Аппиевой дороге, согласно со словами своей обрученницы, встретил нищих, которым святая Кикилия была

---

[1] *Аппиева дорога* вела из Рима в Южную Италию; названа по имени строителя, некоего Аппия Клавдия Слепого в IV веке до Рождества Христова; остатки ее сохранились доныне.

хорошо знакома, так как часто раздавала им милостыню: они привели его к епископу Урвану, скрывавшемуся от гонителей по гробам, пещерам и бедным домам. Когда Валериан передал ему слова святой Кикилии, епископ весьма обрадовался и, преклонив колена и воздев руки к небу, со слезами произнес:

— Вот какова раба Твоя, Господи Иисусе, подобно пчеле приносящая мед в церковь! Юношу, которого она приняла подобным льву, она прислала ко мне, как покорного ягненка, так как если бы он не верил ее словам, то и не пришел бы ко мне. Итак, отверзи, Господи, сердце его к познанию истины до конца, — да познает он Тебя, истинного Бога, и да отречется от сатаны и дел его.

Когда он молился так, внезапно явился старец, почтенный видом, одетый в белые, как снег, одежды и державший в руке книгу; став пред Валерианом, он открыл книгу для чтения. Валериан, устрашенный этим видением, пал на землю, но явившийся старец поднял его и сказал:

— Читай, сын мой, то, что написано в этой книге, и ты сподобишься быть очищенным и увидеть Ангела, которого обещала показать тебе твоя обрученница.

Валериан посмотрел в книгу и прочел следующие написанные золотом слова: *один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас* (Еф. 4, 5–6).

Когда Валериан прочел эти слова, явившийся старец спросил его:

— Веруешь ли, чадо, что это — истина, или все еще сомневаешься?

Валериан громко ответил:

— Поистине под небесами нет ничего более достоверного, чем эти слова.

И тотчас явившийся стал невидим, а епископ Урван, начав с прочтенных Валерианом слов, достаточно научил Валериана и, крестив его, отослал к его святой обрученнице.

Валериан, возвратившись к себе, нашел святую Кикилию в ее покое на молитве, а при ней увидел стоящего Ангела Божия, сиявшего великим светом и красотою; в руках Ангел держал два венка, сплетенные из красных роз и белых лилий и испускавшие необычайное благоухание; один венок он надел на голову девицы, а другой — на голову Валериана, говоря:

— Сохраните эти венки, оставаясь оба чистыми сердцем и непорочными телом, — я принес их вам из рая, и они имеют такое чудесное свойство, что никогда не увянут и не потеряют своего благоухания и никто, кроме любящих, подобно вам, чистоту, не может увидеть их. Ты, Валериан, согласился с решением твоей обрученницы сохранить чистоту: за это Бог послал меня к тебе, чтобы ты получил все, чего у Него ни попросишь.

— У меня нет никого в этом мире дороже брата моего Тивуртия, — отвечал, поклонившись Ангелу, Валериан. — Поэтому, молю Господа, чтобы Он избавил брата моего от погибели и власти диавола, как избавил меня, обратил его к Себе и дал обоим нам быть совершенными в деле исповедания Его святого имени.

Ангел с радостным лицом сказал ему:

— Угодно Богу прошение твое, и Он исполнит твое сердечное желание: Он спасет брата твоего Тивуртия через тебя, как спас тебя через девицу, и вы оба вместе пойдете на подвиг мученический.

Сказав это, Ангел стал невидим, а Валериан с святою Кикилиею радовались во Христе и проводили время в душеполезных беседах.

В это время приходит к ним Тивуртий и говорит:

— Удивляюсь: я слышал здесь благоухание роз и лилий, но откуда же это благоухание, которым я так усладился, что чувствовал всего себя как бы обновленным?

— Ты и действительно наслаждался благоуханием, любезный брат, — отвечал Тивуртию Валериан, — ибо я молил о тебе Бога, чтобы и ты сподобился неувядаемого венца и возлюбил Того, Чья кровь подобна цвету роз, а плоть — белым лилиям.

— Во сне я слышу это или ты говоришь правду? — воскликнул Тивуртий.

— До сих пор мы жили действительно как во сне, — отвечал Валериан, — мы поклонялись ложным богам и нечистым бесам, а теперь живем в истине и благодати Божией.

— Кто научил тебя этому? — спросил Тивуртий.

— Меня научил Ангел Божий, — отвечал Валериан. — И ты так же будешь в состоянии видеть его, если очистишься от идольского осквернения.

Тивуртий пожелал увидеть Ангела, но Валериан сказал, что необходимо сначала уверовать во Единого истинного Бога и принять свя-

тое крещение, а потом уже ожидать явления Ангела, а святая Кикилия, отверзши свои полные благодати уста, начала учить Тивуртия истинам Христовой веры и показывала ему, — с одной стороны, ложность языческих богов и бессилие неодушевленных идолов, а с другой — силу и всемогущество истинного Бога Господа нашего Иисуса Христа. И богомудрые беседы святой девицы возымели такую силу над Тивуртием, что он совершенно оставил язычество и однажды сказал Кикилии:

— Я верую, что нет иного Бога, кроме христианского, и отныне хочу служить Ему Единому.

Слыша это, Кикилия рада была несказанно и еще усерднее стала поучать Тивуртия, повествуя ему о воплощении Сына Божия, о Его чудесах, вольных страданиях и смерти, которую Он понес из любви к человеческому роду. А Тивуртий с своей стороны все более умилялся сердцем и разгорался любовию к Господу. Видя теплоту его веры, девица сказала ему:

— Если ты веруешь в Господа нашего Иисуса Христа, то ступай вместе с братом своим к нашему христианскому епископу и прими от него святое крещение: тогда, очищенный от грехов, ты будешь достоин узреть Ангела.

Тивуртий, взглянув на брата, спросил его:

— К кому ты хочешь меня вести?

— Мы пойдем к человеку Божию Урвану, — отвечал Валериан. — Он — епископ христианский, человек старый, мудрый и праведный; лицо у него, как у Ангела, и все слова его — истинны.

— Не о том ли Урване говоришь ты, — продолжал Тивуртий, — относительно которого я слышал, что он два раза был осуждаем на смерть и теперь где-то скрывается, спасаясь от смерти? Но, ведь, если мы пойдем к нему и если ищущие его смерти застанут нас у него, то непременно убьют и нас.

На этот вопрос Тивуртия отвечала святая Кикилия. Она начала говорить ему о вечной, никогда уже ничем не возмущаемой жизни на небесах и о воздаянии святым мученикам, понесшим смерть за Христа.

Тогда Тивуртий, возгоревшись желанием пострадать за веру, сказал:

— Пусть люди, лишенные ума, любят эту кратковременную жизнь, а я желаю жизни вечной: веди же меня, брат, к епископу, и пусть он очистит меня и сделает причастником жизни вечной!

Валериан повел брата к епископу Урвану, которому и рассказал все. Обрадованный обращением Тивуртия, Урван принял его с любовию, крестил и до семи дней оставил его у себя, пока не научил его вполне всем тайнам святой веры.

После крещения Тивуртий сподобился такой благодати, что видел святых Ангелов и беседовал с ними и получал от Бога все, о чем ни просил. Много чудес творил он вместе с братом, исцеляя больных. Имение же свое они раздавали неимущим христианам, сиротам и вдовам, выкупали из темниц узников и с честию погребали тела святых мучеников за Христа, которые в то время были убиваемы во множестве.

Начальник города, по имени Алмах, по приказу императора беспощадно проливавший кровь христиан, предавая их мучениям и смерти, узнав обо всем этом от своих доносчиков, велел немедленно схватить и привести Тивуртия и Валериана к себе.

— Зачем вы бесчестите свой высокий род, — спросил он их, — и погребаете тех, которые были убиты, по императорскому повелению, за многие преступления, и раздаете имение свое людям, от которых все отвернулись? Ужели и вы держитесь одинакового с ними заблуждения и хотите быть тем же, что и они?

— О, если бы, — отвечал Тивуртий как старший, — Бог сподобил нас быть причтенными к числу рабов Его, которые отвергли то, что, кажется, существует и чего на самом деле нет, и взамен нашли то, чего, по-видимому, нет и что в действительности существует.

— Что это такое, — спросил его начальник, — что, по-твоему, кажется существующим, а на самом деле не существует? Я не понимаю, что ты говоришь.

Тивуртий растолковал ему, что все, что имеет в себе и показывает и обещает дать людям этот временный мир, который только представляется чем-то существенным, а на самом деле — ничто, ибо гибнет в короткое время; будущей же жизни, по мнению людей, привязанных к миру, не будет вовсе, так как они ее не видят; а между тем она есть и без всяких перемен будет вовеки, и в ней людям пра-

ведным и верующим будет щедрая награда, а злым и неверным — огонь и вечные мучения.

Начальник вступил с ними в продолжительную беседу и выслушал от них благодатное учение о святой вере и отречении от мира, но не согласился с этим учением и велел им принести жертву языческим богам. Когда же они отказались повиноваться его приказанию, он велел жестоко бить Валериана палками; но святой во время истязания радовался, говоря:

— Вот настало время, которого я желал всем сердцем, вот — мой праздник, вот — день веселия для меня.

В это время глашатай кричал:

— Не унижай богов и богинь!

Но и Валериан громко взывал к окружавшим:

— Мужи, граждане римские! Пусть мои муки не отвращают вас от истины, будьте мужественны и разбейте деревянных и каменных богов, ибо все поклоняющиеся им будут опаляемы вечным огнем.

Между тем к начальнику города подошел один вельможа, по имени Тарквиний, и тихо сказал ему:

— Если ты не предашь этих христиан смерти как можно скорее, то все имение их будет роздано их единоверцами нищим, а тебе не останется ничего.

Выслушав Тарквиния, начальник города приказал вести мучеников на место, называвшееся Паг, мимо капища Юпитера[1], где они должны были принести ему жертвы под угрозою, в случае нежелания, смерти от меча. При этом вместе с палачами и воинами он отправил своего постельничего, по имени Максима, для того чтобы усекновение мучеников совершено было под его присмотром. Но во время пути Максим, глядя на святых страстотерпцев, прослезился и воскликнул:

— О драгоценный цвет юности! О союз братской любви! О прекрасная двоица благородных и досточтимых юношей! Почему вы так спешите на смерть, как будто на великий пир?

— Если бы мы, — отвечал ему святой Тивуртий, — не знали, наверное, о вечной жизни, которая ожидает нас после этой смерти, то не радовались бы так, лишаясь жизни временной.

---

[1] *Юпитер* — главный языческий бог римлян.

— Какова же жизнь после этой жизни? — спросил Максим.

Тивуртий отвечал:

— Как плоть наша облекается в одежды, так душа покрывается телом, а по смерти — плоть обратится в прах, хотя и оживет, подобно птице фениксу[1], когда придет время; а душа, если окажется святою и праведною, тотчас будет отнесена (Ангелами) в райские чертоги и там, пребывая в радости, будет ожидать всеобщего воскресения.

— И я также, — сказал тогда Максим, приведенный в умиление словами Тивуртия, — отрекся бы от этой временной жизни, если бы точно узнал, что я удостоюсь той жизни, о которой ты говоришь.

— Если ты хочешь удостовериться в вечной жизни, — обратился к нему Валериан, — то дай нам обещание, что ты искренно покаешься и, отрекшись от язычества, обратишься к Богу, Которого мы проповедуем; а мы обещаем тебе, что как только мы будем усечены и души наши разлучатся с телом, тотчас же Бог откроет очи твои, и ты увидишь даруемую нам славу вечной жизни.

Максим дал клятвенное обещание.

— Пусть я сгорю в огне, — сказал он, — если с того же времени не уверую в Единого Бога, подающего вечную жизнь после этой временной, — только бы вы исполнили свое обещание.

— Так вели же своим слугам, — сказали святые, — чтобы они не препятствовали нам зайти на короткое время в твой дом, а мы постараемся призвать к тебе такого человека, который просветит твою душу, так что ты будешь в состоянии ясно увидеть обещанное нами.

Максим с радостию ввел их в свой дом, так как никто из сопровождавших их не смел ему ни в чем прекословить. Здесь святые начали спасительную проповедь и учили вере в Господа нашего Иисуса Христа; все, бывшие в доме, внимательно слушали их до самой ночи и уверовали — Максим со всем своим домом и многие из стражей. Ночью пришла к ним святая Кикилия вместе с клириками, и все

---

[1] *Феникс* — баснословная птица древности. По верованию древних народов (египтян), птица эта (одна во всем мире) через каждые пятьсот лет сама себя сжигала и вновь возрождалась из пепла. О ней упоминают и некоторые христианские писатели, например святой Климент Римский, святой Кирилл Иерусалимский и другие, которые в языческом сказании о ней видели доказательство того, что у язычников была вера в возможность воскресения тела. На древних христианских памятниках можно встретить изображение феникса, как образ бессмертия.

уверовавшие были крещены. Ночь они провели в молитве и беседе о вечной жизни, а когда начало светать, святая дева сказала страстотерпцам Христовым:

— Будьте мужественны и неустрашимы, воины Христовы! Вот уходит ночная тьма и начинает сиять свет: облекитесь и вы в оружие света и выходите совершить свой подвиг. Вы подвизались добрым подвигом, соблюли веру, — идите же принять *венец правды* (ср.: 2 Тим. 4, 8), который воздаст вам Господь.

И святые поспешно пошли к названному месту. Когда они проходили мимо храма Юпитера, жрецы его стали принуждать их воскурить фимиам на жертвеннике бога, так как без этого никто не смел проходить мимо этого храма; всех входивших в город и выходивших из него жрецы останавливали и заставляли принести означенную жертву Юпитеру. Но святые не только не послушались жрецов, но еще и посмеялись над их безумием и за то были немедленно усечены мечом.

Как только совершилась казнь, Максим под клятвою засвидетельствовал пред всеми, что он видит Ангелов Божиих, сияющих как солнце, которые, выведя души святых из телес, как каких-либо прекрасных девиц из чертога, возносят их в высокой славе к небесам. Вследствие этого, многие из язычников уверовали во Христа. Начальник же города, узнав, что Максим принял христианскую веру, приказал бить его без милосердия прутьями до тех пор, пока он не предал душу свою Господу, а тело его взяла святая Кикилия и погребла вместе с телами мучеников Тивуртия и Валериана. На гробе святого Максима она, желая обозначить, что он уверовал в будущее воскресение мертвых, как в нечто подобное возрождению феникса из пепла, приказала изобразить эту птицу.

Предав смерти Тивуртия и Валериана, начальник города думал воспользоваться их имуществом, но такового не оказалось, так как святая Кикилия успела уже все раздать нищим, почему и была схвачена, по приказанию градоначальника, его служителями. Когда последние пришли к святой, она сказала им:

— Послушайте меня, мои сограждане и братия! Хотя вы и слуги градоначальника, но думается мне, что в душе не хвалите вы его неверия. Я желаю пострадать и умереть за Христа моего, так как не дорожу нисколько краткою земною жизнию, а ищу жизни вечной:

чтобы скорее мне перейти к ней, возьмите меня, мучьте, не щадя моей юности, и предайте смерти.

Слушавшие ее весьма сожалели о том, что такая прекрасная, благородная и мудрая девица желает себе смерти, и упрашивали ее не губить добровольно своей красоты. Но она сказала им:

— Я не гублю своей цветущей юности, а только меняю ее на лучшее, отдаю грязь — за золото, глину — за драгоценные каменья, земную телесную темницу — за светлосияющие небесные чертоги. Разве плоха такая мена? Желаю такой же и вам.

Долго еще она говорила им о награде, ожидающей праведников, так что все слушатели ее были растроганы, а их, как мужчин, так и женщин, собравшихся в ее доме, — было великое множество. Наконец, святая громким голосом спросила их:

— Веруете ли, что все, чтó я говорю, — истинно?

И все, как один человек, ответили:

— Да, веруем и исповедуем, что Христос, Которого ты проповедуешь, есть истинный Бог, а ты — истинная раба Его.

Обрадованная до глубины души этим ответом, святая дева сейчас же послала за епископом Урваном, и он, прибыв в ее дом, крестил до четыреста душ мужчин и женщин, уверовавших во Христа. И дом Кикилии соделался церковию Божиею.

Затем градоначальник Алмах велел представить праведную рабу Христову на суд и, допросив ее о ее вере, услышал от нее дерзновенное исповедание имени Христова.

— Откуда у тебя такая смелость? — спросил он ее с гневом.

— От доброй совести, — отвечала святая, — и от непоколебимой веры.

— Разве ты не знаешь, несчастная, — возразил Алмах, — что я имею от императоров власть над жизнию и смертию граждан?

— Ты лжешь, — отвечала святая, — говоря, что имеешь власть над жизнью: тебе следовало сказать, что ты имеешь власть только умертвить, а не даровать жизнь, потому что ты можешь убить, но не можешь оживить.

— Принеси жертву богам, — настаивал судья, — и отрекись от Христа, и ты будешь освобождена.

Но святая объявила, что она готова умереть за Христа. Тогда мучитель велел отвести ее домой и там заморить в жарко натопленной

бане. Три дня и три ночи морили ее жаром и дымом, но благодать Божия прохлаждала и оживляла ее. Узнав о том, что мученица столько времени остается в накаленной бане живою, Алмах велел ее там же обезглавить мечом. Палач, явившись к ней, три раза ударил ее мечом в шею, но не отсек головы совсем и, оставив ее там, ушел. Верующие губкою и платом собрали кровь ее, и святая прожила еще три дня, рассуждая совершенно здраво и утверждая окружавших ее христиан в вере, и, наконец, во время молитвы предала дух свой Богу и была с честию погребена верующими.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ
ФИЛИМОНА, АРХИППА и АПФИИ

Святые апостолы Филимон, Архипп и Апфия были обращены в христианство святым апостолом Павлом[1] и пострадали за Христа от греков-язычников в царствование императора Нерона[2], в городе Колоссах[3]. Когда они однажды находились вместе с другими

[1] К Филимону написано апостолом Павлом одно из его посланий в 63 году.

[2] *Император Нерон*, известный своей бесчеловечной жестокостью, царствовал с 54 по 58 год.

[3] *Колоссы* — город в Малоазийской области Фригии, находившейся в западной части полуострова; в средние века город этот переименован был в Хоны (теперь Хонас, или Конус). К жителям Колосс апостол Павел написал послание. Город этот известен в истории Церкви чудом Архистратига Михаила (см.: Минею-Четью под 6 сентября).

христианами в молитвенном собрании, язычники неожиданно напали на них. Все находившиеся в собрании, кроме Филимона, Архиппа и Апфии, разбежались, а их троих схватили и привели к Артоклису, житохранителю ефесскому[1].

Сначала жестоко били Архиппа, причем проходившие, даже дети, кололи его по всему телу ножами. Затем без милосердия был истязуем святой Филимон и побит камнями. Точно так же была побита камнями и святая Апфия.

Так, в мучениях, святые угодники отошли к Господу[2].

ПАМЯТЬ ПРАВЕДНОГО
МИХАИЛА ВОИНА[3]

Святой Михаил жил в царствование Михаила III[4]. По своему происхождению он был болгарин и родился в городе Потуке[5], принадлежавшем тогда царству Греческому. Знатные родители Михаила принадлежали к числу первых христиан болгарских; таковым же христианином с детства был и Михаил, которого родители и знакомые называли: «святое дитя», — за его благочестие. С младенческих лет он отличался чистотою жизни, всегда имел в сердце своем страх Божий, пребывал в посте и молитве, подавал милостыню нищим и посещал больных, украшаясь кротостию и смирением и всякими добродетелями.

---

[1] *Житохранитель* — начальник над запасами хлеба, принадлежащими какому-либо городу, области или государству. *Ефес* — один из знаменитейших городов древней Малой Азии, на западном берегу полуострова. К жителям его апостол Павел, который проповедовал там Евангелие, написал послание.

[2] Память этих святых празднуется еще 19 февраля.

[3] Житие изложено на основании, во-первых, славянского синаксарного сказания, древние тексты которого были изданы преосвященным архиепископом Филаретом и академиком А. Н. Веселовским; то же сказание с некоторыми отличиями вошло в печатный славянский Пролог; во-вторых — Похвального слова Михаилу Воину, написанного Евфимием, патриархом Терновским (1375–1393 гг.), и изданного в числе творений Евфимия господином Калужняцким в Вене в 1901 году.

[4] Византийский император Михаил III умер в 867 году.

[5] Полагают, что это нынешний Батак, в пределах города Пловдива, или Филиппополя.

По достижении двадцатипятилетнего возраста Михаил поступил в военную службу и начальствовал над значительным военным отрядом.

В то время поднялись войною на царство Греческое эфиопляне и агаряне, то есть арабы магометанской веры[1], и направились к столице Греческого царства. На защиту отечества выступило большое греческое войско и встретилось с многочисленными войсками агарянскими. Видя, что эфиопляне и агаряне превосходят силою и готовы одолеть, греки бежали в горы и скрылись в безопасных местах.

В греческом христианском войске находился и Михаил Воин со своим отрядом. Он не испугался неприятеля, не обратился в бегство, а непрестанно укреплял и ободрял своих людей. Увидя всеобщее бегство греков, он прослезился и, пав ниц на землю, молился Господу Богу о спасении христиан. По окончании молитвы он со своим отрядом неудержимо устремился на неприятелей и врезался в самую средину эфиоплян и агарян, жестоко поражал врагов без вреда для себя и для своего отряда. В то же время на помощь христианским воинам внезапно поднялась гроза: молнии и громы поражали и устрашали врагов, так что они все обратились в бегство. С помощию Божиею, Михаил разогнал всех врагов, сам же и отряд его остались совершенно невредимыми.

Возблагодарив Бога за дарованную победу, Михаил распустил свое войско и сам с немногими слугами отправился в обратный путь на свою родину. Во время этого путешествия совершилось следующее чудо.

Михаил остановился в одном месте[2] для отдыха. Там находилось большое озеро, из которого выходил чудовищный змей и поедал людей и скот.

Один из слуг Михаила увидал с места остановки вблизи озера дым и, наскоро взяв припасы для пищи, пошел туда, где был дым. Там он

---

[1] Вероятно, имеется в виду война императора Михаила III с арабами в 865 году.

[2] Место чуда со змием в печатном Прологе названо Раифским, и преосвященный Филарет полагает, что здесь разумеется известная Раифская пустыня в двух днях пути от Синая. Но в рукописных древних житиях говорится не о Раифском месте, а Стыранском, или Тиранском. Может быть, под «Тиранским местом» разумеется, по мнению академика Веселовского, Тиранна, город и область близ Дураццо и Алессио на Балканском полуострове близ Адриатического моря.

увидел девицу, которая сидела в слезах и чего-то ожидала. Слуга стал расспрашивать ее и так заслушался ее повествованием о страшном змие, что на огне пригорела та пища, варить которую он пришел. Когда слуга вернулся к своему господину, то Михаил Воин спросил его, почему он замедлил и отчего пригорела пища. Тогда слуга подробно рассказал все, что видел и что слышал от девицы о змие.

Святой Михаил, выслушав рассказ, решил пойти туда и стал звать своих слуг, но они, убоявшись, отказались идти со своим господином. Тогда Михаил, помолившись Господу Богу и осенив лицо свое крестным знамением, сел на коня и поехал к озеру, взяв только одного старейшего слугу.

Прибыв на место, он стал расспрашивать девицу, зачем она прибыла на это место.

Девица уговаривала сначала Михаила Воина удалиться, чтобы не быть съеденным чудовищным змеем, но, по настоянию святого, рассказала об установившемся в городе обычае по очереди отдавать детей на съедение змию.

Изумленный рассказом девицы, Михаил приказал своему слуге отойти с конем и ожидать вдали, а сам пал на землю и стал молиться Господу Богу. Когда святой окончил молитву и встал, среди озера появился змий и, подняв высоко голову и ударяя хвостом по воде, стал приближаться к берегу, раскрыв три свои пасти. Святой взял щит и меч и отсек змию три головы, с которыми он показался. Змий же, свернув хвост, ударил святого в правую щеку и левую руку и причинил ему рану. Михаил упал без сознания, но скоро очнулся и встал.

Слуга Михаила, видя такое чудо, поспешил в город и сообщил о происшедшем. Граждане вышли из города и торжественно встретили избавителя, а девицу вручили ее родителям.

Так Богу угодно было прославить Михаила Воина таким же чудом, какое совершено было древле святым Георгием Победоносцем.

После этого, дав наставление гражданам твердо держаться христианской веры, Михаил Воин продолжал свой путь и возвратился в свой дом. По прошествии недолгого времени он с миром предал блаженную душу свою Господу.

При гробе святого Михаила стали совершаться многие знамения и чудеса и исцеления от болезней приходивших с верою к его гробу.

Спустя много лет, во времена второго Болгарского царства, Болгарский царь Калоиоанн, воюя в пределах Греческого царства, столица которого тогда занята была латинянами, занял город Потуку и решил перенести мощи святого Михаила Воина в свою болгарскую столицу, город Тернов. Болгарский патриарх Василий, услышав о приближении святых мощей, вышел со всем своим духовенством и гражданами навстречу святых мощей с крестным ходом, свечами и кадилами. Болгарский царь и патриарх взяли святые мощи на свои плечи и своими руками отнесли и поставили в соборном кафедральном патриаршем храме[1].

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ПРОКОПИЯ

Святой Прокопий был родом из Иерусалима. Он с великим мудролюбием проводил свою жизнь и украшал себя многими добродетелями. Назначенный на должность чтеца церкви Кесарийской[2] и имея дар разумения Писаний, Прокопий изъяснял верующим слово Божие. Кроме этого, он занимался переводом Священного Писания на сирский язык и исцелял при жизни одержимых недугом беснования, изгоняя бесов.

Однажды, путешествуя в Скифополь, он читал слово Божие в церквах христианских и соединял с чтением толкование. Когда о святом Прокопии услышал правитель Кесарии, то приказал схватить его, как христианина. В это время было гонение на христиан[3]. Правитель Кесарийский потребовал от святого Прокопия, чтобы он

---

[1] В XIV веке при последнем терновском патриархе Евфимии, составившем святому Михаилу похвальное слово, мощи почивали в Тернове в патриаршем соборном храме. В начале XIX столетия они перенесены в Валахию.

[2] Здесь разумеется *Кесария Палестинская* — город на восточном берегу Средиземного моря; по разрушении Иерусалима (в 79 г.) была главным городом Палестины и местопребыванием епископа, которому подчинен был некоторое время и Иерусалим. Впоследствии Кесария была разрушена и ныне представляет совершенную пустыню с грудами развалин.

[3] При императоре Диоклетиане (294–305 гг.).

принес жертву языческим идолам и воздал поклонение четырем царям, правившим тогда в империи[1]. Но святой дерзновенно ответил на это:

— Христиане не должны почитать и поклоняться многим богам и владыкам. У нас только один Владыка, один Царь и Господь, Творец и Создатель всего.

Услышав это, правитель Кесарийский исполнился ярости на святого и приказал мечом отсечь ему голову. Так святой Прокопий окончил земное поприще и кратким путем возведен был к небу, получив мученический венец от Христа Бога.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
МЕНИГНА

Святой Менигн был родом из города Парии, Геллеспонтской области[2]. По ремеслу своему он был белильщик, занимался мытьем и чисткой одежд и холстов. Во время этих занятий при реке святой Менигн дважды слышал голос с неба, призывавший его на подвиг ради имени Христова. Это было в царствование жестокого гонителя христиан Декия[3].

По приказанию царя в городе, где проживал Менигн, было схвачено множество христиан, коих обрекли на мучение и заточили в темницу. Когда врата темницы были запечатаны и охранялись воинами, Ангел Господень явился узникам в темнице. Сняв оковы с узников, Ангел отпустил их из темницы на свободу невредимыми.

[1] Император Диоклетиан разделил власть над империей с Максимианом, которому уступил восточную половину. При этом каждый император имел своего соправителя: Диоклетиан имел соправителем Максимиана Галерия, который по смерти Диоклетиана стал императором востока; а на западе империи правил Максимиан Геркул с Констанцием Хлором. Таким образом, во время мученичества святого Прокопия, в 303 году, были четыре правителя в империи. А цари почитались язычниками наравне с богами, и в честь их ставились жертвенники и статуи и им приносили жертвы. Этому заблуждению язычников и не хотел послужить мученик Прокопий.

[2] *Геллеспонт* — северная область Малой Азии, по берегу Черного моря.

[3] *Декий* — римский император, царствовал с 249 по 251 год.

Мучители, хватившись узников и не найдя их в темнице, спрашивали о них у стражников, но и воины ничего не могли сказать, так как ворота оставались запечатанными. Язычники пришли в смущение, а от воинов распространилась по городу весть, что Иисус Назорей ночью, придя в темницу, вывел заключенных. Язычники, ослепленные злобою, разыскивали христиан. Верующие же, укрепляемые бывшим им знамением, готовились с радостию к страданиям.

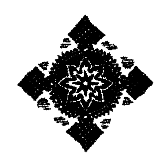
Святой Менигн, слыша этот рассказ от воинов, воспылал ревностною любовью ко Христу и вспомнил о небесном голосе, звавшем его на подвиг. Недолго раздумывая, он роздал заказчикам данные ему для мытья одежды и объявил себя последователем Христовым. Он разорвал указ нечестивого царя Декия, повелевавший предавать мукам и смерти всех христиан, если они после убеждений не отрекутся от Христа. После этого Менигн был схвачен и представлен властям. Судия приговорил отрезать персты его, разодравшие царский указ. Когда отрубили ему пальцы, то из них вытекла не кровь, а молоко. После этого мученика стали уговаривать принести жертву идолам, чтобы избежать ему дальнейших мук и смерти. Но святой мужественно исповедал Христа. Тогда мучитель приказал без милосердия бить его и мучить. Он был повержен на землю сильными ударами палачей, потом повешен на дереве и строган железом. Однако это не ослабило ревности исповедника Христова. Тогда его сняли с дерева и отсекли главу. В это время из уст святого вылетела к небу чистая горлица. Так, повинуясь небесному зову, святой Менигн совершил свой подвиг за Христа, и душа его отлетела к небу, чтобы приять от Господа мученический венец.

Христиане после кончины святого, тайно ночью, пришли на место его мучений и взяли тело его. А глава его, оставленная на месте, обретена была после одним христианином. Святой мученик явился в видении этому христианину, который после видения нашел главу святого, по указанию яркой звезды, сиявшей над ней.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
АГАВВЫ

Преподобный Агавва был родом измаильтянин. Оставив свое отечество, родителей и богатства, он последовал за одним иноком, от которого принял монашеский образ. Наставник святого Агаввы отправился вместе с ним к великому подвижнику Евсевию: у него святой Агавва научился пребывать долгое время в молитвенном бодрствовании. По смерти блаженного Евсевия святой Агавва остался в его келии и там прожил тридцать восемь лет. Он никогда не надевал обуви, на чреслах носил тяжелые вериги; пищею ему служило сочиво, размоченное в воде. В продолжение дня и ночи он большее время проводил стоя и на коленах и совершая служебные молитвословия Всевышнему. От сидения он совершенно отказался: его никто и никогда не видал сидящим. Как подвижник, он представлял пример мудролюбия и послушания. Скончав в таких подвигах свое житие, он с миром почил о Господе[1].

В тот же день **память святого благоверного князя Михаила Тверского**.



[1] Время подвигов и преставления преподобного Агаввы относят к V веку.

День двадцать третий

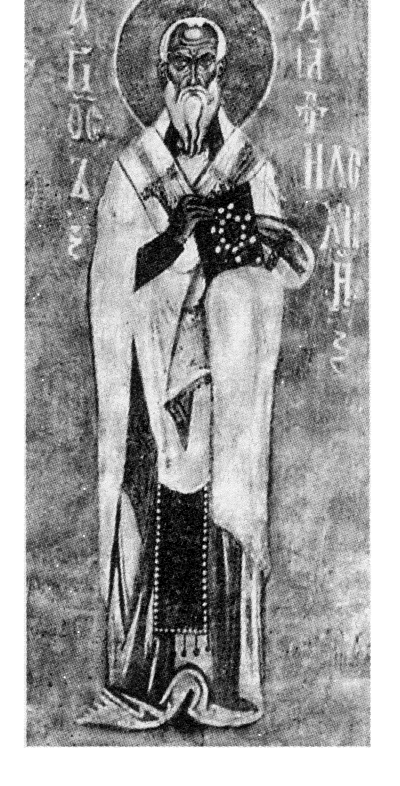
ЖИТИЕ
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
АМФИЛОХИЯ,
епископа Иконийского

Святой Амфилохий, епископ Иконийский[1], друг великих вселенских учителей святого Василия Великого и Григория Богослова, был родом из Каппадокии и родился в городе Кесарии. Отец его, называвшийся также Амфилохием, был родной брат блаженной Нонны[2], матери святого Григория Богослова. Это был муж великого ума и глубоких познаний, с которыми соединял красноречие и, при всем этом, еще и добросердечие и благочестие и служил помощию для всех родных и наставником в слове. Заботясь о своих детях, он дал им прекрасное образование и воспитал их в духе христианского благочестия. Младший сын его, придя в возраст, сначала был оратором и адвокатом. Но, еще с юных лет, он возлюбил Бога паче всего и потому вскоре, по убеждению святого Григория Богослова, избегая мирских тревог и суеты, удалился в пустыню, где и стал проводить иноческую, строго подвижническую жизнь, усердно служа одному только Богу. Здесь занятиями его были молитвы, чте-

---

[1] *Икония* — город на восточной плодоносной равнине внутри Малой Азии, при подошве горы Тавра; был некогда главным городом Ликаонской области; в средние века был главным городом сельджукских султанов (1096–1308 гг.). Ныне — турецкий город *Кония*. Христианство здесь было насаждено первоначально апостолами Павлом и Варнавою.

[2] Память праведной Нонны совершается 5 августа.



ние Писания и пост. Сорок лет прожил так святой Амфилохий в одной пещере, пока Господь не указал ему другое высшее, святительское, служение, поставив его как бы светильником на свещнике Церкви.

Когда скончался епископ Церкви Иконийской[1], Ангел Господень явился Амфилохию ночью и сказал, чтобы он шел в город и пас духовных овец; но Амфилохий не решился идти. В следующую ночь опять явился ему Ангел и сказал:

— Ступай в город, Амфилохий, и паси овец, которых вручает тебе Бог.

Но Амфилохий и на этот раз не послушал Ангела, думая, что явление его есть обольщение злого духа: «И сатана, — подумал святой, — иногда может преобразоваться в светлого Ангела». В третью ночь Ангел, явившись к нему, позвал его:

— Амфилохий! Встань с постели!

Быстро встав, Амфилохий в страхе сказал:

— Если ты — Ангел Божий, станем оба на молитву.

Преклонив главу, Амфилохий начал петь: «Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф, исполнь небо и земля славы Твоея»; и явившийся пел с ним вместе. Затем Ангел взял его за правую руку и повел в бывшую неподалеку церковь, двери которой сами собою растворились пред ними. Когда они вошли внутрь, Амфилохий увидел яркий свет и множество мужей в белых одеждах, которые взяли его, привели к алтарю и дали ему в руки святое Евангелие, говоря: «Господь с тобою!» Один же из них, по-видимому, старший, громко провозгласил: «Помолимся все», и потом сказал:

— Святая благодать поставляет брата нашего Амфилохия епископом города Иконии; помолимся за него, чтобы благодать Божия была на нем.

---

[1] Это было в 372 году.

После молитвы все, простившись с Амфилохием, стали невидимы, а сам он стоял, удивляясь чудесному видению и своему странному посвящению во епископы, и молился Богу, поручая себя Его святой воле. Как только начало рассветать, он вышел из церкви и отправился в свою пещеру. И вот, на пути его встретили семь епископов, собравшихся из окрестных городов в Иконию для избрания и поставления епископа этому городу. Им было повеление от Бога отыскать черноризца Амфилохия. Выйдя из Иконии, они всюду искали его и, встретив, наконец, его, спросили:

— Не ты ли Амфилохий? Говори нам правду, ибо всякая ложь — от лукавого.

— Я — грешный Амфилохий, — смиренно ответил он им.

Они с честию повели его в храм, чтобы хиротонисать, но он сказал им:

— Если Бог благоволил, чтобы я, недостойный и грешный, был указан вам для избрания в епископы, то не до́лжно уже мне скрывать и умалчивать далее о Его чудесных делах, напротив, — мы непременно должны объявить о них и за все воздать славу Богу.

И святой Амфилохий рассказал им все с самого начала о том, как он ночью в видении был посвящен во епископы. Выслушав его, епископы изумились и возблагодарили Бога за чудесное посвящение Амфилохия и уже не осмелились вторично посвящать его, но, поклонившись ему с почтительностию и с любовию облобызав его, посадили его прямо на архиерейском престоле (в царствование Валентиниана и Валента[1]).

Довольно долгое время пас святой Амфилохий стадо Христово: он прожил до времен императора Феодосия Великого и его сыновей. Как учитель веры православной, он боролся против ереси Ария[2], претерпел много притеснений и обид от еретиков, был сподвижником святых отцов, восстававших против богохульства Евномия, и на II Вселенском соборе много подвизался против духоборца

---

[1] *Император Валентиниан* (на Западе) царствовал с 374 по 375 год. *Валент* (на Востоке) — с 364 по 378 год. Поставление святого Амфилохия во епископы последовало в 373 году.

[2] *Арий*, осужденный I Вселенским собором, учил, что Сын Божий есть не Бог, а только высшая тварь, через которую Бог сотворил весь мир.

Македония[1] и сторонников того же Ария. За свою ревность о благочестии и добродетельную жизнь он был прославляем повсюду и пользовался любовию святых отцов, особенно — святых Василия Великого и Григория Богослова, которые считали его своим близким другом и были с ним в переписке[2].

В царствование Феодосия Великого[3] святой Амфилохий явился однажды к императору и умолял его уничтожить во всех городах молитвенные собрания ариан. Но император не хотел исполнить его просьбы, чтобы не явиться притеснителем в глазах народа. Тогда Амфилохий молча ушел из дворца, но через несколько дней опять пришел туда и, благодаря своей мудрости, сделал нечто, достойное воспоминания. Он поклонился царю, сидевшему на престоле, отдав ему должную честь, и почтительно приветствовал его, а на сына его Аркадия, недавно возведенного на царство и сидевшего около отца, не обратил никакого внимания и не оказал ему подобающей чести. Феодосий, подумав, что Амфилохий забылся, приказал ему отдать должный привет Аркадию.

— Довольно и того, что отдана честь царю, — заметил Амфилохий.

---

[1] II Вселенский собор (I Константинопольский) был в 381 году. Македоний, осужденный собором, учил, что Дух Святой есть тварь, не имеющая участия в Божестве и славе Отца и Сына.

[2] Святой Амфилохий неоднократно путешествовал в Кесарию к святому Василию Великому. В одно из таких путешествий он упросил Василия Великого написать о Святом Духе для обличения духоборцев. Кроме личного совещания по различным церковным вопросам Амфилохий не раз просил Василия Великого и на бумаге разрешить сомнения его о благочинии церковном. По просьбе Амфилохия великий отец написал, между прочим, известное «каноническое послание». В 375 году святой Василий Великий, приглашая еще к себе Амфилохия, поручал ему, по причине болезни, Кесарийскую Церковь; но Амфилохий, сам будучи болен и в то же время не зная о болезни Василия, приглашал его в Иконию на собор. Однако болезнь Василия не прекращалась и вместо себя он послал на собор (376 год; на соборе этом духоборцы были осуждены) книгу о Святом Духе. После того святой Амфилохий для успешной борьбы с евномианами — крайними арианами — просил святого Василия разрешить несколько вопросов евномианской диалектики, и святой Василий, невзирая на тяжкую болезнь, написал ему свои ответы. В таком же близком дружественном общении был святой Амфилохий с родственником своим святым Григорием Богословом, по убеждению которого первоначально удалился в пустыню и который посылал ему туда письма, а также запасы хлеба.

[3] *Феодосий Великий* царствовал с 379 по 395 год.

Тогда император-отец сильно разгневался и, не желая позволить непочтения к своему сыну, велел с позором выгнать святого Амфилохия из дворца.

Святой Амфилохий сказал ему:

— Видишь, царь, как не переносишь ты непочтения к своему сыну и как гневаешься на меня? Так и Бог-Отец не терпит непочтения к Его Сыну, отвращается и не любит хулящих Его и гневается на тех, кто входит с хулителями в общение.

Император понял тогда, почему Амфилохий не воздал чести его сыну, — потому, что хотел показать, что Богу-Сыну подобает равная честь с Отцом, — подивился мудрости святого и, встав с престола, поклонился ему и просил у него прощения. Тотчас же Феодосий разослал по всей империи указы об удалении ариан из всех городов, и в случае нужды — силою и угрозами. Так святой Амфилохий очистил Церковь Христову от еретиков.

Около того же времени проникла в Ликаонскую область ересь мессалиан[1]. Святой Амфилохий ревностно защитил церковь свою и от этой заразы. Он обличил еретиков и лично, и силою своего богомудрого слова, и после того присутствовал на соборе Сидском в Памфилии[2], где ересь эта была осуждена. В это время святой Амфилохий столько уже преуспел духом, что мог испрашивать своими молитвами исцеление больным.

Достигнув глубокой старости, святой Амфилохий с миром почил о Господе[3].

---

[1] *Мессалиане*, иначе *евхиты*, отрицали Троичность Лиц в Боге, таинства, посты, внешние подвиги и все церковные установления. Для борьбы с демоном, во власти которого, по их мнению, находится каждый человек, достаточно только усиленной молитвы, после которой в молящемся поселяется Всесвятой Дух. Они предавались созерцаниям, мистическим пляскам и уверяли, что телесными очами видят Божество. — Ересь мессалиан возникла в IV веке, была осуждена в 431 году на III Вселенском Ефесском соборе, но окончательно исчезла уже в VII веке.

[2] *Памфилия* — южная область Малой Азии. Собор происходил в Сиде, значительном городе Памфилии.

[3] † около 395 года. — Святой Амфилохий оставил после себя весьма много разнообразных богословских сочинений: он писал книги, стихи, письма, слова. Самыми значительными из них были творения апологетические, написанные в защиту православного учения и в обличение еретиков. Такова его книга о Святом Духе и книга против евхитов, до нас не дошедшие, книга «О рождении Господа по плоти», которую читали на Вселенских соборах и которая сохранилась лишь в от-

ЖИТИЕ
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
ГРИГОРИЯ,
епископа Акрагантийского

Святой Григорий родился на острове Сицилии[1] в селении Претории, близ города Акраганта[2], от благочестивых и добродетельных родителей — Харитона и Феодотии. Родители его были люди весьма богатые и щедро благотворили из своего имущества всем нуждающимся.

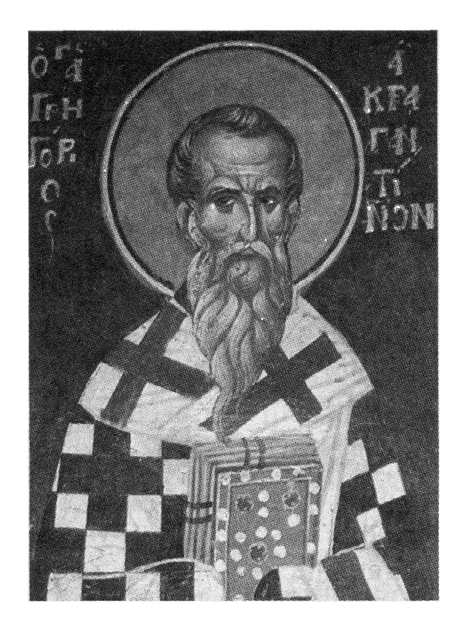
При крещении младенца Григория восприемником его от купели был блаженный Патамион, епископ Акрагантийский. На восьмом году от рождения Григорий отдан был для научения книгам одному искусному учителю, по имени Дамиану, и в два года прекрасно обучился читать, писать и петь церковные песнопения. На двенадцатом же году он был поставлен епископом Патамионом в клирики и поручен архидиакону[3] Донату, который должен был руководить его в духовных подвигах и добродетельной жизни. Отрок упражнялся в

рывках, и книга на пророка Исаию, до нас также не дошедшая. До нас дошло обширное письмо святого Амфилохия к Селевку, племяннику святой Олимпиады и внуку военачальника Траяна, в триста тридцати трех стихах, педагогического характера. Известны также послание святого Амфилохия к Селевку, внуку военачальника Траяна, о Святой Троице, воплощении Сына Божия и некоторые другие письма и послания, преимущественно о Святой Троице и, в частности, о Святом Духе. Кроме того, святой Амфилохий оставил по себе много слов и поучений — преимущественно догматического характера.

[1] *Остров Сицилия* лежит в Средиземном море у южной оконечности Апеннинского полуострова, от которого он отделяется проливом Мессинским.

[2] Город *Акрагант* — ныне *Агригент* — находится на юго-западном берегу острова Сицилии.

[3] Слово «архидиакон» с греческого означает: начальник диаконов, то есть старший, или высший, служитель. В настоящее время этим именем называются первенствующие в служении диаконы из монашествующих (первенствующие же диаконы из белого духовенства именуются протодиаконами). Но в древней Церкви архидиаконы стояли в непосредственной близости к епископу и помогали ему в управлении Церковью; иногда, например на соборах, они являлись даже его представителями.



молитве и целые дни и ночи проводил за чтением Священного Писания и житий святых отцов; отсюда в нем все более разгоралось желание пойти по стопам тех, о ком он читал.

Когда ему исполнилось двадцать два года, он вознамерился идти в Иерусалим поклониться святым местам; и он начал горячо молиться Богу, чтобы Он благоустроил путь его. Однажды ночью, когда он спал в доме архидиакона около его постели, кто-то вдруг позвал его:

— Григорий!

Он отвечал: «Я здесь», и, встав, спросил архидиакона:

— Зачем ты звал меня, господин мой?

— Я не звал тебя, чадо, — отвечал архидиакон.

И Григорий пошел, опять лег и уснул. Но тот же голос во второй раз позвал его, и он опять подошел к архидиакону, спрашивая, зачем тот звал его, и опять архидиакон отвечал ему, что он никого не звал; но на этот раз архидиакон, поняв, что Григория зовет Сам Бог, затрепетал от страха и сказал отроку:

— Если еще раз позовет тебя тот же голос, то ты ответь ему: «Чтó, Господи? Что велишь рабу Твоему?»

Когда Григорий, уйдя от архидиакона, лег опять на свою постель, голос в третий раз назвал его по имени. Зовущий же был Ангел Господень. Григорий отозвался, как был научен, и Ангел сказал ему:

— Молитва твоя услышана: ступай на морской берег, и там найдешь ты людей, которые возьмут тебя с собою к святым местам.

Григорий тотчас встал и, ничего никому не сказав, ранним утром отправился к морю и, придя к берегу, нашел там корабль и спросил корабельщиков, куда они плывут. Они отвечали, что — в Карфаген[1], и он упросил их взять его с собою. Все взошли на корабль и через три дня благополучно приплыли к Карфагену.

---

[1] *Карфаген* — город на северном берегу Африки; ныне представляет собой одни развалины.

В Карфагене Григорий пробыл несколько дней, причем часто ходил в церковь святого мученика Иулиана. Когда однажды он находился в этой церкви и занимался чтением Святого Писания, вошли три черноризца, благообразные видом, и начали молиться. По окончании молитвы один из них сел, а два остальные стали около него. Григорий, увидев их, поклонился им. Инок, который сидел, взглянув на Григория, сказал:

— Чтó делаешь ты здесь, раб Божий Григорий, избравший благую часть, которая не отнимется у тебя, по слову Господню? (см.: Лк. 10, 42).

Услышав свое имя, Григорий пришел в ужас и, поклонившись старцу в землю, сказал:

— Прости меня, отче, и помолись за меня грешного и нерадивого.

Старец отвечал:

— О, если бы я имел твои грехи, сын мой[1]! Знай, — прибавил он, — что милосердый Бог открыл нам о тебе все, и возрадуйся, ибо Он послал нас взять тебя и проводить до святых мест, как ты желаешь, — мы и сами идем туда же.

Тогда Григорий, в умилении, воскликнул:

— Благословен Бог, устрояющий все ко благу нашему!

Затем все четверо отправились в путь. Дорóгою старец, испытывая Григория, однажды спросил его:

— Чадо Григорий! Не скучаешь ли ты по своих родителях?

— Господь наш сказал, — отвечал Григорий: — *Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня* (Мф. 10, 37). Но все-таки, отче, будем молиться Богу, чтобы он и родителям моим (утратившим меня) подал благоутешение, и меня, грешного, сохранил бы от вражеских сетей.

После многодневного пути они приблизились к святому граду и зашли в один монастырь, встретившийся по дороге. Между тем наступил пост святой Четыредесятницы, и потому они не пошли дальше, а остались в том же монастыре до Страстной седмицы. Здесь Григорий увидел строгий пост иноков и их бодрствование: многие

[1] То есть: о, если бы я так же свободен был от грехов, как и ты.

из них не принимали пищи и не спали всю седмицу. Здесь он увидел людей, живущих подобно Ангелам и беспрестанно славящих Бога, как славят Его на небесах; увидел иноков, проливающих слезы потоками и весь день и ночь стоящих на молитве, увидел и другие их труды и неимоверные подвиги, и пришел в ужас и бил себя в грудь, восклицая:

— Горе мне! Что же такое — я? Что делать мне, нерадивому, ленивому? Как могу в день суда стать наряду со святыми?!

Но, не желая, однако, совершенно погрузиться в бездну отчаяния, говорил себе:

— Если, как говорит Давид, *близок Господь к сокрушенным сердцем и смиренных духом спасет* (Пс. 33, 19), то Он может спасти и меня, как спас пришедших в одиннадцатый час[1] и не сделавших ничего, достойного награды.

Иноки, видя его опечаленное лицо, утешали его, думая, что он тоскует по своей стороне и родителях.

— Не жалей, чадо, — говорили они ему, — о том, что ты зашел с нами так далеко: мы надеемся, что, при помощи Божией, ты опять возвратишься на свою сторону и увидишь родителей своих живыми.

— У Бога, — отвечал он, — нет чужой страны: все принадлежит Ему, и всюду Он проникает Своим всевидящим оком. И я не тужу о том, что зашел сюда, и не тоскую я о своих родителях, а, напротив, радуюсь, что, оставив отца и мать, нашел Бога, заботящегося обо мне. Нет, другая печаль лежит у меня на сердце. Умоляю вас, святые отцы, помолиться о мне, смиренном, Господу.

После этого ответа черноризцы умолкли.

Когда настал праздник Воскресения Христова, путники отправились в Иерусалим и, поклонившись святым местам, пришли за благословением к патриарху — святому Макарию[2]. Увидев их, патриарх сказал:

— Радуйся о Господе, авва Марк! Откуда привел ты к нам этого богоугодного юношу Григория.

— Не мы его привели, владыка, — отвечал Марк, — а хотящий всем спастись Господь и твои святые молитвы.

---

[1] См.: Мф. 20, 1–19. Смысл евангельской притчи в том, что раскаяние и обращение к Богу никогда не бывают поздними и что Господь милостив.

[2] *Макарий II* был патриархом Иерусалимским с 563 по 574 год.

Григорий изумился, что патриарх называет по имени и его, и старца, и обрадовался, что узнал имя старца; до сих же пор, находившись с ними столько времени, он не знал, как зовут — ни старца, ни двух других спутников, а спросить их, откуда они и как их имена, не смел, — до такой степени он был молчалив и нелюбопытен.

Затем патриарх воззрел на двух других иноков и сказал:

— Хорошо, что вы пришли, Серапион и отец Леонтий. Я благодарю Бога, даровавшего вам силы прийти сюда и привести с собой этого отрока, пламенеющего духом, служащего Господу, утешающегося надеждою, постоянного в молитве, как открыл мне о нем Господь.

Сказав это, патриарх отправился в храм служить Божественную литургию, и все путники приобщились пречистых Тайн. А наутро авва Марк с двумя братиями, взяв благословение у патриарха, пошел посетить братию, живущую кругом Сионской горы. Григорий не знал, что они уходят, и, оставшись, очень горевал, что отстал от них. Но патриарх, в утешение ему, сказал, что отцы не уйдут в свою страну, не возвратившись сначала в монастырь.

Григорий, поклонившись патриарху, осмелился спросить его, откуда явились эти три великие мужа. Патриарх отвечал, что они — из Рима. Когда же черноризцы возвратились в Иерусалим, авва Марк, взяв Григория за руку и наклонив его к ногам патриарха, сказал:

— Святой отец! И этот — из стада Христова: он примет власть в Церкви и, как веслом, направит ее духовным учением ко благу. А ты, отче, позаботься о нем, чтобы он сохранил светлую красоту души своей и не осквернился греховными помышлениями, свойственными юности.

— Бог избрал его Себе, — отвечал патриарх, — от чрева матери и оградил его страхом Своим: Он же и сохранит его до конца.

Потом, подняв Григория и заметив, что он плачет, патриарх сказал ему:

— Если тебе, чадо, нравится здесь, оставайся с нами, — и Господь наш Иисус Христос все устроит тебе на пользу; если же хочешь идти с ними, то иди с миром.

— Нет, святейший отец, — отвечал Григорий, — я не хочу уходить отсюда, но только молю Бога сподобить меня еще раз в этой жизни увидаться с этими святыми отцами.

Таким образом иноки, испросив у патриарха на дорогу благословения и молитвы, ушли из святого града, а Григорий остался в Иерусалиме при патриархе Макарии.

По пути в Рим авве Марку с Серапионом и Леонтием пришлось плыть мимо Акраганта. Они остановились здесь, приветствовали епископа Патамиона и прожили некоторое время в епископском доме, так как наступил праздник святых апостолов Петра и Павла[1]. После праздника, когда они уже собирались уезжать и просили у епископа напутственного благословения, к Патамиону пришли из своего селения родители Григория Харитон и Феодотия, чтобы совершить 1 июля память по своем сыне, так как в этот именно день Григорий покинул родину. Феодотия горько плакала по сыне, и никто не мог ее утешить. Авва Марк спросил епископа:

— О чем, отче, так плачут эти люди?

Епископ, вздохнув, прослезился и ответил:

— У них был единственный сын, которого я принял от святой купели. Когда ему минуло восемь лет, родители привели его ко мне, а я велел учить его грамоте; и Бог дал ему такие способности, что в два года он научился прекрасно читать, писать и петь в церкви. По двенадцатому году родители посвятили его моими грешными руками Богу, и я поставил его в клирики и поручил своему архидиакону, чтобы последний наставил его на путь заповедей Господних; и отрок сделался настолько сведущим в Священном Писании, что подобного ему и до сих пор не сыщешь во всей Сицилии. И вот мы не знаем, что с ним случилось, куда он ушел? Он внезапно пропал; и долго искали мы его по всему острову в городах и селениях, в горах, пещерах и пустынях, но не могли найти, и не знаем, убил ли его кто-нибудь и зарыл в землю, или же он похищен и уведен на чужую сторону. А теперь всем мы жалеем о нем до крайности, родители же его уже начали совершать поминовение о нем в тот день, когда он исчез.

Между тем авва Марк, вглядевшись в лицо Харитона, догадался, что это — отец Григория, — так как Григорий во всем очень походил на отца, — и сказал плачущим родителям:

[1] То есть 29 июня.

— Зачем вы скорбите так безмерно о вашем сыне? Вам, напротив, дóлжно радоваться и благодарить Бога, устрояющего все на пользу рабам Своим.

И, обратившись к епископу, прибавил:

— Прикажи прийти сюда твоему архидиакону.

Епископ тотчас же велел позвать архидиакона, и, когда тот явился, Марк обратился к нему с вопросом:

— Скажи нам, куда скрылся вверенный тебе отрок и почему ты не откроешь своему господину, епископу, величия Божия, явленного на отроке?

Пораженный этими словами, архидиакон поклонился старцу и просил прощения, а потом начал свой рассказ:

— Когда я спал однажды ночью в своей келии и отрок почивал недалеко от меня, кто-то неожиданно позвал его: «Григорий!» Он, встав, пришел ко мне и спросил, зачем я его звал. Я ответил ему, что не звал его. Когда он лег, голос во второй раз позвал его, и он опять пришел ко мне и сказал: «Вот я, зачем ты звал меня?» Тогда я понял, что зов этот не человеческий, а от Бога, и научил его, если голос еще позовет его, отвечать: «Вот я, Господи: что велишь рабу Твоему». Он ушел на свою постель, и я услышал голос, который опять говорил ему: «Григорий! Молитва твоя услышана: ступай на морской берег, и ты найдешь там людей, которые возьмут тебя с собой». Но я, хотя и сам слышал этот голос, однако не уразумел хорошенько, о чем он говорил, и сейчас же уснул, а наутро, встав, уже не нашел Григория, и с тех пор поныне он не найден; рассказать же о слышанном мной голосе я никому не посмел, потому что боялся, как бы не сказали, что я лгу, и, не дав веры моим словам, не стали бы говорить, что я сам убил отрока или продал его в чужую землю.

Выслушав архидиакона, епископ и родители утешились в своей печали и возблагодарили Бога, а блаженный авва Марк сказал:

— Вот, как читаем в книге Царств о Самуиле (см.: 1 Цар. 3, 3–8), так же было в наши дни и с Григорием: как отрока Самуила, спящего в скинии, Ангел Господень три раза звал: «Самуил, Самуил!» — так удостоился подобного же зова и блаженный отрок Григорий. Воистину он будет равен пророку Самуилу! Теперь послушайте, что я скажу вам о вашем отроке. Когда я был в Риме, то пошел однажды вместе с братиями моими на молитву в храм святых апостолов Пет-

ра и Павла. При наступлении же ночи, мы заночевали у одного инока, и в эту ночь явились мне в видении два светлые мужа, похожие на апостолов, и сказали:

— Вместе с Серапионом и Леонтием сядьте скорее на корабль и плывите в Карфаген: там вы найдете одного странника с острова Сицилии, по имени Григория, из Церкви Акрагантийской; возьмите его с собою и проводите в святой град Иерусалим к патриарху Макарию; мы уже поведали и патриарху об этом отроке и велели принять его, так как на нем почивает дух наш, как дух Илии на Елисее.

Сказав это, явившиеся мне стали невидимы. Пробудившись, я вместе с братиями Серапионом и Леонтием пошел на пристань, где, по устроению Божию, нашел корабль, готовый к отплытию в Карфаген. Мы сели на него и вскоре прибыли туда. Сойдя с корабля, мы вошли в церковь святого мученика Иулиана и здесь нашли Григория читающим книги. Мы взяли его с собою, отправились в Иерусалим и там оставили его у патриарха.

Все слушатели аввы были черезвычайно удивлены его словами и благодарили Бога, а Харитон и Феодотия от душевного волнения упали на землю как мертвые, но Марк поднял их и сказал:

— Воздайте славу Богу за то, что сын ваш жив и проводит добродетельную жизнь.

И прекратившие свои сетования Харитон и Феодотия вместе с епископом и всеми бывшими вознесли благодарение Богу, а также благодарили и авву Марка за его заботы о Григории и более уже не предавались печали.

Между тем святой Григорий жил в Иерусалиме при святейшем патриархе Макарии и был поставлен им в диакона. Через некоторое время он стал просить патриарха отпустить его на Елеонскую гору[1] для посещения живших там отцов и, получив разрешение, провел целый год, посещая доблестных подвижников и получая от них всякую духовную пользу. Потом он задумал отправиться во внутреннюю пустыню[2], открыл свое намерение отцам и просил их молитв. Они же, помолившись о нем, отпустили его, говоря:

[1] К востоку от Иерусалима через долину, называемую Кедронскою. Здесь Господь предрек кончину мира, Иерусалима и храма и отсюда же вознесся на небо. *Гора Елеонская* на две тысячи шестьсот футов выше уровня Средиземного моря.

[2] Внутренняя пустыня находится между Иерусалимом и Иерихоном; это — скалистое, дикое и бесплодное место.

— Ступай, чадо, с миром: вера и любовь, которую ты имеешь ко Христу, спасут тебя.

Спустившись с горы Елеонской, Григорий углубился в пустыню и через три дня, по усмотрению Божию, нашел одного черноризца, молившегося в шестой час дня. Уразумев духом, что юный Григорий ищет спасения, черноризец подозвал его к себе и спросил:

— Куда ты идешь, чадо?

— Куда поведет по этой пустыне Христос, — отвечал Григорий.

— Пойдем со мной, — сказал инок.

После двадцати дней пути они пришли на одно место, с которого черноризец показал Григорию стоявшую вдали келию с двумя финиковыми пальмами перед нею и сказал:

— В келии той живет великий отец: если хочешь спастись, иди к нему, а мне нужно идти в другую сторону.

И поклонившись друг другу, они разошлись.

Григорий, приближаясь к келии великого старца, сначала услышал пение многочисленного хора, когда же подошел ближе, — голоса только трех поющих, а приблизившись к двери келии, убедился, что пел только один старец, который кончал шестой час; но постучаться в дверь Григорий не посмел и в страхе стоял снаружи. По окончании своего правила святой отец посмотрел за дверь, увидал юношу и, узнав его тотчас же духом, позвал его к себе в келию, называя по имени, отчего Григорий пришел в еще больший страх. Войдя в келию, Григорий увидел, что, кроме одного старца, там никого не было, и удивлялся, как могло ему слышаться пение многих голосов, когда пел только один старец; отсюда он понял, что вместе со старцем пели святые Ангелы. Он упал старцу в ноги и со слезами просил его:

— Помилуй меня, отче, и помолись о мне грешном, чтобы Бог спас мою душу.

— Бог помилует тебя, чадо, — отвечал старец, — и воздаст тебе за твои труды.

Четыре года жил Григорий у святого старца и много поучился у него как духовной мудрости, так и внешнему обиходу иноческой жизни, изучил толкование богодухновенных Писаний и сделался весьма рассудительным и красноречивым. Старец, видя его разум и добродетель и провидев, что он будет великим светилом миру, не за-

хотел удерживать его более в пустыне и велел ему оставить уединение и выступить на помощь воинствующей Церкви. При этом он предрек Григорию, что он подвергнется многим притеснениям со стороны своих завистников, и поучал его быть терпеливым и незлобивым, а затем, помолившись о нем и дав ему благословение, отпустил его от себя.

Уйдя от старца, Григорий опять возвратился в Иерусалим, где с радостию был принят патриархом. Прожив в Иерусалиме один год, святой отправился потом в Антиохию и отсюда в Константинополь и там жил в монастыре святых мучеников Сергия и Вакха[1]. Игумен монастыря, видя подвиги и воздержание Григория, который не вкушал пищи целую неделю и все время занимался чтением и писанием книг, известил о нем патриарха Евтихия.

— Пришел, — говорил он патриарху, — ко мне в монастырь удивительный инок — диакон, прекрасного вида и образа жизни, великий постник, усердный исполнитель всяких иноческих подвигов и отличный знаток Божественных Писаний. Думается мне, что в нынешнее время не найти другого такого во всем Константинополе.

Патриарх весьма обрадовался этому известию и, призвав Григория с почетом, беседовал с ним и, убедившись в его мудрости, благодарил Бога, пославшего такого мужа во время обуревавших Церковь великих волнений еретиков.

Между тем скончался епископ Акрагантийский Феодор, преемник блаженного Патамиона. Среди акрагантийцев возникли несогласие и раздор: одни желали видеть епископом пресвитера Савина, другие — некоего Крискента, третьи — Павла, бывшего тогда архидиаконом, а иные полагались на волю Господню.

— Кого изберет Господь, тот и да будет нам епископом, — говорили они.

По этому поводу все пресвитеры, городские власти и граждане, собравшись, отправились в Рим к папе; среди них находился и отец Григория Харитон. Явившись к папе, они разделились на три партии: одни — во главе с Савином, другие — с Крискентом, третьи — с Евплом и Харитоном. Первые просили в епископы Савина, вторые — Крискента, а Евпл с Харитоном и остальными говорили папе:

[1] Память их — 7 октября.

— Кого Бог укажет твоему святейшеству, того и поставь нам епископом.

Папа, видя их несогласие и препирательства, велел им оставить его. И когда он находился в таковом затруднении, ночью в видении явились ему два благолепные мужа в образе апостолов и сказали:

— Чтó ты так печалишься о несогласии акрагантийцев? Все приведенные ими — недостойны епископского сана. Но есть в Риме один пришлец, по имени Григорий, который до сих пор жил в монастыре святого Саввы, а теперь, услышав о прибытии акрагантийцев, убежал из этого монастыря и скрывается в обители святого Меркурия: призови его и поставь им епископом, так как Акрагант нуждается в том, чтобы на епископе его особо почивал Дух Божий.

С этими словами явившиеся исчезли. Папа, пробудившись, призвал к себе пресвитеров и авву Марка, который в это время случайно пришел в Рим из своего монастыря, рассказал им о своем видении и тотчас же послал двух епископов с другими клириками отыскать и с честию привести Григория. Они пошли в монастырь святого Саввы и там спросили, где находится Григорий. Иноки отвечали, что два дня тому назад он ушел в монастырь святого Меркурия. Они отправились туда, но святой Григорий, только что собравшийся выйти из монастыря, завидел идущих епископов издалека и узнал их, — так как ранее видел их на соборе в Константинополе, — и уразумев духом, что они идут за ним, бежал назад за ограду и скрылся в монастырском саду. Епископы, войдя в монастырь, расспрашивали о нем, и иноки ответили, что в монастыре в этот день, действительно, был какой-то странник, но они не знают, куда он ушел. Епископы обратились к игумену и настойчиво заявляли ему, что если он не доставит им сейчас же этого странника, то подвергнется тяжелому наказанию. Игумен упросил их немного подождать, а сам стал тщательно искать Григория и, наконец, нашел его в саду скрывшимся в траве. Он с гневом поднял его и бранил, говоря:

— Откуда ты пришел сюда, человече? Какие твои грехи и чтó ты наделал, что столь почтенные люди тебя разыскивают? Ты навел беду на наш монастырь, — ступай же и давай ответ за свои грехи.

Святой Григорий ничего не ответил и, молча, пошел за игуменом, державшим его за руку. Когда он приведен был к епископам, они тотчас узнали его: они видели его на соборе, когда все отцы по-

хваляли его и сам император оказывал ему почтение, — и, встав, поклонились ему и обняли его с любовию. Но он сам упал им в ноги и сказал:

— Простите меня, отцы святые, ибо грешен я. Зачем ищете мою худость, меня, недостойного?

— Святейший отец, папа зовет тебя, — отвечали они, — поднимая его с земли и давая ему целование.

Игумен был удивлен и смущен тем, что епископы оказали такое почтение тому самому Григорию, которого он считал каким-то злодеем. Епископы же взяли Григория и с честию повели к папе.

Когда Григорий вошел и поклонился папе в землю, папа сказал ему:

— Ты благовременно пришел к нам, чадо Григорий; благословен Бог, явивший тебя нам.

И встав, он поцеловал его святительским целованием, а затем продолжал:

— Чадо Григорий! Господь наш Иисус Христос призывает тебя на епископство в церкви Своей в Акраганте, чтобы через тебя спаслись живущие там.

— Прости меня, владыка, — отвечал Григорий. — Я недостоин такого сана.

— Не будь непослушным, — сказал на это папа, — бойся Бога и вспомни, что многие своим непослушанием прогневали Всевышнего.

Тогда Григорий сказал:

— Дай мне немного времени для размышления, честнейший отец, и для окончательного ответа твоему святейшеству.

Папа поручил Григория до времени авве Марку. Увидев авву, Григорий с радостными слезами бросился к его ногам.

— Благодарю Бога, — воскликнул он, — за то, что Он сподобил меня увидеть еще раз в этой жизни тебя, любимый отец мой!

Авва Марк ушел с ним в отдельную комнату, и они всю ночь провели без сна, в духовной беседе. Пред этим Григорий собирался удалиться в Испанию, особенно когда узнал, что отец его Харитон прибыл в Рим. Но Марк удержал его.

— Чадо, — говорил он, — не прогневи Бога и — вместо благословения Его — не навлеки на себя проклятия.

С тех пор Григорий оставил свое намерение.

Вскоре папа призвал к себе жителей Акраганта и спросил, согласились ли они, наконец, в выборе себе епископа.

— Мы, владыка, не знаем, — отвечали те, — что́ тебе ответить: мы положились на Бога и на твои святые молитвы, и кого укажет тебе Бог, того и дай нам; мы же примем его с любовию.

Папа, присмотревшись к лицу Харитона, догадался, по близкому сходству, что он — отец Григория.

— Пойдем в церковь, — сказал он тогда, — и помолимся Богу, чтобы Он указал нам, кого Сам считает достойным.

И вот, когда папа с епископами и всем клиром возносили молитвы в храме святых первоверховных апостолов Петра и Павла и Григорий находился с ними, явился над святой трапезой летающий голубь и опустился на голову святого Григория. Все благоговейно устрашились при этом неожиданном чуде.

— Вот, Бог явил нам, кого Он избрал достойным епископского сана, — сказал папа и посвятил Григория в епископа Акрагантийской Церкви.

Все граждане Акраганта были рады этому и приняли Григория с любовию, как избранного Самим Богом. И Харитон узнал своего сына и горячо благодарил Бога за то, что Он сподобил его видеть сына живым и еще в таком сане.

Немного дней спустя акрагантийцы, получив благословение от папы, возвратились с новопоставленным епископом в свой город. Когда они проходили мимо Панормии[1], навстречу им вышел епископ этого города с клиром и всем народом и радушно принял их: он наслышался о добродетельной жизни Григория и просил его войти в церковь и преподать благословение народу. Когда Григорий входил в храм, к нему приблизился один монах, пораженный тяжкою проказою, и громко взывал к нему:

— Помилуй меня, раб Христов, и помолись обо мне Богу, чтобы Он облегчил мне мою тяжкую болезнь.

— Во имя Господне исцелись от твоего недуга, — сказал ему святой.

И инок тотчас исцелился и очистился от проказы, так что тело его сделалось, как у малого ребенка.

---

[1] *Панормия*, ныне *Палермо*, — город на северо-западном берегу о. Сицилии.

Все славили и благословляли Бога, творящего чудеса через Своего угодника.

Григорий с спутниками вышли из Панормии и приблизились к Акраганту. Здесь встретил их игумен пригородного монастыря Пресвятой Богородицы. Когда Григорий вступил в монастырь, к ногам его упал один глухонемой инок; игумен отстранял его от ног епископа, но святой Григорий сказал ему:

— Оставь его, брат: пусть он объяснит нам, что ему нужно.

Игумен сказал:

— Он — юродивый, владыка, и к тому же нем и глух.

Святитель вздохнул и, воздев руки к небу, совершил молитву, а потом поднял инока с земли и сказал ему:

— Во имя Господа нашего Иисуса Христа, повелевшего бесу глухому и немому выйти из создания Божия, начни говорить, брат, и услышь, и прославь Бога, сотворившего тебе это!

И тотчас инок начал говорить и громко восклицал:

— Велики дела Твои, Господи, которые Ты сотворил ради этого человека!

Святой спросил инока, сколько прошло лет с тех пор, как он уже не говорит.

— Я не помню, владыка, — отвечал исцеленный, — того времени, когда я говорил или слышал.

Игумен сказал тогда за него:

— Вот уже двадцать лет, владыка, как мы его постригли, а пострижен он был восьми лет и до сегодня был глух и нем; теперь же исцелился твоими молитвами.

Всех охватил, при виде чуда, благоговейный страх, и все благодарили Бога, давшего им епископа-чудотворца.

В этом монастыре святой Григорий оставался до утра и наутро отправился в Акрагант. Остававшиеся дома жители города, услышав, что идет новый епископ, спрашивали друг друга: кто же избран: Савин, Крискент или Евпл? — и, узнав, что никто из этих трех не удостоен епископства, а избран один странник, именем Григорий, были очень удивлены, а услышав, что он — чудотворец и уже исцелил глухонемого, прониклись благоговением. Все население города вышло навстречу и приняло от него благословение, и он, благословляя, возлагал на всех руки. Вышла, между прочими, и мать его Феодотия

вместе с другими пожилыми женщинами, еще не знавшая, что новый епископ — ее сын. Но, взглянув на него, она сейчас же узнала его и сказала:

— Воистину, это — сын мой, который пропадал и нашелся (см.: Лк. 15, 24).

Григорий же, увидев мать, воскликнул:

— Здравствуй, госпожа Феодотия, мать моя!

— Благословен Бог, — отвечала она с великою радостию, — избравший тебя пасти людей Его и сподобивший меня увидеть тебя, милый сын мой!

Затем все с пением вошли в храм. И когда святой Григорий совершал Божественную литургию, некоторые из достойных видели благодать Святого Духа, сошедшую на него в виде голубя и осенявшую его, подобно тому, как это было и при его посвящении. К церкви было принесено множество больных, и святой Григорий возвращал им здравие, возлагая на них руки, так что все изумлялись и говорили:

— Он воистину подобен святому Григорию, Неокесарийскому чудотворцу.

И была в городе великая радость.

Вступив в управление паствою, Григорий много заботился о нищих, исцелял больных и изгонял бесов. Отец его Харитон почти не выходил из церкви, в посте и молитвах служа Богу день и ночь; точно так же и мать его Феодотия, отложив все житейские заботы, радела только о своем спасении, служила больным и бедствующим от нищеты, питая и одевая их на свои средства. Таким образом, Григорий, вместе с своими родителями, был украшением Церкви Христовой и служил для всех примером добродетельной жизни.

Однажды святой Григорий отправился в город с тем, чтобы посетить больных и нищих, и все жители, у которых только были больные, полагали их по дороге, по которой должен был пройти святой врач, который и исцелял всякие болезни одним прикосновением рук. Между прочим, у пресвитера Савина была расслабленная дочь, которая лежала на постели и совершенно лишена была сил, так что сама не могла сделать ни одного движения, и уже другие поворачивали ее. Мать ее, услышав, что епископ пойдет мимо их дома, вынесла ее наружу и положила на пути святого. Когда Григорий приблизился, она с плачем упала к его ногам и сказала:

— Помилуй меня, раб Божий, и умилосердись над моей расслабленной дочерью.

Святой спросил ее, чья она жена. Тогда пресвитер Савин вышел из дома и, поклонившись епископу, сказал:

— Это — твоя раба, господин мой, и моя жена.

— Давно ли болеет ваша дочь? — продолжал епископ.

— Девять лет, владыка, — отвечали они, — как она лишилась сил.

Сотворив молитву, святой осенил девицу крестным знамением и сказал:

— Во имя Иисуса Христа, девица, встань и стань на ноги твои.

И тотчас девица встала совершенно здоровою и воздала благодарение своему исцелителю. Народ же, следовавший за святителем, удивлялся совершавшимся через него чудесам.

Но через несколько лет ненавистник всякого добра — диавол восстал против святого и замыслил лишить его престола через того же самого Савина, дочь которого исцелил святой Григорий, и через упоминавшегося также Крискента. Оба они были пресвитерами в Акраганте и в свое время, как уже упомянуто, каждый из них добивался епископства, почему они и находились во вражде друг с другом. Теперь же они примирились и вместе стали действовать против святого Григория и, подвигнутые диаволом на зависть, говорили между собой:

— Долго ли мы будем повиноваться этому человеку — волхву, который творит чудеса своими чарами и изумляет простой народ? Или не знаем мы, что когда-то он бежал из нашего города, жил у одного волхва и научился от него волшебству, а теперь, возвратившись сюда, обольщает людей, утверждая, что он — человек Божий, на самом же деле он подобен бесу, потому что не ест и не пьет, как и бес?!

Все эти хулы и клеветы на праведника возводили они из зависти к высокому положению и славе Григория. Они привлекли на свою сторону и некоторых из клириков и граждан и дали друг другу клятву в том, что не успокоятся, пока не выживут Григория из города; епископом же вместо него они хотели поставить некоего Елевсия — еретика, лишенного пресвитерства и преданного Лаодикийским со-

бором[1] проклятию; он тайно явился в Акрагант и, неведомо для святого Григория, скрывался у одного жителя города, по имени Феодора. Ранее святой Григорий видел этого Елевсия на Востоке, имел с ним прение о воплощении Сына Божия и победил его. Этот-то самый Елевсий, во время своего трехмесячного пребывания в Акраганте, сумел возбудить в Савине, Крискенте и некоторых других зависть и вражду к святому Григорию.

Враги Григория, посоветовавшись между собою, подкупили одну молодую жену, по имени Евдокию, красивую лицом, но бесстыдного и развратного нрава, чтобы она всенародно в лицо сказала епископу, что он согрешил с нею. Она сначала не соглашалась было и говорила, что граждане Акраганта, смотревшие на Григория, как на Ангела Божия, не поверят ей, и что она боится, как бы народ не побил ее камнями; но они убедили ее, что она останется невредимою, и богатым подкупом соблазнили ее согласиться на их предложение; тогда они стали выжидать удобного времени, чтобы повергнуть Григория в беду и позор. Однажды ночью, когда святой Григорий находился в храме за полунощницею, Савин и Крискент взяли с собою нанятую развратницу и тайно привели ее к епископскому дому. Здесь они нашли привратника, стоявшего на стороже у дверей, и, при помощи золота, уговорили его молчать, а сами провели Евдокию в опочивальню святого и, заперев ее там, вышли. Ничего не знавший Григорий оставался в церкви до самого конца утрени. Настал день, и, когда епископ вышел, наконец, из церкви, весь, бывший у утрени, народ пошел за ним, ибо у акрагантийцев таков был обычай — всегда провожать своего епископа от храма до самого дома. Дойдя до своих дверей, святой Григорий обратился к провожавшим, давал им различные наставления и благословлял их. В толпе были и Савин с Крискентом и остальными сообщниками: они бросились в опочивальню епископа, вывели оттуда в присутствии епископа и всего народа женщину и громко закричали:

---

[1] *Лаодикийский* (во Фригии) *собор* был в конце IV века, незадолго до II Вселенского собора. Правила его (шестьдесят) касаются различных подробностей чина богослужебного, дисциплины клира, семейной жизни и нравов мирян, пороков и заблуждений того времени и еретических учений, и в этом смысле представляют немало характеристических указаний на церковную обрядность и жизнь тогдашних христиан.

— Глядите, люди, что делает наш епископ! Так ли до́лжно ему жить? Мы все говорили, что он — святой, а он оказался блудником: отныне он недостоин епископского сана!

Народ пришел в изумление, и все онемели, как камни, не зная, что сказать. Изумился и сам святой Григорий пред такой неожиданной напастью и молчал.

Стали допрашивать женщину ту, был ли с нею епископ, и она при всех подтвердила, что он был с нею в минувшую ночь. Архидиакон и другие близкие к епископу спросили ее, в котором же именно часу ночи он был с нею. Она, наученная заранее врагами Григория, отвечала, что — после повечерия.

— Жив Господь, — воскликнули близкие епископа, — неправду говорит эта лживая женщина!

Но враги его отвечали:

— Вы ему — свои люди и не заслуживаете веры, так как стараетесь прикрыть грехи вашего господина.

На это один юный диакон, по имени Филадельф, сказал словами псалма: *Да онемеют уста лживые, которые против праведника говорят злое с гордостью и презреньем* (Пс. 30, 19).

Крискент подбежал к Филадельфу и стал бить его по щекам. Многие из народа соблазнились и поверили клевете, видя, как женщину выводили из опочивальни, и слыша, как она при самом епископе говорила, что он был с нею; другие же, несмотря ни на что, не верили ей. Однако противная сторона взяла верх, и епископ был схвачен, выведен из своего дома и посажен в темницу, в которой некогда страдал за Христа священномученик Григорий, епископ Ливийский: там враги заперли и этого святого Григория, забили ему ноги в колоду и, заколотив двери, крепко сторожили. Затем они поспешили отправить письмо к находившемуся в Сицилии экзарху[1] папы с известием о случившемся и просьбою прибыть в Акрагант для суда над Григорием.

Между тем не только по всему Акраганту, но и по окрестным городам и селениям и даже по всей Сицилии разнесся слух о том, что епископа Григория застали с блудницею.

---

[1] *Экзарх* — епископ, подчиненный только одному папе и не зависевший от областного епископа, куда бы ни явился.

К темнице собралось множество людей, любивших святого и не поверивших клевете; они в слезах сидели около темницы.

Святой Григорий тем временем благодарил Бога, сподобившего его пострадать без вины. В полночь, когда он молился, великий свет осиял темницу, явился Ангел Господень, освободил Григория от оков и, подкрепив его своими словами в терпении, сделался невидим, а темничные двери отворились сами собою. Находившиеся у темницы поклонились святому, говоря:

— Теперь мы вполне убедились, что Бог — за тебя и все, что́ на тебя говорили — клевета.

Они хотели пойти и убить Савина и Крискента, но святой удержал их от этого и запретил им поднимать опять распрю и проливать кровь и убедил дожидаться имеющего быть над ним суда.

Экзарх, прибыв в Акрагант, созвал все городское собрание и, сев на судейском месте, велел привести Григория и поставил его пред собою. Стали также пред судом и противники Григория вместе с Евдокией, которую экзарх спросил:

— Правду ли ты говоришь, что епископ был с тобой?

— Да, владыка, это — правда, он был со мной.

Лишь только она произнесла это, тотчас напал на нее бес, поверг ее на землю, и она валялась со страшным криком, мучимая злым духом. Страх напал на всех.

— Григорий, — говорили благомыслящие, — неповинен в худом деле, ибо вот — наказание Божие постигло оболгавшую его.

Но противники святого, потеряв всякий стыд, говорили:

— Не сказали ли мы, что он — волхв и чародей? И своим волшебством он сделал то, что женщина теперь беснуется.

Тем временем жена пресвитера Савина вместе с дочерью, исцеленною святым Григорием от немощи, поспешно прибежала в собрание и с гневом закричала на мужа:

— Несчастный злодей! Ты забыл благодеяния этого святого мужа, исцелившего нашу дочь, и клевещешь на невинного! Уходи же из моего дома, я не хочу более с этих пор жить с тобою!

Затем она припала к ногам святого и со слезами просила его:

— Помилуй нас, раб Божий, и не помни зла, какое причинили тебе эти нечестивые завистники!

В народе поднялся говор и шум: одни кричали, что Григорий невинен, другие, поверив клевете, продолжали утверждать, что он на бывшую с ним женщину навел беса своим волшебством. Экзарх, подкупленный Савином и Крискентом, держал их сторону, но видя смуту, происходившую в народе, побоялся и, встав с своего места, ушел из суда, объявив, что следует расследовать дело обстоятельнее. Тогда святой Григорий добровольно пошел опять в темницу и сидел там, как находящийся под судом, ожидая, чем кончится начавшееся о нем дело.

Экзарх, видя, что он не может ничего сделать с Григорием, не возбуждая смятения в народе, решил отправить его в Рим к самому папе и приказал приготовить для него особый корабль; при этом он написал папе послание, в котором заключалось обвинение Григория; подобное же послание к папе написали и клеветники Григория от себя. Экзарх дождался наступления ночи и вместе с Савином и Крискентом, взяв с собою Григория, тайным образом повел его на корабль. Вслед за ним шли его родители и домашние, плача и рыдая о нем; он же утешал их и увещал не плакать, обнадеживая, что они скоро опять увидят его здоровым и на епископском престоле. Посадив его на корабль, враги поручили его присмотру хозяина корабля, по имени Прокопия, которому передали и свои послания к папе. Архидиакон Евпл с другими диаконами обступили экзарха и умоляли его позволить им отправиться вместе с своим отцом и учителем, но он не хотел даже и слушать их, и только одному из них, диакону Платонику, разрешил ехать с Григорием. Наконец, корабль отплыл и близкие Григория вместе с его родителями долго плакали по нем на берегу и, опечаленные, пошли домой.

Наутро у темницы собралось множество народа вместе с пресвитерами. Не найдя в темнице Григория, они пришли в смятение и начали плакать и жаловаться на несправедливый суд над епископом. Затем они пошли к экзарху и, окружив его, спрашивали:

— Куда вы девали нашего отца и доброго пастыря? Неужели вы его убили?

— Нет, братия, — отвечал экзарх, — мы не сделали ему никакого зла, а только с миром отправили его к папе, как он сам просил нас.

Собравшиеся призвали архидиакона Евпла и других диаконов и спросили их:

— Вы должны знать, где наш святой епископ, — вы вчера были у него в темнице: скажите же нам по правде, где он теперь?

Евпл и другие отвечали, что ночью экзарх отправил Григория к папе. Экзарх, видя, что в народе начинается возмущение, испугался и бежал из Акраганта. Возмущенный народ поджег дома коварных пресвитеров Савина и Крискента и искал их самих, чтобы предать смерти, но они скрылись в церкви. Народ бросился за ними, но Харитон, став в церковных дверях, умолял разгневанных людей не проливать крови из-за его сына, говоря: «Если обвинение, взводимое ими на епископа Григория, окажется справедливым, а вы их убьете, то вы и сами подвергнетесь суду».

Народ послушался Харитона и разошелся. Но сторонники Григория отправили, однако, послание правителю Сицилии, жившему в городе Сиракузах, и епископу этого города и известили их о всем, что произошло с их епископом; правитель и епископ Сиракузский были очень удивлены и сильно сожалели о Григории, хорошо зная его добродетельную жизнь. С посланием к ним отправлены были знатнейшие граждане Акраганта, а заведование церковными делами поручено было архидиакону Евплу до того времени, пока не возвратится Григорий, оправдавшись пред папою.

Через некоторое время противники Григория опять собрались и искали случая убить Евпла, и он, видя их озлобленность, бежал и скрывался до прибытия Григория, а Савин и Крискент с единомышленниками возвели на престол упомянутого еретика Елевсия. Городские власти и пресвитеры, убеждаемые Харитоном, не выражали своего неудовольствия ничем и совершенно замолкли, когда им сделалось известным от Харитона, что Григорий рано или поздно возвратится на престол. Таким образом Церковь Божию в то время пасли, вместо пастыря, дикие звери, как только им хотелось: еретик Елевсий вынес мощи святых, лежавшие в алтаре, и хотел сжечь их, но огонь даже не коснулся их, после чего он велел бросить их ночью тайно от всех в море.

Когда святой Григорий прибыл в Рим, сопровождавший его Прокопий вручил папе послания экзарха и клеветников Григория. Папа, прочитав эти послания, сильно разгневался на Григория и, не допустив его даже лично к себе и не спросив, признает ли он себя виновным, приказал сковать его по рукам и по ногам и заключить в тем-

ницу, а также — запереть в отдельной темнице и диакона Платоника. Когда святой сидел в заключении и молился, ночью осиял его свет, и два мужа в образе апостолов вошли к нему и сказали:

— Радуйся, раб Христов и нами возлюбленный Григорий! Господь послал нас освободить тебя от оков, и мы радуемся, видя, как мужественно и терпеливо переносишь ты скорбь. Бог благоволит через тебя и в этом городе сотворить многие чудеса.

Сказав это, они прикоснулись к его узам, и тотчас цепи упали с него и он, совершенно освобожденный, стал на ноги и до земли поклонился явившимся, которые, облобызав его, стали невидимы. Точно так же явились они к диакону Платонику и, выведя его из заключения, привели к Григорию. Оба освобожденные вместе славили и благословляли Господа.

У тюремщика, сторожившего заключенных, был единственный сын, двадцати шести лет от рождения, которого уже шесть лет мучил злой дух, гонявший его по дорогам и пустыням; много раз отец связывал его железными путами и запирал в особой комнате, но он разрывал путы, выламывал дверь и убегал опять. Случилось так, что когда Григорий сидел в темнице, уже свободный от оков, и Платоник был с ним, отец бесноватого поймал его и крепко приковал к столбу за руки, ноги и шею. Но бесноватый в полночь разломал железные узы, убежал и, найдя темничные двери открытыми, вошел в темницу и упал, валяясь у ног святого Григория, который, воздев руки к небу, помолился Богу и затем сказал бесу:

— Господь наш Иисус Христос повелевает тебе, дух нечистый, выйти из Его создания.

Бес тотчас же вышел. Между тем страж долго искал пропавшего сына и, в поисках, увидев, что темница отворена, пришел в ужас, думая, что узник убежал. Но, войдя внутрь, он увидел Григория и Платоника стоящими там и воспевающими Богу священные песнопения, а вместе с ними и своего сына — совершенно здоровым. Страж пал к ногам святого и воскликнул:

— Воистину, ты — человек Божий! Прости меня, что я согрешил пред тобою, подняв на тебя руки.

С этой минуты тюремщик благоговейно служил святому день и ночь, почитая его как бы Ангела Божия.

Около того же времени одна женщина, у которой была скорченная дочь, услышав, что святой Григорий исцелил тюремщикова сына, пришла к нему в темницу вместе с дочерью и, упав пред ним на землю, умоляла его исцелить ее дочь. Он сказал ей, что это — дело не его, а Единого только Бога, могущего все сотворить одним словом Своим. Но она неотступно продолжала просить его, пока, наконец, он не сотворил молитвы и не возложил на скорченную девицу руку, после чего она сейчас же выпрямилась. Мать с дочерью возблагодарили Бога и, поклонившись святому, в радости возвратились домой.

— Кто исцелил твою дочь? — спрашивали у матери соседи.

— Один не здешний епископ, — отвечала она, — который осужден, говорят, за какую-то вину и сидит в темнице: сначала он же исцелил тюремщикова сына, а теперь — мою дочь.

Слух о чудесном исцелении одним словом святым Григорием бесноватого и скорченной девушки распространился по Риму, и к нему стали приносить множество недужных, которых он также исцелял.

Прошел год со времени прибытия Григория в Рим, и папа, наконец, вспомнил о сидящем в темнице епископе и послал за аввою Марком, о котором уже много раз говорилось выше. Когда авва Марк явился из своего монастыря, папа спросил:

— Ты не знаешь, брат, что епископ Акрагантийский Григорий привезен сюда связанным и сидит в заключении за то, что совершил грех против седьмой заповеди?

Авва Марк, со вздохом, ответил:

— О, если бы мне иметь его участь в день страшного суда!

Тогда папа изменился в лице и сказал:

— Посмотри, что́ пишет мне мой экзарх в Сицилии.

Марк прочел послание экзарха, засмеялся и затем громко сказал:

— Жив Господь, это — клевета на неповинного и чистого мужа, который, как ты и сам, владыка, знаешь, своею жизнью и чудесами подобен древним великим отцам.

— Я знаю, — возразил папа, — что благодать Божия была на нем до его падения; но, когда он согрешил, благодать эта отнялась у него.

— Бог знает Своих, — ответил Марк.

— Итак, что же делать нам с ним? — спросил папа. — Как ты посоветуешь?

Авва Марк отвечал:

— Выслушай меня, владыка, и исполни совет мой: собери собор, призови епископов — не только своих западных, но пошли извещение и на Восток. Не будем судить Григория без ведома благочестивого императора и Константинопольского патриарха, но пусть и они пришлют от себя избранных мужей. Пошли также в Сицилию и вызови сюда обвинителей и ту женщину, и тогда, что́ Бог покажет, то и сделаем.

Папа нашел, что совет Марка — хорош, и немедленно написал послания к императору Юстиниану и святейшему патриарху Константинопольскому, извещая их о всем и прося их прислать избранных мужей на собор; написал он также и своему экзарху в Сицилию, а равно властям и гражданам акрагантийским, повелевая им без замедления прислать к нему в Рим всех до одного обвинителей и женщину, которая, как говорили, впала в грех с Григорием.

Император и патриарх, получив послания папы, удивлялись клевете, взведенной на Григория, и, не дав ей никакой веры, сожалели о том, что ни в чем не повинный Григорий столько времени сидит в темнице. Поэтому они поспешили послать от себя в Рим именитых мужей: царь — одного сановника, по имени Маркиана, а патриарх — трех епископов, Анкирского, Кизического и Коринфского, и хартофилакса[1] Константина.

Все посланные, — как из Константинополя, так из Сицилии, — съехались в Рим на второй год пребывания святого Григория в темнице. Но Маркиан, не достигнув до Рима в расстоянии около восемнадцати стадий, опасно захворал, так что все отчаялись в его выздоровлении и приехавшие с ним епископы были в великом огорчении. Едва-едва доехал он до Рима. Все окружившие его ходили за ним самым тщательным образом, и ни один врач не в силах был помочь ему. — Однажды вечером мимо дома, в котором остановился Маркиан, случилось проходить той женщине, дочь которой

---

[1] *Хартофилакс* — значит хранитель бумаг. Так называлось особое должностное лицо при патриархе Константинопольском; на его обязанности лежал, между прочим, и суд по делам духовным.

была исцелена святым Григорием. Услышав плач его рабов, она спросила их, о чем они плачут.

— О том, — отвечали они, — что господин наш умирает.

— Если вы хотите, чтобы господин ваш был жив и здоров, — сказала она, — то несите его за мною, и я покажу вам врача, который исцелит его одним словом: врач этот многих исцелил в нашем городе, и не было больного, который ушел бы от него без исцеления.

Рабы поверили ей, взяли своего господина вместе с постелью и понесли его за женщиною. Маркиан при этом не сознавал, что с ним делают, так как находился в сильнейшем жару и лежал в беспамятстве. Доведя их до темницы, где был святой Григорий, она сказала:

— Здесь сидит тот врач, который исцеляет недуги одним словом.

Рабы внесли своего господина в темницу, положили его к ногам Григория и со слезами умоляли его подать исцеление больному. Святой два раза позвал Маркиана, но он ничего не мог ответить ему. Святой, прослезившись, возложил руку на больного, и он тотчас же уснул, а перед этим не спал много суток. В полночь слуги подошли к нему и, дотронувшись, не нашли в нем ни малейшего жара и благодарили Бога. Когда окончилась ночь и святой начал петь утреню, Маркиан проснулся и встал совсем здоровый и не мог понять, где он находится, но, увидев Григория, узнал его и, поняв, что, по молитвам святого он исцелился от болезни, пал к ногам его. Днем епископы — спутники Маркиана пришли навестить его и не нашли его дома. Узнав, что он был отнесен в темницу к Григорию, они пошли туда и, увидя Маркиана здоровым, сидящим и беседующим с Григорием, изумились и сказали Григорию:

— Благословен ты, отец Григорий, ибо удостоился благодати Божией и дара исцеления человеческих недугов.

Они с любовию лобызали Григория и спросили, сколько времени он сидит в темнице. Он отвечал, что — два года и четыре месяца. Епископы были очень недовольны тем, что папа столько времени держал неповинного мужа в заключении, не произведя тщательного расследования. Они хотели вывести его из темницы, но он запретил им это, говоря, что ему невозможно без суда и приказания

папского оставить места своего заключения. Тогда епископы пошли и о всем доложили папе, который был очень удивлен и смущен их словами.

После этого папа велел собраться собору в храм святого Ипполита, находившийся вблизи темницы. На собор явилось — епископов, вместе с папой, сто пятьдесят четыре и великое множество римских иноков и граждан, так что все не могли поместиться в церкви. Приведены были на собор и обвинители с Савином.

Папа начал допрашивать обвинителей:

— Какое обвинение возводите вы на вашего епископа? — спросил он их.

— Мы застали его, владыка, — без всякого стыда отвечали они, — совершающим грех с женщиною.

— Вы видели это своими глазами или вам объявила об этом сама женщина? — продолжал папа допрос.

— Мы, владыка, — отвечали они, — вошли, по обычаю, поклониться епископу, застали женщину спящей на его постели и взяли ее, а она уже в присутствии экзарха и народа призналась в том, что грех действительно был совершен.

Епископы, прибывшие с Востока, потребовали, чтобы была приведена в суд сама женщина, которая и обличила бы Григория пред всем собором. Но обвинители возразили:

— Как же она может обличить его, когда она — бесноватая? С тех пор, как она согрешила с епископом, ее мучает бес.

Однако бесноватую привели на собор. Два человека держали ее, и она, потеряв от недуга разум, не сознавала, где находилась.

— На суде, — сказал папа, обращаясь к клеветникам, — не допрашивают бесноватых и безумных, но вы, несчастные, должны сказать истину.

— Мы уже сказали ее, — отвечали они, — теперь допрашивайте самого обвиняемого, что-то он скажет о себе.

Тогда святой Григорий, вздохнув из глубины души, сказал:

— *Восстали на меня свидетели неправедные: чего я не знаю, о том допрашивают меня; воздают мне злом за добро* (Пс. 34, 11–12).

Как только он произнес эти слова псалма, женщина упала, мучимая бесом, и каталась у ног святого, испуская пену и цепения. Все присутствовавшие пришли в ужас. Но святой, помолившись, сказал:

— Во имя Господа нашего Иисуса Христа и ради святых отцов, собравшихся здесь, выйди, дух нечистый, из творения Божиего, и пусть женщина, придя в разум, скажет истину относительно меня!

Тотчас дух сотряс женщину и вышел из нее. Женщина лежала как мертвая, но святой взял ее за руку и поднял. Сначала ее спросили, как ее зовут, а затем хартофилакс обратился к ней с вопросом:

— Знаешь ли ты своего епископа?

Она отвечала:

— Знаю очень хорошо, так как много раз видела его, когда он обходил город, посещая нищих, больных и сирот и раздавая обильную милостыню. И сама я, окаянная, не раз удостаивалась получать от него милостыню.

— Сотворил ли когда-нибудь ваш епископ грех с тобой? — продолжали допрашивать ее.

Вздохнув из глубины сердца и прослезившись, она возвысила голос и воскликнула:

— Жив Господь сил, — он не знал меня никогда, и только два эти лукавые человека, стоящие пред вами, Савин и Крискент, обещанием больших денег заставили меня наклеветать на праведного мужа! Бог воздаст им и за мой грех — за то, что они ввели меня в такое злоключение. С тех пор, как эти коварные искусители обошли меня и я склонилась на их речи, я нахожусь в великой напасти: бес вошел в меня и мучает меня доныне.

Сказав это, она повергласъ к ногам святого и со слезами говорила ему:

— Помилуй меня, раб Божий, и прости меня, окаянную, тяжко согрешившую пред тобою! Клянусь Господом Богом моим, — я не встану от твоих ног, пока ты не пообещаешь мне прощение!

Он отвечал ей:

— Не наше дело — прощать грехи, а — Единого только премилосердного Бога, а нам до́лжно только умолять Его о прощении прегрешений, — и я буду молить Его, Всеблагого, простить тебе твои грехи.

Епископ поднял женщину с земли. Изумление и страх напали на всех, бывших на соборе, и все благословляли Бога, восклицая:

— Благословен Господь Бог, явивший неповинным раба Своего и обличивший ложную клевету!

Папа и все епископы были сильно раздражены на клеветников и начали укорять и поносить их, а затем приказали разделить их на две части: клириков с Савином и Крискентом и мирян (первых всего было тридцать человек, а последних — восемьдесят). Евдокию, солгавшую на невинного, суд освободил от наказания, как уже ранее наказанную Богом, так как, по попущению Его, бес мучил ее уже два с половиною года, — а виновников злодеяния осудили на изгнание: Савина — во Фракию, Крискента — в Испанию, а прочие клирики с бесчестием сосланы были в Равенну[1] и должны были жить там в заключении и нужде. Мирян — противников Григория — суд передал присланному императором сановнику Маркиану, а он посадил их всех в тюрьму, намереваясь впоследствии подвергнуть их тяжким наказаниям; но когда солдаты повлекли их в тюрьму, все они зарыдали и громко взывали к преподобному:

— Помилуй нас, раб Христов, не отдавай нас на лютые муки!

И святой Григорий, бывший воистину незлобивым, упал на колена пред папою и всем собором и со слезами умолял помиловать его врагов и не наказывать их из-за него; и до тех пор не переставал он молить и плакать, пока все, прослезившись, не сказали:

— Если ты прощаешь их и просишь за них, то мы — обезоружены.

И велели стражи оставить их в покое. Но когда все клеветники стояли пред собором, внезапно поднялась сильнейшая буря, потряслась земля, померк воздух и тьма покрыла всех. Бывшие на соборе в ужасе думали, что земля рассядется и пожрет их, и, воздев руки, взывали: «Господи, помилуй!» Буря прекратилась, сделалось светло, и тотчас на клеветниках обнаружилось наказание Божие: у всех у них лица стали черными, как бы сажа, а у Савина и Крискента, кроме того, губы оттянулись вниз так, что нельзя им было уже свести их и говорить: так постиг их гнев Божий. Весь собор, при виде такого чуда, возгласил: *Ныне познали* мы, *что Господь спасает помазанника Своего, отвечает ему со святых небес Своих могуществом спасающей десницы Своей* (Пс. 19, 7).

---

[1] *Равенна* — город с гаванью и крепостью при Адриатическом море, на северо-восточном берегу Апеннинского полуострова. Равенна существует доселе и представляет главный цветущий город Итальянской области того же имени.

После этого папа сказал клеветникам:

— Слушайте, жалкие! Вот, вы сделались подобными отцу вашему диаволу, древле омраченному, за то, что оклеветали праведного и святого мужа. Поэтому повелеваю вам: с нынешнего дня будьте рабами епископа Акрагантийского и его преемников, вы, и дети ваши, и все потомство ваше до века; да не будет никто из вашего потомства иереем и даже клириком вообще; и всякий епископ, который осмелится поставить кого-нибудь из вашего племени иереем, диаконом, вообще — клириком, зная о вашем теперешнем беззаконном поступке, — да будет под клятвою.

С этим судом папы согласился весь собор. А женщина, оклеветавшая святого, упала на землю и с плачем взывала к епископам:

— Смилуйтесь надо мною, отцы святые, — отдайте меня в женский монастырь: я уже не могу возвратиться в свой город!

Согласно ее просьбе, она была отдана в монастырь святой мученицы Кикилии и приняла ангельский образ, в котором прожила в постоянных подвигах двадцать два года и скончалась, раскаявшись во всех грехах своих.

Оправдание Григория возбудило всеобщую радость. Между тем наступил девятый час, и папа велел святому совершить Божественную литургию. Во время совершения ее многие из епископов — наиболее достойные — видели благодать Святого Духа, осеняющую Григория. По окончании литургии всем была предложена, на иждивение папы, обильная трапеза, и все ели и пили во славу Божию.

В то же время совершилось в Риме следующее чудо. Десять громадных отборных деревьев, назначенных для украшения храма святых апостолов Петра и Павла и пригнанных по Тибру[1], остановились среди реки, как бы упершись во что-нибудь, или — задержанные железными якорями, и, заняв собою поперек почти всю реку, мешали судам проходить выше. Много раз жители города пытались общими силами вытащить эти бревна и — не могли, так как им препятствовала какая-то невидимая сила. Наконец, сам папа попросил святого Григория, чтобы он своею молитвою двинул эти стволы.

[1] *Тибр* — одна из самых значительных рек Средней Италии; на ней стоит столица Италии — Рим.

Святой послушался и пошел к реке в сопровождении множества народа. По пути к реке он увидел раскаленную печь и, свернув с дороги, набрал горячих угольев в полу своей мантии и понес; когда он дошел до упомянутых стволов, бросил на уголья ладан и кадил с молитвою, как кадильницею, пылающей полою мантии, которая, подобно купине Моисея, горела и не сгорала. Затем он велел народу вытаскивать бревна на берег, причем они сделались необыкновенно легкими и как будто двигались сами собою, так что их без всякого затруднения вынули из реки. На них нашли следующую надпись: *«Пять бревен святому апостолу Петру и пять — святому апостолу Павлу».*

Потом папа опять собрал епископов, после него еретик Елевсий был осужден и сослан в Испанию, а святой Григорий с почестями отпущен в Акрагант, но сначала он направился в Константинополь, где был принят подобающим образом императором и патриархом, и тогда уже только возвратился в Сицилию. Жители Акраганта устроили ему торжественную встречу, но святой отказался войти в оскверненную еретиками церковь и в епископский дом и выстроил новый прекрасный храм во имя святых апостолов Петра и Павла, а для себя устроил новый епископский дом, в котором долго жил, искусно пася стадо Христово.

Много поучительных слов написал святой Григорий и сотворил чудес; и в глубокой старости оставил земную жизнь[1] и получил — вечную небесную вместе с Христом Господом, Которому слава вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
СИСИНИЯ

Святой мученик Сисиний происходил из города Кизика[2]. Он претерпел мучения в царствование Диоклетиана от правителя города Александра. За исповедание Христа он был привязан к ди-

[1] В конце VI или в начале VII века.

[2] *Кизик* — город на одном из полуостровов Пропонтиды, в Греции.

ким коням, был бит без милосердия, причем в ноздри ему лили крепкий уксус. Он претерпел и другие многочисленные мучения и совершил среди собрания великие чудеса. После этого ему усекли главу мечом.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ФЕОДОРА

Святой Феодор жил в городе Антиохии и занимался торговлей. По повелению императора Юлиана Отступника[1], он был заключен под стражу местным областеначальником по следующему случаю.

Во время перенесения святых мощей мученика Вавилы и других мучеников, лежащих в Дафне[2], христиане, между которыми был святой Феодор, неся святые мощи, пели стихи из псалмов Давида: *Да постыдятся все служащие истуканам, хвалящиеся идолами.* (Пс. 96, 7).

За это святой Феодор был схвачен. Его повесили на дереве, били воловьими жилами по плечам и, надев на него железные вериги, заключили в темницу. Наутро Юлиан узнал от епарха, что мучения, которые святой Феодор переносит за Христа, доставляют язычникам укоризну и поношение, а гонимым (христианам) славу и радость. Тогда богоненавистник приказал выпустить святого Феодора из темницы. Святой Феодор, когда его расспрашивали о жестоких мучениях, которые он претерпел, говорил, что он сначала ощущал небольшую боль. Потом явился ему некто и, отирая пот с его лица белым как снег благовонным полотенцем, повелевал ему мужаться, так что, когда палачи прекращали мучения, — святой не радовался, а начинал чувствовать боль и желал быть опять мучимым.

И действительно, мучители видели Ангела, подходившего к святому Феодору и укреплявшего его.

---

[1] *Юлиан Отступник* царствовал с 361 по 363 год.

[2] *Дафна* — предместье Антиохии.

Безбожный царь Юлиан за свои жестокости был наказан смертию во время войны с персами, святой же Феодор, радуясь, почил о Господе.

В тот же день **память святого благоверного князя Александра Невского**.

В тот же день **память святого Митрофана**, первого епископа Воронежского.

День двадцать четвертый

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ
СВЯТОЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ
ЕКАТЕРИНЫ

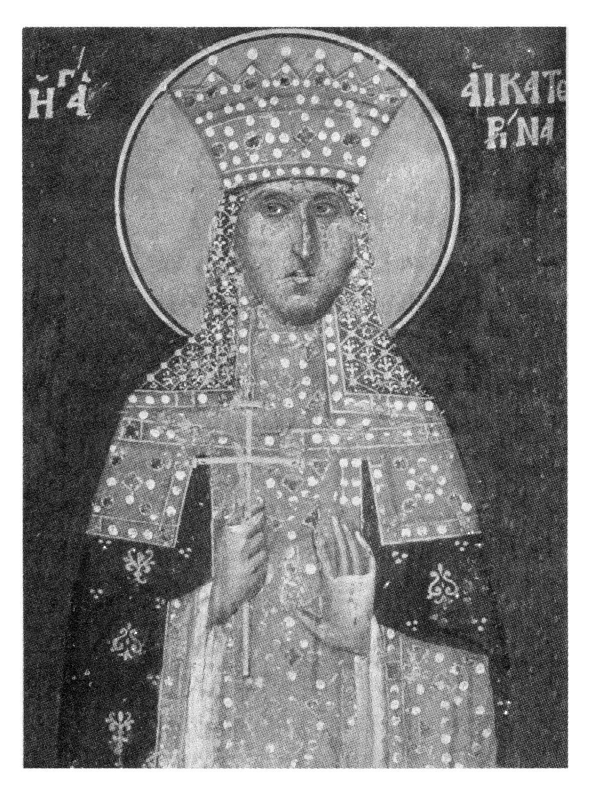
В царствование нечестивого императора Римского Максимина[1] в городе Александрия[2] жила девица, по имени Екатерина, происходившая из царского рода[3]. Она была замечательно красива и славилась своею премудростию. Будучи только восемнадцати лет от роду, Екатерина в совершенстве изучила творения всех языческих писателей и всех древних стихотворцев и философов, как, например: Гомера, Вергилия, Аристотеля, Платона и других. И не только хорошо знала Екатерина сочинения мудрецов древности, но она изучила также сочинения знаменитейших врачей, как, например: Асклипия, Гиппократа и Галина; кроме того, она научилась ораторскому и диалектическому искусству и знала также многие языки и наречия, так что все дивились ее учености и познаниям. Многие богатые и знатные люди сватались за нее и с этою целию приходили к матери ее, тайной христианке, скрывавшей свою веру по причине жестокого гонения, воздвигнутого в то время на верующих Максимином. Родственники и мать часто советовали Екатерине выйти за-

---

[1] *Максимин* царствовал с 305 по 313 год.

[2] *Александрия* — город в Египте, при западном рукаве реки Нила; основана Александром Македонским в 331 году до Рождества Христова.

[3] По своей национальности Екатерина принадлежала к александрийским грекам. Об этом можно догадываться по древнейшим спискам ее жития; да и самое имя великомученицы греческое (’Αεικαθαρίνςα — всегда чистая). *Екатерина* — уже несколько видоизмененное наименование.



муж, чтобы царское наследие отца ее не перешло в руки кому-либо чужому, через что они лишились бы окончательно этого наследия. Но Екатерина, как мудрая девица, твердо решила в своем сердце сохранить во всю жизнь чистоту девства и совсем не хотела замужества. Когда же родные ее начали усиленно уговаривать Екатерину вступить в брак, она сказала им:

— Если вы хотите, чтобы я вышла замуж, то найдите мне такого юношу, который обладал бы теми четырьмя дарованиями, которыми я, как вы знаете, превосхожу всех прочих девиц; и тогда я соглашусь избрать его в супруги; а выйти замуж за человека, который в чем-либо был бы хуже и ниже меня, я не желаю. Итак, поищите повсюду, не найдете ли такого юноши, который был бы подобен мне по знатности рода, по богатству, по красоте и по мудрости; всякий же юноша, не имеющий хотя одного из этих дарований, недостоин меня.

Домашние Екатерины, видя, что невозможно найти такого юношу, заметили ей, что царские сыновья и другие знатные искатели ее руки могут сделаться еще благороднее и богаче, если вступят с нею в брак, но по красоте и по мудрости никто с ней не может сравниться. А Екатерина говорила им на это:

— Неученого (слав. — безкнижна) жениха иметь не хочу.

Видя непреклонность своей дочери, мать решилась испытать еще средство. Она прибегла к совету своего духовного отца, мужа благочестивого и святого, который жил в сокровенном месте, за городом. Она взяла с собой Екатерину и пошла с нею к тому праведному мужу. Он же, увидев прекрасную отроковицу и услышав ее мудрые,

хотя и скромные речи, возымел намерение научить ее познанию Христа, Царя небесного.

— Знаю я, — сказал он ей, — одного чудного Юношу, Который несравненно превосходит тебя во всех твоих дарованиях. Красота Его светлее солнечного света; премудрость Его управляет всеми чувственными и духовными созданиями; богатство Его сокровищ распространено по всему миру и никогда не уменьшается, но, по мере раздаяния, все более и более увеличивается; а высота Его рода неизреченна и непостижима. Во всем мире нет подобного Ему.

Внимая этим словам старца, Екатерина подумала, что он говорит ей о каком-нибудь земном князе, — она смутилась, изменилась в лице и спросила старца, правда ли все то, что́ он ей говорит?

Он отвечал, что все это правда, и прибавил, что тот Юноша обладает еще другими большими дарованиями, которых невозможно и перечислить. Отроковица спросила его:

— Чей же сын, восхваляемый тобою Юноша?

Старец ответил ей:

— Он не имеет отца на земле, но родился неизреченно и сверхъестественно от одной честнейшей родом Пресвятой и Пречистой Девы. Она сподобилась родить такого Сына за Свою величайшую чистоту и святость; Она пребывает бессмертною душою и телом и вознесена выше небес, где Ей поклоняются все святые Ангелы, как Царице всей твари.

Екатерина спросила старца:

— Возможно ли мне видеть того Юношу, о Котором ты сообщаешь так много чудесного?

— Если ты сделаешь то, что́ я скажу тебе, — ответил ей старец, — то сподобишься узреть пресветлое Лицо Его.

Екатерина сказала ему на это:

— Вижу я, что ты человек разумный и старец почтенный, и потому верю, что ты говоришь правду. Я готова исполнить все, что ты повелишь мне, только бы увидеть мне Того, Кого ты так восхваляешь.

Тогда старец дал ей икону Пресвятой Богородицы, держащей в Своих объятиях Божественного Младенца, и сказал ей:

— Вот изображение Девы и Матери Того, о Котором я сообщил тебе так много чудесного. Возьми это изображение к себе домой и,

затворив двери комнаты твоей, с благоговением вознеси усердную молитву к Деве, имя Которой — Мария; умоли Ее, чтобы Она благоволила показать тебе Сына Своего. Я уповаю, что, если ты с верою Ей о том помолишься, Она услышит тебя и сподобит увидеть Того, к Которому стремится душа твоя.

Тогда отроковица Екатерина, взяв святую икону, возвратилась домой и ночью, уединившись в комнате своей, начала молиться так, как научил ее старец. Во время продолжительной молитвы Екатерина уснула от утомления и узрела в видении Царицу небесную в том виде, как Она изображена была на иконе вместе со святым Младенцем, окруженным лучезарным сиянием. Екатерина не могла видеть лика Его, ибо Он отвратил его от нее и обратил его к Матери Своей. Стараясь увидеть Его, Екатерина зашла с другой стороны, но Христос и оттуда отвратил от нее лицо Свое. Это повторилось три раза. После того Екатерина услышала, что Богоматерь сказала Сыну Своему:

— Воззри, Чадо Мое, на рабу Твою Екатерину, как она прекрасна и добра.

А Богомладенец ответил Ей:

— Нет, эта отроковица весьма помрачена и так безобразна, что Я не могу смотреть на нее.

Тогда Пресвятая Богородица опять сказала Господу:

— Разве эта девица не мудрее всех философов? Разве она не превосходит своим богатством и знатностию рода всех девиц?

Но Христос отвечал ей на это:

— Опять скажу Тебе, Матерь Моя, что эта девица безумна, бедна и худородна, и Я до тех пор не буду взирать на нее, пока она не оставит своего нечестия.

На это Преблагословенная Матерь Господа сказала Ему:

— Молю Тебя, сладчайшее Чадо Мое, не презри создания Твоего, но вразуми ее и научи, что ей нужно делать, чтобы насладиться славою Твоею и узреть Твое пресветлое и превожделенное Лицо, на Которое все Ангелы взирать желают.

Тогда Христос отвечал:

— Пусть идет она к тому старцу, который дал ей икону, и пусть сделает то, что повелит он ей, и тогда она узрит Меня и обретет благодать предо Мною.

Увидев и услышав все это, Екатерина пробудилась ото сна и дивилась тому видению. Когда наступило утро, она пошла с немногими рабынями своими в келию святого старца и, припав со слезами к ногам его, поведала ему о своем видении и умоляла его сказать, что ей нужно делать, чтобы узреть желаемого ей Жениха-Христа.

Преподобный старец подробно научил ее всем тайнам истинной веры христианской, начиная от сотворения мира и создания праотца Адама и до второго пришествия на землю владыки Христа, а также поведал ей о неизреченной райской славе праведников и о многоболезненных бесконечных мучениях грешников. Как девица премудрая, богопросвещенная и жаждавшая истины и спасения, Екатерина уразумела вскоре все христианское учение, уверовала от всего сердца в Иисуса Христа и приняла от того же старца святое крещение. После того старец заповедал ей снова помолиться со многим усердием к Пречистой Богородице, чтобы Она еще раз явилась ей, как в первую ночь.

Таким образом, совлекшись ветхого человека (ср.: Кол. 3, 9) и облекшись в одежду обновления духа, Екатерина возвратилась в дом свой и всю ночь провела в слезной молитве, пребывая без пищи, пока не заснула. И вот снова видит она Царицу небесную с Божественным Младенцем на руках. Младенец взирал на Екатерину с великою благостию и кротостию. Богоматерь спросила Сына Своего:

— Угодна ли Тебе, Сын Мой, эта девица?

Господь ответил Пречистой Матери Своей:

— Весьма угодна, ибо теперь она прекрасна и славна, а не безобразна и бесчестна, как прежде; ныне она богата и премудра, а не бедна, какою была сначала; ныне Я возлюбил ее, и так она угодна Мне, что Я хочу обручить ее Себе в нетленную невесту.

Тогда Екатерина пала на землю и воскликнула:

— Недостойна я, преславный Владыка, увидеть Царствие Твое, но сподоби меня быть хотя с рабами Твоими.

В это время Пресвятая Богородица взяла правую руку отроковицы и сказала Сыну Своему:

— Дай ей, Чадо Мое, перстень в знак Твоего обручения с нею, уневести ее Себе, чтобы сподобить ее Царствия Своего.

Тогда владыка Христос дал прекраснейший перстень Екатерине и сказал:

— Вот, Я ныне избираю тебя Моею невестою, нетленною и вечною. Итак, сохрани с великим тщанием этот союз ненарушимо и отнюдь не избирай себе никакого земного жениха.

После этих слов Христа Господа видение окончилось. Отроковица пробудилась и ясно увидела на правой руке своей чудный перстень. Она почувствовала в сердце своем такое веселие и такую радость, что с того часа сердце ее предалось совершенно Божественной любви. И такая произошла в ней великая перемена, что она уже не помышляла более ни о чем земном, но только непрестанно днем и ночью размышляла о своем возлюбленном Женихе, и Его одного желала, о Нем одном поучалась наяву и во сне.

Вскоре после того, как Екатерина обратилась в христианство, прибыл в Александрию нечестивый царь Максимин, имевший ревность не по разуму о своих бездушных богах, будучи сам как бы бесчувственным и бессловесным. Желая устроить в честь этих богов торжественный праздник, он разослал по окрестным странам и городам приказ собраться всем подданным для принесения жертв, чтобы почтить богов всенародно. Собралось бесчисленное множество людей, причем каждый вел, кто что мог, для жертвоприношения: кто — волов, кто — овец, а кто был не в состоянии, те принесли птиц или еще что-либо подобное. Когда наступил день мерзкого торжества, царь заклал в жертву сто тридцать тельцов, князья и вельможи — меньше, и каждый приносил в жертву, что мог. Весь город наполнился криками закалаемых животных и смрадом от приносимых жертв; повсюду была страшная теснота и смятение, и воздух был пропитан смрадным дымом. Когда это происходило, благочестивая и прекраснейшая Екатерина, при виде такого пагубного соблазна душ человеческих, жестоко уязвилась в сердце своем, скорбя об их погибели. Горя Божественною ревностию, она взяла с собою нескольких рабов и пошла в храм, где безумцы приносили жертвы. Когда она встала в дверях, то все устремили на нее свои взоры: ибо она блистала своею необычайною красотою, которая свидетельствовала о ее внутренней красоте душевной. Она велела известить царя, что имеет сказать ему весьма нужное слово. Царь велел ей подойти

к себе. Став перед царем, Екатерина сначала поклонилась ему, воздав подобающую честь, потом сказала:

— Царь, познай соблазн, в который вы вовлечены бесами. Вы почитаете богами идолов тленных и бесчувственных и служите им. Великий стыд быть настолько слепым и безумным, чтобы поклоняться таким мерзостям. Поверь хотя своему мудрецу Диодору[1], который говорит, что боги ваши были некогда людьми и скончали жизнь свою нечестиво, но ради некоторых деяний, совершенных ими при жизни, люди устроили им памятники и статуи. Последующие же поколения, не зная мысли своих праотцов, которые только ради воспоминания поставили им эти памятники, но, думая, что самая вещь благочестна и благоприлична, начали поклоняться им, как богам. И знаменитый Плутарх Херонейский[2] гнушался этими богами и презирал их. Поверь же, царь, хотя этим учителям своим, и не будь виновником погибели стольких душ, за что ты подвергнешься вечным мучениям. Познай Единого истинного Бога, присносущного, пребезначального и бессмертного, Который напоследок лет принял на Себя плоть человеческую ради нашего спасения. Им цари царствуют, страны управляются, и весь мир держится. Его единым словом все было создано и сохраняет свое бытие. Этот всесильный и преблагий Бог не требует жертв, подобных вашим, и не ублажается закаланием неповинных жертв, но только требует, чтобы мы хранили Его заповеди твердо и непоколебимо.

Слыша это, царь воспламенился сильным гневом и сначала долго хранил молчание. Потом же, будучи не в силах ответить на ее слова, сказал:

— Оставь нас в эти дни совершать жертвоприношение, а потом мы послушаем твоих речей.

Окончив свое богопротивное торжество, нечестивый царь велел привести святую Екатерину в свои царские палаты и сказал ей:

— Скажи нам, девица, кто ты, и повтори, что ты говорила нам прежде.

---

[1] *Диодор Сицилийский* — известный языческий писатель, историк и философ, отличавшийся своим беспристрастием и глубокой наблюдательностью.

[2] *Плутарх Херонейский* — знаменитый греческий историк. *Херонея* — город в Средней Греции.

— Я — царская дочь, — отвечала святая, — называюсь Екатериною. Прежде я с великою любовию занималась различными науками: изучала сочинения риторские, философские, геометрию и другие науки, но теперь все это я презираю, как занятие суетное и бесполезное, и соделалась невестою Владыки Христа, Который через Своего пророка Исаию сказал: *Мудрость мудрецов погибнет, и разума у разумных не станет* (Ис. 29, 14).

Царь дивился ее речам, ее необыкновенному уму, но еще более поразился ее замечательною красотою и подумал, что она не смертными родителями рождена, а теми богами, которых он почитает. Едва соглашаясь верить, что девица такой неописуемой красоты рождена от земнородных, он, пораженный ее красотою и смотря на нее бесстыдным взором, начал говорить соблазнительные слова. Святая же, проникая его беззаконные помыслы, сказала ему:

— Бесы, которых вы почитаете за богов, прельщают вас и увлекают в бессмысленные похоти; я же считаю себя землею и прахом; Бог создал меня по образу и по подобию Своему и наделил меня такою красотою, чтобы люди дивились премудрости Создателя, Который столь ничтожному и бренному лицу мог даровать такую мудрость и красоту.

Царь озлобился этими словами ее и сказал:

— Не говори так худо о богах, имеющих бессмертную славу.

Но святая возразила ему:

— Если ты желаешь хотя немного рассеять мглу и помрачение прелестию, то пойми все ничтожество своих богов и познай Бога истинного. Одно произнесение только имени Его или один только крест, изображенный в воздухе, прогоняет твоих богов и сокрушает их; и если ты хочешь, я докажу тебе ясно истину моих слов.

Царь, видя ее свободную речь и боясь быть побежденным и посрамленным ее словами, сказал ей:

— Неприлично царю беседовать с женщинами. Но я соберу мудрейших философов для беседы с тобою, и ты узнаешь ничтожество своих мнений и уверуешь в наши учения.

Сказав это, он приказал со всею строгостию стеречь святую девицу. Сам же тотчас послал по всем подвластным городам такое предписание:

— Я, царь Максимин, мудрейшим философам и витиям, в моих областях находящимся, желаю радоваться. Все, кто только служит мудрейшему богу Гермесу[1] и кто призывает наставниц разуму — муз[2], соберитесь ко мне, чтобы заградить уста одной премудрой девицы, которая появилась в эти дни и насмехается над великими богами, называя все деяния их баснями и пустословием. Итак, приходите, чтобы показать всю вашу мудрость, за что вас прославят люди, от меня же вы получите награду за свой труд.

И вот собрались, в количестве пятидесяти человек, избранные и мудрейшие витии, отличавшиеся большою остротою ума и великою силою в слове. Царь обратился к ним с такими словами:

— Приготовьтесь со всею тщательностью и внимательностью к доблестному состязанию с одной девицею так, чтобы вы могли преодолеть ее своими доказательствами в споре о богах; не пренебрегайте тем, что будете вести беседу с юною девою, но приложите все ваше старание и покажите вашу мудрость так, как бы пришлось вам противостоять мужественному противнику и мудрейшему оратору; потому что она, как я тщательно разузнал, превосходит мудростию самого великого Платона[3]. Поэтому умоляю вас, покажите в споре с ней такое же старание, какое бы вы имели, состязуясь с самим этим мудрецом. Если вы победите, то я вознагражу вас великими дарами; если же вы будете побеждены, то вам будет великий стыд, и вместо даров вы примете мучительную смерть.

На эти слова царя один, самый славнейший и мудрейший, вития ответил:

— Не опасайся, царь: быть может, противница наша и необыкновенно умна, но как женщина, она не может обладать мудростию в

---

[1] *Гермес* (Эрмий), или *Меркурий*, — считался вестником богов, покровителем торговли и ораторов и был одним из популярнейших языческих богов. Так, невежественное народонаселение городов Листры и Ликаонии было настолько поражено чудесами апостолов Павла и Варнавы, что назвало Варнаву Зевсом, а Павла — Эрмием, потому что он начальствовал в слове (см.: Деян. 14, 12).

[2] Богини, считавшиеся покровительницами наук и искусств.

[3] *Платон* — известный греческий философ IV века до Рождества Христова, современник и учитель известного греческого философа — Аристотеля. Платон — ученик знаменитого и славного философа Сократа. Замечательно то, что в своих философских воззрениях Платон, особенно в учении о Боге, творении мира и загробной жизни, близко подходит к христианскому учению.

полном совершенстве и быть вполне искусною в красноречии; повели ей только явиться к нам, и ты увидишь, что она, как только увидит такое множество философов и ораторов, так тотчас устыдится.

Услышав эту хвастливую речь философа, царь успокоился и возвеселился, надеясь, что дерзостный и скверный язык победит исполненную кротости и Божественной премудрости девицу. Он тотчас повелел привести ее к себе. Собралось также множество народа слушать спор христианской девицы с языческими мудрецами. Но прежде, чем посланные успели прийти к Екатерине, явился ей с небес Архангел Михаил и сказал:

— Не бойся, дева Господня! Господь твой к премудрости твоей придаст еще премудрость, и ты победишь в прении тех пятьдесят витий. И не только они, но и многие другие уверуют через тебя и примут мученический венец.

Сказав это, Ангел отошел.

Между тем к Екатерине пришли посланные царем и, взяв ее, привели к царю и философам на зрелище всем. И тотчас тот самонадеянный философ, который прежде так похвалялся, с гордостию обратился к святой Екатерине:

— Это ты с такою дерзостию и безумием порицаешь богов наших?

— Я, — кротко отвечала ему святая, — но не с дерзостью и не с безумием, как ты сказал, а с кротостью и по любви к истине говорю, что ваши боги — ничто.

Тогда философ сказал ей:

— Великие стихотворцы[1] называют их высшими богами, как же ты с такою дерзостию произносишь хулу на тех, от которых сама приняла премудрость и сладости даров которых ты вкусила?

— Я не от ваших богов, — отвечала Екатерина, — но от моего Единого истинного Бога получила премудрость. Он и Сам есть премудрость и жизнь, и если кто боится, и хранит Его Божественные повеления, тот есть истинный философ. Дела же ваших богов и сказания о них достойны смеха и порицания и преисполнены соблазна. Да и кто из твоих великих стихотворцев, скажи мне, и в каких выражениях называет их богами?

---

[1] Здесь разумеются Гомер, Вергилий и другие поэты. Вообще, сказания о своих богах язычники главным образом почерпали из поэтических произведений.

— Мудрейший Гомер[1], — отвечал мудрец, — обращаясь с молитвою к Зевсу[2], первый говорит так: «Славнейший Зевс, превеликий бог, и вы прочие бессмертные боги». А Орфей[3] преславный, обращаясь с благодарностию к Аполлону[4], говорит так: «О сын Латонов, стреляющий издалека! Сильный Феб, на все смотрящий и царствующий над смертными и бессмертными, солнце на златых крыльях парящее». Вот как, — сказал языческий мудрец, кончая свою речь, — самые первые и славнейшие стихотворцы почитали богов и ясно называли их бессмертными; поэтому не должна заблуждаться и ты и поклоняться Распятому, как Богу[5]; никто из древних мудрецов не только не называл и не признавал Его Богом, но даже и не знал о Нем.

Святая Екатерина отвечала:

— Но ведь тот же Гомер ваш в другом месте о великом твоем боге Зевсе говорит, что он был лукавый и лживый обманщик и что другие боги — Гера, Посейдон и Афина[6] хотели связать его, но он успел скрыться от них бегством. Подобных этому деяний, внушающих презрение к вашим богам, много описано в ваших книгах. Но по-

---

[1] *Гомер* — один из ученейших и славнейших поэтов греческих, живший задолго до Рождества Христова. Написал знаменитые поэмы: «Илиаду» и «Одиссею».

[2] *Зевс* (или Юпитер) — греко-римский бог, почитавшийся язычниками властителем неба и земли, отцом всех богов и людей.

[3] *Орфей* — легендарная личность, которая пользовалась особым уважением у язычников.

[4] *Аполлон*, или *Феб*, — сын Зевса и Латоны, один из наиболее почитаемых греко-римских языческих богов. Почитался богом солнца и умственного просвещения, а также благополучия общественного и порядка, охранителем закона, Божеством предсказания будущего.

[5] Особенно дико казалось язычникам, что христиане поклонялись Распятому, так как казнь на кресте считалась позорною. Поэтому-то и апостол Павел говорит, что проповедь о распятом Христе есть для эллинов (то есть язычников) безумие (см.: 1 Кор. 1, 23).

[6] *Гера* (Юнона) почиталась древними греками и римлянами сестрой и женой главного их бога Зевса, наиболее почитаемой между богинями; считалась богиней земли и плодородия и покровительницей супружеств. *Посейдон* считался богом морей. — *Афина* считалась богиней мудрости, преимущественно военной. Вышеприведенное место заимствовано из «Метаморфоз» римского поэта Овидия. Вообще, боги римлян и греков, по их верованию, отличались теми же страстями и преступными наклонностями, как и люди.

елику ты сказал, что ни один из древних учителей не признавал Распятого Богом, то хотя и не следовало бы много исследовать о Нем в доказательство того, что Он есть истинный Бог и непостижимый, недоступный для исследования и неизреченный Создатель неба и земли, моря, солнца, луны и всего человеческого рода, однако для большего уверения в этой истине я приведу свидетельства из ваших же книг. Послушай, что говорит о Нем мудрейшая Сивилла[1] ваша, свидетельствуя о Его Божественном воплощении и спасительном распятии: «В позднейшие времена придет Некий на эту землю, примет на себя плоть кроме греха. Беспредельным всемогуществом Божества Он разрушит тление неисцельных страстей, и Ему позавидуют неверующие люди, и Он будет повешен на высоком месте, как бы достойный смерти». Вспомни, что и ваш мудрец Аполлоний[2], не своею волею, исповедует Христа Богом, принужденный к тому Его Божественной силой. «Один, — говорит он, — побуждает меня небесный исповедать Его. Он есть свет трисветлый, пострадавший же Бог есть, но не Само Божество страдало: ибо в Нем и то и другое: и смертен по плоти, и вместе чужд тления. И Сей Муж, все терпящий от смертных: крест, уничижение, погребение — есть Бог». Это сказал Аполлоний об истинном Боге, Который собезначален и соприсносущен Родившему Его. Он есть начало, и основание, и источник всех созданных благ; Он создал мир из небытия для бытия и управляет им. Будучи единосущен Отцу, Он был человеком ради нас, жил на земле, наставляя, уча и благодетельствуя людям; потом принял смерть за нас неблагодарных, чтобы освободить нас от древнего осуждения и даровать нам прежнее блаженство и наслаждение. Таким образом, Он отверз нам снова врата райские, которые мы заключили грехопадением. Через три дня Он воскрес, восшел на не-

---

[1] *Сивиллами* назывались у римлян в древности прорицательницы. Их предсказания были соединены в три книги, которые хранились в храме Зевса (Юпитера) Капитолийского, а потом в храме Аполлона на Палатинском холме. Эти «Сивиллины книги» пользовались глубоким уважением в языческом мире. На их предсказания обращали внимание и христианские писатели, находя в них некоторые намеки на наступление Царства Христова.

[2] *Аполлоний Тианский* — языческий мудрец, творивший ложные чудеса и привлекший много последователей (III в.). Его изречения, записанные в особую книгу, особенно пользовались глубоким уважением в Александрии, где такая книга хранилась в самом потаенном, священном месте одного языческого храма.

беса, откуда и нисшел, и послал Духа Святого ученикам Своим; они же разошлись по всему миру и проповедали Его Божество, в Которое следует веровать и тебе, философ, чтобы ты познал истинного Бога, и соделался рабом Того, Который милостив и благоутробен и призывает всех согрешивших, говоря: *Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас* (Мф. 11, 28). Итак, поверь хотя своим учителям и богам — Платону, Орфею и Аполлонию, которые вполне явно и ясно, хотя и вопреки своей воле, признали Христа Богом.

Это и многое другое говорила премудрая Екатерина и привела в удивление философа, так что он оставался безгласным, не имея сил что-либо сказать ей в ответ. Царь, видя его побежденным и изумленным, велел остальным начать беседу со святою девицею. Но они отказывались, говоря:

— Мы не можем противостоять истине, ибо, если самый ученый из нас молчит, побежденный, то что скажем мы?

Тогда разгневанный царь приказал развести сильнейший огонь среди города и сжечь всех философов и витий. Те, услышав такой суд и приказание царя, припали к ногам Екатерины, прося ее, помолиться о них Единому истинному Богу, чтобы Он простил им все совершенное ими в неведении и сподобил их святого крещения и даров Пресвятого Духа.

Святая же, исполнившись услаждения и радости, сказала им:

— Истинно блаженны и счастливы вы, ибо, оставив тьму, познали свет истинный, и, презрев смертного земного царя, приступили к Бессмертному небесному; твердо надейтесь на Его милость и веруйте, что огонь, которым вас устрашают нечестивцы, послужит вам крещением, и лествицею, возводящею к небу. В этом огне вы очиститесь от всякой скверны плоти и духа, и пред Царем славы предстанете светлыми и чистыми как звезды, и соделаетесь возлюбленными друзьями Его.

Сказав это, святая Екатерина осенила каждого из них крестным знамением, и они с радостию пошли на мучение. Воины ввергли их в огонь, и таким образом они приняли мученическую кончину[1]. Вечером пришли некоторые благочестивые и христолюбивые люди, чтобы похоронить останки святых мучеников, но нашли тела их совершенно целыми, так что огонь не коснулся даже волос их. Через

[1] Это было 17 ноября 307 года.

это чудо многие из язычников обратились к познанию истины, а мощи святых мучеников были с должною честию погребены.

Между тем Максимин решился употребить все старание, чтобы совратить святую Екатерину к своему нечестию. Не достигнув успеха через философские споры, он начал ласкательством и лукавством соблазнять ее. Призвав ее, он сказал:

— Послушай меня, добрая дочь; я, как чадолюбивый отец, советую тебе поклониться великим богам, в особенности же Гермесу, покровителю наук, который украсил тебя такими философскими дарованиями. Я же, если ты исполнишь мое предложение, разделю с тобою царство мое и власть мою — боги мне в том свидетели, — и ты будешь жить со мною в непрестанном веселии.

Но премудрая Екатерина, проникая в его намерение и видя его лукавство и лесть, сказала ему:

— Оставь, царь, свою хитрость и не уподобляйся лисице. Я решительно, раз навсегда, сказала тебе, что я христианка и уневестилась Христу. Его Одного имею я Женихом и Наставником и украшением моего девства; не прельщай меня царскою багряницею[1], — я предпочитаю ей одежды мученические.

Тогда царь сказал ей опять:

— Ты принуждаешь меня, хотя и против моей воли, к тому, чтобы я обесчестил твое достоинство и покрыл прекрасное твое тело множеством ран.

— Делай что хочешь, — отвечала святая, — через временное бесчестие ты приобретешь мне вечную славу и великое множество людей (как я надеюсь) уверуют через меня во Христа моего; и из твоих палат многие пойдут вместе со мною в священные небесные чертоги.

Так прорекала святая; Бог же, с высоты призирая на нее, приводил в исполнение ее пророчение.

Тогда сильно разгневанный царь велел снять с Екатерины порфиру и обнаженную бить немилосердно воловьими жилами. Слуги били мученицу жестоко, в течение двух часов, по плечам и чреву, так что все тело ее покрылось ранами и обезобразилось; кровь

---

[1] *Багряница* — длинная, окрашенная в пурпуровый, кровянистый цвет одежда, очень дорого ценившаяся в древности и считавшаяся принадлежностью царского сана.

текла ручьями и обагряла землю. Но все эти мучения святая переносила с таким мужеством и доблестию, что смотревшие на нее были поражены великим изумлением. После этого жестокий царь приказал заключить Екатерину в темницу и не давать ей ни пищи, ни питья до тех пор, пока он не измыслит новых мук, чтобы погубить ее.

Между тем Августа, супруга царя, сильно желала увидеть в лицо святую Екатерину. Слыша о ее добродетелях, мудрости и мужестве, она заочно сильно полюбила ее. После же одного видения во сне сердце Августы пылало такою любовью к Екатерине, что она не могла даже уснуть. Когда царь по какому-то делу выехал из города и несколько дней медлил возвращением, царица нашла удобное время для исполнения своего желания. Был тогда при дворе один вельможа, верный друг царя, по сану военачальник, именем Порфирий, — человек, отличавшийся благоразумием. Этому Порфирию царица поведала свое тайное желание.

— В одну из прошедших ночей, — сказала она ему, — я видела во сне Екатерину, которая восседала посреди множества прекрасных юношей и дев, одетых в белые одежды. От лица ее исходило такое сияние, что я не могла смотреть на нее. Посадив меня рядом с собой, она возложила на мою голову золотой венец и сказала: «Владыка Христос посылает тебе этот венец». С того времени я имею такое сильное желание видеть ее, что не нахожу покоя для сердца своего; прошу тебя, Порфирий, устрой каким-либо образом, чтобы я тайно могла видеть ее.

— Я исполню, царица, желание твое, — отвечал Порфирий.

Когда наступила ночь, Порфирий взял двести воинов и пошел вместе с царицею в темницу; дав деньги стражам, они вошли к святой мученице. Когда царица увидела святую, то была поражена сиянием от лица ее, которое сияло Божественною благодатию. Быстро упав к ногам Екатерины, царица со слезами воскликнула:

— Теперь я считаю себя счастливой и блаженной, ибо сподобилась видеть тебя. Подобно оленю, ищущему утолить жажду свою (ср.: Пс. 41, 2), я безмерно желала видеть тебя и жаждала слышать сладостные твои речи. Теперь, когда сподобилась получить желаемое, я уже не скорблю, хотя бы пришлось мне лишиться жизни и царства: как я счастлива, что увидела тебя! Блаженна ты и достойна

похвалы, что предалась всемогущему Владыке, Который излил на тебя столь великие дарования.

Святая сказала ей в ответ:

— Блаженна и ты, царица, ибо я вижу венец над твоею главою, держимый в высоте руками Ангелов; через три дня ты получишь его за те немногие мучения, которые претерпишь ради Христа, чтобы через них отойти к истинному Царю для вечного царствования.

Царица же отвечала Екатерине:

— Боюсь мучений, которые ты предрекаешь мне, а еще больше супруга моего, который весьма жесток и бесчеловечен.

— Не страшись, — сказала ей святая, — Сам Христос будет тебе помощником; Он укрепит сердце твое, и никакое мучение не коснется души твоей; только тело твое пострадает здесь немного и привременно, а потом и оно получит вечный покой.

Когда святая изрекла это, Порфирий спросил ее:

— Что́ дарует Христос тем, которые веруют в Него? Ибо и я желаю веровать в Него и быть воином Его.

Мученица отвечала ему:

— Разве ты не читал или не слышал ничего из Писания христианского?

— С юных лет, — отвечал Порфирий, — я упражнялся в воинских занятиях и ни о чем другом не имел попечения.

Святая сказала ему:

— Нельзя языком человеческим выразить тех благ, какие преблагой и человеколюбивый Бог уготовал любящим Его и хранящим Его повеления.

Тогда Порфирий, исполнившись безмерной радости, уверовал во Христа и с ним двести воинов и царица, — и все, благоговейно простившись с мученицею, ушли.

Милостивый же и человеколюбивый Христос не оставил святую Свою невесту без попечения, но, как чадолюбивый отец, промышлял о ней. Каждый день к ней влетала в окно голубица и приносила пищу. Наконец, и Сам благий Подвигоположник Господь наш Иисус Христос посетил ее, окруженный великою славою и всеми небесными чинами, и еще более укрепил ее в мужестве, и исполнил духом смелости.

— Не бойся, возлюбленная Моя невеста, — сказал Он ей. — Я всегда с тобою, и никакое мучение не коснется тебя; терпением своим ты многих обратишь ко Мне и в награду за то сподобишься многих нетленных венцов.

Утешив ее такими словами, Господь стал невидим.

Наутро царь, воссев в судилище, приказал привести Екатерину. Она вошла к царю, сияя духовною благодатию и какой-то сладкой светлостью, так что близстоящие были озарены сиянием от ее красоты. Царь был весьма удивлен и думал, что кто-либо подавал ей пищу в темнице и потому она не ослабела телом и не изменилась в красоте лица своего, поэтому хотел предать казни ее стражей. Но святая Екатерина, не желая, чтобы другие были мучимы безвинно, поведала ему всю истину, сказав:

— Знай, царь, что никакая рука человеческая не подавала мне пищу, но Владыка мой Христос, Который невидимо печется о рабах Своих, питал меня.

Царь, дивясь необычайной красоте святой Екатерины, хотел опять ласкательством и лестию повлиять на нее и сказал ей:

— Ты, солнечнозрачная девица, красотою своею превосходишь самую Артемиду[1]; ты рождена владычествовать, дочь моя. Итак, приди, поклонись и принеси жертву богам нашим, тогда будешь царствовать с нами и проведешь в радости жизнь свою; прошу тебя: не губи такую свою светлую красоту через мучения.

— Я — земля и прах, — отвечала святая. — Вся же красота, как цвет, увядает и, как сон, исчезает от самой небольшой болезни или от старости, а по смерти предается совершенному тлению; итак, не заботься, царь, о моей красоте.

Во время этой беседы святой Екатерины один вельможа, по имени Хурсаден — жестокий и немилосердный мучитель христиан, — желая показать любовь и расположение к царю, сказал ему:

— Я, царь, изобрел такое мучение, посредством которого ты победишь эту девицу. Прикажи устроить на одной оси четыре деревянные колеса, а по ним вокруг наколотить разные железные острия:

---

[1] *Артемида*, иначе *Диана*, — известная языческая богиня у греков и римлян, пользовавшаяся особым поклонением у них (она считалась богиней луны и изображалась прекрасной, светлой девой-охотницей).

два колеса пусть обращаются в правую, а два — в левую сторону; по средине же их пусть будет привязана девица, и вращающиеся колеса раздробят ее тело. Но прежде пусть только покажут эти колеса Екатерине, чтобы она, видя их, убоялась жестокого мучения и подчинилась бы твоей воле; если же и после этого она останется в прежнем упорстве, — то пусть примет мучительную смерть.

Царю понравился этот совет, и он велел устроить такие колеса, о которых говорил Хурсаден. Когда колеса были готовы, то привели святую на место мучения и сначала с большою силою вращали колеса пред ее глазами, чтобы устрашить ее, а затем мучитель сказал ей:

— Видишь, какие мучения приготовлены для тебя! И ты примешь в них ужаснейшую смерть, если не поклонишься богам.

Но на это Екатерина отвечала:

— Много раз уже я высказывала свое решение остаться христианкой; поэтому, царь, не теряй напрасно времени, а делай, что хочешь.

Мучитель, видя, что не может устрашить Екатерину и отвратить ее от Христа, велел привязать ее к колесам и с силою вращать их, чтобы она была растерзана на части и таким образом умерла бы ужаснейшею смертию. Но лишь только приступили к этому мучению, как внезапно сошел с неба Ангел, освободил от уз святую, а колеса сокрушил на части; причем колеса, с силою разбиваемые, летели в сторону и поражали многих неверующих насмерть. Видя такое преславное чудо, весь народ воскликнул:

— Велик Бог христианский!

А царь от ярости был мрачен и неистовствовал, измышляя новые пытки для мученицы.

Царица Августа, услышав об этом чуде, вышла из своих палат и стала обличать царя.

— Поистине, — говорила она, — ты дерзок и безумен, ибо осмеливаешься бороться с Живым Богом и несправедливо мучить Его рабу.

Неожиданно услышав эти слова, царь рассвирепел от неистовства и сделался лютее всякого зверя. Оставив святую Екатерину, он обратил всю ярость на свою супругу. Забыв даже естественную к ней любовь, он велел принести большой ящик и наполнить его оловом, чтобы он был неподвижен, набить гвоздей в крышку ящика, и заще-

мив сосцы своей жены между ящиком и крышкою, сдавливать их. И мучители, причиняя святой невыразимые страдания, сдавливали ее сосцы, пока они не оторвались с ужасною болию. Блаженная же Августа, терпя эту ужасную боль, радовалась, что страждет за истинного Бога, и молилась Ему, да ниспошлет Он ей благодатную Свою помощь. Когда сосцы оторвались, кровь текла рекою, и все окружающие исполнились жалости и выражали соболезнование к ней, переносящей такое ужасное и нестерпимое мучение. Но немилосердный мучитель не помиловал своей супруги и повелел отсечь ей голову мечом. Она же, выслушав этот приговор с радостию, сказала святой Екатерине:

— Раба истинного Бога, помолись о мне!

— Иди с миром, — отвечала ей святая дева, — чтобы царствовать со Христом вечно.

И блаженная царица была усечена за городом 23 ноября[1]. Воевода же Порфирий, взяв ночью ее тело, с честию предал его погребению. Наутро же сам Порфирий, с уверовавшими во Христа воинами, предстал пред царем и сказал:

— И мы — христиане, воины великого Бога.

Не имея сил слышать этого, царь вздохнул из глубины сердца и воскликнул:

— Увы, погиб я, ибо лишился дивного Порфирия!

Потом, обратившись к прочим воинам, сказал:

— И вы, воины мои достолюбезные, соблазнились и от богов, в которых веровали отцы ваши, отреклись; чтó сделали вам боги, за что оставили их вы?

Они же не отвечали ему ни одного слова. Только Порфирий сказал ему:

— Почему ты оставляешь без внимания главу и вопрошаешь ноги? Со мною беседуй.

— Ты — злая глава, виновник их погибели, — воскликнул Максимин.

И не имея сил от ярости продолжать речь, приказал усечь им всем головы. Так окончили они жизнь свою. Таким образом испол-

[1] Память святой царицы *Августы* (или *Василиссы*) совершается Церковью 24 ноября; тогда же воспоминаются Церковью Порфирий и двести воинов, усеченные за исповедание Христа.

нилось пророчение святой Екатерины, которая предсказала царю, что многие из его собственных палат уверуют через нее во Христа Бога.

На другой день мучитель, приведя Екатерину в судилище, сказал ей:

— Великую скорбь и большое огорчение ты причинила мне. Ты прельстила мою жену и погубила мужественного моего военачальника, который был всею силою моего войска; много и других зол причинено мне через тебя, так что нужно было бы умертвить тебя без милосердия; но я прощаю тебя, потому что не желаю погубить тебя, девицу столь прекрасную и премудрую. Исполни же, наконец, мою волю, моя возлюбленная, принеси жертву богам, — и я сделаю тебя своею царицею, и никогда не оскорблю тебя, и без твоего совета не исполню никакого дела, — и ты будешь жить со мною в таком веселии и блаженстве, какими ни одна царица не наслаждалась.

Это и многое другое говорил льстивый, соблазняя избранную невесту Христову, но не мог льстивыми своими словами разлучить ее со Христом, с Которым она была связана крепким союзом истинной любви. Видя, что ни ласкательством, ни обещаниями, ни угрозами, ни муками он не может склонить к своей воле твердую, как адамант[1], святую деву, он, наконец, постановил решение — усечь главу ее мечом вне города. Воины, взяв Екатерину, повели ее на место усечения. Много людей — мужчин и женщин — сопровождали Екатерину; все плакали и сожалели о том, что погибает столь прекрасная и премудрая девица. Многие из следовавших за нею знатных и благороднейших женщин говорили ей со слезами:

— Прекраснейшая и пресветлая девица! Почему ты так жестокосерда к себе, что предпочитаешь смерть сладостной жизни? Зачем ты губишь безвременно и бесплодно цвет юности своей? Не лучше ли тебе послушать царя и наслаждаться благами в этой жизни, чем умереть такою позорною смертию?

— Оставьте ваш бесполезный плач, — отвечала святая, — но лучше радуйтесь о том, что я ныне вижу возлюбленного Жениха,

---

[1] *Адамант* (алмаз) — камень, имеющий такую крепость, что чертит и режет прочие камни, не получая от того вреда. Это название в церковной литературе придается многим святым (особенно отцам и учителям Церкви), прославившимся твердостью своей веры и характера.

Иисуса Христа, — Творца и Спасителя моего, Который есть красота, венец и слава мучеников. Он призывает меня к неизреченному блаженству райскому. С Ним я буду царствовать и наслаждаться в бесконечные веки. Итак, не обо мне, — а о себе плачьте, потому что за свое неверие вы пойдете в огонь вечный на бесконечные мучения.

Когда же святую привели на место усечения, она произнесла следующую молитву:

— Господи Иисусе Христе, Боже мой! Благодарю Тебя за то, что Ты поставил на камне терпения ноги мои и направил стопы мои. Простри ныне пречистые длани Твои, некогда уязвленные на кресте, и приими душу мою, приносимую Тебе в жертву ради любви к Тебе. Вспомни, Господи, что я — плоть и кровь, и не попусти, чтобы лютые истязатели на страшном суде соделали явными согрешения мои, в неведении соделанные; но омой их кровию, которую я изливаю за Тебя, и соделай, чтобы тело это, израненное в муках ради Тебя и усекаемое мечом, было бы невидимо для врагов и гонителей моих. Призри с высоты Твоей, Господи, и на предстоящих людей этих и наставь их светом Твоего познания; и прошения тех, которые призовут через меня имя Твое святое, исполни на пользу, чтобы всеми воспевалось величие Твое вовеки.

Окончив молитву, святая сказала исполнителю казни:

— Оканчивай приказанное.

Тогда воин поднял меч и отсек честную главу Екатерины[1], и из раны вместо крови истекло молоко. Честные ее мощи, как то видели удостоившиеся того верующие, тотчас же были взяты святыми Ангелами и перенесены на гору Синайскую[2], во славу Христа Бога,

---

[1] И доселе в Александрии показывают благочестивым путешественникам место убиения великомученицы Екатерины, которое всегда пользовалось особым благоговейным почитанием со стороны местных христиан. Некоторые из граждан Александрии, озаренные верой в распятого Господа, сохранили даже до настоящего времени небольшую мраморную колонну, на которой, по преданию, усечена честная глава святой великомученицы. Колонна эта и теперь с благоговением хранится в Александрийской православной обители святого Саввы и стоит в левом приделе храма, посвященного имени этого святого.

[2] Долгое время святые мощи Екатерины пребывали в неизвестности в земле и были открыты лишь спустя двести слишком лет. Это случилось следующим образом. Однажды, приблизительно в 30–40 годах VI столетия по Рождестве Христовом, братия Синайской обители, основанной Византийским императором

Который со Отцом и Святым Духом во Едином Божестве царствует вовеки. Аминь[1].

Юстинианом, за восемьсот верст от Александрии, чудесно были извещены свыше, что мощи святой великомученицы Екатерины почивают нетленно недалеко от них, и при этом получили повеление перенести их в новосозданный храм Синайского монастыря. Благочестивые старцы с радостью поспешили к горе, указанной им недалеко от обители. Эта возвышенность достигала до тысяча двести сажен; но отшельники, движимые религиозным одушевлением и вспомоществуемые благодатией Божией, победили все трудности пути и скоро достигли ее вершины, где и обрели святые мощи великомученицы Екатерины нетленными и благоухающими. Их положить сюда только и могли Ангелы. — Мощи святой Екатерины были обретены не полностью, а только *глава* ее и *левая рука*. Эти части нетленного тела достохвальной мученицы Христовой, тогда же торжественно перенесенные в Синайскую обитель, и доселе почивают в этом, замечательном по своей древности, монастыре. В 1689 году Русский император Петр Великий пожертвовал в Синайскую обитель для мощей святой Екатерины среброкованую раку. Но этот дар хранится в ризнице. «Страх от жадности мусульман, от огласки путешественников, — замечает известный епископ Порфирий, бывший на Синае, — приучил синаитов таить эту драгоценность». В настоящее время святые мощи великомученицы Екатерины сохраняются в небольшой мраморной раке в алтаре великого храма Синайской обители в честь Преображения Господня, на правой стороне престола. Святую главу невесты Христовой покрывает ныне золотой венец, а на одном пальце надето драгоценное кольцо, в память таинственного обручения святой Екатерины с небесным Женихом — Христом. В раке святые части мощей покоятся на серебряном подносе, под которым лежит толстый пласт ваты, проникнутый благоуханием святыни. Когда же части мощей выносятся для поклонения братии, то они поставляются среди храма, вместе со многими другими останками святыни, на столе, нарочито для этого приготовленном. Мощи святой Екатерины для дальнего поклонника открываются во всякое время, но для братии и ближних пришельцев — только по окончании утрени в Господские праздники.

[1] Память святой Екатерины чествуется во всем православном мире с особым благоговением и торжественностью. В честь ее созидаются церкви, многие монастыри называются ее именем; весьма многие из православных и инославных христианок носят ее имя. Слава этой мученицы была велика и в древности. Павла, знаменитая римлянка, основавшая монастырь в Вифлееме в 386 году, посвятила в нем храм мученице Екатерине, о которой святой Епифаний говорил Павле, что Екатерина родилась на острове Кипре, в городе Саламине, в его епископии, оттуда перешла в Александрию, была в святых местах в Иерусалиме, пред яслями в Вифлееме дала обет девства и получила от Христа перстень. На Западе она считается покровительницей учащегося юношества, особенно философии. — Святую великомученицу почитают даже некоторые из язычников, например: монголобуряты забайкальские.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО ВЕЛИКОМУЧЕНИКА **МЕРКУРИЯ**

Нечестивые цари Римские, Декий и Валериан[1], созвав своих князей и вельмож, имели совещание с ними о распространении чествования своих лживых богов и истреблении и уничтожении святой христианской веры. И единодушно, с общего согласия, они издали в Капитолии[2] следующий указ:

— Римские цари — непобедимые победители, присночестные, великие, верные, Декий и Валериан — с вельможами: так как мы испытали благодеяния и дары наших богов и, вместе с тем, насладились победами, которые они подают нам на врагов, так как, к тому же, мы изобильно получаем от них всякого рода плоды, через благорастворение воздухов, и считаем их своими благодетелями и устроителями общего благополучия; то поэтому, по совещании с вельможами, единодушно повелеваем, чтобы люди всякого звания, свободные и рабы, военные и не военные, — приносили жертвы богам, припадая и усердно молясь им. Если же кто осмелится нарушить наше царское повеление, изданное нами на общем совещании, того мы повелеваем, связав, бросить в темницу, потом предать различным мучениям. Если, раскаявшись, он подчинится повелению, то будет удостоен нами не меньшей почести; если же будет противиться, то, после многих мучений, пусть будет казнен через усечение мечом, или пусть будет брошен в море, или отдан на съедение птицам и псам. В особенности же так должны быть казнены христиане, если найдется кто-либо из их веры; повинующиеся же нашему повелению получат великие почести и подарки. Желаем благополучно здравствовать.

Когда был издан такой царский указ, то весь Рим пришел в смятение, ибо это безбожное повеление было объявлено по всему го-

[1] *Декий* царствовал с 249 по 251 год. *Валериан* единолично царствовал несколько позднее — с 253 по 260 год. Настоящее житие представляет его принимавшим участие в управлении империей еще при Декии.

[2] *Капитолий* — храм верховного бога Юпитера и богинь Юноны и Минервы, на одном из холмов, на которых был раскинут древний Рим, столица Римской империи. Холм этот, вместе с храмом, был главным святилищем и назывался Капитолийским.

роду и послано в окрестные города и страны. В то время на Римское государство восстали варвары[1]; цари приготовляли своих воинов и приказали воинским полкам из всех городов сходиться в Рим. Тогда пришел и тот полк, в котором Меркурий был воином; этот полк назывался Мартенсес, из первой Армении[2], под начальством трибуна[3] Сатурнина. По отбытии царя Декия на войну Валериан остался в Риме.

Когда, во время войны римлян с варварами, между ними произошла продолжительная битва, Меркурию явился Ангел Господень в образе высокого человека. Одетый в белые одежды и держа в своей руке меч, он сказал ему:

— Не бойся, Меркурий, и не страшись, ибо я послан на помощь тебе, чтобы сделать тебя победителем. Приими этот меч и устремись на варваров; и когда победишь их, не забудь Господа Бога твоего.

Находясь как бы в вне себя, он принял явившегося ему за одного из Римских князей; взяв подаваемый ему меч, он устремился с великим мужеством на врагов и посекал их как стебли растения. Пройдя сквозь варварские полки, он достиг до самого варварского царя, убил его мечом и поразил вместе с ним великое множество храбрых воинов, так что меч прилип от крови к руке его; так варвары были побеждены и обращены в бегство римлянами.

Тогда Декий, узнав о великой храбрости Меркурия, призвал его к себе и, почтив великими дарами, поставил его начальником над всем войском. Декий, думая, что враги были побеждены с помощью богов, был весьма рад и, раздав воинам много золота, отпустил каждого к себе домой; сам же, идя с Меркурием к Риму, устраивал по

---

[1] *Варварами* греки и римляне называли иноплеменников. Самое название указывает на людей с непонятной речью. Здесь разумеются, вероятно, готы, на войне с которыми Декий, несколько позднее, был убит.

[2] Собственно Армения граничила на севере с Колхидой, Иберией и Албанией, на западе — с Малой Азией, на юго-востоке и востоке — с Мидией и Ассирией. Первоначально она находилась в зависимости от ассириян, мидян и персов, потом служила предметом раздора между парфянами и римлянами, затем, между римлянами и персами, и попеременно зависела то от тех, то от других. Армения *первая* лежала близ восточной части южного берега Понта Евксинского (Черного моря), Армения *вторая* и *третья* — на юго-запад, *четвертая* — на юг от первой.

[3] *Трибун* — римское название начальника войсковой части, среднее между нашим полковником и ротным командиром.

городам большие пиры. Однажды ночью, когда военачальник Меркурий спал, пришел к нему Ангел таким же образом, как и в первый раз, и, толкнув его в бок, разбудил. Поднявшись и увидев явившегося, он как бы онемел от ужаса. Ангел сказал ему:

— Меркурий! Не помнишь ли — что я сказал тебе на войне? — Смотри, не забывай Господа Бога твоего, ибо тебе надлежит пострадать за Него и получить венец победы в преславном Царствии Его, со всеми святыми.

Сказав это, Ангел сделался невидим. Он же, придя в себя, начал благодарить Бога и вспомнил о христианской вере, о которой слышал от деда и от своего отца. Отец его, по имени Гордиан, состоя воином в том же полку, в котором впоследствии числился и он, часто говорил:

— Блажен — кто состоит воином Царя небесного, потому что получит от Него награду в небесном Царствии. Ибо этот Царь сотворил словом всяческая, будет судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его.

Вспоминая слова своего отца и размышляя умом о явлении Ангела, Меркурий умилился сердцем и начал плакать и рыдать, говоря:

— Увы мне грешному! Будучи как бы ветвью зеленого дерева, я засох, — не имея ныне корня познания Бога[1].

Когда он так говорил с рыданиями, царские слуги пришли звать Меркурия к царю на некоторое совещание. Меркурий отказался,

[1] Образ речи заимствован из Евангелия (ср.: Лк. 23, 31; Ин. 15, 1–6). В этих словах святой Меркурий выражает ту мысль, что хотя отец его был христианином, сам он оставался, однако же, до сих пор язычником, не заботившимся о просвещении христианской верой.

сказавшись больным, и царь отложил совещание на другой день, ибо не хотел совещаться без Меркурия ни о чем, — так он любил и почитал его. Поутру, пригласив с почетом к себе Меркурия, царь совещался с ним о том, что относилось к пользе Римского царства. По окончании совещания царь сказал Меркурию:

— Пойдемте вместе в храм Артемиды[1], чтобы принести жертвы ей.

Святой, тайно уклонившись от царя, пошел в свое жилище. Некто же из вельмож оклеветал его пред царем, говоря:

— Великий царь, непобедимый победитель, избранный богами для обладания царством! Благоволи с кротостию выслушать меня. Тот, который получил почести от вашей царской десницы, которого ваша держава прославила и возвеличила, — вот он не пришел в храм великой богини принести жертву за вашу державу.

Царь спросил:

— Кто это не хочет приносить, в единомыслии с нами, жертвы досточтимой Артемиде?

Советник Катул отвечал:

— Меркурий, которого возвеличила ваша царская милость, — он отказывается от поклонения нашим богам.

Царь сказал:

— Не по зависти ли какой вы клевещете на него? Не поверю вам, пока сам не испытаю его и не удостоверюсь твердо. И если не окажется того, что вы говорите, то примите много казней за свою клевету; если же это окажется истиной, то за верность богам и нашему царству будете удостоены почести от нас.

Сказав это, царь тотчас послал пригласить Меркурия с честию, и когда он явился, Декий сказал:

— Не я ли оказал тебе почесть, поставив тебя начальником над всеми моими князьями по той причине, что, с помощью богов, ты победил врагов? Зачем же ты оказываешься неблагодарным за такие мои благодеяния тебе и презираешь власть и повеление мое, не воздавая подобающей чести нашим богам, как мы слышали от некоторых верных нам людей?

---

[1] *Артемида*, иначе *Диана*, — известная языческая богиня у греков и римлян, пользовавшаяся особым поклонением у них (она считалась богиней луны и изображалась прекрасной, светлой девой-охотницей).

Доблестный воин Христов, совлекшись, по апостольскому слову, ветхого человека с деяниями его и облекшись через крещение в нового, созданного по Богу (см.: Еф. 4, 24)[1], с дерзновением отвечал:

— Почесть твоя пусть будет с тобою, ибо я победил врагов не с помощию ваших немощных богов, но — силою Христа Бога моего; (однако) возьми от меня то, что ты дал мне, ибо наг я вышел из чрева матери моей, наг и отойду[2].

Сказав это, он снял воинский пояс и начальническую одежду и бросил к ногам царя с громким восклицанием:

— Я — христианин! Слышите все, что — я христианин!

Тогда Декий пришел в ужас и, в молчании смотря на святого, удивлялся его смелому слову и делу, дивился еще и красоте тела его, ибо святой был высок ростом, румян лицом, и в самом взоре его светилось мужество. Потом он повелел заключить его в темницу, говоря:

— Этот человек не оценил своей чести, но когда он испытает бесчестие и огорчение, думаю, что обратится к благочестивой мысли.

Святой, когда отвели его в темницу, славил и благодарил Бога. Ночью ему снова явился Ангел Господень, говоря:

— Будь мужествен, Меркурий, и не бойся; веруй в Господа, Которого ты исповедал, и Он избавит тебя от всякой печали.

Меркурий был весьма укреплен этим ангельским явлением. Поутру на другой день царь Декий сидел на судилище, и когда Меркурий предстал пред ним, сказал ему:

— Через свое безумие ты заслужил такую честь[3], что стоишь, как осужденный, на суде.

Святой отвечал:

---

[1] Это выражение указывает на совершившуюся в святом Меркурии, через крещение, силой благодати Христовой, перемену мыслей и чувств. Вместо прежнего пристрастия к языческому образу жизни, он был преисполнен теперь готовности к совершению подвигов христианского самоотвержения.

[2] Здесь святой Меркурий выражается словами многострадального Иова (Иов. 1, 21), в которых тот выразил свою преданность воле Божией, после того как диавол, по попущению Божию, лишил праведника всего имущества. Смысл слов такой: не имеющим ничего я родился в мире, ничего из мирских благ мне не нужно будет, когда я буду умирать.

[3] В смысле насмешки, выражение: «честь» употреблено вместо — «бесчестия».

— Поистине мне приличествует такая честь[1] ради моего Господа. Ты взял то, что вскоре погибает[2], я же получу то, что пребывает вовеки[3].

Царь сказал:

— Поведай нам, какого ты рода и отечества.

Святой отвечал:

— О роде моем и отечестве, если хочешь узнать, я скажу тебе. Отца моего звали Гордианом, по происхождению он скифянин[4] и был воином в полку мартенсов; отечество же мое, к которому я с ревностию иду, есть горний Иерусалим — город Царя небесного[5].

Царь сказал:

— Почему ты не повинуешься нашей воле, почему не исполняешь заповеди, данной нами для всех? Почему не хочешь поклониться богам, чтобы получить свой прежний сан! Или хочешь умереть в мучениях? — отвечай скорее, потому что ты для этого призван.

Святой Меркурий сказал:

— Я пришел (сюда) для того, чтобы победить тебя и твоего отца диавола, виновника всякого зла, и получить венец победы от Подвигоположника[6] Иисуса Христа, моего Господа. Исполняй надо мною без отлагательства то, что замышляешь, ибо у меня есть броня и щит, которым преодолею все измышляемые тобою против меня мучения.

Тогда царь, разгневавшись, сказал:

---

[1] Святой, пользуясь вышеприведенным выражением мучителя, утверждает ту мысль, что в мучениях за имя Христово заключается для него не бесчестие, а, напротив, великая честь.

[2] То есть — что имеет значение для человека только на время его краткой, земной жизни, каковы: богатство, слава, почести и тому подобное. Все это оставляет человека, погибает для него, при наступлении смерти.

[3] То есть — духовные, небесные блага. Образ речи заимствован из Мф. 6, 19–20.

[4] *Скифы* — древний народ, который жил частью в северных пределах Западной Азии, до Каспийского моря, преимущественно же — по северным берегам Черного моря, причем северные границы расселения скифов были неизвестны древним.

[5] То есть — Царство небесное. Выражение заимствовано из Посл. к Евр. 12, 22.

[6] Так Христос называется потому, что Он через Свою земную жизнь, в особенности через крестные страдания и смерть, дал на все времена высочайший пример подвига послушания воле Божией и самоотверженного служения людям.

— Так как ты говоришь, что имеешь броню и щит веры, то повелеваю повесить тебя нагим, растянув между четырьмя столбами.

Когда это было сделано, мучитель сказал:

— Где (у тебя) ныне орудия для борьбы твоей?

Святой же Меркурий, воззрев на небо, сказал:

— Господи Иисусе Христе, помоги мне, рабу Твоему!

Царь повелел, принеся острые ножи и мечи, резать тело святого, а на земле под ним развести огонь, чтобы, — израненный сверху ножами и мечами, а снизу опаляемый огнем, — он жестоко страдал. Когда стали делать это, из тела его кровь потекла ручьями, так что даже огонь погас от крови, а святой все терпел доблестно.

После этого Декий повелел отвязать его, — чтобы он не умер (слишком) скоро, — и крепко запереть в некотором помещении. Слуги, взяв его, понесли, ибо он не мог сам идти, будучи еле жив, и бросили его в тюрьме, думая, что он тотчас умрет. И святой лежал как мертвый, только чуть дыша, по причине жестоких ран. С наступлением ночи Ангел Господень пришел к нему и сказал:

— Мир тебе, добрый страдалец! — и исцелил его от ран.

Святой, ощутив в себе силу, встал здоровым и благодарил Бога, посетившего его через Своего Ангела.

Поутру царь снова повелел представить к нему Меркурия. Воины, пойдя за ним, нашли его здоровым и, взяв, повели его к царю. Царь, увидев, что он здоров и ходит без чужой помощи, сказал:

— Тот, которого вчера унесли от нас мертвым, ныне ходит сам, — как будто бы не имел на себе никакой раны, — и повелел воинам осмотреть раны его.

Осмотрев тело мученика, они сказали царю:

— Клянемся целостию твоей державы, — у Меркурия все тело невредимо, без всякого порока, как будто бы никогда никакое мучение не прикасалось к нему.

Царь сказал:

— Он непременно станет говорить, что его исцелил Христос, — не приводили ли вы к нему в темницу какого-либо врача?

Они отвечали:

— Клянемся вашею державою, управляющею всем миром, что никто не осматривал его, ибо мы думали, что он тотчас умрет; а как он исцелился и стоит ныне здоровым, мы не знаем.

Царь сказал:

— Посмотрите на христианское колдовство: тот, который вчера казался мертвым, сегодня стоит здоровым пред нами.

Затем с яростию сказал святому:

— Кто тебя исцелил, скажи нам по правде? Ибо я не считаю возможным для тебя исцелиться иначе как через колдовство.

Святой отвечал:

— Как ты сам первоначально сказал, против своей воли, так и есть: Господь наш Иисус Христос, истинный Врач душ и телес, исцелил меня, — Он, Который, связав нерушимыми узами всех колдунов и чародеев вместе с поклоняющимися идолам, предаст их геенны скому огню — ибо они не познали истинного Бога, создавшего их.

Царь сказал:

— Я снова рассеку твое тело ранами и посмотрю, исцелит ли тебя Христос, Которого ты исповедуешь.

Святой отвечал:

— Верую в Господа моего Иисуса Христа, что ты не победишь меня всеми своими, измышляемыми против меня, мучениями, ибо я нисколько не боюсь их, будучи укреплен словами моего владыки, Который сказал: *И не бойтесь убивающих тело, душú же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне* (Мф. 10, 28). По умерщвлении Он воскресит меня снова в страшный день праведного суда.

Царь повелел снова мучить его огнем и ранами.

Когда святого били и жгли огнем, то от опаляемого тела его, вместо смрада, исходило великое благоухание. Мученик терпел так доблестно, что не испустил крика, ни стона, ни вздоха, так что все дивились терпению его.

Царь сказал ему, насмехаясь:

— Где ныне твой Врач? — Пусть придет сюда и исцелит тебя, ведь ты говорил, что Он может и по смерти воскресить тебя.

Святой Меркурий отвечал:

— Делай что хочешь, ты имеешь власть над телом моим, над душою же — Бог: хотя бы ты и умертвил мое тело, однако душа пребудет нетленной вовеки.

Царь повелел повесить его вниз головой, на шею же его привязать большой камень, чтобы, давимый тяжестью камня, он умер.

Мученик же, укрепляемый благодатью Божией, в продолжение многих часов претерпевал это мучение, оставаясь живым. Потом, отвязав камень, царь повелел бить его бичами, концы которых были окованы медью; и били его так жестоко, что даже земля обагрилась кровью его. Он же, твердый как адамант, мужественно терпел, говоря:

— Благодарю Тебя, Господи, что сподобил меня пострадать за имя Твое.

Царь, видя, что мученика никак нельзя склонить к воле его, и не имея более времени мучить его, ибо спешил идти скорее в Рим, — постановил над ним такой окончательный приговор:

— Меркурия, который вменил наших богов в ничто и презрел честное постановление нашей кротости, наша держава повелевает вести в Каппадокийскую страну[1] и там отрубить ему главу, для вразумления многих, — ибо всякий противящийся царю будет казнен мечом после многих мучений.

Воины, взяв святого, положили его на животное[2] и, крепко привязав его (ибо он был весьма расслаблен телом по причине многих мучений), повезли в Каппадокию. Когда они были в Кесарии[3], Господь явился святому и сказал:

— Меркурий! Приди ко Мне и пребывай в покое; течение ты совершил, веру соблюл, — приими же венец подвига твоего[4], ибо здесь тебе дóлжно скончаться.

Мученик, весьма укрепленный этим видением Спаса и желая скорее разрешиться от тела и жить со Христом[5], сказал бывшим с ним воинам:

---

[1] *Каппадокия* — восточная область Малой Азии.

[2] Здесь нужно разуметь мула или осла, на которых ездили и перевозили небольшие тяжести. Для перевозки более значительных тяжестей служили верблюды.

[3] Имя *Кесарии* носили несколько римских городов. Здесь разумеется *Кесария — столица Каппадокии*, названная так императором Тиверием (ранее называлась Мазана).

[4] Выражение 2 Тим. 4, 7–8. *Течение* — путь земной жизни, в особенности — мученических страданий и смерти; *венец подвига* — венец славы в небесном Царстве, заслуженный мученическим подвигом.

[5] Выражение заимствовано из Флп. 1, 23. Апостол выражал желание скорее умереть, чтобы, освободившись от тела, теснее соединиться душою со Христом в Его небесном Царствии.

— Совершите то, что приказано вам, не откладывая более. Господь же, призывающий всех к покаянию, да подаст вам Свою благодать; богатый милостию, Он преизобильно подает Свои дары приходящим к Нему.

После того как он это сказал, глава его была усечена при исповедании им Спаса нашего Иисуса Христа, 24 ноября. На второй день по кончине святого, тело его оказалось белым как снег и от него исходило благоухание драгоценного мира и фимиама, и по причине такого чуда многие уверовали во Христа. Святое тело его было с честию положено на славном месте, подавая больным много исцелений. Этого воина, святого великомученика Меркурия, душою уже торжествующего на небе, возбранная Воевода, Пресвятая Богородица, призывала, спустя значительное время, на следующую свою воинскую службу.

Когда святой Василий Великий[1] молился пред иконою Пресвятой Богородицы, — при которой было изображение и святого великомученика Меркурия с копьем, как воина, — чтобы злочестивый царь Юлиан Отступник[2], великий гонитель и истребитель правоверных христиан, не возвратился из Персидской войны[3] для истребления христианской веры, то увидел, что там, при иконе Пресвятой Богородицы, образ святого Меркурия сделался на некоторое время невидимым, потом показался с окровавленным копьем. А в то самое время Юлиан Отступник был пронзен на Персидской войне копьем

[1] *Святой Василий Великий* родился в 330 году, в благочестивом семействе, в Каппадокии, получил обширное светское и духовное образование. Первоначально, вместе со своим другом, святым Григорием Богословом, проводил отшельническую жизнь, потом был поставлен сначала пресвитером, а затем, в 370 году, — епископом Кесарийским. Подобно святому Афанасию Александрийскому был ревностным защитником Православия в эпоху арианских смут и написал для защиты и раскрытия православного учения много замечательных сочинений, за что Церковь и дала ему название *Великого* († 379 г.).

[2] *Император Юлиан* царствовал с 361 по 363 год. Сделавшись императором, он отступил от христианской веры и поставил задачей своей жизни восстановление язычества. Поэтому он и называется *Отступником.*

[3] Персы жили в Азии, близ Персидского залива. В разное время границы страны были разные. С воцарением среди них династии Сассанидов (в 226 году по Рождестве Христовом), вели неоднократно войны с римлянами. Персидская война, во время которой был убит Юлиан, относится к царствованию персидского царя Сапореса II.

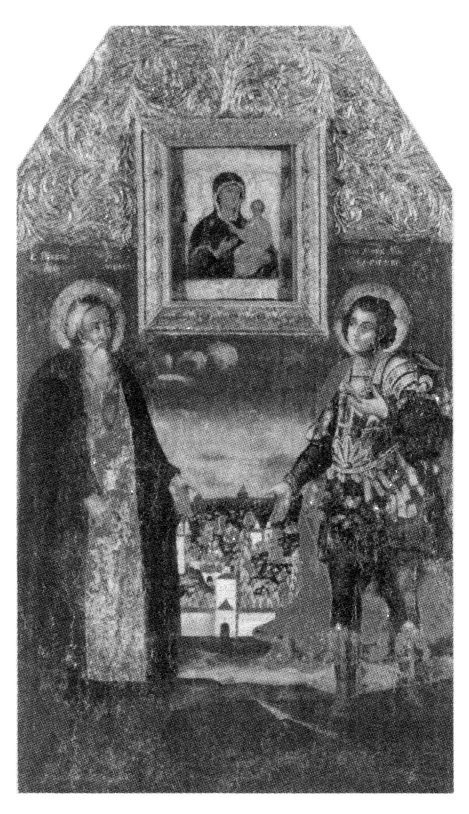
неизвестного воина, который тотчас после того сделался невидим. Окаянный Юлиан, извергнув вверх хлынувшую из раны кровь, обращаясь к небу с такими хульными словами на Христа:

— Ты победил, Галилеянин! — и так бедственно извергнул душу свою.

Это чудо сделалось тогда явным, ибо, по молитвам святого Василия Великого, Сама Пресвятая Богородица послала этого угодника Божия и Своего, святого победоносного великомученика Меркурия, от Церкви торжествующей к Церкви воинствующей — на казнь богопротивного отступника Юлиана, на защиту святой веры и православных христиан. Его святым предстательством и защитою пусть будем и мы сохранены от богопротивных врагов, побеждаемых с помощию его, и будем вместе с ним славить Бога и Богородицу, во веки веков, аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
МЕРКУРИЯ СМОЛЕНСКОГО

Великое и тяжкое бедствие постигло Русскую землю в начале XIII века. Божиим попущением за множество грехов наших на русский народ напали злые враги — татары. Множество жителей было убито или отведено в плен; великое запустение стало во всей земле Русской. Поля оставались необработанными, — лишь дикие звери рыскали во множестве по полям, пожирая человеческие трупы. Много русских князей погибло тогда, защищая свое отечество. Безбожные враги не щадили ни младенцев, ни беззащитных жителей. Всех они избивали и немилосердно губили. Многих они предавали бесчестно злым поруганиям. Жестокие завоеватели связывали пленников собственными их волосами и гнали перед собой, как животных, нещадно нанося им удары бичами. Святые церкви и монастыри были разграблены и иноки перебиты. Уже Киев был сожжен варварами и лежал в развалинах. Хан татарский Батый стал покорять другие города; он достиг Москвы и взял ее. Далее он подступил к Смоленску и умыслил разорить его, уже он приближался с громадной ратью к этому городу. Среди варваров особенно отличался своей си-



Прп. Аврамий Смоленский и мч. Меркурий Смоленский

лой один великан с своим сыном. Сила их была необычна, многие уже погибли от руки этого мучителя. Он был во главе передового полка. Страх и трепет овладел жителями Смоленска: их ожидала неминуемая гибель. Одна надежда им оставалась — на покровительство Царицы небесной; они стали усердно просить Пресвятую Богородицу избавить их от безбожных врагов и злых мучителей. Царица небесная, непобедимая помощница всем призывающим Ее с верой, не допустила, чтобы этот город достался врагам, передовое полчище которых было уже недалеко от Смоленска и остановилось в так называемом Долгомостье.

В это время в Смоленске проживал святой Меркурий. Родился он где-то на западе от благородных родителей, державших православную веру. Еще в юных летах он переселился в Смоленск и поступил на службу к местному князю. Будучи воином, Меркурий отличался своей силой и высоким ростом. Не менее он был велик и духовной силой; с раннего возраста он обращал на себя внимание своей благочестивой жизнью: подвизался в посте и целомудрии, каждую ночь он втайне от всех воспевал благодарственные хваления Господу. Услышав о приближении злых врагов, о разорении Божиих храмов, святой Меркурий скорбел и болел душою; с каждым днем он более и более возгорался Божественной ревностью, он желал пострадать и положить душу свою за веру Христову. И молитва его была услышана.

Ночью в соборном храме пред иконой Пресвятой Богородицы молился некий пономарь, служивший в этом храме. Со слезами просил он Пречистую Богоматерь об избавлении города от врагов. Вдруг он услышал глас, раздававшийся от иконы.

— Иди к рабу моему Меркурию на Подолье.

При сем Пресвятая Богоматерь указала ему двор, где жил святой Меркурий.

— Итак, ступай к нему на двор указанного дома и тихо скажи ему: Меркурий! Тебя зовет Владычица. Ступай в военных доспехах на врагов.

Удивился пономарь этому гласу от иконы. Тотчас же он отправился из собора и пришел к тому дому, который ему указала Сама Пресвятая Богородица.

Он застал святого Меркурия посреди двора; святой подвижник молился, воздев руки к небу. Он был в своем воинском вооружении, ибо в тот самый час, когда пономарь услышал глас от иконы Пречистой, то и святой Меркурий был предуведомлен чудесным образом о пришествии к нему пономаря.

Между тем пономарь подошел к святому и сказал ему:

— Меркурий, ступай немедленно, ибо тебя зовет Владычица.

Святой Меркурий, вместе с пономарем, отправился в церковь Пресвятой Богородицы. В храме они нашли свечу, которая горела пред иконой Богородицы. Святой Меркурий, упав пред иконой, с слезами стал молиться, прося Пресвятую Госпожу о помощи и заступлении. Тогда вдруг раздался глас от иконы:

— Раб мой Меркурий, Я посылаю тебя, чтобы ты отразил врагов от града этого и защитил храм этот. Для этого Я призвала тебя сюда из страны Римской. Враги втайне задумали в эту ночь напасть на град и разорить его. Но не оставлю Я града этого: по молитвам Моим он не будет предан в руки врагов. Немедленно ступай, раб Мой, навстречу врагам, ступай на место, известное под названием Долгомостье. Там стоит вооруженная рать злых варваров. Не бойся: ты победишь воеводу вражеского. Я не оставлю тебя. В этой битве ты победишь врагов и сам получишь от Господа венец победы и вечного блаженства.

Услышав этот глас, святой Меркурий преисполнился великой радости. Сама Царица небесная обещала ему то, к чему он давно уже стремился всей душой, ибо всегда был объят желанием пострадать за своих братьев и за веру Христову. Возблагодарив Пресвятую Богородицу, он вышел из храма и, горя Божественной ревностью, немедленно отправился на указанное место.

Была глубокая ночь. Не ожидая так скоро нападения врагов, граждане были объяты крепким сном. Тихо и незаметно прошел святой Меркурий мимо стражи у городских ворот. Придя на Долгомостье, он обнажил меч свой и со словами: «Пресвятая Богородица, помоги мне», устремился на татарское полчище. Гордый исполин, надменный своей силой, пал первым от руки святого Меркурия: сила, которой он так превозносился, оставила его, лишь только пред ним предстал Христов воин. Много и других врагов из передового полка погибло от меча святого Меркурия: оставшиеся в живых, враги были объяты ужасом и побежали. Святой Меркурий, отойдя в сторону, стал молиться и благодарить Пресвятую Владычицу за Ее дивное и славное заступление.

— Пречистая, Преславная и Преблагословенная Владычица! Ты Своим ходатайством спасла град этот и не допустила людям Твоим впасть в руки злых врагов христианских. Ныне же молю Тебя, Пресвятая Богородица, не отринь и меня грешного и недостойного раба Твоего: я знаю, что мне надлежит венчаться славным венцом мученичества и пролить кровь за святую веру. Не страшит меня это, ибо я уже давно имею желание *разрешиться и быть со Христом* (Флп. 1, 23). Помолись обо мне, славная Заступница нашего града, к Сыну Твоему и Богу нашему: да причтет Он меня к избранному Своему стаду и сподобит вечно восхвалять Его святое имя.

Тогда раздался глас:

— Да будет тебе по прошению твоему.

Между тем враги, получив подкрепление, снова устремились на святого Меркурия. Но воин Христов, призывая имя Господне, опять поразил их; враги отступили снова со срамом.

— Горе нам, — вопили они, — нельзя нам устоять против этого воина, ибо вместе с ним нас поражают некие молниеносные мужи. А над ними видим мы лучезарную Жену.

В это время сын убитого исполина, желая отомстить за смерть своего отца, коварно подобрался к святому Меркурию и отсек ему мечом честную его главу. На всех врагов напал великий ужас: побросав оружие, гонимые какой-то неведомой силой, они бежали от города, под которым погибло так много из лучших бойцов, и удалились из пределов Смоленских.

На рассвете граждане увидели чудное заступление Пресвятой Богородицы: пред ними было покрытое трупами поле. С благодарностью они взяли тело славного заступника города — святого Меркурия и с честью погребли его в соборе Пресвятой Богородицы у левого клироса.

Вскоре после своей кончины святой Меркурий явился в сонном видении вышеназванному пономарю и сказал:

— Поведай гражданам этого города: пусть они повесят мое оружие над гробом моим, на воспоминание о славном заступнике и помощи Пресвятой Богоматери.

При этом святой обещал свою помощь всем, призывающим его на помощь. Граждане тогда же повесили оружие святого над его гробницей.

(Ныне мощи святого Меркурия почивают в Смоленском Авраамиевом монастыре в храме, построенном во имя славного воина Христова, подающего всем исцеления и помощь в бедах и напастях. Да поможет он и нам побеждать страсти телесные и непрестанно восхвалять Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. — *Ред.*)

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
СИМОНА СОЙГИНСКОГО

Преподобный Симон происходил из города Сольвычегодска. С юного возраста благодать Божия почивала на нем. Он уклонялся от мирской суеты. В молодых годах он оставил дом своих родителей и прибыл в монастырь к преподобному Корнилию Комельскому. Узрев преподобного, святой Симон пал на колени пред ним и со слезами просил блаженного постричь его в иноки. От прозорливых очей преподобного Корнилия не утаилось, что пред ним стоит будущий подвижник Божий. Уступая его просьбам, он принял Симона и дал ему в руководители одного опытного старца. Подражая святому Корнилию, святой Симон подвизался в посте и молитвах. Он безропотно исполнял все послушания, какие на него налагались, и отличался своим необычайным смирением. Так в течение

многих лет он неисходно подвизался в Корнилиевом монастыре. В 1537 году, по преставлении своего великого наставника, святой Симон вместе со старцем Лонгином, отличавшимся своей благочестивой жизнью, направился к своей родине Сольвычегодску. Оба подвижника искали уединения. В верстах пятнадцати от города, при устье реки Коряжемы, они остановились. Здесь преподобный Лонгин решился поселиться среди глухого леса. Святой Симон решился помочь Лонгину, уже изнуренному иноческими подвигами и бывшему в преклонном возрасте. Оба они построили здесь келию и часовню. Некоторое время преподобный Симон подвизался в этой местности вместе с Лонгином. Но затем, вознамерившись искать себе более уединенного места, он расстался с святым Лонгином и направился вверх по Вычегде.

В шестидесяти верстах от Коряжемы, на возвышенном берегу Вычегды, при устье реки Сойги, среди дикого леса святой срубил себе келию, а потом построил и храм в честь честного и славного Преображения Господа нашего Иисуса Христа[1]. Этот храм был освящен 17 мая 1541 года. В этой дикой и глухой местности и стал подвизаться преподобный Симон. Воздержание и молитвенные бдения его были поистине изумительны.

К нему стали собираться люди, желавшие подвизаться в пустыне под руководством святого мужа, отличавшегося своим благочестием. И блаженный всех наставлял и поучал. Как истинный пастырь, он своим примером указывал всем путь, ведущий к спасению и вечному блаженству. Так целых двадцать лет подвизался святой в своей пустыни. Незадолго до своей кончины преподобный был обрадован известием, что его духовный друг и наставник святой Лонгин прославлен чудесами. После такой подвижнической жизни он с миром предал Господу свою честную душу 24 ноября 1562 года, оплакиваемый своими осиротелыми учениками. Святые мощи его почивают под спудом в основанной преподобным, ныне упраздненной, обители в храме во имя святой великомученицы Екатерины.

---

[1] Спасо-Преображенская-Сойгинская, или Соежская, пустынь, ныне погост Сойгинский-Преображенский, находится в Вологодской губернии, Сольвычегодском уезде, в восьмидесяти двух верстах от Сольвычегодска, на правом берегу реки Сойги, при впадении ее в реку Вычегду. Эта пустынь в 1791 году была совершенно упразднена и обращена в приходский храм.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОЙ МАСТРИДИИ

В городе Александрии[1] Египетской проживала одна святая дева, по имени Мастридия, которая, заботясь о своей душе, пребывала ради Христа в безмолвии, в посте, в постоянном бодрствовании, в молитвах, раздавая при этом много милостыни. Но диавол, всегда препятствующий людям в подвигах богоугодной жизни, не мог вынести таковых добродетелей святой девы и начал с нею бороться таким образом. Он вложил одному юноше нечистое желание к этой деве. Юноша приходил в дом ее сам или присылал кого-либо к ней, склоняя ее к этой страсти, однако не получал никакого ответа. Когда Мастридия выходила из дому и направлялась в церковь помолиться Богу, и в это время юноша не отставал от нее, чем причинял святой деве великую скорбь. Он говорил ей такие слова, которые любят слушать только грехолюбивые, что побудило святую Мастридию не выходить никуда из своего дома, даже и в церковь.

В один день Мастридия послала к юноше свою рабыню с такими словами:

— Приходи, тебя зовет моя госпожа.

Юноша с радостию пришел к ней, думая, что она согласится на его нечестивое желание. Мастридия, когда вошел к ней юноша, занималась тканием полотна и спросила его:

— Зачем ты, брат, доставляешь мне столько огорчения и печали, что не даешь мне даже сходить в церковь?

— Поистине, — ответил юноша, — я очень люблю тебя, и, когда тебя вижу, я весь бываю, как бы огненный.

— Что же ты видишь во мне? — спросила юношу Мастридия.

— Я вижу очи твои настолько прекрасными, — сказал юноша, — что они прельщают меня.

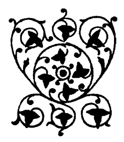
---

[1] *Александрия* — знаменитая столица Египта, в то время славилась своей широкой цветущей образованностью. Особенно в то время процветала философия и медицина. Наравне с образованностью языческой, процветала и богословская образованность христианская. Знаменитая Александрийская школа, считавшая в своих рядах множество замечательнейших ученых того века, привлекала в свои стены массу слушателей не только из христиан, но и из язычников.

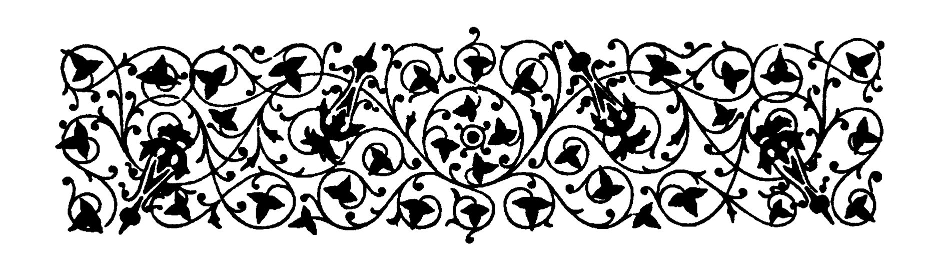
Святая дева, услышав, что ее глаза прельщают людей, челноком, которым ткала полотно, тотчас же проколола себе глаза.

Юноша, увидав это, ужаснулся. Когда же он уразумел, что святая дева совершила это по ревности ко Христу и ради спасения ближнего своего от соблазна[1], на него нашел страх Божий, и он раскаялся. Отправившись в скит, юноша облекся в черные одежды и сделался строгим иноком, подражая в молитвенных подвигах и воздержании святым отцам.

Мастридия же окончила свое житие, работая Господу, к Которому и предстала.



[1] Христос Спаситель, научая Своих последователей побеждать дурные страсти, сказал: *И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его: лучше тебе с одним глазом войти в Царствие Божие, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную* (Мк. 9, 47). Святая же Мастридия лишила себя глаз, по ревности ко Христу, чтобы, удалив причину соблазна для юноши, тем самым и его привести ко спасению.



День двадцать пятый

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
КЛИМЕНТА,
папы Римского

В славном и великом древнем городе Риме жил один человек знатного происхождения, по имени Фавст, происходивший из рода древних римских царей. У него была жена, по имени Матфидия, также царского происхождения и бывшая в родстве с римскими императорами Августом и Тиверием[1]. Муж и жена были ревностными язычниками и поклонялись идолам. У них родились сначала два сына-близнеца, из которых одного назвали Фавстином, а другого — Фавстинианом; затем родился третий сын, которому дали имя Климента.

У Фавста был брат, злой и безнравственный человек. Видя красоту Матфидии, он прельстился ею и стал соблазнять ее на грех; но она, будучи весьма целомудренной, не пожелала нарушить верность мужу и осквернением ложа обесчестить достоинство своего знатного рода; поэтому всеми силами старалась отстранить от себя соблазнителя. Не желая явно обличать его, она не говорила об этом никому, даже своему мужу, боясь, чтобы о них не распространилась дурная молва и не обесславился бы дом их. Но брат Фавста долгое время

---

[1] *Октавиан Август* — первый римский император после уничтожения в Риме республики, царствовал с 30 года по Рождестве Христовом по 14 год по Рождестве Христовом. *Тиверий*, пасынок его, царствовал с 14 по 37 год; в царствование его пострадал и приял крестную смерть Господь наш Иисус Христос.

просьбами и угрозами принуждал ее к тому, чтобы она покорилась его нечистому желанию. Матфидия, видя, что она не в состоянии избавиться от его преследований, если не удалится от встреч с ним, решилась на следующее.

Однажды утром она обратилась к своему мужу со следующею речью: «Дивный сон видела я сегодня ночью, господин мой: видела я почтенного и старого мужа, как бы одного из богов, который говорил мне: если ты и твои близнецы-сыновья не уйдете из Рима на десять лет, то вместе с ними умрешь мучительной и внезапной смертью».

Услышав эти слова, Фавст удивился, много размышлял об этом и решился отпустить ее и двух сыновей из Рима на десять лет, рассуждая: «Лучше, если любимая моя супруга с детьми жива будет в чужой стране, нежели здесь умрет внезапною смертию». Снарядив корабль и запасшись всем нужным для продовольствия, он отпустил ее с двумя сыновьями Фавстином и Фавстинианом в страну Греческую, в Афины. С ними отправил множество рабов и рабынь и снабдил их большим имуществом, повелев Матфидии, чтобы она в Афинах отдала сыновей обучаться греческой мудрости.

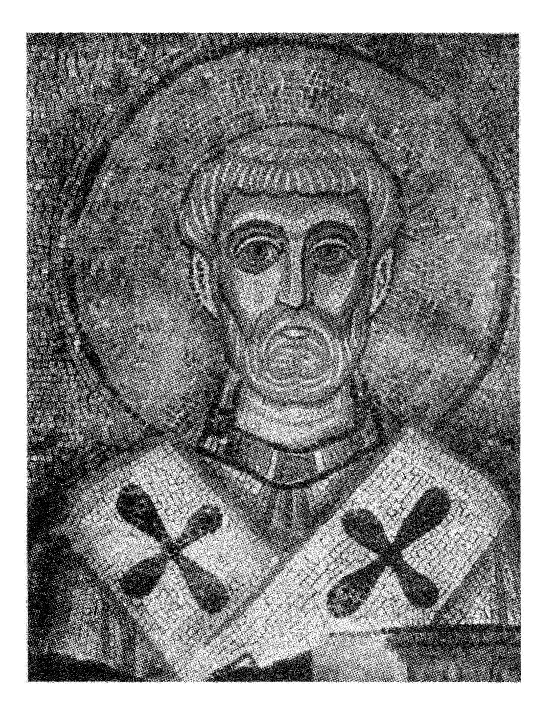
Так расстались они друг с другом с невыразимым сожалением и слезами. Матфидия с двумя сыновьями в корабле отплыла, а Фавст с младшим сыном Климентом остался в Риме.

Когда Матфидия плыла по морю, на море разразилась сильная буря и поднялось большое волнение; корабль был отнесен волнами и ветром в неведомую страну, в полночь был разбит, и все потонули. Матфидия же, носимая бурными волнами, была выброшена на камни одного острова, недалеко от Асийской страны[1]. И неутешно плакала она об утонувших детях своих, от горькой печали хотела даже броситься в море, но жители той страны, увидав ее нагую, сильно кричащую и стонавшую, сжалились над ней, взяли ее в свой город и одели ее.

Некоторые страннолюбивые женщины, придя к ней, стали утешать ее в горе; каждая из них стала рассказывать ей все, что́ случилось и в их жизни прискорбного, и своим сочувствием несколько

---

[1] *Асией* называлась у римлян провинция, расположенная в теперешней Малой Азии (Анатолийский полуостров), по берегу Средиземного моря: в состав ее входило несколько городов с их областями; столицей же ее считался Пергам.



облегчили ее печаль. Одна из них сказала при этом: «Муж мой был корабельщиком; еще очень молодым он потонул в море, и я осталась молодой вдовой; многие желали на мне жениться, но я, любя мужа и будучи не в силах забыть его и по его смерти, решила остаться вдовой. Если хочешь, то оставайся в доме моем жить со мной, я и ты будем кормиться своими трудами».

Матфидия последовала ее совету и, поселившись в ее доме, своими трудами добывала себе пищу и двадцать четыре года пробыла в таком положении.

Дети ее — Фавстин и Фавстиниан — после кораблекрушения по изволению Божиему тоже остались живыми; когда они волнами были выброшены на берег, их увидели находившиеся там морские разбойники, которые взяли их в свою лодку, привезли в Кесарию Стратонийскую[1] и продали здесь одной женщине, по имени Иуста, которая воспитала их вместо детей и отдала их в обучение. Таким образом они научились различным языческим наукам, но потом, услышав евангельскую проповедь о Христе, приняли святое крещение и последовали за апостолом Петром.

Фавст же, отец их, живя в Риме с Климентом и ничего не зная о бедствиях, постигших жену и детей, послал по истечении года некоторых рабов в Афины узнать, как живут его жена и дети, и послал с ними много различных вещей; но рабы его не возвратились. На тре-

---

[1] Городов с именем Кесария, или Цезария, в древнее время было много. Под именем *Кесарии Стратонийской* нужно подразумевать — палестинский город на восточном берегу Средиземного моря, известный более под именем *Кесарии Палестинской*. Город этот построен иудейским царем Иродом на месте древнего города Стратон и назван Кесарией в честь Кесаря Августа (Римского императора Октавия Августа). В настоящее время на месте его одни только развалины, покрытые дикими растениями.

тий год Фавст, не получая никакого известия о жене и детях его, очень опечалился и послал других рабов со всем необходимым в Афины. Прибыв туда, они никого не нашли, и на четвертый год возвратились к Фавсту и сообщили ему, что совсем не могли отыскать в Афинах госпожи своей, ибо никто о ней там даже не слышал, и они не могли напасть на след ее, так как никого из своих не могли найти. Услышав все это, Фавст еще больше опечалился и стал горько плакать. Он обошел все приморские города и пристани в Римской стране, расспрашивал корабельщиков о своей жене и ее детях, но ни от кого не узнал ничего. Потом, приготовив корабль и взяв с собой несколько рабов и немного имущества, отправился сам отыскивать подругу свою и любезных детей, а младшего сына Климента оставил с верными рабами дома учиться наукам. Чуть не всю вселенную он обошел и посуху, и по морю, отыскивая многие годы своих родных и не находя их. Наконец, уже отчаявшись даже видеть их, предался глубокой скорби, так что не хотел даже возвращаться домой, считая тяжелым бременем наслаждаться благами мира этого без возлюбленной супруги своей, к которой питал великую любовь за ее целомудрие. Отвергнув все почести и славу мира этого, он скитался по чужим странам, как нищий, не открывая о себе никому, кто он.

Между тем, отрок Климент пришел в совершеннолетний возраст и хорошо изучил все философские учения. При всем том, не имея ни отца, ни матери, он всегда находился в печали. Между тем пошел уже двадцать четвертый год с тех пор, как мать, и двадцать лет, как отец ушли из дома.

Потеряв надежду на то, что они живы, Климент скорбел о них, как о мертвых. Вместе с этим он памятовал и о своей смерти, так как хорошо знал, что всякий может умереть; но, не зная, где он будет находиться после смерти и есть ли другая какая жизнь после этой кратковременной жизни или нет, всегда плакал и не хотел утешиться никакими наслаждениями и радостями мирскими. В это время Климент, услышав о пришествии Христовом в мир, стал стремиться узнать о том достоверно. Случилось ему беседовать с одним благоразумным человеком, который и рассказал ему, как пришел в Иудею Сын Божий, даруя всем, кто будет исполнять волю пославшего Его Отца, жизнь вечную. Услышав об этом, Климент возго-

релся необычайным желанием узнать подробнее о Христе и о Его учении. Для этого он решил идти в Иудею, в которой распространялось благовестие Христово. Оставив дом свой и большое имение, он взял с собой верных рабов и достаточное количество золота, сел на корабль и отплыл в Иудейскую страну. Вследствие разразившейся на море бури он занесен был ветром в Александрию и там нашел апостола Варнаву[1], учение которого о Христе слушал с наслаждением. Потом он отплыл в Кесарию Стратонийскую и нашел святого апостола Петра. Приняв от него святое крещение, он последовал за ним с прочими учениками, между которыми были и два брата его, близнецы Фавстин и Фавстиниан. Но Климент не узнал их, равно как и братья его не узнали, потому что они были очень малы, когда разлучились, и не помнили друг друга. Петр, отправляясь в Сирию, послал вперед себя Фавстина и Фавстиниана, а Климента оставил при себе и вместе с ним сел на корабль и поплыл по морю.

Когда они плыли, апостол спросил Климента о его происхождении. Тогда Климент подробно рассказал ему: какого он происхождения и как мать его, под влиянием сновидения, ушла из Рима с двумя малолетними сыновьями, — как отец, по прошествии четырех лет, ушел разыскивать их и не возвратился; к этому он присоединил и то, что прошло уже двадцать лет, как он ничего не знает о своих родных, почему он думает, что родители его и братья умерли. Петр, выслушав рассказ его, умилился.

Между тем, по усмотрению Божиему, корабль пристал к тому острову, где находилась Климентова мать — Матфидия. Когда некоторые вышли из корабля, чтобы купить в городе необходимое для житейских потребностей, то и Петр вышел, а Климент остался на корабле. Направляясь к городу, Петр увидал старицу, сидящую при вратах и просящую милостыню; то была Матфидия, которая не могла уже питаться своими трудами, ибо руки ее ослабели, и потому просила милостыню, чтобы питать себя и другую старицу, принявшую ее в свой дом, которая также ослабела и лежала больною в доме. Апостол, увидав сидящую Матфидию, уразумел духом, что эта женщина чужестранка, и спросил об отечестве ее. Тяжко вздохнув, Матфидия прослезилась и сказала: «О горе мне, страннице, потому что нет в мире беднее и несчастнее меня».

---

[1] *Апостол Варнава* — один из семидесяти. Память его празднуется 11 июня.

Апостол Петр, при виде ее тяжкой скорби и сердечных слез, начал внимательно расспрашивать ее, кто она и откуда.

Из разговора с нею он понял, что она — мать Климента, и стал утешать ее, говоря:

— Я знаю младшего сына твоего Климента: он находится в этой стране.

Матфидия, услышав о своем сыне, сделалась от ужаса и радости как мертвая; но Петр взял ее за руку и повелел ей идти за собой к кораблю.

— Не печалься, старица, — говорил ей апостол дорогой, — потому что сейчас узнаешь все о сыне твоем.

Когда они шли к кораблю, то к ним навстречу вышел Климент и, увидев женщину, шедшую за Петром, удивился. Она же, всмотревшись в Климента, тотчас же узнала его, по сходству с отцом, и спросила Петра:

— Не это ли Климент, сын мой?

Петр сказал:

— Он и есть.

И упала Матфидия на шею Климента, и заплакала. Климент же, не зная, кто эта женщина и почему она плачет, стал ее отстранять от себя. Тогда Петр сказал ему: «Не отталкивай, чадо, родившую тебя».

Климент, услышав это, прослезился и упал к ногам ее, целуя ее и плача. И была у них великая радость, ибо они нашли и узнали друг друга. Петр помолился о ней Богу и исцелил руки ее. Она же стала просить апостола об исцелении старицы, у которой поселилась. Апостол Петр, войдя в дом ее, восставил ее от одра болезни; Климент же дал ей тысячу драхм[1], — в награду за пропитание матери своей. Потом, взяв мать вместе с исцелившеюся старицею, ввел их на корабль, и они отплыли.

Дорогой Матфидия спросила сына о муже своем Фавсте и, узнав, что он отправился отыскивать ее и что двадцать лет нет о нем никакого известия, плакала по нем горько, как по умершем, не надеясь видеть его живым. Доплыв до Антандроса[2], они оставили корабль и

---

[1] *Драхма* — древнегреческий вес и серебряная монета ценностью в двадцать четыре копейки.

[2] *Антандрос* — город при Адрамитском заливе в Мизии, северо-западной области Малой Азии. Развалины этого древнего города существуют и поныне.

продолжали путь свой по суше. Достигнув Лаодикии[1], они встречены были Фавстином и Фавстинианом, которые прибыли туда прежде их. Они спросили Климента: «Кто эта чужая женщина, которая находится при вас с другою старицею?»

Климент отвечал: «Мать моя, которую я отыскал в чужой стране».

И начал им по порядку рассказывать, сколько времени с матерью не видался и как ушла она из дому с двумя близнецами.

Услышав это, они поняли, что Климент — брат их и та женщина — мать их, и заплакали от большой радости, воскликнув: «Значит, это — мать наша Матфидия, ты же — брат наш Климент, ибо мы и есть близнецы Фавстин и Фавстиниан, вышедшие с матерью из Рима».

Сказав это, они бросились друг другу на шею, плакали много и любезно целовались. Видя, как мать радуется о детях, которых неожиданно нашла здравыми, и рассказывая друг другу, какими Божиими судьбами были спасены от потопления, они прославили Бога; только об одном скорбели они, что никто ничего не знал об отце их. Потом они стали просить апостола Петра, чтобы он крестил мать их. Рано утром они пришли к морю, святой апостол Петр в отдельном помещении совершил крещение над Матфидией и сопровождавшей ее старицей во имя Отца и Сына и Святого Духа и, отослав ее с сыновьями вперед себя в жилище, сам пошел другой дорогой.

И вот на дороге встретился ему благообразный муж с седою бородою, бедно одетый, — ожидавший апостола Петра, которого он почтительно приветствовал:

— Вижу, что ты человек чужестранный и не простой; самое лицо твое показывает, что ты человек разумный: поэтому желаю немного побеседовать с тобой.

Петр на это сказал:

— Говори, господин, если хочешь.

---

[1] *Лаодикия* — главный город древней Фригии на западе Малой Азии. Лаодикийская церковь принадлежала к числу семи знаменитых малоазийских церквей, упоминаемых в Апокалипсисе. Сейчас одни только развалины на одном невысоком холме, при опустошенном селении Эски — Гиссара, служат памятником древнего города. В церковной истории Лаодикия известна по бывшему там в 365 году собору, оставившему подробные правила касательно порядка Богослужения, нравственного поведения клира и мирян и различных пороков и заблуждений того времени.

— Я видел тебя, — сказал тот, — нынче в сокровенном месте на берегу молящимся; незаметно посмотрев, я отошел и немного подождал тебя здесь, желая сказать, что вы напрасно утруждаете себя молитвой Богу, потому что нет никакого Бога ни на небе, ни на земле, и нет никакого Божия промысла о нас, но все в мире этом случайно. Поэтому не прельщайтесь, творя молитвы Богу, ибо Его не существует.

Святой Петр, услышав эти рассуждения, сказал ему:

— Почему ты думаешь, что все не по Божиему устройству и промыслу, но случайно бывает, и чем ты докажешь, что нет Бога? Если нет Бога, то кто сотворил небо и украсил его звездами? Кто сотворил землю и одел ее цветами?

Человек тот, воздохнув из глубины сердца, промолвил:

— Знаю я, господин, отчасти астрономию, а богам так усердно служил, как никто другой; и познал я, что все надежды на Бога суетны, и нет никакого Бога; если бы был на небе какой-нибудь Бог, то услышал бы вздохи плачущих, внял бы молитвам молящихся, призрел бы на горесть сердца, изнемогающего от печали. Но так как нет того, кто бы подавал утешение в скорбях, то отсюда заключаю, что нет Бога. Если бы был Бог, то услышал бы меня, в горе молящегося и рыдающего, ибо, господин мой, двадцать лет и даже больше я нахожусь в великой печали, и как много я молился всем богам, как много я жертв принес им, как много пролил слез и рыданий! И ни один из богов не услышал меня, и весь труд мой был напрасен.

После этого Петр сказал:

— Потому ты и не услышан был столько времени, что молился многим богам — суетным и ложным, а не Единому, истинному Богу, в Которого мы веруем и Которому молимся.

Так беседуя с тем человеком и рассуждая о Боге, Петр уразумел, что говорит с Фавстом, мужем Матфидии, отцом Климента и братьев его, и сказал ему:

— Если ты желаешь веровать в Единого, истинного Бога, сотворившего небо и землю, то сейчас увидишь невредимыми и здоровыми и жену, и детей своих.

Он на это ответил:

— Неужели жена моя с детьми восстанет из мертвых? Я по звездам сам узнал и от премудрого астролога Аннувиона мне известно, что и жена моя, и двое детей моих утонули в море.

Тогда Петр ввел Фавста в жилище свое; когда тот взошел туда и увидел Матфидию, то ужаснулся и, пристально с удивлением смотря на нее, молчал. Потом сказал: «В силу какого чуда совершилось это? Кого теперь вижу?» И подойдя поближе, воскликнул: «Воистину моя возлюбленная супруга здесь!»

Тотчас от внезапной радости оба обессилели, так что и говорить друг с другом не могли, ибо и Матфидия узнала своего мужа. Когда же последняя немного пришла в себя, то так сказала: «О любезный мой Фавст! Как ты нашелся живым, когда мы слышали, что ты умер?»

Тогда была неописуемая радость для всех, и от радости великий плач, потому что и супруги узнали друг друга, и дети узнали своих родителей; и, обнявшись, плакали, и веселились, и благодарили Бога. И все там бывшие, видя неожиданную их общую встречу после долгой разлуки, прослезились и благодарили Бога. Фавст же припал к апостолу, прося крещения, потому что искренно уверовал во Единого Бога и, будучи крещен, воссылал со слезами благодарственные молитвы Богу. Потом все удалились оттуда в Антиохию.

Когда они учили там вере во Христа, то игемон Антиохийский узнал все о Фавсте, его жене и детях, о их высоком происхождении, а также о приключениях их, и тотчас послал вестников в Рим, чтобы известить обо всем царя. Государь повелел игемону, чтобы он поскорее доставил в Рим Фавста и его семейство с большою честию. Когда это было исполнено, император радовался их возвращению, а когда узнал все, случившееся с ними, долго плакал. В тот же день он устроил в честь их пир, на другой день дал им много денег, а также рабов и рабынь. И были они в большом почете у всех.

Проводя жизнь в глубоком благочестии, творя милостыню бедным и в преклонной старости раздав все нуждающимся, Фавст и Матфидия отошли ко Господу.

Дети же их, когда Петр пришел в Рим, подвизались в апостольском учении, а блаженный Климент был даже неразлучным учеником Петра и всех его путешествий, трудов и терпения за Христа

участник и благовестия Христова проповедник. Петр поставил его епископом прежде своего распятия, которое претерпел от Нерона[1]. После смерти апостола Петра, а за ним епископа Лина[2] и епископа Анаклета[3], Климент, во времена волнений и усобиц в Риме, управлял мудро кораблем Церкви Христовой[4], которая была тогда возмущаема от мучителей, и пас стадо Христово с большим трудом и терпением, будучи окружен со всех сторон, подобно рыкающим львам и хищным волкам, лютыми гонителями, которые старались поглотить и уничтожить Христову веру. Находясь в таком бедствии, он не переставал заботиться с великим старанием и о спасении душ человеческих, так что обратил ко Христу много неверных не только из простого народа, но даже из царского двора — благородных и сановитых, в числе которых был некто сановник Сисиний и немало из рода царя Нервы[5]. Своею проповедию святой Климент однажды во время Пасхи обратил ко Христу четыреста двадцать четыре человека знатного рода и всех крестил; Домициллу же, племянницу свою, которая была обручена Аврелиану, сыну первейшего римского сановника, посвятил на сохранение девства. Сверх того, он разделил Рим между семью писцами, чтобы они описывали страдания мучеников, которых тогда убивали за Христа.

Когда же его учением и трудами, чудными делами и добродетельною жизнию стала Церковь Христова умножаться, тогда гонитель веры христианской комит Торкутиан[6], увидев бесчисленное множество уверовавших во Христа, наученных Климентом, возмутил некоторых из народа восстать против Климента и против христиан. Произошло волнение в народе, и мятежники пришли к епарху города, Мамертину, и стали кричать, до каких пор Климент будет унижать наших богов; другие же напротив, защищая Климента, говорили: «Какое зло сделал этот человек или какого доброго дела он не

---

[1] 29 июня 67 года.

[2] Память святого епископа Римского *Лина* (67–69 гг.), единого из лика семидесяти апостолов, совершается 5 ноября и 4 января.

[3] *Святой Анаклет* — епископ Римский с 79 по 91 год.

[4] Святой апостол Климент управлял Римской Церковью с 91 по 100 год.

[5] *Нерва* — Римский император, царствовавший с 96 по 98 год по Рождестве Христовом.

[6] *Комитами* (латинское слово) назывались у римлян сотрудники и свита правителей провинции.

сделал? Кто бы из недужных ни приходил к нему, он всякого исцелял; каждый, с печалию придя к нему, получал утешение; никому никогда он не сделал зла, но всем — много сделал благодеяний».

Однако, все прочие, исполненные духа неприязни, кричали: «Волшебством все это он делает, а службу нашим богам искореняет. Зевса не называет богом, Геркулеса, нашего покровителя, называет нечистым духом, честную Афродиту называет не иначе, как блудницей, о великой Весте говорит, что ее нужно сжечь; также и Афину, Артемиду, Гермеса; Хроноса же и Арея хулит и бесчестит; всех наших богов и храмы их постоянно бесчестит и осуждает. Поэтому пусть он или принесет жертву богам, или будет наказан».

Тогда епарх Мамертин, под влиянием шума и волнения толпы, приказал привести к себе святого Климента и начал говорить ему: «Ты произошел из благородного рода, как говорят все римские граждане, но соблазнился, и поэтому не могут терпеть тебя и молчать; неизвестно, какого ты Бога почитаешь; какого-то нового, называемого Христом, противного нашим богам. Тебе следует оставить всякое заблуждение и увлечение и поклониться богам, которым мы кланяемся».

Святой Климент ответил: «Молю твое благоразумие, послушай меня, а не безумных слов грубой черни, напрасно восстающей на меня, ибо хотя и многие собаки лают на нас, но они не могут отнять от нас того, чем мы являемся; ибо мы — люди здравые и разумные, они же — собаки без разума, лающие бессмысленно на доброе дело; волнения и мятежи всегда появлялись от неразумной и несмысленной толпы. Поэтому прикажи сначала им замолчать, чтобы, когда наступит тишина, мог говорить человек разумный о важном деле спасения, чтобы можно было обратиться к поискам истинного Бога, Которому с верою до́лжно кланяться».

Это и многое другое говорил святой, и епарх в нем не нашел никакой вины, потому и послал к царю Траяну[1] известие, что на Климента восстал народ из-за богов, хотя достаточного свидетельства для обвинения его не имеется. Траян ответил епарху, что Климент должен или принести жертву богам, или быть заточенным в пустынное место Понта близ Херсонеса[2]. Получив такой ответ от

[1] *Траян* — римский император с 98 по 117 год.

[2] *Херсонес* — город в Тавриде, полуострове Черного моря (ныне Крым); на-

царя, епарх Мамертин сожалел о Клименте и умолял его не избирать себе самовольного изгнания, но принести жертву богам, — и тогда быть свободным от ссылки. Святой возвестил епарху, что изгнания он не боится, напротив, еще сильнее желает его. Такая была сила благодати в словах Климента, которую дал ему Бог, что даже епарх умилился душою, заплакал и сказал: «Бог, Которому ты служишь всем сердцем, да поможет тебе в твоем изгнании, на которое ты осужден».

И приготовив корабль и все необходимое, он отпустил его.

Вместе со святым Климентом отправились в изгнание также многие из христиан, решившись лучше жить вместе с пастырем в изгнании, чем остаться без него на свободе.

Прибыв на место заточения, святой Климент нашел там более двух тысяч христиан, осужденных на работу в горных каменоломнях. К такому же делу был приставлен и Климент. Христиане, увидев святого Климента, со слезами и скорбию приступили к нему, говоря:

— Помолись о нас, святитель, чтобы нам сделаться достойными обетований Христа.

Святой сказал:

— Я недостоин такой благодати Господа, сподобившего меня быть только участником вашего венца!

И работая с ними, святой Климент утешал их и наставлял полезными советами. Узнав, что у них имеется большой недостаток в воде, так как им приходится за шесть поприщ[1] приносить себе воду на плечах, святой Климент сказал: «Помолимся Господу нашему Иисусу Христу, чтобы Он Своим последователям открыл источник живой воды, подобно тому как открыл жаждущему Израилю в пустыне, когда разбил камень и потекла вода; и получив таковую благодать его, — возвеселимся».

И начали все молиться. По окончании молитвы святой Климент увидал агнца, стоявшего на одном месте и поднимавшего одну ногу, как бы показывая место. Климент понял, что это явившийся Гос-

---

ходился близ теперешнего Севастополя. В нем принял христианскую веру русский князь, равноапостольный Владимир.

[1] *Поприще* — первоначально — ристалище, место для состязаний; затем это слово стало означать то же, что стадия, — то есть мера длины в сто двадцать пять шагов.

подь, Которого никто не видит, кроме него одного, и пошел на то место, сказав: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, копайте на этом месте».

И все, став кругом, начали копать лопатами, но пока ничего не было, так как не могли напасть на то место, где стоял Агнец.

После этого святой Климент взял маленькую лопату и начал копать на том месте, где стояла нога Агнца, и тотчас явился источник вкусной чистой воды; и образовалась из источника целая река. Тогда все возрадовались, а святой Климент сказал: *Речные потоки веселят город Божий* (Пс. 45, 5).

Слух об этом чуде распространился по всей окрестности; и стали стекаться люди в большом количестве, чтобы видеть реку, неожиданно и чудесно образовавшуюся по молитвам святого, а также и послушать его учения. Многие уверовали во Христа и крещены были в воде от святого Климента. Столько народу приходило к святому и столько обращалось ко Христу, что всякий день крестилось по пятисот человек и более. В одно лето настолько увеличилось число верующих, что даже было построено семьдесят пять церквей и разбиты были все идолы, а капища — во всей стране разрушены, так как все жители приняли христианскую веру.

Царь Траян, узнав, что в Херсонесе бесчисленное множество людей уверовало во Христа, тотчас послал туда одного сановника, по имени Авфидиана, который по прибытии подверг многих христиан пыткам и многих умертвил. Увидав же, что все с радостию идут на мучение за Христа, посланный сановник не пожелал более мучить народ и только одного Климента всеми силами старался принудить к принесению жертвы. Но, найдя его непоколебимым в вере и крепко верующим во Христа, повелел посадить его в лодку, отвезти на средину моря и там, привязав якорь на шею, повергнуть в самое глубокое место моря и утопить, чтобы христиане не нашли его тела. Когда все это произошло, верующие стояли на берегу и сильно плакали. Потом два вернейших ученика его, Корнилий и Фив, сказали всем христианам: «Помолимся все, чтобы Господь открыл нам тело мученика».

Когда молился народ, то море отступило от берега на расстояние трех поприщ, и люди, подобно израильтянам в Чермном море, перешли посуху и нашли мраморную пещеру наподобие церкви Бо-

жией, в которой покоилось тело мученика, а также нашли близ него и якорь, с которым был потоплен мученик Климент. Когда верные хотели взять оттуда честное тело мученика, то было откровение вышеупомянутым ученикам, чтобы тело его здесь оставили, ибо каждый год море в память его будет отступать так в течение семи дней, давая возможность приходить желающим поклониться. И так было много лет, начиная с царствования Траяна до царствования Никифора, царя Греческого[1]. Много и других совершилось там чудес по молитве святого, которого прославил Господь.

Однажды море в обычное время открыло доступ к пещере, и много народу пришло для поклонения мощам святого мученика. Случайно был оставлен в пещере ребенок, забытый родителями при уходе их. Когда море стало опять возвращаться на прежнее место и уже покрывало пещеру, то все, бывшие в ней, поспешили уйти, боясь, чтобы и их не покрыло море, и родители оставленного ребенка также поспешили выйти, думая, что ребенок раньше вышел с народом. Осмотревшись и ища его везде среди народа, они не находили его, а возвратиться снова в пещеру не было уже возможности, так как море покрыло пещеру; неутешно плакали родители и пошли к себе домой с великим плачем и скорбью. На следующий год море снова отступило и родители ребенка пришли опять для поклонения святому. Взойдя в пещеру, они нашли ребенка живым и здоровым, сидящим у гробницы святого. Взяв его, родители с неописанной радостью спрашивали его, как он остался жив.

Ребенок, показывая пальцем на гробницу мученика, сказал: «Этот святой меня сохранил живым, питал меня и все морские ужасы отгонял от меня».

Тогда великая радость была у родителей и у народа, пришедшего на праздник, и все прославляли Бога и угодника Его.

В царствование Никифора, царя Греческого, в день памяти святого Климента, море не отступило, как бывало в прежние годы, и было так лет пятьдесят и более. Когда же в Херсонесе епископом сделался Георгий блаженный, то он сильно скорбел о том, что море не отступает и мощи столь великого угодника Божия находятся как бы под спудом, покрытые водой.

---

[1] *Византийский император Никифор* царствовал с 802 по 811 год.

Во время его управления епархией пришли в Херсон два христианских учителя — Мефодий и Константин философ, нареченный впоследствии Кириллом[1]; они направлялись на проповедь к хазарам[2] и по дороге расспрашивали о мощах святого Климента; узнав же, что они находятся в море, эти два учителя церковные стали побуждать епископа Георгия к открытию духовного сокровища — мощей священномученика.

Епископ Георгий, побуждаемый учителями, отправился в Константинополь и поведал обо всем царствовавшему тогда императору Михаилу III[3], а также святейшему патриарху Игнатию[4]. Царь и патриарх послали с ним избранных мужей и весь клир святой Софии[5]. Прибыв в Херсонес, епископ собрал весь народ, и с псалмами и пением все отправились к морскому берегу, в надежде получить желаемое, но вода не расступилась. Когда зашло солнце, они сели в корабль, вдруг, среди полуночного мрака, море озарилось светом: сначала явилась голова, а затем все мощи святого Климента вышли из воды. Святители, благоговейно взяв их, положили на корабль и, торжественно внеся в город, поставили их в церковь. Когда началась святая литургия, то много совершилось чудес: слепые прозирали, хромые и всякие больные получали исцеление, и бесноватые освобождались от демонов, по молитвам святого Климента, благодатию Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава вовеки. Аминь[6].

---

[1] Святые *Мефодий* и *Кирилл* — известные просветители славян.

[2] *Хазары* — народ туркменского происхождения, обитавший около Каспийского моря в низовьях Волги и в Предкавказье. Они были частью язычниками, частью магометанами, частью же исповедовали еврейскую веру.

[3] Византийский *император Михаил III* царствовал с 855 по 867 год.

[4] *Святой Игнатий* управлял Константинопольской Церковью с 847 по 857 год, потом после Фотия — с 867 по 877 год.

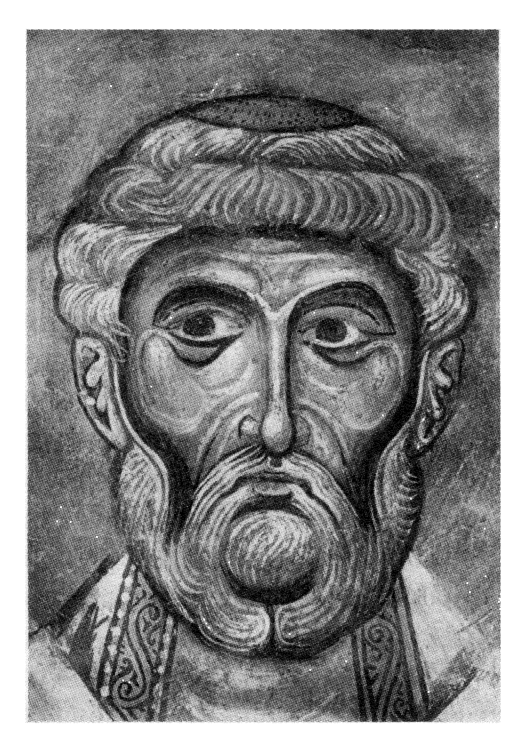
[5] *Святая София* — соборный храм Константинополя.

[6] Известно, что святые Кирилл и Мефодий часть мощей святого Климента взяли с собой и отправили в Рим при папе Адриане II (867 г.); все же тело святого вместе с честной главой оставалось в Херсонесе до того времени, когда этот город был взят Русским великим князем, святым Владимиром. Последний, приняв в Херсонесе святое крещение, взял с собой и мощи святого Климента «на благословение себе и на освящение всем людям» и положил их в Киевской Десятинной церкви Пресвятой Богородицы. Здесь мощи священномученика находились до нашествия татар. Куда девались эти мощи во время татарского нашествия, сокрыты ли верующими или перенесены в другое место, — не известно. Сейчас

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА **ПЕТРА**, архиепископа Александрийского

Святой Петр, архиепископ Александрийский, в младенчестве был воспитан блаженным Феоною, архиепископом того же города Александрии, и после него на святительскую кафедру был поставлен в то время, когда нечестивыми римскими царями Диоклетианом и Максимианом были воздвигнуты сильные гонения на христиан. Христовыми мучениками были переполнены тогда все темницы, и кровь их обливала все улицы, города и окрестные поля; в это страшное и скорбное от бед и несчастий время Божией Церковию управлял святой Петр в терпении и больших трудах. Своим учением и непреодолимой твердостью духа он поддерживал малодушных и боязливых, многих удержал от отступления и падения и большое количество верующих привел к мученическому венцу. Изгнан за Христа и находясь в Тире, Финикии и Палестине, святой поддерживал своих овец посланиями и укреплял их силою Святого Духа; боясь же, чтобы кто-нибудь, устрашившись мук, не отпал от Христа, день и ночь молился за них к Богу. Возвратившись снова в Александрию, Петр помогал заключенным в темнице, которых было шестьсот пятьдесят, причем между ними много было пресвитеров и клириков; все они были умерщвлены после различных мучений. Петр же, видя их страдание и терпение, радовался духом. Во время доброго правления его паствой восстал в Александрии хищный волк в овечьей одежде — Арий еретик, который среди пшеницы начал сеять плевелы проклятого бесовского учения, хулил Божество Иисуса Христа и такой хулой вредил Церкви Божией. Добрый пастырь часто этому волку заграждал уста и, опровергая его, наказывая и запрещая, чтобы он не нарушал доброго исповедания Святой Троицы, непорочно переданного Церкви Христовой. Но когда Арий оставался таким же неисправимым и его злоба не хотела покориться правде, тогда святой Петр проклял хулителя и отлучил

можно встретить только частицы этих мощей, например в одном напрестольном кресте Александро-Невской лавры, в Петербурге.



от Церкви, как негодный член. И мстительный Арий, будучи изгнан из стада Христова, скрывался, как тьма от света, ибо всякий делающий зло, как сказано, ненавидит свет и не приходит к свету, чтобы не открылись лукавые дела его (см.: Ин. 3, 20); и не осмеливается беззаконник прийти к этому бдительному пастырю, которого никакой лестью и хитросплетенными словами не мог прельстить.

Число же верующих во Христа в Александрии все более и более возрастало и увеличивалось, несмотря на жестокое время; ибо никакие пытки не могли воспрепятствовать и загородить путь ко Христу тем, которые желали спасения; многие не только своих имений, но даже жизни не щадили и спешили к святому Петру, чтобы получить крещение, оставив идольское служение.

Нечестивый царь Максимиан, владеющий восточными странами и пребывающий в Никомидии, узнав о том, что многие через наставления святого Петра стали обращаться от идолопоклонства ко Христу, послал трибуна с воинами взять святого и связанного привести к нему[1]. Посланные, придя в Александрию, нашли святого Петра в храме совершающим память всем святым со множеством верных, взяли его и заковали в тяжелые оковы. Тогда произошло большое волнение среди народа, многие плакали о святом Петре, другие восклицали: «Зачем берете пастыря от нас?» И собралась вся

---

[1] Население Рима с древнейших времен делилось на несколько частей, которые назывались трибами. Начальникам, или старейшинам, триб и усвоено было название *трибунов*. Со временем это название стало прилагаться ко многим государственным должностным лицам, преимущественно же — к воинским начальникам, вроде наших полковников. В настоящем месте разумеется один из таких начальников.

Александрия, желавшая душу свою положить за своего учителя, и кричал весь народ на царя и его посланных. Трибун, видя сильное волнение и возмущение народа, приказал стеречь святого в темнице, бывшей близ храма, и написал царю обо всем случившемся. Царь, прочитав написанное, сильно разгневался и письменно повелел отсечь учителю христианскому Петру голову и всех сопротивляющихся казнить мечом. Трибун, получив послание царя, постарался исполнить приказание его и пытался привести Петра на усечение, но толпа народа, которая день и ночь находилась у темницы, не позволяла вывести на смерть своего отца. Тут было бесчисленное множество мужей, жен, старых и юных, иноков и инокинь, которые, будучи привязаны любовию к архиерею Божиему, не отходили от темницы. Когда они увидали вооруженных воинов, идущих к темнице, чтобы вывести Петра, все единодушно воскликнули: «Сначала нас всех убейте, если имеете приказание от вашего царя, а потом уж возьмете и отца нашего; не отступим от нашего пастыря и не допустим, чтобы пострадал учитель и врач душ наших».

Трибун, услышав это и видя множество народа, не желал учинить большого кровопролития, но чтобы исполнить приказание царя, старался тайно обезглавить Петра.

Когда все это происходило, Арий, узнав, что архиепископ, отлучивший его от святой соборной апостольской Церкви, сидит в оковах в темнице и должен быть убитым за Христа, явился к нему со льстивым и лицемерным покаянием, надеясь после него взойти на кафедру и быть Александрийским архиепископом. Он пришел, как бы прося прощения и каясь в своем грехе еретичества, и умолил некоторых пресвитеров, а больше всех Ахиллу и Александра, просить за него Петра, чтобы он простил ему согрешения и принял бы в церковное общение. Бог, знающий все человеческие сердечные помыслы, ведал и лукавое сердце Ария, и вот явившись ночью блаженному Петру, открыл ему все лукавство проклятого еретика и повелел не принимать его в Церковь. Утром много благоверных, честных граждан, во главе с пресвитерами Ахиллой и Александром, явившись в темницу, стали просить святого архиепископа, припав к его ногам, чтобы он простил Ария и разрешил бы его от клятвы. Блаженный Петр, плача и вздыхая, ответил им: «Возлюбленные, не знаете, о ком просите, — просите о том, кто терзает Церковь Христову.

Вы знаете, что я люблю своих овец и не желал бы, чтобы какая-нибудь из них погибла. Больше всего я молю Бога, чтобы Он всем подал прощение грехов и спасение; только Ария я отвергаю, ибо он Самим Богом отвержен и от святой Церкви отлучен не столько моим судом, сколько Божиим, так как он не перед человеком, но перед Богом согрешил, хуля тайну Святой Троицы, на Которую Херувимы и Серафимы не могут смотреть и только непрестанно воспевают: Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф, силы же небесные глаголют: исполнь небо и земля славы Твоей[1]. Бесстыдный еретик своею хулою осмеливается делать разделение между Отцом и Сыном и Святым Духом; как можно ему простить, когда на него все созданное гневается за своего Создателя? Итак, да будет проклят Арий и в нынешнем веке и будущем».

Когда блаженный Петр сказал это, все просившие за Ария пали к ногам его и уже не осмеливались более беспокоить его. Он же, отведя в сторону пресвитеров Ахиллу и Александра, сказал им: «Я — человек грешный, но знаю, что Господь Бог призывает меня к мученическому венцу, и прежде чем умру, объявлю вам, столпам Церкви, тайну Божию, которую открыл мне Господь в эту ночь. Ты, честный Ахилла, после меня на архиепископский престол взойдешь, а после тебя достойный пресвитер Александр. Что же касается до Ария, то не думайте, что я несправедлив к нему и жесток по отношению к согрешающим, ибо грех, обделанный по немощи, хотя был бы и наибольшим, меньше злобы Ария. Согрешающим по немощи можно простить; того же проклятого, о котором вы просите, как я могу простить, когда душа его переполнена обманом и хулою? Ибо от сердца его течет река хуления на Всемогущего Сына Божия; он называет созданием Того, Кто Сам Создатель всего видимого и невидимого и Которого пророки, апостолы и евангелисты проповедовали. Как вы можете заставить меня снизойти к вашей просьбе и простить Ария, когда он моего наказания и вразумления не послушал? А если я и проклял его, то не сам, а по соизволению Христа Бога моего, Который явился мне в эту ночь. Когда я, как обычно, молился, вдруг великий свет озарил темницу, и я увидел Господа моего Иисуса Христа — в образе двенадцатилетнего юноши, имеющего лицо ярче солнца, так что я не мог смотреть на неописанную славу

[1] Здесь заключается указание на видение пророка Исаии; см.: Ис. 6, 3 и др.

лица Его. Он был одет в белый хитон, разодранный сверху донизу; придерживая его на груди обеими руками, Он закрывал Свою наготу. Когда все это я увидал, то меня объял ужас и трепет, и я с боязнию молился Ему, говоря: „Кто Тебе, Создатель, разодрал хитон?“ Господь же отвечал: „Арий безумный разодрал Мне, так как он отделил от Меня людей, которых Я стяжал Своею Кровию. Остерегайся и не принимай его в церковное общение: он замышляет лукавое и враждебное против Меня и народа Моего. Вот хотят просить тебя о нем, чтобы ты простил его; но ты не слушай их и не принимай волка в стадо, как овцу. Заповедай Ахилле и Александру, которые будут после тебя епископами, чтобы они не принимали его, но перед всеми бы прокляли его“. Вот я вам возвестил, что мне велено было; если же вы не послушаете и не исполните заповеданного вам, то я буду в том неповинен».

Сказав это, он преклонил колена и молился, и все с ним молились. Окончив молитву, он сказал: «Помолитесь за меня, братия». Присутствующие, помолившись, ответили: «Аминь». Ахилла же и Александр, целуя его руки, плакали, ибо он сказал им, что они больше не увидят его. И возвестили пресвитеры людям все слова, сказанные блаженным Петром об Арии, и то, что он заповедал им, чтобы не принимать Ария в церковное общение, как волка и врага Сына Божия.

Потом святой Петр, видя, что христианский народ, пылая ревностью, не пускает царского посланного вывести его на смерть из темницы, и боясь, чтобы не произошло большого кровопролития вследствие столкновения народа с посланными царя, к тому же желая сам скорее разлучиться с телом и отойти ко Господу, восхотел тайно отдать себя мучителям, чтобы сохранить людей без вреда и скорее отойти к желаемому концу. Он тайно от народа послал к трибуну одного, приставленного к нему, надежного раба со словами: «Если желаешь сделать угодное царю Максимиану, то тайно приходи ночью к темнице и, пробив стену, возьмешь меня и исполнишь повеление царя».

Так и произошло: наступила ночь, народ во множестве толпился у дверей темницы, где находился святой пастырь стада Христова, не пропуская к нему никого. Трибун явился с воинами и пробил стену сзади, насколько можно пройти одному человеку. Ночь была зимняя

и ветреная, и никто из христиан не слышал звуков пробиваемой стены. Святой Петр, осенив себя крестным знамением, сказал: «Лучше одному человеку умереть, нежели всем людям погибнуть», — и вышел из темницы пробитой стеной, так что никто из верных не знал этого.

Трибун с воинами удивлялись мужеству святого, шедшего на смерть, и, взяв его, привели на то место, где святой апостол Марк принял мученическую кончину, и там отсекли ему честную главу.

Близ гроба святого Марка находилась одна девица, затворница; когда она молилась Богу в ту ночь, в которую святой Петр был усечен, то услышала голос с неба, говорящий: «Петр — начало апостолов, Петр — конец Александрийских мучеников»[1].

С наступлением утра все люди, узнав, что пастырь их тайно выведен из темницы и усечен при гробе Марка, с плачем поспешили к святому телу его и, взяв его, внесли во храм. Здесь, приложив честную главу к туловищу, посадили его на престоле, то есть на горнем месте, по следующему основанию: этот святой архиерей, при жизни, во все время своего пастырского служения никогда не садился на горнем месте, но когда приходило время, садился только при подножии, и никогда не восходил на самые ступени места; этим все люди и клир его часто возмущались и просили сесть на горнее место, но он никогда не соглашался. Однажды после Божественной литургии, созвав весь клир, он сказал: «Знаете ли вы, почему я не

---

[1] Это было в 311 году. Известный церковный историк Евсевий, епископ Кесарийский, современник святого Петра Александрийского, называет последнего «священным украшением епископов и по святости, и по упражнению в священных глаголах». По его увещанию, целые сонмы верующих александрийцев увенчались венцом мученическим. Слабость некоторых, не выносивших жестокости мучений, побудила его в 306 году разослать правила покаяния, которые с древних времен приняты в состав правил Вселенской Церкви и дышат христианской любовью и утверждаются на изречениях Священного Писания. При этом он всего более старался о том, чтобы возвратить падших в недра Церкви, разделяя падших на роды, обращая внимание на обстоятельства падения, призывая всех к покаянию и объявляя одно только преступление непростительным — нераскаянность. Кроме того, известно его сочинение о Пасхе и в извлечениях: книга «О Божестве», прекрасные места из которой, относящиеся до воплощения Сына Божия, были читаны на III (Ефесском) и IV (Халкидонском) Вселенских соборах, сочинение «О пришествии Спасителя» и некоторые другие философско-богословского характера.

сажусь на моем горнем месте и не восхожу на ступени его? Потому что, когда приближаюсь к престолу, вижу на нем небесный свет и как бы некоторую Божественную Силу, на нем пребывающую. Ужас обнимает меня, и я не дерзаю сидеть там, считая себя недостойным этого, но сажусь при подножии, и то со страхом. Говорю вам для того, чтобы вы более не принуждали меня».

На основании этого после кончины его люди мертвым посадили его на горнем месте, и все восклицали: «Моли о нас, святой угодник Божий!»

Потом честно погребли его, прославляя Святую Троицу: Отца, и Сына, и Святого Духа — Единого Бога, Ему же и от нас честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ПЕТРА МОЛЧАЛЬНИКА

Святой отец наш Петр родился в Понте от благочестивых родителей, с которыми прожил только семь лет. Остальное время своей жизни в любомудрии он провел прежде всего в Галатии, потом, ради усовершенствования, отправился в Палестину, где предался молитве, и затем поселился в Антиохии. Затворившись в одной хижине, он, заботясь о своей душе, проводил время в непрестанных молитвах. Ничего, кроме хлеба, он не вкушал и, кроме воды, не пил, да и то в малом количестве через два или три дня. Он имел власть над бесами. Так, одного человека, по имени Даниил, святой Петр освободил от беса; исцеленный, по наставлению и научению его святым Петром, сделался подражателем его жизни. Святой Петр отверзал очи слепым и исцелял различные недуги. Наставления он преподавал или письменно, или словесно. Своею святою жизнию он прославился по всей Антиохии и ее пределах. Прожив девяносто лет, украшенный многими добродетелями и подвигами безмолвия, святой мирно отошел ко Господу, около 429 года[1].

---

[1] Память святого Петра Молчальника совершается еще 1 февраля.

День двадцать шестой

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
АЛИПИЯ СТОЛПНИКА

Раб Христов Алипий был родом из пафлагонского города Адрианополя[1]. Господь избрал его на служение Себе еще до его рождения. Однажды ночью, незадолго до рождения сына, мать его имела следующее видение. Ей показалось, что она держит на руках агнца, весьма красивого, с двумя горящими свечами на его рогах. Когда же наступило время рождения Алипия, то комната наполнилась Божественным сиянием: это было предзнаменованием сияния будущей праведной жизни Алипия, так как ему было назначено стать светильником мира. После рождения Алипия мать его заснула, и во сне ей снова было следующее видение: все жители города стекались в ее комнату и окружали младенца, воспевая псалмы и священные песнопения. Эти видения мать запомнила, слагая их в сердце своем и размышляя о будущей судьбе сына своего.

Через некоторое время скончался муж ее, и, не пожелав вторично выйти замуж, она стала проводить время своего вдовства в посте и молитве, угождая Богу чистотой своей жизни и, вместе с сыном, возлагая все свое упование на истинного Отца сирот и вдовиц.

Вскормив своего сына и отдавая его на служение Богу, она, как древле Анна, мать Самуила (см.: 1 Цар. 1, 24–28), отвела его в храм Божий и вручила Адрианопольскому епископу, блаженному Феодору. Духом уразумев благодать Божию, почившую на отроке, епископ сильно полюбил его и начал обучать Божественному Писанию.

---

[1] *Пафлагония* — провинция Римской империи на юге Малой Азии с главным городом Гангрой.

Придя в возраст, Алипий превзошел своих сверстников мудростию и разумом; добрым же поведением и добродетелями стяжал себе любовь у Бога и людей. Душа его была полна страха Божия, смирения и кротости; по мудрости же своей он показывал как бы мудрость седины и имел *беспорочную жизнь — возрастом старости* (Притч. 4, 9). Ради этих добродетелей он был назначен церковным экономом, а затем рукоположен в сан диакона, и в этом сане совершал свое непорочное служение Богу.

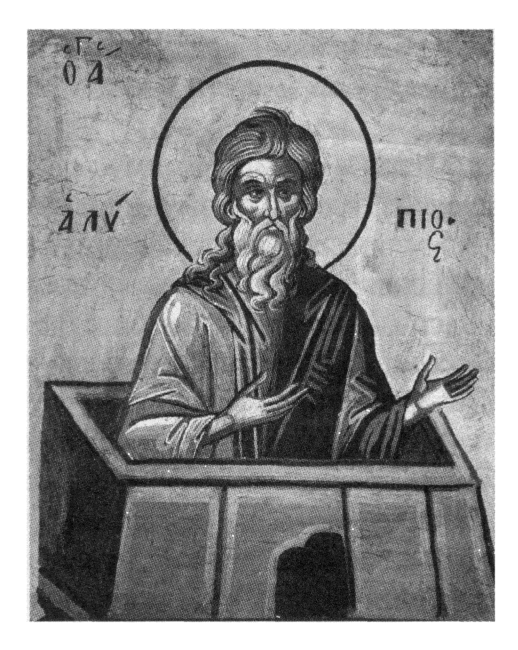
Спустя некоторое время Алипий возжелал уединенной жизни, чтобы в безмолвии одному усерднее служить Богу и наслаждаться непрестанным Богомыслием. Это желание сердца своего он открыл своей праведной матери, которая, подобно Анне пророчице[1], не отходила от церкви и в посте и молитве день и ночь совершала свое служение Богу; она уже давно раздала свое имущество нищим и, обрученная Христу, была поставлена в диаконисы. Этой-то богоугодной рабе Господней, своей же матери, святой Алипий поведал о своем намерении.

— Я хочу пойти на Восток, — сказал он ей, — потому что я слышал, что там, в пустынях, живет в безмолвии много святых отцов; я поселюсь с ними и, взирая на их богоугодное житие, постараюсь, с Божией помощью, подражать их добродетельной жизни. Ты же, мать моя, молись обо мне, чтобы Господь, по Своей святой воле, направил мой путь и чтобы Ему было угодно мое начинание.

Нисколько не огорчаясь разлукой с сыном, мать подняла к небу свои руки и, после усердной молитвы к Богу, благословила его и отпустила с миром. Не сказавшись никому, кроме матери, святой Алипий покинул родной Адрианополь и, горя Божественным желанием, устремился в путь, как стремится олень к источнику водному. Известие об его уходе сильно опечалило епископа Феодора, клир и мирян, лишившихся в нем доброго согражданина, который украшал Церковь Божию примером своей добродетельной, ангельской жизни и приносил многим из верных чад ее большую пользу. Епископ тотчас же разослал повсюду на поиски святого своих слуг, которые, спустя немного времени, нашли его в Евхаите[2] в день празднования памяти святого мученика Феодора. Только с большим трудом, прибегая то к мольбам, то к угрозам, удалось вернуть

[1] Память *святой Анны пророчицы* празднуется 3 февраля.

[2] *Евхаит* — город на севере Малой Азии, ныне *Мерсиван*.



его обратно в отечество; ибо Богу не было угодно, чтобы Пафлагония лишилась такого светильника, которым многие должны были быть призваны из греховной тьмы к свету богоугодной жизни.

Возвратившись в свой дом, святой Алипий сильно скорбел о неудавшемся путешествии и неисполненном желании. Но Бог всякого утешения утешил и его печаль Божественным явлением. Некий дивный муж, лучше сказать — Ангел Божий, явился ему в видении и сказал:

— Не скорби, Алипий, о возвращении с желанного пути, но твердо знай, что свято всякое место, которое избирает любящий Бога человек для благочестивой и богоугодной жизни.

Утешенный этим видением, Алипий перестал скорбеть и продолжал свою иноческую жизнь, прилежно подвизаясь и служа Богу. Однако его не оставляло желание уединиться в каком-нибудь пустынном месте. Поэтому он много раз выходил из дому и обходил окрестные горы, поля и леса, ища места, удобного для богомыслия. Поднявшись однажды на гору, расположенную к югу от города, он нашел на ней высокое и живописное место, удаленное от городского шума и суеты. Оно понравилось ему, и, принеся орудия для копания, он вырыл себе тут колодец. При этом он, не столько работая заступом, сколько устами прилежно молясь Богу, извел из земли воду. Окончив этот труд, святой Алипий пошел к епископу, прося разрешить ему поселиться там и построить церковь. Епископ, хотя и не возбранял ему исполнить это желание, однако тайно послал слуг завалить источник большими камнями и засыпать его землей: ему не хотелось, чтобы блаженный поселился на этом месте, так как гора была очень высока и почти неприступна для всякого, кто бы пожелал посетить святого, и притом находилась далеко от города; епископ желал, чтобы Алипий поселился ближе к городу и в более

удобном месте. Найдя свой источник засыпанным, блаженный покинул эту гору и стал искать себе другое место в окрестностях города.

Перед самым городом была расположена пустыня, в которой в древние времена язычники-эллины хоронили своих покойников. Пустыня была населена легионами нечистых духов; вследствие этого все боялись того места и никто не мог пройти через него по причине ужасов, наводимых бесами. Видя, что все избегают этой пустыни, блаженный Алипий поселился там в одном из гробов[1]; над гробом стоял каменный столп, а на столпе — идол. Сокрушив идола, как глиняный сосуд, преподобный воздвиг на его месте честный крест. Таким образом, нисколько не боясь ужасов бесовских и нападений, он начал там жить, далеко прогоняя от себя бесовские полки оружием креста и стрелами своих молитв. Однажды во время сна святому Алипию предстали в видении два честных мужа, облеченных в священнические ризы, и сказали ему:

— Зачем ты так долго заставил нас ждать тебя здесь, человек Божий? Если ты тот Алипий, которому предназначено от Бога освятить это место и умножить на нем славословие Божие, то приступи немедля к тому делу, которое тебе подобает совершить.

Проснувшись, преподобный удивился словам виденных им мужей, недоумевая, кто они такие и что ему надлежит совершить на этом месте, чтобы умножить славословие Богу. Вскоре после этого епископу Адрианопольскому Феодору понадобилось для чего-то съездить к царю, и святой Алипий должен был сопровождать его в качестве клирика. Против своего желания и подчиняясь лишь воле епископа, он отправился в путь и проводил его до Халкидона, где епископ намеревался сесть на корабль, чтобы отплыть в Царьград.

Тем временем Алипий вошел в одну церковь, находившуюся на берегу моря, и, помолившись в ней, задремал. И вот предстала ему в видении дева прекрасная, как солнце, и сказала:

— Встань скорее, Алипий!

Изумленный ее красотой, Алипий спросил ее:

— Кто ты, госпожа, и почему велишь мне скорее встать?

---

[1] *Гробами* обыкновенно были тогда пещеры в горах — иногда природные, иногда вырытые, или высеченные искусственно, — в которых и полагали тела умерших, завернутые в особые пелены или простыни.

— Я — Евфимия[1], раба Христова и мученица, — ответила она. — Встань и, если хочешь, пойдем в твое отечество! По воле Божией я буду твоей спутницей и помощницей.

Когда святая мученица произнесла эти слова, Алипий проснулся и не увидал никого перед собой, но сердце его было полно духовной радости. Он понял, что Бог хочет его возвращения к безмолвию. Поэтому, оставив епископа, он вернулся в отечество, сопровождаемый невидимой помощью и молитвами святой великомученицы Евфимии, чудный образ которой и сладкую беседу он все время хранил в сердце своем и радовался духом.

Придя в Адрианополь, в свою безмолвную пустыню, он задумал построить на этом месте церковь во имя святой Евфимии. Потребных средств для этого он не имел, ибо, раздав все свое имение и последовав за обнищавшим нас ради Господом, он, как нищий, не имел ни золота, ни серебра, ни даже меди при поясе. Тогда он упросил знакомых ему граждан и соседей помочь ему. Узнав о его желании, они с усердием приносили ему все нужное, и в скором времени между языческими гробами была создана церковь во имя святой мученицы Евфимии. Когда основание было вырыто, святому Алипию снова явились во сне два вышеупомянутых мужа в иерейских облачениях. Один из них держал в руке кадильницу и кадил основание, знаменуя этим, какая великая здесь имеет быть церковь, другой же пел:

— Осанна месту этому!

Не известно, кто были эти мужи, — но некоторое время спустя там были обретены нетленные и благоуханные мощи тех двух мужей, которые дважды являлись в видении святому Алипию. По его повелению, эти святые мощи были положены в выстроенной им церкви.

Еще до освящения церкви легионы бесовские, видя, что, по старанию святого Алипия, среди их жилища воздвигается селение святых, и там, где они наводили на всех страх и ужас, начинает являться Божия благодать, с великим криком и воплем устремились на новозданную церковь и на келию святого, желая разрушить здание до самого основания и, устрашив святого мужа, изгнать его оттуда. В своей ярости бесы вопили разными голосами, как разъяренные

[1] *Святая великомученица Евфимия* (память ее — 11 июля и 16 сентября) была родом из Халкидона, где и почивали ее мощи до 620 года, когда они были перенесены в Константинополь.

звери или разгневанные ратники; но воин Христов стал на молитву, вооружился ею, как непобедимым оружием, и тотчас победил призрачную силу бесовскую, так что бесы бежали с позором, как пыль, возметаемая ветром.

Когда церковь была освящена, то из города начал стекаться к ней народ, чтобы славословить Бога и послушать душеполезных поучений святого. Тогда Алипий, вооружаясь еще сильнее против врага, поднялся на столп, подобно святому Симеону[1], первому столпнику, и стал как бы страж, издалека усматривая наступающие ополчения бесовские и мужественно борясь с ними день и ночь. Бесы же, хотя всегда бывали побеждаемы им, однако не прекращали своих бесстыдных нападений на святого.

Однажды ночью злые духи начали бросать в Алипия камнями, причиняя ему сильные поранения. Перенося удары камней, святой сказал бесам:

— Что вам надо от меня, человеконенавистные и гибельные бесы? Тщетно возмущаетесь вы и злобно восстаете против рабов Божиих. Эти камни, которые вы мечете в меня, будут свидетельствовать перед Христом в день второго пришествия о вашей бесстыдной дерзости и злобе. Знайте, что я ни во что вменяю ваше метание камней и считаю его как бы детской игрой. Вот я снимаю легкие доски, служившие покровом над моей головой, чтобы с большим удобством принимать удары и претерпеть ради Господа моего то, что претерпел святой первомученик Стефан[2]. Вы убили его руками иудеев, с которыми и унаследуете геенну огненную.

Слыша эти слова и понимая, что непобедимый страдалец готов все претерпеть для Бога, бесы разбежались от того места. Это слышали в ту ночь некоторые прохожие, видевшие также и бесов, бежавших оттуда под разными видами, громко рыдавших и вопивших:

— Алипий изгнал нас из нашего жилища! Куда нам идти? Нам нигде нет места!

Преподобный же снял со столпа легкий навес, бывший над его головой, и стоял, имея небо своим единственным покровом, муже-

---

[1] Память *преподобного Симеона Столпника* празднуется 1 сентября.

[2] Память святого первомученика *архидиакона Стефана* — 27 декабря. Иудеи побили его камнями за обличение их неверия и исповедование Христовой веры (см.: Деян. 8).

ственно перенося стужу и зной, дождь и град, снег и мороз. И был он таким добровольным мучеником не краткое время, но пятьдесят три года, страдая на своем столпе, как бы пригвожденный ко кресту. И стекалось к нему в это время множество народа, мужей и жен, юношей и старцев, чтобы послушать его полезных поучений и получить исцеление недугов. Ввиду того, что многие из них поселились тут же при нем, святой повелел устроить два монастыря, мужской и женский: один — по одну сторону столпа, другой — по другую. Сам же стоял на столпе посередине, просвещая оба монастыря своим учением и примером своей ангельской жизни и защищая их своими молитвами. Алипий дал им законы и уставы иноческого жития, повелев тщательно блюсти себя от козней бесовских, притом женщинам он особенно заповедал никогда не показываться на глаза мужчин.

В женском монастыре жила мать блаженного Алипия со своей дочерью, а его сестрой Марией, и другие знатные жены адрианопольские и между ними некие Евфимия и Еввула, оставившие все свое имение, детей, родных и друзей и всю суету и сладость мира этого, чтобы облечься в ангельский образ, жизнию же своею уподобиться самим Ангелам.

Мать преподобного была в сане диаконисы и, хотя жила поиночески, однако не хотела постригаться.

— Одно и то же — быть диаконисой или инокиней, — говорила она.

Сын неоднократно молил ее облечься в иноческое одеяние, но она не слушала его, пока не получила указания на это в ночном видении. Тогда она уже сама стала просить сына о пострижении ее в иночество. Ей представились в видении богатые палаты, внутри которых слышалось сладкогласное пение, славящее Бога. Когда она захотела войти туда, то некий славный и светоносный муж, стоявший у входа в палаты, заградил ей вход и сказал:

— Ты не войдешь сюда, потому что здесь ликуют рабыни Господни, послужившие Ему в иноческом чине. На тебе же нет одеяния иноческого, потому ты и не можешь войти сюда и принять участие в их радости.

Слова эти сильно пристыдили мать святого Алипия, и, проснувшись, она стала просить сына, чтобы ее постригли в иноческий чин.

После пострижения она удвоила подвиги, прилагая к прежним своим трудам новые труды.

Прожив еще много лет в монашестве, она отошла ко Господу, благоугодив Ему на земли. Сын же ее, преподобный отец наш Алипий, был так угоден Богу, что еще при жизни своей был осияваем небесным светом: несколько раз над головой его являлся огненный столп, достигавший до облаков и озарявший все место окрест его. Явление это происходило часто, иногда днем, иногда ночью, бо́льшей же частью ночью, и когда случались гром и молния, то этот небесный свет над святым являлся выше того каменного столпа, на котором он стоял.

Многие из верующих, свято живущих, сподоблялись видеть это; другие, кому случалось наблюдать свет издалека, думали, что столп святого горит настоящим вещественным огнем. Достойные же ясно могли глядеть на это несказанное знамение небесной славы: так прославлял Бог Своего угодника.

И много чудес сотворил святой благодатью Христовой, исцелял больных, изгонял бесов из людей, прорекал будущее. За четырнадцать лет до кончины ноги его были поражены лютой болезнью, так что все это время он не мог стоять и до самого своего преставления лежал на одном боку. Когда ученики святого хотели перевернуть его на другую сторону, он не позволял им, но терпел все, как второй Иов, благодаря Бога, к Которому и отошел с радостью[1]. И по преставлении его много исцелений подавалось больным от его святых мощей во славу Христа, Бога нашего, прославляемого со Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ИАКОВА ОТШЕЛЬНИКА

Преподобный отец наш Иаков подвизался на горе, не имея ни постели, ни келии, ни покрывал, чтобы защищаться от непо-

[1] Преподобный Алипий скончался при императоре Ираклии (610–641 гг.) близ Адрианополя Пафлагонского. Честная глава его в настоящее время находится на Афоне в монастыре Кутлумуш.

годы. Сильная болезнь чрева постигла его, когда он удалился от всех. Когда же кто приходил к нему, он, несмотря на сильную боль, выходил и поучал пришедших благочестию. Он носил железные вериги и поверх их власяницу. Пищей ему служила вареная чечевица, которую он вкушал вечером.

Такими трудами и страданиями он получил такой дар Божественной благодати, что мог воскрешать умерших. Однажды к нему пришел отец одного умершего отрока и, рыдая, стал говорить святому:

— Я знаю, раб Божий, что для тебя все возможно, если ты только пожелаешь помолиться.

Святой Иаков, увидав слезы отца, преклонил колена и, призвав Бога, воскресил отрока, которого отдал отцу. Много и других дивных чудес совершил преподобный.

Святой Иаков много претерпел искушений от бесов и только молитвою отгонял их. Один человек приносил святому воду издалека два раза в седмицу. Диавол, думая жаждою уморить святого, преобразился в его образ и стал встречать человека с водой на пути, брал у него воду, а самого заставлял возвращаться обратно. Однако этому человеку удалось однажды, тайно от зложелателя, принести воды святому старцу. Святой, увидев его и принесенную воду, сказал:

— Почему, чадо, ты долго не приносил мне воды, от чего пришлось много пострадать от жажды?

— Отче, — отвечал он, — я всегда в назначенный день и час приносил воду. Но меня встречал кто-то, когда я был в пути, не допуская доходить до этого места.

— С этих пор, — сказал святой, — если кто тебя встретит и будет возбранять тебе идти далее, ты не отдавай ему сосуда, до тех пор, пока не придешь сюда.

Так подвизаясь, он соделался великим чудотворцем и отошел с радостию ко Господу[1].

[1] Преподобный Иаков Отшельник подвизался близ Кира в Сирии, в V веке. Кончина его относится к 457 году.

ВОСПОМИНАНИЕ ОСВЯЩЕНИЯ ХРАМА ВЕЛИКОМУЧЕНИКА **ГЕОРГИЯ** в Киеве

Блаженный и приснопамятный князь Русской земли Ярослав, сын равноапостольного князя Владимира, захотел создать храм в честь великомученика Георгия[1], то есть во имя своего Ангела, так как Ярослав во святом крещении получил имя Георгия. Место для этого храма он выбрал неподалеку от Софийского собора, именно на запад от него, по направлению к золотым воротам.

Когда начали строить этот храм, то немного было делателей.

Увидев это, Ярослав призвал тиуна[2] и спросил его:

— Почему мало трудящихся у храма Божия?

Тиун отвечал:

— Так как — дело властительское (то есть сооружается храм на собственный счет князя), то люди боятся, чтобы за труд они не были лишены платы.

Тогда князь повелел возить под своды золотых врат возами свои сокровища и объявить на торгу людям, что каждый может получить от князя по ногате[3] в день за работу. И явилось множество делателей, работа пошла успешней и храм вскоре был окончен.

Освящение его совершено было 26 ноября 1051 года митрополитом Иларионом[4]. День освящения князь заповедал праздновать во всей России ежегодно в честь святого великомученика Георгия[5].

---

[1] От Георгиевской церкви не уцелело никаких остатков.

[2] *Тиун* — управитель от князя, низший судья; а здесь — как надсмотрщик при княжеской стройке.

[3] *Ногата* — род древнерусской монеты, равнявшейся половине четвертака, то есть двенадцати с половиной копейкам.

[4] *Иларион* — первый митрополит на Руси из природных русских. Он избран был самим князем и собором епископов и почтен саном митрополита за свою подвижническую жизнь и учительность; управлял Русской Церковью с 1051-го по 1054 год. Им написано «Слово о Законе и Благодати», «Исповедание веры», а также сохранились и другие поучительные послания его и слова.

[5] Этот же праздник святому Георгию 26 ноября существовал, как и доселе существует, и в Греции, также по случаю освящения в честь этого святого одной Греческой церкви.

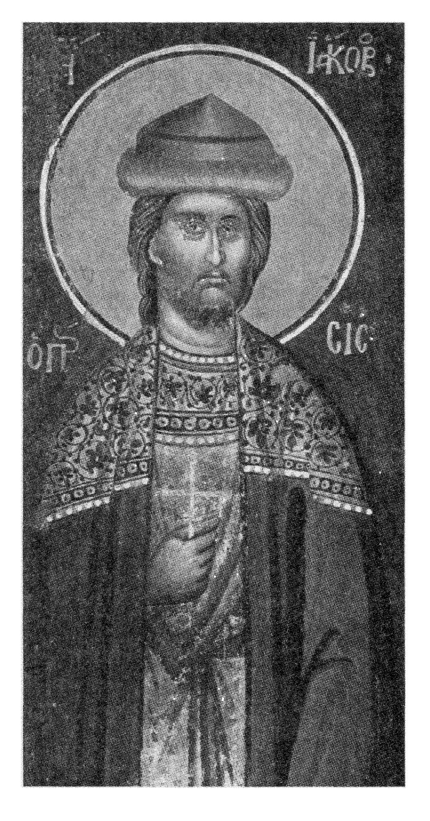
День двадцать седьмой

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ИАКОВА ПЕРСЯНИНА

Святой мученик Иаков родился в Персии, от христианских родителей, которые воспитали его в благочестии. Женившись на христианке, он жил в богатстве и почете, так как пользовался любовью Персидского царя Издигерда и преемника его Варахрана[1], который сделал его управителем своего дворца. Облагодетельствованный Персидскими царями, он прельстился земными почестями, отпал от христианской веры и, вместе с царем, принес идолам жертву и поклонился им. Узнав об этом, мать и жена его послали ему письмо, в котором обращались к нему с такими словами:

— Несчастный, зачем ты из-за человеческой славы оставил Бога, Царя небесного? Угождая царю временному, ты сделался чужд жизни бессмертной. Служа тленному, ты отвратился от нетленного. Истине предпочел ложь, так как, оставив веру Христову, впал в прелесть диавольскую. Повинуясь царю смертному, ты презрел Судию живых и мертвых и, добиваясь любви человеческой, сделался недостойным любви Божией и лишился небесных благ. Мы плачем и рыдаем о тебе, так как, быв прежде сыном света, ты сделался теперь сыном тьмы и геенны. Знай же, если ты не отвратишься от диавольской прелести, то не будешь иметь общения с нами, ибо мы не хотим и видеть тебя идолопоклонником. И мы молим тебя со слезами: обратись ко Христу, чтобы избегнуть тебе гнева Божия. Исполни же

[1] *Издигерд I* царствовал с 399 по 420 год; сын его *Варахран* царствовал с 420 по 438 год.



просьбу нашу скорее и не медли, иначе будет поздно. И когда гнев Божий постигнет тебя вместе с царем и его друзьями, тогда не будет возврата, и ты восплачешься горько, видя себя в геенне огненной.

Это письмо от матери и жены Иакова было подано ему в то время, когда он находился вместе с царем за городом.

Прочитав письмо, Иаков умилился и подумал: «Если даже моя мать и жена отрекаются от меня за то, что я отвергся Христа, и не хотят видеть меня, — то что же станет со мной в будущем веке, когда Бог придет судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его?»

И опять прочитав письмо со вниманием, он горько заплакал и стал каяться в грехе своем. Потом он сказал себе: «Вот что я сделаю, чтобы не погибнуть совсем. Буду неотступно стучать у дверей милосердия Божия, пока они не отворятся мне. И я верю, что они отверзутся, потому что Бог благоутробен и милостив: Он не хочет смерти грешника, но *чтобы грешник обратился от пути своего и жив был»* (Иез. 33, 11).

Когда он с горьким плачем говорил такие слова, некоторые из язычников, поняв, что он христианин, пошли и возвестили о том царю Варахрану. Царь призвал Иакова и сказал ему:

— Говори нам всю правду, ты — назарянин?

Иаков ответил:

— Да, я — назарянин.

— Итак, ты волхв? — снова спросил царь.

— Нет, я не волхв, — сказал на это Иаков, — но христианин.

Тогда царь сказал:

— Неблагодарный! Не получил ли ты от меня и отца моего многих даров и не пользовался ли почетом у нас?

Иаков ответил:

— Где теперь отец твой? Телом он в гробе истлевает, а душа его ввержена во ад.

Услыхав такие слова, царь весьма разгневался и сказал:

— Такую-то благодарность ты воздаешь мне за любовь мою к тебе, плодами которой ты наслаждался доныне? Мне ты противишься, а отца моего злословишь. Знай же, что ты повинен за то смерти; но только я не казню тебя мечом, чтобы ты не умер скорой смертью, а долго и жестоко буду мучить тебя и предам горчайшей смерти.

— Что хочешь делать, — отвечал Иакова, — делай, царь, скорей, но знай, что не устрашат меня слова твои, которые подобны ветру, дующему на каменную скалу. Я не боюсь смерти, памятуя, что временная смерть есть только сон, ибо все люди восстанут из гробов своих во время страшного второго пришествия Христа моего и Господа.

На это царь сказал:

— Пусть не прельщают тебя назареи, называющие смерть сном и учащие не бояться смерти, которой боятся даже и цари.

— Для праведных, — отвечал святой, — смерть — успокоение, а вам, неверным и грешным, — начало мук вечных.

Тогда царь призвал советников и друзей своих и начал совещаться с ними о том, каким мукам предать Иакова. На устрашение других персов, чтобы и они, подобно Иакову, не отлучились от своей веры, он измыслил для святого такую казнь: повелел, чтобы каждый член его тела был урезан и раздроблен по отдельности. И вот палачи, по повелению царя, схватили Иакова и повели его на место казни, чтобы раздробить его на части по числу членов тела его. Вслед за святым Иаковом отправились на место казни и многие знавшие его, среди которых немало было воинов и сановников; все они пошли затем, чтобы посмотреть на мучения святого.

Придя на место казни, святой упросил своих палачей помедлить немного и дать ему возможность помолиться. Затем, возведя очи к небу, он начал так молиться:

— Господи Боже мой! Услышь меня, раба Твоего, призри с высоты небесной и дай мне крепость и силу в час этот, чтобы мне перенести предстоящие мучения и своею кровию искупить согрешение мое, ибо я отвергся от Тебя, Творца и владыки моего. Ныне я скорблю об этом, и обращаюсь к Тебе, Богу моему, исповедуя имя Твое святое, и полагаю за Тебя душу мою. Ты же, Господи, пошли мне помощь Свою в

страданиях моих, чтобы видели силу Твою враги мои и постыдились, *потому что Ты, Господи, помог мне и утешил меня* (Пс. 85, 17).

Когда святой так молился, приступили к нему палачи и, обнажив его, растянули у него руки и ноги, говоря:

— Что ты будешь делать теперь, Иаков? Нет тебе пощады, — твое тело велено разорвать на части: пальцы рук и ног твоих и все тело твое — от шеи до пяток — мы должны резать, после же всего отсечем мы и голову. Подумай, что для тебя лучше — покориться царской воле и быть невредимым и здоровым или умереть среди жестоких мук?

То же с плачем говорили ему и некоторые из его друзей:

— Зачем бесцельно губишь свою душу? Пожалей себя и не губи своей юности, исполни волю царскую, поклонись богам нашим, чтобы остаться живым; своему же Богу, если хочешь, служи втайне.

Слыша такие речи, произносимые со многим плачем, святой отверз уста свои и сказал:

— Не плачьте обо мне, но плачьте о себе и детях ваших. Я в вечный покой иду, вы же все пойдете в муку вечную. Раздробляя мне члены, вы тем самым уготовляете мне неизреченное блаженство на небе, а себе — ужасные мучения во аде, где будете гореть в неугасаемом огне, вместе с бесами, которым теперь поклоняетесь.

При этих словах святого один из приставников царских начал бить спекуляторов[1], говоря:

— Что стоите, глядя на него? Начинайте делать, что вам приказано.

И тотчас же один из палачей, взявшись за руку святого, отрезал у него большой палец руки. Блаженный же, обратив взор на небо, произнес:

— Помощь и надежда моя, Господи Боже! Ты отгоняешь единым Божественным перстом Своим бесов, прими же — как ветвь от древа, этот перст мой, урезанный силою бесовскою, и будь милостив ко мне грешному; ибо и от виноградной лозы отрезываются ветви, чтобы лоза больше зеленела и росла и приносила бы много плода.

---

[1] *Спекуляторами* в Римской империи назывался отборный отряд преторианцев, обязанных служить самому императору. Здесь под именем спекуляторов нужно разуметь воинов, находившихся при Персидском царе. Осудив святого Иакова на усечение всех членов, Варахран исполнение этой казни естественно поручил находившимся при его особе воинам.

Тогда приставник царский, жалея святого, сказал ему:

— Пощади себя, Иаков, и послушайся царского повеления, поклонись нашим богам. Ты видишь, мы все жалеем тебя. А об отрезанном пальце не скорби: врачи тебя вылечат. Только не губи больше своего здоровья и красоты своей.

Блаженный отвечал ему:

— Разве ты не знаешь, что если обрежут ветви виноградной лозы, то она, когда солнце начнет греть ее, прозябает в урезанных местах и потом начинает произрастать и приносить плоды? Так бывает и с верными сынами Божиими. Насажденные в вертограде Божием и привитые к истинной Лозе — Господу Иисусу, Который сказал: *Я есмь лоза, а вы ветви* (Ин. 15, 5), — они обрезываются через временную смерть и воскресают в грядущем веке, где зеленеют и украшаются нетленною славою и получают плоды вечного воздаяния.

Как только святой кончил свою речь, палач опять подошел к нему и отрезал ему второй палец. Но святой, терпеливо перенося мучения, воскликнул:

— Прими, Господи, и вторую ветвь от Твоего сада, который насадила десница Твоя.

Лицо его было светло и исполнено радости, как будто он испытывал не великие мучения, а высочайшее наслаждение. Тогда ему отрезали и третий палец, но он продолжал воспевать Триединого Бога.

— Освобожденный от трех искушений (то есть похоти плотской, похоти очес и гордости житейской), я славословлю Отца и Сына и Святого Духа, и с тремя, спасенными от огня, отроками исповедую Тебя, Господи, и вместе с ликом мучеников воспеваю имя Твое, Христе.

Когда отрезали ему четвертый палец, он воскликнул:

— Принявший хваление от четырех животных, приими в жертву Себе и страдание моего четвертого пальца, урезанного за исповедание Твоего святого имени.

После того, как отрезали Иакову пятый палец, он громко возгласил:

— Наступает веселие для меня, как на браке Божественного Жениха для пяти мудрых дев[1].

[1] Разумеется притча Христова о пяти мудрых и пяти юродивых девах (см.: Мф. 25, 1–13).

Тогда мучившие его, прежде чем урезать ему пальцы левой руки, начали увещевать его:

— Иаков, пощади теперь свою душу, не губи себя, но исполни царскую волю, и тогда ты будешь цел; не лучше ли тебе остаться невредимым и жить, нежели испытывать такие муки и умереть? О повреждении же руки не печалься, потому что многие живут в мире с одною только рукою и все же пользуются великими богатствами и почестями и наслаждаются благополучием и всякими благами.

Святой ответил на это:

— Когда пастухи стригут овец, то, остригши правую сторону, разве оставляют не отрезанной левую? Я — овца стада Христова, в ваши руки предавшая себя ради моего Господа, чтобы вы отсекли члены мои, как обстригается шерсть, — и когда моя правая рука отсечена, неужели левую я пощажу? Нет, не пощажу и всех моих членов и всего моего тленного тела для того, чтобы облечься в нетление.

Потом, устремив свои очи к небу, святой воскликнул:

— Я мал и худороден перед Тобою, Господи! Ты, великий Бог, умалил Себя, облекшись в человеческий образ, и претерпел за нас распятие и заколение; и я, владыка мой, не могу подражать Твоим страданиям, но, однако, я предаю себя на мучения и смерть, чтобы Ты, при всеобщем воскресении, восстановил меня к жизни целым и невредимым.

Когда святой окончил свою речь, мучители опять приступили к нему и отрезали ему первый палец левой руки.

Он же сказал:

— Прехвальный Господи! Благодарю Тебя, что Ты сподобил меня и шестой палец принести в жертву Тебе, простершему на Кресте пречистые руки Свои в шестой день и час[1].

Затем отрезали святому седьмой палец, и тогда он воскликнул:

— Прежде, в течение каждого из семи дней недели, уста мои, вместе с пророком Давидом, восхваляли Тебя за Твои праведные судьбы, сегодня же прославляю милосердие Твое отрезанными, за исповедание Тебя, семью пальцами.

И отрезали Иакову восьмой палец; он же воззвал к Богу:

[1] Господь Иисус Христос был пригвожден ко древу в шестой день недели, начиная счет с воскресенья, и в шестой час дня (по нашему второй).

— Господи! Ты Сам по закону принял обрезание в восьмой день, я же переношу урезывание восьми пальцев, чтобы, удалившись от беззаконных людей, соединиться с Тобой, Спасителем моим, и, совлекшись тела, увидеть Твое Пречистое Лицо, Которое желает видеть душа моя так же сильно, как сильно жаждущий олень стремится к водным источникам (ср.: Пс. 41, 2).

После этого отрезали святому девятый палец; тогда святой воскликнул:

— Христос мой, Ты в девятый час предал на кресте в руки Отца Своего Дух Твой, а я после лишения девятого пальца, среди страданий, приношу Тебе благодарение за то, что Ты удостоил меня быть распростертым для урезывания членов моих за имя Твое святое.

Когда отрезали Иакову десятый палец, то он, восхваляя Господа, громко возгласил:

— На десятиструнном псалтири воспеваю Тебя, Боже, и благодарю Тебя, помогшего мне претерпеть за десять заповедей Твоего Завета, написанного на двух скрижалях, урезывание пальцев обеих моих рук.

Тогда некоторые из присутствовавших царских вельмож и друзей святого, горько рыдая, начали увещевать его:

— Наш любезный друг, умоляем тебя, послушай нас и исполни царскую волю, чтобы не умереть тебе среди жестоких мучений. О пальцах же своих не печалься, потому что искусные врачи могут вылечить тебя, только ты сам себя пощади, чтобы не лишиться благ настоящего мира, исполненного радостей и наслаждений: ты имеешь богатое имущество и потому можешь пользоваться покоем. Если бы ты был нищим, то мог бы еще подумать: на что мне надеяться в этой жизни, каких выгод ожидать себе, когда я не могу ничего делать и, следовательно, доставать себе пропитание? Но ты богат, имеешь много золота, и если ты сам только захочешь, то можешь превосходно жить, пользуясь всеми утехами настоящего мира и веселясь с своей супругой, с матерью и со своими дорогими друзьями. Зачем ты хочешь напрасно губить душу свою? Итак, покоряясь царской воле, скажи только одно слово, и тотчас ты будешь освобожден от мучений.

Блаженный, взглянув на них, отвечал:

— *Никто не может служить двум господам* (Мф. 6, 24), и *никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонаде-*

жен для Царствия Божия (Лк. 9, 62), потому что Господь сказал: *Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня* (Мф. 10, 37–38), *и кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником* (Лк. 14, 27). Поэтому я не послушаю вашего совета, так как ваши слова влекут меня к погибели; а только умоляю вас, не щадите меня, но поступайте так, как вам приказано.

Тогда мучившие святого распалились гневом и, приступив к нему, отрезали ему большой палец правой ноги. Святой же Иаков воскликнул:

— Прославляю Тебя, Христе мой, у Которого пронзены были не только руки, но и ноги, и молю Тебя: удостой меня того, чтобы эта моя правая нога, перенесшая отрезание первого пальца, стала впоследствии по правую сторону Тебя.

И отрезали ему второй палец той же ноги. Святой же продолжал прославлять Бога:

— В этот день на мне удвоилась Твоя благость и милость ко мне, Господи, ибо я, перенеся отрезание и этого второго пальца, пойду к Тебе, Всесильному и Животворящему моему Богу, избавляющему меня от второй вечной смерти.

Отрезали блаженному и третий палец, который бросили около него. Блаженный же, взглянув на него, воскликнул, улыбаясь:

— Иди, во знаменование Святой Троицы, к твоим собратьям и ты, третий палец; приняв временную смерть за воскресшего после трехдневной смерти Христа, ты, подобно пшеничному зерну, брошенному в землю, получишь вместе с другими членами тела моего большую награду в день всеобщего воскресения.

После этого отрезали святому четвертый палец. Тогда блаженный громко возгласил:

— *Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься? Уповай на Бога* (Пс. 41, 6), спасающего силою четвероконечного креста, потому что я исповедую святое имя Его.

Отрезали Иакову и пятый палец, а святой все продолжал восхвалять Господа Бога, восклицая:

— Господи, теперь я стану благодарить Тебя, претерпевшего на кресте пять язв[1], буду прославлять Твою помощь, ибо Ты делаешь

[1] Когда Господа Иисуса Христа вознесли на Кресте, то Он был пригвожден четырьмя гвоздями, вбитыми в две кисти рук и в две ступни ног. Так образовалось

меня достойным участи Твоих верных рабов, пострадавших за Тебя и умноживших данные им пять талантов[1].

После этого мучившие стали урезывать пальцы левой ноги его. Когда урезали мизинец, святой Иаков воскликнул:

— Крепись и ты, малый палец ноги, шестой по счету из урезываемых; ибо я надеюсь на милостиво укрепляющего меня великого Бога, Который сотворил тебя в шестой день вместе с большими и воскресит тебя малого так же, как воскресит и большие. Ибо, если не погибнет ни одного волоса на голове человека, без воли Божией, то тем более ты, малый палец, не разлучишься с другими пальцами, но одинаково с ними прославишься, так как одинаково с ними страдаешь.

И отрезали святому Иакову седьмой палец, а он громко возгласил:

— Разорите этот ветхий храм, в котором укрывается семиглавый змей[2], ибо Создатель, почивший в седьмой день от дел Своих, готовит мне на небе другой храм, нерукотворенный и вечный.

Когда отрезали святому Иакову восьмой палец, он воскликнул:

— Спасший восемь душ от воды в ковчеге Ноя (см.: 1 Пет. 3, 20) спасет и меня, проливающего кровь как воду. Вот отрезали мне восьмой палец, но — я как наковальня под ударами, которая не чувствует боли, а только становится тверже и крепче: ибо я не чувствую страданий при урезывании членов моих, так как благой Врач, Сам Творец мой, укрепляет меня и облегчает страдания мои: Он после всех седмиц земной моей жизни, когда наступит всеблаженный восьмой день вечности, всецело восстановит меня.

Тогда отрезали Иакову девятый палец; но святой мужественно молился:

— Молю Тебя, Боже, укрепи меня в терпении! Душа моя уповает на Тебя, утвердившего меня, по Твоей благодати, в непорочности девяти ангельских чинов. Итак, дозволь быть с Тобою и мне, претерпевшему отрезание этих девяти ножных пальцев, подобно тому, как пребывают с Тобою все девять ангельских чинов.

у него четыре язвы или раны; пятая нанесена была воином после Его крестной смерти, когда воин копием пронзил Ему ребро.

[1] Имеется в виду притча о талантах, под образом которых разумеются духовные дарования людей (см.: Мф. 25, 14–30).

[2] Разумеется диавол, растливший грехом природу человеческую.

И отрезали ему десятый палец ноги; святой же громко возгласил:

— Иисус Христос, совершенный Бог и совершенный Человек, вот я приношу Тебе в жертву двойной десяток моих пальцев, — и прибавил: — *Суди меня, Боже, и вступись в тяжбу мою с народом недобрым* (Пс. 42, 1), потому что нечестивые не пощадили Твоего создания, но, как злые волки, растерзали все члены мои.

Множество стоявших вокруг мужей и жен, старцев и юношей, взирая на мучения святого, удивлялись его терпению. Христов же страдалец, посмотрев на мучивших его, сказал им:

— Что стоите праздно? Рубите дерево, у которого уже отсекли ветви.

И мучители, подойдя к нему, отрубили ему правую ногу; святой же воскликнул:

— Теперь я приношу в дар небесному Царю орудие моего стояния пред Ним и терплю эти мучения по любви к Нему, чтобы моя отсеченная правая нога *стала* в Царстве Его *на правоте* в составе своем (слав. Пс. 25,12).

Так же отсекли ему и левую ногу; а он, устремив свои взоры к небу, возгласил:

— Господи, Ты услышал меня, потому что велика Твоя милость: Ты, Бог, творящий чудеса, избавил меня от стояния на левой ноге, дав тем доброе предзнаменование, ибо левая сторона знаменует погибель вечную[1].

После этого святому отсекли правую руку, он же воскликнул:

— Господи, буду вечно воспевать Твою милость, из рода в род буду возвещать истину Твою, потому что на мне явно исполнились следующие слова Твои: *если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя* (Мф. 5, 30).

Тогда у святого Иакова отсекли левую руку, он же начал говорить:

— Господи, не мертвые восхвалят Тебя, равным образом ни те, которые низойдут во ад и держатся на жизненном пути левой стороны, то есть неправедных дел, но мы, живые, отвергающие левую сторону (то есть неправду), вечно будем благословлять Тебя, Господи!

---

[1] Левая сторона знаменует погибель вечную потому, что Сам Господь в Своем изображении страшного суда говорит, что Сын Человеческий поставит грешников по левую сторону Себя.

После этого святому отсекли правое плечо, и тогда он проговорил:

— *Хвали, душа моя, Господа. Буду восхвалять Господа, доколе жив; буду петь Богу моему, доколе есмь* (Пс. 145, 1–2), ибо возложивший на Свое плечо найденную Им погибшую овцу и поставивший ее по правую сторону Себя (см.: Лк. 15, 4–7; Мф. 27, 23) вспомнит и мое правое плечо и, найдя его усеченным, поставит по правую сторону Себя.

И отсекли ему левое плечо, а святой проговорил:

— Со всех сторон окружили меня враги. Но — Господь мой Помощник и моя Похвала, Которого *владычество на раменах* (плечах. — *Ред.*) *Его* (Ис. 9, 6); Он мой Спаситель: Он не попустит меня, перенесшего отсечение левого плеча, уклониться влево во власть тьмы.

Затем начали резать голени святого Иакова до самых колен. Святой, перенося тяжкие страдания, воскликнул:

— Господи Боже мой, оказывающий помощь боящимся Тебя и уповающим на Тебя, помоги и мне, рабу Твоему, ибо меня одержит смертельная болезнь.

Слыша это, мучители сказали ему:

— Не говорили ли мы, что тебе придется испытать жестокие мучения и лютые болезни? Ты не поверил нам.

Но доблестный страдалец отвечал им:

— Знаете ли, для чего я страдал? Для того, чтобы ясно было, что я телесен; до сих пор, при помощи Божией, я пренебрегал всеми муками, как бесплотный; теперь же, страдая, я являюсь телесным. Но скоро Господь облечет меня в новое тело, которое уже нельзя будет мучить и истязать вашими орудиями.

Все эти мучения продолжались от самого утра до девятого часа, и в продолжение всего этого времени от истязуемого тела святого Иакова исходило сильное благоухание. Когда, наконец, мучители перестали истязать святого, воин Христов, победивший своими страданиями диавола, взывал к Богу:

— Свят, Свят, Свят Ты, Бог Вседержитель, Отец и Сын и Святой Дух, восхваляемый Херувимами и прославляемый Серафимами и славимый всем небесным воинством и всякою тварью, Бог живых и мертвых! Приклонись ко мне и услышь меня, еле живого: вот все мои члены отрезаны и тело мое лежит как мертвое, и только едва теплится во мне жизнь: я не имею ног, на которых бы стоял пред Тобой, Господи; не имею рук, которые воздевал бы, молясь Тебе, вла-

дыке моему; не имею колен, на которые мог бы припасть, поклоняясь Тебе, моему Создателю: руки, ноги, плечи и голени отсечены у меня, и я повержен пред Тобой, Владыка, как рухнувший дом, или дерево без ветвей; поэтому умоляю Тебя, Человеколюбче, не оставь меня до конца, но избавь из темницы душу мою (см.: Пс. 141, 7).

Когда он молился таким образом, один из присутствовавших при казни святого, взяв нож, отсек его честную главу, и святой, окончив, таким образом, свои мученические подвиги, предал святую душу свою в руки Божии. Честное же тело его, раздробленное на части, лежало на земле до ночи. Ночью верующие, собрав все члены, погребли их вместе с телом, прославляя Отца и Сына и Святого Духа[1]. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
РОМАНА

Блаженный Роман родился в городе Росе[2], близ Антиохии; достигнув зрелого возраста, он поселился в Антиохии. Здесь он затворился вне города в малой келии, где пробыл до старости, не имея при этом огня. Пищей ему служили хлеб, соль, вода, и притом в таком малом количестве, чтобы только можно было поддержать свою жизнь. Он носил власяницу и под ней тяжелые железные оковы. За все это святой Роман сподобился такой Божественной благодати, что исцелял различные недуги и, по молитве его, многие жены, не имущие детей, были разрешены от бесплодия. Многих заблудших святой Роман своим увещанием возвратил на правый путь к Царству Божию. Так пожив, он достигнул маститой старости и мирно отошел ко Господу[3].

---

[1] Кончина святого Иакова мученика последовала в 421 году. Когда впоследствии издан был указ в Персии сожигать святые мощи мучеников, христиане отправили мощи Иакова в Иерусалим, откуда при императоре Маркиане (в половине V века) они перенесены были Едесским епископом Петром в Тавенну, что в Египте. По другому сказанию, они перенесены были из Персии в Италию, где глава святого мученика хранится доныне в Ватиканской базилике. Есть мощи его и в Браге, в Португалии, где перенесение их празднуется 22 мая.

[2] *Рос* — город в Сирии, недалеко от Антиохии.

[3] Время жизни и подвигов преподобного Романа относится к V веку.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО
ИАКОВА,
епископа Ростовского[1]

Святой Иаков был родом из Ростовской области, в раннем возрасте принял иночество и за свою благочестивую жизнь удостоился поставления в епископы Ростовские при митрополите Пимене и великом князе Дмитрии Иоанновиче Донском[2]. Но епископом Ростовским он был недолго и оставил кафедру по следующему случаю.

Одна женщина обличена была в беззакониях и Ростовским князем и боярами ростовскими осуждена была на смертную казнь. В своем несчастии она припала к ногам Ростовского святителя Иакова и молила избавить ее от смерти. Святой Иаков сжалился над ней и, подражая Христу, Который не осудил приведенную к Нему блудницу, — не выдал на казнь осужденную женщину, а назначил ей особое место для покаяния до конца ее жизни. За таковой поступок князь Ростовский и граждане разгневались на святого Иакова и изгнали своего доброго пастыря с престола.

Удаляясь из города, святой Иаков подошел к берегу ростовского озера и, сняв с себя свою святительскую мантию, положил ее на воду и, осенив

---

[1] Древнего жития святого Иакова не сохранилось. В Ростовском Яковлевском монастыре еще в сороковых годах XIX столетия имелось старинное житие, из которого и заимствованы подробности жизни святителя в книге: «Описание ростовского Спасо-Яковлевского-Димитриева монастыря», Спб., 1849; эти подробности повторяются здесь. Служба святому Иакову встречается в древних, не позже XVI столетия, рукописях и находится в печатных служебных Минеях под 28 октября. Содержание службы святому Иакову и изображения с подписями на древних иконах согласны со сказаниями старинного жития.

[2] Это было в 1386 году; святой Иаков поставлен был в Ростовские епископы после епископа Матфея, грека.

себя крестным знамением, встал на нее и поплыл по озеру; проплыв версты полторы за город, он снова вышел на берег на том месте, где теперь находится Яковлевский монастырь.

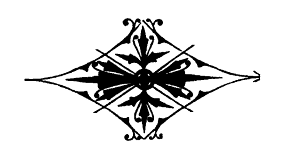
Это необычайное чудо изумило князя и народ. Все поняли, что несправедливо и жестоко поступили со своим святителем, просили о прощении грехов и со слезами умоляли его возвратиться на свой святительский престол. Святитель по своему незлобию и кротости простил им тяжкий грех их; он никогда и ни на кого не мог гневаться, но возвратиться на престол решительно отказался.

На том самом месте, в полутора верстах от города, где святой Иаков вышел на берег[1], он построил себе одинокую хижину и стал в ней жить.

У святителя было много почитателей, и многие из них стали приходить к нему для жительства. Тогда он соорудил келии для братии, а затем и церковь в честь зачатия святой Анны. В этом монастыре святой Иаков окончил и дни свои[2].

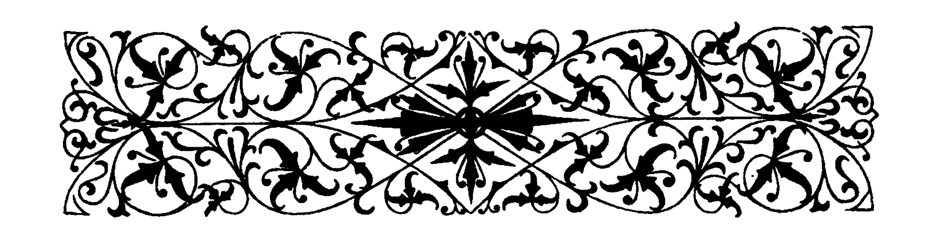
Во время святительства Иакова в Ростове появился еретик, именем Маркиан, который учил не поклоняться святым иконам, называя их идолами, и сеял иные нечестивые мысли. Своим красноречием и книжною ученостью он привлек к себе внимание ростовского князя, бояр и народа. Но святитель Ростовский Иаков, в присутствии князя и народа, учинил с еретиком прение и обличил его лжеучение, так что еретик со срамом удалился из Ростова.

Мощи святого Иакова почивают в основанном им монастыре, именуемом Яковлевским, в честь его основателя.



[1] Сюда же за триста слишком лет удалился из города Ростова святой Леонтий, изгнанный язычниками. Основанная святым Леонтием церковь Архистратига Михаила находится теперь в тридцати саженях от ограды Яковлевского монастыря.

[2] Святой Иаков скончался в 1392 году.



День двадцать восьмой

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА
СТЕФАНА НОВОГО

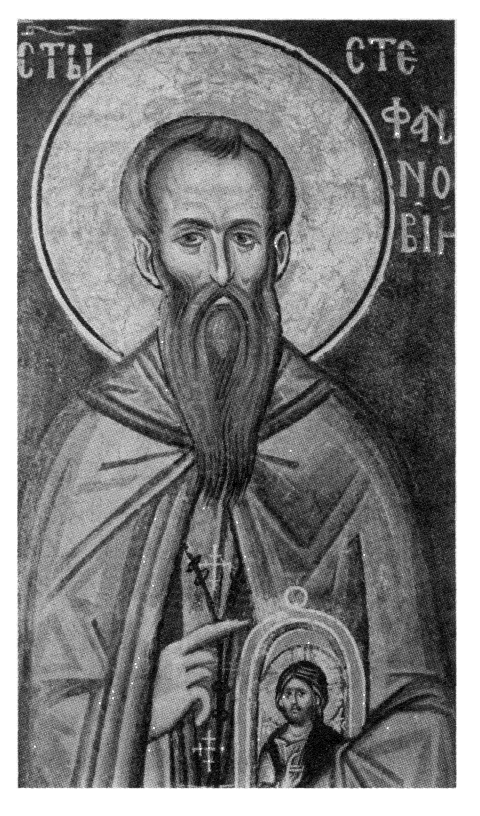
Родиною преподобного Стефана была столица Греческого царства — Константинополь. Родители его отличались благочестием и нищелюбием. Имея двух дочерей, они скорбели о том, что Бог не давал им сына — так как они желали иметь наследника мужеского пола. Стараясь привлечь на себя милость Божию, они благотворили нищим и усердно молились Господу, испрашивая у Него рождение мальчика. Особенно же ревностно изливала сердце свое в слезных молитвах пред Богом мать преподобного Стефана, по имени Анна, подражая в этой ревности соименной ей матери пророка Самуила[1].

В одну из пятниц, стоя на молитве во Влахернском храме[2], она обратила взор свой на икону Пречистой Владычицы и со слезами молила Ее даровать ей сына; при этом она дала обет Матери Божией — если молитва ее исполнится — принести дитя в дар Единород-

---

[1] Мать пророка Самуила долго была бесплодной. Неплодие считалось у евреев знаком немилости Божией и было позорным. Поэтому Анна со слезами молила Бога даровать ей детище, причем дала обет, — если у нее родится дитя, — посвятить его на служение Богу. Молитва ее была услышана; у нее родился младенец мужеского пола, который, как дар Божией милости, был посвящен родителями Богу и воспитывался при храме Иерусалимском.

[2] Знаменитый *Влахернский храм* находился во Влахернах, местности Константинополя, почти на самом берегу Мраморного моря. Здесь была чудотворная икона Пресвятой Богородицы и риза Ее, хранимая в особом ковчеге, которая была привезена в Византию в V веке.



ному Сыну и слову Божию, от Пречистой воплощенному. Утомленная долгой молитвой и слезами, она забылась сном в храме и во время сна увидела Владычицу нашу, Пресвятую Богородицу, сияющую неизреченною красотою. Царица небесная обратилась к ней с такими словами:

— Иди с миром, женщина, ибо ты имеешь во чреве сына, по прошению твоему.

Сказав это, Владычица сделалась невидимою. Анна же, сначала воспрянув как бы от ужаса, потом пришла в великую радость и, возвратившись домой, действительно почувствовала, что зачала во чреве своем.

В это время, при благочестивом царе Греческом Анастасии (не том, который вступил на престол после Зенона и был еретиком[1], а другом, вступившем на царство позднее[2]), был избран и возведен на патриаршество в Царьграде святой Герман[3]. В день поставления нового патриарха толпы народа стекались в храм святой Софии взглянуть на новоизбранного святителя. Среди народа находилась и Анна с своим мужем, уже непраздная. В то время, как она стояла в церкви, случилось патриарху проходить мимо нее. Анна воскликнула, обращаясь к святителю:

— Благослови, отче, зачатое во чреве моем!

Взглянув на нее и внутренними очами провидя будущее, патриарх сказал:

— Да благословит то (зачатое) Господь молитвами святого первомученика!

---

[1] *Император Византийский Зенон* царствовал с 474 по 491 год. После него вступил на престол Анастасий I, царствовавший с 491 по 518 год.

[2] Здесь разумеется император Анастасий II, царствовавший с 713 по 715 год.

[3] *Патриарх Герман I* управлял Византийской Церковью с 715 по 730 год.

Этими словами он предсказал, что от Анны имеет родиться дитя мужеского пола, которое будет названо Стефаном, в честь первомученика Стефана. Пророчество святого патриарха сопровождалось и как бы подтверждалось чудесным знамением: из уст его, во время произнесения пророчества, исходил вместе с словами огненный пламень, что ясно видела Анна (как она потом говорила, подтверждая свои слова клятвою).

Когда прошло определенное число дней, Анна родила младенца мужеского пола; и наречено было имя ему Стефан, согласно пророчеству святого патриарха Германа[1]. В вечер Великой субботы новорожденный младенец и был крещен самим же патриархом.

В день очищения своего, счастливая мать, взяв младенца, принесла его в церковь Пресвятой Богородицы, что во Влахернах, и, держа его на руках, стала пред честною иконою Царицы небесной, пред которою молилась прежде о даровании ей сына. Взирая на икону, она сказала:

— Приими, Пречистая, этого возлюбленного сына моего, которого Ты даровала мне; приими того, кого я еще до зачатия обещала посвятить Тебе и Твоему Единородному Сыну. Тебе, после Бога, я вручаю его. Ты ему будь и Матерью, и Питательницей, и Промыслительницей о нем.

Это и многое другое сказав и помолившись пред святою иконою, она возвратилась в дом свой и со всем усердием питала своего сына.

Между тем после Анастасия на престол царский вступил Феодосий[2], после же Феодосия — Лев Исаврянин[3]. Во все это время блаженный отрок Стефан рос телом и укреплялся духом, изучая Божественные Писания. При помощи благодати Господней он преуспевал в разуме и премудрости Божией, ибо проявлял большую ревность к чтению святых книг, поучаясь в законе Божием день и ночь; особенно он любил читать творения святого Иоанна Златоустого.

---

[1] Это было в 715 году.

[2] Разумеется *Феодосий III Адрамитен*, царствовавший с 715 по 716 год.

[3] Император *Лев III Исаврянин* царствовал с 716 по 741 год. *Исаврянином* он назывался потому, что был родом из Исаврии — провинции, расположенной на юге Малой Азии.

Наступили великие смуты в Церкви Божией из-за иконоборческой ереси, самым ревностным последователем которой был сам царь, Лев Исаврянин. Последний сделался иконоборцем под влиянием еврейских волхвов, о чем существует такое сказание.

За несколько лет до царствования Льва Исаврянина некоторые евреи, вышедшие из Лаодикии Финикийской[1], пришли к Изифу, одному из князей аравийских[2]. Ложно пророчествуя и совершая волхвования, они обещали ему сорок лет жизни и господства над аравитянами, если он повелит во всей своей области выбросить из церквей святые иконы и уничтожить их. Изиф поверил им и издал приказ, чтобы повсюду честные иконы выкидывались из церквей и предавались бы огню. Но *Бог отмщений Господь* поразил его, так что он умер, не прожив и одного года. Сын его, вступив на княжество вместо отца, хотел предать тех евреев лютой казни, как ложных пророков и волхвов; но они, спасаясь от гнева княжеского, покинули Аравию и бежали в Исаврию.

Однажды они отдыхали там около одного источника. И вот идет мимо юноша — исаврянин, именем Лев, человек большого роста и весьма красивый. Он захотел отдохнуть у того же источника, у которого сидели еврейские волхвы, и, сойдя с пути, сел вместе с ними. Взглянув на юношу, волхвы начали предсказывать ему, что он будет царем в Греции. Будучи незнатного происхождения и к тому же бедным, едва добывающим себе пропитания посредством одного незатейливого рукоделия, Лев не поверил евреям. Но те настойчиво повторяли свое пророчество, говоря, что он непременно будет царем, если поклянется им — когда восприимет царство, сделать то, чего они попросят тогда у него. И он поклялся им в находившейся недалеко от того места церкви святого Феодора исполнить их просьбу; после этой клятвы они разошлись.

---

[1] *Лаодикия Финикийская* была расположена на самом берегу Средиземного моря, несколько южнее Антиохии Сирийской.

[2] *Аравия* — довольно большой полуостров на юге Азии, между Красным или Черным морем и Персидским заливом. Население Аравии — семетического происхождения и ведет преимущественно кочевой образ жизни. При этом Аравия делится на множество мелких княжеств, во главе которых стоят шейхи. Христианство в Аравию проникло очень рано (как можно заключать из Деян. 2, 11; Гал. 1, 17), и предание говорит, что там проповедовали христианство апостолы Варфоломей, Фаддей, Андрей, Фома и даже Иоанн.

Вскоре после того юноша тот был зачислен патрицием Сесинием[1] в войско и здесь быстро возвысился и стал спафарием[2]. Потом император Анастасий II дал ему титул патриция и назначил областеначальником в Малой Азии. По смерти Анастасия царем был провозглашен Феодосий, но Лев не признал его и поднял восстание. По попущению Божию, ему удалось свергнуть Феодосия и самому завладеть царским престолом. Сначала он был благочестив и православным царем, но потом совратился в нечестие, ибо скоро пришли к нему те евреи, которые посредством волхвований предсказали ему царство. Они напомнили Льву об его обещании, подкрепленном клятвою, и говорили, что теперь настало время исполнить то, чего они попросят у него. Царь спросил их:

— Чего же вы хотите от меня?

Они же, будучи врагами Христа и христианской веры, не просили у него ни золота, ни серебра, ни иных каких-либо сокровищ, но потребовали, чтобы он выбросил из церквей Божиих святые иконы.

— Царь! — говорили они, — если ты сделаешь это, то Бог на многие годы сохранит твое царствование; если же не сделаешь, то скоро лишишься и царства, и жизни.

Помня, что первое пророчество тех волхвов о получении им царства исполнилось, Лев боялся, что исполнится и это пророчество о потери им царства вместе с жизнью, если он не послушает их. Поэтому он издал указ, повелевая выкидывать святые иконы из церквей и домов и попирать их ногами; при этом нечестивый царь называл иконы идолами, а поклоняющихся им — идолопоклонниками.

И была великая смута в Церкви Христовой, так как одни повиновались царскому повелению, выбрасывали честные иконы и топтали их, другие же сопротивлялись царю и претерпевали за иконопочитание многие муки. Святой Герман, патриарх Константинопольский, тоже не приобщился царскому зловерию и сильно сопротивлялся

---

[1] Титул *патрициев* принадлежал первоначально лишь детям сенаторов, которые назывались по-латыни patres. Потом это название стало прилагаться ко всем лицам благородного римского происхождения. Но император Константин сделал титул патриция личным достоинством, которое даровалось высшим чиновникам, но не переходило по наследству.

[2] *Спафарий* — оруженосец, телохранитель царский. Впоследствии наименование спафарий сделалось одним лишь почетным титулом, даваемым лицам военным, с которым не соединялись обязанности охранения царя.

нечестивому повелению Льва. За это царь с бесчестием изгнал святого с патриаршества, а на его место поставил единомышленника своего, некоего Анастасия еретика[1]. И многие епископы и клирики претерпевали тогда различные мучения за то, что поклонялись святым иконам.

В Царьграде, при церкви святой Софии, находился один громадный дом, называемый вертоградом любознательности. В нем с древних времен было собрано великое множество книг, числом до трехсот слишком тысяч. Ради этих книг в доме пребывало немало ученейших и премудрейших мужей, которых царь неоднократно пытался совратить в свою нечестивую ересь, но всякий раз безуспешно. Тогда он повелел обложить этот дом хворостом и поджечь и таким образом сжег его вместе с книгами и находившимися там учеными людьми. Новопоставленный же патриарх Анастасий, угождая царю, повелел снять и сбросить на землю образ Спасителя, который находился при упомянутом доме, на медных воротах.

Исполняя патриаршее повеление, один воин подставил лестницу и стал подниматься по ней к образу с намерением сбросить его. Но случившиеся там благочестивые жены, распалившись ревностию по благочестию, выдернули из-под него лестницу и низвергли его на землю; воин упал, разбился и умер. А жены поспешно скрылись в церковь, где в то время находился патриарх, который стоял на святом месте, как мерзость запустения[2], заместившая святейшего Германа. Увидев патриарха, жены стали громко называть его разорителем святых догматов, наемником и волком, расхитившим овцы, а не истинным пастырем стада Христова; затем начали кидать в него камнями. Патриарх, испугавшись, немедленно направился к царю и возвестил ему, какое бесчестие нанесли ему (патриарху) жены. Разгневанный царь послал воинов с обнаженными мечами, чтобы наказать женщин, нанесших патриарху бесчестие, — и те святые жены все были иссечены мечами за проявленную ими ревность по благочестии. Наступила тогда великая печаль для православных. Многие

[1] Константинопольский *патриарх Анастасий* управлял Церковью с 730 по 753 год.

[2] Выражение «мерзость запустения» взято из книги Дан. 9, 27; ср.: Мф. 24, 15; к Анастасию оно приложено для указания его недостоинства быть заместителем святителя Германа.

из них были заключены в темницу и содержались в узах; другие подверглись беспощадным мучениям и были убиваемы, а некоторые оставляли свои дома, села и имения и, скрываясь от рук мучителей, убегали в пустыню.

Родители Стефана, блаженного от недр матери своей, тоже хотели избежать жестокого гонения на православных, чтобы соблюсти непорочным свое благочестие. Они ждали только, когда подрастет сын их, чтобы посвятить его на служение Богу в чине иноческом, как было обещано ими Матери Божией. Но при этом они не хотели отдавать Стефана ни в один из византийских монастырей, которые были переполнены бежавшими сюда от гонителей. Они предпочли посвятить сына Богу на Авксентиевой горе, находившейся в Вифинии[1] и получившей свое наименование от преподобного отца Авксентия, который первый поселился там, ища безмолвия. Место это было уединено и отдалено от всяких мирских волнений. После Авксентия здесь подвизался Сергий, ученик Авксентия и подражатель его святого жития, после Сергия — искусившийся в добродетелях Вендиан, затем — блаженный Григорий, а после него — преподобный Иоанн. К нему-то и привели родители Стефана своего шестнадцатилетнего сына и, вручив отрока святому старцу, умоляли его облечь их сына в ангельский образ и научить служению Богу. Взглянув на Стефана и прозорливыми очами провидя в нем благодать Божию, старец сказал:

— Воистину Дух Божий почивает на этом отроке.

И он с любовию принял блаженного отрока, постриг его в иноческий чин и стал наставлять его в подвигах безмолвного жительства.

Приняв ангельский образ, блаженный отрок Стефан и жизнь проводил ангельскую, являясь совершенным иноком. Он не ослабевал в посте и молитве, имел кроткий нрав, смиренное сердце, дух умиленный, постоянно пребывал в молчании, соблюдал чистоту

---

[1] *Вифиния* была северо-западной провинцией Малой Азии. Ныне она занимает северную часть Анатолии. Христианство в Вифинии появилось еще при апостолах. Ныне в Вифинской епархии находится 12 епископских кафедр, подведомых архиепископу Никомидийскому. — Селение *Марикати* находилось к северу от Аполлонии, известной колонии на берегу Понта, во Фракии. *Авксентиева гора* находилась против Константинополя, у Никомидийского залива.

тела и непорочность девства, являл в своей жизни образец истинной нищеты и пустыннического нестяжания. Безропотно нес он подвиг иноческого послушания и тщательно исполнял все, что ни возлагали на него, проявляя во всем усердие и отличаясь трудолюбием. Между прочим, потребная для пития вода добывалась в месте, весьма отдаленном от пещеры, где подвизался Стефан. Но святой каждый день приносил необходимое количество ее, совершая для того значительный переход и с трудом взбираясь потом на гору с водою. И не только воду, но и все потребное, приносил он с отдаленных мест, изнуряя себя непосильным трудом. При этом блаженный Стефан никогда не жаловался на тяжесть подвигов, ни разу не роптал и, наряду с повиновением, проявлял к преподобному наставнику своему нелестную и нелицемерную любовь. О других же его добродетелях, подвигах и трудах, в которых он упражнялся от юности, кто может рассказать?

Наставник блаженного Стефана, преподобный Иоанн, видя усердие своего ученика в подвигах иноческой жизни, радовался духом и, подобно ветру, раздувающему пламень в тлеющем угле, своими богодухновенными речами и наставлениями разжигал в сердце блаженного желание еще больших подвигов во славу Господа, еще более теплую любовь к Нему и страх Божий. При этом он и сам являлся мужем, совершенным в добродетелях, исполнен был благодати Божией и награжден от Бога даром пророческого предвидения.

Однажды блаженный Стефан, совершив некое послушание и возвратившись к своему наставнику, увидел, что тот, положив голову на оконце пещеры, горько плачет. Стефан остановился у оконца и стал ожидать, когда святой старец преподаст ему обычное благословение. И долго стоял он в молчании, удивляясь горькому рыданию старца и не смея спросить его о причине его плача. Но старец сам сказал ему:

— Возлюбленный сын, виновник печали моей — ты, о тебе я так горько плачу; ибо Господь открыл мне, что место это от тебя процветет и прославится, но иконоборцы разорят и опустошат его.

Услышав это от своего учителя, блаженный Стефан тяжко вздохнул и произнес:

— Скажи, святой отец, все, что открыл тебе Господь относительно меня: что случится со мною? И не погибну ли я, будучи развращен еретическим учением иконоборцев?

Старец отвечал:

— Нет, чадо мое, никогда не будет с тобою этого; но только предупреждаю тебя словами апостола: *смотри́те, поступайте осторожно* (Еф. 5, 15); ибо написано: *претерпевший же до конца спасется* (Мф. 24, 13).

Это и многое другое высказал он Стефану и поведал ему обо всем, что до́лжно случиться с ним в будущем.

Тем временем умер отец преподобного Стефана. Узнав об этом, преподобный, взяв благословение у своего отца духовного, отправился в Византию и там почтил подобающим погребением плотского родителя своего; затем он продал все оставшееся после него имение и деньги роздал нищим. Устроив эти дела, он взял с собою мать свою и одну из сестер (другая сестра святого уже постриглась в иночество в одном из византийских девичьих монастырей) и поместил их в женском монастыре, созданном и освященном вышеупомянутым преподобным Авксентием, который назвал его: «Трихинария», то есть власяной. Такое название дано было монастырю частию вследствие трудности и неудобства пути, ведущего к нему, частию вследствие тягостей иноческой жизни в нем, ибо монастырь отличался строгостию устава, и монахини, населявшие его, должны были ходить во власяных одеждах. В этом монастыре святой Стефан и постриг в иночество мать и сестру свою; сам же возвратился к преподобному наставнику своему и, живя с ним, упражнялся в обычных иноческих подвигах и трудах.

По прошествии некоторого времени духовный отец и учитель блаженного Стефана, преподобный Иоанн, с миром отошел ко Господу; поплакав над ним, святой пошел возвестить о его смерти близ находившихся пустынников, и все, собравшись, с плачем и рыданием и с подобающим пением предали погребению честное тело преподобного Иоанна. Блаженный же Стефан после того стал один подвизаться в пещере, имея от роду немногим более тридцати лет.

Наследовав пещеру преставившегося ко Господу святого учителя своего и других, живших в ней раньше, преподобных отцов, блаженный Стефан был наследником и их совершенного, преисполненного добродетелей, жития. Поэтому к нему стали приходить из окрестных мест пустынники, желая жить вместе с ним и иметь в нем наставника и учителя себе. К числу таковых принадлежали: Марин, муж добрый и благонравный, Иоанн и Христофор, Захария, муж

благочестивый, и, наконец, два злобных человека — Сергий и Стефан, о которых речь будет ниже. Пришли к преподобному Стефану и еще шесть других мужей, имена которых записаны в книге работающих Христу Господу. Таким образом образовался монастырь, братия которого неусыпно предавалась иноческим подвигам, имея у себя игуменом святого Стефана. Пищу добывали все в поте лица своего, трудами своих рук; преподобный же Стефан владел искусством хорошо списывать книги; переписывая и продавая их, он, таким способом, питал себя и прочих. И Бог, питавший Израиля в пустыне, посылал все потребное и этим рабам Своим, так что исполнились на них слова Евангельские: *Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам* (Мф. 6, 33).

С умножением учеников блаженного Стефана, увидел он, что его безмолвие, к которому он так стремился, нарушено. Тогда святой призвал к себе вышеупомянутого Марина и вручил ему начальство над монастырем и заботу о нем. Сам же удалился на другое место той горы и построил себе небольшую келию, в которой и затворился, имея от рождения своего сорок два года[1]. Келия эта совершенно не имела крыши. Пребывая в ней некоторое время в совершенном уединении и безмолвии, святой непрестанно беседовал с Богом, предаваясь молитве. Но и на новом месте своего подвижничества блаженный Стефан не мог избежать желающих получить от него пользу для души своей. Как не может оставаться незаметным град, который стоит на верху горы, и как не может утаиться человек, носящий с собою ароматы, — подобно этому и добродетельный человек, на высоту совершенства, как на некоторую гору, восшедший и добрыми делами, как ароматами, благоухающий, не может укрыться и утаиться от людей. Это и было с блаженным Стефаном. Слава о его подвижнической жизни распространялась далеко, и подобно тому, как пчелы слетаются на мед, так и к преподобному стекались отовсюду ищущие спасения, желая получить назидание для себя от его учительных речей и от самого жития его. Среди стекавшихся к преподобному были не одни благочестивые мужи, но и жены. Из них особенно заслуживает внимания одна благородная вдова, именем Анна. Оставшись, по смерти мужа своего, весьма юною и не имея детей, она продала все имения свои и раздала нищим; затем, придя к пре-

[1] Это было в 756 году от Рождества Христова.

подобному Стефану, она была пострижена им в иноческий образ и отослана в девический монастырь — Трихинария.

В это время умер царь Лев Исаврянин. На его место вступил сын его Константин Копроним[1], который еще сильнее своего отца восстал на Церковь Божию, выбрасывая святые иконы из храмов и сожигая огнем. Обличителями его нечестия явились многие славнейшие и премудрые мужи из чина иноческого, которые доказали ему неправоту его и обличили в ереси. Тогда Копроним воспылал неукротимою злобою против иноков, подвергая их жестоким гонениям и всячески хуля их. Образ иноческий он называл одеждою тьмы, самих же иноков именовал идолопоклонниками за то, что они с великим усердием стояли за поклонение святым иконам. Вместе с этим беззаконный царь собрал великое множество неразумных людей, слушавших его веления, и приказал им присягнуть с клятвою, что они не будут поклоняться святым иконам, но станут называть их идолами, не будут иметь и общения с иноками, ни принимать от рук их пречистых Тайн, — и всякий, кому случится встретить инока, будет бросать в него камни, называя его помраченным, сыном тьмы и идолопоклонником.

Когда все это происходило, умер злочестивый патриарх Константинопольский Анастасий, которого Лев Исаврянин возвел на патриаршество после святого Германа. На место Анастасия Копроним возвел на патриаршество одного соименного ему инока Константина, который был единомышленником ему[2]. При этом, нечестивый царь возвел его на патриарший престол одною своею властию, без соборного избрания: сам и на амвон его возвел, сам и омофор возложил на него, возглашая, что он достоин патриаршего сана. После этого оба — и царь, и новый патриарх, — посоветовавшись между собой, послали во все города грамоты, призывая всех епископов в царствующий град на собор для осуждения и уничтожения иконопочитания. И творились тогда в Константинополе великие беззакония. Даже священные сосуды, в которых совершались Божественные Тайны, попирались ногами, так как на них находились священные изображения. Святые же иконы ввергались: одни — в болото, дру-

---

[1] *Император Константин V Копроним* царствовал с 741 по 775 год.

[2] Разумеется *Константинопольский патриарх Константин II*, который управлял Византийской Церковью с 754 по 766 год.

гие — в море, третьи — в огонь, а иные были рассекаемы и раздробляемы секирами. А те иконы, которые находились на церковных стенах, — одни сострагивались железом, другие замазываемы были краскою. Беззаконники не пощадили и благолепнейшую церковь во имя Пресвятой Богородицы, что во Влахернах, которая была роскошно украшена изображением всех событий земной жизни Господа Иисуса Христа, начиная от воплощения Его и кончая распятием и воскресением Его. В этой церкви беззаконный царь Копроним повелел уничтожить все иконописные украшения ее, блещущие золотом и драгоценными камнями, и как бы обнажил ее, лишив, как царицу, порфиры; взамен всего этого он приказал расписать стены ее изображением деревьев, зверей и птиц. И исполнились в то время слова Давида: *Боже! язычники пришли в наследие Твое, осквернили святый храм Твой, Иерусалим превратили в развалины; трупы рабов Твоих отдали на съедение птицам небесным, тела святых Твоих — зверям земным* (Пс. 78, 1–2). Ибо тогда и мощи святых выбрасывали иконоборцы из церквей и ввергали их или в огонь, или в море, или же влачили за город и сбрасывали с гор в пропасти и болота. Тех же, кто дерзновенно стоял за честь святых икон и мощей, злочестивые еретики немилосердно мучили и предавали горькой смерти, проливая кровь их, как воду, при этом тела мучимых за иконы они оставляли без погребения и бросали на съедение хищным птицам и зверям. Тогда наступила для всех православных скорбь великая, какой не было от самого начала мира.

Спасаясь от преследований, воздвигнутых на православных, многие иноки оставили Константинополь и притекли к преподобному Стефану, надеясь найти у него благой совет и душеполезное наставление. Святой долго утешал их своими богомудрыми речами и учил твердо стоять в благочестии, не боясь пролить за святые иконы даже кровь свою; тем же, которые не имели достаточно мужества и боялись мучений, он советовал бежать в другие страны, где не было гонений от иконоборцев. Тогда опустели все византийские монастыри, и уже нельзя было видеть никого из иноков в царствующем граде. Ибо одни из иноков, твердо стоя за Православие, положили души свои, будучи убитыми, другие же, желая вместе с правой верой спасти и жизнь свою, бежали в другие страны и рассеялись по лицу земли всей.

В 754 году по Рождестве Христовом созван был иконоборческий собор в Константинополе, на котором присутствовало триста тридцать восемь восточных епископов, но не было ни одного патриарха, кроме одного только Константинопольского лжепатриарха Константина, еретика и единомышленника царского. Местом для собора назначена была Влахернская церковь Пресвятой Богородицы, которая (церковь), лишившись своих иконописных украшений, представляла собою как бы пустыню и вертеп разбойников. В этой церкви и собрались все прибывшие епископы вместе с беззаконным царем и лжепатриархом. И после долгих рассуждений и препирательств царь убедил всех епископов согласиться с ним и присоединиться к его безбожному злохулению. При этом многие из епископов ясно видели заблуждение царя и патриарха, но, боясь гнева царского и патриаршего, боясь, как бы для православных не наступили новые бедствия, они не смели сказать ничего вопреки царю и присоединились к нечестивому зловерию. Впоследствии на истинном VII Вселенском соборе, бывшем в царствование Константина Младшего и матери его Ирины[1], они отреклись от иконоборческой ереси и с покаянием обратились к благоверию, но теперь они пошли вслед за нечестивым царем и патриархом, согласившись с их еретическими мудрованиями. И были составлены там такие злочестивые и богомерзкие лжедогматы:

1) Святые иконы повелевалось почитать за идолов.

2) Все поклоняющиеся святым иконам — преданы были анафеме, причем анафема провозглашена была на святого Германа, бывшего Константинопольским патриархом раньше еретика Анастасия (беззаконные еретики, сами будучи прокляты, прокляли святого и праведного человека, но Бог благословил его, так что сбылось Писание: *Они проклинают, а Ты благослови* — Пс. 108, 28).

3) Повелевалось исповедовать, что не только святые, по смерти своей, не могут помочь нам своим ходатайством, но и Сама Матерь Божия.

4) Запрещалось нарицать святыми апостолов, мучеников, исповедников, преподобных и всех угодивших Богу.

---

[1] Имеется в виду *Константин VI Порфирородный*, царствовавший с 780 по 797 год. *Царица Ирина*, мать его и супруга Льва VI, ревностная защитница иконопочитания, в продолжение десяти лет управляла государством вместо сына и после него царствовала по 802 год.

5) Этот нечестивый собор, сделавший такие определения, причислялся к первым шести Вселенским соборам и повелевалось называть его VII Вселенским собором. Всякий же, не признающий того собора, подвергался анафеме, подобно Арию, Несторию, Евтихию и Диоскору[1].

На соборе этом важнейшими епископами после патриарха были: Феодосий, епископ Ефесский, Константин — Никомидийский, Наколий — Наколийский, а также Сисиний и Василий.

Совершив беззаконное дело, епископы подписали составленные определения, так что исполнились на них слова Писания: *изы́де беззаконие от священников Вавилонских, от старцев и судей* (слав. Дан. 13, 5), и еще: *па́стырие мно́зи растли́ша виноград Мой, оскверни́ша часть Мою, да́ша часть желаемую Мою в пустыню непрохо́дну* (слав. Иер. 12, 10). По окончании соборных совещаний епископы, участвовавшие на соборе, научили народ с веселием торжественно возглашать: «Сегодня спасение миру, так как твоими заботами, царь, мы от идолов избавились».

Между тем беззаконный царь, Константин Копроним, услышал о преподобном Стефане, подвизавшемся на Авксентиевой горе. Царю сделались известными и его благочестие и добродетельная жизнь, и то, что он премудр в Священном Писании, и то, что слава о нем распространилась далеко, так что все ставят его наряду с древними святыми отцами, — наконец, и то, что он ревностный иконопочитатель, поучающий и других поклоняться святым иконам. Узнав все это, Копроним задумал прельстить блаженного Стефана и привести к единомыслию с собою, надеясь, что если он привлечет его на свою сторону, то этим придаст особенную твердость и силу своему зловерию. И вот он призывает одного из своих приближенных патрициев, име-

---

[1] *Арий, Несторий, Евтихий* и *Диоскор* — были ересиархами. *Арий* учил о том, что Сын Божий есть тварное существо, не одинакового достоинства с Богом-Отцом. *Несторий* учил о том, что Иисус Христос не есть истинный Бог, но человек, удостоенный за святость жизни особенной благодати Божией. *Евтихий* и *Диоскор* были представителями монофизитской ереси, учившей об одной природе Божеской в Иисусе Христе, которая поглотила в нем человеческое естество. Первый эту мысль высказал *Евтихий* — архимандрит одного из Константинопольских монастырей. *Диоскор* же (бывший Александрийским патриархом, с 444 по 451 год) явился ревностным защитником этой мысли.

нем Каллиста, который был первым лицом в Государственном совете. Каллист был искусным и красноречивым оратором, и нечестивый царь понадеялся на силу его искусства. Он повелел ему отправиться к преподобному Стефану и возвестить ему царский приказ о том, чтобы преподобный отвергся от иконопочитания и подписался бы под определениями, составленными на беззаконном иконоборческом соборе. При этом царь послал преподобному через Каллиста и различные дары, — однако не золото и не серебро (ибо знал, что преподобный в этом не нуждается), а различные овощи, которыми преподобный обычно питался: финики, мигдалы и смоквы[1].

Придя к преподобному Стефану[2], Каллист предложил ему дары и затем обратился к нему с искусно составленною речью, в которой долго убеждал преподобного повиноваться царю и подписаться под определениями иконоборческого собора. Свои слова Каллист старался подкрепить изречениями от святых книг, перетолковывая по-своему некоторые места Писания. Но святой на все слова Каллиста находил мудрые возражения и, наконец, с дерзновением сказал ему:

— Я определений собора вашего, исполненного лжи и неправды, не подпишу, ибо не хочу наречь *горькое сладким, и тьму светом*, чтобы не навлечь на главу свою пророческого проклятия[3]; царских же угроз не боюсь и готов за святые иконы принять даже смерть.

Затем он простер руку и, сложив пальцы в горсть, сказал:

— Если бы даже было во мне крови только с эту горсть, то и тогда я не побоялся бы пролить ее за изображение Христа моего. Дары же, которые ты принес мне от царя твоего, отнеси обратно;

---

[1] *Финики* — плоды пальмовых деревьев, имеющие ягодообразный вид; величина их разнообразна: у одних пальм плоды бывают в горошину, у других — больше человеческой головы. Когда плоды пальмовых деревьев созревают, то их или срывают рукою, или же трясут дерево, так что плоды падают на разостланные циновки. Употребляются в пищу финики одинаково и в свежем виде и в сухом. *Смоквы* — плоды смоковницы, дерева, хорошо известного из книг Священного Писания. В естественном виде эти плоды походят на грушу. *Мигдалы* — миндальные орехи, плоды миндального дерева (по-славянски «амигдал»).

[2] В 763 году.

[3] Здесь имеются в виду следующие слова пророка Исаии (5, 20): *Горе тем, которые зло называют добром, и добро — злом, тьму почитают светом, и свет — тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое — горьким!*

ибо я хочу поступить согласно со Святым Писанием, которое говорит: *Елей грешнаго да не нама́стит главы моея́* (слав. Пс. 140, 5), и еретическая пища да не насладит гортани моей.

Ничего не добившись, Каллист возвратился обратно и рассказал царю обо всем, что слышал от Стефана. Царь, выслушав это, пришел в сильную ярость и тотчас же послал того же Каллиста, вместе с воинами, на Авксентиеву гору с повелением схватить преподобного, отвести в находившийся под горою монастырь Трихинария и заключить там в темнице. Каллист и посланные с ним воины так и сделали: напали на келию святого, выбили дверь ногами и, вытащив преподобного без всякого милосердия, отвели в монастырь Трихинария, где заключили его в темницу. Вместе со святым Стефаном были схвачены и отведены в ту же темницу и все ученики его. Воины стали у дверей темницы и стерегли всех заключенных, ожидая дальнейших распоряжений царя.

Находясь в заключении, блаженный Стефан и все ученики его дерзновенно воспевали: «Пречистому образу Твоему покланяемся, Благий»[1].

И они пребывали в темнице шесть дней, во все это время совершенно не вкушая пищи. На седьмой день пришло от царя повеление возвратить Стефана обратно в келию его; ибо тогда царь получил известие о нападении скифов на его царство[2]. Намереваясь отразить нашествие скифов, царь на время отложил преследование преподобного.

Но Каллист, имея против него одинаковую с царем злобу, тайно призвал к себе одного из учеников блаженного, именно — Сергия, о котором мы хотели рассказать. Призвав, Каллист прельстил его льстивыми словами, большим количеством золота и серебра, склонив его изобрести различные клеветы на преподобного. Поступая так, Каллист надеялся, что клеветам, измышленным учеником преподобного, скорее поверят, ибо подумают, что свидетельствует о Стефане человек, знающий жизнь его. Сергий же, как второй Иуда,

---

[1] Тропарь на праздник перенесения Нерукотворного Образа Христа Спасителя.

[2] *Скифы* — дикий народ, обитавший на севере от Черного моря, в пределах нынешней южной России и в низовьях Дуная.

возлюбив серебро и золото, предал своего учителя и начал всячески измышлять, как бы сплести сеть ложных клевет на святого и ни в чем не повинного отца. Но во всей непорочной жизни его он не мог найти, как в солнце, ни одного пятна; поэтому, выйдя из монастыря святого Стефана, подобно заблудшей овце, оставившей стадо, он свел дружбу с одним сановником царским, по имени Авликаламом, который собирал в Никомидии подати для царя: его-то он и сделал пособником своей злобе, и оба искали ложных обвинений против святого. Согласившись друг с другом, они составили пространную запись, в которой говорили, будто бы Стефан хулит царя и гнушается им, как еретиком, — и будто бы он смущает народ и всех, приходящих к нему, возбуждает к восстанию против царя. Много и иных клевет они составили против преподобного, упоминать о которых мы не будем, чтобы избежать многословия и не оскорбить слуха читателей (ибо нечестивые клеветники наговорили много непотребного). Написали беззаконные и о блаженной Анне, которая, оставив суетный мир, была пострижена рукою преподобного Стефана в ангельский образ и проводила иноческую жизнь в монастыре Трихинарийском. Клеветники налгали на нее, будто бы она ночью сходилась со Стефаном, предаваясь вместе с ним нечистому греху. К участию в этой клевете они привлекли одну рабыню блаженной Анны, уговорив ее свидетельствовать о том же; в награду за это они не только обещали ей свободу и большое количество золота, но и говорили, что они отдадут ее в супружество одному сановитому мужу, служащему при царском дворе. Составив такую, исполненную клевет на преподобного, запись и приложить к ней лжесвидетельство рабыни Анны, Сергий и Авликалам послали все это вместе с одним воином к царю, в то время находившемуся в Скифской стране.

Когда царь прочел присланные к нему записи, то сильно обрадовался и тотчас же послал к своему наместнику в Царьграде, Анфиту, письмо с повелением идти в женский монастырь, стоящий при Авксентиевой горе, и, взяв оттуда инокиню Анну, послать к нему. Получив царское повеление, наместник немедленно отправился к Трихинарийскому монастырю, взяв с собою, как на войну, множество вооруженных воинов. Придя к монастырю, они напали на него с об-

наженными мечами. В это время все инокини собрались в церкви и пели третий час; увидев напавших на монастырь воинов, они пришли в великий ужас, и одни из них скрылись в алтаре под Божественным престолом, другие же пытались убежать в горы; но воины всех их поймали. Тогда престарелая игумения монастыря, выйдя к воинам, дерзновенно сказала им:

— Что вы делаете, называясь христианами? Зачем напали на посвященных Богу невест Христовых, которые не сделали вам никакого зла?

Те отвечали:

— Отдай нам Анну, блудницу Стефанову; ее требует от вас царь.

Тогда игумения, призвав Анну вместе с другою инокинею, Феофанною, стала наставлять их, чтобы они соблюдали себя от вражеского искушения и безбоязненно стояли за невинность святого и преподобного отца и учителя своего, Стефана. Потом, вручив их Божиему заступлению, она отпустила их с воинами.

Воины, взяв инокинь под стражу, немедленно отвели их к царю, а тот повелел их разлучить и стеречь каждую особо. Потом, призвав к себе Анну, царь начал так говорить ей:

— Без всяких сомнений верю тому, что говорили мне о тебе. Поэтому я призвал тебя, чтобы ты сама без утайки добровольно рассказала, чем прельстил тебя тот волхв и беззаконный человек, побудив тебя оставить свои имения, ни во что вменить благородный род свой и облечься в черническую одежду? Все это он сделал, как я слышал, для того, чтобы ты была его блудницею. И что хорошего ты нашла в нем, прельстившись им и беззаконно любодействуя с нечестивцем?

Услышав от царя такие скверные слова, блаженная и целомудренная Анна сказала:

— Нет, царь! Не для того я оставила наследство, перешедшее мне от родителей, оставила и своих родных и все прелести мира этого, чтобы поработить душу свою плотским страстям и любодейству. Те же, которые оклеветали меня в этом, по слову Давидову, *изощряют язык свой, как змея; яд аспида под устами их* (Пс. 139, 4). Пред тобою мое тело, и каким бы мучениям ты ни подверг его, я не изменю истине. Пока дух мой будет в теле, ты ничего иного не услышишь от

меня, как только то, что Стефан есть муж святой и праведный и виновник моего спасения.

Когда царь услышал эти слова, он сильно удивился и молчал в продолжение целого часа. Потом повелел отвести Анну под стражу, а Феофанию отослать обратно в монастырь. Возвратившись, та поведала игумении и преподобному Стефану о всем бывшем.

По прошествии некоторого времени Копроним возвратился с войны в Константинополь. Здесь он повелел заключить инокиню Анну в одну мрачную и страшную темницу, а потом послал к ней кувикулария своего[1]. Тот, придя к Анне, начал говорить ей:

— Сжалься над собою, женщина, и, сложив с себя черные ризы, избери честную жизнь; тогда будешь жить с царицею во дворце, если только исповедуешь завтра пред всеми на допросе истину о себе и о Стефане. Тут есть одна рабыня, которая все знает и готова в лицо говорить тебе о делах ваших. И если ты захочешь что-нибудь скрыть, та изобличит тебя. Тогда я, как судия и защитник правды, раздроблю на части тело твое и сделаю так, что ты узнаешь, что может сделать царь и что Стефан, обольстивший тебя. Если же послушаешь моего доброго совета и откроешь Стефановы блудные дела, то удостоишься от нас больших почестей.

Услышав такие слова, святая Анна, тяжко вздохнув, прослезилась и потом отвечала:

— Что хочет царь, то пусть и творит. Я же не хочу говорить неправды на святого и преподобного отца. Пусть исполнится воля Господня!

На другой день, утром, царь вышел из дворца своего и, став на возвышении пред всем собравшимся народом, повелел вывести из темницы целомудренную Анну и обнажить ее на позор всем. На виду у святой положили целую связку палок и поставили пред ней лжесвидетельницу, рабу ее. Невинная жена стояла пред всеми нагой, ограждаясь от нечестивых только стыдом, который имела вместо одежды. Когда спросили ее о том, в чем ее оклеветали, она молчала, подражая Господу своему, Который неправым судиям Своим *не давал ответа* (см.: Ин. 19, 9; ср.: Мф. 26, 63; 27, 12–14; Мк. 14, 61; 15, 5;

[1] *Кувикуларий* — царский постельничий, по большей части одно из самых приближенных лиц к царю.

Лк. 23, 9). Между тем бесстыдная рабыня лжесвидетельствовала на нее, подтверждая ложь и выдавая ее за истину. Тогда снова начали принуждать блаженную Анну, чтобы она сказала, будто бы Стефан вступил в греховную связь с нею, но святая, как «агница пред стригущим», была безгласна и не отверзала уст своих[1].

Разгневался тогда мучитель и пришел в сильную ярость. Назвав Анну блудницею, он повелел простереть ее на земле и бить палками. И Анна была простерта на земле четырьмя сильными воинами и долго была бита по спине и по чреву. Перенося такие истязания, блаженная ничего не говорила, кроме следующих слов:

— Не познала я человека, как говорите вы, — нет! Не познала, — и затем прибавила: — Господи, помилуй!

Между тем мучители так сильно били ее, что она едва не испустила дух свой. Тогда царь, видя, что она едва дышит, но все-таки не говорит ничего против Стефана, встал с престола и поспешно ушел во дворец, исполненный стыда. Потом он повелел отвести Анну в один из городских монастырей, который был пуст, и заключить ее там. Здесь через некоторое время святая Анна и преставилась ко Господу.

Тем временем царь долго думал, как бы ему обвинить в чем-либо Стефана, чтобы иметь возможность наказать его как преступника. Наконец он задумал такое дело.

Призвав одного любимого им юношу, именем Георгия, который верно служил у него во дворце, Копроним спросил его:

— Георгий! Как велика любовь твоя ко мне?

— Она безмерна, — отвечал тот.

— Но в состоянии ли ты, из-за любви ко мне, пойти на смерть за меня?

— С усердием готов умереть за тебя, — отвечал юноша.

Тогда царь, радостно и ласково облобызав его, произнес:

— Вот новый Исаак.

Потом сказал Георгию:

— Но я не посылаю тебя умереть за меня и не хочу даже, чтобы ты пострадал меня ради. Я прошу тебя только об одном. Пойди в Авксентиеву гору, к недостойному даже упоминания Стефану, и

---

[1] Выражение взято из книги пророка Исаии, где оно приложено к Мессии-Избавителю (53, 7).

упроси его постричь тебя в иноческий чин и принять в число своих учеников. Когда же он это сделает, тотчас возвращайся к нам.

Юноша обещался в точности исполнить все, о чем просил его царь. Тогда Копроним стал наставлять его, как ему удобнее исполнить возложенное на него поручение; и после этих наставлений юноша отправился на Авксентиеву гору.

Ночью он подошел к монастырю блаженного Стефана и громко начал вопить:

— Помилуйте меня, христиане, живущие здесь, помилуйте! Заблудился я в пути и не знаю, куда мне идти, чтобы не впасть в какую-нибудь пропасть или не попасть в зубы зверю.

Услышал эти вопли блаженный Стефан и, по своему человеколюбию, сжалился над заблудившимся. Призвав инока Марина, он послал его найти заблудившегося человека и привести его в монастырь. Когда Марин привел Георгия, тот припал к ногам преподобного и стал просить у него благословения. Преподобный понял, что пред ним стоит не простой человек, и начал вопрошать Георгия:

— Кто ты и откуда?

Георгий не скрыл, что он находился при царском дворце, и говорил, будто он из-за того оставил службу при царе, что царь совратился с правого пути и увлекает за собою всех в погибель.

— Вот я, — сказал юноша, — и поспешил к тебе, чтобы ты облек меня в ангельский чин, к которому я сильно стремлюсь. Умоляю тебя, честный отче, не отринь меня как недостойного.

Боясь, как бы не было какой-либо неприятности со стороны царя, блаженный Стефан сначала не соглашался принять юношу в число иноков. Но тот успокаивал его, говоря, что царь не придет из-за него в гнев, и вместе с тем усердно молил святого причислить его к лику учеников своих и постричь в иночество.

— Ты дашь ответ Богу за мою душу, если теперь не пострижешь меня.

Преподобный от таких слов умилился и, не уразумев коварства диавольского, сказал Георгию:

— Так как я вижу, что ты пришел сюда, влекомый ревностию ко спасению, то не хочу идти против заповеди Господней и не изгоню вон тебя, пришедшего к нам.

Сказав это, он тотчас же стал наставлять его богомудрыми и душеполезными речами и затем, сняв с него мирскую одежду, облек в новоначалие, повелев ему готовиться к принятию совершенного иноческого образа[1]. По истечении трех дней преподобный облек Георгия и в этот образ. Тотчас же, после принятия ангельского чина, этот коварный человек поспешил к царю, в Константинополь.

Увидев на Георгии иноческую одежду, царь обрадовался, не потому, что любил иночество, но потому, что нашел повод к обвинению Стефана в том, будто бы он отвлекает у него слуг.

Выйдя утром следующего дня на площадь, царь вывел новопостриженного инока и начал пред собравшимся народом жаловаться на всех иноков, преимущественно же на Стефана, обвиняя его в том, что он учением своим прельщает людей, как он сделал, например, с этим любимым слугою царя. Народ стал кричать:

— Смерть мерзкому обольстителю!

Тогда царь повелел совлечь с Георгия иноческую одежду и бросить ее на землю. Как только сделали это, народ начал ногами попирать то ангельское одеяние, осыпая иноков оскорблениями и хуля иночество. После этого царь повелел принести воду и омыть Георгия, как бы смывая с него иноческий чин; наконец, облек его в воинское одеяние, возложил на голову его шлем и дал ему сан иппокома[2]. После всего он послал воинов на Авксентиеву гору с повелением разорить монастырь Стефана.

Воины напали на монастырь, как волки на стадо. Разогнав всех иноков, они подожгли монастырскую церковь, самого же преподобного Стефана разбойнически извлекли из келии и с бесчестием потащили в халкидонский пригород Константинополя. На пути они причиняли ему немало оскорблений и немилосердно истязали его: одни с жестокостью влекли его по земле, другие плевали ему в очи, третьи творили иные неописуемые оскорбления. Когда они достигли морского берега, воины посадили святого в ладью и отвезли его в

---

[1] *Новоначалие* — подготовительный искус, без которого не постригают в иночество; лица, находящиеся в этом положении, известны под названием послушников.

[2] *Иппоком* — царский конюшенный; одна из придворных должностей.

Филиппиков монастырь, находившийся в Хризополе[1], недалеко от Византии. Тут святого продержали под стражею в оковах и в веригах железных в течение семидесяти дней, и он все это время не вкушал пищи. И хотя царь присылал ему множество снедей, святой не принимал ничего и все отсылал обратно.

По истечении семидесяти дней царь и патриарх прислали к святому наиболее влиятельных еретиков — именно: Феодосия, епископа Ефесского, Константина Никомидийского, Наколия, Сисиния и Василия вместе с Каллистом и другими искуснейшими ораторами, чтобы они состязались со Стефаном о вере и склонили его к иконоборчеству. Последние, прибыв в Филиппиков монастырь, повелели привести к ним блаженного Стефана. Он предстал пред ними, окованный железными цепями, от тяжести не имея возможности стоять и двигаться без посторонней помощи: он шел между двух мужей, на которых и опирался.

Прежде всех начал говорить Феодосий, епископ Ефесский. Обратившись к блаженному Стефану, он сказал:

— На каком основании, человек Божий, ты почитаешь нас еретиками и ставишь себя выше царей, патриархов, епископов и всех других христиан? Неужели все мы заблуждаемся и стремимся к погибели?

На это святой кротко ответил:

— Послушайте, что говорится в Божественном Писании о пророке Илие. Он говорил однажды царю Ахаву: *не я смущаю Израиля, а ты и дом отца твоего* (3 Цар. 18, 18). Так и теперь: не я возмущаю Церковь Божию, но те, которые, нарушив предания древних святых отцов, вводят в Церковь новые догматы. Ибо Василий Великий говорил: «Все, что издревле предано от святых отцов, достойно почитания: все же новополагаемое неуместно и не может иметь значения»; таковы суть и ваши определения против почитания святых икон, определения, составленные не сынами Кафолической Церкви, но нечестивыми прелюбодеями. Поэтому своевременно приходит мне на ум пророческое изречение: *Восстают цари земли, и князья совещаются вместе против Господа* (Пс. 2, 2), и на честную икону Его.

---

[1] *Хризополь* — предместье Константинополя, на противоположном берегу Босфора, в Вифинии; ныне Скутари.

Услышав такие слова, Константин, епископ Никомидийский, быстро вскочив со своего седалища, подошел к преподобному, который сидел на земле, и ударил его ногою в лицо. Точно так же один из оруженосцев, присутствовав при этом, ударил святого в чрево; блаженный пал на землю, а оруженосец стал попирать грудь его.

Каллист вознегодовал на такое бесстыдное и беззаконное дело и повелел всем молчать. Потом он обратился к Стефану со следующими словами:

— Тебе предстоят два исхода: или подписать определения недавно бывшего собора, или умереть как отвергающему постановления отцов, Богом наученных. Избери себе скорее что-нибудь одно.

Боговдохновенный Стефан возгласил на это:

— Внемли словам моим, господин патриций! Это с великим апостолом Павлом я возглашаю: *для меня жизнь — Христос, и смерть* за честную Его икону — *приобретение* (Флп. 1, 23). Я уже сказал тебе однажды и снова скажу: если бы я имел крови в одну только горсть, то и тогда не пожалел бы пролить ее за святые иконы Христовы. Впрочем, повели прочесть определения вашего собора, чтобы я знал, по какой причине вы отвергаете поклонение Божественным иконам.

И тотчас же Константин Никомидийский взял книгу и начал ее читать. Книга имела такое заглавие: «Предание святого Вселенского Седьмого собора». Лишь только это заглавие было прочтено, святой сделал знак рукою, приглашая к молчанию, и потом громко возгласил:

— На некрепком же основании вы построили свое зыбкое здание! Почему вы называете свой собор святым? Ведь вы наименование: «святой» — отняли от всех святых и повелеваете не называть так ни апостолов, ни мучеников, ни пророков, ни других мужей, благоугодивших Богу. Как может собор ваш быть святым, раз он попирает и оскверняет все святое? Вы называете собор ваш Вселенским; но как он может быть вселенским, если на нем не было ни одного из патриархов, ни уполномоченных от них, ни даже посланий, в которых бы они заявили о своем соизволении на созвание собора. Не может собор ваш называться Вселенским, ибо он ложный. Еще вы называете его седьмым. Но каким образом он седьмой, если он расходится с первыми шестью соборами? Если бы он был

седьмой, то ему надлежало бы во всем последовать шестому, пятому и другим, бывшим раньше, соборам. Ибо без первого, второго, третьего, четвертого, пятого и шестого не может быть седьмого. Таким образом, собор ваш вовсе не седьмой, так как он отверг предания прежде бывших шести соборов.

На эти слова епископы возразили:

— Что же, от шести соборов преданное, мы отвергаем? Нет, мы не отвергаем прежних соборов и преданного от них, но принимаем все это.

Тогда святой ответил:

— Не в святых ли церквах происходили прежние соборы, то есть я говорю про те церкви, которые были украшены иконами? Первый собор происходил в Никее, в обширной церкви этого города. Второй — в Константинополе, в церкви святой Ирины. Третий — в Ефесе, в церкви святого Иоанна Богослова. Четвертый — в Халкидоне, в митрополичьей соборной церкви. Пятый и Шестой — опять в Константинополе, причем первый происходил в храме святой Софии, второй же — в дворцовом храме, называемом Труллом. Все те церкви не были ли украшены честными иконами? И ни один из прежних соборов не отвергал их, как отвергает ваш собор. Что вы скажете мне на это?

Те удивлялись премудрости святого Стефана и молчали, не имея ничего, что могли бы возразить ему. Только один из сидящих с ними промолвил:

— Воистину, справедливо то, что говорил Стефан!

Преподобный же возвел очи на небо; потом, воздев руки свои и испустив вздох из глубины сердечной, громко воскликнул:

— Если кто не чтит Господа Иисуса Христа, изображенного на иконах по человеческому естеству, да будет анафема и да имеет часть вместе с возглашавшими: *возьми, возьми, распни Его!* (Ин. 19, 15)[1].

Тогда нечестивые еретики, видя, что им не одолеть святого в споре, повелели отвести его в темницу, а сами, исполненные стыда, возвратились к пославшим их.

Когда они пришли к царю, то царь спросил:

— Что вы успели сделать?

---

[1] Это было в то время, когда Господь стоял на суде Пилата.

Епископы хотели было скрыть посрамление свое, но Каллист предупредил их, рассказав царю всю истину.

— О царь! — говорил он, — мы побеждены в споре Стефаном. Мудрый он муж, и в словах его заключается невыразимая сила. К тому же он мужествен и безбоязнен, и не только запрещений, но даже самой смерти не боится.

Тогда разгневанный царь повелел послать преподобного Стефана на заточение в Геллеспонтские страны, на остров Проконнис[1].

Прежде чем отправиться туда, святой оказал помощь игумену Филиппикова монастыря, который был болен и уже находился при смерти. Помолившись над ним и прикоснувшись к нему рукою, блаженный исцелил его и поднял с одра болезни. Затем, войдя на приготовленный для него корабль, он поплыл на место своего изгнания. Достигнув острова Проконниса, он сначала начал обходить все пустынные места на нем и, наконец, нашел одну прекрасную пещеру, называемую жителями той страны Киссуда. В ней находилась небольшая церковь во имя святой Анны, прародительницы Господа по плоти, матери Пресвятой Богородицы. Святой сильно обрадовался и поставил около пещеры келию. Здесь, живя во славу Божию, он питался кореньями местных растений.

Между тем ученики преподобного Стефана, изгнанные из монастыря его, находившегося на Авксентиевой горе, рассеялись по разным странам, как овцы, не имеющие пастыря. Но, прослышав, что учитель их пребывает в заточении на острове Проконнисе, они все собрались к нему, кроме двоих, отпавших от святого пастыря, как Иуда от Христа или Димас с Ермогеном от Павла (см.: 2 Тим. 1, 15; 4, 10). То были Сергий, составивший запись клеветнических обвинений против преподобного, и Стефан, который сначала был мирским священником, а потом принял пострижение от руки святого в иноческий чин.

Снова отвергнув иноческий чин, а с ним Бога, и облекшись в мирские одежды, он пришел к царю и сказал ему:

— Благочестивый царь! Твоими заботами я избавился от сатанинских уз и, скинув темные одежды, облачился теперь в светлые.

---

[1] *Проконнис* — остров на Мраморном море, ныне Мармара. Геллеспонтские страны — земли, расположенные посредине Мраморного моря, которое в древности называлось Геллеспонтом.

Царь сильно обрадовался и возлюбил его, потом сделал смотрителем Софийской палаты, куда он часто сам приходил. При этом Копроним называл его отцом веселия, хотя этот сын погибели мог возбуждать только плач о себе. Итак, те оба: Сергий и Стефан, отделялись от лика учеников преподобного; остальные же все собрались, как сказано, к преподобному Стефану и устроили монастырь. Пришла к блаженному и матерь его со своею дочерью, а его сестрою, Феодотиею, и близ пещеры его устроили себе обитель, в которой и жили добродетельно, наслаждаясь по временам медоточивыми словами наставника своего, преподобного Стефана. Преподобный же устроил для себя столп, а на нем — тесную хижину. Взойдя на столп, он затворился в той хижине; в то время ему было сорок девять лет от роду. За великие подвиги святого Бог прославил его и дал ему дар чудотворения. Так, блаженный Стефан отверз очи слепому, освободил от лукавого духа бесноватого юношу, исцелил кровоточивую, помолившись над нею, не раз утишал волнение морское и спасал от потопления множество кораблей; сверх того, корабельщики неоднократно видели его ходящим по водам, или управляющим кораблем, или же распускающим паруса.

В то время, как святой прославился на острове Проконнисе своими чудотворениями, умерла мать его. Это было во второй год заточения преподобного. Когда она отходила ко Господу, дочь ее Феодотия горько плакала о ней. Мать же Стефана, блаженная Анна, сказала ей:

— Ты не имеешь достаточной причины для плача, ибо и ты пойдешь со мною ко Владыке Христу.

Так и произошло: в седьмой день по смерти блаженной Анны, матери преподобного Стефана, Феодотия скончалась.

В это время на острове Проконнисе находился один воин, соименный преподобному (так как назывался Стефаном). Он был родом армянин и возвращался из Европы. На дороге он заболел ужасною болезнию, так что целая половина тела его иссохла. Услышав, что преподобный Стефан исцеляет всевозможные болезни, он через силу пришел к нему, пал пред ним на землю и со слезами просил у него исцеления. Преподобный повелел ему поклониться иконам Христа и Пресвятой Богородицы, и когда тот с усердием сделал это, тотчас же совершенно исцелел. Когда воин этот возвратился к своим

друзьям, те начали расспрашивать его: каким образом он выздоровел? Воин, нисколько не скрывая явленной над ним милости Божией, рассказал:

— Когда я поклонился иконам Христа и Пресвятой Богородицы, что повелел мне сделать инок Стефан, находящийся в Проконнисе, тогда и получил исцеление от своей болезни.

Воины возвестили об этом начальнику своему, который управлял Фракиею[1]. Начальник призвал к себе исцелевшего воина и, расспросив его, как он выздоровел, немедленно отослал к царю. Царь также начал расспрашивать воина о выздоровлении его и, когда узнал, что тот получил исцеление, поклонившись святым иконам, стал называть его идолопоклонником, с яростию укоряя его, как будто бы он совершил безбожное дело. Тогда исцеленный, стыдясь царя, раскаялся в том, что поклонился иконам, и всенародно отвергся от почитания их, дав обет больше уже никогда не кланяться им. За это беззаконный царь возлюбил его и почтил саном сотника[2]. Но когда тот нечестивый воин, выйдя из царского дворца, хотел сесть на коня своего, то конь внезапно взбесился и, свергнув его с себя, начал топтать несчастного ногами, и до тех пор топтал его, пока тот не испустил дух свой. Такую казнь принял этот неблагодарный отступник.

Это чудо, вместе с другими, творимыми блаженным Стефаном чудесами, привело царя в сильный гнев и ярость; ибо царь знал, что преподобный, живя в Проконнисе, прославляется чудотворениями и учит всех поклоняться святым иконам. Поэтому он задумал лишить святого жизни, для чего повелел привести его из заточения. Когда святой был приведен к Копрониму, то беззаконный царь повелел прежде всего оковать его железными цепями, забить ноги его в колодку и заключить в мрачную темницу, известную под названием Фиальской[3]. По истечении же нескольких дней Копроним,

[1] *Фракия* (в обширном смысле) в древности обнимала собой нынешнюю восточную часть Венгрии, Трансильванию, Бессарабию, Молдавию, Валахию, Болгарию, Сербию и восточную часть Румелии. Но в собственном смысле Фракией называлась только восточная часть нынешней Румелии. — Болгары, жившие к северу от Греции, в те времена делали частые нападения на Греческую империю.

[2] *Сотник* — начальник военного отряда из ста человек.

[3] Темница эта находилась в самом городе.

находясь вместе с двумя главнейшими сановниками своими в одном из загородных дворцов, приказал привести к себе блаженного Стефана.

Ведомый к царю, преподобный на пути выпросил у одного боголюбца монету, имевшую на себе царское изображение, и тайно вложил ее в клобук себе.

Лишь только царь увидел святого, тотчас же начал громко кричать:

— О беда, беда! И что я только терплю? Этот человек поносит мою власть, бесчестит и ни во что вменяет меня!

И говорил много укоризненных и оскорбительных для святого слов. Но блаженный стоял молча, опустив голову вниз. Тогда царь сказал:

— Что же ты ничего не говоришь мне, нечестивец?

Блаженный Стефан в ответ на это стал громко говорить:

— Если ты, царь, задумал убить меня, то убивай теперь же. А если призвал меня для того, чтобы расспросить о чем-либо, то тебе следует укротить гнев свой и беседовать со мной спокойно.

Слыша такие слова, царь спросил святого:

— Скажи мне, за что ты называешь нас еретиками? Какое из церковных преданий мы нарушаем?

Преподобный ответил:

— Вы отвергаете почитание святых икон, что предано нам издревле от богоносных отцов.

Мучитель возразил на это:

— Не называй это святыми иконами: не иконы святые то, но изображения идолов; а какое общение у святых с идолами?

На это святой муж ответил:

— Тот, кто поклоняется иконе, воздает поклонение не самому веществу; ибо поклонение, воздаваемое образу, переходит на Первообразного, как говорит святой Василий Великий.

Мучитель сказал святому:

— Разве можно изображать вещественными красками то, из чего многое темно и непостижимо для ума? И справедливо ли под чувственным образом поклоняться тем, естество которых никому не известно?

Преподобный ответил:

— Кто из имеющих разум скажет, что вещественными красками можно изображать невещественное Божие естество? Существа Божия даже ум описать не может; тем более нельзя изобразить Его красками. Но когда мы изображаем на иконе Христа, то изображаем не Божеское Его естество, но человеческий вид Его, подобный нашему, Который апостолы видели и осязали, как святой Иоанн Богослов сказал: *что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши* (1 Ин. 1, 1). И если ты мне укажешь на слова Моисея: *Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли* (Исх. 20, 4), — то я скажу тебе, что сам Моисей сделал изображения двух златых Херувимов, о чем Божественный апостол повествует так: *Херувимы славы, осеняющие очистилище* (Евр. 9, 5). Но и самый алтарь, и скиния, и Святое Святых изображали собою подобие небесное, как говорит тот же апостол: *которые служат образу и тени небесного* (Евр. 8, 5). Что же мы творим беззаконного, когда, видимый людьми, человеческий образ Христа пишем на иконе и поклоняемся Ему? Или когда мы поклоняемся кресту, сделанному из какого-либо вещества, то разве мы веществу поклоняемся? Точно так же, когда мы почитаем священные сосуды, то на нашей совести не может лежать никакого греха, так как мы знаем, что сосуды освящаются призыванием Христова имени. Зачем же вы восстаете против всего этого? После этого вы пожелаете отринуть и святые Тело и Кровь Христовы, таинственно предлагаемые под видом хлеба и вина, кои изображают то Тело Христово, Которое страдало на Кресте, а теперь пребывает на небе, — и которым мы поклоняемся и, причащаясь их, получаем наследие вечных благ. Вы же, не полагая никакого различия между святым и несвятым, почитаете идолами Христову икону, наравне с изображением Аполлона[1], и икону Богородицы, наряду с изваянием Артемиды[2], попираете их ногами и сожигаете в огне.

---

[1] *Аполлон*, или *Феб*, — сын Зевса и Латоны, один из наиболее почитаемых греко-римских языческих богов. Почитался богом солнца и умственного просвещения, а также благополучия общественного порядка, охранителем закона, Божеством предсказания будущего.

[2] *Артемида*, иначе *Диана*, — известная языческая богиня у греков и римлян, пользовавшаяся особым поклонением у них (она считалась богиней луны и изображалась прекрасной, светлой девой-охотницей).

На это царь ответил:

— Неужели ты, неразумный нечестивец, думаешь, что мы, попирая эти иконы, Христа попираем?

Тогда богомудрый Стефан, желая, по обычаю искусных борцов, победить врага его же оружием, извлек из клобука монету, которая имела изображение нечестивого царя Копронима и которую он выпросил, идя на допрос, у одного благочестивого человека. Показав эту монету, преподобный спросил царя в тех же самых выражениях, в каких Христос вопрошал некогда фарисеев:

— *Чье это изображение и надпись?* (Мф. 22, 20).

Царь ответил, полный удивления:

— Не иной чей, как царский.

Святой снова спросил:

— Что было бы, если бы кто изображение царя поверг на землю и стал топтать его ногами? Не понес ли бы он наказание за это?

Присутствующие при состязании ответили:

— Да! Великое наказание потерпел бы такой человек, так как он обесчестил бы царский образ.

Тогда преподобный, тяжко вздохнув, сказал:

— Сколь сильна у вас слепота и сколь велико безумие! Если за бесчестие образа царя земного и смертного вы караете ужасною казнию, то какому наказанию подвергаетесь вы, попирая образ Сына Божия и Матери Его и предавая их огню?

Сказав это, святой плюнул на монету и, бросив ее на землю, начал топтать ногами. Видя это, присутствовавшие с яростию устремились на святого, намереваясь сбросить его из палаты в море, ибо палата, где происходила беседа с преподобным, возвышалась над морем. Но царь, притворившись кротким, хотя внутри у него закипел страшный гнев, запретил им делать это, но повелел отвести святого в народную темницу и там заключить.

Входя в эту темницу, святой сказал:

— Эта темница будет пристанищем во время настоящей жизни моей; здесь надлежит мне пребывать до последнего издыхания, потому что за честь иконы Христовой я избрал себе это место.

Будучи заключен в самом отдаленном помещении темницы, святой нашел сидящими в ней триста сорок два инока, которые подвизались в различных странах и монастырях и были ввержены в тем-

ницу за почитание святых икон. У одних из них были отрезаны носы, у других отсечены уши, у третьих — руки: последняя жестокость была употреблена по отношению к тем, которые составляли книги в защиту иконопочитания. Некоторые носили на теле язвы от ран, еще не успевших совершенно исцелеть; кое-кто имели лица, опаленные и намазанные смолою; у иных головы были острижены для посмеяния. Видя указанные муки всех претерпевших, преподобный прославил терпение и подвиги их и стал сильно скорбеть, что не сподобился сам понести таких мук за святые иконы. Святые же отцы те с любовию приняли к себе блаженного Стефана и избрали его начальником и учителем себе. И стала темница эта как бы монастырем, и в ней совершались обычные пения и молитвы по чину и уставу монастырскому.

Пребывая в темнице, преподобный получал пищу от некоей боголюбивой женщины, которая была супругой одного из стражников. Каждую субботу и воскресенье она приносила в темницу немного хлеба и воды и тайно подавала святому. Сначала блаженный не хотел принимать из ее рук приносимой пищи, так как не знал, благочестива ли она и поклоняется ли иконам; ибо он гнушался еретиков и ничего не желал брать из их рук. Но женщина та, в удостоверение своего благочестия, принесла ему, тайно хранимые у нее, иконы Пречистой Богородицы и святых первоверховных апостолов Петра и Павла. Поклонившись пред лицом преподобного этим святым иконам, она облобызала их, а потом отдала ему, чтобы блаженный Стефан, храня у себя те честные иконы, поминал ее в святых молитвах своих.

В один день святой Стефан беседовал с прочими преподобными отцами о многих и разнообразных мучениях, причиняемых благочестивым со стороны царских наместников, анфипатов и игемонов[1]. Между прочим, один из заключенных, Антоний кипрянин, вспомнил о мученической кончине кипрского монаха Павла. Епарх Крита Феофан, прозываемый Лардотиром, положил на земле пред ним с одной стороны образ Распятия Христова, с другой же — орудия пытки и сказал ему:

— Избери себе, Павел, одно из двух: или согласись попрать ногами икону Христа, чтобы быть тебе живому или же ты подверг-

[1] *Анфипат* — начальник области, в состав которой входило несколько провинций; *игемон* — начальник провинции.

нешься лютой смерти, истязуемый лежащими пред тобой орудиями, — если только не захочешь исполнить повеленное тебе.

Но мужественный Павел громко возгласил:

— Да не будет, Господи, Иисусе Христе, Единородный Сыне Божий, чтобы мне попирать ногами святую икону Твою.

Сказав это, Павел преклонил колена и благоговейно лобызал святую икону, показывая этим, что он не боится угроз мучителя и готов умереть за Христову икону. Тогда мучитель пришел в сильный гнев и распалился яростию. Прежде всего, он повелел двумя железными досками крепко-накрепко стягивать тело исповедника, потом, повесив Павла вниз головою, терзать тело его железным гребнем и, наконец, разложить под ним костер и зажечь его. В этом страдании Павел и скончался, сожженный огнем, соделавшись благовонной жертвой Господу.

Когда Антоний рассказывал это, все отцы проливали теплые слезы. После того начал говорить другой узник, именем Феостирикт, муж старый и почтенный пресвитерским саном, у которого за верность иконопочитанию был отрезан нос, а все лицо опалено кипящею смолою.

— Однажды в монастыре нашем, называемом Пеликита, — говорил он, — совершалось во святой и Великий четверг Страстной седмицы бескровное жертвоприношение. Вдруг нападает на монастырь мучитель Лаханодракон со множеством воинов. Дерзновенно войдя в алтарь, он повелел прекратить пение и ниспроверг святые и животворящие Христовы Тайны на землю. Затем, схватив избранных сорок двух иноков, оковал их железными цепями, из остальных же некоторым нанес жестокие раны, истерзав тело их, другим опалил бороды и лица, предварительно обмазав их смолою, у иных, в числе которых был и я, отрезал носы. После того он поджег церковь и спалил ее вместе со всем монастырем. Тех же избранных сорок двух иноков, которые были окованы узами, мучитель заточил в Ефесской области, поместив их всех в одной ветхой бане, вход в которую был заколочен. Там все они и были уморены голодом.

Преподобный Стефан, слушая такие рассказы, убеждал братию к подобному же мужеству и терпению. Потом и сам припомнил о некоем Петре, жившем во Влахернах. Приведенный на допрос к царю,

этот Петр за верность иконопочитанию беспощадно был бит воловьими жилами, но проявил при этом такое терпение, что совершенно не стонал и не кричал, как будто не испытывал никакой боли. Мало того, — он не побоялся поражать обличительными словами, как каким-либо острием, самого царя, называя его новым Юлианом Отступником[1]. Припомнил блаженный Стефан и о некоем Иоанне, которого царь не мог принудить к тому, чтобы он попрал ногами иконы Христа и Пресвятой Богородицы. После многих напрасных попыток мучитель повелел зашить его в мех и, привязав к меху камень, бросить его в море и потопить святого.

Рассказывая друг другу такие повести, все преблаженные отцы и узники за Христа распалялись ревностным желанием пострадать за святые иконы и один другого укрепляли, говоря:

— Потерпите, братия, ради Господа, и постраждите за Него до последнего издыхания. *Если только с Ним страдаем, то с Ним и прославимся* (Рим. 8, 17). Все блага мира этого ничто пред той славой, которая уготована нам.

Блаженный Стефан пробыл в народной темнице одиннадцать месяцев. Тут Бог открыл ему в видении время смерти его за сорок дней. Когда после откровения пришла к нему жена стражника, приносившая преподобному пищу, он сказал ей:

— Да вознаградит тебя Господь за благодеяние твое, которое ты оказывала мне. Ты достаточно послужила мне. Теперь больше уже не приноси мне той тленной пищи и пития, какие приносила раньше.

Услышав такие слова, жена опечалилась, ибо думала, что святой гнушается ее приношениями. Видя печаль ее, преподобный сказал ей:

— Приблизилось время кончины моей, ибо, по прошествии сорока дней, я умру. И я желаю в продолжение этих дней приумножить подвиги иноческие и остаться совершенно без пищи и пития, чтобы приготовить себя к смерти.

Затем, отослав жену стражника, преподобный предался молитвенным подвигам и пребывал в молитве день и ночь. Некоторые из граждан, соблюдших благоверие в это время, приходили к нему,

---

[1] *Юлиан Отступник* — Римский император, царствовавший с 361 по 368 год. Рожденный и воспитанный в христианстве, он отвергся Христа и сделался ревностным язычником.

чтобы получить от него благословение. Для этого они меняли одежды свои, облекались в худые рубища и, приходя к святому, наслаждались его многополезными и богомудрыми речами.

Когда положенные сорок дней подходили к концу и уже наступил тридцать восьмой день, преподобный снова призвал названную выше жену и при всех святых отцах, находившихся в темнице, сказал ей:

— Да воздаст тебе Бог сторицею за те милости, какие ты оказала мне, и призрит на тебя милосердым оком с высоты Своей. Ибо ты явила себя истинной ученицей Того, Который сказал: *как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне* (Мф. 25, 40), и еще: *кто принимает праведника, во имя праведника, получит награду праведника* (Мф. 10, 41); и в третьем месте: *И кто напоит вас чашею воды во имя Мое, потому что вы Христовы, истинно говорю вам, не потеряет награды своей* (Мк. 9, 41). Все это ты исполнила, послужив мне, и потому не лишишься награды своей.

Затем святой подал ей святые иконы, которые она раньше принесла ему, и сказал ей:

— Прими драгоценное сокровище твое. Оно послужит для тебя защитою от всякого зла и будет свидетельством твоего православия в нынешнем и грядущем веке.

Произнеся эти слова, святой тяжко вздохнул и проговорил:

— Через день я оставлю земную жизнь и переселюсь в иной мир, где предстану пред небесным Царем.

При этих словах преподобного, женщина та горько заплакала. Потом, взяв иконы и приняв от святого Стефана благословение, обернула иконы полотенцем и пошла в свой дом, скорбя по поводу разлуки со своим великим отцом и учителем. Преподобный же оставшееся время до дня смерти своей провел вместе с соузниками своими в пении священных песнопений, прославляя Господа Бога.

Когда наступил тридцать девятый день, царь с своею третьей женой, именем Евдоксиею, стал праздновать языческий праздник, называемый врумалиями[1]; ибо нечестивый еретик, при многих своих

[1] *Врумалии*, или *брумалии*, — языческое празднество, которое происходило в день зимнего солнцестояния (по-латыни *брума)*. Празднество это начиналось в Древнем Риме жертвоприношением пред храмом Сатурна (римского бога земледелия и посевов), отчего называлось также *сатурналиями*, затем устраивалось пиршество, в котором принимали участие сенаторы и все сановники.

богоненавистных злодеяниях, не оставлял и языческих празднований. Во время этого праздника некоторые из зловерных еретиков обвинили пред царем блаженного Стефана в том, что он превратил темницу в монастырь и прельщает своими речами многих приходящих к нему, увлекая их в идолопоклонство (так они называли иконопочитание). Царь, разгневавшись, тотчас же послал спекулятора, чтобы тот вывел Стефана за город и казнил бы его мечом. Но когда Стефан был веден связанным на усечение, царь стал жалеть, что осудил блаженного на такую быструю казнь.

— Что может быть вожделеннее для Стефана, как не окончить поскорее жизнь свою посредством усечения мечом? — говорил он и, желая умертвить преподобного более лютою смертию, повелел снова возвратить в темницу. Сам же устроил у себя в этот день большой пир для своих вельмож и единомышленников, и они ликовали и веселились, при игре на музыкальных инструментах и при громком звуке труб. Среди пира царь вспомнил о блаженном Стефане и сказал двум находившимся при нем юношам, которые были красивы лицом, отличались храбростью, и были ему единоутробными братьями.

— Идите в народную темницу и скажите Стефану с Авксентиевой горы следующее. Так говорит царь: видишь ли, какую имеет он заботу о тебе? Вот он возвратил тебя от самых врат смертных и даровал тебе жизнь. Итак, доколе же ты не будешь повиноваться царской воле? Скажите ему все это. Я знаю, что он не покорится мне, но еще больше начнет хулить меня, — и вы тогда схватите его и бейте как можно сильнее, пока не убьете до смерти.

Выслушав приказ царя, юноши те пошли в темницу; но увидев лицо Стефана, подобное ангельскому зраку, пришли в смущение пред его святостию и, пав к ногам блаженного, просили у него благословения и молитвы. Потом, возвратившись к царю, сказали ему:

— Мы нашли чернеца того непокорным и за это били его без милости и оставили еле живым; не думаем, чтобы он мог дожить до утра — так сильно мы били его.

Услышав это, царь утешился и весело продолжал пировать со своими единомышленниками.

Между тем преподобный Стефан всю ночь простоял на молитве, готовясь к смерти. Когда же взошла утренняя звезда, он созвал всех

преподобных отцов, заключенных вместе с ним, и обратился к ним с такою речью:

— Последнее пожелание мира и последнее целование даю я вам, отцы и братия: вот уже приблизился час моей кончины, и меня ожидает мученический венец. Вы же до конца пребывайте в Православии и будьте тверды.

Услышав такие слова, преподобные отцы горько плакали, омывая лица свои теплыми слезами. Святой же Стефан стал совлекать с себя одежды. Тогда другие преподобные отцы сказали ему:

— Лучше будет, отче, если ты встретишь смерть в святом иноческом одеянии своем.

Но боговдохновенный Стефан ответствовал:

— Борцу подобает выйти на борьбу нагим. К тому же что хорошего в том, если иноческий чин будет попран ногами людей беззаконных?

Сказав это, блаженный совлек с себя все одежды и, прикрывшись одною только кожаною мантиею, сел, вместе со святыми отцами, в ожидании своего смертного часа.

В ту же ночь, когда царь после пира почивал на одре своем, бес, находившийся всегда при нем, возвестил ему, что посланные его не причинили Стефану никакого зла, но только поклонились ему и взяли у него благословение. Тогда царь, встав от сна, вышел из внутренних покоев дворца своего и, наподобие рыкающего льва, начал восклицать:

— О беда о, великое уничижение, нет у меня помощника, нет верного слуги. Все меня ставят ни во что, и я не знаю, что мне делать с людьми, недостойными и воспоминания о них (так он называл обыкновенно иноков).

Услышав вопли царя, все бывшие в царском дворце смутились, стали волноваться и поспешно подбегали к нему. Взглянув на подбегающих, царь сказал:

— Куда идете и кого ищете?

Они же со смирением сказали:

— Мы пришли к тебе, благому господину и царю нашему.

Тогда царь громким голосом возгласил:

— Я не господин и не царь ваш. Вы имеете у себя иного царя, иного господина, к ногам которого припадаете, молитв и благосло-

вения которого просите. И нет никого, кто бы слушал меня и верно служил бы мне, чтобы я мог истребить врага моего и чтобы утешился дух мой.

Окружавшие Копронима стали расспрашивать, кто враг его, которого почитают больше самого царя. Тогда Копроним ответствовал:

— Не я царь, а Стефан с Авксентиевой горы.

Едва он произнес такие слова, тотчас же все с сильным криком быстро устремились в народную темницу и, обращаясь к страже, восклицали:

— Дайте нам Стефана Авксентианина!

Но преподобный Стефан сам вышел к ним из темницы с лицом веселым, с душою радостною.

— Я — тот, кого вы ищете, — говорил он прибежавшим.

Тогда они схватили святого, как волки овцу, повергли его на землю и, разбив все оковы на нем, немилосердно повлекли его на площадь, попирая ногами и ударяя палками. Когда блаженный был извлечен за ворота темницы и был против церкви святого великомученика Феодора, то, опершись руками о землю, поднял, насколько мог, свою голову и сотворил последнее поклонение святому мученику пред его церковию, исполнив, таким образом, среди лютых мук, дело благочестия. Видя это, один из кровопийц, влекущих святого, именем Филомматий, схватил большой кусок дерева и, сильно ударив им по голове святого, разбил ее. И тотчас же преподобный предал дух свой в руки Божии. А на его убийцу на том же месте внезапно напал бес, так что нечестивец, возопив страшным голосом, пал на землю и ужасно кричал, извиваясь всем телом и скрежеща зубами, причем из уст его текла пена. И он, окаянный, до тех пор был мучим бесом, доколе среди тяжких мучений не изверг душу свою.

Несмотря на это, сборище разъяренных кровопийц, влекших Стефана, не прекратило издевательства над его телом и являло над мертвым свою зверскую лютость, влача тело преподобного по улицам и побивая его камнями. Отдельные члены преподобного по пути отрывались от святого тела и оставались лежать на улицах: так было с перстами преподобного, с руками его, а также и со внутренностями. Между прочим, один из беззаконников поднял обеими руками огромный камень и ударил им в чрево преподобного, и тотчас

чрево его распалось и внутренности его вывалились — так что улицы города обагрились кровью святого, которая лилась как вода. И не только мужи, но и жены, а также малые дети, выходя из своих училищ, метали камни на мертвое тело преподобного. Ибо от царя вышло такое повеление: если кто не бросит камень на Стефана Авксентианина, тот — противник царю и подлежит казни. Потому-то вся толпа зловерных еретиков, от мала до велика, побивала убиенного. Когда же тело святого приволокли к воловьему торгу, то один содержатель корчмы, варивший в это время рыбу, увидев влачимое тело и думая, что святой еще жив, схватил горящую головню и ударил ее в голову святого, и из нее тотчас же истек мозг.

Следом за мятежным сборищем, творившим разные издевательства над телом преподобного, шел один православный муж, по имени Феодор, который хотел знать, где бросят тело святого. Увидев истекший из головы его мозг, он сделал вид, как будто бы споткнулся, упал на землю и, тайно собрав мозг преподобного в чистый платок, скрыл его в своей одежде и снова пошел вслед за издевающимися над телом святого.

В это время еще жива была старшая сестра преподобного Стефана, которая постриглась в иноческий чин в одном из Византийских девичьих монастырей. К этому монастырю и повлекли тело святого, чтобы и сестра преподобного, согласно царскому повелению, бросила в него камень. Но та, узнав об этом, удалилась из своей келии и скрылась в одном гробе; ее всюду искали, но не могли найти. Тогда тело преподобного Стефана повлекли оттуда на место, называемое Пелагииным кладбищем. Там находилась прежде церковь святой мученицы Пелагии, от ветхости распавшаяся; злочестивый царь повелел разбросать самое основание ее, а на месте его выкопать глубокую яму, в которую стали бросать трупы убиваемых неверных. К этой яме и приволокли тело преподобного Стефана и ввергли его в нее, вменив праведного со беззаконными.

Так окончил свое земное поприще преподобный отец наш Стефан, 28 ноября, на пятьдесят третьем году от своего рождения[1]. День этот с утра был весьма ясен, и солнце лило на землю яркий свет; в третий же час этого дня с восточной стороны, где находилась Авк-

[1] Это было в 768 году от Рождества Христова.

сентиева гора, показалось облако огненное, воздух над городом мгновенно помрачился, и день превратился в ночь. Потом поднялась буря, стал падать сильный град, который поразил многих насмерть.

Но все эти видимые знамения гнева Божия, обрушившиеся на Константинополь в наказание нечестивым за причиненные преподобному муки и ругательства над его честным телом, не вразумили злочестивого царя. Так он повелел предать смертной казни, как ослушников царской воли, — двоих своих братьев, которых посылал раньше убить преподобного Стефана. Потом он погубил насмерть и других святых отцов, которые пребывали в темнице вместе с преподобным Стефаном.

Между тем Феодор, который собрал истекший мозг преподобного Стефана, отправился в монастырь святого Дия[1] и, тайно отдав игумену монастыря мозг блаженного, подробно поведал ему о всем, что знал о смерти Стефана. Игумен, выслушав со слезами рассказ Феодора, предал царя, как еретика и отступника, проклятию, мозг же святого принял, как многоценное сокровище, вложил его в чистый сосуд и скрыл в церкви святого первомученика Стефана. Но это не утаилось от злобного царя. Произошло это таким образом.

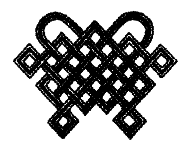
Когда игумен положил честный мозг святого Стефана в сосуд и скрыл его в церкви, то при этом присутствовал один юноша, живший в монастыре святого Дия. По прошествии некоторого времени юноша этот стал молить игумена, чтобы тот сподобил его диаконского сана. Но игумен, не считая его достойным этого сана, не исполнил его просьбы. Тогда юноша разгневался на игумена и, отправившись к царю, рассказал ему все, что знал о мозге святого Стефана. Царь тотчас же повелел принести сосуд, в который положили честный мозг преподобного, и открыть его пред собою.

Когда сосуд открыли, то он оказался совершенно пустым, ибо мозг Стефана Божественным смотрением был невидимо взят и сокрыт на месте, никому не известном и доныне. Царь разгневался, и юноша тот, как клеветник, был отослан на изгнание.

Здесь необходимо припомнить и чудесную казнь Божию, постигшую ту девицу, которая, будучи рабыней блаженной инокини Анны,

[1] *Дий* — один цареградский подвижник, живший в V веке и основавший в окрестностях Константинополя монастырь. Память его — 19 июля.

солгала на нее и на блаженного Стефана, будто бы они, тайно сходясь по ночам, впадали в беззаконный грех. Она была отдана в замужество одному сановнику, собиравшему подати для царя в Вифинии, и родила двух близнецов. Однажды, когда она почивала ночью на одре, вместе с детьми своими, — те внезапно пришли в волнение и, получив некую дивную силу, яростно схватили сосцы своей матери и начали сосать их не как дети, но как львята или медвежата, — так что несчастная женщина не могла оторвать их от своей груди. И так зверски терзая сосцы матери своей, они ее умертвили; затем и сами, как порождения ехидны, умерли вместе с нею. Такая казнь постигла окаянную лжесвидетельницу. Блаженный же преподобномученик Стефан, как неповинный и чистый сердцем, зрит Бога в Троице Единого — Отца, и Сына, и Святого Духа, Которому слава вовеки. Аминь.

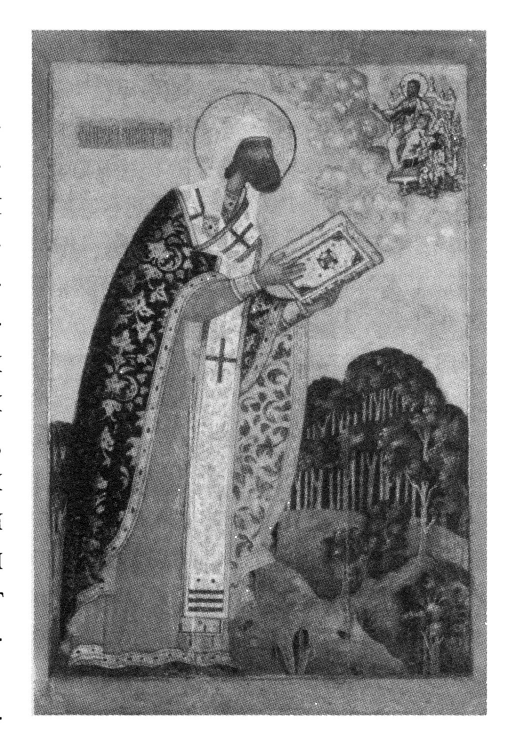


ЖИТИЕ
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
ФЕОДОРА,
архиепископа Ростовского[1]

Святой Феодор, первый архиепископ Ростовский, происходил из того знаменитого своим благочестием рода, к которому принадлежал великий подвижник и молитвенник земли Русской преподобный Сергий Радонежский. Святитель Ростовский Феодор был родной племянник преподобного Сергия, сын его старшего брата Стефана. Этот Стефан, выселившись, как и преподобный Сергий, вместе с отцом своим, бояриным Кириллом, из Ростовской области в подмосковную область Радонежскую, первую половину жизни своей провел на службе у Радонежского князя Андрея Ивановича, сына Московского князя Ивана Даниловича Калиты. Он был в числе главных вельмож Радонежского князя, славился воинскими заслугами, но особенно отличался своим благочестием. Он был женат и от супруги своей Анны имел двух детей, Климента и Иоанна. Благочестивая жена Стефана вскоре скончалась, и Стефан тогда решил отречься от мира и принять иночество. Он постригся в монастыре Покрова Пресвятой Богородицы в Хотькове и предался усердно

[1] Житие святителя Феодора имел намерение составить знаменитый Епифаний Премудрый, написавший жития преподобного Сергия Радонежского и святого Стефана, епископа Пермского: но это намерение Епифания не было осуществлено. Древнего жития святого Феодора не отыскано. Существует в рукописи пространное житие Феодора, составленное по разнообразным источникам в XVII столетии (по указанной синодальной рукописи это житие издано в 1877 году в Ярославле отдельной книжкой под заглавием: «Житие иже во святых отца нашего Феодора, архиепископа Ростовского, чудотворца и основателя Симонова монастыря»). Это житие и положено в основание настоящего изложения с проверкой по летописям и документам.

иноческим подвигам, посту и молитве. Оставив вскоре Хотьковский монастырь, он ушел в Москву, поселился в монастыре святого Богоявления в особой келии и проводил строгий и суровый образ жизни в посте и молитве, воздерживаясь от вина и пива и одеваясь в ветхие одежды. В то время находились в том монастыре и другие знаменитые подвижники, как святой Алексий, впоследствии митрополит, старец Геронтий и другие. Их любил преосвященный Феогност, тогдашний митрополит всея России[1], часто к себе призывал и оказывал им почет.



Узнав о благочестивой подвижнической жизни Стефана, великий князь Симеон Иванович[2], сын Ивана Даниловича, повелел митрополиту Феогносту посвятить его в священнический сан, а потом поставить и в игумены Богоявленского монастыря, и избрал его в духовники себе. Духовными детьми Стефана пожелали стать и многие бояре и вельможи. Великий князь Симеон любил Стефана, почитал и часто с ним беседовал.

Таков был отец святого Феодора, называвшегося в миру Иоанном. По достижении семилетнего возраста Иоанн отдан был благочестивыми родителями в научение грамоте и вскоре изучил все, что было ему преподано.

По смерти матери юный Иоанн находился при своем отце, принявшем иночество. Слыша о жизни своего дяди, великого Радонежского подвижника Сергия, устроявшего тогда свою новую обитель, в которую отовсюду собирались разного чина и звания люди для духовных подвигов, Иоанн горел желанием видеть Сергия и последовать ему. По Божию смотрению, отец Иоанна, Стефан, отправился

---

[1] *Святой Феогност* занимал митрополию с 1328-го по 1353 год.

[2] *Симеон Иванович Гордый* княжил с 1340-го по 1353 год.

из Москвы в Радонежскую область в монастырь Живоначальной Троицы и привел с собою и сына своего Иоанна. Он провел сына прямо в церковь и, взяв за правую руку, сам передал его в руки игумена Сергия, своего родного брата.

Несмотря на юные годы Иоанна, которому было всего двенадцать лет, преподобный Сергий, провидя в нем истинного подвижника, тогда же постриг его в иноческий чин, 20 апреля, на память преподобного Феодора Трихины, в честь которого Иоанн переименован был в Феодора: тогда был обычай давать при пострижении имя того святого, память которого совершалась в день пострижения.

Новопостриженный инок Феодор и остался на иноческое жительство в Троицком монастыре под руководством великого его основателя. Он стал вести воздержную, целомудренную и чистую жизнь, усердно посещал церковные службы, внимательно слушал Божественное Писание и сам часто читал Божественные книги. Наставника же своего, преподобного Сергия, во всем слушался со смирением, кротостию и молчанием. Усердие к церковной и келейной молитве, пост и бдение, усердное пение Псалтири и слезы умиления молодого инока вызывали удивление у окружавших. Особенно замечательно было то, что он ничего не скрывал от преподобного Сергия, и днем и ночью открывая ему все свои помыслы.

По достижении надлежащего возраста Феодор был посвящен в иерейский сан и продолжал совершенствоваться в иноческих подвигах и духовной жизни. Когда он служил литургию вместе с преподобным Сергием и своим отцом Стефаном, некоторые иноки, удостоенные особой благодати Божией, видели, как с этими святыми служителями у престола служил Ангел Божий.

В это время стала посещать Феодора мысль об основании нового, своего монастыря, об отыскании удобного места и учреждении иноческого общежития. Мысль эту он поведал своему учителю, преподобному Сергию, и повторял это не раз. Преподобный, видя, что мысль эта решительно овладела Феодором, усмотрел в этом действие промысла Божия.

Феодор непрестанно предавался, по обычаю, ночной молитве. И вот однажды, стоя на молитве, он слышит голос: «Феодор, иди в пустыню; ты устроишь обитель, соберешь в ней многих подвижников, мужей желаний духовных, и получишь великую награду на не-

бесах». Приняв эти слова за откровение свыше, блаженный никому не открыл о происшедшем. Но спустя значительное время великий прозорливец Сергий сказал своему племяннику:

— Я, чадо, надеялся, что ты предашь кости мои гробу и станешь после меня игуменом на этом месте; но если хочешь теперь начать задуманное тобою дело, то да поможет тебе Бог и Пресвятая Богородица.

Благословив своего племянника и ученика, он отпустил его вместе с теми из братий, которые пожелали с ним отправиться.

Преподобный Феодор вышел со своими спутниками из монастыря и отправился искать нужного ему, удобного для обители, места. И нашел он прекрасное для построения монастыря место, называвшееся Симоново, недалеко от города Москвы, на левом берегу Москвы-реки.

Получив известие, преподобный Сергий сам пришел видеть это место, нашел его удобным для построения монастыря и благословил Феодора приступить к исполнению задуманного предприятия.

Получив надлежащее архиерейское разрешение, преподобный Феодор создал на избранном месте церковь во имя Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, честного Ее Рождества, возвел нужные для монастыря изрядные строения, собрал отовсюду многочисленную монастырскую братию и составил монастырь по строгому чину монастырей общежительных.

Сам основатель монастыря подавал пример строгой подвижнической жизни и сиял как внутренними добродетелями, так и внешним благолепием и телесной красотой, отличаясь вместе с тем мудростью и разумом. Все эти качества возбуждали у всех уважение и почтение к нему, и слава его возрастала более и более, так что дядя его, преподобный Сергий, опасался, чтобы племянник его не прельстился этой честью и славой, и непрестанно молился, чтобы Господь Бог помог Стефану совершить течение жизни без преткновения.

Когда новооснованный монастырь стал привлекать многих приходящих, Стефан, избегая шумной жизни, решил найти для себя более глухое и уединенное место. Таковое он усмотрел вблизи монастыря, на расстоянии двух выстрелов из лука, в густом лесу, близ са-

мой реки-Москвы, в пяти верстах от Московского Кремля. Здесь он построил для себя уединенную келию и стал подвизаться с новым усердием и в новых трудах.

Но и здесь стали собираться к нему ученики, желавшие подвизаться вместе с ним. И здесь посетил его преподобный Сергий и признал новое место удобным для подвигов и для построения монастыря. Митрополит Алексий[1] дал благословение на основание церкви в новом Симонове, а за церковью Рождества Пресвятой Богородицы осталось наименование: «На Старом Симонове».

Основание великолепной и обширной каменной церкви в честь Успения Пресвятой Богородицы преподобным Феодором положено было в 1379 году, а закончена постройка была только через двадцать шесть лет, в 1405 году, уже по смерти основателя; освящение новопостроенного храма совершено было уже митрополитом Киприаном.

Одновременно с церковью воздвигнуты были и другие новые обширные монастырские здания, трапеза, келии. Много нашлось благотворителей новооснованному монастырю: князья и бояре, и сам великий князь Димитрий Иоаннович[2], а потом сын его и преемник, великий князь Василий Димитриевич[3], щедро давали казной и разными вкладами на монастырское строение.

Так устроился новый Симонов монастырь, а Старый Симонов остался усыпальницею иноков.

Еще при митрополите Алексии Феодор был поставлен в игумена Симонова монастыря; преподобный Сергий был против этого: он желал, чтобы Феодор проводил уединенную жизнь, к которой стремился; но он должен был уступить настояниям великого князя Димитрия Иоанновича и митрополита Алексия.

Великий князь Димитрий Иоаннович избрал игумена Феодора в духовные отцы себе; духовными детьми Феодора пожелали стать и многие бояре и вельможи.

Как духовник великого князя и многих бояр, как племянник знаменитого подвижника Сергия, хорошо известный и властям духов-

---

[1] *Святой Алексий* был митрополитом с 1354-го по 1378 год.

[2] *Димитрий Иоаннович Донской* княжил с 1363-го по 1389 год.

[3] *Василий Димитриевич княжил* с 1389-го по 1425 год.

ным, Симоновский игумен Феодор должен был принимать живое участие в делах церковных.

По смерти митрополита Алексия настали замешательства в Русской митрополии. В Киеве находился Киприан, поставленный в Киевские митрополиты еще при жизни святого Алексия и стремившийся распространить свою власть и на церковь Московскую, а в Константинополе в 1380 году, без ведома и согласия Московского великого князя, был поставлен в митрополиты Киевские и всея России Пимен. Великий князь пожелал иметь митрополитом Киприана и отправил звать его в Москву духовника своего, Симоновского игумена Феодора, который и выполнил данное поручение с успехом. Впоследствии несколько раз Феодор исполнял подобные же поручения. Так, в 1384 году он, по воле великого князя, вместе с Суздальским архиепископом Дионисием, путешествовал в Константинополь по делам Русской митрополии, так как смута еще продолжалась: в Москве занимали митрополичью кафедру то Киприан, то Пимен.

В эту поездку свою в Константинополь игумен Феодор получил от патриарха Нила[1] сан архимандрита, а Симонов монастырь сделан был патриаршим ставропигиальным. В 1387 году архимандрит Феодор снова путешествовал в Константинополь по делам митрополии, когда туда же ездили и оба митрополита, Пимен и Киприан. Из этой поездки Феодор возвратился в сане архиепископа Ростовского вместе с митрополитом Пименом.

И после своего назначения на архиепископскую Ростовскую кафедру, остававшуюся праздною после удаления святого Иакова[2], Феодор продолжал принимать деятельное участие в церковных делах. Так, в 1389 году он вместе с другими епископами провожал из Москвы до Рязани Пимена в третью, последнюю, поездку его в Константинополь.

19 мая 1389 года скончался великий князь Димитрий Иоаннович. Сын и преемник его, великий князь Василий Димитриевич, оказывал такое же уважение и внимание архиепископу Феодору, как и его отец, и пользовался его услугами в делах церковных.

---

[1] *Нил* был патриархом с 1378-го по 1388 год.

[2] Память *святого Иакова* празднуется 27 ноября.

Новым патриархом Антонием[1] Пимен был низложен окончательно и вскоре умер[2]. Великий князь Василий Димитриевич решил принять в Москву митрополита Киприана, находившегося в Константинополе, и для приглашения его отправил, не раз уже бывшего там, опытного Ростовского архиепископа Феодора.

1 октября 1389 года митрополит Киприан, вместе с приехавшим за ним Феодором, отправился из Константинополя через Киев, где они оставались до февраля 1390 года, а на средокрестной неделе Великого поста этого года выехали в Москву.

Так кончились замешательства в русской митрополии, а вместе с ними и странствования архиепископа Феодора. Много трудов, опасностей на суше и на море, огорчений и неприятностей пришлось ему перенести за это время, но он с юных лет приучил себя к трудам и подвигам и не думал о покое. Господь Бог укреплял дух его и тело.

Будучи игуменом и архимандритом Симонова монастыря, Феодор, хотя и был отвлекаем общецерковными делами, однако постоянно и неослабно руководил монастырскою жизнью и в своих учениках воспитал многих великих и славных подвижников. К нему приведен был блаженным Стефаном Махрищским[3] благородного происхождения юноша, по имени Косма, воспитывавшийся в Москве в доме боярина Вельяминова, и был пострижен в Симоновом монастыре под именем Кирилла. Это был знаменитый впоследствии основатель Кирилло-Белозерского монастыря. Первыми подвигами монашеского послушания он обратил на себя общее внимание в Симоновом монастыре, трудясь в пекарне, поварне и других послушаниях. Здесь заметил его нередко посещавший обитель преподобный Сергий и любил с ним беседовать. Когда архимандрит Феодор был возведен в сан архиепископа Ростовского, братия Симонова монастыря избрала Кирилла настоятелем. Но, жаждавший уединенных подвигов, Кирилл тяготился этим положением, отказался от настоятельства и затворился в своей келии. Однако слава его подвигов и сюда привлекла почитателей и посетителей, и он ре-

[1] *Антоний* патриаршествовал с 1388-го по 1395 год.

[2] Митрополит Пимен скончался 11 сентября 1389 года в малоазийском городе Халкидоне, лежащем почти против Константинополя, и там погребен.

[3] Память его празднуется 14 июля.

шил удалиться на Север, где и основал свой, славный впоследствии, монастырь.

Здесь же, в Симоновом монастыре, при архимандрите Феодоре, принял пострижение молодой волоколамский дворянин Феодор Поскочин, названный в иночестве Ферапонтом. Подобно Кириллу, он прославился своим подвижничеством и был известен Сергию Радонежскому. Вместе со своим другом Кириллом он удалился в Белозерский край и основал там монастырь, который стал известен под именем Ферапонтова. Призванный князем Андреем Димитриевичем Можайским, которому принадлежало и Белоозеро, Ферапонт основал в Можайске новый монастырь Лужецкий, в котором и скончался архимандритом своей обители[1].

Много и других лиц подвизались в Симоновом монастыре под руководством архимандрита Феодора. Строгое общежитие, установленное в Симоновом монастыре, служило образцом для других общежительных монастырей, основатели которых прежде жили в монастыре или посещали его.

По окончании трудов по делам Русской митрополии архиепископ Феодор прибыл в Ростов и, поклонившись иконе Богоматери и мощам святителя Леонтия, занялся усердно новым пастырским служением. В мире и любви пребывал он с ростовским княжеским семейством и руководил его по пути благочестия. У сына тогдашнего Ростовского князя Александра Константиновича Иоанна заболели глаза, и он потерял зрение. Отец обратился к святителю Феодору и просил помолиться за больного. Феодор направил князей к мощам святого Леонтия в Ростовскую соборную церковь, и, по совершении молебствия, больной князь исцелился и прозрел. Впоследствии, уже после кончины святителя Феодора, наученный этим пастырем, князь Иоанн, когда снова впал в очную болезнь, опять обратился с горячею молитвою к чудотворцу Леонтию и опять получил исцеление[2].

Архиепископ Феодор оставил также по себе память основанием в Ростове Рождественского девичьего монастыря, существующего и в настоящее время.

---

[1] Преподобный Ферапонт скончался в глубокой старости в 1426 году 27 мая; под этим числом его житие.

[2] Об этом повествуется в житии святого Леонтия, Ростовского чудотворца.

О святителе Феодоре известно также, что он, будучи настоятелем Симонова монастыря, занимался иконописью и украсил иконами своего письма различные московские церкви[1].

Из всех Ростовских святителей Феодор первый поставлен был в сан архиепископа, каковой сан на Руси дотоле принадлежал только владыке древнего Новгорода Великого. Недолго святитель Феодор управлял Ростовскою паствою. Блаженная кончина его последовала 28 ноября 1395 года. Мощи его почивают под спудом в Ростовском Успенском соборе в юго-западном углу. Над ним устроена богато украшенная гробница под золотою сению[2].

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА ИРИНАРХА

Святой Иринарх происходил из города Севастии[3]. В юном возрасте он был палачом при мучениях святых мучеников. Во время истязания правителем Максимианом, при Диоклетиане, святых семи жен, Иринарх был просвещен благодатью Божией: видя жен, мучимых ради Христа и посрамляющих мучителя, он дерзновенно исповедал Христа и назвал себя христианином. Тогда, по повелению правителя, он был ввержен в болото, откуда вышел невредимым, и затем в огненную печь, но и она не причинила ему никакого вреда. После этого его усекли мечом, в 303 году.

[1] О занятиях святого Феодора иконописанием говорится в «Сказании о святых иконописцах» (*Буслаев*. Истор. Очерки II, 379).

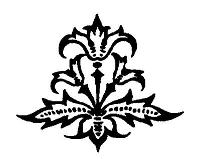
[2] В лике святых Феодор встречается в агиографических памятниках с XV столетия. В рукописях встречаются написанные в честь его тропарь и кондак.

[3] Здесь разумеется Севастия в Армении, называемая *Севастией Армянской*, — в отличие от Севастии Каппадокийской.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ,

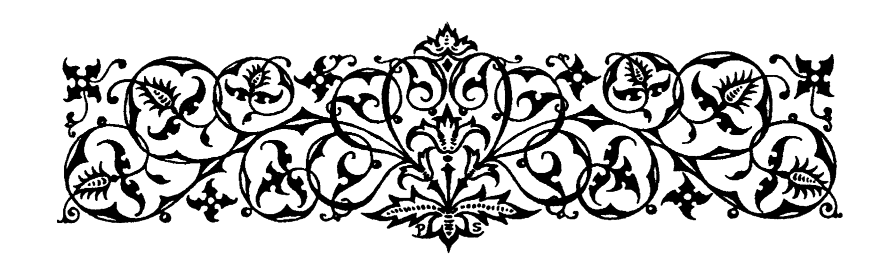
со святым Стефаном Новым за святые иконы пострадавших

При Константине Копрониме[1] многие православные воины, оставив воинское звание, приняли монашество. Многих из них беззаконный царь после мучений приказал лишить жизни. Одного, по имени Василия, он сначала ослепил. Когда же святой Василий и после ослепления стал воздавать поклонение святым иконам, мучитель вонзил меч в чрево Василия, так что обнажились все его внутренности. В это же время приял мученический венец за святые иконы и святой Стефан в Константинополе. Кроме этих, были сосланы в заточение два Григория с некоторыми другими, где и скончались. Наконец святой Иоанн был изгнан в Дафну[2], где, по приказанию царя, его часто подвергали биению, от чего он и скончался.



[1] *Константин Копроним* царствовал с 714 по 775 год. Это был один из жестоких императоров иконоборцев. Так как во время гонений на святые иконы главными защитниками их являлись иноки, то Константин Копроним приказал жечь монастыри, а православным инокам разбивать головы теми самыми иконами, на защиту которых они выступали, или же предавал их иным жестоким казням. Воины, исполнявшие волю нечестивого царя, видя твердость православных и многие знамения от поругаемых икон, часто из гонителей обращались в православных и становились ревностными чтителями святых икон. За это ярость мучителя обращалась на них, и им приходилось претерпевать жестокие казни, мучения и самую смерть.

[2] *Дафна* — предместье в Константинополе.



День двадцать девятый

ПАМЯТЬ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
АКАКИЯ СИНАЙСКОГО

Блаженный Иоанн Лествичник[1] пишет в книге своей о преподобном Акакии так: «Великий Иоанн Савваит[2] рассказал мне происшествие истинное и слышания достойное.

Был один старец, очень ленивый и злонравный; говорю, не осуждая его, но с целью показать терпение святого, и вот что расскажу вам. Тот старец имел юного ученика, по имени Акакия, простого нравом и целомудренного умом, который так много зла терпел от того старца, что многим даже покажется это невероятным, ибо старец не только укорами и бесчестием досаждал ему, но и всякий день мучил его ранами. Однако терпение его было не напрасно: потому что Акакий своим безропотным терпением и незлобивым страданием снискал себе благодать Божию, освобождающую его от вечного мучения. Я же (говорит Иоанн Савваит к Иоанну Лествичнику), видя каждый день, что он, будто купленный раб или пленник, терпит крайнюю беду, нарочно встречал его и спрашивал:

— Что ты, брат Акакий? Как проводишь нынешний день?

---

[1] *Иоанн Лествичник* — происхождения неизвестного, двадцати лет принял иночество, последние четыре года своей жизни был игуменом Синайской обители; скончался восьмидесятилетним старцем в конце VI века; память его — 30 марта.

[2] *Святой Иоанн Савваит (Молчальник)* родился в половине V столетия. Занимал епископскую кафедру в одной из армянских Церквей с 482 по 491 год, последнюю часть жизни провел в пещере. Память его — 3 декабря и 30 марта.

Он же отвечал:

— Как перед Господом Богом, — так мне хорошо. — И показывал мне иногда синяки под глазами, иногда шею, а то голову в ранах.

Зная, что он истинный делатель, я говорил ему:

— Хорошо, хорошо, терпи, брат, чтобы достигнуть спасения тебе.

В таком положении блаженный Акакий оставался у того немилостивого старца девять лет и, проболев немного пред кончиною, отошел ко Господу[1]. Когда он был погребен в гробнице отцов, то спустя пять дней старец отправился к одному жившему там великому отцу и сказал ему:

— Отче, брат Акакий, ученик мой, умер.

Отец, услышав это, сказал:

— Не верю тебе, старче, потому что Акакий не умер.

Старец сказал:

— Отче, если не веришь мне, то пойди сам и посмотри на гроб его.

Тогда преподобный отец поспешно встал, пошел со старцем в гробницу блаженного страдальца и громко воскликнул над гробом Акакия, обращаясь к нему как к живому:

— Брат Акакий, умер ли ты?

Благоразумный послушник, обнаруживая послушание и по смерти, ответил:

— Не умер, отче, ибо делателю послушания невозможно умереть.

Когда старец, у которого жил Акакий, услышал это, то испугался и упал со слезами на землю; потом попросил у игумена келию возле его гроба и, затворившись в ней, прожил благочестиво, заботясь о спасении души, и, после многих подвигов, отошел ко Господу Богу, Которому слава вовеки. Аминь.

---

[1] Скончался в первой половине VI века.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ПАРАМОНА

В царствование нечестивого царя Декия[1] был на Востоке князь Аквилин, сильно преследовавший христиан. Однажды собрал он в темницу христиан, числом триста семьдесят, и, отправляясь на Валсайтийские теплые воды[2], приказал вести с собою и мучеников; намереваясь проходить мимо идольского храма Посейдона[3], он хотел принудить их к принесению идольской жертвы. Достигнув капища, он долго принуждал святых принести жертву идолу лживого бога Посейдона, но не мог склонить их ни лаской, ни угрозами. В это время случилось проходить мимо одному благочестивому мужу, по имени Парамону, по вере христианину. Увидав такое множество святых мучеников, осужденных на смерть, он стал перед капищем идола и громким голосом воскликнул:

— О, как много праведников нечестивый князь убивает невинно за то, что они не кланяются бездушным и немым идолам!

Сказав это во всеуслышание, он пошел своей дорогой. Князь же, услышав те слова Парамона, возгорелся яростью и приказал своим слугам тотчас же догнать его и убить. Нечестивые слуги нечестивейшего князя догнали блаженного Парамона, который не знал этого распоряжения и шел своей дорогой, и взяли его. Сначала они извлекли изо рта его язык, который обличил и укорил мучителя, и искололи его; затем изранили все члены его и, наконец, пронзили тело копьями. Так святой мученик Парамон предал свою благочестивую душу в руки Божии.

В тот же час и святые вышеуказанные мученики, числом триста семьдесят, были убиты мечами пред капищем Посейдона за веру Христову.

---

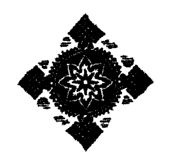
[1] *Декий* — Римский император с 249 по 251 год.

[2] *Валсайтийские воды*, при устье реки Тибра, находятся в Вифинской области.

[3] *Посейдон*, у римлян *Нептун*, — языческий бог морей и водных источников.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА ФИЛУМЕНА

Святой мученик Филумен жил в царствование царя Аврелиана[1], в Ликаонии[2], занимаясь продажей жита в Галатии, в городе Анкире[3]. О святом Филумене донесли правителю области Феликсу, пред которым он и исповедал себя христианином, за что был повешен, строган и затем ввержен в огонь, откуда благодатию Божиею вышел невредимым. После этого ему вбили в голову, руки и ноги гвозди и влекли его тридцать поприщ[4], от чего святой предал дух свой Богу[5].



---

[1] *Аврелиан Домиций* царствовал с 270 по 275 год.

[2] *Ликаония* — древняя страна Малой Азии. С 25 года до Рождества Христова страна эта вошла в состав римской провинции Галатии. Столицей ее был первоначально фригийский город Иконион (ныне Кония).

[3] *Анкира* — один из городов Галатийской провинции.

[4] *Поприще* — мера расстояний на ристалище, где состязались в беге. Одно поприще равнялось нашим шестистам девяноста саженям. Следовательно, тридцать поприщ более сорока верст.

[5] Кончина святого мученика Филумена последовала около 274 года.

День тридцатый

ПОДВИГИ И СТРАДАНИЯ СВЯТОГО АПОСТОЛА АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННОГО

Святой Андрей, первозванный апостол Христов, сын одного еврея, по имени Ионы, брат святого верховного апостола Петра, был родом из города Вифсаиды[1]. Презирая суеты этого мира и предпочитая девство супружеству, он не пожелал вступать в брак, но, услышав, что святой Предтеча Иоанн проповедует на Иордане[2] покаяние, оставил все, пошел к нему и сделался его учеником. Когда святой Предтеча, указывая на проходившего мимо Иисуса Христа, произнес: *вот Агнец Божий*[3] (Ин. 1, 36), святой Андрей вместе с другим учеником Предтечи, которого считают за евангелиста Иоанна, оставил Крестителя и последовал за Христом. Он нашел брата своего Симона (Петра) и сказал ему: «Мы нашли Мессию, именуемого Христа», и привел его к Иисусу (см.: Ин. 1, 41–42). После этого, когда он ловил, вместе с Петром, рыбу на берегу Галилейского моря[4] и Иисус воззвал

---

[1] *Вифсаида* — город на северо-западном берегу Тивериадского озера, родина святых апостолов: Петра, Андрея и Филиппа; его нужно отличать от Вифсаиды Юлии, на северо-восточном берегу, близ которой было совершено чудо насыщения пятью тысячами хлебами (см.: Лк. 9, 10).

[2] *Иордан* — главная река в святой Земле, протекающая вдоль ее, с севера на юг; она берет свое начало в отрогах Ливанских и Антиливанских гор и впадает в Мертвое море.

[3] Наименование Иисуса Христа Агнцем Божиим указывало на то, что Он воплотился для принесения Себя в жертву за род человеческий.

[4] *Галилейское море*, или *озеро*, называлось иначе *Геннисаретским*, или *Тивериадским*; оно находится в северной части Палестины (в Галилее), имеет в длину

к ним, говоря: *идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков* (Мф. 4, 19), — тогда Андрей, тотчас оставив, по зову Господню, сети, пошел, вместе с своим братом Петром, за Христом (см.: Мф. 4, 20). Андрей был назван Первозванным, потому что прежде всех апостолов сделался последователем и учеником Иисуса Христа. Когда же, после вольных страданий Господа, по воскресении Его, святой Андрей принял, как и прочие апостолы, Духа Святого, сшедшего на него в виде огненного языка (см.: Деян. 2, 3), и когда были разделяемы страны, ему достались по жребию страны Вифинийские[1] и Пропонтидские[2], с Халкидоном[3] и Византией[4], Фракией[5] и Македонией[6], простирающиеся до самого Черного моря[7] и Дуная[8], а также — Фессалия[9], Еллада[10],

---

около тридцати верст, в ширину около восьми верст, чрез него протекает река Иордан.

[1] *Вифиния* — страна, лежавшая по берегам Черного моря, Босфора и Константинопольского пролива. С 75 года до Рождества Христова она вошла в состав Римской империи и разделилась на две провинции с главными городами: Бруссой (в древности Прузиада) и Никомидией.

[2] Страны, лежавшие по берегам Мраморного моря.

[3] *Халкидон* — город на азиатском берегу Константинопольского пролива, ближе к Мраморному морю.

[4] *Византия* — близ входа в Константинопольский пролив, на Европейском берегу. С 330 года император святой Константин Великий сделал этот город столицей своего царства и дал ему свое имя (Константинополь). Ныне — столица Турции.

[5] *Фракией* называлась часть Балканского полуострова к северу от Македонии, Эгейского моря (Архипелаг) и Мраморного, где ныне следующие земли: восточная часть Венгрии, Трансильвания, Бессарабия, Молдавия, Валахия, Болгария, Сербия и восточные части Румелии.

[6] Страна к юго-западу от Фракии, по северо-западному берегу Эгейского моря.

[7] Часть Средиземного моря — между Балканским полуостровом и Кавказским перешейком, южным краем России и северным берегом Малоазийского полуострова.

[8] Одна из величайших рек в Европе, берет начало в Средней части Европы, затем протекает через Австрию и по северной границе Балканского полуострова, с запада на восток, и впадает в Черное море.

[9] *Фессалия* — страна на западном берегу Эгейского моря, отделявшаяся на север от Македонии цепью Олимпийских гор.

[10] *Еллада* находилась в южной части Балканского полуострова, соединяющейся с ним Коринфским перешейком (ныне — Морея); на западе граничила с Ионическим морем, на востоке — с Ахаией и Аркадией.

Ахаия[1], Аминтин[2], Трапезунт[3], Ираклия[4] и Амастрида[5]. Святой Андрей прошел эти города и страны, проповедуя Христову веру, и в каждом городе принял много скорбей и страданий; подкрепляемый всесильной помощию Божией, он терпел все бедствия за Христа с услаждением. Более всего он претерпел мучений в городе, называемом Синоп[6]: здесь его бросали на землю и, взяв за руки и ноги, таскали, били поленьями, бросали в него камнями, вырывали у него пальцы и зубы; но он, благодатью своего Спасителя и Учителя, снова оказался здоровым и целым от ран. Отправившись оттуда, он проходил иные страны: Неокесарию[7], Самосаты[8], Аланы[9], страны Абасков[10], Зигов[11], Босфоринов[12]. Потом он отплыл во фракийский город Византию[13], где он первый проповедал Христа, и, научив многих, по-

---

[1] *Ахаия* — страна по южному берегу Коринфского залива.

[2] Имея в виду местоположение называемых далее городов, нужно думать, что здесь разумеется *Аминс*, или *Амия*, на южном берегу Черного моря, в провинции Понт, между устьями рек Галиса и Ириса; ныне он называется Самсун.

[3] Город в провинции Понт, лежавшей по южному берегу Черного моря, между Пафлагонией и Арменией. *Трапезунт* находился при море, значительно восточнее Амиса.

[4] Было несколько городов с этим именем в разных местах. Здесь нужно разуметь *Ираклию* на южном берегу Черного моря, несколько западнее упоминаемой далее Амастриды.

[5] Город в Пафлагонии, лежавшей по южному берегу Черного моря, между Понтом и Вифинией, *Амастрида* — иначе *Амастрис*.

[6] Город, входивший первоначально в состав Пафлагонии, потом Понта; он лежал на южном берегу Черного моря, на узком перешейке, который соединяет с берегом образуемый здесь морем небольшой полуостров.

[7] Город в Понте, где родился и около 240 года был первым епископом святой Григорий Чудотворец.

[8] *Самосаты*, иначе: *Семисат, Симасат*, — сирийский город при реке Евфрате, в верхней части ее.

[9] *Аланы* — страна, населенная сарматским народом того же имени, находившаяся в нынешнем Северном Кавказе, между Черным и Каспийским морем, ближе к последнему.

[10] *Абаски* — племя, жившее на запад от аланов, ближе к Черному морю, и сообщившее название нынешней Абхазии.

[11] *Зиги* жили по берегу Черного моря, в непосредственном соседстве с абасками, к северу от них.

[12] Здесь нужно разуметь *Босфорское царство*, на нынешнем Таврическом полуострове, близ Босфора Кимерийского (ныне — Керченский пролив).

[13] То есть — переплыл через Черное море к Фракийскому Босфору, где находилась Византия.

ставил пресвитеров Церкви; во епископа Византии он рукоположил Стахия, о котором святой апостол Павел упоминает в послании к Римлянам (см.: Рим. 16, 9). Сам же он, подъемля в благовествовании Христовом апостольские болезни и труды, обходил Понт[1], побережье Черного моря, Скифию[2] и Херсонитов[3]. По промышлению Божию, он дошел до реки Днепра[4], в Российской стране[5], и, пристав к Киевским горам[6], остановился на ночлег. Встав поутру от сна, он сказал бывшим при нем ученикам:

— Верьте мне, что на этих горах воссияет благодать Божия; великий город будет здесь, и Господь воздвигнет там много церквей и просветит святым крещением всю Российскую землю.

Взойдя на горы, святой благословил их и водрузил крест, предвозвещая принятие народом, обитавшим здесь, веры от своей апостольской кафедры, основанной в Византии[7]. Пройдя и вышележащие российские города, — где расположен ныне Великий Новгород[8], — посетив еще и Рим, он возвратился в греческую страну Эпир[9] и снова пришел во Фракию, утверждая христиан и поставляя им епископов и наставников. Пройдя многие страны, он достиг Пелопоннеса[10] и, войдя в ахайский город, по имени Патры[11], остановился у одного по-

[1] При Нероне (в I веке) Понт был обращен в римскую провинцию и разделен на три части: Галатийский, Полемонийский и Каппадокийский.

[2] *Скифией* назывались земли, лежавшие частью на юг теперешней России, частью вокруг Каспийского моря. Точные границы Скифии на севере и востоке были неизвестны древним.

[3] Наименование *Херсонес* прилагалось в древности ко многим местам. Здесь нужно разуметь народы, населявшие *Таврический Херсонес* (нынешний Крым).

[4] Протекает по югу теперешней России и впадает в Черное море.

[5] Это — позднейшее наименование, происшедшее от славянского племени Русь.

[6] Поднялся вверх по Днепру до некоторого гористого места, на котором потом возник город Киев.

[7] Пророчество это исполнилось: русские приняли крещение от греков и просвещены были церковными учителями, присланными из Константинополя.

[8] Один из древнейших русских городов, на реке Волхове. Указывается предел движения апостола на север от Киева.

[9] *Эпир* — греческая область по берегу Ионического моря, простиравшаяся на восток от горной цепи Пинда.

[10] Нынешняя *Морея*, соединяющаяся с Балканским полуостровом Коринфским перешейком.

[11] Иначе *Патрас* — город при входе в Коринфский залив.

чтенного мужа, по имени Сосия; он восставил его с одра болезни и после того обратил ко Христу весь этот город Патры. В то же время уверовала во Христа и жена местного правителя Егеата Антипата, по имени Максимилла, освободившись от тяжких оков недуга и получив скорое исцеление. И мудрый Стратоклий, брат Антипатов, и многие иные, одержимые различными недугами, выздоровели через возложения рук апостола. Тогда Егеат Антипат пришел в бешенство и, схватив святого апостола, пригвоздил его ко кресту, о чем пресвитеры и диаконы Ахайской страны написали так:

— Мы, все пресвитеры и диаконы Церквей Ахаии, пишем о страдании святого апостола Андрея, которое видели своими очами, всем Церквам, — которые находятся на Востоке и на Западе, на Юге и на Севере. Мир вам и всем верующим во Единого Бога, в Троице совершенного, истинного Отца нерожденного, истинного Сына рожденного, истинного Духа Святого, исходящего от Отца и почивающего на Сыне; этой вере мы научились от святого Андрея, апостола Иисуса Христа, страдание которого, непосредственно нами виденное, мы и описываем.

Егеат Антипат, придя в город Патры, начал принуждать верующих во Христа приносить жертвы идолам. Святой Андрей, зайдя ему на пути вперед, сказал:

— Тебе, судия людей, следовало бы познать своего Судию, сущего на небесах, и, познав, поклониться Ему: поклонившись же истинному Богу, следовало бы отвращаться от ложных богов.

Егеат сказал ему:

— Ты ли тот самый Андрей, который разрушает храмы богов и склоняет людей к той появившейся недавно волшебной вере, которую римские цари повелели истребить?

Святой апостол Андрей отвечал:

— Римские цари не познали того, что Сын Божий, снизойдя на землю ради спасения рода человеческого, с ясностию показал, что

эти идолы не только не боги, но — нечистые бесы, враждебные человеческому роду, которые научают людей прогневлять Бога и отвращать Его от себя, чтобы Он не слышал их. Когда же Бог, прогневавшись, отвратится от людей, тогда бесы пленяют их в порабощение себе и до тех пор обольщают их, пока души их не выйдут из тела обнаженными[1], не имея с собою ничего другого, кроме грехов своих.

Егеат сказал:

— Когда ваш Иисус проповедовал эти бабьи и пустые слова, иудеи пригвоздили Его ко кресту.

Андрей отвечал:

— О, если бы ты захотел познать таинство креста: как Создатель человеческого рода, по Своей любви к нам, добровольно претерпел страдания на кресте, потому что Он и о времени Своих страданий знал, и о тридневном Своем воскресении пророчествовал и, сидя с нами на последней вечери, возвестил о Своем предателе, говоря о будущем, как о прошедшем, и добровольно пошел на то место, на котором имел быть предан в руки иудеев.

— Удивляюсь тебе, — возразил Егеат, — что ты, будучи человеком мудрым, последуешь за Тем, Кого исповедуешь распятым на кресте — все равно каким образом: добровольно или невольно[2].

Апостол отвечал:

— Велико таинство креста, — и если ты хочешь слышать, я скажу тебе.

— Это — не таинство, но казнь злодеев, — возразил Егеат.

Святый Андрей отвечал:

— Эта казнь — тайна человеческого обновления, только благоволи терпеливо выслушать меня.

— Выслушаю тебя терпеливо, — сказал судия, — но если ты не сделаешь того, что я приказываю, то понесешь на себе ту же тайну креста[3].

Апостол на это отвечал:

— Если бы я боялся крестной казни, то никогда не славил бы креста.

---

[1] Не имеющими за собой добрых дел.

[2] Казнь через распятие считалась самой позорной; ей подвергались только рабы и вообще самые презренные и преступные люди.

[3] То есть — будешь распят.

Егеат сказал:

— Как ты хвалишь крест по безумию своему, так не боишься смерти — по дерзости.

Апостол отвечал:

— Не боюсь смерти не по дерзости, но по вере, ибо *честна смерть преподобных*[1], для *грешников* же *смерть люта* (слав. Пс. 33, 32). Я хочу, чтобы ты выслушал, что я скажу о тайне креста, и познав истину, уверовал; уверовав же, обрел свою душу[2].

Егеат сказал:

— Обретают[3] то, что погибло[4]. Неужели моя душа погибла, что ты велишь обрести ее верою, не знаю — какою?

Святой Андрей отвечал:

— Это — то, чему ты мог бы научиться от меня; я покажу тебе, в чем погибель человеческих душ, чтобы ты мог познать спасение их, совершившееся через крест. Первый человек ввел смерть через древо преступления[5], и нужно было для человеческого рода, чтобы смерть была уничтожена через древо страдания[6]. И как первый человек, введший через древо преступления смерть, был создан из чистой земли, так надлежало, чтобы от чистой Девы родился Христос, совершенный человек, Который есть вместе и Сын Божий, создавший первого человека, — чтобы Он возвратил вновь вечную жизнь, потерянную всеми людьми: и как первый человек согрешил, протянув к древу познания добра и зла руки, так для спасения людей надлежало, чтобы Сын Божий простер на кресте Свои руки за невоздержание человеческих рук и за сладкую пищу от запрещенного древа вкусил горькой желчи[7].

---

[1] То есть — людей праведных, угодивших Богу (см.: слав. Пс. 115, 6).

[2] Иначе — спасение душевное. Образ речи заимствован из Мф. 16, 25–26.

[3] Находят.

[4] Потеряно, пропало.

[5] Разумеется древо познания добра и зла (см.: Быт. 2, 16–17); называется оно так потому, что, вкусив от запрещенных Богом плодов этого дерева, человек совершил преступление.

[6] Разумеется древо крестное, на котором Христос пострадал и умер, *смертию* (Своею) *смерть поправ*.

[7] Сок одного растения, чрезвычайно горький на вкус и производящий одуряющее действие. Желчь, смешанную с уксусом, во исполнение пророчества (см.: Пс. 68, 22), давали пить распятому на кресте Господу (см.: Мф. 27, 34–48).

Егеат сказал на это:

— Говори эти речи тем, которые станут слушать тебя. Если же ты не послушаешься моего повеления и если не захочешь принести жертвы богам, то, избив палками, я распну тебя на кресте, который ты прославляешь.

Андрей отвечал:

— Я каждый день приношу Единому, истинному и Всесильному Богу не дым кадила, не мясо волов, не кровь козлов, но непорочного Агнца, принесенного в жертву на алтаре крестном. Все верующие люди причащаются Его пречистого Тела и вкушают Кровь Его, однако Этот Агнец пребывает целым и живым, хотя и истинно закалается; истинно вкушают все Его Плоть и пьют Его Кровь, — однако, как говорю, Он всегда пребывает целым, непорочным и живым.

Егеат сказал:

— Как это может быть?

Андрей отвечал:

— Если хочешь узнать, будь учеником, чтобы научиться тому, о чем спрашиваешь.

Егеат сказал:

— Я выпытаю у тебя это учение муками.

Апостол отвечал:

— Удивляюсь я тому, что ты, будучи человеком мудрым, говоришь — как бессмысленный, ибо можешь ли узнать от меня тайны Божии, испытывая через мучения? Ты слышал о таинстве креста, слышал и о таинстве жертвы. Если уверуешь, что Христос, Сын Божий, распятый иудеями, есть истинный Бог, то я раскрою тебе, как Он, будучи умерщвлен, живет, и как, будучи принесен в жертву и вкушаем, пребывает целым во Царствии Своем.

Егеат сказал:

— Если Он умерщвлен и, как ты говоришь, употреблен людьми в пищу, то — как же Он может быть живым и целым?

— Если будешь веровать всем своим сердцем, — отвечал апостол, — то можешь уразуметь эту тайну; если же не уверуешь, то никогда не постигнешь этой тайны.

Тогда Егеат, разгневавшись, повелел бросить апостола в темницу.

Когда святой был ввергнут в темницу, к нему собралось из всей той страны много народу, который хотел убить Егеата, Андрея же освободить из темницы. Но святой апостол удержал их, вразумляя и говоря:

— Не превращайте мира Господа нашего Иисуса Христа в диавольский мятеж; ибо Господь наш, будучи предан на смерть, показал всякое терпение, не прекословил, не вопиял, и не было слышно на улицах гласа Его; поэтому и вы молчите и будьте спокойны. Не только не делайте препятствий моему мученичеству, но сами, как добрые подвижники и воины Христовы, приготовляйтесь к тому, чтобы терпеливо понести на своем теле всевозможные истязания и раны. Если и нужно бояться страха, то — только того, который не имеет конца[1], устрашения же и угрозы человеческие — подобны дыму: явившись, они внезапно исчезают. И если бояться страданий, то надлежит бояться — тех, которые начинаются с тем, чтобы никогда не иметь конца[2]. Временные же страдания, если они незначительны, переносятся легко; если же они велики, то скоро, изгнав из тела душу, сами окончатся. Но люты те страдания, которые вечны. Поэтому будьте готовы к тому, чтобы через временные скорби перейти к вечной радости, где будете веселиться, всегда процветать и всегда царствовать со Христом.

Поучая так людей, святой Андрей провел всю ночь. Поутру Егеат Антипат сел на судилище; послав, он призвал к себе святого Андрея и сказал ему:

— Решился ли ты оставить безумие и не проповедовать Христа, чтобы мог веселиться с нами в этой жизни, ибо великое безумие в том, чтобы добровольно идти на мучения и огонь?

Святой отвечал:

— Веселиться с тобой я буду в состоянии, когда ты уверуешь во Христа и отвергнешь идолов, ибо Христос послал меня в эту страну, в которой я немало приобрел Ему людей.

Егеат сказал:

— Я принуждаю тебя к жертвам для того, чтобы обольщенные тобою оставили суету твоего учения и принесли угодные богам

---

[1] Осуждения на страшном суде.

[2] Вечных мучений грешников в аду.

жертвы, ибо нет города в Ахаии, в котором бы не опустели храмы богов; поэтому теперь нужно, чтобы через тебя честь их была восстановлена, — чтобы те, которые тобою прогневаны, тобою же были умолены, чтобы и самому тебе пребыть с нами в дружеской любви. Если же — нет, то за бесчестие их ты примешь различные мучения и будешь повешен на кресте, который ты прославляешь.

Святой Андрей отвечал на это:

— Послушай, сын смерти и солома, уготованная вечному огню, послушай меня, слугу Господня и апостола Иисуса Христа! До сих пор я беседовал с тобой кротко, желая научить тебя святой вере, чтобы ты, как имеющий разум, познал истину и, отвергнув идолов, поклонился живущему на небесах Богу. Но так как ты пребываешь в своем бесстыдстве и думаешь, что я боюсь твоих мучений, то изобрети против меня мучения самые тяжкие, какие знаешь, ибо тем угоднее я буду Царю моему, чем более тяжкие претерплю за Него мучения.

Тогда Егеат повелел растянуть его и бить. И когда бьющие его сменились, по трое, семь раз, святой был поднят и приведен к судие.

Судия сказал ему:

— Послушай меня, Андрей, и не проливай понапрасну своей крови, ибо, если не послушаешь меня, то распну тебя на кресте.

Святой Андрей отвечал:

— Я — раб креста Христова и желаю крестной смерти. Ты же можешь избежать вечного мучения, если, испытав мое терпение, уверуешь во Христа, ибо я печалюсь о твоей погибели более, чем о своих страданиях: страдания мои окончатся в один, много — в два дня, твои же мучения и после тысячи лет не будут иметь конца; поэтому, не приумножай себе мучений и не распаляй для себя вечного огня.

Разгневанный Егеат повелел распять святого Андрея на кресте, привязав ему руки и ноги: ибо он не хотел прибить его гвоздями, чтобы он не умер в скором времени и, вися привязанным, принял больше мучений.

Когда слуги мучителя вели его на распятие, собрался народ, восклицая:

— В чем согрешил человек праведный и друг Божий, за что его ведут на распятие?

Андрей же умолял народ, чтобы он не делал препятствий страданию его, и шел на мучения с веселием, не переставая учить. Когда он пришел на место, где имел быть распятым, то, издалека увидев приготовленный для него крест, воскликнул громким голосом:

— Радуйся, крест, освященный Христовою плотию и украшенный членами Его, как маргаритами! Пока не был распят на тебе Господь, страшен ты был для людей, теперь же тебя любят и с желанием принимают, ибо верующие знают, какое ты заключаешь в себе веселие и какое уготовано за тебя воздаяние. С дерзновением и радостию я иду к тебе, ты же прими меня с веселием, ибо я — ученик Того, Который был повешен на тебе. Прими меня, так как я всегда любил и желал обнять тебя, о честной крест, получивший от членов Господних красоту и славное украшение, издавна желанный, горячо любимый, которого я непрестанно искал. Возьми меня из среды людей и отдай меня моему Учителю, чтобы через тебя принял меня Тот, Который искупил меня тобою.

Говоря это, он снимал с себя одежды и отдавал их мучителям. Они подняли его на крест, привязав руки и ноги веревками, распяли и повесили. Вокруг него стояло множество народа, около двадцати тысяч; между ними был и брат Егеата, по имени Стратоклий, который восклицал вместе с народом:

— Несправедливо страдает так святой муж!

Святой же Андрей укреплял веровавших во Христа и убеждал их терпеть временные мучения, уча, что никакое мучение ничего не стоит в сравнении с имеющим быть за него воздаянием.

Потом весь народ пошел к дому Егеата, восклицая и говоря:

— Не до́лжно так страдать человеку святому, честному, учителю доброму, благонравному, кроткому и премудрому, но до́лжно снять его со креста, ибо он, вися второй день на кресте, не перестает учить правде.

Тогда Егеат, убоявшись народа, тотчас пошел с ними, чтобы снять Андрея со креста. Андрей, увидев Егеата, сказал:

— Зачем пришел ты, Егеат? Если хочешь уверовать во Христа, то откроется тебе, как я обещал, дверь благодати. Если же ты пришел только для того, чтобы снять меня со креста, то я не желаю, пока жив, быть снятым со креста, ибо я уже вижу моего Царя, уже покло-

няюсь Ему, уже стою перед Ним, но страдаю за тебя, потому что тебя ожидает уготованная тебе вечная погибель. Позаботься о себе, пока можешь, — чтобы не захотелось тебе начинать[1] тогда, когда будешь уже не в силах.

Когда слуги хотели отвязать его от креста, то не могли прикоснуться к нему; множество и других людей, одни за другими, старались отвязать его, однако не могли, потому что руки их приходили в омертвение. После этого святой Андрей воскликнул громким голосом:

— Господи Иисусе Христе! Не попусти мне быть снятым со креста, на котором я повешен за имя Твое, но приими меня, Учитель мой, Которого я возлюбил, Которого я познал, Которого исповедую, Которого желаю видеть, через Которого я стал тем, что есмь! Господи Иисусе Христе, приими дух мой с миром, ибо время уже мне прийти к Тебе и зреть Тебя, так сильно желаемого мною! Приими меня, Учитель Благий, и не ранее повели мне быть сняту со креста, как примешь дух мой!

Когда он говорил это, его осиял свет с неба, как молния, на виду у всех, и блистал вокруг него, — так что для тленного человеческого ока невозможно было смотреть на него. Этот небесный свет сиял вокруг него с полчаса, и когда свет отступил, святой апостол испустил дух и отошел в блистаниях света, чтобы предстать Господу. Веровавшая во Христа Максимилла, женщина знатного происхождения, целомудренной и святой жизни, узнав, что святой Андрей отошел ко Господу, сняла с великою честию тело его и, помазав драгоценными ароматами, положила его в своем гробе, в котором имела быть похоронена сама. Егеат, разгневавшись на народ, замышлял отмстить ему и открыто казнить восставших на него, Максимиллу же он хотел оклеветать пред царем. Когда он помышлял об этом, внезапно напал на него бес, и, мучимый им, Егеат умер посреди города. Когда сообщили об этом его брату Стратоклию, веровавшему во Христа, тот повелел предать его погребению, сам же не искал ничего из имений его, говоря:

— Не дай мне, Господи мой Иисусе Христе, чтобы я прикоснулся к чему-либо из сокровищ моего брата, чтобы не оскверниться гре-

[1] То есть — обращение ко Христу; когда будешь не в силах — перед самой смертью, при наступлении смерти.

хом его, ибо он, любя суетное имущество, осмелился умертвить апостола Господня.

Это было в последний день ноября, в Ахаии, в городе Патры, — где до сих пор, по молитвам апостола, подаются людям многие благодеяния. Страх был на всех, и не было никого, кто не веровал бы в Спасителя нашего Бога, хотящего всех спасти и привести в познание истины[1], Которому слава во веки веков, аминь.

По прошествии многих лет, мощи этого святого апостола Андрея были принесены мучеником Артемием в Константинополь, по повелению великого царя Константина[2], и положены вместе со святым евангелистом Лукою и со святым Тимофеем, учеником святого апостола Павла, в пресветлом апостольском храме, внутри священного жертвенника.

Молитвами апостола твоего, Христе Боже, верных Своих в Православии утверди и спаси нас. Аминь.

Похвальное слово
СВЯТОМУ АПОСТОЛУ АНДРЕЮ ПЕРВОЗВАННОМУ
святого Иоанна Златоустого

Крепка сеть апостольского ловления[3], дивна память Андрея и дивно воспоминание сети, которую он употребил для ловления и для привлечения народов ко Христовой вере. Ибо невод, каким пользовались эти бессмертные мертвецы, никогда не может быть прорван забвением. Не придут со временем в ветхость те орудия ловли, которые соделаны не человеческим искусством, но Божиею благодатию. Хотя сами рыбари и ушли от нас, однако орудия, какими они пользовались, или невод, которым охватили самый мир, никогда не приходили в ветхость. Когда они забрасывают и вытаскивают сеть, то бывают невидимыми, однако сети их оказываются

[1] Выражение заимствовано из 1 Тим. 2, 4.

[2] Разумеется святой *Константин Великий* (324–357 гг.), впервые сделавший христианство господствующей верой в Римской империи.

[3] Под *ловлением* разумеется привлечение святыми апостолами людей к вере во Христа.

полны. Не трость они взяли[1], которая тлеет от времени, не льняные нитки, сгнивающие от ветхости, погрузили они в воду. Не крючок сделали они, который съедает ржавчина, не пищу[2] они положили на крючок, которою могли бы уловлять рыб. Не на камне они сидели[3], к которому прикасаются воды, не в лодке, которую разбивает волнение, они плыли. Не рыб, естество неразумное, они уловили; но как дивно то искусство, которое они употребили, так и орудия их были новы и необыкновенны. Ибо вместо трости они употребляют проповедь, вместо лесы — память, вместо крючка — силы[4], вместо приманки — чудеса, вместо камня — небеса, с которых они производят такую ловлю; вместо лодки у них — алтарь, вместо рыб они уловляют и самих царей, вместо невода распространяют Евангелие; вместо искусства они прилагают Божественную благодать; вместо моря они управляют человеческою жизнию; вместо сети они привыкли пользоваться крестом, как каким-либо неводом.

И кто видел когда-либо, чтобы мертвые рыбари уловляли живых людей, как рыб? О великая сила Распятого! О высочайшая красота Божественного достоинства! Ничего не может быть в жизни такого, как высота апостольской благодати. Человеческая жизнь видела много поистине дивного и превышающего разум; ибо видела пролитую кровь вопиющую, и убийство, говорящее без языка, и естество, разделившееся, по зависти, с собою[5], видела брата, причиняющего смерть единоутробному брату, и дверь смерти, открытую через язву зависти. Видела этот ковчег Ноя непогруженным во время потопа мира и погибель человеческого рода. Видела старца, вооружившегося, по вере, против своей утробы, то есть сына, и того, который не был умерщвлен, — приносимого как бы в жертву[6]. Видела благо-

[1] Под *тростью* здесь нужно разуметь удилище.

[2] *Пища* — приманка, надеваемая на крючок при ужении рыбы (червь, насекомое, кусочек хлеба и тому подобное).

[3] Рыболов с удочкой садится обыкновенно на каком-нибудь камне, на берегу реки, близ воды.

[4] Благодатные дары.

[5] Восставшее против самого себя — образ речи заимствован из Мф. 12, 25–26. Здесь разумеется убиение Каином своего брата Авеля по зависти (см.: Быт. 4); в братоубийстве человеческая природа совершила преступление против самой себя.

[6] Разумеется подвиг веры Авраама — принесение им, по слову Божию, в жертву своего сына Исаака (см.: Быт. 22).

словение, полученное через кражу[1], и борьбу Создателя Бога с рабом[2]. Видела зависть, возникшую между братьями[3], и рабство, исходатайствовавшее царство[4]. Видела приготовленный через сновидения престол[5] и предателей брата, привлеченных голодом[6]. Видела жезл, творящий чудеса[7], и купину, покрытую огнем, как росой[8]. Видела законодателя Моисея, повелевающего стихиями[9]. Видела воды, сделанные твердыми подобно камню, глубокое море — обнаженным, путь — внезапно приготовленным[10] и столп облачный днем, огненный ночью, дарованный в вожди для множества людей[11]. Видела жезл, прозябший без земли[12]. Видела манну, вместо хлеба ниспосылаемую с неба[13]. Видела солнце, остановленное человеческою молитвою, как бы некоторою уздою[14], и зачатие пророка, испрошенное молитвами неплодной[15]. Видела горсть муки, которая была больше

[1] Разумеется благословение первенства, принадлежавшее по рождению Исаву, но полученное, при посредстве обмана, Иаковом (см.: Быт. 27).

[2] Разумеется явление Бога патриарху Иакову в виде Таинственного Борца, для ободрения его ввиду предстоящей встречи с братом Исавом (см.: Быт. 32, 24–32).

[3] Разумеется зависть к Иосифу старших братьев его из-за преимущественной любви к нему отца (см.: Быт. 37, 4 и далее).

[4] Разумеется пребывание Иосифа в Египетском рабстве, в конце которого он возвысился до звания высшего царедворца — первого, после фараона, лица в царстве (см.: Быт. 39–41).

[5] Иосиф возвысился в Египте через истолкование, по особому откровению Божию, снов фараона (см.: Быт. 41).

[6] Братья Иосифа приходили в Египет из земли Ханаанской, для покупки хлеба (см.: Быт. 42, 43).

[7] Жезл Моисея, который, особой силой Божией, то обращался в змия, то возвращался к прежнему виду (см.: Исх. 4, 1–5).

[8] *Купина* — терновый куст (см.: Исх. 3, 2).

[9] Разумеются казни египетские (см.: Исх. 7–12).

[10] Разумеется чудесный переход евреев через Чермное море (см.: Исх. 14).

[11] Столп огненный и облачный, шедший впереди евреев во время их странствования, указывал им путь (см.: Исх. 13, 21–22).

[12] Жезл Аарона, чудесно прозябший в скинии в одну ночь, в знак Богоучрежденности священства Аарона (см.: Чис. 17).

[13] См.: Исх. 16.

[14] Молитвой Иисуса Навина, желавшего удлинить день для окончательного поражения хананеев (см.: Нав. 10).

[15] Зачатие пророка Самуила (Самуил означает «испрошенный у Бога») по молитвам бесплодной ранее его матери Анны (см.: 1 Цар. 1).

житниц, и кувшин елея, который был обильнее источников[1]. Видела колесницу, носимую на воздухе, и пророка, восхищаемого (на ней)[2]. Видела потом, что кости мертвого были врачевством для жизни[3]. — Жизнь человеческая видела много такого великого и удивительного; но то миновало, как трава, и угасло, как светильник при восходе солнца. Никогда не было ничего такого, каковы были апостолы. Они, будучи служителями Божия Слова[4], имели общение с воплощенным Тем, Кто, как Бог, не имеет образа[5]. Они последовали за ходящим Тем, Кто вездесущ[6]. Возлежали вместе с Тем, Кто не вмещается никаким местом. Слышали голос Того, Кто сотворил словом все (см.: Ин. 1, 3; Пс. 32, 6). Они обняли языком, как бы некоторым неводом, самый мир. Они обошли во время своих путешествий концы земного круга. Они искоренили заблуждения — как куколь[7], порубили капища[8] — как какое-нибудь терние, истребили идолов — как диких зверей, прогнали демонов — как волков. Они соединили Церковь — как некоторое стадо, собрали православных — как пшеницу. Они исторгли ереси — как плевелы, иссушили жидовство — как траву, греческие изваяния пожгли огнем — как какие-либо растения. Они возделали человеческую природу крестом — как плугом, и посеяли слово Божие — как некоторое семя. Наконец, все их действия просияли как некоторые звезды. Поэтому, Господь ясно сказал им: *Вы — свет миру* (Мф. 5, 14). Ибо восток для человека христианина — Тот, Кто родился от Девы. Утро для него — Тот, Кто поло-

---

[1] У Сарептской вдовицы, по слову пророка Илии (см.: 3 Цар. 17, 10–16).

[2] Разумеется взятие пророка Илии в огненной колеснице от земли живым (см.: 4 Цар. 2).

[3] Разумеется воскресение мертвеца через прикосновение к костям умершего ранее пророка Елисея (см.: 4 Цар. 13, 20–21).

[4] Так называется в Святом Писании Иисус Христос (см.: Ин. 1, 1–14; Откр. 19, 13; Ин. 5, 7). Основание такого наименования главным образом в том, что Иисус Христос сказал людям волю Божию (см.: Ин. 15, 16).

[5] То есть — с Иисусом Христом, Божественная природа Которого непостижима и неизобразима.

[6] По Божеству.

[7] Сорная трава, встречающаяся на окраинах полей и между хлебными растениями (см.: Иов. 31, 40).

[8] *Капищами* назывались собственно языческие храмы, где стояли идолы. Но так как язычники любили строить их в тенистых рощах и лесах, то здесь ближайшим образом разумеются эти священные рощи.

жил начало крещению. Сияние — благодать распятого Христа. Лучи — эти предивные языки[1]. День — этот будущий век. Полуденное время — то, в которое Господь был на самом кресте. Запад — пребывание во гробе. Вечер — эта кратковременная смерть. Сияние солнца — воскресение из мертвых. «Вы свет миру», — сказал Он. Смотри на эти звезды и ужаснись сиянию их. Поэтому, воспоминаемый ныне Андрей, когда нашел Господа всех как некоторое сокровище света, восклицал, обращаясь к своему брату Петру:

— Мы нашли Мессию.

О превосходство братней любви! О, противообращение порядка! — Андрей после Петра родился в жизнь и первый привел Петра к Евангелию, и — как уловил его: «Мы нашли, — сказал, — Мессию». От радости это было сказано, это было соединенное с веселием благовестие о найденном предмете. «Мы нашли, сказал, это сокровище: избегай, Петр, нищеты обрезания[2], освободись от разодранных рубищ закона[3], свергни с себя иго письмени[4], сочти это за нечто незначительное, пренебреги настоящим — как сновидением и возгнушайся Вифсаиды — как некоторого дурного и отверженного места. Оставь сеть — как орудие нищеты, лодку — как обиталище во время потопа, рыбную ловлю — как ремесло, подлежащее морскому волнению, рыб — как товар для чревоугодия, народ иудейский — как превозношение перед Богом, Каиафу — как отца лукавого сборища. Мы нашли Мессию, Которого предвозвестили пророки, Которого закон провозгласил нам своим учением, как некоторою трубою. Мы нашли сокровище закона. Избегай, Петр, глада пись-

---

[1] То есть — воссиявшие над апостолами в день святой Пятидесятницы (см.: Деян. 2).

[2] То есть — помни, что ветхозаветное обрезание само по себе не может дать спасения человеку.

[3] *Рубища закона* — ветхозаветный закон, изветшавший с пришествием Христа, то есть утративший прежнее значение.

[4] *Иго письмени* — то есть постановления и предписания закона Моисеева, представляющие собой тяжелое иго для человека, в особенности — потому, что закон не давал ему никаких благодатных сил для исполнения их, подобно тому как, например, такие силы подаются в христианстве (см.: 2 Пет. 1, 3), называемом, поэтому, игом благим и бременем легким (см.: Мф. 11, 30). При такой тяжести ига писанного закона он, однако, не давал человеку радостного сознания спасения через него, не удовлетворял духовного глада человека (почему далее и говорится о *гладе письмени*).

мен: мы нашли Мессию, Которого из древности предызобразили знамения[1], Которого Михей видел на престоле славы (см.: Мих. 4, 1–3), Которого Исаия зрел на Серафимах (см.: Ис. 6, 1–3), Которого Иезекииль видел на Херувимах (см.: Иез. 1), Которого Даниил зрел на облаках (см.: Дан. 7, 13–14), Которого Навуходоносор видел в той печи (см.: Дан. 3, 92), Которого Авраам принял в шатер, Которого Иаков не отпустил, прежде чем не получил от Него благословения (см.: Быт. 32, 24–32), Которого Моисей на камне видел сзади[2] — Этого мы нашли, безначально рожденного и явившегося в последние дни[3]. О, великое сокровище, полнота которого не может быть исчерпана! Это — богатства, не подлежащие законам вещества, существо которых не знает начала и самое нахождение которых — ново. «Мы нашли Мессию, что значит: Христос». Много христов[4], но все они — смертные. Авраам был христос, но истлел во гробе; Исаак был также христос, но кости его лежат во гробе. Иаков был христос, но — смертный. И Моисей был христос, но был погребен, — в каком месте, не знаем. Подобно этому и Давид был христос, но все они были добычею смерти, все — пленниками смерти. Один Христос — истинно по природе Бог, но Который, по Своему милосердию к людям, запечатлел Своим исхождением девическое чрево, как некоторой печатью, и этих рыбарей сотворил источниками Своих исцелений. Его есть держава, царство, слава и поклонение, с непорочным и единосущным, того же существа, Отцом и Святым Духом, ныне и всегда, и во веки веков, аминь.

---

[1] Разумеются ветхозаветные прообразы, с большей или меньшей ясностью указывавшие на Христа, например, принесение Авраамом Исаака в жертву, явление Моисею неопалимой купины, пасхальный агнец, столп облачный и огненный, манна, прозябший жезл Аарона, медный змий, трехдневное пребывание пророка Ионы во чреве китовом и тому подобное.

[2] Моисей пожелал видеть славу Божию. Но Господь сказал ему, что он не может видеть лица Божия; затем поставил его в расселине скалы, покрыв пророка десницей Своею, и, когда прошел мимо, отнял ее; и Моисей увидел Его сзади (слав. *задняя Божия*), то есть — увидел Бога под каким-либо внешним образом или символом (см.: Исх. 33, 18–23 и далее).

[3] Обычное в Ветхом Завете обозначение времени пришествия Иисуса Христа (см.: Чис. 24, 14; Исх. 2, 2; Мих. 4, 1 и многое другое).

[4] Слово *христос* употреблено здесь в общем смысле лица *помазанного*, то есть призванного Богом к особому служению.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО **ФРУМЕНТИЯ**, архиепископа Индийского

В конце царствования Константина Великого один любознательный тирский купец — христианин, по имени Мéропий, отправился путешествовать в Индию[1] и другие страны по берегам Чермного моря. У Меропия были два племянника: Фрументий и Едессий, которых он взял с собою, желая познакомить и этих юношей с неизвестными им странами, иной природой, нравами и обычаями других народов.

Когда они плыли по морю, то неблагоприятным ветром и сильным волнением корабль их прибило к Эфиопии, населенной дикими варварами, которые и захватили в плен путешественников. Одних они убили, других потопили в море. Сам Меропий был убит, а его племянники Фрументий и Едессий оставлены были в живых и отправлены в город Авксум, в дар царю Эфиопскому. Царю понравились оба юноши, и он пожелал оставить их при дворе своем. По приказанию царскому, для обучения юношей были приставлены особые надзиратели и учители, с тем, чтобы, после обучения, юношам можно было дать должности при дворе.

Будучи с детских лет просвещены Христовой верой, Фрументий и Едессий быстро возвысились по уму и образованию пред всеми, окружавшими царя, и вскоре сделались лицами сильными и влиятельными при дворе его.

Еще большей чести они удостоились, по смерти царя, когда на престол Эфиопии вступил его малолетний сын Айзан. В воспитатели Айзана был избран Фрументий. Тогда Фрументий вместе с братом Едессием, имея большее влияние на всю страну, могли свободно исповедовать свою веру. В то время завязали торговые сношения

---

[1] Под *Индией* здесь разумеются вообще страны, лежащие по берегам Чермного моря и Индийского океана. Под этим общим названием разумелись: Ефиопская, Арабская и Браминская Индия. Поэтому в Прологе святой Фрументий назван архиепископом Индийским, будучи просветителем Индии, собственно Эфиопской, расположенной на юг от Египта.

с Эфиопией некоторые римские и греческие купцы, по большей части — христиане. Едессий и Фрументий знакомились с приезжавшими по торговым делам купцами и устраивали с ними богослужебные собрания, для которых они построили небольшую церковь. Вместе с тем и эфиопляне мало-помалу знакомились от Фрументия и Едессия с христианскою верою и усвояли понемногу истины христианской веры и нравственности.

Между тем Айзан вырос. Тогда Едессий и Фрументий стали просить царя отпустить их на родину. Айзан, после некоторого колебания, позволил им оставить Эфиопию. Получив позволение, Фрументий и Едессий с первым же кораблем отплыли в Грецию. Едессий, прибыв в Грецию, отправился к себе на родину, в Тир, разыскивая своих родителей, чтобы с ними уже более не разлучаться до конца дней. Но не с тем же намерением оставлял Эфиопию Фрументий. Он успел привязаться к этой стране, которая, по устроению Божию, стала его вторую родиною. Он желал пламенно, чтобы страна эта сделалась родственною ему и по вере. Поэтому Фрументий предпочел радостям родственного свидания высшую духовную радость, уневестив Христу новую церковь Абиссинскую.

Вдохновляемый такими святыми мыслями, Фрументий направился вместо Тира в Александрию, где тогда был епископом святой Афанасий Великий, ревностный поборник Церкви Христовой. Придя к святому Афанасию, Фрументий подробно рассказал ему все, что пришлось испытать ему с Едессием в Абиссинской стране, начиная с чудесного промышления о них в плену у варваров, жестоко истребивших Меропия и остальных с ними христиан. Он объяснил великому святителю, что эти варвары после уже не чуждались христиан и даже вникали в их жизнь и учение, и теперь легко могли бы быть просвещены светом Христовой истины. Для этого почва уже подготовлена и страна эта жаждет, чтобы явился сеятель. Поэтому Фрументий горячо просил святителя теперь же послать в Эфиопию епископа и клир.

Выслушав это повествование Фрументия, святой Афанасий уразумел в судьбе этих братьев дивное промышление Божие, ради обращения ко Христу эфиоплян. При этом его озарила мысль, что лучше всего поставить епископом в Эфиопию самого Фрументия,

успевшего близко изучить нравы, обычаи и язык жителей той страны и заслужившего там почтение и любовь.

Тогда блаженный Афанасий сказал Фрументию:

— Кто же среди нас лучше тебя может разогнать мглу язычества и принести туда зарю Божественного благовестия?

После этого Фрументий был рукоположен святым Афанасием во епископа и с апостольскою ревностию отправился вновь в Эфиопию просвещать язычников. Прежде всего он стал убеждать самого царя Айзана принять святое крещение. Молодой царь, привыкший пользоваться советами Фрументия и в глубине души склонный принять веру своего учителя, с сердечной верой внимал проповеди его о Воскресшем и крестился во имя Христово. За ним крестились и многие из приближенных царя. Господь удостоил этого равноапостольного угодника Своего дара чудотворений; святой Фрументий силою имени Христова исцелял бесноватых и одержимых различными недугами. А тех, которые своими мудрованиями отрицали Христово учение и не хотели верить благовестию святого Фрументия, он предавал власти сатаны, *чтобы дух был спасен*, по апостолу[1]; иных же из упорствующих поражал сухотою всего тела, а на других наводил ослепление очей. При таких внезапных грозных знамениях, происходивших по слову угодника Божия, даже упорные из язычников преклонялись пред ним и, исповедуя Христа Сына Божия, получали от Фрументия исцеление и были крещены.

Народ удивлялся силе благовестия проповедника, и сам царь невольно воскликнул:

— Сколько лет ты с нами жил, и мы не видали от тебя никакого чуда! Откуда же теперь дана такая благодать, и притом в короткое время?!

Блаженный же Фрументий отвечал на это царю и всем окружавшим и близко знавшим его:

— Не мой это дар, честные други Христовы, но дар священства от Самого Господа Христа. Уже давно я видел ваше доброе намерение и расположение к принятию Христа. Поэтому, оставив свое отечество и пренебрегая родством, я, повинуясь гласу Господню, отправился в Александрию и поведал о вашей жажде духовной самому Ве-

[1] То есть церковному отлучению (см.: 1 Кор. 5, 5).

ликому Афанасию, священноначальнику Церкви Александрийской. Он удостоил меня святого рукоположения и, просветив апостольскою благодатию, с молитвою и благословением послал к вам. Этот-то священный дар Божий, через меня, совершает среди вас, принявших с верой слово благовестия, те знамения, которые вы видите.

Положив, таким образом, начало Церкви Христовой в Эфиопии, святой Фрументий стал ревностно заботиться о внешнем и внутреннем ее благоустройстве. Он созидал по всей стране храмы для новообращенных и повсюду устроял Богослужение.

Вместе с тем он озаботился переводом Священного Писания на язык эфиопский.

После этого проповедь Евангелия распространялась в Эфиопии еще успешнее.

И так немалые годы пожил богоугодно святой Фрументий, утверждая верующих своим примером и словом в соблюдении заповедей Божиих, после чего мирно отошел ко Господу, около 360 года, оставив Церковь Эфиопскую прочно устроенною[1]. От честных мощей святителя неоскудеваемо подавались различные исцеления всем, с верою и мольбою прибегавшим к нему, во славу истинного Христа Бога нашего. Аминь.

[1] Нынешняя *Абиссиния*, составляя часть древней Эфиопии, является таким образом преемницей веры Христианской, принесенной туда святым Фрументием. Абиссинская Церковь находилась в тесной связи с Церковью Александрийской патриарху которой подчинен был Абиссинский епископ. Поэтому во время арианских смут и споров она, верная преданиям святого Афанасия Великого, оставалась православной, несмотря на то, что, приверженный к арианскому учению, император Констанций употреблял различные средства для распространения арианства среди абиссинцев. Но вследствие той же связи с Церковью Александрийской, Абиссинская Церковь, в V веке, вместе с ней уклонилась в монофизитскую ересь, во всем остальном вероучении и Богослужении оставаясь верной православному учению.

АЛФАВИТ СВЯТЫХ,

жития и память которых помещены в этой книге

* Звездочка, поставленная около имени святого, означает, что в книге помещено его изображение.

ПРАЗДНИКИ и ПАМЯТИ

Старинные меры длины и денежные единицы

Аршин — мера длины. В XVI–XVII вв. в России делился на 4 четверти и был равен 72 см; при Петре I был установлен = 16 вершкам = 71,120 см = 0,7112 м. Размер аршина в различных странах от 65,2 см до 112 см.

Верста — русская путевая мера длины. В древней русской литературе применяли поприще в том же смысле, что и верста (750 сажень). В XVIII — нач. XX вв. 1 Верста = 500 сажень = 1500 аршин = 1,06680 км.

Вершок — старая русская мера длины. В XVI – нач. XX вв. 1 вершок = 4,4450 см.

Драхма — древнегреческая весовая и денежная единица. В Древней Греции драхма являлась денежной единицей равнялась 1/100 мины, делилась на 6 оболов, 600 драхм составляли 1 талант. Вес драхмы в разных частях Греции был разным. Наиболее распространенной была аттическая драхма равная 4,25 г.

Златник — первая русская золотая монета, обращавшаяся в Киевской Руси в конце X века, масса около 4,2 г.

Золотник — старая русская мера веса (массы). В XVIII в. принято деление на 96 долей, размер остался тем же, 4,26575 г. Золотник применяли при определении пробы драгоценных металлов.

Литра — 1) Древ. сицилийская весовая ед., первонач. равна 1/240 таланта (109,15 г), позднее 1/120 таланта (218,3 г), а с IV в. до н.э. — монета. 2) Византийский фунт — 327,45 г.

Локоть — древняя единица длины. Первоначально локоть определяли как расстояние по прямой от локтевого сгиба до конца среднего (или большого) пальца вытянутой руки (либо сжатого кулака). В древние времена в Вавилоне и Египте царский локоть был равен 0,555 м, народный локоть — 0,45 м, в Сирии локоть был равен 0,370 м, в Риме — 0,4434 м. В России локоть был равен около 51 см, в XVI–XVII вв. — 48 см. В XVIII в. локоть выходит из употребления.

Миля — единица длины. В Древнем Риме милю определяли как «тысячу двойных шагов вооруженного римского воина (легионера)». Она равнялась 1481 м. В России применяли милю, равную 7 верстам или 7467,60 м.

Поприще — мера расстояния. Состояло из тысячи больших шагов, а в каждом таком шаге считается пять стоп. Локтей в поприще 2000; оно равно приблизительно 690 сажень.

Сажень — старая русская мера длины. В XI–XIII вв. сажень содержала 3 локтя и равнялось около 152 см. Это была так называемая прямая сажень, определявшаяся размахом рук человека от конца пальцев одной руки до конца пальцев другой. В XIV в. эта сажень постепенно заменяется мерной (маховой) саженью, которая равнялась 2,5 аршина или 180 см. Применяли также сажень косую (великую), равную 248 см (определялась расстоянием от пальцев ноги до конца пальцев руки, вытянутой по диагонали), и сажень без чети, равную 197 см. В XVIII в. в качестве основной выделяется казенная (косая) сажень, равная 3 аршинам или 216 см. В XVIII — нач. XX вв. 1 сажень = 3 аршинам = 2 полусажени = 48 вершков = 12 четвертям = 100 соткам = 2,13360 м.

Стадий, стадия — древнегреческая мера длины, равная приблизительно 150–190 м.

Фут (буквально — ступня) — единица длины. В России фут начали применять в XVIII в., он равнялся 1/7 сажени или 0,30480 м.

Подписано в печать 28.04.10. Формат 70×100[1]/[16].
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 49 п. л. Усл. печ. л. 63,21.
Гарнитура «Newton». Тираж 3000 экз. Заказ № 1659.

Издательство «Ковчег».
Москва, ул. Б. Ордынка, 7

Оптовая и розничная книжная торговля
Тел.: (495) 689-11-00
Санкт-Петербург: (812) 336-21-98

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов
в ОАО «Дом печати – ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122
Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36
http://www.gipp.kirov.ru
e-mail: pto@gipp.kirov.ru